

ВЛАДИСЛАВ МИНАЕВ

Операция
«ХОД
с черного
ХОДА»

ВЛАДИСЛАВ МИНАЕВ

Операция
«ХОД
с черного
ХОДА»

ПАМФЛЕТ

Издательство «Международные отношения»

Москва 1965

В этой книге рассказывается о тайных силах американского империализма и его огромном и сложном шпионско-диверсионном механизме; о том новом в области стратегии и тактики глобальной подрывной деятельности, с помощью которой империалисты США надеются подобрать ключи к «черному ходу» в страны социализма.

В книге читатель найдет также ряд литературных портретов разных политических деятелей Запада и тех, кто стоит на различных командных пунктах ведущейся империалистами против нас тайной войны.

Книга читается с большим интересом.

Второе издание

Владислав Николаевич Минаев

ОПЕРАЦИЯ «Ход с черного хода» (памфлет)

Редактор *Б. Л. Цыбулевский*. Художественный редактор *Л. М. Воронцова*. Технический редактор *Е. А. Ерхова*. Корректор *Л. Ф. Крылова*. А02944. Сдано в набор 2/III-65 г. Подписано в печать 29/III-65 г. Формат 60×90^{1/16}. Физ. печ. л. 28,75. Усл. печ. л. 28,75. Уч.-изд. л. 27,36. Тираж 100 000 экз. Св. т. п. общ. полит. л-ры 1965 г., № 1717. Зак. № 200. Цена 92 коп. Издательство «Международные отношения», Москва, И-90, 4-я Мещанская, 7. Ярославский полиграфкомбинат «Главполиграфпрома» Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Ярославль, ул. Свободы, 97.

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

„ПОСЛЕ НАС ХОТЬ ПОТОП“

...По словам Мэрилин Дэвис, она присутствовала на вечере, где на хозяине не было надето ничего, кроме носков. «Еще я была на обеде,— говорит она же,— на котором за столом присутствовал голый мужчина в маске. Маску он надел потому, что был слишком хорошо известен»...

В один из последних июньских дней 1963 года тесный и темный зал суда Мерилбон (корт, что находится по соседству со знаменитым лондонским варьете «Палладиум») был забит до отказа. Весь «высший свет» английской столицы устремился на слушание дела доктора Стивена Уорда, обвиненного в сутенерстве и во многих других грехах, перечислять которые просто неловко.

Этот бывший художник написал портреты многих знаменитостей, в том числе самого герцога Эдинбургского и других членов королевской семьи. Став врачом, Уорд лечил сэра Уинстона Черчилля и английских кинозвезд. Однако главным источником доходов этого сына священника, учившегося в Соединенных Штатах, была проституция в высших кругах британского общества. На процессе свидетельствовали пресловутая мисс Кристин Килер, манекенщица, и ее подруга Дэвис. Но, пожалуй, главной приманкой для всех желающих попасть в судебный зал было то, что на суде фигурировало имя бывшего военного министра Британии и члена «королевского совета» барона Профьюмо.

Скандал в благородном семействе английских лордов начался с пустяка. Стивен Уорд «познакомил» упомянутого министра с Кристин Килер. У Джона Профьюмо, по словам иностранных газет, было «все, чего мог бы пожелать человек». В возрасте двадцати пяти лет он стал самым молодым членом парламента, был «принят при дворе» и «пользовался благосклонностью королевы-матери». Жена барона, бывшая

киноактриса Валерия Хобсон, была «украшением лондонского общества. Они выглядели веселой и красивой парой, и судьба, казалось, улыбалась им...».

Все бы развивалось по шаблону «свит лайф» («сладкой жизни»), если бы не проницательность некоторых репортеров, рассказавших на страницах иностранных журналов о похождениях британского военного министра. Поначалу Профьюмо рассчитывал легко выпутаться из этой неприятной истории. Став в позу оскорбленной невинности, он даже возбудил судебное дело против разоблачителей. В своем выступлении в палате общин барон произнес блестящую речь о неколебимых устоях пуританской морали и начисто отмел все обвинения.

И этот не первый и, надо полагать, не последний скандал в лондонском «высшем обществе» погас бы, не разгоревшись, но события вдруг приняли совершенно неожиданный поворот. Премьер Макмиллан, игравший в гольф в Шотландии, получает письмо от Профьюмо, в котором тот заявил об отставке с поста министра и отказе от депутатского мандата... Профьюмо признался, что он лгал, обманул премьера и парламент, скрыв от них свою связь с манекенщицей Килер. Отправив премьеру письмо, Профьюмо вместе с женой погрузил в свой «ягуар» пару чемоданов, покинул Лондон и исчез с политического горизонта.

Что же, выходит, совесть заела барона и он решил покаяться? Нет! На лондонском Сент-Джеймс-стрит, в самых аристократических в Англии клубах «Будл» и «Карлтон», задолго до отставки Профьюмо поговаривали о «конфиденциальном» письме Уорда, имевшего какие-то «претензии» к барону, направленном им министру внутренних дел Генри Бруку. В нем, сообщали шепотом друг другу завсегдатаи этих клубов, была приподнята завеса над личной жизнью преуспевавшего военного министра, который встречался на квартире Уорда с Кристин Килер...

По соображениям, известным только самому министру внутренних дел, в зланные места английской столицы были направлены лучшие детективы Скотланд-Ярда с целью прояснить «поведение» Профьюмо. Спустя три дня после отставки барона детективы арестовали Уорда на улице в местечке Норд Уотфорд прямо в шлепанцах. Вечером того же дня ему предъявили обвинение в сутенерстве, то есть в существовании на доходы проституток.

В субботу 8 июня взяли Уорда, а назавтра в почти девяти-миллионном тираже газета «Ньюс оф уорлд», известный поставщик всяких сенсаций, опубликовала первую часть «Исповеди Кристин Килер».

Бизнес есть бизнес, и манекенщица в деталях описала свои альковные похождения с бывшим министром Профьюмо. Премьер примчался из родного Эрджилшайра в Лондон, где началась серия чрезвычайных заседаний правительства. На лондонской фондовой бирже резко упал курс акций, газеты стремились перещеголять друг друга в публикациях сенсационных «исключительных — только для нас» интервью с проститутками.

«Дело Профьюмо» осталось бы сугубо внутренним делом правящих кругов Англии, если бы (опять это если бы) ... премьер Макмиллан в своем выступлении в палате общин ограничился разговором на моральную тему. Но он предпочел пойти по излюбленному и протоптанному пути всех тех, кто, оказавшись в трудном положении, пытается найти выход в далеко не новых измышлениях о «руке Москвы». Не моргнув глазом, премьер поведал палате, что карьера Профьюмо рухнула из-за человеческой слабости, старой, как мир, и что в этом виноваты не чары мисс Килер, а... «интриги» Советского Союза и его представителей в Англии.

Премьер осмелился муссировать вздорную версию «об угрозе безопасности» Англии, хотя, по его собственным словам, «героиня» скандала Кристин Килер «настойчиво заявляла», что не занималась политикой. Знал Макмиллан и то, что лондонский юрист Майкл Эддоуз, направивший сначала ему письмо с утверждением, будто у Профьюмо пытались получить секретную информацию, взял накануне дебатов в палате общин назад свое заявление, о чем сообщалось в печати.

Не от хорошей жизни английский премьер-министр попытался свалить все на «интриги красных». «Дело Профьюмо» не просто очередная скандальная история в лондонском «свете». Оно яркий симптом серьезного упадка буржуазной цивилизации и морали. Об этом прямо пишут и говорят видные политические и общественные деятели страны. «...Мы переживаем сейчас один из тех периодов, который сходен с последними годами Римской империи, когда общество переживало стадии деградации», — писал в журнале «Тудэй» известный английский писатель Д. Б. Пристли.

Господствующий класс Англии, как об этом можно судить по многим фактам, погряз в разврате. Американская печать вовсю злорадствовала в связи со скандальными похождениями британского военного министра. Нравы англичан всегда интриговали и сбивали с толку иностранцев, писал журнал «Ньюсунк». В течение веков европейцы, посещавшие эту холодную, сдержанную страну, с изумлением (и часто с завистью) узнавали, что разнообразие, утонченность и изобилие

сексуальных развлечений в лондонском полусвете оставляют позади столицы континента.

Порядочность — часто вопрос стиля, солидаризируясь все-таки со своими английскими друзьями по несчастью (ведь нравы господствующей верхушки Соединенных Штатов ничем не отличаются от нравов английского «высшего света»), философски замечает журнал. Короче говоря, приходит он к выводу, Англии, возможно, грозит необходимость отказаться от знаменитой аксиомы актрисы Пат Кэмпбелл, относящейся к старому Лондону: «Здесь вы можете делать все, что угодно, до тех пор, пока вы не делаете этого на улице и не пугаете лошадей».

Девизом английских аристократов стало: «Сегодня „развлекайся, как кто может!“, а завтра „что должно случиться — пусть случится“...». Правда, британская правящая верхушка не совсем безразлична к тому, что будет завтра, когда речь идет о ней самой. За несколько месяцев до «дела Профьюмо», в апреле 1963 года, вдруг была поставлена на ноги вся английская тайная полиция. Сам Эван Джонс, шеф особого отдела Скотланд-Ярда, бросился на поиски авторов ставшего в один день знаменитым памфлета «Опасно! Государственная тайна!».

Возбуждение, которое вызвал в стране этот памфлет, было невероятным. Редакции газет получили из Скотланд-Ярда предупреждение, что информация, приведенная в нем, подпадает под действие «примечания Д» и относится к числу новостей, не подлежащих публикации «по соображениям безопасности». Тем не менее и то, что все-таки проникло в газетные столбцы, потрясло простых англичан. И вряд ли кто из последних счел, что разоблачена «военная тайна», узнав о том, в каких подземных бункерах будут прятаться члены правительства и другие высокопоставленные лица в случае ядерной войны, после того как от Британских островов останутся дымящиеся головешки!

Авторы памфлета «Опасно! Государственная тайна!» рассказали англичанам о том, что правительство Англии исходит в своей политике из неизбежности ядерной войны и активно готовится к ней. Проводимая им политика строится на предположении, что большая часть населения сгорит в огне и что правительство, видимо, считает безнадежной проблему разоружения и запрещения ядерного оружия и предпочитает вместо этого зарыться в землю, не задумываясь над тем, что станет в результате такой политики с 50 миллионами англичан!

Журналист — герой нашумевшего итальянского фильма Федерико Феллини «Сладкая жизнь» — проводит семь ночей

в обществе прожженных циников, которые только и помышляют о «сладкой жизни», состоящей из развлечений, погони за сильными ощущениями, пьяных оргий и эротики, не имеющей ничего общего с подлинным чувством. В шикарных кафе и ночных клубах на виа Венето, в салонах старинных патрицианских дворцов и в гостиных опустошенных, рафинированных интеллигентов, в толпе фанатиков, бредящих появлением мадонны, и на виллах миллиардеров вдоль древней Аппиевой дороги этот журналист созерцает унылую, нелепую жизнь, лишенную всякой цели и смысла.

Факты, описанные Феллини, целиком взяты из скандальной хроники итальянской столицы. По оценке буржуазной печати, город на семи холмах давно стал столицей семи скандалов, по одному на каждый день недели. В Риме обитает тысяч десять всяких настоящих и фальшивых князей, герцогов, маркизов, графов и баронов, которые проводят свои дни в стиле «дольче вита» («сладкой жизни»). Тут и девицы из лучших буржуазных семей, посещающие дома свиданий, и римские принцы, замешанные в спекуляциях наркотиками. Тут и оргии наркоманов, кончающиеся убийствами, и «балы насекомых» в «Опен гарден», на которые приходят все в масках с изображением голов насекомых — блох, клопов, пауков и т. д., а женщины — в декольте до самого пояса...

Появление фильма «Сладкая жизнь» вылилось в событие, характеризующее жизнь всего «высшего света» в современном капиталистическом мире. Понятие «дольче вита» сейчас все чаще произносится на многих других языках Запада. В Соединенных Штатах есть «верхние десять тысяч семей», ведущих такой же образ жизни. Не меньше их и в других западных странах. Это они скупили лучшие земельные участки на побережье Испании, Италии, Южной Франции, в горных долинах Швейцарии и воздвигли там виллы, подобные царским дворцам. Это для них создаются такие рестораны-люкс, как дюссельдорфская «дача», владелец которой решил воссоздать «роскошь русского царского двора». Там стулья обиты мехом соболя, там при желании можно пить шампанское из сосуда, представляющего точную копию царской короны...

Известная часть господствующих классов в капиталистических странах непрерывно находится в состоянии нервической прострации, нередко сопровождающейся у иных представителей этой среды прямым нарушением психики. «Сладкая жизнь» стала для них самоцелью.

Есть и такие представители буржуазной верхушки, которые во всеуслышание пропагандируют бредовую мысль о том, что лучше истребление человечества, чем победа коммунизма. Эти люди не верят в возможность победы капитализма в

мирном соревновании с социализмом и поэтому хватаются за ядерную войну как за якорь спасения. Один английский лорд даже изобрел специальную формулировку на этот счет: «Лучше быть атомизированным, чем коммунизированным!». Чудовищно, но факт.

Однако было бы ошибочным считать, что все эти кликушеские лорды и другие деятели Запада, якобы предпочитающие смерть в атомном пекле жизни при коммунизме, и впрямь лишились рассудка. Ничего подобного. Большинство из них пребывают в полном здравии, но делают ставку на устрашение Советского Союза и других социалистических стран. Они рассчитывают запугать лагерь социализма и таким путём вырвать у него уступки, заставить капитулировать перед империализмом.

Но есть видные и наиболее влиятельные деятели капитализма, считающие, что занятие политикой вовсе не зряшное дело, и все еще не рассматривающие свое положение безнадёжным. И они не сидят сложа руки.

Сальтшебаден — тихий пригород шведской столицы — любимое место летнего отдыха и купания стокгольмцев. Здесь же находится старинный «Гранд-отель», стены которого повидали многое. В конце мая 1962 года весь район этой гостиницы был вдруг оцеплен плотным полицейским кордоном. Блестятели порядка пропускали к сиявшему зеркальным блеском подъезду отеля только известные им шикарные новейших марок машины, из которых, не торопясь, выходили солидные и самоуверенные джентльмены.

Добрая половина приехавших господ были виднейшими тузами делового мира Соединенных Штатов, Канады и Европы. Среди них находились Дэвид Рокфеллер и президент Союза немецких промышленников Фриц Берг, директор Английского банка Джон Стевенс и один из руководителей англо-голландского концерна «Юнилевер» Виктор Кавендиш-Бентинг. Другую половину составляли влиятельные политические деятели капиталистического мира. Гостей встречали официальные лица.

На эту очередную, по счету одиннадцатую, встречу «бидельбергской группы» съехалось более восьмидесяти «ведущих» западных деятелей. Три дня длилась эта, как скупое оповестила пресса, «частная и неофициальная конференция группы лиц из Европы и Америки».

Главным предметом дискуссии был вопрос о необходимости «политического единства» Запада в связи с созданием «общего рынка». Казалось бы, внешнеэкономическая деятельность капиталистических стран в таком плане является

исключительно компетенцией соответствующих правительств. Известно, что Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) — это филиал НАТО, призванный облегчить проведение агрессивного курса западных стран, и в первую очередь Вашингтона и Бонна. Собравшиеся в Сальтшебадене деловые люди четко и ясно выразили волю монополий, беспрекословно принятую к исполнению официальными государственными деятелями западного блока.

По этому вопросу лестную оценку совещанию в пригороде шведской столицы дала одна из самых влиятельных газет Швеции «Стокгольмс-тиднинген»: «Редко можно увидеть такое конкретное подтверждение того, что существует и действует формально неорганизованный, но сплоченный общими интересами интернационал финансистов».

Однако что же это все-таки за «бидельбергская группа»? Свое название эта группа, состоящая из банкиров и промышленников, политиков и генералов, получила от отеля «Бидельберг» в голландском городке Арнем, где в 1954 году состоялось ее первое тайное совещание. В последующие годы, до встречи в Сальтшебадене, «бидельбергжцы» собирались десять раз.

Особую активность «бидельбергская группа» проявляла в период середины пятидесятых годов. В 1955 году «бидельбергжцы» встречались дважды: в марте в Барбизоне (под Парижем) и в сентябре в Гармиш-Партенкирхене (Западная Германия). В следующем году они встретились в Фриденсборге (Дания), а в 1957 году им понадобилось встретиться опять дважды: в феврале на острове Сен-Саймон (США) и в октябре в итальянском городе Фьюджи.

В эти годы середины двадцатого века империалистическая верхушка вначале была полна ожиданий, что вот-вот осуществляемый ею новый вариант подрывной стратегии даст свои результаты и социализм если не рухнет, то потерпит серьезное поражение. Когда же эти надежды (после ликвидации суэцкой авантюры, затеянной англо-франко-израильским блоком, и разгрома контрреволюционного путча в Венгрии) рассеялись, как дым, «бидельбергжцы» всполошились: что же делать дальше?

Следующая встреча хозяев капиталистического мира состоялась в английском городе Бакстоне в октябре 1958 года. На этом совещании была одобрена и уточнена политика Соединенных Штатов, направленная на провоцирование военного конфликта в районе прибрежных китайских островов. Участник этой встречи известный американский банкир Дж. Макклой информировал тогдашнего государственного секретаря Дж. Ф. Даллеса о «рекомендациях» совещания в

Бакстоне. Вскоре эти «пожелания» монополистов полностью получили отражение в официальной политике США.

Сентябрь 1959 года. Тайный интернационал монополистов избрал для своей новой встречи Стамбул. Затем почти полтора года ничего не было слышно о «бидельбергжцах». В октябре 1961 года в прессе промелькнуло короткое, но внушительное по смыслу сообщение о «конфиденциальной встрече деловых людей» в штаб-квартире НАТО...

В конце марта 1963 года городок Канн на французской Ривьере, широко известный как традиционное место проведения международных кинофестивалей, наводнили сотни французских полицейских в штатском. Появилась и большая группа прибывших из-за океана дюжих «туристов», в которых без труда можно было распознать американских детективов. Объектом их внимания стал фешенебельный отель «Мартинес», откуда они бесцеремонно выдворили всех его обитателей.

В городок хлынули также десятки корреспондентов и фоторепортеров, пронюхавших что-то важное. Однако некие джентльмены, тотчас обосновавшиеся в отеле, оказались ничуть не сговорчивее шпиков. Они категорически отказали представителям печати в какой-либо информации и лишь намекнули, что с 29 по 31 марта в Канне состоится встреча деловых людей на высоком уровне.

Этот покров тайны, окутавший происходящее в отеле «Мартинес», еще больше разжег репортерский ажиотаж. Хотя детективы и секретари воздвигли вокруг отеля подлинно железный занавес (а некоторые из его гостей пытались сохранить строжайшее инкогнито), корреспонденты сумели кое-что разузнать. Стало известно, что в отеле «Мартинес» собралось очередное, двенадцатое по счету, совещание «бидельбергской группы».

Побеседовать с его участниками журналистам не удалось, но имена некоторых из них все-таки установили: президент «Чейз Манхэттен бэнк» Дэвид Рокфеллер, верховный главнокомандующий объединенными силами НАТО генерал Лемнитцер, английский лорд-хранитель печати Эдвард Хит, заместитель государственного секретаря США Джордж Болл, бывший министр обороны ФРГ Штраус.

О чем же совещалось столь именитое собрание? В освещении этих вопросов наиболее удачливым оказался корреспондент агентства Рейтер. Он узнал, что в центре внимания «бидельбергжцев» были отношения между Западом и Востоком, переговоры о разоружении в Женеве, вопрос о Западном Берлине. Присутствие на встрече Лемнитцера и других руководителей НАТО свидетельствовало о том, что происходил обмен мнениями и по военным вопросам...

Долгое время капитализм не считался всерьез с освободительным движением широких масс, и его правящие круги надеялись, что этот кошмарный «призрак» не сегодня, так завтра исчезнет с политического горизонта, будет раздавлен гигантским прессом монополий. Подкупая верхушку рабочего класса и морально разлагая ее, буржуазия с ее помощью успешно подавляла революционное брожение масс.

Когда же этот «призрак» вырос в огромной мощи социальную силу и массы стали уходить из-под влияния своих обуржуазившихся лжевождей, идеологи капитализма не поняли, что это начало конца его эры. Не признав неизбежности коренных социальных преобразований и революции, буржуазия продолжала пребывать в плену неизлечимых классовых предрассудков и представлений о ее извечной господствующей роли. Приход к власти муссолини и гитлеров в значительной степени утвердил эти иллюзии.

И по сей день хватает буржуазных политиков, считающих капитализм «прочным, как гibraltarская скала», а социализм — преходящим явлением, с которым, мол, в конечном счете все же можно будет покончить с помощью тех или иных «специальных средств». В капиталистических странах еще немало деятелей, верящих, например, в силу подкупа.

Господствующие круги капитализма и реакция нередко создавали и создают различные замаскированные всякими вывесками, рассчитанными на обман масс, тайные или даже легальные организации, с помощью которых они осуществляют влияние на внешнюю и внутреннюю политику стран, подчиняют своему диктату их государственный аппарат.

Такое же ненормальное явление представляют собой интернациональные тайные контакты империалистических монополий. Именно монополии сыграли свою зловещую, руководящую роль в подготовке и развязывании обеих мировых войн. Правительства и армии противостоящих друг другу капиталистических стран воевали, народы несли огромные потери, а «деловые люди» враждовавших сторон продолжали в глубокой тайне контактировать свои действия, преследуя единственную цель — как можно больше заработать на войне.

В последнее десятилетие международное положение вступило в фазу такого развития, что монополии, стремясь оградить интересы рокфеллеров, морганов, ротшильдов, тиссенов и других миллиардеров, решение вопросов большой политики взяли в свои руки. На своих секретных встречах эти подлинные властители «свободного мира» разрабатывают конфиденциальные рекомендации правительствам по важнейшим политическим, экономическим и военным проблемам.

«Бидельбергская группа» стала постоянно действующим институтом международного содружества финансовых и промышленных магнатов. Внутри него капиталистические акулы, объединяемые ненавистью к коммунизму, пытаются найти «общий язык» за счет более слабых партнеров.

Однако все эти усилия монополий тщетны. Никто не собирается оспаривать значимость таких факторов, как наличие крупных резервов золота и крепкой валюты, но большая международная политика — это давно уже не пляска вокруг золотого тельца. «Золотой интернационал», некогда безраздельно правивший миром, вынужден теперь непрерывно отступать под мощным натиском мировой социалистической системы. Он день за днем теряет свои позиции и в такой былой твердыне, как колонии, народы которых все решительнее выступают против эксплуататоров. В свое время колонии явились важнейшим источником могущества монополистического капитала. Когда с помощью Советского Союза и других социалистических стран колонии завершат процесс своего освобождения от оков империализма, его экономической основе будет нанесен серьезный удар.

Гигантская схватка прогрессивных сил человечества с силами капитализма становится все ожесточеннее, но усилия СССР и его союзников направлены на то, чтобы эта битва не запылялась испепеляющим пламенем атомных взрывов. В этой схватке правящие круги Соединенных Штатов опираются на силы реакции во всем мире, они повсюду выискивают предателей в стане рабочего класса в безрассудной надежде, что те смогут затормозить ход истории.

Больше всего империалисты боятся потепления международной обстановки. И они используют все возможности, чтобы заморозить политический климат. Современная история знает немало примеров того, как с помощью своих разведок агрессивные империалистические круги срывали переговоры, соглашения, с которыми народы связывали большие надежды на ослабление напряженности и укрепление мира.

В то самое время, когда бывший шеф американской разведки Аллен Даллес получал 1 мая 1962 года в Нью-Йорке золотую медаль за «преданность христианским идеалам», шпионский самолет «У-2» вторгся в воздушное пространство Советского Союза.

Каждый раз, как только на очередь дня становится задача достижения какой-либо договоренности между Западом и Востоком, тотчас начинают действовать империалистические разведки и охранки. Одним из таких периодически осуществляемых мероприятий являются шумливые кампании об «иностранных шпионах». Время от времени монополистическая

пресса ошарашивает читателей «разоблачениями» о «тайнственных исчезновениях» каких-то лиц, о каких-то похищенных «секретах» и т. д., и т. п. И чем глупее эти небылицы, тем охотнее раздувает их падкая до сенсаций буржуазная печать.

Все эти приступы шпиономании используются для новых попыток запугать общественность капиталистических стран так называемой «советской угрозой», как-то оправдать гонку вооружений, проводимую США и их партнерами по НАТО. В такой обстановке легче разыгрывать дешевые спектакли, призванные внушать американскому и западноевропейскому обывателю, что, дескать, ему угрожают какие-то «иностранные заговорщики».

В атмосфере шпиономании быстрее распускаются ростки фашизма, и в результате тень Маккарти усилиями определенных кругов западных стран снова витает над Вашингтоном, Лондоном и другими столицами. В этих условиях быстро множатся всякие антисоветские, шпионские, диверсионно-террористические и идеологические подрывные организации.

Расширяя с каждым днем фронт тайной войны, особенно усиливая психологические диверсии, делая ставку на устрашение всеми возможными способами и террористическое подавление все нарастающей активности прогрессивных сил, капитализм питает эфемерную надежду нанести удар торжествующему социализму с «черного хода».

Что можно сказать по поводу такого рода целей?

Для истории последних четырех десятилетий является типичным, что класс эксплуататоров, идущий к своему банкротству и распаду, ставит перед собой цели, достичь которые исторически уже невозможно. Этот класс даже не сознает своей неспособности постигнуть смысл величайших социально-политических явлений современности. А поскольку историческое развитие неумолимо идет по пути, противоречащему ее классовым интересам, монополистическая верхушка выдвигает все более нелепые и безрассудные задачи. В отчаянном стремлении решить эти задачи она пренебрегает границей, отделяющей миф от действительности, фактически возможное от абсурдного.

ПОД КРЫШЕЙ НЬЮ-ЙОРКСКОГО НЕБОСКРЕБА

— Так вот, Робби, будучи как-то проездом в Копенгагене, я побывал на выступлениях знаменитого иллюзиониста Эделянга. Большой мастер! Его номера называют «замкнутым кругом», сквозь который не в состоянии проникнуть человеческая мысль. Один его трюк мне особенно запомнился: он выпустил из рук трех бабочек, которые стали летать, не выходя

за пределы сцены, и затем сели на букет цветов. Почти мгновенно из него появились сотни им подобных разноцветных мотыльков... Вот именно по этому принципу — мгновенного эффекта — и мы должны строить всю нашу деятельность по собиранию сил для борьбы с красными повсюду на нашей планете... В каждой стране достаточно двух-трех супермэнов, которым мы даем все необходимое, а их уж дело, соперничая друг с другом, вызывать к жизни мощное патриотическое движение... Надо вырвать из рук Москвы инициативу по осуществлению «программы мира», — говоривший цинично рассмеялся, — и действовать с решительностью и воображением...

— Узнаю тебя, Билль! Мы года три не виделись, а ты все такой же — полон идей, замыслов и по-прежнему кипишь ненавистью к красным... Да, кстати, что с этой твоей затеей написать сценарий для Голливуда? Я ахнул, когда прочел в газетах, что Дикий Билль взялся написать сценарий для сенсационного «кинобоевика» — «Признания американского коммуниста...». Я от души хохотал. Ну и честолюбив, старый черт, мало ему дел в разведке, в Голливуд полез! Но я пропустил появление этого фильма на экранах...

Прохаживавшийся по комнате небольшого роста, склонный к полноте человек, больше похожий на преуспевающего бизнесмена, чем на военного, остановился у окна и, не глядя на собеседника, сквозь зубы проворчал:

— У этих голливудских дельцов оказалась кишка тонка для постановки вещи, которая прогремела бы на весь свет...

— Ах, прости мою забывчивость, я что-то насчет этого читал, как будто в «Нью-Йорк таймс», о том, что голливудская компания отказалась от постановки, так как за последнее время подобного рода фильмы не пользуются успехом у публики... — и, помолчав, Робби добавил: — И ты, Билль, мне после этого предлагаешь стать твоим заместителем в этом офисе?

— Да, и я уверен, что ты, Робби, согласишься и начнешь работать со мной. Сейчас, как никогда, мы обязаны сплотить все наши силы!

— Ты прав, Билль, я принимаю твое предложение. Наша задача спустить с цепи возрождающийся фашизм — ведь это последняя линия нашей обороны против Востока.

— Благодарю тебя, Робби, я не сомневался в тебе, — голос Дикого Билля снова стал мягким и вкрадчивым, а лицемерная улыбка расплылась по его мясистому лицу. Но тут же и следа не осталось от его показного благодушия. Лицо налилось кровью, и он стал выкрикивать: — Какая, к черту, последняя линия обороны... Ты спятил... Только наступать и

наступать... Мы уничтожим, сотрем с лица земли красных... И свастика наш авангард... Все будет, как у Эделинга.

Когда запал иссяк, Дикий Билль плюхнулся в свое кресло за столом, лицо его стало пепельно-серым, глаза мутными...

Робби с явным интересом наблюдал за Биллем. Когда тот выдохся, он безразличным тоном сказал:

— Я недавно читал о последних днях Муссолини. Ты птица, разумеется, помельче, но кабинет твой по размерам не уступит муссолиниевскому, который, говорят, был самым большим из премьерских кабинетов в Европе... Автор книжки подчеркивает, что последнее время Муссолини был страшно озлоблен, подавлен и тяжело страдал паранойей... Но ничего, мы с тобой еще поработаем! Другого выхода у нас нет, на карту поставлены наши с тобой судьбы, судьбы нашего класса...

— Да, Робби, это именно так, и поэтому нам надо заняться разработкой «испанских вариантов» применительно к ряду стран.

На каком-то из сороковых этажей в одном нью-йоркском небоскребе разместился оффис, вовсе не претендовавший на рекламу. В нем работало несколько десятков в большинстве уже немолодых джентльменов в строгих темных костюмах. Приходя утром на работу, каждый из них вкладывал ключ необычной конструкции в замочную скважину и тотчас вынимал. Вслед за этим дверь открывалась сама. Входящий попадал в обширный холл, где прохаживался мужчина лет тридцати, коренастый, в штатском костюме, под которым легко угадывались стальные бицепсы его обладателя. Вошедший предъявлял джимэну удостоверение с фотокарточкой и молча направлялся к одной из трех дверей, за которыми тянулись длинные коридоры с комнатами по обе стороны.

Чем же занимался этот оффис?

В нем были три самостоятельные группы. Одна со странным наименованием бюро «испанского варианта»; другая именовалась группой «зет», а третья — бюро «дубль два».

Возглавлял оффис бригадный генерал разведывательной службы США Уильям Доновен по прозвищу Дикий Билль. В годы второй мировой войны он был шефом пресловутого ОСС (Бюро стратегических служб — Оффис оф стратеджикал сервис). В ряду бывших и настоящих руководителей американской разведки Доновен весьма примечательная личность. Прежде всего о Доновене следует сказать, что этот католик-ирландец принадлежит к наиболее реакционным кругам республиканской партии, выдвигавшей его в 1933 году кандидатом на пост губернатора штата Нью-Йорк.

Вскоре после начала второй мировой войны Дикий Билль был послан президентом Рузвельтом со специальными разведывательными заданиями в Западную Европу, на Балканы и Ближний Восток.

В своей статье «Разведка — ключ к обороне», опубликованной в журнале «Лайф» в 1946 году, Доновен рассказывает, как во время так называемой гражданской войны он наблюдал в действии германское 88-миллиметровое орудие, прикрывавшее наступление франкистских войск. Но он умолчал о том, что, будучи в Испании, занимался и более «существенными делами», а именно закладывал основы подрывной работы американской разведки, направленной против демократических сил народов Европы.

В июле 1940 года он прибыл в Англию, где наблюдал, как происходило развертывание вооруженных сил метрополии. Затем Доновен отправился в Ливию и Грецию и присутствовал там при разгроме итальянцами и гитлеровцами английской армии.

Во время своего пребывания в январе 1941 года в Софии Доновен попал в неприятную историю. Он «потерял» там бумажник, в котором находился дипломатический паспорт, деньги и рекомендательные письма. Видимо, кое-кто из конкурентов Доновена на поприще разведки заинтересовался целями его посещения болгарской столицы и решил ознакомиться с содержимым бумажника. «Вор» оказался настолько любезным, что, удовлетворив свою любознательность, завернул бумажник в старую газету и доставил его в бюро находок.

Побывав затем в Турции, Сирии, Палестине и Трансиордании, Доновен вернулся в США. После его доклада президент США предложил ему составить проект организации разведывательной службы США, приспособленной к нуждам войны.

Люди, близко знающие Доновена, говорят о нем как о человеке кипучей энергии, обладающем живым умом, колоссальной настойчивостью и склонностью делать вещи, которые не только необходимо делать, но за которые никто, кроме него, никогда не помыслил бы приняться... По их словам, его огромная энергия скрыта за внешней медлительностью, создающей впечатление, будто ему вообще нечего делать и он не хотел бы ничего другого, как сидеть и выслушивать целыми часами любого из своих посетителей... Надо сказать, что это достаточно выразительная характеристика разведчика, данная ему разведчиками же.

К этому надо добавить, что не кто иной, как бывший шеф ОСС, является автором плана проникновения агентуры американской разведки в руководство движения Сопротивления.

Этот план возник и начал осуществляться Доновеном еще до начала войны в Европе.

В сентябре 1942 года Доновен побывал в Лондоне для установления взаимодействия с английской разведкой по вопросам «руководства» движением Сопротивления в оккупированных странах. Руководители обеих империалистических разведок быстро нашли общий язык и достигли соглашения. Было решено, что главная задача на данном этапе — удержать освободительное движение народных масс в рамках только пассивной борьбы с фашизмом.

Когда ОСС перестало существовать, Доновен временно оказался не у дел. Но такое положение было недолгим. Обуреваемый ненасытной ненавистью к «красным», Дикий Билль выступил с идеей поставить на службу американскому империализму вчерашнего противника — фашизм.

И снова полем деятельности сильно постаревшего честолюбца стал почти весь земной шар. Доновен шныряет из конца в конец по всему миру: его видят то в Осло, то в Гонконге, то в Вене, то снова в Нью-Йорке и Вашингтоне. И повсюду он встречается со множеством людей. Вскоре через океан в Соединенные Штаты косяком потянулись к Доновену всякие субъекты, еще вчера пуще всего боявшиеся, что ими кто-нибудь заинтересуется. Они приезжали за деньгами и инструкциями. Встречался с ними Дикий Билль в целях конспирации не у себя в офисе, а в номерах отелей и на загородных виллах. Личности эти прибывали из многих стран Западной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

Время от времени в иностранной печати появлялась информация, несколько приподнимавшая занавес над деятельностью Доновена. Однажды, это было в начале пятидесятых годов, «Газетт де Лозанн» сообщала, что генерал прибыл в Швейцарию «со специальной миссией» получить информацию о том, «каково значение усилий европейцев в деле объединения Европы». Будучи в Лозанне, Доновен даже выступил с «лекцией» на тему «Перестанет ли Америка интересоваться Европой?». Ответил он на этот вопрос совершенно недвусмысленно: «Вашингтон все более интересуется Европой и даже всем миром».

Перед Доновеном и его офисом стояла более конкретная задача: самым тщательным образом изучить деятельность различных фашистских организаций в разных странах перед второй мировой войной и во время войны, их методы и тактику, определить сильные и слабые стороны их подрывной работы против сил демократии. Другой, уже чисто практический вопрос, над которым начали трудиться Доновен и его люди, — это выявление уцелевших фашистов, взятие их на учет и в нужных случаях установление с ними непосредственных контактов.

— Мы должны в кратчайший срок восстановить и максимально развить деятельность различных фашистских организаций в тех странах, где они существовали ранее, и создать новые там, где их не было. Особенно это касается таких государств, в которых позиции коммунистов очень сильны, как, например, во Франции. Мы должны также всесторонне изучать тактику коммунистических организаций и использовать их опыт по руководству массами... Новый фашизм должен действовать в духе требований времени. Только в этом случае мы сможем создать в нашем тылу мощный вал патриотических сил, который окажется способным остановить наступление коммунизма... И, наконец, особое внимание мы должны уделять использованию всех средств и лиц, могущих содействовать всяческому укреплению позиций нового фашизма в свободном мире! — вещал персоналу своего офиса Доновен.

В ноябре 1956 года Доновен оказался в Австрии, где он, согласно официальной версии, руководил оказанием «помощи венгерским беженцам». Вернувшись в Вашингтон, Доновен поведал представителям печати, что неоднократно пересекал венгерскую границу. Увы, вовсе не для того, чтобы заботиться о беженцах. У него были совсем иные функции. Да и из слов газеты «Вашингтон дейли ньюс», опубликовавшей отчет об интервью Доновена, видно, что он интересовался главным образом проблемой «снабжения вооружением» хортистских мятежников.

Как известно, агентура американской разведки, и в частности ее центр в Зальцбурге, принимала самое непосредственное участие в организации террористической деятельности хортистско-фашистских банд в Венгрии. Но Доновен недоволен ее масштабами. Он считает, что Соединенные Штаты должны были в Венгрии действовать еще более активно. Он заявил корреспондентам: «Мы можем усовершенствовать наши методы. Мы можем научиться делать это лучше».

Поистине с американской деловитостью и немецким педантизмом организована работа доновеновского офиса. В его распоряжение предоставлены многие тысячи фотокопий всевозможных документов, захваченных в разное время американскими войсками в оккупированных ими странах или добытых разведкой США иными путями. И вот в стенах офиса Доновена восстановлена картина деятельности мирового фашизма вплоть до разгрома гитлеровского блока.

Американские монополии возложили на американскую разведку и другие специальные антикоммунистические организации задачу гальванизации трупа фашистского чудовища. С этой целью они создают и финансируют всевозможные организации, под вывеской которых собирают все человеческие

отбросы. По этому поводу известный «теоретик» тайной войны Джеймс Бэрнхем писал: «Мы должны выискивать таких людей, которые являются верными друзьями или могут быть таковыми, выискивать их повсюду, где только возможно, даже в самых грязных кругах на дне общества... Мы можем постоянно и осмотрительно доставлять им то, в чем они нуждаются: деньги, транспортные средства, радиостанции, средства для издания журналов и газет... и оружие».

Другой не менее известный «теоретик» в этой области сенатор Маккарэн заявил: «Нет причин ограничивать нашу поддержку правительственными акциями. Имеются планы, которые правительство не может выполнить открыто в мирное время, но которые можно осуществить, привлекая для этой цели частные группы. Примером может служить комитет «Свободная Европа»... Однако это только начало. Возможности в этом отношении безграничны».

Одной из таких «частных» организаций является «Американ либерейшн центр» («Американский освободительный центр»), созданный летом 1952 года. Эта организация поставила своей задачей «вооружение 45 тысяч беженцев из стран Восточной Европы и оказание помощи подпольной сети в странах за железным занавесом», заявив, что это «приведет к революции».

Организатором этого центра был тот самый вице-президент «Интернэшнел телефон энд телеграф корпорейшн» Роберт А. Фоглер, который провел семнадцать месяцев в венгерской тюрьме, после того как был изобличен в шпионаже против Венгрии.

ИСПАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

КАК ВОЗНИКАЮТ МЯТЕЖИ

Всю страну точно накрыли раскаленным гигантским стеклянным колпаком оранжереи, солнечное сияние нестерпимо для глаз. В неподвижном воздухе все застыло. Тяжелый, густой зной сухих кастильских плоскогорий, в центре которых раскинулась испанская столица, опалает лицо, стискивает горло. Земля здесь местами цвета свернувшейся крови. И даже небо на закате принимает медно-красный оттенок.

«Над всей Испанией безоблачное небо...», — голос диктора мадридского радио медленно и безучастно повторял как будто ничего не значащие слова в ту далекую июльскую ночь 1936 года, когда началась длящаяся поныне трагедия испанского народа. По этому условному сигналу вспыхнул мятеж против республики, возглавленный генералом Франко. С тех пор прошло более четверти века, но интерес к этим событиям отнюдь не притупился. Напротив, нынешняя международная обстановка настойчиво подчеркивает всю важность восстания в памяти того, что тогда произошло.

Чтобы понять всю значимость последнего сейчас, достаточно бросить свой взор на территорию, где в последнее время возникали очаги международной напряженности, — Карибское море, Конго, Лаос, Камбоджу, Южный Вьетнам, или оценить происходившее во Франции в годы разгула ультра. Все, чему мы являемся свидетелями в этих местах, — все это в той или иной степени результат явных и тайных происков американского империализма, и над каждой из возникающих в различных частях света авантур витает, так сказать, дух «испанского варианта» организации антинародных мятежей, провоцирования гражданской войны с целью разгрома сил демократии, подавления национально-освободительных движений и установления фашистских режимов.

В реакционной печати Запада и в некоторых «исследованиях» утверждается, что для всех стран, а также для Германии мятеж Франко был полной неожиданностью. В одном из подобных опусов рассказывается, что причиной, из-за которой 16 июля 1936 года вся Испания оказалась в огне, якобы явилось убийство испанского политического деятеля консерватора Кальво Сотело. Республиканская полиция вызвала его в Мадрид, а на следующий день Сотело нашли мертвым. Это и послужило будто бы сигналом к мятежу. А есть «исследователи» на Западе, которые, стремясь, так сказать, быть «объективными» и ссылаясь на некоторые немецкие публикации, изображают дело так, что Гитлер, встав перед фактом мятежа Франко, принял решение об оказании ему поддержки после двух-трехдневных консультаций со своими ближайшими советниками. Мы не будем касаться того, какова ценность некоторых фашистских публикаций, поскольку давно уже установлено, что иные из этих «документов» составлялись с единственной целью фальсифицировать исторические события и дезинформировать общественность.

Но есть документы, которые не вызывают ни малейших сомнений в своей правдивости и благодаря которым можно установить истинную картину событий, предшествовавших возникновению мятежа Франко.

Но прежде всего хоть немного о самой Испании. Если в середине тридцатых годов спросить бывалого иностранца о том, что такое Испания, последовал бы ответ: Испания — это отсталая страна, но там вы увидите средневековые поэтические города, красивейших женщин, там чудесные прохладные погребки, где кружится голова от запаха малаги и испанцы, запрокинув головы, льют вино из кувшинов прямо в горло... Там с часу дня до пяти все закрыто на замок и мертво — банки, магазины, учреждения, обедают в Мадриде в десять... Вся Испания в прошлом, и живет она только прошлым... Но это и хорошо: где вы сможете еще увидеть петушинные бои и такое потрясающее зрелище, как бой быков на мадридской пласе де торос (цирковая площадка для боя быков)...

Да, Испания страна контрастов и неповторимого очарования. В ней вы встретите не только однообразие пепельно-серой пуганицы гор, котловин, ущелий и плато центральной Кастилии, но и буйное веселье тропической зелени, огромные массивы финиковых пальм и гигантских бананов с широкими лопастями листьев. Испания — это не только все иссушающий зной, но и очарование единственных в мире садов Алькасара, где в блеске воздуха есть какая-то шелковистость, и запахи, с которыми несравнимы лучшие в мире духи.

Говорят, Испания — отсталая страна. — Это страна тысячелетней культуры! Римляне, готы, мавры и евреи прошли по этой древней земле, и каждый из этих народов оставил в ней следы своих культур. Мавры — эти гениальнейшие ремесленники — оставили в наследство славу первых в мире мастеров по изразцам «азулахос», которые сохраняют краски и рельеф вот уже в течение шести веков. Некоторые сооружения в Испании до сих пор составляют неразрешимую тайну для современных строителей. Есть технические секреты и составы глины, красок и сплавов, которые не поддаются анализу лучших лабораторий.

Иностранцы с чековыми книжками говорят, что Испания отсталая страна. Между тем алмаденские ртутные рудники считаются величайшими в мире, а Рио-Тинто, гордость Испании, дает шестьдесят процентов европейской добычи меди. И медная руда там залегает на площади 245 километров в длину и 25 километров в ширину. По добыче свинца Испания была первой в Европе и третьей в мире страной. А массивы андалузской пробки — одной из лучших в мире!

И вот для этой страны, которую называли отсталой, где гордость патриота и верность свободе переплетались на каждом шагу с рабской покорностью судьбе и где страдания почитались как дар неба, настали дни великих испытаний. Рыцарь печального образа и его друг-оруженосец вступили в бой уже не с ветряными мельницами, не со сказочными волшебниками. Этот никому по-настоящему не известный народ, народ Сервантеса и Дон-Кихота, вдруг встал во весь рост перед миром.

Самые жестокие, самые черные силы реакции, вооруженные до зубов, обрушили свой сокрушительный удар на республиканскую Испанию. И испанский народ первым в тридцатых годах нашего века принял вызов фашизма, он не захотел стать на колени перед Гитлером и Муссолини и вступил с фашизмом в вооруженную схватку.

Воспользовавшись колебанием, слабостью и трусостью политических партий мелкой буржуазии и социал-демократии, не решившихся и не сумевших повести наступление на силы реакции после победы народа на выборах 16 февраля 1936 года, контрреволюция подняла мятеж, чтобы задержать развитие революционного движения в стране.

Цели внутренней контрреволюции были ясны: разгромить Испанскую республику, уничтожить все политические, экономические и культурные завоевания трудящихся масс, реставрировать власть и привилегии помещиков, высшего духовенства и крупного капитала и, наконец, установить режим реакционной и террористической диктатуры.

Все это целиком отвечало интересам международного империализма, в особенности интересам германского фашизма. Решение «испанской проблемы» в политическом и стратегическом планах гитлеровцев, подготавливавших вторую мировую войну, занимало весьма важное место.

К стратегическим соображениям нацистской верхушки, стремившейся установить господство в районе Средиземного моря, присоединялся еще вопрос о «пиренейском фронте». Фашистская Испания в тылу Франции явилась бы громадным шагом на пути осуществления заветной цели немецких империалистов: отрезать Францию от ее друзей и союзников и создать вокруг нее кольцо фашистских диктатур.

И третьим моментом, определявшим «испанскую политику» Берлина, было обилие в Испании ценного стратегического сырья.

Германская экспансия на Пиренеи в своей первой стадии тесно связана с именем старого колониального волка еще кайзеровских времен генерала Вильгельма Фаупеля и возникшим в Берлине в 1930 году Иберо-Американским институтом, основанным немецким ученым д-ром Отто Белицем.

Фаупель был фанатиком идеи мировой гегемонии Германии. Этот человек, по словам его биографа, имевший «самые косматые брови во всей Европе» и «большие медвежьи уши», еще задолго до Гитлера создал свою собственную теорию завоевания мира посредством овладения Латинской Америкой и ключом к ней — Испанией. Он бегло говорил на французском, испанском, португальском, русском и китайском языках. Фаупель создал себе имя крупного военного теоретика, находясь на службе в армиях некоторых стран Латинской Америки, куда он бежал в 1920 году. В 1931 году он возвратился в Германию.

В конце 1933 года Фаупель приступил к реализации «испанской проблемы»: он организует в Берлине издание военного журнала на испанском языке под названием «Армия, флот и авиация». Первый номер журнала вышел в январе 1934 года. В нем принимали участие виднейшие германские военные писатели и журналисты гитлеровского толка. Вскоре редакция этого журнала стала прибежищем для тех испанских генералов, которые с помощью Германии готовили мятеж против своего законного правительства.

В те же январские дни 1934 года Гитлер вызвал генерала Фаупеля на совещание, которое длилось почти весь день. Когда Фаупель вышел из гитлеровского кабинета, его объемистый портфель стал толще на один документ. Бумага, подписанная Гитлером, была назначением Фаупеля директором Иберо-Американского института.

Важнейшая задача, которую тогда поставил Гитлер перед Фаупелем, состояла в организации экспорта германского фашизма в Испанию. Множество документов неопровержимо свидетельствует, что союз нацистов с испанскими мятежниками возник задолго до 16 июля 1936 года. Германские фашисты создавали в Испании и готовили к участию в мятеже свои подпольные группы годами. Они явно и тайно, с исключительным упорством подрывали испанскую демократию, так же как делали это в других европейских странах, чтобы обессилить ее к моменту решительной атаки.

На третий день мятежа барселонская милиция произвела обыск в помещении немецкой фирмы «Геллерман и Филиппи», под вывеской которой скрывался нацистский штаб на Пиренеях. Было обнаружено около сорока тысяч писем и документов, которые раскрыли полную картину подрывной деятельности германских фашистов в Испании.

Нацистская организация на Пиренеях возникла в 1930 году в Португалии. Ее первым руководителем был некий Фридрих Бурбах, обосновавшийся в Лиссабоне в качестве купца-импортера. Товар, который он импортировал в Португалию, был фашизм. Опираясь на поддержку португальских властей, с которыми он имел тесные связи, Бурбах еще в 1930—1931 годах протянул нити из Португалии в Испанию.

После установления в Испании республиканского режима, опасаясь репрессий, нацисты действовали вначале осторожно. «Мы ждем своего часа, — писал 12 марта 1933 года в Берлин тогдашний руководитель испанской лендергруппы Цухристиан. — Пока что мы держимся тихо и все подготавливаем, чтобы можно было перейти к активным действиям, когда наступит переворот...»

Важнейшее место в подрывной деятельности нацистской организации в Испании занимали террор и устрашение. При каждой «местной группе» состоял агент гестапо, скрывавшийся под невинной должностью «хафендинстлейтера» (начальника службы порта). Отчеты о работе этих «представительств гестапо» в Испании, найденные в Барселоне, красноречиво говорили о том, что убийства и похищения были обычными методами в их деятельности.

В этих документах было найдено объяснение десяткам таинственных убийств видных испанских и немецких антинацистов, над разгадкой которых несколько лет тщетно ломала себе голову испанская полиция.

В широких масштабах была организована нацистская пропаганда в Испании. Руководитель прессы в лендергруппе имел в своем распоряжении огромные суммы, которые он употреб-

лял на подкуп отдельных журналистов и целых газет. Накануне мятежа Франко нацисты держали в своих руках одиннадцать крупных испанских газет и свыше пятидесяти реакционных испанских журналистов находились у них на постоянном содержании.

Найденные республиканскими властями в Барселоне документы вскрыли сотрудничество предателей — генералов испанской армии — с нацистами. Пять генералов — в числе их командующий барселонским районом генерал Гоед, казненный в первые дни мятежа, — были агентами нацистской разведки.

В конце мая 1936 года нацистская организация в Испании получила из Берлина приказ: к 15 июня провести регистрацию бывших фронтовиков — членов местных гитлеровских групп и составить черные списки немцев-эмигрантов, чтобы в нужный момент быстро разделаться с ними. В начале июля всех нацистов, прошедших специальное военное обучение, открыто готовят к участию в мятеже. Особо инструктируются специалисты по убийствам из-за угла, в свое время приобретшие опыт в гитлеровских штурмовых отрядах. Они предназначаются для оказания «технической помощи» мятежникам.

Огромную роль в подготовке контрреволюционного мятежа в Испании сыграла германская разведка, в частности лично ее шеф адмирал Канарис. Вот что об этом рассказывает бывший генерал-лейтенант гитлеровской армии Р. Бамлер.

Фамилия Франко, говорит он, стала мне известна в период 1934—1938 годов, когда я был начальником III отдела германской разведки. В 1934 году мой начальник адмирал Канарис сообщил мне, что у него имеются в Испании и в Испанском Марокко хорошие и обширные связи. В деле поддержания этих связей, представляющих ценность для германской разведки, ему очень помогло отличное знание испанского языка.

В 1916 году Канарис, после бегства из Чили, был послан в Испанское Марокко, откуда он руководил восстаниями арабских племен против французов и англичан. Тогда же приехал в Марокко, окончив военную академию, капитан Франко, чтобы принять командование одним из батальонов «терсио» (испанского легиона). И сразу же Франко оказался в поле зрения германской разведки. Завербовать его не составило ни малейшего труда. Посредником в этом «деликатном» деле оказался его собственный адъютант Тид Цедеи.

С этого момента, как рассказывал Бамлеру сам Канарис, началось его тайное сотрудничество с Франко, который быстро сумел установить близкие отношения с вождями марокканских племен. Предоставив в распоряжение Канариса свои свя-

зи, он дал ему возможность развернуть работу германской разведки в Марокко.

Другим ценным агентом, приобретенным Канарисом в Испании, был министр внутренних дел и полиции в правительстве Примо де Ривера генерал Мартинес Анидо.

После свержения диктатуры Примо де Ривера и прихода к власти республиканских партий Анидо вынужден был бежать в Португалию. Франко же был отправлен на отдаленные Канарские острова. Однако Канарис продолжал поддерживать с ними тайную связь.

По словам Бамлера, Канарис неоднократно заявлял ему, что считает Мартинеса Анидо наиболее подходящим для роли главы испанской контрреволюции.

Действительно, накануне мятежа Анидо вылетел из Португалии в Испанию, чтобы возглавить его. Но поистине, когда беседуешь в поле, то помни, что и трава может подслушивать. Мысли о предстоящей ему в недалеком будущем в Испании роли, высказанные им вслух в присутствии нескольких интимных друзей, без его ведома быстро достигли ушей тех, кто им еще кроме Берлина интересовался в одной из западных столиц.

Самолет, на котором Анидо вылетел из Лиссабона, был немецким, немцем был и пилот, и, казалось бы, безопасность Анидо была обеспечена должным образом. Но вскоре после вылета в багажном отделении самолета произошел взрыв, и пылающие обломки «Юнкерса» похоронили тайну того, как разведка одной из западных стран устранила неприемлемую для нее кандидатуру на пост испанского диктатора. Эта разведка рассчитывала переиграть игру в момент мятежа и выдвинуть в козырные тузы своего человека.

Другому немецкому агенту, генералу Годеду, повезло больше. Самолет, который должен был доставить его из Майорки в Барселону, проделал свой рейс благополучно. Годед возглавил путч в Барселоне через час после того, как генерал Фанхуль стал во главе мятежа в Мадриде.

Однако разведка, устранившая Анидо, просчиталась. Хотя Франко, по мнению Канариса, не обладал ни военным талантом, ни талантом государственного деятеля, в создавшейся ситуации он являлся все же наиболее подходящим человеком для осуществления гитлеровских целей. И главное, что окончательно склонило чашу весов в пользу Франко, — своим долготелетним сотрудничеством с германской разведкой он доказал, что на него можно положиться.

Если бы не авария с самолетом Анидо, то Франко пришлось бы играть одну из вторых ролей. Но и в этом случае она, несомненно, была бы значительной. И поэтому в период,

непосредственно предшествовавший мятежу, нацисты начали соответствующий инструктаж Франко. В это время состоялся ряд встреч Франко с представителями отдела внешней политики нацистской партии, возглавлявшегося Альфредом Розенбергом. Одним из них был немецкий виноторговец Шлеер, проживавший в Париже и являвшийся видным членом парижского «Коричневого дома». В последние недели перед мятежом Шлеер несколько раз побывал на Канарских островах и в Лиссабоне. Тогда же на имя Франко был открыт текущий счет в одном из гамбургских банков.

Дальше события развивались следующим образом.

В сопровождении сотрудника абвера Зауермана Франко прилетел с Канарских островов в Тетуан, чтобы принять командование над марокканскими частями и испанским иностранным легионом. Спустя несколько дней на берлинском аэродроме Темпельгоф приземлился самолет, прилетевший из Тетуана. На его борту находились двое штатских сотрудников германской разведки.

Бамлер пытается утверждать, что именно Канарис был тем человеком, который будто бы убедил нацистских руководителей [которые якобы колебались(?)] в необходимости вмешаться в события, происходящие в Испании.

«Я сам был свидетелем того, — пишет он, — как Канарис отодвинул на задний план все остальные вопросы, не жалея ни времени, ни труда, чтобы заинтересовать руководителей деятелей гитлеровской Германии и Италии своими планами и своим ставленником. В нескольких совещаниях с Герингом в августе 1936 года он добился того, чтобы Франко были предоставлены транспортные и боевые самолеты для переброски марокканских частей в Испанию. Наконец, Канарису удалось, после соответствующей обработки этих лиц, получить согласие на военную и политическую поддержку Франко у самого Гитлера, которому он лично доложил об этом деле».

По Бамлеру получается, что во время этой встречи Канариса с Гитлером последний чуть ли не впервые услышал о существовании Франко. А услышав, потребовал подробно доложить ему о заслугах Франко в течение его долголетнего сотрудничества с ним, Канарисом.

Далее Бамлер рассказывает, что «Канарис немедленно вылетел в Рим с целью через начальника итальянской разведки Роатта, с которым он был дружен, убедить итальянское правительство поддержать его план. При этом он договорился о сотрудничестве разведок обеих стран в самой Испании, а также против держав, имеющих свои интересы в Средиземном море. Он добился того, что и Муссолини принял его по делу Франко».

Все это годилось бы в качестве материала для книги какого-нибудь фальсификатора о «тайнах» второй мировой войны, для книги, в которой исторические судьбы народов по воле автора решаются усилиями отдельных сверхчеловеков. В этом плане стремление деятеля гитлеровской разведки выдвинуть на авансцену своего покойного шефа Канариса не привлекло бы нашего внимания, если бы.., если бы сообщаемые им «факты» в корне не противоречили истине и, главное, не преследовали бы цель снять с нацистской верхушки ответственность за подготовку мятежа Франко и переложить ее на плечи фактического статиста в «испанской трагедии». Но история неумолима! Как иногда ни пытаются некоторые лица утаить истину, но она все-таки рано или поздно всплывает на поверхность жизни, как масло на воде.

Даже скупая протокольная запись, извлеченная из архива имперской канцелярии Гитлера, и то ближе к истинной подоплеке происходивших тогда событий, чем «откровения» генерала Бамлера! В документе, датированном 5 июля 1939 года, рассказывается, что в конце июля 1936 года в Берлин из Испании прибыли два немецких разведчика — Лайнгенгейм и Бернгард, которые привезли письмо Гитлеру от Франко. «...Первая беседа с Гитлером, — говорится в этом документе, — во время которой и было вручено письмо, состоялась в Байрейте. Фюрер вызвал фельдмаршала Геринга, военного министра фельдмаршала Бломберга и адмирала Канариса. Этой же ночью и было принято принципиальное решение об оказании помощи Франко, а второстепенные детали были вырабатаны в течение следующего дня».

В чисто оперативном отношении роль Канариса в развязывании войны в Испании, конечно, первостепенна. Он оказался умелым проводником политической мысли германских империалистов на Пиренеях и опытным организатором разведывательной работы на этом плацдарме.

Особенно значительна роль Канариса в организации снабжения мятежников оружием. 6 февраля 1936 года нацисты начали переправлять в Испанию оружие для подготовлявшегося ими мятежа. С каждым месяцем поставки оружия становились все более широкими. В мае в Мадриде появился германский агент под кличкой «А. Э.». Задачей «А. Э.» являлось, так сказать, «индивидуальное» вооружение участников «пятой колонны». Он снабжал их ручным оружием — пистолетами германского производства — за наличный расчет.

30 июня агенты мадридской полиции заметили, что неизвестный, сидевший в автомобиле, тихо проезжавшем мимо памятника Пабло Иглесиасу, быстро передал какой-то большой сверток стоявшему около памятника человеку. Этим пос-

ледним оказался некий Летона, след от которого привел к «А. Э.». Так было обнаружено присутствие в Мадриде этого гитлеровского агента.

С конца июня «торговля» «А. Э.» приобретает уже оптовый характер: 12 июля он продал в одни руки 60 пистолетов, а 14 июля, за два дня до мятежа, — 200 пистолетов. Висенте Урицио, одному из лидеров традиционалистов, партии фашистского толка, «А. Э.» продал 9 июля 220 пистолетов.

Таким образом, только один гитлеровский агент продал членам «пятой колонны» в Мадриде многие сотни пистолетов с патронами к ним. Мадридская полиция выследила «А. Э.» и выявила места его конспиративных встреч со своими покупателями. Одним из них была контора адвоката Торреса по улице Махор, 6. Но дальше установления этих фактов мадридская полиция почему-то не пошла.

По другим тайным каналам доставка оружия из Германии в Испанию была во много раз большей. «Центральная контора ветряных двигателей» (ЦКВД) в Барселоне была одной из переправочных баз этой опасной контрабанды. Доставка оружия происходила под видом транспортирования из Германии «молодого картофеля». Согласно документам, обнаруженным в помещении ЦКВД республиканскими властями, через эту контору было переправлено в Мадрид 38 тысяч винтовок, около 18 тысяч револьверов и огромное количество боеприпасов. На ящиках с оружием имелись ярлыки: «Молодой картофель».

После 16 июля поставки оружия в Испанию гитлеровцы стали осуществлять почти открыто. Только за период с 18 июля по 15 ноября Германия поставила во Францию 237 военных самолетов и различных военных материалов на сумму в 230 миллионов рейхсмарок.

Как рассказывает Бамлер, в начале франкистского мятежа Канарис несколько раз предпринимал, часто рискованные, полеты в Испанию через Францию или Италию и Средиземное море с целью обсудить свои планы с Франко и выяснить желания последнего. Действительно, как известно, Канарис после мятежа был частым гостем во франкистской зоне, иногда — под вымышленным именем Гуиллермо.

...В ноябре 1936 года личный состав нескольких гитлеровских авиационных эскадрилий и танковых подразделений был сосредоточен якобы для проведения зимних маневров на острове Рюген, в портах Свинемюнде и Штеттине. Здесь гитлеровцев погрузили на германские торговые суда, которые с наблюдением чрезвычайных предосторожностей доставили их через Ла-Манш в Испанию. При посадке германские солдаты были одеты в присвоенную им военную форму, но в открытом

море их переодели в гражданскую одежду, и в ней они высадились на берег в Севилье.

Одновременно многомоторные самолеты легиона «Кондор» были сконцентрированы на аэродроме Лехфельд близ Аугсбурга и несколькими группами — через Рим, Сардинию и Балеарские острова — направлены в Севилью. С целью облегчения этого для того времени длительного перелета над морем вдоль всей трассы вплоть до испанских берегов была выставлена цепь итальянских и испанских судов, служивших радиомаяками.

Так произошла переброска на помощь Франко большого гитлеровского соединения, известного под названием легиона «Кондор». Общая численность легиона составляла пять тысяч человек, среди которых находилась большая группа немецких инструкторов сухопутных войск для армии Франко.

В самой Испании мятежники располагали очень незначительными силами, но в Испанском Марокко они имели достаточное количество боеспособных частей. Гитлер до отправки «Кондора» предоставил Франко восемнадцать транспортных самолетов, на которых в течение двух недель было переброшено из Тетуана в Алжесирас восемнадцать тысяч марокканцев с полным снаряжением.

Вскоре после того, как Франко поднял мятеж, в гитлеровской Германии был создан «Штаб особого назначения В.». На этот штаб, возглавляемый генералом авиации Вильбергом, Гитлер возложил задачу переброски в Испанию германских частей и снабжения их вооружением, боеприпасами, а также пополнения людским составом.

Командовал немецкими войсками в Испании в первый период интервенции полковник Варлимонт, штаб которого размещался в отеле «Кристина» в Севилье.

Вооруженные до зубов интервенты были уверены, что они сломят сопротивление республиканцев. Однако прошел год и еще ряд месяцев, а Испанская республика продолжала держаться.

В это самое время один французский фермер подобрал на своем поле пачку бумаг на немецком языке. Выяснилось, что эти документы выпали из немецкого самолета, в котором Фаупель летел из Берлина в Саламанку. Это не был дезинформационный трюк, к которому не раз прибегала германская разведка. Основываясь на этих документах, даже французский офицер «Тан» рискнул заявить, что армией генерала Франко командует генерал перуанской службы. Однако эта буржуазная газета не решилась уточнить, что это перуанский генерал германского происхождения и что зовут его Вильгельм Фаупель.

Выяснилось и другое. Если в первый период германской интервенции Фаупель разглагольствовал о необычайной легкости испанского военного предприятия, то уже в начале 1937 года он резко переменял свою точку зрения. Он стал посылать в Берлин самые пессимистические доклады о положении генерала Франко, указывая германскому военному командованию на то, что республиканская Испания может быть побеждена отнюдь не генералом Франко и его марокканцами, а исключительно германо-итальянским экспедиционным корпусом. Фаупель настаивал, чтобы Германия и Италия осознали, что им в Испании приходится вести настоящую войну, и сделали все соответствующие выводы и, в частности, взяли в свои руки руководство военными операциями, отстранив генерала Франко от командования.

В чем же дело, почему так резко изменились взгляды генерала Фаупеля?

Этот колониальный волк за свою долгую жизнь и военную деятельность в зависимых странах впервые столкнулся с вооруженным народом, решившим отстоять свою наконец-то завоеванную свободу. Вначале гитлеровцы потешались над допотопным вооружением «испанского мужичья», считали дни, оставшиеся до разгрома республиканцев. Но уже в конце 1936 года они поняли: рабочие и крестьяне Испании получили в руки оружие, и они не так-то легко отдадут его. Трудовой люд поэтической страны не расставался ни на минуту с этим драгоценным гарантом только что приобретенной свободы: с оружием под боком ели, спали, ходили в кино и любили. И было трогательно и вместе с тем символично, когда седоусый крестьянин, весь прожженный солнцем, любовно, словно внучку, прижимал к сердцу дедовское кремневое ружье.

Но Испания была страной, народ которой не имел опыта ведения современных военных действий. Кремневое ружье и наваха, длинный складной нож, считались в ней грозным оружием. И вот этот народ начали засыпать тучами снарядов, зажигательных бомб, бронебойных, разрывных пуль. Военная техника и огневые средства мятежников быстро и щедро пополнялись из «неизвестных» источников. Мятежники были отлично снабжены всеми видами вооружения самых последних образцов, вплоть до танков.

А Испанская республика... В ней положение с оружием было катастрофично! Людей, жаждущих защищать родину, было сколько угодно, храбрых, преданных. Повсюду формировались все новые и новые отряды, но нечем было их вооружить. Поля Испании бороздили германские танки, испанские города обстреливали крупновесные пушки, бомбили «Юнкерсы» и «Капрони». Народ Испании взывал: торопитесь оста-

новить фашистских убийц, иначе будет поздно и запылывает пламя мирового пожара!

18 ноября 1936 года фашистские Германия и Италия призвали мятежную хунту генерала Франко «правительством Испании». Так Гитлер, следуя совету Бисмарка, «приложил испанскую мушку к затылку Франции».

„ОНИ НЕ ПРОЙДУТ!“

Среди сурового и необъятного плоскогорья на высоте шестисот метров над уровнем моря бьется сердце металлургической и химической промышленности, находится узел всех железнодорожных путей страны, ее столица — Мадрид. И вот этот выросший на граните город со своим миллионом жителей, небоскребами и ужасающей нищетой окраин вдруг привлек к себе внимание всего мира. На подступах к нему разгорелась ожесточенная борьба за свободу против рабства, за независимость против угнетения.

Стояла теплая, сухая осень, перед мягким закатом воздух бывал таким прозрачным, что, казалось, рукой достанешь опускающееся за горизонт солнце. Затем темнело небо, восходила луна и серебром струилась по старым черепичным крышам. Но в эту осень город не жил своей обычной жизнью. С наступлением темноты его окутывала нервная, притаившаяся тишина.

Все становилось понятным, когда вдруг эту тишину взрывал пронзительный вой сирен, в ночное небо вливались шупающие лучи прожекторов и глухие взрывы говорили о смертельной опасности. И однако в городе атмосфера была скорее взвинченно радостная, лихорадочно восторженная, чем подавленная, не было ничего похожего на панику, хотя враг находился всего в пятидесяти километрах, а местами и того меньше и население столицы знало: стоит только прорваться врагу вниз, в долину, и Мадрид можно будет взять за горло.

Фашистов буквально гипнотизировала близость столицы, в ее захвате они видели завершение своей авантюры. Мятежники рвались к Мадриду. В их первых эшелонах шли марокканцы. В атаку они шли с душераздирающими криками, от которых кровь стыла в жилах. Двадцать тысяч мавров бросил Франко в атаку на Мадрид. Из кого же состояли марокканские части? Преимущественно это были банды отпетых головорезов, людей, давно продавших свой народ и проклятых им. Стаж предательства у этих убийц был немалый, еще во времена Альфонса XIII под командой его генералов они подавляли восстание Абд-эль-Керима, выступившего против испан-

ских колонизаторов. Они так же убивали в прошлом своих братьев и сестер, как теперь испанских рабочих и крестьян. Всю ответственность за свои зверства и жестокости фашисты сваливали на «моро» — на мавров.

Осенью 1936 года столица Испании фактически была совершенно беззащитна перед наступавшими армиями мятежников и интервентов. Перед ними стоял город, лишенный каких-либо фортификаций; с открытыми входами и выходами, голодный и не знающий, что такое оборона. Когда люди, разбирающиеся в том, что такое современная война, требовали окопаться вокруг Мадрида, впоследствии разоблаченный предатель генерал Асенсио ответил, что для этого у республиканских частей нет ни сил, ни инструментов, ни терпения. А тогдашний глава республиканского правительства Ларго Кабальеро заявил, что окопы якобы чужды складу ума испанского солдата. И что нужно будет по меньшей мере год приучать его к этому, а за это время, мол, три раза кончится война.

Так действовали предатели и капитулянты.

И вот случилось то страшное, чего надо было ожидать. Фашисты прорвали первую линию обороны Мадрида. Это произошло тогда, когда только начались фортификационные работы на второй линии обороны. Город, наконец, начал оккупываться, тысячи мадридцев приступили к рытью траншей и сооружению укреплений. Рабочие, ученые, школьники, пенсионеры из богаделен, домашние хозяйки и депутаты кортесов провели воскресный день на мадридских окраинах с лопатой в руках.

В это время, миновав Хетафе, мятежники ворвались в Верхний Карабанчель — рабочий квартал, первый городской квартал. У Толедского моста, в Аточе, рабочие начали возводить баррикады. Дети помогали отцам и матерям. Вот как описывает очевидец участие мадридской детворы в защите родного города: «Крохотные карапузы долго выковыривают большой камень из мостовой, кладут его в плетеную корзинку и, держа ее с двух сторон за ручки, чинно тащат камень к баррикаде. Старик каменщик кивает им, кладет камень в верхний ряд и посылает песком. Ребятишки с достоинством отправляются за новым камнем».

Израженный картечью, окровавленный Мадрид успел все-таки преградить дорогу врагу противотанковыми рвами, баррикадами, колючей проволокой.

В этих кварталах рабочей бедноты, называемых «бариос бахос» («нижние районы»), где лица у людей желто-серого цвета, голоса хриплые, надорванные, а стиснутые, накренившиеся дома с облупившимися грязно-серыми фасадами, ка-

жется, вот-вот рухнет, родились мужество и стойкость Мадрида.

В эти полные драматизма дни рабочие не только занялись сооружением баррикад, но и во множестве вступали в ряды дружин народной милиции. Средних лет и пожилые, немного медлительные поначалу, но сильные убежденностью в великой правоте своего дела, они быстро поднимали боевой дух дружинников. Пролетарии пришли в народную милицию как люди, сознающие, что в этот грозный час на их плечи легла историческая ответственность не только за город, в котором они родились, но и за судьбу своего класса, родной страны. Они отдавали себе отчет, что если уступить врагу вот эту улицу и этот дом, и еще улицу и дом, то наступит конец всему.

И вот совершилось чудо: в течение четырех самых мучительных дней эпопеи мадридской обороны под ожесточенным огнем обезумевшего от ярости противника защитники Мадрида обрели, наконец, самое главное — боевой дух, волю к сопротивлению, бесстрашие перед врагом. И это является величайшей заслугой мадридского пролетариата, руководимого Коммунистической партией Испании.

Когда требовалось исключительное единение фронта и тыла, народа и армии, правительство, на котором лежала вся ответственность за претворение политики единения в жизнь, за оборону столицы, внезапно покинуло столицу. В один из этих трагических дней, когда решалась судьба Мадрида, Ларго Кабальеро созвал рано утром заседание правительства. Заявив, что положение столицы безнадежно, он предложил правительству немедленно эвакуироваться. Сообщение об эвакуации Кабальеро запретил публиковать, «чтобы не вызывать панику». Против этого решения возражали коммунисты и некоторые министры, но правительственная верхушка уехала из Мадрида еще до окончания рабочего дня в учреждениях. Министры-коммунисты хотели остаться, но им было объявлено, что это будет рассматриваться как «дискредитация правительства».

В эти труднейшие дни положение опять спасли испанские коммунисты. Центральный комитет партии постановил оборонять каждую улицу Мадрида, каждый дом. Сдавать врагу только развалины, драться до последнего патрона, до последнего человека — таков был лозунг партии! Была проведена поголовная мобилизация всего боеспособного и работоспособного населения, которое делилось на три категории: одних направляли на линию огня, других — на строительство оборонительных сооружений, третьих — на предприятия, занятые военным производством, и для обеспечения снабжения. Были организованы районные и уличные дружины для баррикад-

ных боев. Коммунисты и антифашисты из других партий обходили дома, квартиру за квартирой, составляли списки добровольцев, создавали домовые комитеты обороны. В городе были созданы пять секторальных военно-партийных комитетов, на которые ЦК компартии возложил задачу политического обеспечения обороны.

Члены Центрального комитета и Мадридского провинциального комитета партии целые дни проводили на передовой линии обороны, вместе с частями ходили в атаки, участвовали в строительстве оборонительных рубежей.

В большом доме на улице Серрано днем и ночью за плотно зашторенными окнами круглые двадцать четыре часа кипела жизнь. На случай крайней необходимости было принято важное решение: уйти в подполье. Чрезвычайным уполномоченным Центрального комитета по этим вопросам был назначен секретарь ЦК Педро Чэка. И в обстановке страшной сумятицы этих дней все у него шло по строгому плану: назначались руководители подпольных партийных комитетов и ячеек, устанавливалась сеть конспиративных квартир, сообщались пароли и явки.

Двести тысяч мадридских женщин — работниц, служащих, домохозяек — вышли на улицы, чтобы участвовать в демонстрации, организованной компартией под лозунгом: «Все на защиту Мадрида!».

— Женщины Мадрида! Вы здесь! Я вижу, еще не перевелись героини Освободительной войны, отважные испанки из того племени, которое боролось и изгнало из страны войска Наполеона Бонапарта! Я знаю, вы готовы и вы сможете повторить подвиг освобождения! Подруги Мадрида! В семнадцатом году один народ своей решимостью сделал себя хозяином страны. Покажем и мы свою решимость, уберем нашу столицу, сделаем так, что лозунг «Но пасаран!» («Они не пройдут!») станет реальностью! Сделаем так, что мужчины и женщины трудящегося Мадрида останутся свободными и непорабощенными, что они покажут всему миру, как надо бороться и побеждать! — и десятки тысяч рук поднялись в ответ на слова пламенной Долорес.

В кино «Монументаль», в зале, украшенном знаменами, шесть тысяч рабочих устремили взоры на Хосе Диаса. На его лице улыбка, хотя он только сегодня встал с постели и совсем недавно погибла его любимая дочь-комсомолка. Тишину, когда слышно биение тысяч сердец, моментами взрывает гром одобрения, звучащий, как клятва. Когда Хосе оглашает слова приветствия из Москвы, все шесть тысяч встают и под сводами огромного купола проникновенно звучат слова «Интернационала», зовущего на бой с врагом.

12 ноября 1936 года у защитников Мадрида оставалось в наличии снарядов на четыре часа огня, патронов — всего сто двадцать два ящика. Боеприпасы, быть может, и есть в большом количестве, но неизвестно, где они находятся... Республиканские части откатились к берегам Мансанареса... Проверяется готовность мостов к взрыву, минируются все близлежащие к мостам дома... Руководство минновзрывными работами взял на себя коммунист Ксанти, человек отчаянной храбрости...

Радио мятежников объявило о порядке церемониального вступления в столицу. Сообщалось, что генерал Мола въедет в город на белом коне. На площади Пуэрта дель Соль ему подадут микрофон, и он скажет только: «Я здесь». Затем он угостит иностранных журналистов кофе в находящейся на этой же площади старой кофейне. Франко уже назначил высших должностных лиц столицы и членов карательных трибуналов, сформировал полицию и подготовил «список красных», подлежащих ликвидации.

Весь капиталистический мир считал, что Мадрид уже в агонии. Буржуазные газеты соревновались в предсказании даты вступления фашистов в столицу Испании. Редакция «Берлинер тагеблатт» поспешила в одном из своих первых ноябрьских номеров оповестить своего читателя о том, что «в ближайшем номере нашего иллюстрированного приложения будут помещены фотоснимки освобожденного от красных Мадрида».

Но чем ближе подступали мятежники к столице Испании, тем упорнее оборонялись его защитники. Чудо продолжалось и ширилось. Происходил любопытнейший с точки зрения психологии процесс, внешне неощутимый, неосознаемый. Умирало состояние обреченности и неверия, рождались стойкость и уверенность в своих силах. Если две недели назад лозунгом было: «Удержать Мадрид или умереть», то теперь мадридцы написали на огромных полотнищах, протянутых через улицы: «Не пройдут». Победы советского народа в гражданской войне вдохновляли защитников Мадрида. Оборону своей столицы от фашизма испанские патриоты сравнивали с обороной Петрограда от белогвардейцев и интервентов в 1919 году.

Прошел год — и враг не продвинулся внутрь Мадрида ни на шаг. Свыше ста тысяч человек положил на подступах к нему Франко, а город, измученный, окровавленный, стоял непоколебимой твердыней. Весь мир, даже враги, отдавали должное этой несравненной храбрости и мужественной стойкости вооруженного народа.

В обороне Мадрида огромна заслуга интернациональных бригад. Когда возникла фашистская угроза республиканской

Испании, на помощь ей по призыву Коммунистического Интернационала со всех концов мира поодиночке двинулись профессиональные революционеры, заслуженные ветераны двух, а то и трех революций, отсидевшие годы в тюрьмах и концентрационных лагерях. Эти люди, многие из которых потеряли родину, нашли ее в окопах Мадрида, среди испанских патриотов и бойцов интернациональных бригад. Они вместе с защитниками столицы Испании говорили: «Мы — авангард мировой борьбы против фашизма, от нашей победы зависит очень многое». Да, это было действительно так!

7 ноября 1936 года, именно в день годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, фашисты намеревались нанести смертельный удар в сердце свободолюбивого испанского народа. Штабу обороны Мадрида это было известно. Повсюду жители столицы, мужчины и женщины, были полны решимости бороться за каждую пядь улиц родного города. С крепко сжатыми кулаками, они напряженно вглядываются вдаль, внимательно прислушиваются... Минуты складываются в часы, напряжение все нарастает.

Вдруг в этой тишине, таящей страшную угрозу, начинает слышаться ритмичный отзвук множества шагов, он все приближается, становится отчетливей. Сердца наполняются тревогой, руки крепче сжимают винтовки и гранаты. Через открытые окна женщины зывают к мужчинам: «Чего вы ждете? Ведь они вошли!». И тут же женские уста замолкли. На улицы ворвались не банды озверевших фашистов — по ним шли колонна за колонной неизвестные молчаливые, суровые люди с винтовками на плечах и примкнутыми штыками.

Но вот прозвучал на каком-то иностранном языке приказ, и воздух наполнился знакомой всем мадридцам мелодией, такой торжественной и волнующей. Тысячи голосов запели «Интернационал» — по-французски, по-немецки, по-итальянски, по-английски, по-венгерски, по-польски и на многих других языках... Изумленные, охваченные великой радостью, мадридцы, рыдая, обнимают бойцов интернациональных бригад. Каждый норовит увести хотя бы одного из них в свой дом, угостить, подарить самое лучшее, что у него есть, этим незнакомым людям, пришедшим в их страну сражаться за дело свободы, а может быть, и умереть за Испанию.

Ликование и восторги мадридцев были нарушены раздавшимся в небе жужжанием приближавшихся к столице самолетов. Однако сирены противовоздушной обороны молчали. Одних это озадачило, других на мгновение охватила тревога. Но то и другое быстро рассеялось: самолеты, летевшие на небольшой высоте, не были ни немецкими, ни итальянскими. Они не бросали бомб, и на их покачивающихся в знак привет-

ствия крыльях были видны цвета республики. Изумлению мадридцев не было предела...

В небе над столицей Испании стремительно пролетели советские самолеты «И-15» и «И-16». По словам Долорес Ибарури, описать этот момент невозможно. Единодушный крик радости, благодарности, облегчения, вырвавшийся из тысяч сердец, поднялся с земли к небу. Советские истребители, прозванные народом ласково «чатос» («курносые») и «москас» («мушки»), были бдительными часовыми, не раз преграждавшими дорогу врагу.

ПРЕДАТЕЛЬ СДЕЛАЛ СВОЕ ДЕЛО — ПРЕДАТЕЛЬ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН

Вряд ли даже тогда, когда станут доступными для изучения секретные архивы разведок, генеральных штабов и министерств иностранных дел капиталистических стран, можно будет восстановить в полном объеме картину чудовищного заговора международной реакции против Испанской республики в последний период ее существования (конец 1938—март 1939 г.). Механизм заговора был чрезвычайно сложен, и каждый из его участников, исходя из собственных агрессивных интересов, пытался в ходе осуществления заговора перехватить инициативу у партнеров и занять решающие позиции в новой политической ситуации, возникающей в Испании.

Но как подчас ни были противоречивы интересы партнеров по заговору, объективно все их действия — явные и тайные — били в одну цель: всячески способствовать удушению Испанской республики. Первую скрипку в оркестре заговора, разумеется, играли нацисты, но это еще не означает, что и режиссура целиком находилась в их руках. Когда мы говорим о важнейших событиях в Европе в период, предшествовавший второй мировой войне, мы, бывает, обходим молчанием решающую роль в этих событиях финансового капитала Соединенных Штатов — вскормившего, вспоившего и снова поставившего на ноги германский милитаризм.

Об этом тем более следует помнить потому, что в те времена империализм янки, маскируясь ширмой изоляционизма, вовсе не стремился к появлению на политической авансцене Европы.

Только благодаря попустительству правящих кругов США могла быть осуществлена итало-германская интервенция в Испании и в результате нее установлена фашистская диктатура Франко.

Экспорт оружия из США в Испанию был запрещен дважды, согласно закону о нейтралитете. В мае 1938 года в конгресс был внесен законопроект о снятии эмбарго на вывоз оружия в республиканскую Испанию, который нашел одобрение в широких кругах американской общественности. Но в Белом доме, как об этом 10 мая того же года писала газета «Нью-Йорк таймс», на секретном совещании решили подождать с отменой закона о нейтралитете.

Каждый из участников заговора действовал в своем репертуаре. Всех их объединяло одно — антикоммунизм. И поскольку испанская компартия была главной движущей силой в республиканской Испании, то и первый удар международной реакции был направлен против нее. Выполнение этой миссии взяли на себя некоторые реакционные лидеры Второго и Амстердамского интернационалов, которые предупредили своих испанских коллег, что до тех пор, пока коммунисты не будут выброшены за борт правительственной коалиции, Испания не сможет ожидать эффективной помощи со стороны международной социал-демократии. Именно с этого времени фактически и началась подготовка к перевороту. К тем дням надо отнести и возникновение в Мадриде капитулянтского центра, начавшего атаку против правительства республиканской Испании, возглавлявшегося Негрином. Впоследствии об этом писал Ричард Гудман в прогрессивном американском журнале «Нью Мессес» (в номере от 21 марта 1939 года).

В качестве руководителей заговора в Мадриде международная реакция выдвинула полковника Касадо, командующего войсками центрального фронта, и правого социалиста Хулиана Бестейро. Первый был офицером дореволюционной испанской армии, и его личность ничем не примечательна, если не считать его давнишних связей с неким лондонским учреждением, именуемым «Интеллидженс сервис». Второй же заслуживает большего внимания.

К тому времени, когда Бестейро на закате своих дней (69 лет) вышел в дамки, за его спиной были уже десятилетия служения буржуазии в качестве ее тайного агента в рядах испанского рабочего класса. Его политическая карьера началась в радикальной партии Леруса. Руководство этой партии разглагольствовало о своих якобы республиканских убеждениях и подчас прямо-таки устрашало своей псевдореволюционностью, а в действительности оно было полицейским инструментом монархии по разложению республиканского движения в стране. Лерус и его окружение пользовались благосклонностью такой фигуры, как Хуан Марч, прозванный «пиратом Средиземного моря» и известный тем, что в первую мировую войну он одновременно состоял на службе анг-

лийской разведки и поставлял горючее немецким подводным лодкам. Немудрено, что в столь грязной обстановке, царившей в этой буржуазной партии, многие лерусисты оказались вовлеченными в контакты с империалистическими разведками. Среди них был и Бестейро, один из «любимчиков» Леруса.

Нагло называя себя социалистом, Бестейро год за годом делал все возможное для разложения рабочего движения в Испании. В период революционного подъема 1917—1921 годов испанские рабоче-крестьянские массы под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции стихийно рвались в бой, стремясь следовать по пути русских большевиков. Бестейро, Кабальеро и другие темные политиканы, объединившись, наносят испанскому пролетариату удар в спину. Предав назревавшую революцию, эта шайка расчистила путь для установления военно-фашистской диктатуры Примо де Ривера.

Время идет, и счет предательствам Бестейро растет. Буржуазии во всех отношениях импонировала деятельность в стране такого «рабочего вождя», и даже его внешность служила ее интересам: высокого роста, самоуверенный, развязный, с грубым голосом, он умел произвести впечатление, стоя на трибуне в рабочей аудитории.

В начале тридцатых годов, особенно после героических боев астурийских горняков, в массах ширится движение к единству. Внутри социалистической партии все, что есть честного, поворачивается к единому пролетарскому фронту, к единству с Коммунистической партией. Но пролетарское единство — смерть для «политиков» типа Бестейро и Кабальеро, и они вместе, хотя и разными методами, пытаются сорвать великое движение за сплочение рядов пролетариата. Хулиан Бестейро возглавляет в социалистической партии правое крыло. Он открыто и цинично выступает против пролетарского единства. Ларго Кабальеро пытается взорвать изнутри движение за единство. Он примыкает к левым и даже пытается «возглавить» их, чтобы парализовать тягу к единству.

Однако, несмотря на все усилия предателей и оппортунистов, революция побеждает.

В продолжение всей войны Бестейро ведет себя, как самый подлый капитулянт, свою подрывную работу в этот период он замаскировал весьма подозрительным молчанием. Но исподтишка он направлял и вдохновлял все самые гнусные интриги против правительства и против политики сопротивления. Почти три года Бестейро пребывает в тени, точнее, выжидает, следуя инструкциям из Лондона, момента, когда он сможет более широко развернуть свою предательскую деятельность. Но вот международная реакция всполошилась: ни

военные усилия интервентов и мятежников на фронте, ни широчайшая подрывная работа в тылу республики не достигают цели. Испанский народ истекал кровью, но продолжал бороться с поистине сказочным героизмом. И для империалистов возникала опасность, что республике удастся все-таки себя отстоять. В это самое время, в конце 1938 года, на страницах европейской реакционной прессы как бы вскользь начал обсуждаться вопрос о «подходящей фигуре», которая смогла бы объединить обе Испании, то есть о том, чтобы найти новую форму удушения республики. Вот тогда и всплыло снова на поверхность имя Хулиана Бестейро.

Нити уже давно подготавливавшегося заговора протянулись из Лондона, через Париж, в Мадрид. В качестве партнеров к «социалисту» Бестейро были подключены троцкист Карильо и представители военщины. Так в самом сердце республики возник подпольный центр капитулянтов.

Английские и французские агенты, действовавшие в Испании, давно уже вели работу по сколачиванию антиреспубликанского блока, в котором они объединили неустойчивые элементы из среды социалистов, группу кабальеристов, троцкистов, «ультрареволюционные» полубандитские элементы анархизма и офицерство, вышедшее из рядов старой монархической армии. Вся эта публика и явилась той силой, опираясь на которую капитулянтский центр развернул свою измениническую деятельность.

Открыто предатели начали действовать в конце февраля 1939 года, когда один иностранный анархист, по их наущению, поставил перед национальным комитетом народного фронта вопрос о необходимости свержения правительства и создания взамен него «хунты». Однако это предложение было отвергнуто представителями социалистической, Коммунистической и двух левореспубликанских партий. То был пробный шар со стороны заговорщиков с целью прощупать состояние политической атмосферы, прежде чем начать вылазку.

Показательно, что незадолго до этого, 14 февраля, лондонская газета «Таймс» призывала Франко «не спешить, так как вскоре должны произойти важные международные события».

Необходимо напомнить, что после потери Каталонии республиканское правительство временно эвакуировалось на французскую территорию. В этих условиях в Лондоне и Париже с часу на час ожидали отставки премьера Негрина и готовились похоронить республику. Однако расчеты Запада провалились. Негрин принял решение вернуться в Испанию и продолжать борьбу.

Такое решение республиканского правительства не было порывом отчаяния, как и не было построено на песке. Оно опиралось на реальную возможность активного сопротивления. Республика располагала четырьмя вполне боеспособными армиями: армией центра, армией Леванта, армией Эстремадуры и армией Андалузии, военным флотом и авиацией, которая, несмотря на свою малочисленность, была известна своим боевым превосходством над неприятельской авиацией. В распоряжении республиканской армии находились тысячи орудий и многие тысячи пулеметов. И что особенно важно — моральное состояние республиканских войск было прекрасным. Армия же Франко была истощена и больше не желала воевать.

Военное положение республики стало бы еще более крепким, если бы в Испанию возвратились войска, отступившие во Францию после захвата мятежниками Каталонии. Но французское правительство разоружило и интернировало эти части. А это были лучшие части республиканской армии, находившиеся под влиянием коммунистов, прославившие себя в боях под Мадридом и Гвадалахарой и переброшенные затем с центрального фронта в Каталонию.

Тем самым Париж оказал прямую помощь Франко.

В сложившейся обстановке республиканское правительство возложило на премьера верховное командование армией, а также были приняты решительные меры к выдвижению на руководящие посты в армии патриотов-антифашистов. Ударный корпус, насчитывавший 50 тысяч бойцов во главе с коммунистом Модесто, должен был быть направлен в Мадрид для смены войск Касадо. Прославившие себя военачальники — полковник Листер и Тагуэнья назначались на командные посты на эстремадурском и андалузском фронтах. Все эти офицеры были известны своими воинскими талантами и горячей преданностью республике.

Поняв, что эти решительные действия правительства могут сорвать их предательские намерения, заговорщики сбросили маски.

В ночь с 4 на 5 марта, прежде чем ударный корпус Модесто успел подойти к Мадриду, в Картахене вспыхнул мятеж. Возглавленный офицерами береговой артиллерии, он носил явно фашистский характер. Мятежники подняли фашистские флаги и обратились по радио с призывом к Франко о посылке к ним военных судов с десантом. Стремясь скрыть истинный характер мятежа, предатели распространяли клеветнические слухи, что он якобы инспирирован коммунистами. Однако фашистский мятеж был быстро подавлен верными республике войсками, которыми командовали коммунист пол-

ковник Родригес, командир героической 11-й дивизии, и социалист-патриот Виргилио Льянос. К вечеру того же дня красно-желтое знамя фашизма было сорвано с фортов картахенской военно-морской базы.

Миаха и Касадо, вызванные в тот день на заседание правительства, которое происходило вблизи Аликанте, отказались выполнить приказ Негрина и пытались захватить министров в ловушку, пригласив их явиться в Мадрид, где их, несомненно, арестовали бы и расстреляли.

Но не прошло и суток после подавления мятежа в Картахене, как капитулянты и фашисты снова выступили. В ночь с 5 на 6 марта в Мадриде произошел контрреволюционный переворот. Предатели организовали там контрреволюционную «хунту национальной защиты». Так был захвачен Мадрид, прекрасный и героический город, в продолжение двух с половиной лет гордо стоявший перед лицом противника.

7 марта мадридская радиостанция сообщила об образовании «правительства национальной обороны» под председательством генерала Миаха. В его состав вошли Бестейро, министр иностранных дел, полковник Касадо, министр национальной обороны, Карильо, министр внутренних дел, и другие предатели.

Заговорщики избрали Миаху — этого высокого, с подозрительным румянцем на щеках лысого старика в роговых очках, всем своим обликом напоминавшего сову, — в качестве своего «главы» не случайно. С его именем незаслуженно связывали организацию обороны Мадрида в ноябре 1936 года. На самом деле это была совершенно бездарная во всех отношениях личность, случайно оказавшаяся на гребне волны героического энтузиазма защитников Мадрида.

Правительство Негрина было объявлено вне закона. Изменники отдали приказ об аресте правительства республики, руководителей Коммунистической партии и доблестных командиров Модесто, Листера, Галана, Ортега, Кампесино.

В течение этой трагической для республики ночи гарнизоны Валенсии, Мурсии и Альмерии один за другим присоединились к Касадо, который, пользуясь тем, что вся телефонная сеть находилась в его руках, смог быстро заменить во всех стратегических пунктах верных республике командиров своими людьми. На утро на стороне правительства остался лишь гарнизон Аликанте. Но к концу дня и здесь командование захватил офицер — ставленник Касадо.

Заговорщики сразу приняли меры к аресту летчиков республиканской авиации. Они рассчитывали арестовать Негрина, министров, Пассионарию, Модесто, Листера и других, с тем чтобы выдать их в качестве заложников Франко. К сча-

стью, эта гнусная затея не удалась. Благодаря тому что охрана мадридского аэродрома Алькасар Сан Хуан оказала сопротивление предателям, отсюда удалось подняться в воздух четырем самолетам, которые благополучно приземлились в Хусте (близ Аликанте) и затем взяли курс на Францию.

Предатели долго готовились к перевороту. Они завербовали сотни кадровых командиров старой испанской армии. Продуманно расставили свои силы, чтобы лишить антифашистов возможности оказать сопротивление. Тысячи провокаторов и агентов различных иностранных разведок оказывали им всяческую помощь. И, несмотря на все это, хунта капитулянтов столкнулась с серьезным отпором патриотических сил. 9 марта французская газета «Пти паризьен» сообщала: «Движение коммунистов в Мадриде было чрезвычайно бурным. Вчера стало известно, что весь вечер и всю ночь происходили ожесточенные бои на улицах испанской столицы». Значительные силы антифашистов сконцентрировались в северной части Мадрида, вблизи старого ипподрома, и в самом центре, в районе вокзала Аточа и гостиницы «Националь».

Особенно ожесточенные бои происходили на окраине испанской столицы. Весь квартал Куатро Каминос находился в руках республиканцев-патриотов, которые не хотели сдаться войскам Касадо. Пять эскадрилий Касадо бомбардировали улицы, на которых укрепились восставшие. Все выходы из столицы были блокированы. Ожесточенная борьба с предателями развернулась также в Гвадалахаре, Мурсии, Альмерии и в других городах республиканской зоны.

Был момент, когда антифашисты завладели большей частью столицы, замкнув мятежников в узком кольце внутренних кварталов. Только прибегнув к переброске с фронта в Мадрид нескольких моторизованных дивизий и тем самым открыв фронт врагу, изменническая хунта сумела подавить сопротивление патриотов.

Прежде всего предатели обрушились на героическую Коммунистическую партию Испании. Их лондонские и парижские хозяева главным образом настаивали на самой быстрой расправе с коммунистами. Еще до переворота реакционная печать Запада подчеркивала, что новая военная диктатура Мадрида, которая вскоре придет к власти, сможет доказать, что она «достойна доверия» только при условии, что прежде всего она расправится с коммунистами и антифашистами из других партий. Позже уже прямо указывалось, что Бестейро, который с самого начала войны поддерживал постоянную связь с Лондоном и Парижем, за неделю до переворота начал переговоры о блоке с Касадо именно на этой основе.

На другой день после переворота парижская газета «Эко де Пари», захлебываясь от восторга, писала: «Что бы там ни было, то, что характеризует мадридскую хунту защиты, — это антикоммунизм... С момента образования комитета коммунистические центры в Мадриде и в других местах были взяты приступом и находившиеся в них обезврежены».

Бестейро, став «министром иностранных дел» хунты, спешит на весь мир заявить о своем кредо антикоммуниста. Этот «социалист», выступая по радио, говорит языком фашиста: «Национальный совет хочет предотвратить окончательный переход республиканского правительства в руки коммунистов. Борьба началась, это борьба с тиранией коммунистов». 8 марта 1939 года лондонская газета «Таймс» опубликовала это заявление предателя.

Коммунистическая партия была объявлена вне закона. Для оправдания расправы над коммунистами была пущена в ход провокация о коммунистическом «восстании» в Мадриде. Началась форменная охота за коммунистами, тысячи которых в первый же день захвата власти хунтой были брошены в тюрьмы. И в то же самое время изменник Миаха обратился по радио «к братьям коммунистам», заверяя их, что Коммунистическая партия якобы не будет распущена и останется легальной, как и другие партии.

Став перед угрозой физического уничтожения, коммунисты были вынуждены взяться за оружие. Семь дней продолжалось возглавлявшееся коммунистами героическое сопротивление антифашистов Мадрида. К коммунистам примкнуло много республиканцев, социалистов, анархистов.

Разумеется, Франко и интервентов вполне устраивала такого рода «деятельность» хунты. Они ждали, когда хунта, сломив сопротивление наиболее стойких и преданных республике бойцов, окончательно расчистит им путь. Хорошо информированная газета «Таймс» 10 марта писала: «До тех пор, пока «хунта защиты» занята убийством коммунистов, избавляя тем самым генерала Франко от необходимости иметь с ними дело, вряд ли изменится принятая «националистами» тактика стороннего наблюдателя».

Но был момент, когда фашисты сочли необходимым изменить этой тактике. Это было в наиболее критические для хунты дни. Войска Франко произвели тогда, по согласованию со штабом Касадо, яростную атаку на Каса дель Кампо, где стояли верные республике части: этим они воспрепятствовали последним прийти на помощь сражавшимся с предателями антифашистам Мадрида.

Буржуазная пресса Запада аплодировала расправе хунты с коммунистами. Та же «Таймс», публикуя сообщение о том, что мадридское радио в своих передачах перемежает нападки на коммунистов с танцевальной музыкой и что в его очередную передачу был включен танец композитора Виллакампа «Последний бык», комментировала: «Как хорошо, если бы это был действительно «Последний бык», если бы борьба уже закончилась и все могли бы разойтись по домам». Лондон и Париж жаждали крови испанских патриотов-антифашистов. И она лилась.

Двурушничество, ложь, преступления и самый чудовищный обман — вот что составляло политику клики Касадо — Бестейро. После переворота предатель Касадо обратился по радио со следующим призывом: «Мы будем сопротивляться до тех пор, пока не подпишем почетный мир. Испанский народ борется за свою независимость и будет продолжать сопротивление до тех пор, пока ему не предложат почетный мир... Мир для испанцев или борьба на жизнь и на смерть! Испанцы, да здравствует республика! Да здравствует Испания!».

Давая оценку этому выступлению Касадо, один очевидец мадридских событий высказался так: — Бесспорно, Франко усмехнулся, прочитав слово «почетный», — полковник Касадо для него дважды предатель. Изменникам вручают денежные знаки, но им никогда не оказывают знаков почета. Перед генералом Франко теперь раскрыты ворота обманутого Мадрида, и через несколько дней о деятельности «комитета обороны» будут помнить только казначейства так называемых демократических стран.

В этой связи весьма любопытно звучит сообщение хендэйского корреспондента газеты «Таймс», который уже на другой день после переворота откровенно высказал свое мнение о том, что заявления мадридского радио и разговоры о предстоящем «сопротивлении» — только маскировка, предназначенная для того, чтобы дезориентировать народ на то время, пока ведутся переговоры с Франко.

В дальнейшем, играя на усталости масс, измученных голодом и лишениями, предатели пытались изобразить дело так, что республиканское правительство и коммунисты во что бы то ни стало хотят продолжения войны и дальнейшего пролития крови, а они, мол, добиваются заключения «почетного мира».

19 марта Бестейро по радио обратился к Франко с предложением заключить этот «почетный мир». О том, что Бестейро подразумевал под словом «почетный», можно судить по тексту документа, отправленного им тогда же в Бургос, где находилась ставка Франко. В нем говорилось:

«1. Республиканская Испания признает правительство генерала Франко единственным законным правительством Испании и генерала Франко единственным главой государства.

2. Республиканская Испания обязуется немедленно демобилизовать свои войска и сдать все оружие.

3. До вступления националистских войск в Мадрид республиканцы обязуются уничтожить все взрывчатые материалы, приготовленные для того, чтобы в случае необходимости взорвать город».

Далее события разворачивались так. 24 марта из Мадрида в Бургос прибыло два самолета. «Республиканских» парламентаров сопровождали фашистские агенты. Римский корреспондент французской газеты «Депеш» на другой день сообщал, что мадридские парламентары предложили немедленную сдачу испанской столицы без всяких условий... Они просили в качестве единственной уступки разрешения выехать за границу для некоторых граждан Мадрида; видимо, писал корреспондент, речь шла о членах хунты.

27 марта газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала более подробную информацию: «К мятежникам прибыл аэроплан «Дуглас», пилотируемый летчиком лейтенантом Гаррачано. С ним прибыли подполковник и лейтенант из штаба Миаха. Утверждают, что уполномоченные рассказывали «националистам», что хотя хунта защиты и хочет удовлетворить все требования Франко, но она не обладает достаточной властью для того, чтобы принудить к сдаче некоторые политические и военные группировки; поэтому она приветствовала бы наступление националистов; тогда можно было бы провести сдачу в условиях военной обстановки».

Самое гнусное предательство настежь открыло ворота республики перед ордами Франко и интервентов. Придравшись к тому, что хунта на несколько часов запоздала с выдачей в виде залога республиканской авиации, командование мятежников прервало переговоры и 26 марта начало широкое наступление на южном фронте. Хунта и не думала сопротивляться. Она истошно призывала по радио к «спокойствию» и к тому, чтобы ни в коем случае не было никаких «самочинных выступлений».

Испанский народ, подло обманутый обещаниями «почетного мира», был попросту выдан с головой неистовствующим «победителям». И с этой минуты началась самая дикая и зверская расправа, самый жестокий террор против доблестных сынов испанского народа. За несколько десятков дней испанский народ пролил больше крови и перенес больше мучений и пыток, чем за все тридцать два месяца войны, и, без сомнения, больше, чем ему пришлось бы перенести при сопротивлении во

имя победы. Мадридская хунта выполнила свое кровавое дело.

Реакционная печать Лондона и Парижа восторженно приветствовала сообщение о перевороте в Мадриде. Дипломатический обозреватель «Дейли телеграф» во всеуслышание заявил, что об интригах, приведших к перевороту, британскому и французскому правительствам было известно раньше и что сообщение о перевороте не явилось для них неожиданностью. Буржуазные газеты одна перед другой похвалялись своей осведомленностью. Они указывали, что именно агенты английского империализма разработали подробный план вплоть до указания тех лиц, которые должны были образовать предательскую хунту.

Газеты подчеркивали, что нити заговора находились в руках английского консула в Мадриде. В газете «Эвр» Женевы Табуи утверждала, что английский консул в Мадриде находился в тесной связи с Касадо и «все заранее с ним урегулировал». За десять дней до переворота во французской газете «Пти паризьен» был помещен портрет Бестейро с указанием, что он намерен образовать новое правительство в республиканской Испании.

Позже из сообщений прессы стало известно, что Касадо заблаговременно начал заботиться о своей «эвакуации» из Испании. По словам газеты «Эвр», за неделю до переворота французский министр иностранных дел Бонне заявил: «Полковник Касадо собирается уехать в Южную Америку и хлопочет о визе». Действительно, лишь только предательская хунта завершила свою «деятельность», английский военный корабль принял на борт Касадо и его ближайших подручных.

А что же случилось с Бестейро?

Его шпионская роль не оставалась секретом для прогрессивного международного общественного мнения. Вот что, например, писал о нем прогрессивный американский журнал «Нью Мессес»: «Лидер правого крыла социалистов Хулиан Бестейро, не имевший ничего общего с освободительной борьбой и являющийся «министром иностранных дел» хунты Миаха — Касадо, находится на службе в английской разведке».

Бестейро остался в занятой Франко испанской столице. Английские и французские социал-предатели лезли из кожи вон, чтобы хоть как-нибудь сохранить «престиж» «социалиста» Бестейро. В Лондоне и Париже, по согласованию с Франко, разрабатывается новая инсценировка.

Над Бестейро устраивают идиллический процесс со взаимным обменом улыбками и выражением сочувствия между судьями и обвиняемым. Защитник перечислил на суде ряд благоприятных для фалангистского движения статей и заяв-

лений Бестейро. Он огласил также заявление Бестейро, сделанное им бывшему сенатору Эллио, когда последний спрашивал его о «добrote» Франко. «Да, это верно, — ответил Бестейро, — что касается Мадрида, то я должен признать, что если у нас есть электричество и вода, то это благодаря великодушию осаждающих».

В то время как мятежники зверскими бомбардировками уничтожали испанские города и тысячами убивали женщин, детей и стариков, Бестейро говорил о «великодушии» их главаря!

В заключение своей речи защитник Бестейро заявил, что при образовании хунты «обвиняемый поддерживал контакт с тайными агентами националистов и что в тайных архивах бургогского правительства имеются на этот счет убедительные доказательства». Яснее не скажешь!

Но и сам Бестейро не жалел желтых красок, чтобы подать себя в наиболее выгодном оформлении. Обращаясь к судьям, Бестейро заявил, что он «определенно является более антикоммунистом, чем антифашистом».

Правосоциалистические сообщники Бестейро на Западе пытались окружить своего подзащитного ореолом мученичества. Поль Фор во французской газете «Попюлер» утверждал, что Бестейро «остался в Мадриде, чтобы постараться ослабить дикий террор победителей», и что он это делал, «зная об опасности, грозящей ему лично». Говорить это о Бестейро, зная о зверствах самой хунты, может лишь самый отвратительный лжец. В действительности Бестейро остался в Мадриде, потому что заранее знал, что никакая опасность ему не грозит.

Бестейро остался в Мадриде для того, чтобы оказать еще одну ценнейшую услугу Франко. На вопрос прокурора о законности власти Асанья Бестейро ответил: «Не подлежит сомнению, что по своей форме она вызывает некоторые оговорки». Тем самым Бестейро признал, что Франко был прав, подняв мятеж, потому что республика якобы была незаконной властью.

Франкистский суд сохранил необходимый для этого случая декорум. Бестейро был осужден на тридцать лет, но прямо из суда его отправили в больницу для лечения!

Имя Хулиана Бестейро, лидера правого крыла социалистической партии Испании, покрыто несмыслаемым клеймом предателя, усилиями которого испанский народ ввергнут в пучину страшного террора и многолетних страданий. Это весьма характерная фигура социалиста типа Носке, капитулянта и профессионального тайного агента буржуазии. И на-

до помнить, что «деятели» такой категории не сошли еще с политической арены многих стран, они не только еще существуют, но и изо всех сил вредят явно и особенно тайно делу социализма.

ЧЕМУ УЧИТ ИСТОРИЯ

Почти три года испанский народ вел длительную и тяжелую борьбу, защищая с оружием в руках независимость страны и свои завоевания. Испанский народ принес огромные жертвы, первый вынес на себе удары блока фашистских агрессоров. После почти трехлетней героической борьбы он, однако, потерпел поражение.

Что же помешало прогрессивным силам Испании удержать власть в своих руках? Как получилось, что они оказались вынужденными капитулировать перед мятежниками и интервентами?

Руководящие деятели Коммунистической партии Испании Хосе Диас, Долорес Ибаррури и другие в ряде своих публичных выступлений дали исчерпывающий анализ причин поражения Испанской республики. Мятежники и интервенты «одержали верх, используя нашу недостаточную организованность, они сумели одержать верх в результате гнуснейшей работы контрреволюционеров, троцкистов, которые в течение многих месяцев сотрудничали с врагом в деле деморализации на фронте и в тылу,— говорила Долорес Ибаррури на февральском 1939 года пленуме мадридской организации компартии.— Они одержали верх потому, что ужасное наследие ошибок, слабостей, протекционизма, капитулянтства и неспособности, оставшееся правительству национального единения от его предшественников, полностью не было ликвидировано».

После Великой Октябрьской социалистической революции освободительная война испанского народа явилась одним из наиболее крупных событий в развитии международного революционного движения. Так называемая гражданская война в Испании с первых дней превратилась в войну за национальную независимость, за экономическое, социальное и культурное преобразование жизни народа. В ходе борьбы начал быстро меняться политический и экономический облик страны, вступившей на путь прогресса. Вся эта созидательная работа Испанской республики стала возможной главным образом в результате союза рабочего класса с трудящимися массами крестьянства и городской мелкой буржуазией, объединившихся под знаменем народного фронта. В этом союзе рабочему классу принадлежала ведущая роль.

Испания, являвшаяся к началу борьбы республикой буржуазно-демократического типа, превратилась в течение войны в народную республику, без крупных капиталистов, без помещиков, в республику, которая опиралась на народные массы и на регулярную армию.

Народный фронт, возникший в октябре 1934 года, был тем могущественным фактором, который сплотил силы испанского народа, поднял на невиданную высоту политическую сознательность масс и вовлек в освободительную войну новые слои населения. Народный фронт явился своеобразной формой развития революции в тот период.

Создание и укрепление народного фронта является главной заслугой испанской компартии и особенно ее мадридского актива. Коммунисты с огромной настойчивостью боролись за объединение и сотрудничество всех антифашистских сил.

Вооруженная борьба испанского народа стала кровным делом трудящихся масс всего мира, которые рассматривали эту борьбу как свою собственную. Она разбудила значительные силы рабочего класса и мобилизовывала на борьбу против буржуазной реакции, против империализма.

Международный империализм не мог этого допустить.

На борьбу с революционной Испанией были брошены все силы реакции. Решающую роль в этом преступномговоре сыграли западные демократии, при благосклонном «невмешательстве» которых гитлеровская агентура смогла подготовить и организовать фашистский мятеж в Испании. Без практической помощи Франко и интервентам со стороны английской и французской реакции и социал-демократических вождей революционная Испания не была бы побеждена.

В отличие от политики «демократических» стран — США, Англии и Франции — великая страна социализма — Советский Союз с самого начала и до конца войны оказывал испанскому народу разнообразную поддержку. Мощный голос советского народа звучал, не умолкая, изо дня в день, призывая к оказанию помощи испанскому народу. Республиканская Испания оказалась почти в полной внешнеполитической изоляции. И трудно придумать другой момент, когда бы народ, армия и правительство республики так нуждались в слове ободрения, чем тот, когда пришла из Москвы телеграмма:

«Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских reactionеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

Особенно тяжелым было положение в республиканской Испании с оружием. Правительство республики обращалось с просьбой продать оружие к нефашистским странам Западной Европы, Латинской Америки, к Соединенным Штатам. Оно предлагало какие угодно цены и условия. Все было тщетно. Между тем, будь у республики оружие, мятеж можно было бы ликвидировать в две-три недели.

Советский Союз сделал все возможное, чтобы помочь испанскому народу в этом деле. С октября 1936 года по сентябрь 1937 года из СССР в Испанию было отправлено морским путем 23 транспорта с оружием. Благодаря этому положение с вооружением республиканской армии стало значительно лучше.

Советские танки показали лучшие боевые данные по сравнению с танками интервентов. Броня их оказалась нечувствительной ни к ручным гранатам, ни к снарядам легкой артиллерии. Огонь противника для них был нестрашен. Пули барабанили, как крупный дождь по железной крыше. А маленькие, но очень проворные советские истребители стали грозой для фашистских «Юнкерсов» и «Капрони».

Советское правительство направило в Испанию большую группу добровольцев. Среди них были военные специалисты различных родов оружия, выполнявшие обязанности военных советников в республиканской армии. В их числе — П. И. Батов, ныне генерал армии, комкор авиации А. В. Смушкевич, Ян Берзин, В. Е. Горев, сыгравший огромную роль в ноябрьские дни 1936 года, когда он помог республиканцам остановить фашистов в предместьях Мадрида, комдив Г. М. Штерн и многие другие видные командиры Советской Армии. Танковым соединением в республиканской армии командовал комбриг М. П. Петров, впоследствии погибший на фронте в Великую Отечественную войну.

Начиная с октября 1936 года советские суда стали перевозить в Испанию те товары, о поставке которых республиканское правительство просило правительство СССР.

Работницы «Трехгорной мануфактуры» выступили с инициативой послать испанским женщинам и детям одежду, продовольствие и медикаменты. Призыв этот был подхвачен всем советским народом, и спустя два месяца в испанские порты прибыли советские пароходы «Зырянин», «Нева» и «Турксиб», доставившие первую партию товаров на сумму около 60 миллионов рублей, присланную трудящимися СССР.

Матросы советских судов, показавшие во время своих длительных морских переходов волнующие примеры героизма и самоотверженности, доставляли в Испанию не только сахар

и муку, масло и хлопок. Они привозили также самолеты и танки, орудия и пулеметы. Вместе с ними приезжали люди, умевшие владеть этим оружием и обучавшие тому же бойцов республиканской армии.

В особняке на улице Серрано в Мадриде находился подлинный штаб испанской революции — Центральный комитет Испанской коммунистической партии. Раньше здесь помещался национальный совет одной из самых реакционных организаций — католической партии Хилия Роблеса.

После ее запрещения в кабинете Роблеса появился тихий, задумчивый человек с длинным смуглым лицом. Он был почти всегда грустным, и улыбка на его лице, казавшемся гораздо старше от усталости и болезни, появлялась очень редко. Хосе Диас — сын рабочего-пекаря — с двенадцати лет начал работать в пекарне и стал участником рабочего движения. Этот скромный, неразговорчивый и добрый человек пользовался в ЦК, как и во всей партии, огромным авторитетом. Очень большой, Хосе, преодолевая страшную слабость, возглавлял руководство партии в качестве генерального секретаря. Всегда и везде он был стойким, бесстрашным бойцом, глубоко преданным делу коммунизма.

Пассионария — дочь горняка, судомойка при шахте — первая испанская женщина-коммунистка, высокая, сильная, с большими черными выразительными глазами, всегда одетая во все черное, несмотря на палящую жару, покоряла своей своеобразной красотой и пленительным красноречием. Эта женщина еще в 1934—1935 годах стала живым символом борьбы с фашизмом. О ней можно сказать, что она — воплощение лучших качеств испанского народа: его пламенной гордости, его неукротимой любви к свободе, его готовности пожертвовать собой во имя высших идеалов человечества. Вокруг ее имени слагались легенды, полные восторга и преклонения. Во время войны с Франко и интервентами она бросила незабываемый лозунг: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях».

Естественно, что руководящей и направляющей силой в борьбе испанского народа против фашизма была Коммунистическая партия. Однако боевое единство трудящихся Испании не имело достаточно твердой базы, его костяк — рабочий класс — был расколот. Понимая огромную важность установления единства трудящихся масс, испанские коммунисты упорно боролись за создание единого профсоюзного центра. Коммунисты Испании всячески стремились к созданию единой партии рабочего класса на основе марксистско-ленинских принципов. Но правые социалисты и анархисты делали все возможное, чтобы помешать развитию и укреплению единст-

ва испанского пролетариата. Они знали, что такое единство усилило бы влияние коммунистов в профсоюзах, в народном фронте и в правительстве.

Создание республиканской армии — это прежде всего величайшая заслуга испанских коммунистов. В маленьком особняке на мадридской улице Листа находился штаб знаменитого Пятого полка, который вырос из первых маленьких ударных частей, сформированных коммунистами для обороны Мадрида. Они состояли из совершенно неопытных в военном деле мадридских пролетариев, обучавшихся на ходу, в бою.

Потом Пятый полк стал своего рода кузницей подготовки рядового и командирского состава для всей республиканской армии. На примере Пятого полка испанские коммунисты показали образцы революционного подхода к созданию вооруженных сил народа.

Этот полк воспитал таких замечательных командиров, как коммунист, галисийский рабочий, участник астурийского восстания Энрике Листер. Высокий, красивый парень с медного цвета, гладкими, зачесанными назад волосами, мужественным, волевым лицом в короткий срок стал одним из прославленных офицеров новой армии. В недалеком прошлом, в дни эмиграции, показавший образец работы в качестве проходчика на постройке московского метро, талантливый Листер теперь без труда овладел сложным искусством военачальника, которому были подчинены тысячи бойцов.

В сентябре 1936 года премьером республиканского правительства стал сугубо штатский человек, надевший полувоенную форму и повесивший на пояс пистолет. В то время Ларго Кабальеро было без малого семьдесят лет. За его спиной были многие десятки лет, когда-он занимал самые реформистские и соглашательские позиции в рабочем движении. Не задумываясь, он шел на любые компромиссы и даже на коалицию с самыми правыми буржуазными правительствами, вплоть до реакционной королевско-фашистской диктатуры Primo de Rivera.

Народ простил Кабальеро реформизм, соглашательство с буржуазией и притеснение рабочих в бытность его министром труда и оказал ему самое высокое доверие. Чем же отплатил народу этот лидер социалистов, называвший себя «левым»?

Враг коммунизма и Советского Союза, он презирал массы и в военной области слепо доверился подозрительным и бездарным военным специалистам. Придерживаясь такой политической позиции, Ларго Кабальеро тормозил создание сильной республиканской армии и всячески старался сорвать прилагаемые в этом направлении усилия Коммунистической партии.

В дни наступления противника на Мадрид нутро капиту-

лянта в Ларго Кабальеро проявилось с особой силой. Он заявил, что якобы нет стратегического смысла оборонять столицу и что надо отступить с армией и дать сражение, оставив Мадрид. Он с яростью отклонил предложение компартии о всеобщей народной мобилизации. И в то время как защитники Мадрида истекали кровью, «премьер» аккуратно ложился спать в девять часов вечера и никто не смел его будить...

В мае 1937 года, под давлением народных масс, Кабальеро был вынужден уйти в отставку. Новое правительство возглавил социалист Негрин, а военным министром стал лидер правых социалистов Индалесио Прието. Этот глыбообразный мешок мяса, костей и жира, с репутацией очень хитрого и даже продувного политика, начал свою деятельность с проведения «пропорциональности» в командном составе армии, поставив во главе военных соединений целый ряд политически сомнительных людей и трусов. Отказываясь провести чистку командного состава армии, он назначал на ответственные посты вредителей и врагов.

Вредительская деятельность Прието облегчила продвижение фашистов. В марте 1938 года интервенты вступили на территорию Каталонии. К 15 апреля они вышли к побережью Средиземного моря, расчленив республику на две части, — таков был итог преступной деятельности Прието.

Отдавая себе отчет в огромной опасности, возникшей в результате капитулянтской деятельности Прието, испанские коммунисты потребовали его отстранения. В новом правительстве национального единения Негрин занял пост премьера и военного министра. Негрин проводил политику сопротивления, но проводил ее непоследовательно, нередко идя на уступки врагам этой политики. Он не осуществил в армии, во флоте, в государственном аппарате той радикальной чистки, на которой настаивали коммунисты. Он мирился с атмосферой безнаказанности, созданной его предшественниками, терпел саботирование политики создания военных резервов и укреплений.

Деятельность Коммунистической партии Испании, особенно в этот период войны, обеспечила ей доверие и любовь со стороны масс, привела к значительному ее росту — перед войной партия насчитывала 100 тысяч членов, а во время войны — 300 тысяч членов только на территории республики. Лишь благодаря правильной политике Коммунистической партии Испанская республика 32 месяца сдерживала натиск сил фашизма и всей международной реакции.

«Но, — отмечал генеральный секретарь испанской компартии Хосе Диас, — у коммунистической партии были и слабые места. Стремясь сохранить народный фронт, она своевременно не сигнализировала народу, что представители других

партий и организаций прикрывали лозунгом народного фронта свое предательство. Перед лицом неизбежного наступления врага, озабоченная главным образом положением на фронтах, партия пренебрегла делом мобилизации масс на борьбу с предательством и не подавила мятеж предателей, хотя и располагала необходимыми для этого силами. Но, несмотря на эти ошибки, партия, не колеблясь, самоотверженно выполняла свой долг перед испанским народом и международным пролетариатом».

Испанский пролетариат за время войны распознал всех своих врагов. Недаром он считает лидеров социалистической партии главными виновниками поражения испанского народа. Величайшим несчастьем для испанского народа явилось то, что все эти «социалисты» — Кабальеро, Прието, Бестейро и иже с ними — не были своевременно устранены из рядов борющегося народа. Эти ядовитые змеи, сеявшие в продолжение всей войны сомнения и проводившие самый подлый саботаж, чтобы вызвать в народе отчаяние и заставить его сдаться интервентам, в заключение своего предательства выступили под маской «ангелов мира», выдавая себя за людей, желавших избавить народ от дальнейшего кровопролития.

В ходе революционно-освободительной войны испанского народа обнаружились вопиющее предательство и полная несостоятельность «теории» и тактики анархистов.

Разные анархистские федерации Испании, за редким исключением, состояли из групп выродившихся деклассированных элементов и «снобов», вербовавшихся среди подонков всех слоев общества. Эти «либертарины», как они себя называли, например, овладев каким-нибудь профсоюзом, душили в нем всякое проявление демократической жизни. Во многих случаях анархистские лидеры являлись на рабочие собрания окруженными своими бандами головорезов. Бывало и так, что такой «лидер», демонстративно положив на стол револьвер, обращаясь к собравшимся, говорил: «Ну, выступай, кто с нами не согласен». Эти люди присваивали себе нелепые клички: «Мозговой динамит», «Ничьи дети», «Бесконтрольные», «Беззаконные» и т. д., и т. п.

С самого начала войны в Испании эти злейшие враги испанского народа организовали шайки настоящих разбойников и бандитов, оперировавших в тылу. И, наконец, анархисты докатились до самых глубин предательства — они открыли фронт врагу, они стали вооруженной силой клики Касадо — Бестейро.

Важнейшим итогом национально-революционной войны в Испании является следующая истина: чтобы победить внешнего врага, необходимо прежде всего уничтожить внутреннего

врага. Но для осуществления этой задачи «рабочий класс должен *разбить, сломать* «готовую государственную машину», а не ограничиваться простым захватом ее». В этом, указывал Ленин, заключается «главный урок марксизма по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству» (В. И. Ленин, Соч., изд. 5-е, т. 33, стр. 37—38).

В республиканской Испании не был полностью сломан старый аппарат, который служил реакции, и не был заменен новым аппаратом, соответствующим народному характеру республики. Капитулянты, интриганы и реакционеры оставались на руководящих постах в государственном аппарате Испанской республики, и поэтому ее правительство не могло быть подлинно народным, революционным правительством. Именно это обстоятельство дало возможность таким людям, как Касадо и Бестейро, имена которых будет вечно проклинать испанский народ, сгруппировать вокруг себя свору изменников и провокаторов — от кабальеристов до открытых троцкистов. И эта банда, объединив свои усилия, вонзила нож в спину испанского народа.

„ПЯТАЯ КОЛОННА“

Испанские коммунисты ожидали мятежа. Они указывали, что среди генералов существует заговор и, если правительство не примет решительных мер, народу придется дорого за это заплатить. Так оно и получилось.

...Один из франкистских генералов, Мола, в начале ноября 1936 года объявил, что фашистская армия наступает на Мадрид пятью колоннами: по эстрамадурской дороге, по толедской, через Авила (Гвадаррама) и через Сигуэнсу (Гвадалахара), а «пятая колонна» — это фашистское подполье самой столицы.

Преступную деятельность «пятой колонны» республика стала остро ощущать с первых же дней мятежа — повсюду зрели заговоры и провокации, готовились террористические и диверсионные акты, распространялись чудовищные слухи. Фашисты, маскируясь, перекрашиваясь, пролезали во все учреждения, сеяли панику, сомнения, неверие.

Против республиканской Испании действовали шпионско-диверсионные организации, созданные германской и итальянской разведками, разведкой Франко и троцкистами. Только в первый год войны в республиканской Испании было раскрыто и ликвидировано около 100 шпионско-диверсионно-заговорщических организаций и групп с общим количеством участников примерно в шесть с половиной тысяч человек. Эта

цифра станет особенно наглядной, если учесть, что во время первой мировой войны, согласно опубликованным данным, все участвовавшие в войне страны имели примерно около 45 тысяч шпионов и диверсантов, из коих было раскрыто, арестовано и казнено около тысячи человек.

Наиболее разветвленной и хорошо организованной была агентурная сеть германской разведки. Еще до захвата власти национал-социалистами рейхсвер располагал в Испании обширным шпионским аппаратом, дислоцированным в городах и портах стратегического значения. Центр этой агентурной службы находился в Барселоне, замаскированный вывеской представительства «Центральной конторы ветряных двигателей» («Генерал фуорса мотрис аэрза»).

Агентами рейхсверовской разведки в Испании были преимущественно эмигрировавшие из Германии офицеры. В большинстве своем они были опытными конспираторами и заговорщиками, умудренными в тонкостях и ухищрениях подпольной деятельности. Всему этому они научились в рядах черного рейхсвера и добровольческих карательных отрядах, боровшихся против революционного движения в Германии. В Испании они быстро установили контакты с реакционной частью офицерского корпуса. Эти немецкие агенты оказались подходящими соратниками для испанских мятежников. Они их поддерживали в борьбе против Испанской республики собственным опытом и выступали в качестве инструкторов и организаторов проводимой ими нелегальной контрреволюционной деятельности.

Одна из первых шпионско-диверсионных организаций, раскрытая республиканскими властями в Мадриде в июле 1936 года, возглавлялась германским шпионом Клаусом. Он руководил и направлял шпионско-диверсионную деятельность 300 предателей испанцев.

Наглость германских шпионов, действовавших в Испании во время войны, беспредельна. Один из них, корреспондент берлинской газеты «Фелькишер беобахтер» Удо Вальтер, рассказал в своей газете о том, как он нелегально отправился в Каталонию, получил в Барселоне явку «к одному консулу другой страны», сообщенную консулу «курьерским путем», то есть дипломатической почтой, и как на территории Испании он маскировался под француза, англичанина, иногда прикидывался глухонемым и т. д.

Документы, найденные республиканскими властями в помещении генерального консульства Италии в Барселоне, свидетельствовали, что итальянская разведка активно действовала в Испании еще задолго до мятежа Франко.

В феврале 1937 года в Барселоне была ликвидирована крупная шпионская организация. Следствие установило, что ее создало итальянское генеральное консульство до своего отъезда из Барселоны. Среди арестованных оказалось много лиц, занимавших ответственные должности на правительственной радиостанции, в портовом управлении, в пограничной охране и т. д. Были найдены копии секретных военных приказов, планы береговых укреплений, данные о военной промышленности и пр.

В апреле того же года было арестовано несколько человек при попытке перейти к мятежникам. Обнаруженные при них документы указывали на то, что они являются связниками крупной итальянской шпионско-диверсионной организации, насчитывавшей свыше 70 человек. Дальнейшее следствие установило, что центр этой организации находился в Мадриде. В связи с этим было организовано наблюдение за домом, в одной из квартир которого проживала портниха, работавшая на мадридскую знать. Потайная дверь соединяла кухню этой квартиры с комнатой брата портнихи Феликса Сириса, члена «испанской фаланги». Здесь обнаружили большое количество документов о структуре и составе организации, в укромном месте была найдена тетрадь, в которой перечислялись имена руководителей районных групп, агентов связи, адреса конспиративных квартир и доверенных лиц, а также напечатанные на ротаторе инструкции о проведении актов саботажа и террористических выступлений.

На улице Сан-Бернардо, в частном пансионе, из окон которого открывался вид на юго-западный сектор мадридского фронта, республиканская полиция обнаружила специальные зеркала, использовавшиеся членами этой организации для передачи мятежникам различных сведений.

Летом 1937 года французская газета «Эвр» опубликовала сообщение, что в Риме в государственной типографии создано специальное отделение по изготовлению фальшивых испанских паспортов. Этими фальшивками снабжались агенты итальянской разведки, направлявшиеся в Испанию.

Итальянская разведка перебросила в Испанию известную шпионку Жанну Жержель, ранее «работавшую» в Эфиопии. Эта опасная шпионка, выдававшая себя за графиню Данишевскую, была арестована в Барселоне в феврале 1937 года. Представ перед народным трибуналом, она пыталась оправдать свою шпионскую деятельность тем, что она как «артистка и балерина нуждается в известной рекламе».

Лишь только прозвучали телеграфные сообщения о мятеже Франко, как в Мадрид, Барселону, Валенсию и другие центры республиканской Испании ринулось множество ино-

странцев. Формально это были корреспонденты газет и телеграфных агентств, представители всевозможных фирм и киорежиссеры, туристы и литераторы, дельцы и актеры. В действительности многие из них представляли определенные ведомства своих стран. В тогдашних условиях для иностранного разведчика «работать» в Испании было чрезвычайно легко. Информацию можно было добывать, не выходя за пределы отеля, за гроши или совсем даром, пользуясь здешней страстью показывать свою осведомленность и ошарашивать собеседника сенсациями.

Многие иностранные посольства в Мадриде были крупнейшими шпионскими центрами. В сентябре 1937 года в столице была раскрыта широко разветвленная подпольная организация, насчитывавшая сотни фашистских агентов, центр которой укрылся в чилийском посольстве. В момент атаки мятежников на Мадрид эта организация планировала захват телеграфа, телефонной станции, продовольственных складов, трамвайных депо и станций метро.

Фашистская организация располагала для осуществления своих целей специальными подпольными формированиями — «бандерами», каждая из которых насчитывала до трехсот человек. При наступлении на город мятежников эти группы должны были напасть на защитников Мадрида с тыла. Всего было сформировано семнадцать «бандер».

Среди арестованных фашистов оказался бывший директор мадридского телеграфа Пина, который намеревался провести прямой провод из столицы в распоряжение мятежников. Предполагалось днем совершенно открыто довести провод до окопов, а ночью протянуть его через линию фронта и в установленном месте передать конец его в руки мятежников. Только арест Пина помешал заговорщикам осуществить свой план. Пользуясь отсутствием бдительности со стороны республиканских властей, заговорщики устраивали сборища своих подпольных групп в пустовавших актовых залах учебных заведений и министерств.

В иностранных миссиях в Мадриде укрылись тысячи контрреволюционеров, которые пользовались... дипломатической неприкосновенностью. Мадридский корреспондент «Дейли телеграф» Генри Бэкли в своей корреспонденции сообщал, что в начале мая 1937 года в иностранных миссиях в Мадриде нелегально укрывалось около шести тысяч фашистов. В действительности число этой публики было значительно большим.

Только в одном из шести домов, прикрывавшихся финским флагом, безмятежно коротали дни... тысяча сто испанских фашистов. Этот дом был превращен в казарму. Частные квартиры использовались в качестве солдатских спален, и в изящ-

ных дамских будуарах было налажено специальное производство ручных бомб в новеньких, еще не запаянных жестяных банках для сгущенного молока.

В целях координации своей помощи Франко иностранные миссии осуществляли между собой систематическую связь. Одним из таких связников оказалась известная в литературных и артистических кругах Мадрида «мексиканка» Кармен Санчес, арестованная при разгроме одной из фашистских подпольных организаций.

Особенно сильной подрывной организацией была троцкистская. В республиканской Испании троцкисты прикрылись вывеской «рабочей партии марксистского объединения» (ПОУМ), созданной еще в 1935 году. ПОУМ возглавил бывший секретарь Троцкого — Андреа Нин. Эта группа международных авантюристов, профессиональных шпионов и провокаторов развила широкую деятельность еще до начала мятежа. После выступления Франко поумовцы реквизировали в Мадриде и других городах множество богатых квартир и покинутых особняков, предпочтительно с винными погребами, захватили машины самых дорогих марок, установили свой контроль над некоторыми театрами, увеселительными заведениями, гастрономическими предприятиями, писчебумажными магазинами.

Весной 1937 года был раскрыт фашистско-троцкистский заговор в Валенсии. Заговорщики готовились захватить власть в городе в случае ухудшения военного положения республиканцев. Фашистско-троцкистская организация была разбита на «тройки» и тщательно законспирирована. Она пользовалась бланками и печатями профорганизаций, многие ее члены прикрывались билетами различных партий и профсоюзов. В ее распоряжении было оружие и значительные денежные суммы. Руководители этой группы поддерживали регулярную связь с фашистским командованием и широко пользовались для этой цели радио.

Еще не было закончено следствие по делу фашистско-троцкистского заговора в Валенсии, как республиканская полиция напала на след аналогичной организации в Мадриде. По численности, размаху и оснащению техническими средствами эта организация превосходила все ранее раскрытые в Испании шпионские центры.

В Мадриде было арестовано более двухсот участников этой организации. Среди них были офицеры штаба фронта, артиллерийских частей, мотомеханизированных войск и интендантской службы. Организация имела своих агентов также в разведывательном отделе военного министерства. В этой организации наряду с представителями реакционного испанского

офицерства и «испанской фаланги» участвовали руководители ПОУМ. Кроме шпионской работы для штаба Франко они вели подготовку вооруженного выступления в Мадриде.

О характере деятельности этих изменников можно судить по одному из документов, написанному тайнописью на обороте плана Мадрида: «Генералиссимусу лично. Сообщаю: сейчас мы в состоянии сообщить вам все, что мы знаем о передвижениях красных частей. Последние сведения, присланные нашим передатчиком, доказывают серьезное улучшение нашей информационной службы».

Далее шел зашифрованный текст, который удалось дешифровать: «...Ваш приказ о проникновении наших людей в ряды экстремистов и ПОУМ выполняется с успехом... Я был в Барселоне, чтобы увидеться с Н. — руководящим членом ПОУМ, и сообщил ему все ваши указания. Отсутствие связи между вами и им объясняется авариями его радиопередатчика, который сейчас начал заново действовать, когда я был там. Вы, наверное, получили его ответ по основному вопросу. Н. самым настоятельным образом просит вас и иностранных друзей, чтобы я был единственным лицом для связи с ним. Он обещал мне послать в Мадрид новых людей, чтобы активизировать работу ПОУМ. Благодаря этим мерам ПОУМ станет в Мадриде, так же как и в Барселоне, реальной опорой нашего движения...».

Текст этого документа — яркое подтверждение предательства троцкистов, в частности их главаря Андреа Нина, с которым поддерживал тайную связь его автор — крупный агент Франко.

Сам план Мадрида был покрыт, как вуалью, тончайшей миллиметровой сеткой, нанесенной на план для того, чтобы фашистской артиллерии было легче обстреливать расположение республиканских войск.

В начале мая 1937 года испанские троцкисты подняли мятеж в Барселоне. Этот путч, быстро ликвидированный каталонским правительством, также был организован ПОУМ по директивам Франко, германских и итальянских интервентов с целью отвлечь силы республиканцев от фронта, чтобы испугать буржуазные круги Англии и Франции призраком «анархии» в республиканской Испании. В этой связи показательна поразительная осведомленность Берлина: троцкистское выступление еще не началось, а некоторые германские газеты уже сообщали о начавшемся в Каталонии мятеже. 3 мая германское радио возвестило, что правительство в Каталонии свергнуто и власть перешла в руки «анархистских элементов». В то же самое время известный франкистский генерал Кейпо де Льяно, обращаясь по радио к барселонским путчистам,

заявил: «Мы вам сочувствуем и окажем поддержку. Держитесь!». А генерал Франко приказал своей авиации бомбить дороги, ведущие из Валенсии в Каталонию.

Троцкистские заговорщики, расхитив оружие, предназначенное для фронта, либо получив его из Германии и Италии через каталонскую границу, 3 мая вышли на улицы Барселоны. Они начали сооружать баррикады и повели обстрел республиканских частей. Банды контрреволюционеров одновременно пытались выступить в сельской местности. В эти дни от руки заговорщиков в Каталонии погибли сотни верных сынов испанского народа. Среди погибших были секретари Всеобщей конфедерации труда Каталонии Сесе и Рольдан.

Троцкистские предатели были буквально сметены в течение нескольких часов разгневанным народом.

В процессе следствия о каталонском путче республиканские органы госбезопасности установили на основании неопровержимых данных прямое участие в этом мятеже германской и итальянской разведок. Агенты обеих разведок, находившиеся в Испании, регулярно информировали свои правительства о подготовляемом ПОУМ мятеже, получали от них соответствующие инструкции, которые они передавали каталонским фашистам и лидерам ПОУМ.

Поумовские диверсанты систематически организовывали террористические акты против республиканцев, против членов испанской компартии. Во время одного из фашистских налетов на Мадрид банда троцкистов, воспользовавшись ночной темнотой, подло, из-за угла, убила группу партийных активистов. В Каталонии троцкисты произвели покушение на генерального секретаря Объединенной социалистической партии Каталонии Коморера. Арестованный член ПОУМ англичанин Блэквелл готовил убийство премьера Негрина. Подготавливавшиеся троцкистами покушения на Хосе Диаса, Долорес Ибарури и других видных деятелей республиканской Испании, к счастью, были своевременно раскрыты.

16 июня 1937 года республиканская полиция арестовала трех заправил ПОУМ — Нина, Горкина и Андраде по обвинению в шпионаже и измене. Но спустя две недели, в ночь на 28 июня, Нин был похищен из тюрьмы «неизвестными» в офицерской форме. В скором времени в руки республиканской полиции попали документы, не оставившие никакого сомнения в том, что похищение Нина было делом рук агентов германской разведки. Напомним, что тот же Нин в 1921 году был арестован в Германии, но «почему-то» через месяц его освободили, в то время как все остальные арестованные вместе с ним были осуждены на несколько лет. Не с той ли поры и возникли связи Нина с германской разведкой?

В 1938 году в Париже была опубликована книга Макса Ригера под названием «Шпионаж в Испании». Ее автор — член французской социалистической партии, командир пулеметной роты одной из интернациональных бригад. Пятнадцатилетнее пребывание в Испании показало ему предательскую и шпионскую роль испанских троцкистов, и он, собрав документы, решил написать об этом книгу.

«Неоспоримые факты,— пишет Ригер,— позволяют нам сегодня разоблачить организации, которые, искусно прикрываясь маской революции, работают в демократических странах под руководством фашистских генеральных штабов.... Никогда во время войны 1914—1918 годов генеральные штабы не могли даже и лелеять подобную мечту!»

Франко располагал на республиканской территории обширной шпионской сетью, которая теснейшим образом переплеталась с подпольными организациями интервентов. Подрывная деятельность франкистской разведки стала остро ощущаться в первые же месяцы войны.

Еще в начале октября 1936 года в Мадриде на тайном собрании было арестовано 200 членов подпольной фашистской организации. Тогда же полиция республиканцев заметила, что во время воздушных налетов мятежников на столицу кто-то подавал из деревни Хетафе сигналы ракетами. Такие же сигналы подавались и в самом Мадриде. Это привело к разоблачению двух групп франкистских шпионов, орудовавших в столице и на аэродроме Хетафе.

Осенью 1936 года в некоторых кварталах Мадрида кто-то начал распространять по квартирам, будто бы от имени МОПР, необычно подробную анкету. В анкете содержалось множество вопросов: политические убеждения, партийность, имеет ли оружие, в каких антифашистских действиях участвовал на фронте и в тылу и т. д. Кое-кого из организаторов «анкеты» арестовали, но несколько тысяч опросных листов, заполненных простодушными людьми, бесследно исчезли. Такую работу проводила франкистская разведка для учета республиканцев.

В последующее время в республиканской Испании было разоблачено множество шпионско-диверсионных организаций и отдельных агентов разведки Франко. Для их перечисления и хотя бы краткого описания проводившейся ими подрывной работы потребовались бы многие десятки страниц.

В окрестностях Барселоны был арестован глава местного отделения «испанской фаланги». Используя найденные при нем документы, республиканская полиция установила местонахождение штаба этой организации и тайно поместила в нем аппарат подслушивания, что дало возможность организовать

систематическое ознакомление с работой этого штаба. Наконец, когда штаб был в сборе на проводах связника, отправлявшегося в Бургос с донесениями и за инструкциями, дом окружила полиция и арестовала всех находившихся в нем шпионов.

В оперативных планах фашистских подпольных организаций отводилось особое место планомерному истреблению антифашистов, и прежде всего рабочих. При захвате крупных центров с целью обмана и дезорганизации рабочих намечалось обращение к ним по радио от имени «народного исполнительного комитета» с призывом собраться в течение двух часов в помещениях своих профсоюзов. Заманив таким путем в ловушку передовую часть рабочих, фашисты рассчитывали подвергнуть их массовому физическому истреблению.

Подрывные действия «пятой колонны» и различных агентур иностранных разведок явились острейшим оружием международного империализма в его борьбе против республиканской Испании. Шпионаж, измена, провокация, предательство, диверсии, террор, отравляющая пропаганда — все эти отвратительные, гнуснейшие методы империалистов не получили бы столь чудовищного распространения, если бы республика с первых дней войны создала активную оборону против подрывной деятельности врага.

Более или менее решительная борьба с «пятой колонной» в республиканской Испании началась спустя лишь год после мятежа Франко. Только 14 июня 1937 года президент республики подписал декрет о создании «специальной государственной осведомительной службы», подчиненной министерству внутренних дел.

Лишь 22 июня 1937 года был создан особый трибунал для разбора дел о шпионаже и установлены меры наказания за шпионскую деятельность: от 6 лет тюремного заключения до смертной казни. И только 4 июля 1937 года правительство решило создать в составе военного министерства специальную службу военной контрразведки. Но и спустя год в республике не было объявлено военное положение. Во многих важнейших для обороны областях государственной жизни все еще продолжали действовать мягкие законы мирного времени.

Между тем необходимость быстрых и решительных действий республиканских властей по пресечению подрывной деятельности «пятой колонны» была совершенно очевидна. Международная реакция опиралась на солидные контингенты сил контрреволюции, которые после мятежа Франко частью ушли в подполье, а частью, заняв выжидательную позицию, остались на поверхности.

В одном лишь Мадриде в начале фашистского мятежа находилось около четырех тысяч офицеров в отставке. Политические настроения, симпатии и намерения подавляющего большинства этих людей не вызывали ни малейшего сомнения: они ждали первой возможности, чтобы присоединиться к мятежникам.

Не привлекла к себе должного внимания республиканских властей и такая организация, как «Гардия сивиль» — старый монархический корпус жандармов, уцелевший и при республике до сентября 1936 года. После роспуска «Гардии сивиль» часть жандармов была принята в ряды вновь созданной республиканской гвардии. Остальные же в ожидании «лучших времен» устроились сторожами, швейцарами, официантами и т. п. Прошло немного времени, и была раскрыта военно-шпионская организация бывших жандармов, разбитых на «пятерки» по месту жительства и по местам их работы.

Кроме того, на территории республики находился большой контрреволюционный актив в лице чиновников времен монархии и фашистского режима, уволенных со службы и злобно ненавидевших новый строй, а также в лице представителей торгово-промышленной буржуазии и помещичьей аристократии. Наконец, в стране была огромная двухсоттысячная армия ксендзов, монахов и прочих лиц духовного звания.

Помощь Франко, оказанная гитлеровской Германией, обошлась в пять миллиардов марок. Три миллиарда лир были израсходованы фашистской Италией. В основном эти средства были использованы на прямую военную помощь. Лишь незначительная часть из этих сумм была истрачена интервентами и самим Франко на подрывную деятельность «пятой колонны». Но итоги ее обратно пропорциональны израсходованным средствам. Несомненно, еще меньшие суммы были истрачены разведками западных держав на организацию заговора Бестейро — Касадо.

Но разнообразная подрывная деятельность тайных сил, действовавших за кулисами испанской трагедии, сыграла решающую роль в поражении республики. Это важнейший урок истории! В течение тридцати двух месяцев, затаив дыхание, следили миллионы за военными сводками из Мадрида.

Война в Испании длилась до апреля 1939 года. 28 марта пал героический Мадрид. Спустя четыре месяца началась вторая мировая война... Несмотря на величайшие трудности, республиканская Испания могла бы выстоять и соотношение сил в Европе было бы иным, но ее сломили предательство и «пятая колонна»! Таковы уроки истории! И надо сказать, что история никогда не была снисходительной наставницей к своим ученикам.

В НАДЕЖДЕ ПОВТОРИТЬ ИСТОРИЮ

„ДЕЙЧЛАНД, ДЕЙЧЛАНД ЮБЕР АЛЛЕС!“

В середине мая 1943 года в замке Хюгель, поблизости от Эссена, царило оживление, необычайное для этой почти всегда пустующей резиденции Круппов. Хозяин замка Густав Крупп фон Болен-Гальбах принимал почетных гостей. В большой безобразный дом, похожий скорее на крытый рынок, чем на замок, съехались виднейшие финансовые и промышленные магнаты нацистской Германии.

Высокие, холодные, обставленные с безвкусной роскошью комнаты замка не раз были свидетелями подобных съездов. Во время прошлой мировой войны Вильгельм II совещался здесь с руководителями германской промышленности; сюда приезжал на поклон к Круппу первый президент Германской республики Фридрих Эберт. Весной 1929 года в замке побывал Яльмар Шахт, чтобы ознакомить германских промышленников с «планом Юнга», который ими был отвергнут. В 1936 году замок посетил Гитлер.

Кроме Густава Круппа на майском совещании 1943 года присутствовали следующие лица: фон Шнитцлер, председатель совета директоров «ИГ Фарбениндустри», Отто Фишер, директор «Рейхскредитенштальт», фон Галленслебен, председатель «Дер ферейнингтен Кугельлагерфабрикен», Отто Питцш, владелец крупнейшего машиностроительного завода в Германии, и Шредер, кёльнский банкир.

Хотя круг участников совещания был весьма узким и обсуждавшиеся вопросы не протоколировались, решения, принятые этими подлинными хозяевами Германии, стали вскоре известны кое-кому за границей. Рейнско-вестфальские бароны тогда уже полностью отдавали себе отчет в том, что война Германией проиграна, и они заблаговременно собрались, чтобы обсудить планы на будущее.

С целью координации всех действий в этом направлении

германские промышленники и финансисты создали свой оперативный центр при Союзе германской промышленности. В состав этого центра вошли доктор Шейд, директор фирмы «Германдорф унд Шонберг», бывший одновременно обергруппенфюрером СС, доктор Босс, банкир Шредер и др.

Во второй половине 1943 года германским правительством был опубликован декрет, согласно которому фирмы Круппа, Гамбургско-Американская линия, Северо-Германский Ллойд и другие фирмы, находившиеся в течение ряда лет под государственным контролем, были от него освобождены. Другим правительственным декретом должностным лицам нацистской партии запрещалось иметь какие-либо деловые связи с частными фирмами. Оба правительственных акта явились прямым следствием решений, принятых на упомянутом совещании германских промышленников.

Чтобы дезинформировать иностранную общественность, с помощью гестапо и по другим каналам был распространен слух, что эти законы преследуют цель ослабить растущее среди широких слоев германского народа недовольство нацистскими чиновниками, богатеющими благодаря своим связям с частными фирмами.

Таким образом было замаскировано это соглашение между Гитлером и немецкими промышленниками, обеспечивающее позиции на случай разгрома Третьей империи.

В истории взаимоотношений германского капитала с гитлеризмом это была не первая попытка обмана общественного мнения, предпринятая с обоюдного согласия с целью сохранить себе путь к отступлению, если задуманный акт агрессии провалится. Достаточно вспомнить «бегство» Фрица Тиссена в первые же дни второй мировой войны. Об этой инсценировке, разыгранной вторым в Германии после Круппа по своему богатству человеком, вполне своевременно напомнить сейчас.

2 сентября 1939 года две шикарные автомашины пересекли австро-итальянскую границу вблизи Филлаха и устремились по направлению к Швейцарии. В них Фриц Тиссен и его семья «бежали» из нацистской Германии. Заявление одного из видных столпов германского империализма о том, что он порвал с Гитлером и покинул Германию, будучи убежден в том, что она проиграет затеянную войну, произвело подлинную сенсацию во всем мире, тем более что Тиссен был одним из тех, кто финансировал Гитлера до прихода к власти. Так родилась тогда версия о наличии серьезных разногласий между «фюрером» и магнатами тяжелой индустрии. Эта версия еще более укрепилась, когда стало известно, что Тиссен исключен из нацистской партии, лишен германского гражданства, а его огромное состояние конфисковано.

После своего «бегства» Тиссен поселился на французской Ривьере, то есть на территории враждебного Германии государства. Французские власти приняли с распростертыми объятиями этого «эмигранта». Пользуясь любезным гостеприимством правительства Даладье, Тиссен писал мемуары, направленные против Гитлера, и исподволь собирал информацию, представляющую интерес только для... «фюрера».

Мемуары Фрица Тиссена, опубликованные в 1941 году в США под названием «Я финансировал Гитлера», произвели впечатление разорвавшейся бомбы. В выдержках они печатались в крупнейших газетах США и других западных стран, передавались по радио и всячески рекламировались как «откровения» видного «миротворца». Они действительно любопытны, и на них стоит остановиться.

Подумать только, Гитлер, оказывается, обманул Круппа, Тиссена, Палена, Шредера и иже с ними. «Гитлер обещал нам то,— писал Тиссен,— к чему мы больше всего стремились: фон Папену — власть и почет, Круппу — заказы и деньги, горы денег...». В отношении собственных притязаний Тиссен был столь скромнен, что вызвал всеобщее удивление на Уолл-стрите и в лондонском Сити.

«А мне, в частности,— заявил Тиссен,— Гитлер обещал, что Германия будет проводить мирную внутреннюю и внешнюю политику. Он обещал также достигнуть взаимопонимания с Англией и согласия с трудящимися классами Германии... Одним словом, он обещал нам своего рода христианское государство, власть которого поддерживалась бы церковью...».

Тиссен, глава германского «Стального треста», который из своей резиденции в Дюссельдорфе контролировал около 200 крупнейших предприятий во всех странах мира и который нажил колоссальные прибыли на гитлеровской политике вооружения, вдруг заявил о том, что Гитлер его обманул!

По словам Тиссена, он обманул и его коллегу Круппа. Чтобы наглядно представить себе масштабы этого «обмана», обратимся к данным бухгалтерии самого крупновского концерна. Оказывается, стоимость крупновских предприятий с 75 962 000 марок на 1 октября 1933 года поднялась до 237 316 093 марок на 1 октября 1943 года. Сюда были включены многие действующие предприятия, захваченные в оккупированных странах, причем балансовая стоимость их устанавливалась... по 1 марке каждое!

Говоря о промышленных и финансовых магнатах Германии, Тиссен писал: «Мы являемся, так сказать, гарантами перед Германией и всем миром, что Гитлер будет вести себя хорошо...».

Гитлер не оправдал надежд Тиссена, а раз он ведет себя «нехорошо», то Тиссен от него отрекается. Действительно, есть от чего умилиться!

Реакционная печать США, преисполненная жалости, расписывала, как «бедный» Тиссен, скрываясь от гестапо, вынужден вести полную лишений жизнь беженца где-то на юге Франции.

В действительности же в это самое время Тиссен пользовался всеми благами жизни на своей роскошной вилле в Канне. Его соседом и частым гостем был небезызвестный прогитлеровец Пьер Фланден, бывший французский премьер и ярый сторонник франко-германского альянса.

Когда немцы вторглись во Францию, Тиссен и не подумал бежать, хотя и располагал для этого всеми возможностями. Не торопилось и гестапо с его арестом, хотя также не имело к этому никаких препятствий. Он по-прежнему проживал на своей вилле, общаясь с высокопоставленными нацистскими генералами и чиновниками.

Только в 1943 году Тиссен был привезен обратно в Германию. Заключен он был не в одиночную камеру внутренней тюрьмы гестапо и не в рабочую казарму концентрационного лагеря, а в... шикарнейшее люкс-отделение «Адлона», одного из самых фешенебельных берлинских отелей. Частым гостем Тиссена в отеле «Адлон» стал его старый друг банкир Шредер, тот самый человек, которому германское правительство поручило управлять «конфискованным» состоянием Тиссена. В начале 1944 года Тиссена посетил один шведский корреспондент, с которым он разглагольствовал о необходимости заключить мир с США и Англией, «чтобы спасти Европу от большевизма».

Спрашивается, в чем же состоял смысл всей этой инсценировки, которая не была умно разыграна до конца ее исполнителями?

Дело в том, что Тиссен, а с ним вместе и другие члены «подпольной оппозиции» из среды германских промышленников (которые остались в Германии якобы «в подполье», но о фамилиях которых «под большим секретом» сообщалось за границей) надеялись таким путем обеспечить себе возможность появления на политической авансцене в том случае, если первый тур в начатой борьбе за мировое господство был бы Гитлером проигран. Тогда Тиссен и компания должны были бы предотвратить окончательный разгром Германии и дать возможность нацистам уйти в подполье.

Кстати говоря, участие в подобной агентурной игре является в семье Тиссенов чуть ли не семейной традицией. Известно, что отец Фрица, Август Тиссен, в прошлую мировую

войну был автором опубликованного меморандума, осуждавшего пангерманские планы кайзера и рассчитанного на то, чтобы произвести соответствующее впечатление по ту сторону океана.

В середине 1943 года, вскоре после майского совещания в замке Хюгель, личный самолет видного промышленного магната Германии барона Георга фон Шнитцлера, председателя совета директоров «ИГ Фарбениндустри», неожиданно приземлился на мадридском аэродроме. Вышедший из кабины барон заявил представителям «службы безопасности» Франко, что он бежал из Германии под самым носом у гестапо, пытавшегося его арестовать. Однако франкистские власти почему-то отнеслись весьма благосклонно к «беглецу» и предоставили ему полную свободу передвижения. Шнитцлер тотчас этим воспользовался и направился в Лиссабон, где у него произошла тайная встреча с представителями англо-американских деловых кругов. Эти последние, видимо, не случайно оказались в это время в португальской столице. Шнитцлер заверил своих собеседников, что немецкие промышленники якобы не одобряют политики Гитлера и полностью отмежевываются от нацистской партии.

Выполнив возложенную на него миссию, барон помирился с гестапо (кстати говоря, Герберт Шольц, один из руководящих работников гестапо, был его зятем) и преспокойно возвратился в Берлин.

В последующее время произошло еще немало конспиративных встреч эмиссаров немецких капиталистов с деятелями Уолл-стрит и Сити, и все они преследовали все ту же цель — помочь хозяевам Гитлера продержаться до лучших времен.

Так начиная со второй половины 1943 года германский монополистический капитал приступил к осуществлению обширного секретного плана, который, по замыслу его заправил, должен был обеспечить ему не только сохранение политических и экономических позиций в послевоенное время, но и возможность подготовки новой войны. Тогда же между немецкими промышленниками, некоторыми нацистскими лидерами и германским генералитетом были распределены и роли в интермедии, которую они с того времени начали разыгрывать в полном согласии друг с другом.

Следующим трюком после «бегства» Шнитцлера в Испанию был разрыв доктора Яльмара Шахта с нацизмом. В начале 1944 года бывший финансовый диктатор Германии поселился в окрестностях Цюриха. Он был достаточно умен для того, чтобы свое столь неожиданное переселение в Швейцарию объяснить только состоянием своего здоровья... В архиве

гестапо найден документ, который говорит о деятельности Шахта в описываемое время. В донесении секретного информатора гестапо от 20 сентября 1944 года говорилось: «Шахт уже завязал обширные связи с деловыми и политическими кругами противника в Швейцарии и ведет с ними переговоры. Во время своего свадебного путешествия два года назад он вел переговоры в Швейцарии в этом же направлении».

За плечами Шахта был уже большой опыт по улаживанию всякого рода самых деликатных проблем. В послеверсальский период он выступал глашатаем установления тесного контакта немецких капиталистов с буржуазией стран-победительниц, в особенности с большим бизнесом Америки, в чем он видел единственное спасение для побежденной Германии. Шахт всячески содействовал приходу нацистов к власти. Летом 1932 года он сказал тогдашнему германскому канцлеру фон Папену о Гитлере следующее: «Вот исключительно способный человек... Отдайте ему вашу должность. Отдайте вашу должность Гитлеру, это единственный человек, который может спасти Германию». В дальнейшем благодаря мошенническим финансовым операциям Шахта Гитлер смог в короткий срок перевооружить Германию.

В речи 29 ноября 1938 года Шахт так высказался о проделанной им работе: «Возможно, что ни один банк в мирное время не проводил такой смелой кредитной политики, как это делал рейхсбанк с момента захвата власти национал-социалистами... Однако с помощью этой кредитной политики Германия создала непревзойденное вооружение, и это вооружение позволило нашей политике добиться желаемых результатов...».

Почувствовав ранее, чем многие другие нацистские руководители, что война проиграна, этот прожженный политик и один из наиболее ловких дельцов в кругах международной финансовой олигархии снова ведет сложную закулисную игру, пытаясь осуществить свой новый план сотрудничества промышленных и финансовых кругов нацистской Германии с деловым миром западных стран. Из другого источника известно, что еще осенью 1939 года Шахт пытался использовать свои американские связи с Международным банком в Цюрихе, чтобы прощупать возможности заключения мира. Он написал личное письмо директору банка Леону Фрэзеру с просьбой помочь ему получить приглашение в США для обсуждения условий мира с Германией. В этом письме, тайно переправленном в октябре 1939 года через швейцарскую границу известным Гансом Гизевиусом (агентом гестапо, состоявшим одновременно на американской службе), говорилось следующее: «По моему мнению, при теперешней ситуации важно вы-

играть время... Есть люди, которые считают, что еще слишком рано обсуждать конкретные планы. По моему же мнению, чем раньше начнутся переговоры, тем скорее это окажет свое влияние на ход событий».

Эта политика Шахта не увенчалась успехом, и он не поехал за океан.

Международный военный трибунал голосами союзников не признал Шахта военным преступником. Этот предприимчивый и изворотливый банковский воротила, всегда умело скрывавший свои мысли под личиной иронии или наглости, никогда и ни с кем не бывший по-настоящему откровенным, пытался убедить суд и международную общественность в своем отрицательном отношении к Гитлеру. Шахт и его защитник утверждали, что когда он всячески подчеркивал свою преданность Гитлеру, то делал это лишь потому, что старался таким путем завуалировать свою неприязнь к нему: «...Он, как заговорщик, должен был особенно маскироваться».

Шахт пытался доказать, что свою первую попытку совершить государственный переворот в Германии он якобы принял еще осенью 1938 года. В этой связи напомним, что Шахт ушел в отставку со своего последнего поста (министра без портфеля) только в январе 1943 года. То были дни разгрома гитлеровцев на берегах Волги, и несомненно, что в это время Шахт уже не мог быть так полезен нацистской верхушке, как раньше. Но также очевидно и то, что он мог стать снова нужным позднее в качестве посредника для заключения компромиссного мира. Выполнение этой миссии требовало основательной предварительной подготовки, а равно и пребывания в нейтральной стране, и вот Шахт «по состоянию здоровья» отправляется в Швейцарию.

В то время Швейцария была для Германии наиболее удобной страной, на территории которой возможно было без помехи устраивать всякие конспиративные встречи и вести секретные переговоры. И этому немало благоприятствовало то обстоятельство, что в Базеле находилась резиденция пресловутого Банка международных расчетов. Директорами этого банка являлись виднейшие финансовые тузы США, Англии и Германии.

В тиши этого швейцарского города американские, французские, английские и итальянские банкиры, не говоря уже о их шведских и голландских коллегах и самих швейцарских дельцах, вкупе с немецкими представителями разрабатывали основы будущей политики умиротворения. Все они почти открыто сочувствовали германской агрессии и выступали в поддержку фашизма в качестве «оплота против большевизма». По молчаливому согласию всех капиталистических стран этот

банк стал убежищем, где «противники» работали бок о бок, занимаясь «общими делами».

Почти в то самое время, когда Шахт приехал «лечиться» в Швейцарию, в Вашингтоне прозвучало заявление специального советника министерства финансов США Гарри Уайта. Он отметил, что Банк международных расчетов «контролируется немцами. Германия действует очень хитро и надеется использовать банк для восстановления своей финансовой мощи. Пока наши американские парни сражаются с немцами, американец — президент банка ведет дела с немцами».

В материалах о заговоре против Гитлера в июле 1944 года отмечается, что в какое-то время Шахт установил связи с оппозиционными кругами. А по его собственным словам, непосредственно перед покушением на Гитлера у него зондировали почву о возможности включить его в кабинет Герделера.

Шахт был арестован гестапо 23 июля 1944 года. Связи его с заговорщиками были выявлены, но было также установлено, что Шахт ровным счетом ничего не делал для свержения нацистского режима. Из всего этого следует, что все поступки Шахта диктовались только тактическими, а не принципиальными соображениями. Показательно, что Шахт не предстал перед «народным судом» во главе с Фрейслером, судившим других заговорщиков, а был заключен в концентрационный лагерь Флоссенбург. В нем он пробыл десять месяцев, откуда его в мае 1945 года освободили союзники.

В заговоре против Гитлера прямо или косвенно принимали участие виднейшие представители деловых и военных кругов Германии, но все их намерения не шли дальше организации «дворцового переворота». Все они делали до этого ставку на Гитлера лишь постольку, поскольку считали его способным содействовать осуществлению их основной цели — установлению мирового господства германского империализма. Убедившись в ошибочности сделанного ими выбора, они отвернулись от Гитлера и попытались устранить его.

Такие люди, как Крупп, Шахт, Тиссен, Шнитцлер, олицетворяли собой мощь, цели и чаяния германского империализма. Внутри монополистической и военной верхушки Германии имели место бесконечные интриги, соперничество и борьба за первые роли, но все их внутренние разногласия отступали на задний план, когда вставал на повестку дня вопрос: «Дейчланд юбер аллес!».

Все эти акции отдельных представителей монополистической верхушки Германии, о которых мы говорили выше, были лишь частью обширного и многостороннего стратегического плана. В плане этом ставились следующие цели:

1. Создание мощной финансовой базы для широкого финансирования подпольной деятельности.

2. Сохранение основных кадров.

3. Сохранение экономической базы германской военной машины.

4. Политическая подготовка реванша.

...В один из апрельских дней 1943 года из немецкого порта вышла в далекий атлантический рейс подводная лодка. В океане она тщательно избегала встреч с кораблями союзников. Ее капитан держал курс к берегам Южной Америки. Спустя несколько дней лодка вошла в один из аргентинских портов. Она доставила сюда уже знакомого нам генерала Фаупеля. Несколько лет спустя французская газета «Трибун де насьон» приподняла завесу над этой таинственной поездкой Фаупеля в Аргентину. Цель его миссии состояла в передаче весьма секретных инструкций графу Люксбургу, германскому резиденту в Аргентине, и директору Немецко-Южноамериканского банка Рихарду Лейте. Им было предписано принять все меры для сохранения в Латинской Америке немецкой собственности и капиталовложений, учитывая возможность проигрыша войны Германией.

Прежде всего германские империалисты стремились обеспечить себе крепкую финансовую базу в послевоенное время. В «нейтральных» странах и даже в некоторых союзных странах в период 1943—1945 годов они сосредоточили колоссальные денежные средства.

Разумеется, нацистские лидеры прежде всего стали заботиться о себе самих. Каждый из них имел за рубежом свою личную секретную агентуру, ведавшую их закулисными финансовыми операциями. Таким агентом Геринга в США был Эдуард Фекла, в Бразилии — Гейнц Шлюттер и в Аргентине — Дитрих Бюрхард. Риббентроп действовал на биржах Нью-Йорка и Чикаго с помощью хорошо известного там спекулянта Генриха Марбау. Представителем Геббельса за границей был агент фирмы Егера Вильгельм Акстерберг. Гиммлер командировал в Америку одного из опытейших агентов гестапо, своего эксперта по финансовым вопросам, некоего Иоахима фон Хертцлета.

Если в прошлые годы из Германии были переведены в места понадежнее личные средства фашистских лидеров, то за несколько месяцев, предшествовавших краху, нацисты вывезли из страны значительную часть государственных фондов валюты и золота. В этой связи вспомним, что официально подобные операции считались в Германии государственной изменой; за попытку нелегального вывоза из страны золота или валюты полагалась смертная казнь. Теперь же сам Гиммлер

и его подручные организовывали экспорт ценностей за границу. Промышленным концернам и кредитным учреждениям было даже разослано секретное предписание усилить вывоз капиталов.

С середины 1944 года гитлеровцы начали усиленно вывозить в нейтральные страны золото, награбленное ими на оккупированных территориях. Золото отправлялось в специальных самолетах компании «Люфтваганза» и иными путями в адрес германских посольств в Мадриде, Лиссабоне, Берне, Стокгольме.

Немецкие вложения, к примеру, в швейцарских банках весной 1945 года превышали 2 миллиарда марок. «Швейцарское кредитное общество», «Швейцарское банковское общество», «Базельский торговый банк» и другие кредитные швейцарские учреждения приложили немало усилий для размещения германских капиталовложений как в Швейцарии, так и в других странах. Только в одном «Базельском торговом банке» вкладчиками были свыше 2 тысяч нацистских компаний, картелей и отдельных лиц. Директор этого банка Нуссбаумер был тесно связан с руководящими фашистскими кругами. Чтобы спрятать концы и чтобы легче было оперировать денежными средствами, гитлеровцы быстро реализовывали доставленное в нейтральные страны золото и взамен приобретали устойчивую валюту. Эти операции привели к падению цен на золото на многих биржах.

В Латинской Америке фонды, накопленные к концу войны нацистами, составляли сумму свыше одного миллиарда. В одной Аргентине общая сумма экспортированных туда из Германии капиталов достигла внушительной цифры в 750 миллионов долларов. Переброской нацистских фондов в Аргентину руководил немецкий делец Хорхе Майн, прибывший в эту страну осенью 1944 года и назначенный аргентинским правительством на должность советника министра финансов.

Кроме того, на всякий случай в пещерах и ущельях австрийских Альп в Зальцкаммергуте, в районе Альт-Аусзее, были спрятаны ценности на миллиардные суммы. На дно озер были погружены ящики, полные золотых слитков и монет, платины, бриллиантов и самой разнообразной валюты. Фашистские главари надеялись, что золото поможет им опутать мир сетями новых заговоров и провокаций.

После войны союзники захватили некоторые из этих сокровищ (по подсчетам западной печати, приблизительно на сумму в два с половиной миллиарда долларов), но несомненно, что какая-то часть всех этих ценностей попала в руки различных неонацистских организаций.

В 1944 году, когда всем стало ясно, что поражение гитле-

ровской Германии неизбежно, были тайно осуществлены и другие мероприятия в расчете на возрождение нацизма в будущем. С этой целью в Австрии собрались представители немецких финансовых и промышленных кругов, которые решили взять на себя руководство 140 предприятиями, уже имевшимися за границей, или организовать новые. Большая часть этих предприятий находилась в Испании, Швеции и Аргентине.

В августе того же года в Страсбурге происходило совещание уполномоченных крупнейших немецких концернов — Круппа, Рехлинга, Мессершмидта и др. На нем обсуждался вопрос о возрождении военной промышленности после поражения Гитлера. Причем особое внимание было уделено вопросу восстановления связей с американскими фирмами.

25 июня 1945 года, выступая на заседании сенатской подкомиссии по военным делам, помощник государственного секретаря США Уильям Клейтон заявил: «Государственный департамент располагает обильными доказательствами того, что нацисты, предвидя военное поражение, тщательно разработали планы широкого круга мероприятий в зарубежных странах для обеспечения восстановления мощи Германии. С этой целью были составлены и частично осуществлены планы переброски за границу значительных средств...».

Правительство США, зная об этих планах, ничего не предприняло для того, чтобы помешать их осуществлению. Напротив, вся его послевоенная политика направлена на возрождение германского милитаризма.

НАЦИСТЫ УХОДЯТ В ПОДПОЛЬЕ

16 мая 1943 года было тем днем, когда нацисты начали готовить уход в подполье.

В центре Берлина, пересекая Вильгельмштрассе и Заарландштрассе, протянулась недлинная и нешумная улица Принц-Альбрехтштрассе. В доме под номером восемь когда-то находился музей истории костюма. И как не вяжутся две символические фигуры — рукодельницы и скульптора-резчика, установленные на фронтоне этого дома, с сутью того учреждения, которое в нем разместилось в гитлеровские времена, — гестапо.

Вскоре после исторического разгрома на берегах Волги в Берлине в доме гестапо на Принц-Альбрехтштрассе, где на третьем этаже был расположен личный штаб Гиммлера, началось необычное для этих комнат оживление. Здесь в большой комнате с пятью окнами под одним из трехсотых номе-

ров стоял в глубине огромный письменный стол, уставленный множеством телефонных аппаратов, окрашенных в разные цвета. Рядом со столом был сейф внушительных размеров, другой — почти во всю длину поперечной стены — имел специальное назначение. Когда с помощью особого механизма раскрывались его двухстворчатые стальные дверцы, любопытному взору открывался огромный экран с прикрепленной на нем картой Европы, усеянной множеством разноцветных флажков и треугольников с разными цифрами. Вначале Гиммлер совещался в этом кабинете с Мартином Борманом. Затем началась серия совещаний с большим количеством участников.

На первом из них, где присутствовало не более десяти человек руководящих работников гестапо, Гиммлер сделал доклад о положении на фронтах и наметил обширный план специальных мероприятий по подготовке к уходу в подполье. По словам одного из участников этого совещания, свой доклад Гиммлер закончил следующими словами: «Возможно, что Германия потерпит поражение на военном фронте; возможно даже, что ей придется капитулировать, но нацистская партия никогда не должна капитулировать. И над осуществлением этой задачи мы должны отныне работать».

В период марта — апреля 1943 года вчерне был составлен план послевоенной подпольной деятельности нацистов. Мероприятия нацистов по организации подполья подразделялись на две категории, осуществлявшиеся независимо друг от друга. Первая категория этих мероприятий проводилась в самой Германии, вторая — за рубежом.

Планы, предложенные Гиммлером, были обсуждены на тайных совещаниях под председательством Гитлера, на которых присутствовали видные нацистские руководители. Совещания эти происходили в Берлине, Мюнхене, Веймаре, Баден-вайлере. На одном из них, в середине мая, было принято решение о создании специальной организации для претворения этих планов в жизнь. Во главе этой организации был поставлен Гиммлер в качестве «чрезвычайного уполномоченного империи». Назначение Гиммлера на новый пост в нацистской печати никак не комментировалось, но с этого времени он стал фактическим диктатором Германии. Ему были даны неограниченные полномочия.

Под развалинами здания гестапо, разрушенного во время воздушного налета в ночь на 23 ноября 1943 года, погребены немые свидетели занятий Гиммлера летом и осенью 1943 года. После назначения на пост «чрезвычайного уполномоченного империи» с Гиммлером произошла резкая перемена. Никогда до этого не слышавший поклонником печатной продукции, он не-

ожиданно стал горячим библиофилом. В его апартаментах появилась солидная библиотека. Она целиком состояла из книг, посвященных разным формам подпольного движения на всем протяжении истории человечества. Здесь были толстые фолианты, принадлежавшие перу известного историка Коцебу, о тайных германских орденах эпохи средневековья и тоненькие брошюры о Ку-клукс-клане и ирландских синфейнерах. Много месяцев подряд Гиммлер проводил ночи напролет за чтением литературы о карбонариях, иллюминатах и других заговорщических организациях.

Особенно тщательно Гиммлер изучал методы деятельности подпольных террористических организаций, возникших в Германии после первой мировой войны. Еще более внимательно он знакомился с докладами о действиях партизан и движений Сопротивления в оккупированных немцами странах. Все пригодное для послевоенных целей гитлеровцев бралось на заметку. Как бисер на нитку, нанизывались одна за другой детали организации будущего нацистского подполья.

Практическое осуществление мероприятий по созданию подпольной организации было возложено на специальный «штаб при чрезвычайном уполномоченном». В его состав вошли: Борман, начальник так называемого «штаба связи» («Фербиндунгсштаб») — центра по координации подрывной деятельности всех гитлеровских организаций; Хирль, министр без портфеля и руководитель «имперской трудовой повинности»; Лей, глава германского «трудового фронта»; Кальтенбруннер, шеф имперского главного управления безопасности, и Шеппман, начальник штаба СА (штурмовых отрядов). Помимо этой пятерки в штабе играл большую роль генерал Гейсмейер — на него было возложено, руководство подготовкой кадров.

Большинство людей, работавших в этом штабе, были сотрудниками гестапо. Вряд ли в гитлеровской Германии какая-либо тайна сохранялась более строго, чем все относящееся к этому учреждению. И, однако, несмотря на сверхконспиративную атмосферу, окружавшую деятельность штаба, многое стало известным за границей уже осенью 1943 года. Столь быстрой утечке информации удивляться не приходится, если вспомнить, что во время войны на территории Германии действовала агентура более чем пятидесяти разведок. И вообще, к слову говоря, история не знает тайны, которая не была бы с течением времени раскрыта...

Уже в октябре 1943 года в холлах стокгольмского «Гранд-отеля», самой известной во время войны «информационной бирже», можно было услышать немало интересного по этому поводу. Затем появились любопытные публикации в швед-

ской газете «Ню даг», в некоторых чехословацких подпольных газетах и швейцарских журналах. Многое из информации, опубликованной тогда, оказалось весьма близко к действительности. Но только спустя год внимание союзных разведок привлекло здание на Кенигсаллее, 11 в Берлин-Грюневальде...

Дом на Кенигсаллее, 11, по своему внешнему виду похожий на небольшой средневековый замок, в прошлом принадлежал одному еврейскому банкиру. В начале 1943 года дом подвергся значительной перестройке: он был приспособлен для размещения учреждения, название которого никто не знал. В подвале дома было оборудовано бомбонепроницаемое помещение для хранения архива.

В середине мая 1943 года в переоборудованный дом въехали служащие этого никому неизвестного учреждения. Его наименование, фамилии его сотрудников и круг занятий — все это продолжительное время составляло величайший секрет нацистской клики. Однако прошло не так уж много месяцев, и разведке одной из стран антигитлеровской коалиции удалось установить, какую тайну хранят стены замка на Кенигсаллее, скрытого от любопытных взоров густой листвой. Стало известно, что в нем расположился главный штаб по подготовке к уходу нацистов в подполье.

Стало известно и то, что большинство лиц, работавших на Кенигсаллее, 11; переведено из дома на Принц-Альбрехтштрассе, где находилось гестапо. Этой чести удостоились только самые избранные гестаповцы, в преданности которых гитлеризму не возникало ни малейших сомнений.

Очень часто во двор здания на Кенигсаллее въезжали шикарные авто, пуленепроницаемые стекла которых, о чем можно было судить по их синеватому отливу, свидетельствовали о высоком положении их владельцев. Выходя из авто, они поспешно проходили внутрь здания. Одним из самых частых посетителей замка, принадлежавших к этому рангу, был Константин Хирль.

Константин Хирль, как и Рудольф Гесс, предпочитал находиться в тени и действовать за кулисами фашистской диктатуры. Однако второстепенный государственный пост руководителя имперской трудовой повинности, который он занимал, не мешал ему принадлежать к ближайшему окружению Гитлера и играть в нем не последнюю роль. Его прошлая деятельность — в тот период, когда нацисты еще не были у власти, — создала ему в этом кругу репутацию опытного конспиратора.

У Хирля действительно был большой опыт подпольной работы. Офицер кайзеровского генерального штаба, он по окончании первой мировой войны активно участвовал в орга-

низации тайных реакционных обществ, создававшихся для борьбы с демократическим движением германского народа. Этот опыт он изложил в книжке под названием «Ведение войны с помощью импровизированных армий», изданной в 1923 году. В 1928 году полковник Хирль вступает в нацистскую партию. В 1937 году он разрабатывает «на всякий случай», план перевода нацистской партии на нелегальное положение.

Спустя несколько месяцев после своего назначения в состав главного подпольного штаба на одном из секретных совещаний Хирль выступил с докладом об основных принципах организации будущего подполья.

Никогда еще ни одна партия, отметил он, не была так строго централизована, как партия нацистов в течение легального периода своего существования. Однако для нелегального периода, который наступит после войны, мы должны руководствоваться принципом величайшей децентрализации. Тактически мы должны довести эту децентрализацию до такой степени, чтобы казаться вовсе исчезнувшими. Сотню людей, прежде открыто маршировавших по улицам или присутствовавших на митинге, нужно будет разместить на доброй сотне различных заводов или учреждений в сотне различных городов. Только таким образом мы сможем уцелеть.

Выдвинутый Хирлем принцип децентрализации стал руководящим для нацистского подполья. Он предусматривал создание широко разветвленной сети подпольных ячеек, насчитывающих не более трех, шести и лишь в исключительных случаях до десяти человек каждая. Между отдельными ячейками не должно было быть на первых порах никакой связи, хотя бы они находились не только в одном районе, но даже в одном учреждении или предприятии.

Среди различных опусов, вышедших из-под пера немецких милитаристов, в которых рассматриваются причины поражения Германии в обеих мировых войнах и преподносятся реваншистские прожекты на будущее, весьма любопытным является труд нацистского генерала фон Штюльпнагеля. Этот видный нацист с 1940 по 1944 год занимал пост командующего германскими оккупационными войсками во Франции. Изыскания Штюльпнагеля относятся к периоду после разгрома гитлеровцев под Волгоградом. Вскоре этот документ, насчитывающий 60 страниц, попал в руки союзников и в ноябре 1943 года был опубликован в выходившем в Алжире французском еженедельнике «Комба».

В своем «завещании» (Штюльпнагель не предполагал тогда, что спустя год, летом 1944 года, после неудавшейся попытки покончить жизнь самоубийством он будет повешен за участие в заговоре против Гитлера) этот отъявленный реваншист

писал: «Какое может иметь для нас значение временное поражение...?».

— ...Завоевание мира потребует многих стадий, но важно, чтобы к концу каждой стадии мы обладали большим экономическим и промышленным потенциалом, чем наши противники... Нам не приходится опасаться таких условий мира, какие мы сами навязали бы нашим противникам, ибо наши враги всегда будут разобщены... Мы должны стремиться посеять семена будущих раздоров в следующем мирном договоре... Никакое поражение не является окончательным. Поражения — это лишь уроки, которые нужно усвоить, готовясь к следующему, более сильному удару... Наше поражение в нынешней войне следует рассматривать всего лишь как несчастный случай в победоносном продвижении Германии по пути завоевания мира...

ПЛАН „НН“

Гитлеровцы разработали два самостоятельных, но частично совпадающих оперативных плана подпольной подрывной деятельности. Один из них предусматривал тактику на ближайший отрезок времени после капитуляции Германии, другой представлял собой, так сказать, план дальнего прицела.

План номер один предусматривал широкое развертывание диверсионно-террористической деятельности на германской территории. С этой целью нацисты предполагали использовать некоторое количество войск СС и других специальных формирований для борьбы в лесах и горах, после того как союзники оккупируют Германию. Свои диверсионно-террористические отряды гитлеровцы намеревались развернуть главным образом в районах Восточной Пруссии, Южной и Юго-Западной Германии, в Тироле и на территории Австрии, где горно-лесистая местность благоприятствует ведению «малой войны».

Для руководства этими операциями был создан оперативный штаб в Мюнхене. Впоследствии его резиденцией должен был стать малоизвестный пункт в какой-нибудь глухой местности. Начальником штаба назначили уже упоминавшегося Вилгельма Шеппмана, человека, обладающего немалым опытом подпольной подрывной работы: в 1923 году он был одним из организаторов антисоюзнического саботажа в Руре. Заместителями Шеппмана были назначены следующие лица: Вернер фон Альвенслебен, личный друг Гитлера, активный участник добровольческих террористических банд германской реакции в 1919 году, и обергруппенфюреры СС Шелленберг и Мелле, ведущие работники «службы безопасности».

Отбор фашистских головорезов для укомплектования террористических отрядов был начат Гиммлером еще в начале 1943 года. Тогда по его распоряжению была произведена в частях СС вербовка десяти тысяч человек для выполнения «специальных заданий» исключительно внутри Германии. В дальнейшем этот контингент систематически пополнялся новыми партиями отборных эсэсовцев. В инструкции Гиммлера по формированию этих воинских соединений указывалось, что они должны состоять из «людей лучшей германской крови».

В течение многих месяцев эти части усиленно занимались освоением будущего театра военных действий в районах, отведенных каждой из них. Они изучали тактику ведения боя небольшими группами против крупных сил противника, операций в условиях горно-лесистой местности и т. д. Особое внимание было обращено на ознакомление этих отрядов с сетью дорог, обходными путями, бродами. Для этой цели подготавливались специальные кадры проводников. Командные кадры для террористических отрядов отбирались преимущественно из числа офицеров войск СС.

Действия нескольких отрядов в каком-либо районе страны предполагалось координировать под руководством территориального оперативного штаба, подчиненного, в свою очередь, главному штабу. Местонахождения штабов были строго засекречены во избежание провалов. Тщательнейшим образом прорабатывалась структура и методы связи штабов с подразделениями.

Кроме того, согласно плану номер один, нацисты создали организацию «Вервольф» («Волк-оборотень»). Гитлеровцы переняли ее наименование от тайной диверсионно-террористической организации, действовавшей в Германии в 1918 году на территории, занятой союзными войсками.

О возникновении организации «Вервольф» нацисты объявили во всеуслышание. 2 апреля 1945 года по радио было передано сообщение германского информационного бюро о том, что на оккупированной союзниками территории действует подпольная организация «Вервольф», которая ставит задачей «убивать солдат оккупационных войск без различия их национальности, возраста, семейного положения и поведения».

«Вервольф» создана примерно за год до капитуляции Германии. Ее формирование было обставлено особо конспиративно. В отличие от других подпольных организаций «Вервольф» предназначалась для действий в масштабе всей Германии. Структура «Вервольф» была следующей: во главе — главный штаб, которому подчинялись четыре штаба территориальных секторов; всю Германию соответственно разбили на четыре сектора: восточный, западный, южный и северный.

Каждый из секторов, в свою очередь, делился на три района, штаб последнего именовался «вспомогательным центром». Всего таких центров было 12, и они осуществляли непосредственное руководство первичными ячейками «Вервольф». В «Большом Берлине» была создана самостоятельная организация «Вервольф», подчиненная главному штабу. Структура ее была следующей: руководящий центр и группы — диверсионно-террористическая, пассивного сопротивления, поджигателей и информации. Девизом «Вервольф» были слова: «Ненависть — наша заповедь, месть — наш боевой клич».

Первоначально (в период до оккупации Германии) главный штаб «Вервольф» находился в Мерцбурге, небольшом городке, расположенном в районе озера Констанца. Будущий театр «малой войны» был полностью обеспечен оружием и материально-техническими средствами. В различных пунктах страны возникли многочисленные хранилища оружия, боеприпасов, типографского оборудования и бумаги. В этих тайниках укрыли огромное количество диверсионной техники, производством которой усиленно занимались специальные мастерские и лаборатории все последние месяцы пребывания гитлеровцев у власти. Внешнее оформление этой техники было весьма разнообразно: предметы широкого потребления в виде автоматических ручек, карандашей, пудрениц, дамских сумочек, портфелей, часов, игрушек, зажигалок, продукты питания — коробки с конфетами, банки с вареньем, мясными консервами и пр. Все эти предметы были начинены взрывчаткой и снабжены механизмами замедленного действия.

Нацисты также укрыли различное оборудование и машины, с тем чтобы наладить в подполье производство и ремонт легкого вооружения.

Кроме того, большое количество разной военной техники, в том числе иностранных образцов, было роздано на хранение «благонадежным» элементам гражданского населения.

Территориальное размещение всех этих тайников было произведено в соответствии с определенным планом, известным весьма ограниченному кругу лиц из верхушки нацистского подполья; документация плана была тщательно зашифрована. Одна часть из этих подпольных «арсеналов» предназначалась для удовлетворения текущих потребностей, другие были запасными. Местоположение тайников было так тщательно замаскировано, что, не зная специальных секретных признаков, указанных в дислокации, их было весьма трудно обнаружить.

После оккупации союзники обнаружили немало подобных тайных хранилищ. В широких размерах была проведена работа по установлению местонахождения секретных складов ди-

версионной техники и вооружения в советской зоне. Так же основательно нацисты организовали в подполье агентурную связь. С этой целью было укрыто большое количество разнообразной радиоаппаратуры. Раскрытая американцами осенью 1945 года одна из подпольных нацистских организаций располагала 75 тайными радиопередатчиками. Наряду с радиосвязью широко использовался метод курьерской связи, особенно с заграничными центрами. В этом отношении швейцарская граница всегда рассматривалась германской разведкой в качестве одной из наиболее благоприятных.

На выполнении плана номер один, то есть на активной форме борьбы нацистского подполья против союзников, когда они приступят к оккупированию территории Германии, особенно настаивал Гитлер. Так, на последнем заседании нацистского руководства, происходившем в двадцатых числах апреля 1945 года в подземелье имперской канцелярии, Гитлер категорически предложил приступить к выполнению плана номер один. Однако из всех присутствовавших на этом заседании, а среди них были Геринг, Гиммлер, Геббельс, фельдмаршалы Кессельринг и Буш, генералы Гудериан, Шернер и Фицлер, только один Геббельс был согласен с Гитлером. Другие участники совещания считали бессмысленным продолжение вооруженной борьбы после разгрома Германии. Они предлагали в целях сохранения сил как можно глубже уйти в подполье и не подавать никаких признаков жизни. План номер один в более или менее широких размерах нацистами так и не был осуществлен.

Второй план подпольной деятельности, разработанный нацистами, известен под названием плана «НН», что означает «нах дер нидерлаге» — «после поражения».

Гиммлер в одной из последних директив поставил следующие задачи перед агентурой, оставленной как в Германии, так и в странах, освобожденных от фашистских войск:

1. Создание всевозможных затруднений для армий союзников.

2. Противодействие демократическим реформам.

3. Дезорганизация экономической жизни, поощрение спекулятивного ажиотажа и деятельности «черной биржи».

4. Срыв мероприятий, направленных к улучшению положения населения, дезорганизация аппарата снабжения.

5. Срыв мероприятий по осуществлению земельной реформы.

6. Подрыв престижа организаций национального сопротивления, пропаганда их роспуска и устранение от участия в общественной жизни страны.

щения. По словам бывшего директора сигаретной фирмы «Хальпаус», в конце двадцатых годов Шумахер, будучи членом налоговой комиссии рейхстага, за защиту интересов этой фирмы регулярно получал солидное вознаграждение от дирекции последней.

Через всю долгую деятельность Шумахера в качестве партийного функционера красной нитью проходило стремление любыми средствами раздробить и обескровить германское рабочее движение. В своей «теоретической» деятельности, ярким образом которой служит его докторская диссертация, он целиком раскрыл нутро ревностного лассальянца. Как известно, лозунг борьбы за диктатуру пролетариата Лассаль подменял вульгарно-демократическим лозунгом «об обеспечении свободной основы государства». Следуя реакционному, идеалистическому учению Гегеля, Лассаль изображал государство как надклассовую организацию. Основным положением его программы являлось не разрушение реакционного прусского государства, а «социалистическое» вмешательство государства Пруссии в разрешение социального вопроса.

Так вот в своей докторской диссертации, поставив главной задачей опровергнуть учение Маркса о государстве, Шумахер «искал великий синтез между государством (буржуазным, разумеется.— В. М.) и классом». Мог ли такой «ученый муж» не быть подходящей кандидатурой для целей реакции?

В самом раннем периоде своей деятельности на «демократическом» поприще Шумахер зарекомендовал себя в глазах хозяев в качестве яркого ненавистника коммунизма. Еще до прихода Гитлера к власти в 1932 году на многих рабочих собраниях Шумахер открыто заявлял, что он охотнее готов сотрудничать с любым нацистом, чем с коммунистом.

В 1933 году Шумахер был арестован и посажен в концлагерь Дахау, администрация которого отнеслась к нему весьма благосклонно, определив библиотекарем... Там он быстро нашел свое место, организовав вокруг себя своего рода «группу содействия гестапо». Возглавленная Шумахером группа социал-демократов специализировалась на осведомлении гестапо о деятельности содержащихся в лагере коммунистов. В результате ее доносов многие заключенные были отправлены в лагерь уничтожения.

Шумахер не раз предупреждал гестаповцев о подготовлявшихся заключенными побегах. По одному из его доносов была расстреляна большая группа русских военнопленных — 92 человека, замышлявших побег из лагеря. Об этих предательских поступках Шумахера рассказали бывшие узники Дахау. Один из них, Виктор Матейка, в прошлом член христианско-социальной партии, вспомнил, что Шумахер с чрезвычайной ра-

достью встретил разбойничье нападение Гитлера на СССР. Другие факты привел в своем письме, опубликованном в газете «Зексисхе фольксцайтунг», бывший узник Дахау Генрих Богуло.

В 1943 году Шумахер был освобожден из концлагеря. Это было «к нашему счастью,— писал Матейка,— ибо иначе он с помощью своей клики выдал бы еще больше наших товарищей на смерть».

После краха нацистского режима Шумахер поступил на службу к новым хозяевам. В их интересах он стал руководителем социал-демократической организации Ганновера, а затем и главой немецких правых социал-демократов. Он был ярким сторонником проекта раздела Германии на две части, что западные державы и осуществили, не считаясь с интересами немецкого народа.

Когда после войны встал вопрос о слиянии социал-демократической и Коммунистической партий в единую социалистическую партию Германии, Шумахер ожесточенно выступил против объединения.

Этот высокий, с негнущейся шеей, всегда лихорадочно взвинченный человек с глазами маньяка был снедаем лютой ненавистью к Советскому Союзу. Антикommунизм был господствующей страстью всей его жизни, и, где только можно было, он неумоимо подчеркивал, что не остановится ни перед чем для уничтожения коммунизма. И тогда его лицо, обычно напоминавшее своим выражением морду испуганной лошади, пылало красками злобной ненависти.

Но, будучи верным последователем Лассалья, Курт Шумахер, в действительности злейший противник марксизма, умел приспособливаться к политическим обстоятельствам. Именно поэтому в своих речах он часто упоминал имя Карла Маркса, разглагольствовал о международном социализме и по окончании рабочих собраний предлагал присутствующим спеть «Интернационал». Эта лисья тактика помогала ему выполнять свою главную жизненную функцию — состоять в рядах чистильщиков сапог у реакции (шумахер в переводе с немецкого — сапожник).

Секретная инструкция по осуществлению плана «НН» специально рекомендовала членам нацистского подполья проникать в будущую полицейскую систему Германии. С этой целью изучались методы проникновения гитлеровцев в полицейский аппарат Веймарской республики. В инструкции напоминалось о том, что в 1919 году в Гамбурге была создана нелегальная организация «Роланд», устраивавшая своих членов в гамбургскую полицию. Эти последние сумели даже проникнуть в

политический отдел полиции, что дало им возможность предупреждать нацистских главарей о предстоящих допросах или арестах. В последние годы перед приходом Гитлера к власти члены организации «Роланд» занимали большинство руководящих должностей в политической полиции веймарской Германии.

Авторы названной секретной инструкции рекомендовали членам нацистского подполья применять тактику «троянского коня» в полицейской системе. Насколько эта тактика оказалась успешной, можно судить по множеству фактов, опубликованных в печати. По словам корреспондента газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», бывшие гитлеровцы сумели занять почти все высшие полицейские посты в английской зоне оккупации.

Многие полицейские органы Ганновера и Вестфалии стали в полном смысле слова сборными пунктами бывших агентов гестапо. Как правило, в каждом случае нити от любого из этих полицейских чиновников вели к нацистским подпольным организациям. К примеру, бывший сотрудник службы безопасности Вилькенинг, назначенный начальником уголовной полиции одного из районов Ганновера, оказался главарем разоблаченной в английской зоне крупной фашистской организации.

Одной из своих задач нацистское подполье считало «создание после войны царства террора» против немцев-антинацистов, которые станут на путь сотрудничества с прогрессивными силами в целях переустройства Германии. Для расправы с ними нацисты восстановили практику «феме» (в переводе с немецкого это слово означает объявление человека вне закона). В эпоху средневековья в Германии правом «феме» пользовались особые тайные судилища, так называемые фемегерихты.

Фемегерихты играли большую роль в социальной и правовой истории немецкого народа, и деятельность их столь любопытна, что небезынтересно рассказать о ней.

Впервые такие судилища появились в Вестфалии, по преданию, во времена Карла Великого. Летописные данные свидетельствуют о их существовании примерно с середины XIII века. Секретное разбирательство дела, в большинстве случаев в отсутствие обвиняемого, и приведение приговора фемегерихта в исполнение окружались исключительной таинственностью. Делалось это с целью устрашения народных масс.

Повестка с вызовом на тайное судилище ночью прибывала к входной двери дома вызываемого лица. Посланец фемегерихта ночью же приводил обвиняемого, которого вели с завязанными глазами. Глава фемегерихта встречал его, сидя за столом, на котором лежали меч и веревка. Если обвиняемый

уклонялся от явки, разбор дела упрощался до крайности. Обвинителю было достаточно стать на колени и, положив два пальца на меч, поклясться в том, что он говорит правду. Затем заявление обвинителя удостоверяли своей клятвой шестеро его друзей. Характерно, что друзья обвинителя могли и не знать обстоятельств дела, достаточной была их уверенность в общей правдивости обвинителя.

Когда обвинение считалось доказанным, фрейграф (судья) выносил приговор. Осужденный провозглашался лишенным «мира и права», его «шея отдавалась веревке, труп — птицам и зверям». Исполнение приговора осуществлялось одним из шеффенов (судебным заседателем или судебным исполнителем). Часто бывало так, что «судебное разбирательство» и приговор оставались тайной для обвиняемого.

Институт шеффенов действовал на всей территории феодальной Германии. Тайные, неизвестные непосвященным, пароли и условные знаки позволяли шеффенам легко устанавливать контакт между собой и помогать друг другу. Метод «феме» и система фемегерихтов, никогда и никаким актом не узаконенные и между тем прочно внедрившиеся в жизнь средневековой Германии, были в руках немецких феодалов самым сильным оружием в борьбе против народных масс.

В 1924 году гитлеровцы возродили эту средневековую систему террора. Уходя в подполье, они снова обратились к ней. Они создали тайные фемегерихты и поручили им расправу с «неблагонадежными» членами подполья и осуществление террористических актов против демократических деятелей.

Когда союзники оккупировали Германию, нашлись тысячи немцев, пожелавших честно сотрудничать с оккупационными властями на поприще демократизации страны. Вместе с тем появились и признаки существования «феме». Вначале стали поступать сообщения о немках, избитых неизвестными, носившими маски, за то, что они гуляли с солдатами союзников.

Первым террористическим актом нацистского «феме» было убийство начальника полиции округа Целендорф в Западном Берлине Ганса Фосса и директора прусского банка Вильгельма Фогта. Затем от руки убийцы пал молодой антифашист Гарри Шломан. В Саксонии жертвой «феме» стала Марта Браутт, руководительница женского комитета. Группа современных шеффенов убила докладчика и нескольких участников одного демократического собрания в Бернхаузене. В этом же округе нацистские подпольщики расклеивали плакаты с призывом убивать докладчиков-антифашистов, выступающих на собраниях трудящихся.

При аресте в Баварии членов подпольной «Эдельвейспиратен» у них были найдены списки 400 германских демократов, которые были обречены на смерть за свою антифашистскую деятельность.

Группы «феме» по своему составу были немногочисленны и действовали независимо друг от друга в различных частях страны. Но в основу их бандитской деятельности были положены единые принципы и методы.

Стремительное наступление Советской Армии спутало планы нацистской верхушки в отношении организации подпольной деятельности. Многие из намеченных мероприятий нацисты так и не успели осуществить, к осуществлению других вовсе не приступили.

Кроме того, настроения населения Германии, находившегося в состоянии сильнейшей подавленности и ужасной усталости, отнюдь не стимулировали «диверсантского энтузиазма» ушедших в подполье «вервольфов». Относительно строгий контроль, установленный в первое время союзным командованием за передвижением германского населения между зонами оккупации, в свою очередь, препятствовал налаживанию в нацистском подполье внутриорганизационных связей. Наконец, нацистские подпольщики руководствовались последней директивой главного подпольного штаба о том, что в условиях нынешней обстановки широкая активность временно строго запрещается. Разрешалось проводить только отдельные акты саботажа и террора. В этой директиве указывалось, что подпольным группам в нужный момент будет сообщено, когда следует начать более широкие действия. В порядке прогноза в директиве указывалось на то, что это, по-видимому, произойдет во второй половине зимы 1945/46 года, когда экономическое положение страны станет настолько тяжелым, что нацисты смогут рассчитывать на поддержку населения, которое пока еще проявляет безразличие.

„ШЕСТАЯ КОЛОННА“ НАДЕВАЕТ МАСКУ

В середине тридцатых годов поблизости от небольшого померанского городка Фалькенбурга нацисты развернули большое строительство. Вскоре на месте разрушенного старинного замка появилось здание, увенчанное двумя высокими четырехгранными кирпичными башнями. Они возвышались над группой угрюмых, непривлекательной архитектуры корпусов. Массивные входные двери дома с башнями украсились странной надписью: «Слепое повиновение». Вся эта тщатель-

но охраняемая территория была обнесена высокой стеной, на которой через равные промежутки были прикреплены дощечки со следующим текстом: «Проникновение без пропуска за ограду карается смертью».

Среди окрестного населения, боявшегося даже приближаться к этим местам, стали ходить всякие слухи, но никто не знал, что творится за глухой стеной.

Да, какой бы страх напал на местных жителей, если бы им пришлось увидеть следующую картину.

...В подвальном этаже главного корпуса в полутемной, освещенной лишь свечами комнате, по стенам которой были развешаны атрибуты средневековой мистики — медные волчьи головы и конские хвосты, происходила любопытная церемония. Человек, одетый в черную бархатную мантию, тихим угрожающим голосом произносил страшные слова клятвы, повторяемой за ним высокого роста светловолосым юношей: «Тот, кто изменит или выдаст тайну Орденсбурга, подлежит смерти. И не только он сам будет уничтожен, но и его семья, его жена, его дети».

Мы рассказали о процедуре посвящения в аспиранты «Орденсбурга» в Фалькенбурге — так называлась разведывательная школа высшего типа, готовившая подрывную агентуру против стран «восточного направления» (СССР, Польша и др.).

В нацистской Германии были еще две такие школы: в Фогельзанге (Рейнская область) и в Зонтхофене (Бавария). Они были нацелены на Запад.

Для того чтобы быть принятым в такой фашистский «заповедник», нужно было предварительно пройти курс общеобразовательной подготовки в одной из так называемых окружных школ Адольфа Гитлера (вначале они назывались «Дейче хаймшулен» — «Немецкие отечественные школы»). Их насчитывалось в Германии свыше тридцати, и число учащихся в них доходило до 40 тысяч.

Организация этих школ была проведена под руководством уже знакомого нам генерала Гейсмейера, известного специалиста по подготовке агентурных кадров. Говоря о задачах названных учебных заведений, Гейсмейер в ноябре 1940 года заявил следующее: «Нашей важнейшей целью является подготовка молодых людей к опасной и суровой жизни. Мы должны научить их приносить самые тяжелые жертвы во имя фюрера и Третьей империи». Официально же было объявлено о том, что сеть «Дейче хаймшулен» имеет своей целью подготовку кадров среднего звена для аппарата нацистской партии.

В этой связи необходимо отметить следующее. Фашистская Германия была единственной страной в мире, в которой поч-

ти вся государственная система образования была подчинена задаче вырастить такие кадры, которые, в какой бы они области впоследствии ни работали, прежде всего были бы способны благодаря полученным знаниям выполнять специальные задания в области подрывной деятельности.

Основы агентурной подготовки прививались немецкой молодежи еще в самом раннем возрасте. Чтобы это стало ясным, достаточно ознакомиться с программой школы по подготовке «фюреров» для «Гитлерюгенд» (гитлеровское юношеское движение), с проспектами немецких детских издательств, детской и юношеской литературой, опубликованной за период нацистского господства. Повсюду на первом месте фигурирует все то, что имеет отношение к разведке, все то, что способствует воспитанию в ребенке качеств и навыков, необходимых разведчику. Например, «Франконское издательство» в Штутгарте рекомендовало юношеским организациям приобретать «Практическое руководство по службе разведчика», «Игры в разведчиков», пособия — «Производство топографических съемок», «Чтение карт», «Посылка донесений». Издательство Фогенрейтера советовало немецким детям изучать по предлагаемым им пособиям «Сигнализацию и азбуку Морзе», «Разведывательную и сторожевую службу», «Ориентировку», «Определение направления» и т. п.

Соответствующая программа занятий с молодежью в юношеских организациях, широчайшим образом использовавших подобного рода литературу, сравнительно в короткий промежуток времени обеспечила нацистам создание значительных кадров молодежи, получивших первоначальное представление о том, что собой являет искусство разведки и разложения противника.

С огромным упорством, чисто немецким педантизмом и последовательностью нацисты готовили многотысячную тайную армию, предназначенную для борьбы фашистской Германии за мировое господство. Гитлер говорил: «В моих «орденсбургах» вырастет молодежь, от которой мир в страхе отпрянет. Неистово активная, властная, бесстрашная, жестокая молодежь — вот что мне нужно!».

Однако Вооруженные Силы Советского Союза наносили сокрушающие удары по этим планам гитлеровской шайки.

С весны 1943 года вся система «политише эрциунгсшталтен» (система так называемых политико-воспитательных заведений внешнеполитического отдела нацистской партии) перестраивает свои учебные программы в расчете на подготовку кадров для работы в условиях подполья. Перед «Дейче хаймшулен» ставится задача наряду со специальным обучением в рамках прежних программ обучать своих воспитан-

ников различным массовым профессиям (строительных рабочих, сельскохозяйственных рабочих и т. п.), которые должны маскировать их подлинное «дело». Кроме того, они проходят курс обучения некоторым германским провинциальным диалектам, чтобы пруссак, например, мог работать в подполье в Баварии, а баварец — в Пруссии, не обнаруживая своей настоящей областной принадлежности.

По замыслам гитлеровского руководства, контингенты молодежи, выпускавшейся из стен «Орденобурггов» и «Дейче хаймшулен», а равно личный состав эсэсовских частей кроме участия в подпольной деятельности должны были стать костяком будущей германской армии реванша. Недаром орган Гимmlера «Дас шварце кор» в то время провозгласил: «Нам нужна будет сильная армия через двадцать лет».

Главный штаб фашистского подполья тщательнейшим образом разработал систему маскировочных мероприятий для членов «шестой колонны». Чтобы сохранить свои кадры и избавить их от ответственности за совершенные преступления, гитлеровские главари прибегли к самым разнообразным приемам маскировки.

Многих нацистов заносили в гестаповские картотеки в качестве «политически неблагонадежных» и «разыскиваемых для привлечения к ответственности».

Как сообщала в то время одна из швейцарских газет, около 50 тысяч эсэсовцев вдруг перевоплотились в крестьян, ремесленников и торговцев. Многие из них стали выдавать себя за беженцев из восточных областей Германии. Другие изображали из себя бывших военнопленных, якобы вернувшихся на родину.

Ярким примером перевоплощения крупного нацистского деятеля служит последний этап обер-президента и гаулейтера Восточной Пруссии Эриха Коха. Это был очень неуклюжий и неотесанный человек, черты лица его были грубыми и жестокими. По честолюбию, эгоизму и заносчивости ему не было равных среди гитлеровской верхушки. У него была весьма характерная походка: он выступал важно и подчеркнуто торжественно. Осенью 1944 года Кох все еще оглушал аудиторию фашистов высокопарными речами, пытаясь убедить своих уже не особенно внимательных слушателей в конечной победе немецкого оружия. Однако этот «оптимизм» не помешал ему своевременно занять место на военном транспорте и в мундире майора вермахта удрать в мае 1945 года во Фленсбург. С этого момента Эрих Кох начинает свою «вторую жизнь».

И вот неподалеку от Гамбурга, в местечке Хазенмоор, поселился некий Рольф Бергер. По документам он значился сельскохозяйственным рабочим, потерявшим в результате воен-

ных действий дом и имущество. Жил он одиноко, но на питание денег не жалел, покупая все на черном рынке, что вызывало удивление соседей: откуда у беженца такие средства, когда кругом все подобные ему голодают?

Годы шли, и Рольф Бергер стал уже забывать, что он некогда был рейхскомиссаром Украины, гаулейгером Восточной Пруссии и что сам Гитлер наградил его золотым партийным значком, как одного из старейших нацистов. Однако наступило время, и тайна Рольфа Бергера перестала быть тайной: в своем прежнем качестве, как Эрих Кох, в январе 1950 года он был передан польским властям и осужден.

В ряде случаев «шестая колонна» выдавала себя за евреев. Незадолго до капитуляции по специальному заданию гитлеровцы подожгли концентрационный лагерь в Блехаммере, где содержались евреи. Документы и одежда заключенных с красным крестом на спине и нашитыми на груди желтыми полосками были розданы эсэсовцам.

Одним из широко примененных нацистами методов маскировки было заключение в концентрационные лагеря или в лагеря уничтожения под видом антифашистов. Для придания большей достоверности этому маскараду в гестапо заводились на них фиктивные судебные дела, составлялись фальшивые списки приговоренных к смерти. Чтобы тщательнее замести следы и превратить этих новоявленных «антифашистов» в «долголетних узников гитлеризма», их перебрасывали по несколько раз из одного места заключения в другое.

Отдельные нацисты сопровождали свой переход на нелегальное положение даже таким трюком, как... официальное сообщение в печати о собственной «смерти». В действительности они переезжали в другой район страны, где их никто не знал, и поселялись там под чужим именем с фальшивыми документами.

Говоря об этой уловке гитлеровцев, бернский корреспондент английской газеты «Дейли экспресс» приводил любопытные факты. Полковник войск СС Олаф Фикерт поместил в немецких газетах свой некролог, но месяц спустя его видели разгуливающим по улицам Барселоны под именем Вильгельма Клейнерта. Начальник штаба «Гитлерюгенд» Гельмут Меккель, как сообщили берлинские газеты, «явился жертвой рокового несчастного случая», но после этого его видели в Испании вместе с главарем испанских студентов-фашистов Альваресом Серрано. Помощнику «доктора» Лея, главаря «германского трудового фронта», некоему Роберту Лейтнеру устроили 26 января 1945 года пышные похороны за счет государства. На похоронах присутствовали важные нацистские сановники и военные чины. Но вскоре он объявился в другом

районе Германии под именем Георга Ханауэра. Сообщалось также о «смерти» эсэсовских главарей — Карла Дуйфа, Ганса Штейдемманна и Эрнста Фрика, но затем стало известно, что они преспокойно живут под вымышленными именами в Буэнос-Айресе.

В связи с этим шведская газета «Экспрессен» в начале 1945 года писала: «После того как русские начали свое рекордное движение на Берлин, количество «внезапно скончавшихся» руководящих нацистов постоянно растет. Когда союзники начнут устанавливать контроль над Германией, у них, по всей вероятности, будет основание проверить списки покойников за последнее время».

Некоторые видные гитлеровцы делали себе пластические операции, изменяя до неузнаваемости свое лицо.

Разрушение многих германских городов воздушными бомбардировками и широкая волна беженцев благоприятствовала маскировке и будущей легализации «шестой колонны».

Любопытна еще одна уловка гитлеровцев. С конца 1943 года в немецкой печати неоднократно появлялись сообщения о разоблаченных гестапо заговорах против Гитлера. В гестапо были заведены сотни следственных дел на участников покушений на Гитлера, среди которых нередко фигурировали видные нацисты, причем характерно, что фамилии их тотчас становились достоянием широкой гласности не только в Германии, но и за границей. «Случайно» некоторым из этих «заговорщиков» удавалось «бежать», избегнув ареста и кары. Распускаемая же относительно этих лиц «информация» предназначалась для упрочения «антинацистской» репутации мнимых заговорщиков, благополучно укрывшихся в некоторых нейтральных странах.

В зиму 1944/45 года по всей Германии началась массовая выдача гитлеровцам фальшивых документов, перемена ими имен, фамилий и местожительства. Вчерашние убийцы, насильники и грабители превращались в «почтенных бюргеров» или надевали другие личины. В целях заблаговременной легализации многие из них устраивались в качестве конторщиков, счетных работников, техников и на другие малозаметные должности во второстепенных предприятиях гражданского характера.

...Война уже близилась к концу, когда союзники вступили на территорию концентрационного лагеря Заксенхаузен. В этом лагере было обнаружено большое предприятие по изготовлению фальшивых денег, документов, печатей и др. На нем работало 140 человек, в большинстве — французские, бельгийские, голландские, норвежские и датские рабочие-печатники, насильно мобилизованные и заключенные в лагерь.

На этой строго засекреченной фабрике было организовано печатание фальшивых английских фунтов стерлингов и американских долларов. К моменту ее обнаружения было уже отпечатано 200 миллионов фальшивых английских фунтов и налажен выпуск 600 тысяч долларов в неделю. Нацистская верхушка надеялась засыпать Англию и США фальшивыми бумажными деньгами и этим подорвать их экономику. При приближении линии фронта к Заксенхаузену немцы уничтожили оборудование и сожгли изготовленные фальшивые деньги и поддельные документы. Эсэсовской охране лагеря было приказано истребить всех заключенных и тем самым скрыть существование этой фабрики. Однако нацистам не удалось полностью осуществить свой план.

«Директором» фабрики фальшивок был известный полиции всех европейских стран фальшивомонетчик Маркус Пельц, которому как-то удалось избежать смерти. В августе 1945 года он был арестован властями союзников и на следствии поведал о тайнах фабрики в Заксенхаузене. Любопытно, что Маркусу Пельцу удалось спустя неделю тайно покинуть камеру тюрьмы вблизи Нюрнберга, куда он был заключен, и скрыться в «неизвестном направлении». Нужду в специалистах такой высокой квалификации, как вскоре выяснилось, испытывало не только гестапо, но и другие специальные органы западных держав...

В три часа утра 12 марта 1938 года на Венском аэродроме приземлился самолет, из которого вышел Генрих Гиммлер, рейхсфюрер СС и шеф германской полиции. Спустя несколько часов он принял некоего Эрнста Кальтенбруннера, который доложил ему, что нацистское движение в Австрии достигло полного успеха и что австрийские «СС ждут его дальнейших указаний»...

В январе 1943 года Кальтенбруннер был назначен начальником полиции безопасности и СД. Деятельность его на этом посту была столь успешной, что спустя два года Гитлер наградил его «Рыцарским крестом за боевые заслуги» со скрепленными шпагами, что в «третьем рейхе» считалось одной из самых высоких военных наград.

Этому высокому, похожему на орангутанга человеку с угрюмым желтоватым лицом, прозванному за свой отталкивающий вид «гориллой», Гитлер в начале 1945 года поручил создать в горах Западной Австрии особый «оборонительный район». Весной сюда должен был прибыть сам «фюрер», с тем чтобы засесть здесь в бест до тех пор, пока не будет найден общий язык с союзниками.

В небольшом поселке Альтаусзее в гостинице «Ам зее» («У озера») расположился штаб района, получившего название «Альпийская крепость». В находившиеся поблизости от Альтаусзее горизонтальные штольни заброшенных соляных копей были привезены ценнейшие картины, скульптуры и драгоценности, украденные нацистами из венских музеев и других крупнейших европейских хранилищ. На случай приближения противника был подготовлен взрыв. У выхода из штолен поместили ящики с авиационными бомбами, на которые приклеили этикетки: «Мрамор, обращаться осторожно!».

Как известно, из этого мифического мероприятия ровным счетом ничего не получилось. Гитлер не смог выбраться из своего логова в Берлине, зажатого в кольцо наступавшими советскими войсками. Сконцентрированные в этом районе эсэсовские части стали разбредаться, и Кальтенбруннер остался лишь с небольшим числом приспешников. Среди них был один из ближайших подручных Гитлера небезызвестный эсэсовец Отто Скорцени. На него была возложена задача сформировать особый отряд «вервольфов», который в случае падения «Альпийской крепости» должен был укрыть высоко в горах Гитлера и его штаб.

Понимая безвыходность своего положения, Кальтенбруннер решил, что настало время позаботиться и о себе. Он отдал приказ открыть в гостинице «Ам зее» госпиталь для раненых эсэсовцев, в состав медицинского персонала которого включил своего личного врача. Вслед за этим, изображая раненного в голову, под чужим именем он лег в одну из палат. Под бинтами он отращивал бороду, готовясь к пластической операции, чтобы, изменив свою внешность, попасть вместе с другими эсэсовцами в один из концентрационных лагерей в американской зоне. В нем Кальтенбруннер рассчитывал отсидеться до лучших времен.

Находясь в госпитале, «горилла» отдал приказ Скорцени взорвать подземелье с сокровищами. В одну из ночей, лежа на больничной койке, он нервно следил за движением минутной стрелки на своих часах, ожидая взрыва. Однако прошел час, а взрыва все не было. Наконец явился Скорцени и объяснил неудачу изменой исполнителей. И вот тогда обер-палац Кальтенбруннер впал в панику. Он попросил Скорцени дать ему проводников из наиболее надежных «вервольфов» и следующей ночью бежал по туристской тропе в горы.

Было уже начало мая, но в горах шел снег. Бредя по колону в снегу, Кальтенбруннер к полудню выбился из сил, свалился в первой же лесной избушке и заснул. Один из проводников остался караулить спящего, а другой поспешил на поиски американского патруля.

Спустя некоторое время в иностранной печати промелькнуло сообщение, что выдал Кальтенбруннера Отто Скорцени, выкупив этой ценой свою собственную голову. После этой сделки американцы помогли ему выбраться из альпийской ловушки и бежать в одну из стран Южной Америки.

Так завершилась преступная деятельность Эрнста Кальтенбруннера, одной из самых зловещих фигур в портретной галерее нацистских руководителей. В его руках была сосредоточена огромная личная власть, которую он использовал для уничтожения миллионов ни в чем неповинных людей. Кальтенбруннер был чудовищный садист: он со смехом входил в газовую камеру, где ему демонстрировали различные виды казни — повешение, расстрел в затылок и отравление газом. Гитлер поручил ему вместе с Гиммлером создать грандиозную подпольную организацию нацистов в Германии, но это был миф, лопнувший, как мыльный пузырь. Как затравленный волк, пытался Кальтенбруннер скрыться, но его предал тот, на кого он больше всего надеялся.

ИСХОД ВЕЛИКОГО БЕЗУМИЯ

Чем зверь кровожадней, тем он больше огрызается, когда издыхает. Гитлеровцы пытались устроить весь мир. «Миллионы немцев будут вести партизанскую войну,— истосно вопило берлинское радио в передаче от 13 февраля 1945 года,— каждый из нас, умирая, постарается захватить с собой в могилу пятерых или десятерых врагов... В истории бывали и худшие ситуации, чем та, в какой ныне очутилась Германия. Восьмидесятимиллионный народ сумеет защитить себя. Мы приобрели опыт в малых странах. Миллионы немцев будут платить смертью за смерть».

Но в действительности немцы уже давно не испытывали ни малейшего желания умирать за «своего фюрера». Немецкий народ жаждал мира и спокойствия. Да и в рядах самих нацистов происходила переоценка ценностей и царили страшный разброд и уныние. Даже «избранные» гитлеровцы из числа тех, кого включили в состав «шестой колонны», встретили оккупацию в большинстве случаев в состоянии полной паники и растерянности. Их положение усугублялось тем обстоятельством, что очень многие среди них еще не освоились со своим новым обликом, нередко связанным с переменой местожительства и другими моментами бытового характера. Если крупный нацист, пользовавшийся всеми благами жизни, вдруг превращался в «скромного конторщика», то последнее, разумеется, не могло не иметь для него значения.

Однако было бы ошибочным предполагать, что в таком состоянии полнейшей бесперспективности и бездеятельности пребывала вся милитаристская и нацистская верхушка. Думать так — значит забыть или не знать агрессивной природы германского империализма, его патологически настойчивого стремления к мировому господству.

Даже в обстановке приближавшейся военной катастрофы некоторые нацистские главари пытались действовать. В тиши многих бомбоубежищ шла лихорадочная разработка плана «Гросс» — грандиозного плана подготовки к реваншу. Краеугольным камнем этого плана являлось создание многочисленной зарубежной тайной армии, которая, будучи рассеянной по всему миру, соткала бы новую коричневую паутину и организовала новый заговор против демократии.

На свою «шестую колонну» внутри Германии нацистские главари смотрели как на вспомогательную силу. Главное же заключалось для них в организованном спасении основных кадров фашистской партии, гестапо, армии и промышленности, без которых невозможно было бы осуществление их реваншистских замыслов. Именно этим объяснялись лихорадочные темпы происходившей в период 1944—1945 годов «эвакуации» из Германии десятков тысяч немцев самых различных профессий.

Разумеется, речь шла прежде всего о руководящих кадрах. Немало крупных нацистов задолго до катастрофы перекочевало в нейтральные страны, где успело развернуть разностороннюю подрывную деятельность. Только в период февраля — марта 1945 года из Германии официально выехали за рубеж «со специальной миссией» 345 лиц, принадлежавших к правящим фашистским сферам.

Для переброски гитлеровцев за рубеж Гиммлером было создано несколько специальных отраслевых центров, которые устанавливали очередность «эвакуации» и осуществляли ее. Один из таких центров находился в окрестностях Дрездена на вилле некоего Мартина Гамича, другой обосновался в одном из датских городов, несколько расположилось на швейцарской границе. Каждый из них располагал сетью переправочных квартир, многочисленным штатом служащих и представительствами в ряде стран.

«Эвакуация» производилась самыми различными путями: по воздуху, на подводных лодках, железных дорогах и «нелегально» — в Швейцарию. Для приема «эвакуированных» в Испанию, Португалию, Швецию, Аргентину и другие страны были заблаговременно разосланы Гиммлером специальные уполномоченные.

В основном техника перевоплощения эсэсовцев, гестапов-

цев и фашистов иных профессий в испанских грандов, швейцарских часовщиков, аргентинских мясоторговцев и прочих «нейтралов», как мы знаем, была весьма проста: всего лишь замена паспорта и фамилии. К примеру, бывший генерал-майор германской авиации Ганс Штейдманн вдруг стал Педро Касманном, гражданином Аргентины. Под фамилией Теодора Швиммда скрылся полковник германской армии Вальтер Остеркамп, массажист Гиммлера Керстен сохранил свою фамилию, но, получив шведский паспорт, предпочел поселиться в Стокгольме и т. д. По указанию Франко в Мадриде было организовано специальное засекреченное предприятие по изготовлению фальшивых документов, аппаратура и оборудование для которого доставлены были из Германии.

Многим немцам перед выездом из Германии выдавались документы, в которых указывалось, что местом их рождения является нейтральная страна. Прибыв с таким документом в Стокгольм или Буэнос-Айрес, они без труда обменивали его там на паспорт этой страны. Довольно значительная группа гитлеровцев получила права гражданства в Финляндии и таким путем избежала интернирования. В числе этих «финнов», нашедших затем приют в Швеции, имелись заведомые агенты гестапо.

Другой широко распространившийся накануне краха гитлеровской Германии формой эвакуации нацистских кадров явилась отправка на «санаторное лечение». Для этой цели в Швейцарии были заблаговременно целиком откуплены 15 санаториев. Перевозка этих «больных» совершалась в специальных санитарных вагонах, прицеплявшихся к каждому поезду, следовавшему из Германии в Швейцарию. По приходе такого поезда на австро-швейцарскую пограничную станцию Санкт-Маргретен «больных» на носилках переправляли в швейцарский поезд. Цюрихский журнал «Тат» обратил тогда внимание, что у этих больных «подозрительно здоровый вид». «Это, несомненно,— писал журнал,— один из способов, облегчающих бегство нацистов из Германии».

Количество гитлеровских военных преступников, уже обособившихся в «нейтральных» странах, было огромно. Только в одной Испании перед концом войны насчитывалось свыше 80 тысяч немцев, прибывших туда под видом инженеров, техников, экономистов, торговых агентов и т. п. Не менее 40 тысяч германских офицеров, военных специалистов и солдат вступили в ряды испанской армии и в фалангистские отряды. Кроме того, около 20 тысяч гестаповцев и эссовцев устроились на службу в испанский государственный аппарат, в тайную и явную полицию, в органы дипломатической службы и печати.

Английская газета «Ньюс кроникл» в связи с этим писала, что «испанская полиция более, чем когда-либо, находится под контролем гестапо». Даже орган Ватикана «Оссерваторе романо» вынужден был признать, что 1200 немцев занимают в Испании крупные государственные должности. Такое же положение было в Лиссабоне, где нацисты встречались на каждом шагу.

Характерно, что вплоть до самой капитуляции гитлеровской Германии во многих «нейтральных» странах продолжала функционировать широко разветвленная сеть «зарубежной организации» германской фашистской партии. Это была наиболее крупная организация гестапо за границей, маскировавшая свою деятельность легальными вывесками. С ее помощью прибывавшие из Германии нацисты устраивали свои дела и затем привлекались к ведению подрывной работы. В операции по сохранению фашистских кадров гитлеровское руководство придавало «зарубежной организации» большое значение. Эта организация сыграла немалую роль в подготовке второй мировой войны. В 1938 году «зарубежная организация» нацистской партии насчитывала во всем мире 24 тысячи местных групп и опорных пунктов, охватывавших свыше миллиона человек. По замыслам нацистов, она должна была стать организующим центром для всей фашистской эмиграции, резервуаром, в котором снова будут накапливаться силы германского империализма.

Одним из важнейших мероприятий, осуществлявшихся гестапо в «нейтральных» странах, является насаждение новой агентурной сети, которая, замаскировавшись соответствующим образом, смогла бы избежать разгрома и ликвидации после поражения Германии. Среди новых методов маскировки, практиковавшихся гестапо, заслуживает пристального внимания так называемое «невозвращенчество».

На протяжении 1944 года несколько сот немцев, занимавших видные посты в германском дипломатическом, консульском и торговом аппаратах Турции, Швеции и других стран, оставили свои должности и заявили, что они порывают с гитлеровской Германией и отказываются возвратиться на родину. Этому обычно предшествовала небольшая интермедия. Тот или иной гестаповец, известный как ярый нацист, вдруг неожиданно обвинялся в антигитлеровских настроениях, затем для расследования его «дела» из Берлина срочно приезжал представитель Гиммлера. Последний отдавал «заподозренному» предписание о немедленном выезде в Германию, после чего обвиняемый покидал помещение германского посольства или консульства. За этим следовало обращение к местным властям с просьбой о выдаче паспорта как политэмигранту,

что в большинстве случаев незамедлительно исполнялось... И вот вчерашний носитель эмблемы «мертвая голова» превращался в представителя антифашистской эмиграции. А в небольшом баварском городке поблизости от швейцарской границы руководитель одного из отделов гестапо удовлетворенно потирал руки: удачно проведена новая операция, приобретен новый агент «разведки реванша». Некоторые наиболее предприимчивые из «невозвращенцев» организовывали «бегство» на территорию, контролируемую союзниками.

При более обстоятельном ознакомлении с биографиями этих новоявленных «антифашистов» оказывалось, что большинство из них были старые и опытные агенты германской разведки, многие годы верой и правдой служившие своим хозяевам, нередко связанные личными узами с представителями правящей верхушки Германии.

Спрашивается: кого мог ввести в заблуждение камуфляж, подобный «бегству» из Стамбула бригадного генерала войск СС Фрица Фиала, бывшего там руководителем местного отделения германского агентства Трансконтинент Пресс, а также родственников Папена — графской четы Фермерен, «спасавшихся» от гестапо в английском посольстве, или отказ от возвращения в Германию Рихарда фон Хеншеля, второго секретаря посольства в Турции, сына известного германского авиапромышленника? Никого, кроме тех, кто хотел быть обманутым.

Так, некоторые «нейтральные» территории были услужливо предоставлены фашизму в качестве плацдармов для подготовки реванша.

По поводу всех этих перевоплощений шведская газета «Арбетарен» писала в то время, что «в один прекрасный день немецкий посланник в Стокгольме тоже заявится в качестве беженца» и что действия шведских властей, любезно предоставивших паспорт беженца секретарю германской миссии в Швеции Каппнеру, «это — карикатура на право убежища».

Переpravлявшиеся за границу гитлеровцы тотчас же привлекались к соответствующей деятельности. Для разработки новых методов подрывной работы гестапо в середине 1944 года создало специальное управление. Были также организованы особые «национальные центры» по отдельным странам, занявшиеся осуществлением шпионажа, диверсий и подрывной пропаганды. Для работы в этих центрах привлекали квислингов, заблаговременно вывезенных из освобожденных союзниками стран и с территорий бывших сателлитов Германии. Одновременно под руководством все того же генерала Вернера Гейсмейера при «национальных центрах» была открыта сеть школ специального обучения, готовивших сотни но-

вых диверсантов и террористов. Их обучение было проведено в крайне уплотненные сроки. Впрочем, большинство «курсантов» этих школ и не нуждались в обширной подготовке, поскольку имели в прошлом немалый стаж службы в различных разведках или охранках.

Все эти мероприятия были частью обширного плана подрывной работы за рубежом в послевоенное время. Упомянутые «курсанты» по окончании своей подготовки были тотчас же распределены по концентрационным лагерям, лагерям для военнопленных, а главным образом внедрены в контингенты иностранных рабочих различных национальностей. Таким путем нацисты надеялись осуществить засылку новых кадров своей агентуры в места, предназначенные для ее будущей деятельности.

Осенью 1945 года в иностранной печати появилось любопытное сообщение о том, что перед самым концом войны в Европе гитлеровцы законспирировали примерно 200 тысяч наиболее верных членов своей партии, эсэсовцев и гестаповцев, включив их в число военных потерь, с тем чтобы в дальнейшем использовать этих людей для восстановления сети фашистских организаций во всем мире.

Немало усилий прилагали нацисты к тому, чтобы спасти секретные архивы гестапо и некоторых других учреждений фашистской Германии, содержащие данные о зарубежной и внутригерманской агентурной сети. Как сообщала в то время иностранная печать, часть архивов гестапо была переправлена в Швейцарию. Видимо, не случайно, что своей резиденцией в заключительный период своего легального существования гестапо избрало небольшой городок поблизости от швейцарской границы. За короткое время изрядное количество крытых грузовиков не раз пересекало границу, увозя подальше от нескромных глаз гестаповские дела. Одновременно немецкие самолеты с опознавательными знаками союзников на протяжении ряда недель совершали систематические рейсы в Испанию, где летняя резиденция Франко — охотничий замок Эл-Прадо — гостеприимно раскрыла свои двери для приема нацистских архивов.

Стало известным также, что часть секретной документации гестапо передало на хранение некоторым магнатам германского капитала. Очевидно, здесь действовал расчет на своеобразную «экстерриториальность», как личную, так и принадлежащих им поместий и замков, которой будут пользоваться, как рассчитывали нацистские главари (и правильно рассчитывали), заправила германского империализма на территории Западной Германии. В этой связи напомним, что после первой мировой войны глава германской военной развед-

ки полковник Николай скрыл свои архивы, насытивавшие 48 тысяч дел, в имении одного помещика в Восточной Пруссии. Впоследствии эти архивы были взяты на хранение Альфредом Гугенбергом, председателем комитета директоров концерна Круппа. Гугенберг долгое время хранил их в помещении принадлежавшего ему издательства в Берлине.

Нацисты надеялись, что и им путем различных комбинаций удастся сохранить в укрожных местах свои секретные архивы.

КОНЕЦ ЧЕЛОВЕКА С ЧЕРНОЙ ПОВЯЗКОЙ НА ГЛАЗУ

Из подземного логова в имперской канцелярии удалось ускользнуть в разное время только двум членам руководящей верхушки «третьего рейха» — Генриху Гиммлеру и Мартину Борману.

Рассказывают, что незадолго до капитуляции Гиммлер в узком кругу единомышленников заявил: «Нам не удалось сейчас завоевать мир лишь потому, что выступили мы преждевременно, не обеспечив полностью возможности одновременно нанести сокрушающие удары с тыла всем своим главным противникам. Но спустя двадцать лет мы все-таки достигнем своей цели и войдем в Вашингтон, Лондон и в другие столицы мира, быть может, с черного хода, но в качестве победителей, а не гостей. Для того чтобы осуществить эти наши планы, нам нужно сохранить в глубоком подполье свою организацию и сделать это так тщательно, чтобы никто не смог проникнуть в тайну наших замыслов».

Генриха Гиммлера называли «вторым человеком» в гитлеровском рейхе. Действительно, он был одним из самых близких к Гитлеру людей. Этот невероятно жестокий человек с глазами маньяка, зло поблескивавшими за стеклами пенсне, и с очень маленькими, похожими на женские, руками с наманикюренными ногтями, пытался слыть за существо «мечтательное», с «поэтическими наклонностями», обладающее «чудесной, чистой душой». Такие же садисты и палачи, как и он сам, рисуя его «духовный облик», говорили и писали, что он «идеальный семьянин», всегда «тяжело страдавший от того, что ему приходилось иметь дело только с отрицательными явлениями». Этот человек, «исполненный рыцарского великодушия к врагу», отправил на тот свет миллионы ни в чем неповинных людей.

Свою судьбу с «фюрером» Гиммлер связал еще в день «пивного путча» 8 ноября 1923 года, участником которого был и он. Спустя некоторое время, когда Гиммлер был студентом Мюнхенского университета, на него обратил внимание Гре-

гор Штрассер, другой претендент на роль нацистского вож-
дя. Он взял Гиммлера к себе личным секретарем. Нельзя
сказать, что секретарь остался неблагодарным к своему шефу:
30 июня 1934 года, в день расправы с Ремом и верхушкой
штурмовых отрядов, Гиммлер лично застрелил Штрассера.

К слову говоря, как утверждают осведомленные люди,
Штрассера расстреляли, так сказать, «на всякий случай», по-
скольку он был единственным членом нацистской верхушки,
одаренным подлинным политическим талантом. А известно,
что ограниченные люди, волей судьбы вознесенные наверх,
больше всего опасаются иметь около себя лиц, которые сво-
им превосходством вольно или невольно могли бы вызвать
неблагоприятные для себя сравнения со стороны. Штрассер,
присмотревшись к своему секретарю, дал ему удивительно
меткую характеристику: «Вы на всю жизнь останетесь инфан-
тильным. Вы обладаете душой и чувствительностью мясника».

Но надо отдать должное и самому Гиммлеру, который,
став шефом имперской полиции, говоря о ее задачах, точней-
шим образом определил и свои собственные жизненные уст-
ремления. Он сказал, что гестапо любви и популярности в ши-
роких кругах не просит и не добивается. Гестапо добивается
лишь доносов.

Еще до убийства Штрассера, самого сильного соперника
«фюрера», Гиммлер, занимавший тогда пост мюнхенского по-
лицей-президента, заслужил благоволение нацистских бонз,
организовав операцию по ликвидации д-ра Георга Белла.
Этот фашистский агент, по национальности шотландец, нату-
рализовавшийся в Германии, знал тайну поджога рейхстага,
как и многое другое из закулисной жизни гитлеровской вер-
хушки.

В апреле 1933 года Белл бежал в Куфштейн в Австрию,
но здесь его настигли гиммлеровские молодчики и убили. При
этом похищены были все компрометирующие документы, ко-
торые находились у Белла и которые он намеревался исполь-
зовать против гитлеровского руководства.

Разговаривая, Генрих Гиммлер любил вежливо улыбай-
ся, но эта улыбка скрывала лишь его неизменное недоверие
по отношению ко всем и ко всему. У него была привычка,
когда он нервничал, постукивать своими ногтями по зубам, и
тогда его лицо становилось злобным, глаза делались оловян-
ными и весь он, словно хищный зверь, будто przyjmивался
и прищелкивал зубами, готовясь напасть на свою жертву.

У Гиммлера не было ни друзей, ни приятелей, только со-
бутыльники, но и их он готов был тут же предать и уничто-
жить, действуя по принципу «потехе время, а делу час».

После захвата Чехословакии Гиммлер приобрел знамени-

тый своей историей замок Бузау, расположенный среди большого леса; замок венчает верхушку горы, откуда во все стороны открывается вид на моравскую землю. Древние развалины этого замка, некогда принадлежавшего тевтонскому ордену, были реставрированы во второй половине девятнадцатого столетия, когда промышленные магнаты и биржевые нувориши ввели в моду замковую романтику. Здесь в обстановке средневековых ритуальных церемоний Гиммлер и его гости в черных рыцарских мантиях, опоясанные мечами, в шляпах, украшенных страусовыми перьями, проводили время в пышных банкетах и охотах с облавой.

Но бывало и так, что некоторые из гостей Гиммлера, позабыв, что они находятся в здании хотя и со средневековой архитектурой, но оборудованном новейшей аппаратурой для подслушивания, позволяли себе какие-либо неосторожные высказывания. Тогда, независимо от занимаемого ими положения, их немедленно переселяли из роскошных апартаментов верхних этажей в менее комфортабельные помещения подземелья замка, откуда они прямым сообщением попадали в гестаповские застенки.

...В годы войны, по мере того как «третий рейх» терпел одно поражение за другим, в голове Гиммлера все больше складывалось представление о том, что он «единственный преемник Гитлера» и чем скорее он возьмет в свои руки власть, тем будет лучше для Германии. При всем этом до последних дней жизни «фюрера» Гиммлер панически боялся его, опасался, что при малейшем противоречии Гитлеру тот его немедленно расстреляет.

Когда после событий 20 июля 1944 года (разоблачения заговора против Гитлера) Гиммлер был назначен «командующим внутренней армией» и под его началом оказался почти миллион вооруженных до зубов бандитов, он еще больше уверовал в свое предназначение. Вскоре последовало назначение Гиммлера еще на пост командующего армейской группой в Померании, штаб которой был расположен в Пренцлау, юго-западнее Штеттина. Но как ни старался Гиммлер в своей новой роли доказать свои военные способности и тем самым укрепить свое положение, ему это не удалось — помешало явное превосходство неудержимо наступавшей Советской Армии. Поражение в Померании привело к тому, что в марте 1945 года Гитлер снял Гиммлера как несправившегося.

После этого рейхсфюрер СС снова появился в подземном бункере имперской канцелярии. Отдавая себе отчет в том, что экономическая и военная катастрофа Германии быстро приближается, он решил действовать самостоятельно. Будучи политически дальновиднее Гитлера, он, используя врача шве-

да Керстена, еще раньше установил контакт с небезызвестным графом Фольке Бернадоттом, вице-президентом шведского Красного Креста, и без ведома Гитлера, чтобы заручиться расположением Стокгольма, выпустил из концлагерей несколько тысяч политических заключенных — датчан и норвежцев.

В один из апрельских дней 1945 года Гиммлер исчез из подземелья имперской канцелярии и сделал это так конспиративно, что никто из его близких приспешников и не подозревал, куда он девался. Только два человека, его адъютанты — Гротман и Махер, сопровождали Гиммлеру на этом последнем этапе его жизни. Как затравленный зверь, заматался Гиммлер в поисках выхода из ловушки. Вначале он пытается с помощью Бернадотта найти путь к установлению тайного контакта с Монтомгомери и Эйзенхауэром в надежде столкнуться с союзниками с СССР.

В ночь на 24 апреля в Любеке у него происходит последняя встреча с Бернадоттом, которая ни к чему положительному для Гиммлера не привела. И вот в своем бронированном черном лимузине он несется во Фленсбург, надеясь стать «вторым человеком» в «правительстве Деница». Здесь он узнает, что «фюрер» исключил его из партии и снял со всех постов за «измену», то есть за попытку непосредственно вести переговоры с союзниками. Дениц отказывается от услуг Гиммлера. За два дня до капитуляции он исчезает из Фленсбурга, 20 мая один из эсэсовцев снова встретил его на улице этого города.

На другой день человек в полувоенном костюме — форменных брюках, сапогах и пиджаке, со сбритыми усами и черной повязкой на левом глазу, занял место в очереди из бывших немецких военнослужащих, беженцев и заключенных из концлагерей, стоявшей у контрольного пункта в Майнште-те в ожидании дальнейшего направления. В кармане пиджака у этого человека лежало новенькое удостоверение на имя Генриха Хитцингера, сотрудника немецкой тайной полевой полиции. Позади него в очереди стали два человека, бывшие гиммлеровские адъютанты, также успевшие переодеться.

Всем трем еще не было известно о том, что английское командование отдало приказ о задержании всех бывших гестаповцев и служащих полевой полиции. Стремясь не привлекать к себе ничего внимания, ничем не выделяться из массы передвигавшихся в то время по дорогам Германии людей, человек с документом на имя Хитцингера не понимал того, что именно его нелепое одеяние и черная повязка, скрывавшая здоровый глаз, а равно и полицейское удостоверение сразу приведут к его аресту.

Задержанного отправили в один из лагерей для установления личности, затем перевели в лагерь, расположенный вблизи Вестертимке. Около девяти часов вечера сюда прибыли офицеры военной разведки из штаба второй английской армии, дислоцированной в провинции Ганновер. Посадив «Хитцингера» в машину, они отвезли его в штаб армии, находившийся в Люнебурге. Но еще за час до этого, будучи в кабинете коменданта лагеря, задержанный, приняв театральную позу, снял черную повязку с глаза, надел пенсне и заявил: «Я Генрих Гиммлер». Затем он властным голосом потребовал немедленного свидания с фельдмаршалом Монтомгери. Однако комендант лагеря отправил его назад, в лагерьный барак.

В Люнебурге Гиммлера подвергли обыску с целью обнаружения яда. И, действительно, в кармане его пиджака была найдена стеклянная ампула немного тоньше сигареты и длиной около двенадцати миллиметров, наполненная цианистым калием. После обыска Гиммлера одели в английскую военную форму без погон — военные брюки, рубашку с открытым воротом и серые немецкие носки. В таком виде он предстал перед приехавшим из ставки Монтгомери полковником Морфеем. Тот потребовал исследовать рот Гиммлера, предполагая, что ампулу с ядом, найденную в кармане пиджака, он хранил лишь для отвода глаз. Сопровождавший полковника английский врач Уэллс приказал Гиммлеру открыть рот. В ту же минуту тот резко закинул голову и раздавил зубами ампулу, раздался хруст стекла — и Гиммлер рухнул на пол. Хотя ему немедленно ввели в желудок противоядие, смерть наступила мгновенно.

26 мая труп Гиммлера, завернутый в парусину, положили в кузов военного грузовика и отвезли в глубину леса поблизости от Люнебурга, где два английских сержанта, раскачав, бросили его в заранее вырытую яму.

С помощью яда покончил самоубийством перед повешением и другой виднейший нацистский военный преступник Герман Геринг.

Нацистские главари носили с собой яд не потому, что опасались раскрыть тайны, которые они знали, а страшась возмездия за совершенные злодеяния. Все их самые сокровенные «секреты» в той или иной степени давным-давно были уже разоблачены. Их последней тайной было место на собственном теле, где они хранили яд.

Миновало два года. Многое изменилось за этот небольшой срок, например оказалось, что фрау Гиммлер, вдова нацистского обер-палача, преспокойно живет себе в британской зоне, где ее даже поместили в пансион... Находясь в пансионе, она

давала интервью. «Военное управление решило, чтобы я проживала здесь,— заявила она корреспонденту лондонской газеты «Дейли телеграф»,— мне не платят денег, но я обеспечена жильем и содержанием. Я хочу продолжать жить в британской зоне. Питание здесь хуже, но политические условия для людей, подобных нам, лучше, чем в других зонах».

Комплимент, коего удостоилось английское командование от вдовы самого ненавистного гитлеровского палача, весьма красноречив. Созданные им «политические условия» едва ли можно было охарактеризовать лучше, чем это сделала фрау Гиммлер...

ГДЕ ЖЕ МАРТИН БОРМАН?

Куда исчез Мартин Борман?

Как известно, Борман был назначен членом главного штаба по переводу партии на нелегальное положение и руководству подрывной работой нацистского подполья в послевоенное время. Как говорится, шулеру и карты в руки: вся его предыдущая деятельность целиком была сродни возложенным на него новым обязанностям. После того как Гесс улетел в Англию, Борман выдвигается на один из самых ответственных постов в Третьей империи — начальника уже упоминавшегося «штаба связи» («Фербиндунгсштаб»), иными словами, генерального штаба подрывной деятельности нацистов. На этом посту его задачей являлось координировать и направлять шпионско-диверсионно-террористическую работу многочисленных специальных германских организаций на территории чуть ли не всего земного шара.

Потом Борман был назначен по совместительству рейхс-лейтером партийной канцелярии. Под его руководством национал-социалистская партия превратилась в полицейскую организацию, находившуюся в самом тесном взаимодействии с германской тайной полицией. И не мудрено, что вскоре Борман стал самым осведомленным лицом в Германии, в некотором отношении даже более осведомленным, чем сам Гиммлер. Это «всезнание» Бормана стало источником беспокойства для самых высоких нацистских чиновников, которые сильно его побаивались.

Борман присутствовал на всех секретных совещаниях у Гитлера, где рассматривались и утверждались планы подпольной деятельности. Он, в частности, вместе с Гиммлером участвовал 10 сентября 1943 года на секретном совещании в замке князя Бюклера около Котбуса, в пятидесяти милях от

Берлина. На этом совещании Борман и Гиммлер договорились с германским генералитетом, который представляли фельдмаршалы Браухич, Рундштедт, Маннштейн, Клюге и Клейст, о совместных действиях на случай поражения Германии.

Таким образом, в руках Бормана были сосредоточены все нити нового заговора нацистов против человечества.

Среди многих вопросов, над разрешением которых Борман усиленно работал в последнее время перед капитуляцией Германии, пожалуй, важнейшим был вопрос подготовки «эвакуации» нацистской верхушки и обеспечения ее последующей безопасности. Тем более что он имел непосредственное отношение к особе самого Бормана. Под его руководством были разработаны различные варианты бегства фашистских главарей из Германии, самостоятельные для каждого из них. Для подготовки этой операции Борманом и Гиммлером была привлечена небольшая группа наиболее проверенных гестаповцев. Однако «на всякий случай» даваемые им задания носили обезличенный характер. Для выяснения местной ситуации в различные страны были командированы специальные уполномоченные. Среди них был Аманн, директор издательства «Эгерферлаг», одно из самых доверенных лиц Гитлера. С этой целью Аманн посетил осенью 1944 года Испанию.

Предполагалось, что нацистские главари, покинув Германию, будут следовать к намеченному пункту своего нового местопребывания так называемым «зигзагообразным маршрутом», чтобы получше замести следы. По пути следования они по несколько раз должны были менять свою личину, а в дальнейшем и свое местопребывание. Широкая и разносторонняя дезинформация должна была непрерывно сопутствовать фашистским заправилам. С помощью всех этих комбинаций они надеялись обмануть возможных своих преследователей. В порядке осуществления планов, выработанных еще задолго до капитуляции, различные слухи, исходящие из гестапо, имели своей целью дезориентировать общественность и органы государственной безопасности стран антигитлеровской коалиции.

Среди технических средств, намечавшихся к использованию при бегстве, имелись и подводные лодки. Они были построены специально для этой цели: их тоннаж позволял взять значительный запас горючего и продовольствия, что обеспечивало им возможность длительного пребывания в открытом море без захода в порты. Кроме того, на всякий случай пополнение горючего в открытом море обеспечивалось и другим образом. Эти подводные лодки особого назначения были замечены в норвежских портах еще в начале 1945 года. Две

такие немецкие подводные лодки прибыли в Буэнос-Айрес спустя значительное время после капитуляции Германии: одна из них — в июле, а другая — в середине августа 1945 года.

Летом 1945 года в Мексике была разоблачена тайная организация, снабжавшая мексиканским бензином немецкие подводные лодки. Базой снабжения был порт Лобос, в Мексиканском заливе, южнее порта Тампико. В этом порту был устроен специальный нефтепровод под водой, выходной шланг которого держался на поверхности воды с помощью поплавков. Баржи-цистерны, загрузившись бензином, выходили затем в открытое море, где их поджидали немецкие подводные лодки. Эта организация действовала на всем протяжении войны.

Удалось ли самому организатору подготовки побега нацистских главарей воспользоваться плодами своих «трудов»? В последние дни существования «третьего рейха» Борман неотлучно находился около Гитлера в бомбоубежище имперской канцелярии.

Из показаний стенографиста Гергардта Гезелля известно, что Борман был одним из участников совещания, состоявшегося 21 апреля 1945 года в подземном кабинете Гитлера, когда последний признал, что наступает гибель фашистской Германии: «Война проиграна,— заявил он.— Я решил покончить с собой». В это время снаряды советской артиллерии уже рвались на улицах Берлина.

И в последующие дни Борман присутствовал на всех совещаниях у Гитлера. Он был рядом с ним, когда тот писал свое «политическое завещание», и потом засвидетельствовал своей подписью его достоверность. Борман был одним из немногих участников «свадебного пира» после происходившей под аккомпанемент бомбежки советских самолетов церемонии «бракосочетания» Гитлера с Евой Браун.

30 апреля он вместе с одноруким Аксманом, главарем «Гитлерюгенд», и камердинером Гитлера Линге стоял у дверей кабинета «фюрера» в нетерпеливом ожидании услышать звук револьверного выстрела. В три часа тридцать минут дня он, наконец, прозвучал, и тогда они все ринулись в гитлеровский кабинет.

«Мы увидели,— показал на Нюрнбергском процессе Аксман,— фюрера, сидевшего на диване. Ева Браун сидела рядом с ним, положив голову на плечо Гитлеру. Фюрер наклонился вперед, и было ясно, что он мертв, его нижняя челюсть отвисла, на полу лежал револьвер».

После самоубийства Гитлера Борман продолжал вместе с Геббельсом оставаться в бомбоубежище имперской канцелярии. На следующий день, 1 мая, они предприняли попытку

вступить в отдельные переговоры с Советским Союзом, которая была отвергнута Советским правительством.

Когда лопнул этот последний шанс, Борман решил, что наступила пора спасать свою шкуру. Вместе с группой эсэсовцев, под прикрытием танка, он пытается вырваться из огненного кольца, в котором находилась имперская канцелярия. Предварительно он переоделся в гражданское платье. Тот же Аксман заявил, что он будто бы видел мертвого Бормана, лежавшего навзничь возле выхода из бомбоубежища.

Но есть и другая информация. Так, шофер Гитлера Эрих Кеппка видел Бормана у моста Вейдендаммер в тот момент, когда группа эсэсовцев, с которой был Борман, подверглась обстрелу советских воинов. Многие из его попутчиков были убиты и ранены, но он, по словам Кеппка, остался жив. Затем следы Бормана теряются. Таким образом, не исключено, что ему удалось вытащить свою голову из петли.

Располагал ли Борман вообще возможностью бежать из Берлина в эти последние дни существования Третьей империи?

Да, он мог улететь из Берлина в самую последнюю минуту, так как взлетные дорожки позволяли это сделать. В подземелье имперской канцелярии имелся специальный рельсовый ход для взлета самолетов. Известно также, что 28 апреля с Унтер ден Линден, примыкавшей к канцелярии, поднялся самолет, пилотируемый Ганной Рейч, личным пилотом Гитлера, и скрылся в неизвестном направлении.

Следовательно, Борман мог бежать...

На Нюрнбергском процессе Международный военный трибунал заочно приговорил Бормана к смертной казни через повешение. Приговор был вынесен 1 октября 1946 года. Но незадолго до этого шофер самого Бормана Глас, которого Борман уволил в 1945 году, в своем заявлении американской разведке указывал, что он видел Бормана в двадцатых числах июля 1946 года на автомобиле в центре Мюнхена. А бывший сержант германской полиции Фридль в заявлении, данном под присягой, сообщил, что он видел Бормана вместе с другими лицами в машине у здания испанского консульства еще в октябре 1945 года.

В иностранной печати не раз появлялись публикации о том, что Борман жив. Так, шведская газета «Афтонбладет» 1 сентября 1945 года сообщала о том, что в конце августа в Стокгольме слышали подпольную радиостанцию, перед микрофоном которой выступил Борман. По словам газеты, заявив, что Гитлер жив, Борман, между прочим, сказал: «Мир еще услышит о национал-социалистских ветеранах, оставшихся верными фюреру».

В начале февраля 1946 года появились слухи о прибытии Бормана в Аргентину, куда его доставила германская подводная лодка. Радио Монтевидео сообщало, что германская подводная лодка «У-435» высадила Бормана и еще нескольких пассажиров близ Даусона в Южной Патагонии. Затем будто бы команда затопила подводную лодку. Позже та же радиостанция сообщила, что антифашистам удалось установить местопребывание Бормана, который будто бы проживает в доме священника Коппе близ городка Обера в штате Мисьонес. В передаче указывалось, что на след Бормана навел бывший германский консул в Кардобе Шмидт, привлечший к себе внимание своими частыми поездками в Мисьонес, после которых он всякий раз посещал местного нацистского вожака Людвиг Фрейде.

В августе 1949 года агентство Рейтер сообщало из Рима, что на итало-австрийскую границу направлена группа итальянских полицейских в связи с заявлением немецкого художника-портретиста Роберта Митштейна о том, что он видел Бормана. Митштейн заявил, что он разговаривал с Борманом в районе Валь Гардена на итальянской границе. Однако эти поиски оказались безрезультатными.

Наконец, в мае 1961 года бывший аргентинский посол в Израиле Грегорио Тополевский заявил, что в 1960 году с ведома местной полиции Борман скрывался в Аргентине. Затем, напуганный похищением другого фашистского преступника — Эйхмана, Борман бежал в Бразилию.

Так где же скрывается Мартин Борман? Ведь веревка ждет его!

НОВЫЕ ПРЕТЕНДЕНТЫ НА...

ЧЕРНЫЙ ЗАГОВОР В БЕЛОМ ДОМЕ

После вступления германских войск в Париж в мае 1940 года Гитлер, торопясь запечатлеть этот «исторический» момент, сфотографировался на фоне Эйфелевой башни. Позируя для этого снимка, «фюрер» сказал своему придворному фотографу: «Фотографируй, Гофман, затем последует фотографирование в Букингэмском дворце, а затем и перед небоскребами...». Успех во Франции вскружил голову Гитлеру. В своих мечтах он уже видел себя покорителем Лондона, завоевателем Нью-Йорка, въезжающим на белом коне в Москву...

12 апреля 1945 года умер великий американский президент Франклин Делано Рузвельт. В Белом доме водворился человек, о котором говорили, что он примечателен только тем, что любит галстуки, завязывающиеся бантом, и носит брюки на два дюйма короче общепринятой нормы. Вступая на свой высокий пост, он слегка гнусавым и скрипучим голосом деревенского проповедника поклялся быть верным политическому курсу Рузвельта.

С приходом к власти нового президента Гарри Трумэна американско-советские отношения стали быстро и резко ухудшаться. Американские фальсификаторы истории пытались утверждать, что это началось еще при жизни Рузвельта, сразу после Крымской конференции. Но вот в 1950 году в Нью-Йорке и Лондоне одновременно вышли мемуары адмирала Леги, одного из ближайших сподвижников Рузвельта. В этой книге с несколько претенциозным заголовком «Я был там» начальник штаба покойного президента не только полностью опровергает ложь фальсификаторов, но и раскрывает тайну антисоветского заговора американских империалистов.

Спустя десять дней после кончины Рузвельта и вскоре после упомянутого заявления Трумэна, в котором он заверил американский народ и весь мир о неизменности внешней политики США, в Белом доме собралась группа видных промышленников и политических деятелей Соединенных Штатов. Роль председательствующего на совещании, хотя присутствовал и Трумэн, фактически играл Джон Фостер Даллес.

Совещание носило конфиденциальный характер, и его участники не претендовали на широкую гласность обсуждавшихся ими вопросов. Однако кое-какая информация тогда же все-таки проникла в печать, и читатели американских газет узнали сенсационную новость: совещание решило обратить политику Рузвельта в свою противоположность, с тем чтобы превратить послевоенную Германию в бастион против России.

Адмирал Леги, говоря об этом совещании, пишет: «Единодушное мнение группы, которую созвал Трумэн, свелось к тому, что пришло время занять решительную позицию к Советскому Союзу». Эти перемены, подчеркивает Леги, «полностью соответствовали твердости Трумэна по отношению к русским».

Адмирал Леги делает еще одно важное уточнение, а именно, что до этого совещания в Белом доме объединенная группа начальников штабов пришла к решению «изменить военную политику на основе исследований, произведенных в Москве генералом Динном». Надо знать, каким яростным врагом Советского Союза является генерал Дин, бывший глава военной миссии США в Москве, чтобы представить себе суть этого решения.

Свои антисоветские планы империалисты в Вашингтоне начали осуществлять вслед за кончиной Рузвельта. Такова истина.

С конца 1945 года наиболее реакционные элементы в Соединенных Штатах Америки, пришедшие к власти после смерти Рузвельта, открыто становятся на путь широчайшей политической и экономической агрессии. Являясь старой и испытанной агентурой американских монополий, эти элементы, заняв руководящие правительственные посты, приступают к осуществлению разносторонних согласованных мероприятий с далеко идущей целью: установление мирового господства американской плутократии.

В один из дней октября 1945 года шестьдесят шесть виднейших деловых людей Соединенных Штатов один за другим в глубокой тайне покинули свои резиденции. Однако некоторые из вездесущих американских репортеров, внимательно следящие за времяпровождением своих «подопечных», незамедлили последовать за ними, также сохраняя инкогнито. Конеч-

ным пунктом путешествия всех этих долларовых королей явился небольшой городок Абсекон в штате Нью-Джерси. Находящийся с ним по соседству курорт Атлантик-Сити известен как одно из самых фешенебельных мест «отдыха» «первой тысячи американцев».

Но не стремление к развлечениям на сей раз потянуло сюда хозяев Америки. Они съехались в Абсекон по инициативе руководства Национальной ассоциации предпринимателей с целью принять решения по важнейшим вопросам внешней политики США. В истории деятельности этой ассоциации столь представительное совещание магнатов Уолл-стрита было не таким уж частым явлением. Они собрались спустя пять месяцев после смерти Рузвельта. Было бы наивным утверждение, что покойный президент был вовсе не подвержен влиянию монополистического капитала. Банкирский дом Морганов имел прямое отношение к выдвижению его кандидатуры на президентский пост и финансировал его избрание. Но тем не менее во многих вопросах внешней и внутренней политики Рузвельт проявлял стремление к известной самостоятельности. В результате «рузвельтовский курс» по многим вопросам оказался в резком противоречии с интересами большого бизнеса. В обстановке послевоенной ситуации такая самостоятельность Рузвельта становилась для него особенно опасной, поскольку он стремился к сотрудничеству с Советским Союзом и мирному урегулированию всех острых проблем. В Абсеконе был разработан новый курс Соединенных Штатов в области внешней и внутренней политики, которому и стало слепо следовать правительство Трумэна.

Американский империализм развертывает наступление по всему фронту, все шире используя методы политического проникновения, пропаганды, подкупа, террора и шпионажа. В совокупном виде все эти подготовительные мероприятия к превращению земного шара в американскую колонию, именуемые «доктриной Трумэна», «планом Маршалла» и т. д., преподносятся народам под самыми широковещательными лозунгами об ожидающем их якобы «благоденствии» под эгидой американских монополий.

Агрессивные замыслы американского империализма систематически разоблачаются Советским Союзом, возглавляющим борьбу народов за мир и безопасность. В ответ на глубоко мирную политику СССР американская реакция развертывает бешеную антисоветскую пропаганду. Матерые провокаторы, выполняя заказ своих хозяев, изо дня в день в самой разнообразной форме призывают к изоляции Советского Союза, к превентивной войне против советского народа.

Среди разного рода антисоветских мероприятий американ-

ского империализма особое место занимает развертывание разведывательной деятельности. Президент Трумэн лично занимается этим вопросом. В нескольких своих официальных выступлениях он подчеркнул, что придает большое значение созданию в США мощной централизованной разведки. Его призывы находят поддержку среди определенных кругов в сенате и конгрессе, начавших горячую агитацию за всемерное усиление разведки.

22 января 1946 года Белый дом опубликовал директиву Трумэна о создании Национальной разведывательной службы США. Таким образом, спустя девять месяцев после окончания войны с гитлеровской Германией и пять месяцев после капитуляции милитаристской Японии Соединенные Штаты приступают к коренной реорганизации своей разведывательной системы, направленной на ее дальнейшее развитие и распространение.

Подобно фашистским проповедникам всяческих подрывных тотальных «теорий», незадачливые американские политики вознамерились достичь своих преступных целей с помощью всеобъемлющего и всюду проникающего шпионажа, методов террора и морального разложения. Их ничему не научили ни позорное банкротство недавних претендентов на мировое господство, ни полнейшая несостоятельность этих методов перед лицом всенародной борьбы.

Что следует отметить как наиболее характерное в этой новой попытке международного империализма использовать так называемые «тайные силы» для порабощения человечества?

Во-первых, наличие широчайшей, так сказать, «частной инициативы» в этом деле. Американские монополии подбирают и обучают кадры, ведут специальную научно-исследовательскую работу, финансируют и планируют новое издание системы тотального шпионажа. Для них это тоже выгоднейший бизнес.

Во-вторых, открытая антисоветская направленность всех действий США. Во главу угла поставлена задача: «Мы должны знать все происходящее в России».

В-третьих, стремление сделать американскую разведку тотальной. В своем письме на имя государственного секретаря, который по поручению президента руководил реорганизацией разведки, Трумэн сделал специальное указание на необходимость разработки «всеобъемлющей согласованной программы разведывательной деятельности за границей для всех органов американского правительства, занимающихся такого рода деятельностью».

В-четвертых, стремление как можно шире воспринять все наследство фашистских разведок — от «живого инвентаря» до применения в своей практике всего наиболее подлого, гнусного и коварного.

В-пятых, весьма своеобразный способ дезориентации и дезинформации в отношении истинного характера проводимой реорганизации разведки. Мы имеем в виду «дискуссию», развернувшуюся в то время в американской печати по вопросу о задачах и характере новой организации американской разведки. Авторы статей на эту тему пытались изобразить дело так, что Соединенные Штаты якобы стоят перед величайшей угрозой своей безопасности и поэтому они вынуждены создавать мощную и всеобъемлющую разведку.

Агрессивная политика Соединенных Штатов, направленная своим острием против Советского Союза и стран народной демократии, встречает полную поддержку со стороны английского империализма. Американская и английская разведки в полном контакте с разведками других западных стран выступают единым фронтом.

„Я ВАС...“

«Я вышлю войска на улицы. Я вас всех перестреляю... Я сделаю здесь так, как было в Греции!..», — в исступлении закричал взбешенный румынский премьер генерал Радеску в феврале 1945 года, когда к нему пришла делегация типографских рабочих с требованием принять меры для прекращения в стране фашистской пропаганды. Румыния формально была еще королевской, и западные империалисты прилагали отчаянные усилия сохранить ее в орбите своего влияния.

Незадолго до освобождения Румынии от гитлеровских оккупантов английская разведка командировала своего представителя майора де Шателена для установления связи с фашистским правительством генерала Антонеску. В конце 1943 года майор был сброшен на парашюте в Южную Румынию. Секретная полиция Антонеску для отвода глаз арестовала его. В действительности же он получил полную возможность вести переговоры с руководством реакционных, так называемых «исторических» партий, возглавлявшихся Маниу и Братиану. С их помощью Англия и США надеялись предотвратить вступление советских войск в Румынию.

Одновременно видные румынские фашистские деятели Барбу Штирбей и Константин Вишоюну были посланы Антонеску в Каир, являвшийся тогда центром международных

интриг англо-американского империализма. Получив соответствующие инструкции, главари румынской реакции всячески затягивают заключение перемирия с СССР, тщетно ожидая воздушного десанта англо-американцев.

Однако эти планы оказались построенными на песке. Гитлеровцы не в состоянии были остановить мощный вал наступающей Советской Армии, которую восторженно встречали трудящиеся Румынии.

Чтобы спасти монархический режим, король вынужден был принять в последний момент требование коммунистов об устранении Антонеску. 23 августа 1944 года вооруженные отряды патриотов, созданные румынской Коммунистической партией, арестовывают Антонеску, а румынская армия, вопреки сопротивлению «исторических» партий, присоединяется к Советской Армии в борьбе против гитлеровской Германии. Советские войска совместно с румынскими войсками освободили страну от фашистской оккупации.

В создавшихся условиях внутренняя реакция, направляемая Лондоном и Вашингтоном, чтобы удержаться у власти, начинает всячески маневрировать. Американские и английские империалисты ставят своей задачей превратить Румынию во вторую Грецию, в жертву гражданской войны и иностранной оккупации, снова превратить ее в антисоветский плацдарм. Осуществление этих планов реакция возлагает на отъявленного монархиста Николае Радеску, которого король 7 декабря 1944 года назначил премьер-министром.

Выдвижение Радеску отнюдь не было случайным. Он был одним из тех, кого в странах — сателлитах фашистской Германии в полном согласии со своими хозяевами-гитлеровцами отечественная реакция готовила «про запас» на случай военного поражения. С этой целью летом 1941 года инсценируется перевоплощение бывшего королевского адъютанта и генерального инспектора жандармерии в «участника сопротивления». Инструктируемый одним из главарей реакции князем Барбу Штирбеем, он пишет тогдашнему германскому посланнику в Бухаресте письмо, в котором выражает «несогласие» с некоторыми его заявлениями. После этого Радеску отправляют в лагерь для интернированных в Тыргу-Жиу. Перед отправкой в лагерь глава фашистского правительства Антонеску позвонил ему из своего кабинета, принося тысячу извинений.

Свидетельством того, что вся эта комедия была разыграна по плану, заранее согласованному с самим Радеску, служит его письмо одному из своих единомышленников — легионеру Белеуце. В нем говорилось: «Ожидавшийся сюрприз произошел в ваше отсутствие. Меня отправляют в лагерь в Тыргу-Жиу, где мне обещано человеческое обращение».

В лагере Радеску находился на особом положении. Он жил и столовался у коменданта лагеря и имел право в любое время выезжать в Бухарест. 9 декабря 1941 года он писал: «Чувствую себя в общем хорошо и живу на даче в удовлетворительных условиях». Так собственноручные откровения изображают этого фашистского авантюриста и его покровителей.

Летом 1942 года «интернированный» Радеску был послан на лечение в Бэиле-Геркулане — один из самых лучших курортов страны, а в сентябре того же года, будучи освобожден, он возвратился в Бухарест. Спустя два года это особо доверенное лицо, окруженное репутацией «антигитлеровски» настроенного человека, выдвигается на роль главы правительства.

Вскоре на одном из заседаний совета министров у нового премьера, обуреваемого злобной ненавистью к народу, вырвалось признание в том, что он готовит военно-фашистский переворот: «У меня,— заявил он,— есть сведения... о том, что начался раздел помещичьих земель. Спрашиваю, по какому праву? В занимаемом мною положении я всеми своими силами буду противиться этому и, если понадобится, готов прибегнуть и к гражданской войне; я это сделаю, господа, что бы из этого ни вышло». Это заявление было сделано Радеску 16 февраля 1945 года.

Все последующие действия Радеску, тайные и явные, говорят о лихорадочной подготовке переворота. Он всячески поддерживает деятельность возникших в стране в конце 1944 года подпольных террористических организаций. При содействии Радеску эти организации захватили оружие и боеприпасы немецких военных подразделений, оставшихся в Румынии после 23 августа 1944 года.

Реакция намеревалась в период международных переговоров о заключении мирного договора с Румынией спровоцировать в стране беспорядки, кровавые столкновения между румынами, а также серьезные конфликты между румынами и другими проживающими в стране национальностями и разжечь таким путем гражданскую войну. Подготовка гражданской войны связывалась с надеждой на войну между великими державами.

Радеску не только содействовал фашистскому подполью, но и был руководителем одной из подпольных организаций — «Голос крови». Эта диверсионная организация расистского толка стремилась к созданию «национального государства» фашистского типа. После провала ряда подпольных групп «премьер» возлагал особые надежды на террористическую организацию под названием «Организация Ж». Первый кон-

такт с ее руководителями Радеску установил на свидании, состоявшемся в его собственном доме.

Реакция, подстегиваемая американско-английскими хозяевами, торопилась. В середине февраля 1945 года упоминавшийся Шателен тайно прибыл из Анкары в Бухарест специально для того, чтобы передать Радеску последние инструкции, полученные из Лондона.

В стране с каждым днем нарастало возмущение народных масс профашистской деятельностью Радеску и его подручных. Рабочие и крестьяне выходили на демонстрации, требуя смены фашистских префектов и примарей. Во многих местах солдаты и офицеры-патриоты, отказавшись подчиниться приказам Радеску стрелять в народ, перешли на сторону масс. Народ всеми силами противился попыткам реакции вернуть страну к буржуазно-помещичьему строю.

Отдавая себе отчет в том, что нельзя терять ни минуты, следуя приказу из-за границы, король и Радеску принимают решение произвести государственный переворот.

24 февраля в Бухаресте состоялась грандиозная антифашистская демонстрация. 500 тысяч граждан вышли на улицы столицы, требуя отставки Радеску. Когда массы манифестантов находились на Каля Виктории, из зданий королевского дворца, министерства внутренних дел и префектуры по демонстрантам был открыт огонь из пулеметов. В результате было убито и ранено много людей.

Позже стало известно, что в этот день членам отрядов террористической организации «Организация Т», которым было предписано «действовать быстро и без колебаний», роздали 100 револьверов, полученных из генерального штаба.

Едва весть о побоище на Дворцовой площади стала известна в стране, великий гнев охватил народ. Под руководством Коммунистической партии Румынии состоялись мощные народные выступления. Сотни тысяч трудящихся в Бухаресте и других городах страны поднялись на защиту демократии. Почти повсеместно префектуры и примарии были заняты народом.

Боясь возмездия, Радеску бросил свой пост и укрылся в английском посольстве, показав всему миру, кто направлял его преступную руку. Из посольства совместными усилиями американской и английской разведок он был вначале переправлен на один из островов в Средиземном море, откуда перекочевал в Лиссабон, а затем самолет доставил его в Вашингтон.

6 марта 1945 года в Румынии было создано правительство демократического большинства, приход которого к власти был встречен с огромным энтузиазмом по всей стране.

Первая попытка в послевоенное время западных империалистов развязать по «испанскому варианту» гражданскую войну в стране, сбросившей с себя фашизм, потерпела полный провал. Народ грудью отстоял свои завоевания.

Однако реакция не утихомирилась. Спустя восемь месяцев, 8 ноября, руководство контрреволюционных «исторических» партий организовало в Бухаресте антиправительственную демонстрацию, в которой участвовало около двух тысяч легионеров. Поводом для демонстрации послужили именины короля. В то время как в соборе происходило богослужение, на Дворцовую площадь начали стекаться группки легионеров, которые задерживались у дворца и выходящего на площадь отеля «Атеней-палас», где проживали главным образом представители США и Англии.

Фашистский сброд, вооруженный отрезками железных труб, начал избивать попадавшихся рабочих. Кучка фашистских бандитов осадила находящееся в соседнем переулке здание Генеральной конфедерации труда, в окна которой полетели камни, загремели выстрелы. Затем распоясавшиеся бандиты напали на рабочих, обеспечивавших охрану порядка. В результате столкновения семь рабочих были убиты и несколько человек ранены.

Похороны жертв фашистской провокации превратились в грандиозную манифестацию протеста против покушения реакции на завоеванные народом свободы. В манифестации принимало участие свыше полумиллиона жителей столицы. Десятки тысяч людей окружили в Национальном парке свежевырытую братскую могилу. Выступавший с речью председатель Генеральной конфедерации труда Апостол заявил: «Перед открытой могилой клянемся бороться за Румынию — свободную, сильную и независимую».

«Румынский опыт» никак не повлиял на империалистическую реакцию. Провал планов румынских заговорщиков не обескуражил и ничуть не образумил ее. Ее «теоретики» продолжают успешно заниматься изысканием новых методов борьбы с «красной опасностью». В кабинетах Вашингтона и Лондона тщатся нащупать, какая из стран лагеря мира и демократии наиболее уязвима... И вот им кажется, что они «нашупали» эту страну...

ПОД СВОДАМИ ПАРЛАМЕНТСКОГО КУПОЛА

На левом берегу Дуная, в самом центре Будапешта, возвышается здание венгерского парламента, увенчанное затейливыми куполами и множеством устремленных вверх шпилей.

Резиденция представительного собрания венгерского народа, построенная архитектором Штейндлем,— не только гордость будапештцев, но по красоте, пожалуй, занимает первое место среди парламентских дворцов Европы.

Ажурное белокаменное здание в стиле неоготики девятнадцатого века стоит у самого Дуная, мерно текущие волны которого тихо плещут о гранитную набережную. Наиболее красива средняя, центральная часть здания. Два его широких крыла, выходящие на площадь имени Кошута, подобно подкове, охватывают ее с обеих сторон. Внутренняя отделка и убранство дворца поражают как роскошью и величием бесчисленных залов, так и тонкостью вкуса художников, вложивших массу труда в его оформление. На стенах множество картин кисти лучших мастеров прошлого, орнаментов и фресок чистого ренессанса. В целом перед вами величественный и парадный архитектурный ансамбль.

Ныне Государственное собрание Венгрии, в котором заседают достойнейшие люди страны, является верным выразителем воли народа и защитником его интересов. Но было иное время и иное положение, хотя Венгрия уже являлась народно-демократическим государством. И в круглом, высокосводчатом зале заседаний на расходящихся веером вверх скамьях сидели представители не только трудящихся.

То были тяжелые первые послевоенные годы. Тогда в этом зале непрерывно скрещивались мечи приверженцев демократии и деятелей реакции. А в дни, когда шла борьба за дальнейшие пути развития страны, принятие таких важных законов, как закон о земельной реформе, об установлении государственного контроля над крупной промышленностью или закон о трехлетнем плане, страсти в государственном собрании разыгрывались до предела. Депутаты оппозиции устраивали длительные обструкции, обливали потоками самой гнусной клеветы тех, кто боролся за интересы народа. Они делали все, чтобы заглушить голоса депутатов-коммунистов и их сторонников из социал-демократической и национально-крестьянской партий.

Для этого использовались и такие «парламентские средства», как откидные пюпитры и сиденья депутатов, и тогда поднимался такой шум и треск, что голоса оратора совсем не было слышно. Между прочим, в хортистском парламенте для этой цели существовала специальная механическая установка-глушитель, пускавшаяся в ход, когда на трибуне произносилась нежелательная для реакции речь. Видимо, по этим же соображениям, будто бы в силу традиции, не радиофицировались и ложи для гостей, двумя ярусами расположенные под куполом зала. Эта мнимая приверженность к старине, одна-

ко, не помешала хортистам оборудовать парламентское здание аппаратурой для охлаждения воздуха. Собравшееся в тогдaшнем венгерском парламенте реакционное большинство делало все, чтобы парализовать деятельность депутатов левого крыла, направленную на укрепление республики. И даже председатель, сидевший на деревянном возвышении, которого к этому, казалось бы, обязывало положение, не стремился призвать к порядку бушевавшую реакционную оппозицию: он вяло позванивал в стоявший перед ним на столе огромный звонок, похожий на колокол.

Этому не приходится удивляться. В то время председателем парламента был Бела Варга, действовавший в тесном единении с контрреволюционным подпольем. Почувствовав, что предательство его будет разоблачено, он бежал, получив визу посольства США в Будапеште на въезд в американскую зону оккупации Австрии. По словам венского корреспондента агентства Юнайтед Пресс, англо-американские органы разведки способствовали транзитному проезду Бела Варга через Австрию прямо в Нью-Йорк.

Двадцать пять лет фашистского режима Хорти, участие Венгрии в развязанной Гитлером войне, хозяйничанье в стране германских фашистов — все это оставило глубокий след. Люди, которые были тесно связаны с режимом Хорти, образовали непримиримую оппозицию к возникшему в Венгрии новому строю. Ставя своей задачей восстановление старых, фашистских порядков, реставрацию капитализма, вся венгерская реакция упорнейшим образом сопротивлялась демократическому развитию страны.

Разбитая, но недобитая венгерская реакция сумела в первые же послевоенные месяцы быстро перегруппировать свои ряды, организовать и внедрить свою агентуру в одну из массовых партий Венгрии — независимую партию мелких сельских хозяев. Летом 1945 года обнаружилось, что эта крупная и влиятельная партия широко открыла свои двери для реакционных элементов. В ее ряды хлынули все враги демократии — помещики, крупные промышленники, банкиры, генералы и высшие офицеры хортистской армии, князья католической церкви и другие осколки прошлого. Все обитатели Белвароша, района фешенебельных особняков в Будапеште, нашли в этой партии надежное пристанище. Вскоре самые заядлые реакционеры захватили в партии мелких сельских хозяев командные посты и сделали ее своим послушным орудием.

На выборах 1945 года в венгерский парламент эта партия сыграла роль троянского коня, с помощью которого реакции удалось проникнуть в высший орган страны. Реакция прота-

шила в парламент по кандидатскому списку партии мелких сельских хозяев всех желательных ей лиц. Составлял список организационный секретарь партии Балинт Арань, оказавшийся впоследствии одним из руководящих деятелей заговора против республики.

Обосновавшись в парламенте, венгерские реакционеры стремились всячески увеличить хозяйственные трудности и создать экономический хаос. В результате подпольных махинаций финансовое положение страны с каждым днем все ухудшалось, процесс обесценивания денег происходил с невероятной стремительностью. Спекулянты с каждым днем взвинчивали цены, чтобы вызвать недовольство народа правительством. В то же время предпринимались попытки ликвидировать земельную реформу; были случаи, когда бывшие помещики отбирали у крестьян полученные ими земли. Реакция яростно наступала на демократические завоевания трудящихся под лозунгом: «Чем хуже для народа, тем лучше для нас».

Особенно сильное сопротивление реакции вызвал проект национализации «Немзети банка» («Национального банка») и трех крупных частных банков. Реакция рассчитывала, что сохранение банков в руках венгерских финансовых дельцов поставило бы осуществление всего трехлетнего народнохозяйственного плана в зависимость от их «доброй воли». Предпринимательские круги всеми способами мешали росту производства и подъему жизненного уровня трудящихся.

Дело дошло до того, что все еще сохранившееся объединение венгерских промышленников созвало конференцию, на которой владельцы металлургических предприятий высказались против увеличения продукции. А один из предпринимателей, Радвани Иене, договорился до того, что порекомендовал заводчикам скрывать свои прибыли, показывая в балансах «убыточность» производства.

Так с каждым днем все более распоясывалась венгерская реакция в период 1945—1947 годов.

„КОМИТЕТ СЕМИ“

В 1945 году Советская Армия освободила венгерский народ от гитлеровско-хортистской тираннии. Но это не входило в расчеты западных держав. Американские и английские империалисты надеялись, что в ходе минувшей войны им удастся оккупировать страны Центральной Европы и тем самым не допустить, чтобы народы этих стран пошли по новому пути. Однако в результате действий Советской Армии эти надежды

империалистической реакции были опрокинуты. Трудящиеся массы Венгрии и других стран Восточной Европы порвали с капиталистической системой, свергли господство эксплуататорских классов и создали режимы народной демократии.

Такое положение вещей, разумеется, никак не устраивало западные державы, и они развернули борьбу против стран народной демократии, опираясь на свой огромный опыт в деле удушения национально-освободительных движений. Венгрия заняла в планах империалистов особое место.

Широко используя все легальные возможности для борьбы с демократией, реакция в то же время в глубокой тайне начинает подготавливать в Венгрии вооруженный государственный переворот. Антиправительственный заговор возглавили фашистские элементы.

Уже в начале 1945 года, вскоре после освобождения Будапешта, руководящие члены тайной фашистской организации «Венгерская общность» решили возродить свою деятельность. «Венгерская общность», возникшая в 1928—1930 годах, до конца режима Хорти была одной из самых реакционных организаций. В своей практике она восприняла многое из гитлеровской расовой «теории». В ходе военных действий на территории Венгрии и в результате крушения фашистского режима «Венгерская общность» на время распалась. Часть ее руководящего состава бежала от Советской Армии на Запад, а другая часть, оставшись в стране, перешла на нелегальное положение.

Осенью 1945 года, то есть непосредственно перед выборами в парламент, главари заговора образовали так называемый «Комитет семи», подпольный заговорщический центр. Главой «комитета» стал Донат Дьердь, махровый фашист, с надменным барским видом и холеным лицом аристократа. При Хорти он был заместителем председателя фашистской партии «Венгерская жизнь», монопольно управлявшей Венгрией с 1921 года вплоть до марта 1944 года. Кроме того, в состав комитета вошли: называвшийся уже Арань Балинт, депутат парламента Шалата Калман, Сентивани Демокош и др. Все они были старыми членами «Венгерской общности». Каждый из членов «комитета» ведал определенными сторонами заговорщической деятельности: организационной, идеологической, экономической, внутривластной, внешнеполитической и военной.

С конца 1945 года члены «Комитета семи» регулярно раз в неделю собирались на тайные совещания. Заговорщики разработали обширный план проникновения в государственный аппарат и общественные организации. Постепенно им удалось расставить своих сообщников на важнейшие посты в различных

министерства, на предприятиях и в экономических органах. Наряду с этим заговорщики продолжали всячески укреплять свои позиции в партии мелких сельских хозяев.

Впоследствии, после ареста, Донат Дьердь рассказал, что «Комитет семи» придавал большое значение привлечению к выполнению своих политических задач возможно большего числа депутатов Национального собрания и членов муниципальных советов от партии мелких сельских хозяев, а также членов руководящих органов будапештских и провинциальных организаций от этой партии, чтобы через них проводить свою политику.

Среди заговорщиков оказался и министр строительства и общественного труда Миштер Эндре, состоявший членом «Венгерской общности» с 1942 года. У него на квартире Сентивани Домокош редактировал и печатал подпольные бюллетени заговорщической организации. Там же неоднократно созывались совещания руководителей «Венгерской общности».

Заговорщики были столь влиятельны, что назначали даже министров. Этому не приходится удивляться, поскольку в числе их сообщников был тогдашний премьер-министр Надь Ференц. Он был теснейшим образом связан с подпольным центром, неоднократно бывал на совещаниях «Венгерской общности», происходивших на конспиративной квартире на улице Нил, где знакомился с планами заговорщиков.

По оценке венгерской печати, Надь Ференц был руководителем той группы двуличных политиканов, которые внешне выступали за демократическую коалицию, а тайно строили планы реставрации капитализма в Венгрии.

По мере развития антиреспубликанского заговора реакция все более нагнела. Используя парламент в качестве легальной крыши, заговорщики почти открыто занимались в его стенах своей преступной деятельностью. Парламентский буфет стал местом ежедневных встреч деятелей реакционного подполья со своими единомышленниками из среды журналистов, а также с иностранными корреспондентами, которые нередко представляли в Будапеште не только свои газеты, но и различные специальные органы. Здесь они обменивались новостями и разрабатывали всевозможные политические комбинации.

У заговорщиков была в парламенте даже своя «депутатская группа», которую возглавлял член «Комитета семи» Шалата Калман. Этот личный друг Надь Ференца в своей наглости дошел до того, что совещания подпольной «депутатской группы» собирал прямо в читальном зале. Здесь заговорщики обсуждали планы своих действий, как держаться им на очередном заседании парламента, распределяли между собой роли.

«Комитету семи», действуя через некоторых депутатов, удалось превратить и «Крестьянский союз» в легальное убежище для участников антиреспубликанского заговора. Все руководящие посты этой организации и в крестьянской кооперации были заполнены членами «Венгерской общности».

Заговорщики поставили целью насильственное свержение в Венгрии народно-демократического строя и восстановление режима Хорти. Осенью 1946 года «Комитетом семи» было создано подпольное «главное командование» во главе с генерал-полковником в отставке Верешем Лайошем, объединившее все нелегальные вооруженные организации внутри страны. Вереш — лысый, невзрачный на вид старик с маленьким горбоносым лицом, отеками под глазами и обвислыми седыми усами, был очень близким к Хорти человеком. Еще в августе 1944 года он получил от Хорти полномочия исполнять обязанности регента, если возникнут препятствия к возвращению Хорти в Венгрию. Членами подпольного командования были назначены генералы Сентмиклоши Иштван и Андраши Шандор (он же начальник штаба «главного командования»).

Заговорщики создали также отдел разведки и контрразведки, которым руководил бывший подполковник хортистского генерального штаба Берко Иштван. С момента освобождения Венгрии и вплоть до ареста он скрывался в подполье.

По заданию «комитета» депутат парламента Яцко Пал создал в нескольких задунайских селах подпольные вооруженные группы во главе с прошедшими военную службу молодыми фашистами. На Яцко Пала была также возложена задача по обеспечению передвижения членов подпольной организации и переброски курьеров через границу. С этой целью Яцко Пал организовал в различных местах специальные «станции» (убежища).

Свою главную ставку заговорщики делали на вооруженные фашистские венгерские части, находившиеся в английской и американской зонах оккупации Австрии и Германии. Антиреспубликанский мятеж планировался заговорщиками на весну 1947 года. Этот срок связывался с подписанием мирного договора с Венгрией.

После захвата власти «Комитет семи» планировал произвести в стране основательную «чистку». Это «мероприятие» было разработано Сентивани Домокошем, считавшимся среди заговорщиков «теоретиком». В своей рукописи с претенциозным названием «Путь выхода» он рекомендовал «неполноценных венгров», то есть, по его словам, рабочих, коммунистов, левых социал-домократов и членов национально-крестьянской партии, «не проникнутых глубокими националистическими чувствами», и, наконец, всех евреев — попросту истребить.

Этот отъявленный гитлеровец и его сообщники намеревались рабочих «задушить голодом». Для этого они призывали крестьян саботировать поставки хлеба государству. Ненавидя крестьянство, они в то же время стремились привлечь его на свою сторону демагогическими лозунгами.

Возрожденная фашистская «Венгерская общность» и заговор в целом щедро финансировались империалистическими разведками, которые фактически направляли все их развитие.

Реакция была убеждена в том, что жить венгерской народной демократии осталось уже считанные дни. Все эти расчеты она строила на том, что ее представители сумели захватить некоторые ключевые позиции в государственном аппарате и что в ее распоряжении находилось несколько групп вооруженных предателей внутри страны и дивизия бежавших фашистов за ее пределами. Реакция сбрасывала со счетов возможность отпора со стороны широких масс, надеясь устроить их террором и таким же путем парализовать Коммунистическую партию.

Однако, как ни тщательно были разработаны планы реакции, она просчиталась. Антиреспубликанский заговор был раскрыт органами безопасности республики в декабре 1946 года. В связи с его разоблачением стала известной предательская деятельность премьер-министра Надь Ференца и председателя парламента Бела Варга, которые, боясь привлечения к ответственности, бежали за границу.

После раскрытия заговора для всех стала очевидной и двойственная политика руководства партии мелких сельских хозяев, которое, предав интересы крестьян, скатилось в болото реакции. Выяснилось, что генеральный секретарь этой партии Ковач Бела еще в 1945 году дал согласие на установление нелегальной связи между партией и венгерскими эмигрантскими военными кругами за границей.

Даже после разоблачения заговора и ареста его участников реакция не сложила оружия. Ее представители в парламенте, невзирая на полное разоблачение преступной деятельности депутатов-заговорщиков, упорно защищали их, отказываясь лишить их парламентской неприкосновенности и выдать органам государственной безопасности. Естественно, что такой парламент не мог заслуживать доверия народа, и по предложению правительства президент республики распустил его.

...И вот по ярко-красному пушистому ковру, которым устлана лестница парадного входа в здание, стали подниматься на первое заседание нового парламента люди, которых никогда не видели стены этого прекрасного дворца. Шли рабочие, шли крестьяне, некоторые из них были в своей деревенской одежде. Всем им еще недавно не разрешили бы даже войти

сюда, а теперь они были законно избранными посланцами народа. Они проходили в зал заседаний и рассаживались на скамьях по левую сторону.

От всей обстановки в зале веяло еще духом консерватизма, прочно въевшегося во все детали парламентского быта, но это были уже мелочи, не заслуживавшие внимания. Главное заключалось в том, что в борьбе со старым новое завоевало себе право на управление страной. И глухо раздававшиеся в зале монотонные голоса парламентских секретарей, читавших какие-то извлечения из анналов законодательства, звучали как эпитафия мрачному прошлому, навсегда ушедшему не только из этого здания, но и из всей Венгрии.

Уходя в небытие, остатки «Венгерской общности» захотели хлопнуть дверью. Оставшийся на свободе Яцко Иван, брат упомянутого нами одного из главарей заговора, создал несколько диверсионных групп под общим названием «Боевой союз восточного фронта». Намереваясь взорвать здание будапештской ратуши, они установили в нем адскую машину. Одновременно диверсионные группы готовили взрывы в здании парламента во время одного из заседаний его нового состава. Эти злодеяния были предотвращены органами безопасности республики. Специальный суд приговорил главарей «Боевого союза» Яцко Ивана и Визи Кароля к смертной казни.

Так канула в Лету «эпопея» «Венгерской общности», вознамерившейся снова отбросить страну к временам фашизма. Кучка маньяков, захотевшая перетасовать карты истории, получила заслуженное возмездие.

НАРОД РЕШАЕТ

В пятницу 13 февраля 1948 года в Стракову академию, величавое здание на левом берегу Влтавы, где находится резиденция совета министров Чехословакии, пришли кинооператоры со своими рефлекторами и прочей съемочной аппаратурой. Они явились для того, чтобы увековечить на пленке предстоящее в этот день заседание правительства, считая, что оно будет историческим, поскольку должен был обсуждаться закон о социальном страховании. Но заснятые кадры так и не появились на экране.

Кинохроникеры запечатлели другое событие, ставшее знаменательным. На этом заседании совета министров представители реакционных партий после длительной подготовки искусственно вызвали дискуссию о Корпусе национальной без-

опасности. Реакция рассчитывала, что в результате этого «решительного» маневра ей удастся вызвать политический кризис: абсолютное большинство в парламенте, которое она надеялась собрать, выразит недоверие правительству Готвальда и к власти придет кабинет без коммунистов. Реакция не сомневалась в победе. В беседе между собой участники заговора уверяли друг друга, что «не позже 15 февраля все кончится». О народных массах, о том, что они могут вмешаться в ход событий, никто из заговорщиков и не помышлял.

Ухватившись за ими же созданный предлог, министры-реакционеры готовились подать в отставку. Правительственный кризис назревал. С этого дня в Праге поползли слухи: об уходе в ближайшее время правительства Готвальда в отставку и замене его «чиновничьим кабинетом». Особенно оживленно обсуждались перспективы близкого будущего на Вацлавской площади, которая в те февральские дни стала подлинной ярмаркой слухов, искусно распускавшихся агентами реакции.

Спустя несколько дней, 17 февраля, в Страковой академии в приемной перед залом заседаний правительства с утра царил необычайное возбуждение: заседало правительство. «Газетные волки», как называл Готвальд корреспондентов, не могли усидеть на месте, они нервозно сновали по комнатам, толпились на лестнице и в вестибюле. Время от времени кто-нибудь из них подходил к двойным дверям, отделявшим приемную от зала заседаний, но, постояв, разочарованно отходил. Ни звука не доносилось оттуда, где шла ожесточенная схватка между представителями реакции и коммунистами. Лишь в полдень, когда заседание внезапно было прервано, стало известно о выступлении Готвальда. Премьер-министр разоблачил планы антикоммунистического блока, он рассказал о готовящемся путче и в заключение, к полнейшему изумлению растерявшихся заговорщиков, огласил состав проектируемого ими «чиновничьего кабинета», что являлось их самой сокровенной тайной.

Однако, несмотря на разоблачение ее планов, реакция не унывала и надеялась на свое «большинство». Далее события развивались стремительно. В тот же день президиум Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии выпустил обращение ко всем трудящимся, в котором призвал, чтобы «все чехи и словаки были готовы всеми силами в самом зародыше уничтожить все подрывные попытки реакции и защитить интересы государства и народа». Обращение передавалось в вечернем и ночном выпусках известий по радио. Одновременно заводские партийные и профсоюзные организации начали принимать меры к усиленной охране предприятий, повсюду создавались дружины рабочей милиции.

19 февраля около пяти часов дня в Прагу из Парижа на

личном самолете прилетел американский посол Штейнгардт. Даже не отдохнув после полета, он сразу же созвал всех американских журналистов и заявил им для опубликования в печати о том, что «он не потерял надежды» на участие Чехословакии в «плане Маршалла». И это после того, как правительство Готвальда категорически отвергло американскую «помощь». В местных дипломатических кругах это поняли так, что кабинет Готвальда накануне падения, а новое правительство безоговорочно примет условия Вашингтона.

Вечером в одном из «нейтральных» посольств в Праге состоялся прием. На нем были некоторые лидеры реакционной народной партии и опять-таки неутомимый мистер Штейнгардт. Состав приглашенных был таков, что разговоры шли в открытую. Американский посол без обиняков заявил, что правительственный кризис в Чехословакии «был бы очень кстати», и сожалел, что он «не произошел годом раньше». На приеме, скорее походившем на встречу заговорщиков, еще раз были обсуждены все детали предстоящего путча. Ни у кого из присутствовавших и мысли не возникало о возможности провала.

На другой день в 7 часов 15 минут вечера президиум ЦК КПЧ выпускает новое обращение к народу. «Президиум ЦК Коммунистической партии решил,— говорилось в нем,— что безотлагательно должны быть мобилизованы все силы трудящихся для поддержки правительства Готвальда...».

...На прямоугольной Вацлавской площади становится вселюднее. Прошли считанные минуты с момента принятия президиумом ЦК КПЧ текста обращения к народу, но оно уже несколько раз передавалось по радио. Из громкоговорителей, установленных на здании редакции «Руде право», несутся в эфир слова, говорящие о грозящей народу опасности. Мороз покусывает все сильнее. Однако стоящие на площади люди не расходятся, они жмутся друг к другу, собираются в группы. Их охватывает не чувство страха, напротив, сознание своей силы, стремление к действию.

Почти в те же часы в Прагу прибывает из Западного Берлина особый поезд с 42 американскими офицерами якобы для ознакомления с историческими памятниками чехословацкой столицы. В городе ползут слухи, что в Баварии к границе Чехословакии подтягиваются американские дивизии, неизвестные личности вполголоса уточняют их число — сорок! По поводу приезда американцев типы той же категории, многозначительно подмигивая собеседнику, таинственно шепчут: «Это авангард! В ближайшие дни ждите событий...». Но их слушают лишь те, кто хочет верить любой небылице, лишь бы она была направлена против этих ненавистных им коммунистов.

Тем временем от здания Центрального Комитета компартии одна за другой отходят автомашины. За городом свистит ледяной ветер, бушует выюга, на шоссе сугробы снега... И, однако, несмотря ни на что, машины пробиваются сквозь бурю и все до единой достигают места назначения. Они доставляют посланцев ЦК ко всем секретарям областных организаций партии. В полночь на заводах и фабриках ночные смены собираются на митинги. Повсюду несется: «Долой изменников!». Узнав, что завтра утром на Староместской площади будет выступать Клемент Готвальд, рабочие принимают решение: быть там! Всю ночь готовятся лозунги, транспаранты.

К утру мороз стал крепче, но уже к девяти часам Староместская площадь черна от народа. Вначале проходившие колонны рабочих группировались у могилы Неизвестного солдата, около памятника Яну Гусу и возле руин разбитой ратуши. Заполнив всю площадь, рабочие коллективы стали располагаться на прилегающих улицах. Когда Готвальд появился перед микрофоном на балконе Кинского дворца, десятки тысяч людей восторженно его приветствовали. Рассказав о создавшемся в стране положении в результате происков реакции, он призвал повсеместно создавать комитеты действия, говорил о необходимости величайшей бдительности. Людское море ответило мощным гулом одобрения, которое донеслось даже до Градчан, где за зеркальными стеклами дворцовых зал притаились те, кто втайне горячо сочувствовал планам реакции.

В тот же день, отбросив всякую маскировку, глава одной из западных миссий приглашает к себе на совещание некоторых заговорщиков. Он предлагает им «продержаться», то есть затянуть правительственный кризис, до тех пор, пока его правительство «примет меры», чего ждать, мол, долго не придется.

Действительно, буквально назавтра произошло событие, подтвердившее, что дипломат из англосаксов не бросал слова на ветер...

В понедельник, 23 февраля, в Баварии в нескольких километрах от чехословацкой границы остановился длинный железнодорожный состав. Надписи на вагонах гласили, что поезд «транзитный» и следует из Франции в Польшу и, следовательно, таможенному досмотру не подлежит. Но поезд так и не дошел до места назначения. Лишь только сотрудники корпуса национальной безопасности начали обыск в главном гнезде заговорщиков — центральном секретариате партии национальных социалистов, как специальный наблюдатель тотчас сообщил об этом в американское посольство. Узнав о полном разоблачении заговора, из посольства немедленно просигналили «стоп» как этому поезду, так и другим, которые

вслед за ним должны были проследовать на чехословацкую территорию.

Вся эта история так и осталась бы покрытой мраком неизвестности, если бы не нападение шайки грабителей на упомянутый «транзитный поезд». Будучи пойманными, они показали на суде, что в вагонах поезда ими были обнаружены пулеметы, ручные гранаты и патроны. Американские покровители заговорщиков не думали ограничиться только переброской оружия. В эти же дни на баварско-чехословацкой границе началось сосредоточение нескольких американских дивизий.

В ночь с воскресенья на понедельник (23 февраля) органы безопасности Чехословакии арестовали двух офицеров чехословацкой армии — штабс-капитанов Тейхмана и Блага. У арестованных обнаружили документы, из которых было видно, что руководители партии национальных социалистов подготавливали вооруженный мятеж. На Тейхмана возлагалась задача захвата помещения пражской радиостанции. На тот случай, если бы это не удалось, на радиостанцию должен был быть заброшен диверсант с целью вывода из строя ее аппаратуры.

25 февраля, среда. Правительственный кризис все еще не закончился. Президент Бенеш уклоняется от принятия решения о новом составе правительства. В 4 часа 30 минут утра президиум ЦК КПЧ закончил свое совещание, которое началось еще до начала полуночи. Постановлено, что сегодня до 12 часов дня Готвальд и другие представители ЦК посетят президента и снова потребуют быстрого разрешения правительственного кризиса в соответствии с желаниями народа.

В 3 часа 30 минут дня на Вацлавской площади появились первые колонны рабочих... Уже более двух часов бурно колыхается людское море, полыхают на морозном ветру кумачовые знамена. В ожидании сообщения о решении президента на грузовик, являющийся импровизированной трибуной, поднимаются один за другим ораторы. Вдруг раздаются автомобильные гудки, и все двести тысяч стоящих на площади трудящихся взволнованно замерли — приехал Готвальд. Время как бы остановилось... Напряжение этих дней достигает вершины. Но голос Готвальда, хотя и немного взволнованный, сразу успокаивает. Народ победил! По окончании его речи оглашается новый состав правительства; чтобы имена новых министров были слышны всем, связные громко скандируют их по слогам.

...За тридцать минут до того, как на Вацлавской площади стали собираться рабочие коллективы, в американском посольстве началось совещание руководящего персонала дипломатической и иных служб. На повестке был один вопрос: провал заговора. Сообщения резидентов не оставляли сомнений в том,

что народные массы сорвали осуществление столь тщательно разработанного плана путча.

В этот же день произошел один любопытный эпизод, о котором нельзя не упомянуть. Один из министров-заговорщиков, Майер, отказался покинуть свое министерство даже после указа президента. Об этом узнали рабочие. В министерство к Майеру немедленно пришли рабочие с боем в длинных передниках мясников, пекари в белых халатах и колпаках, механики в синей спецодежде. Разговор рабочих с изменником был короток. Они вывели его из здания министерства и вернулись на свои предприятия...

Вечером в Праге состоялся парад рабочих дружин рабочей милиции. Чекая шаг, по улицам города прошли тысячи дружинников с винтовками через плечо и красными повязками на руках. Это была спокойная, но грозная своей сплоченностью демонстрация вооруженного пролетариата. На Староместской площади дружины остановились, и с балкона Кинского дворца командир рабочей милиции зачитал приказ, в котором объявлялась благодарность личному составу милиции.

Заговор реакции, намеревавшейся совершить государственный переворот, был разгромлен прежде всего благодаря организованности и правильной тактике Коммунистической партии Чехословакии, партии революционного действия, которая быстро мобилизовала широкие слои народа на борьбу за защиту демократии.

В тяжелые февральские дни Центральный Комитет КПЧ, сознававший, какая лежит на нем величайшая ответственность за судьбы страны, все время пребывал в состоянии боевой готовности. В течение пяти суток весь аппарат ЦК не выходил из своей «хаты», как чехословацкие коммунисты зовут штаб-квартиру партии. Круглые сутки в каждой из комнат от подвала до пятого этажа кипела жизнь, звонили телефоны и по телеграфу поступали сообщения из всех областных комитетов. Спали кое-как и где попало лишь по несколько часов в сутки. Днем и ночью в лютый мороз около «хаты» стояли сотни коммунистов, приходивших из различных организаций с предложениями выполнить любое поручение. Они по многу часов стояли на посту, охраняя Центральный Комитет партии.

Такая же обстановка всеобщей мобилизованности была и во всех партийных инстанциях — от областных комитетов до низовых организаций. Вся партия поднялась на защиту интересов народа.

Итогом этой боевой сплоченности, оперативности и целеустремленности коммунистов Чехословакии явилась победа, завоеванная народом без единого выстрела. Реакция может

замышлять все, что угодно, но всегда последнее, решающее слово принадлежит народу!

Прошло несколько лет, и американский президент обратился с так называемым «рождественским посланием» к народам стран народной демократии. Один чехословацкий публицист, выражая свое возмущение этим «рождественским посланием», писал: «Наши люди никогда не забудут о попытке повторить Мюнхен в феврале 1948 года. Тогда некоторым американским деятелям тоже казалось, что судьбу нации можно решить за рюмкой виски у г-на Штейнгардта в американском посольстве».

ЗЕЛЕННЫЕ ПРИЗРАКИ

Ряд лет буржуазная печать распространяла всякие легенды о его «трагическом» бегстве из Польши. Писали, будто он улизнул на английском военном самолете, захватив с собой лишь бритву, мыло и полотенце. Одна предприимчивая американская парфюмерная фирма тотчас предложила Станиславу Миколайчику солидную мзду за право напечатать на обложке его «мемуаров» рекламный проспект: «Наши бритвы, наше мыло — лучшие». Кто из ему подобных не знает, что доллары — наилучшее обеспечение для политического проходимца, и он, благодарный, согласился. Его сообщники по подполью в Польше, следуя этому же принципу, вывезли из страны миллион золотых в иностранной валюте, похищенных из партийной кассы «Польске Стронництво людове».

Но вот занавес был приподнят, и не кем иным, как бывшим американским послом в Польше С. Гриффисом. В своемopusе «На траурном постаменте» он сорвал покров таинственности с бегства «Мика» (оказывается, под этой кличкой бывший «лидер» «Польске Стронництво людове» фигурировал в карточке американской разведки).

«Он был наш человек... — признается Гриффис. — Наши обязательства по отношению к Миколайчику были ясны. Мы организовали его возвращение в Польшу, на него возлагали надежды...». И поэтому, когда над Миколайчиком нависла угроза полного разоблачения, «мы не стали медлить с оказанием ему помощи, — заявляет Гриффис. — ...Вопреки всяким дипломатическим условностям, мы должны были спасти этого человека».

Планы, как вызволить своего провалившегося агента, на первых порах укрывшегося в американском посольстве, были весьма разнообразны. Поначалу Гриффис намеревался вывезти Миколайчика из Польши в объемистом багажнике своего

личного «крайслера». Потом было решено уложить Миколайчика в гроб вместо останков американского солдата. В конце концов «Мика» вывезли из Польши на пароходе, следовавшем в Англию.

Но важны не варианты переброски Миколайчика, а тот факт, что ни один польский крестьянин и не чихнул для оказания ему помощи. Так рассеялась усиленно распространявшаяся легенда о том, что агент американской разведки под кличкой «Мик» якобы бежал из Польши при содействии «разделявших» его убеждения польских крестьян.

И еще одно уточнение. Выяснилось, что Миколайчик бежал не с тем комплектом предметов гигиены, о которых сообщалось в печати, а всего лишь с зубной щеткой, но зато с револьвером. Видимо, эта мистификация преследовала явно меркантильные цели. Посол США позаботился и об одевании своего агента. «Мик» уехал одетым в «сильно потрепанный американский дождевой плащ и шляпу с отвисшими полями, которые я ему послал»; — пишет Гриффис.

...Бегство Золтана Пфейфера из Венгрии не было окружено такой сенсацией. Этот махровый реакционер после разоблачения антиреспубликанского заговора, будучи исключен из партии мелких сельских хозяев, создал партию «Венгерской независимости». Партия эта, ставшая прямой наследницей фашистской группы Шуйока, объединила в своих рядах самые реакционные элементы. Все тайные и явные враги республики всеми способами поддерживали Пфейфера и его партию.

Партия «Венгерской независимости» пользовалась широкой поддержкой влиятельных зарубежных реакционных кругов, в первую очередь американских. И, однако, что весьма характерно, несмотря на солидную финансовую базу, она не смогла найти в Будапеште типографию, которая согласилась бы печатать ее газету. Типографские рабочие, независимо от своей партийной принадлежности, категорически отказались служить делу распространения реакционной пропаганды.

Политическая деятельность служила Пфейферу ширмой для выполнения также других функций — весьма деликатных и не менее важных с точки зрения его хозяев. Он был постоянным информатором американской разведки по вопросу «о положении в Венгрии». Узнав, что венгерским органам безопасности стало известно об этих его занятиях, Пфейфер бежал в США.

Об облике доктора Гемето, одного из главарей болгарского кулачества, можно судить по следующим фактам из его достаточно темной биографии. Сей авантюрист начал свою работу в английской разведке в 1940 году. Всю войну он состоял

на службе в разведывательном отделе штаба британских вооруженных сил на Ближнем Востоке. Работая на «Интеллидженс сервис», он в то же время обслуживал немецко-фашистскую разведку. В этот период, в частности, Гемето руководил работой английской секретной радиостанции вблизи Иерусалима, занимавшейся вещанием на Балканы. В течение нескольких лет по этому передатчику велась разнузданная антиболгарская пропаганда.

Когда после разгрома Советской Армией гитлеровских оккупантов болгарский народ сверг монархо-фашистский режим и Болгария объявила войну гитлеровской Германии, Гемето яростно выступал против участия болгарской армии в освободительной войне.

Вернувшись в Болгарию, Гемето стал ревностным проводником американско-английского влияния. К тому времени он был завербован уже третьей по счету разведкой — американской. Изобличенный в пособничестве немецким фашистам и во враждебной деятельности против болгарского народа, Гемето, опасаясь привлечения к ответственности, укрылся на даче дипломатического представителя Соединенных Штатов в Болгарии Барнса, а затем при его помощи бежал за границу.

Григоре Никулеску Бузешть — этот румынский «крестьянский лидер» — установил теснейший контакт с американской разведкой с 1946 года. В качестве представителя национал-царанистской партии он вел переговоры с американскими разведчиками Томом Хэллом и Джемсом Гамильтоном. Застенографированная запись этих переговоров вошла «в историю» под названием «минута». Результатом «минуты» явился «меморандум», так было зашифровано соглашение, заключенное между американской разведкой и руководством партии румынского кулацкого крестьянства. Оба документа вскоре попали в руки органов безопасности Румынской Народной Республики. Из их текстов явствовало, что речь идет о широком развертывании в стране подрывной деятельности. Несколько ранее Григоре Н. Бузешть считал для себя более благоразумным отбыть из Румынии, разумеется тайно, на американском военном самолете в Соединенные Штаты.

Всех этих «лидеров» «аграрного движения» в восточноевропейских странах встретили с распростертыми объятиями в США. Дело в том, что еще в 1945—1946 годах вашингтонские заправилы разработали план создания антикоммунистического «крестьянского интернационала». Чтобы возглавить эту организацию, нужны были люди с репутацией «вождей» крестьянства; подобрать их и доставить в США было поручено американской разведке.

Очутившись в Вашингтоне, беглые «крестьянские лидеры» образовали так называемый «Международный аграрный комитет», который тотчас был официально признан американскими властями и зарегистрирован в министерстве юстиции США в качестве «организации ряда восточноевропейских политических партий, находящихся в эмиграции или ведущих подпольную деятельность».

Следующим шагом американской разведки на пути сколачивания «крестьянских» кадров предателей, бежавших из стран Восточной Европы, явился их съезд, созданный в австрийском городе Линце. Это собрание политических авантюристов, фашистских шпионов и профессиональных провокаторов, насчитывавшее несколько сот человек, объявило себя первым «конгрессом международного крестьянского союза» и создало «Центральное бюро». Вновь возникший подрывной центр открыто провозгласил своей целью борьбу против Советского Союза и стран народной демократии.

На развитие «антикоммунистического аграрного движения» американские империалисты ассигновали крупные средства, рассчитывая при помощи «Международного аграрного комитета» и его филиалов активизировать борьбу кулачества против народно-демократического строя.

Маскировка некоторых организаций разведки США под «крестьянские» была отнюдь не случайна. Империалисты, вдохновлявшие их подрывную деятельность, в первые послевоенные годы делали серьезную ставку на кулачество, в отношении которого правительства стран народной демократии проводили политику ограничения и вытеснения. Обанкротившиеся лидеры кулачества — миколайчики, надьференцы, гемето и другие, действуя по заданию своих хозяев, пытались сколотить враждебные народной демократии элементы на селе, чтобы использовать их в «подходящий момент».

Империалистам было невдомек, что все эти планы, безусловно, обречены на провал. Именно в эти годы трудовое крестьянство народно-демократических стран, сплотившись вокруг коммунистических и рабочих партий, под руководством рабочего класса с исключительным энтузиазмом закладывало основы социалистического переустройства сельского хозяйства. В результате укрепления позиций социализма в деревне кулачество с каждым днем все более изолировалось и теряло свою былую силу.

Кучку политиканствующих шпионов, работающих под «крестьян», называют в журналистских кругах Запада «зелеными». Почему именно «зелеными», а не, скажем, «коричневыми», что будет точнее, если судить по фашистской окраске их политических физиономий?

Как известно, «зелеными» называли в Советской Республике в годы гражданской войны и интервенции граждан, уклонявшихся от мобилизации в белогвардейские армии. Эти люди не просто скрывались в лесах и горах, но вели вооруженную борьбу с интервентами и белыми. Понятно, что к этой категории никак нельзя отнести предателей, укrywшихся в политических джунглях заокеанской столицы.

Видимо, «зелеными» их стали называть лишь в связи с существовавшей в довоенное время международной крестьянской организацией, выражавшей интересы зажиточных слоев деревни. Эту организацию часто именовали «зеленым интернационалом». Но что общего с этим учреждением у беглых преступников из стран Восточной Европы?

Пфайфёр и компания по сей день носят маску «крестьянских деятелей», якобы борющихся за «осуществление аграрных реформ» в Восточной Европе. Когда речь идет о детективных похождениях упомянутых типов, то можно улыбаться. Если же говорить об их «деятельности» в качестве «крестьянских лидеров», нельзя не рассмеяться. Никаких аграрных проблем в социалистических странах Восточной Европы давно не существует. Все эти проблемы там решены целиком в интересах трудового крестьянства, и это непреложный факт, известный всем.

Мудрость, говорят, начинается с признания фактов. Но никто никогда не обвинял в этом ни тех, кто, потерпев политическое банкротство у себя на родине, мстит своему народу, предавая его, ни их хозяев, скупающих по дешевке эти экспонаты из музея восковых фигур.

Хочется сказать еще вот о чем. В Соединенных Штатах в литературе и искусстве широко пользуются так называемыми «призраками». «Призраки» — это безвестные писатели, художники, скульпторы, композиторы. Их произведения скупаются по дешевке специализированными фирмами и продаются всем тем, кто располагает деньгами и, не имея таланта, хочет прославиться.

В одной из вашингтонских газет как-то было опубликовано объявление, в котором говорилось: «...Не утруждайте себя, посетите ателье «художников-призраков». Мы рисуем картину, вы подписываетесь под ней...».

После второй мировой войны США становятся убежищем для всяких политических призраков — беглецов из социалистических стран. Спрос на такую категорию «призраков» со стороны американского империализма огромен, хотя послужной список любого из этих торговцев родиной и пестрит частой сменой хозяев. Однако это не смущает американских бизнесменов от политики, забывающих, что делать ставку на

провалившихся и разоблаченных тайных агентов — это, по английской поговорке, все равно, что погонять мертвую лошадь.

В ПОИСКАХ КЛЮЧА К „ЧЕРНОМУ ХОДУ“

Разгром заговора реакции в Чехословакии явился для империализма хотя не первым, но наиболее осязательным уроком того, что любые подрывные акции терпят крах, если против выступает народ, у которого развязаны руки. Организаторы заговоров задумались над происшедшим, но по-настоящему не разобрались в нем. Им все еще казалось, что причина провала кроется не «в улице», не «в толпе», а в каких-то недостатках организационного и тактического порядка. А некоторые из них считали, что лишь какая-то случайность, непредвиденная ими, помешала осуществлению поставленной цели.

Для более же «трезвых» деятелей империализма уже тогда стала очевидной несостоятельность ставки на заговорщическую форму борьбы с социалистическими странами. Жизнь день за днем свидетельствовала, что применение традиционных, так сказать, «чистых» методов разведки, то есть шпионажа, вредительства, диверсий, террора, не достигает цели. Лобовая атака на социализм с помощью заговорщических способов потерпела полное крушение. Эти деятели стали понимать, что сотни заговорщиков, каким бы их коварство ни было изощренным, ничто перед сплоченностью широких народных масс, реальное соотношение сил демократии и реакции быстро изменяется не в пользу последней. Казалось бы, убедиться в этом можно было еще в 1945 году на опыте в Румынии, но...

Провал февральского заговора в Праге вызвал страшную растерянность в империалистических кругах. В поисках средств, могущих «сокрушить коммунизм», некоторые перепугавшиеся реакционеры договорились до вершин абсурда. Так, некий профессор Раймонд Моли порекомендовал: «Покупайте коммунистов». «Мы не можем пренебрегать таким простым и относительно недорогим средством разложения противника», — говорил Моли. А президент американской ассоциации психиатров Джорж Стивенсон подал еще более любопытный совет: «Соединенным Штатам следовало бы использовать психиатров на дипломатических конференциях», потому что они, мол, способны «по выражению лиц выявить позиции участников конференций». Думается, что, и не видя

лиц Моли и Стивенсона, можно безошибочно определить нарушение у них способности к здравому мышлению.

С весны 1948 года в США начинаются усиленные поиски того, как сделать, чтобы подрывная деятельность американской разведки стала эффективней. Чтобы внести полную ясность в этот вопрос, за дело берутся сами заправилы монополий. Не кто иной, как сам Нельсон Рокфеллер, становится специальным помощником президента, в руках которого сосредоточиваются все нити по ведению «холодной войны». Герберт Гувер, ярый сторонник «сильных действий» в отношении Советского Союза, возглавил работу по разработке новых основ «подрывной стратегии».

В то время в США не было недостатка в выступлениях различных деятелей, рисовавших одну другой заманчивее картины создания обширной системы тотального шпионажа и террора, направленных против СССР и стран народной демократии. Но, несомненно, что пальма первенства во всех этих изысканиях принадлежала Джону Фостеру Даллесу, считавшемуся на Западе крупнейшим «теоретиком» «стратегии подрыва изнутри», которого американские журналисты, братья Олсопы, охарактеризовали как «лихого и бесстрашного игрока, готового поставить на карту все».

6 мая 1948 года Даллес громогласно заявил о подготовке так называемой «Операции икс». Выступая в фешенебельном Нью-Йоркском «Бонд клубе», клубе американских миллиардеров, он в сугубо деловой форме поведал о сути нового тайного плана сокрушения изнутри стран народной демократии. Для него и его слушателей вопрос шел словно о новой «банковской» операции, которая потребует вложения стольких-то миллионов долларов и принесет такую-то прибыль.

В 1950 году в Си-Ай-Эй («Сентрал интеллидженс эйдженси» — Центральное разведывательное управление — ЦРУ) в качестве заместителя тогдашнего главы его генерал-лейтенанта Беделла Смита пришел Аллен Уэлш Даллес, одна из самых доверенных фигур монополистического капитала в области разведки. Аллен Даллес и явился той рабочей лошадью, на которую выпала вся черновая работа по претворению в жизнь новых идей заправил монополий.

Разуверившись в возможности с помощью сил внутренней реакции и организуемых ею заговоров реставрировать в странах социализма буржуазный строй, правящие круги США переходят к «тактике глубокого подрыва». К началу пятидесятых годов в Вашингтоне возник коварный и широко продуманный план подрывной деятельности Соединенных Штатов против лагеря мира и социализма.

В основу плана было положено прежде всего самое широ-

кое финансирование всех намеченных мероприятий. С этой целью 10 октября 1951 года конгресс США принял так называемый закон «О взаимном обеспечении безопасности», согласно которому ежегодно из государственного бюджета США ассигнуется 100 миллионов долларов для финансирования подрывной деятельности против СССР и стран народной демократии. Кроме этих ассигнований, на ту же цель расходуются еще сотни миллионов долларов, получаемых разведкой США из других источников.

В американской печати было опубликовано достаточно материалов, позволяющих судить о конкретном содержании упомянутого плана. Стержнем плана становится идея проникновения и разложения противника, так сказать, с «черного хода». Если говорить о деталях, то построение плана «глубокого подрыва» представляется нам в следующем виде.

1. Научно-исследовательская подготовка, то есть всестороннее изучение стран Восточной Европы с помощью широкой сети специальных учреждений.

2. «Психологическая обработка» объекта тайной войны — применение непрерывно действующей во все нарастающих масштабах и темпах системы подстрекательской пропаганды, направленной на то, чтобы максимально накалить атмосферу в данной стране. В частности, мыслилась широкая организация так называемой пропаганды шепотом с целью всяческого инспирирования контрреволюционных настроений.

3. Последовательное осуществление обширной программы различных мероприятий с целью маскировки ведущейся подрывной пропаганды (инсценировка представлений о якобы «революционных настроениях масс», будто бы выступающих против «коммунистической тирании»; маскировка контрреволюционной агентуры под «борцов за свободу» и т. п.).

4. Подготовка интервенции в страну — объект тайной войны (создание плацдармов, формирование на их территории военных контингентов и подготовка их для ведения «малой войны»; обучение тактике уличных боев и диверсионно-террористической деятельности; предварительная массовая заброска в эту страну подрывной агентуры; создание в ней опорных пунктов; мобилизация сил внутренней реакции и разработка плана взаимодействия с ней).

5. Осуществление интервенции по «испанскому» варианту (мероприятия по переброске через границу воинских формирований; снабжение сил контрреволюции вооружением, боеприпасами и специальным снаряжением).

6. Тактика «малой войны» в действии, провоцирование вооруженных столкновений и в результате их инсценировка «возмущения народных масс»; вооруженное нападение на за-

ранее намеченные объекты (склады оружия, центральные партийные и государственные учреждения, органы госбезопасности и учреждения связи); раздача оружия всем желающим и вовлечение их в мятеж; освобождение из тюрем врагов народно-демократического режима и уголовных элементов и использование их в качестве участников «национальной революции»; организация «волны устрашения» — широчайшего террора против прогрессивных элементов путем убийств, грабежей, насилий; нарушение хозяйственной жизни страны с помощью провоцируемых забастовок («всеобщих», локальных, кратковременных, «итальянских»); срыв работы транспорта и средств связи; нарушение нормального снабжения населения продовольствием.

Все эти подрывные действия по замыслу их организаторов должны привести страну, против которой они направлены, в состояние полной анархии и хаоса, когда сравнительно легко можно было бы реализовать свои конечные цели — реставрировать в стране буржуазный строй.

На случай провала предусматривалось также и спасение введенных в действие кадров контрреволюции.

Некоторые из упомянутых операций предполагалось осуществлять путем комбинаций и по этапам, другие — в локальном порядке.

Весьма показательной «новинкой» в «стратегии» и «тактике» американской разведки является ставка на внедрение своей агентуры в рабочие организации, создание псевдорбочих организаций, направляемых агентами контрреволюции, «политическая обработка» рабочих масс в ходе «малой войны», то есть контрреволюционных выступлений.

Особенно важной частью плана операции «Ход с черного хода» были тщательно засекреченные мероприятия, относящиеся к проникновению в систему государственной безопасности социалистических стран.

К разработке деталей этой крупномасштабной операции были привлечены сотни специалистов различных профилей, а в реализацию ее вовлечены десятки тысяч агентов. Так, в начале пятидесятых годов начал осуществляться план, которому по своему коварству нет равного во всей мировой истории. Именно тогда были посеяны семена, которые дали кровавые всходы в Венгрии осенью 1956 года.

В том, что сокровенная суть этих замыслов империалистической верхушки Соединенных Штатов Америки стала достоянием гласности, в незначительной степени повинны те лица, коим в США в первую очередь надлежало бы заботиться о сохранении конспирации.

В один из февральских дней 1951 года, это было в ту пору,

когда на Уолл-стрите считали, что «ключ к черному ходу» в страны социализма наконец-то найден, в Принстонском университете собралась группа его бывших питомцев. Здесь присутствовали Аллен Даллес, бывший помощник государственного секретаря по специальным вопросам полковник Эдди, известный своей шпионской деятельностью на Ближнем Востоке, помощник государственного секретаря по делам информации Баррет, руководитель шпионского центра, именующего себя «Национальным комитетом борьбы за свободную Европу», Джексон и другие.

Потягивая коктейли, коллеги по профессии разоткровенничались. В самой развязной и циничной форме они говорили о грязных методах, которые американские империалисты намереваются применить в борьбе с коммунизмом. В частности, Джексон всячески превозносил Геббельса, Гитлера и Муссолини как «знатоков психологической войны». Затем он указал, что тремя «решающими» факторами в «идеологической борьбе Соединенных Штатов с Кремлем» являются — «деньги, принцип, согласно которому для достижения цели все средства хороши, и принцип: никаких вопросов». Далее Джексон заявил, что в идеологической борьбе нужна не истина, а «подрывные действия». «В этой войне, — подчеркнул он, — мы нуждаемся в поддержке всех головорезов и хулиганов, каких только мы сможем завербовать».

Другие американские деятели также не скупились по части информирования о том, что предпринимается и планируется на будущее для «освобождения» стран Восточной Европы. Сенатор Уайли, например, поучал своих коллег: «Мы должны немедленно приступить — и это имеет важное значение — к созданию подпольного движения и организации недовольных элементов».

Другой сенатор, Маккарэн, в своей речи от 6 августа 1951 года в сенате Соединенных Штатов, опубликованной в тот же день в «Конгресснл рекорд», подробно рассказал о некоторых деталях проникновения с «черного хода» в страны, строящие социализм. В этой речи он призывал к применению «наиболее эффективного оружия и техники идеологического наступления... Наша пропаганда и словом и делом, — заявил Маккарэн, — начнет приносить свои результаты тогда, когда она будет преследовать простую и отважную цель: свержение советской диктатуры при помощи любых средств, имеющихся в нашем распоряжении, совместно с гражданами этой диктатуры».

Далее Маккарэн отметил, что считает необходимой «максимальную поддержку нелегальных повстанческих групп на территориях, находящихся под коммунистическим контролем,

а также открытое и действенное сотрудничество с сотнями тысяч (?) беженцев из коммунистических стран».

Не только из речей конгрессменов и «сенсационных» публикаций американской печати в доиюньский период 1953 года можно было судить о нарастающей с каждым днем подрывной активности Вашингтона.

В феврале 1952 года в столице США происходила двухдневная конференция, в работе которой, как сообщала газета «Нью-Йорк таймс», «приняли участие члены конгресса, беженцы из-за железного занавеса, психологи, дипломаты и бывшие коммунисты». По словам газеты, там были изложены принципы «новой техники психологической войны против Советского Союза и его сателлитов», а также обсуждены предложения относительно организации миллионов (!) подпольных групп, чтобы создать «революционную атмосферу».

Еще ни один фокусник никогда так не изощрялся в стремлении, чтобы черное превратить в белое, как это делают американские реакционеры с содержанием слов «освобождение», «свобода». Сверкают фейерверки пустословия, льются потоки напыщенных и трескучих фраз, чтобы скрыть подлинное лицо американского империализма — лицо хищника и жестокого эксплуататора — и попытаться создать впечатление о нем как о «носителе идей свободы» и ее «защитнике». Но на Востоке говорят: сколько ни кричи «халва!», от этого во рту слаще не станет. И сколько бы американская пропаганда ни склоняла слово «освобождение», каждый знает, что на деле имеется в виду порабощение. И прежде всего об этом свидетельствует сама капиталистическая действительность.

Однако империалисты США отдают себе отчет в том, что теперь резкий возврат к капиталистическим порядкам в странах Восточной Европы просто невозможен. Поэтому они провозгласили тактику так называемого «градуализма» — «постепенного освобождения». Суть «градуализма» состоит в том, что на словах империалисты выражают согласие сохранить кое-что из социалистического строя. Втайне же они считают выдуманную ими «теорию» «незаметного превращения» социалистического государства в капиталистическое, как им кажется, «ловким тактическим ходом».

Антисоветские настроения, господствовавшие летом 1962 года в Вашингтоне, ярко характеризует выступление Герберта Гувера в Чикаго в июне 1952 года на национальном съезде республиканской партии. Под бурные аплодисменты присутствовавших он заявил: «Я не предлагаю, чтобы мы замкнулись в себе, как черепаха в своем панцире. Я предлагаю смертоносную стратегию «гремучей змеи» — стратегию возмездия».

К слову говоря, американские политические и военные деятели питают явное пристрастие к «устрашающей» терминологии, могущей, как они надеются, посеять смятение. Свои стратегические и тактические комбинации они часто скрывают под такими условными наименованиями, как, например, «удушение» или «убийца». Они тешат себя надеждой, что сами названия операций, обычно широко рекламируемые в печати, способны оказать деморализующее влияние на противника.

Во время интервенции в Корею кодовые наименования осуществлявшихся операций были одно «страшнее» другого. Однако это не помешало героической корейской народной армии не только выстоять, но и нанести американцам ряд сокрушительных ударов. Тем не менее и по сей день эти деятели не теряют надежды на то, что если по какой-то «случайности», как они считают, не удалась операция «Удушение», то обязательно «должна» удалась операция «Убийца».

Новая программа подрывной деятельности США, предложенная Даллесом, широко комментировалась американской печатью. Пожалуй, наиболее красочно охарактеризовал эту программу Кромли, всегда хорошо информированный вашингтонский корреспондент газеты «Уолл-стрит джорнэл». В одном из февральских за 1953 год номеров этой газеты Кромли опубликовал статью под названием «Даллес и красные», в которой писал:

«Вот что рассказывают здешние эксперты относительно того, что Даллес сможет сделать в большом масштабе (часть этого уже делается сейчас в ограниченном масштабе): забрасывать (на территории демократических стран. — В. М.) облегченные печатные машины и бумагу для подпольных газет; забрасывать туда фальшивые паспорта и удостоверения для врагов режима, улучшать подпольные каналы для бегства врагов режима из этих стран. Вынашивается даже идея заброски туда фальшивых продовольственных и промтоварных карточек и поддельных денег для того, чтобы вызвать осложнения в этих странах».

Далее Кромли указывал, что важнейшей частью программы Даллеса является подрывная деятельность в области экономики, направленная на дезорганизацию нормальной работы заводов, фабрик, шахт, а в области политики — подготовка мятежей, бунтов, уличных беспорядков.

С помощью стратегии «глубокого подрыва» американские империалисты рассчитывают не только сокрушить лагерь социализма, но осуществить и конечные цели своей внешней политики. Тогдашний президент США Эйзенхауэр без тени смущения поведал о них собравшимся на обеде, данном аме-

риканским обществом газетных редакторов. «Дело в следующем,— заявил он,— наша нация призвана к руководству,— я не собираюсь аргументировать этот вопрос, я знаю, что все вы это понимаете,— к руководству во всем мире».

Но, пожалуй, никто из руководящих деятелей Соединенных Штатов так цинично не сорвал покров с тайны того, как мыслят действовать новые претенденты на мировое господство. Генерал Джорж Маршалл, автор пресловутого плана экономического порабощения Западной Европы, бывший в то время министром обороны США, высказался на этот счет с предельной откровенностью. Выступая 27 июля 1951 года на заседании сенатской комиссии по иностранным делам, он заявил: «Мы предлагаем доллары, чтобы вооружить не наших людей. Мы предпочитаем делать взнос не людьми, а долларами... Другая сторона (Маршалл имел в виду западноевропейских союзников США. — В. М.) пусть думает о людях...».

Откровенность Маршалла ошеломила даже его ближайших единомышленников. Они сочли, что он сказал больше, чем требовала осторожность, и пытались воспрепятствовать опубликованию его речи. Однако было уже поздно, вездесущие журналисты подхватили сногшибательную сенсацию, и она понеслась по проводам телетайпов во все концы земного шара...

ТАЙНА, В КОТОРОЙ РОЖДАЕТСЯ ПРОВОКАЦИЯ

НАКАНУНЕ „ДНЯ ИКС“

Сейчас уже можно полностью нарисовать картину того, как агрессивные круги США и их боннские марионетки готовили в июне 1953 года мятеж в Германской Демократической Республике.

Координирующим центром и оперативным штабом по реализации плана «освобождения восточной зоны» (как именуют ГДР западногерманские милитаристы и их союзники) стало министерство ФРГ «по общегерманским вопросам», которое избрало Западный Берлин своей главной базой для ведения подрывной работы.

В то самое время, когда подготовка к агрессии против ГДР шла полным ходом, в западногерманской печати появились фотоснимки сладко улыбающейся физиономии Якоба Кайзера, министра «по общегерманским вопросам». В своем выступлении по боннскому радио в феврале 1952 года он клялся в «верности» идее воссоединения Германии мирным путем и заверял, что стоит за образование «всегерманского правительства».

Спустя месяц «федеральный министр» вылетел на самолете в Западный Берлин. Здесь 24 марта 1952 года в доме № 216/218 на Бундесаллее встретились представители западногерманских монополий, боннского правительства и руководители ряда фашистских террористических организаций. На этом совещании планы подготовки «дня икс» были разработаны до мельчайших подробностей. Сам этот термин — «день икс», заимствованный из архива гитлеровской агрессии, был снова пущен в обращение с легкой руки боннского министра Кайзера, выступавшего в качестве основного докладчика на совещании. В конце его Кайзер хвастливо заявил: «Вполне возможно, что этот день наступит быстрее, чем скептики смеют надеяться».

То, о чем под величайшим секретом говорилось на указанном совещании, вслед за ним разболтали некоторые немецкие буржуазные органы печати. Так, западноберлинская газета «Дер таг», известная своей близостью к Кайзеру, на другой же день, 25 марта, опубликовала провокационный призыв: «За день икс!», а газета «Телеграф» в самый день совещания, 24 марта, в статье под заголовком «Приготовления ко дню икс» разъяснила своим читателям, что речь идет «о подготовке ко дню возвращения территорий советской оккупационной зоны».

А всегда хорошо информированный ганноверский журнал «Дер Шпигель» сообщил, что на этом совещании был даже составлен список членов фашистского правительства, которое боннские марионетки проектировали навязать Восточной Германии после пресловутого «дня икс».

На мартовском совещании в Западной Берлине был создан так называемый «Исследовательский совет по вопросам объединения Германии». Журнал «Дер Шпигель» следующим образом определил его задачи: «Он должен разработать детальную программу немедленных действий для осуществления переходных мероприятий на случай захвата власти в советской зоне». Таким образом, созданный «Исследовательский совет» стал своего рода рекомендательным органом при боннском правительстве по вопросам подготовки мятежа в Германской Демократической Республике.

В состав «Исследовательского совета» вошли крупные финансовые дельцы и промышленники, среди которых были лица, чья собственность в Восточной Германии перешла в руки народа, а также видные гитлеровцы. Председателем «совета» был назначен Фридрих Эрнст, банкир и промышленник, бывший во время войны комиссаром по управлению захваченным в оккупированных странах имуществом.

С этого времени началась интенсивная подготовка боннских реваншистов ко «дню икс». Одним из первых мероприятий, осуществленных «Исследовательским советом», явилось составление полного списка предприятий ГДР, подлежащих возврату прежним владельцам. Вместе с тем каждой из западноберлинских подрывных организаций была преподана точная программа действий. К примеру, так называемой «технической службе» «Союза немецкой молодежи» было дано задание составить картотеку на лиц, которые в момент путча подлежали уничтожению или аресту. В соответствующей инструкции по этому поводу говорилось: «На каждой карточке должно быть указано о том, подлежит ли указанное лицо аресту в «день икс» или его следует устранить». В другом пункте инструкции было сказано: «...Мероприятия, предусмотр-

ренные на «день икс», должны быть произведены молниеносно, когда день и час будут установлены руководящими инстанциями».

Все западноберлинские шпионско-диверсионные центры получили указание максимально усилить комплектование банд громил и убийц, предназначенных для переброски в нужный момент в ГДР. Одновременно они создавали на ее территории новые подпольные группы. Каждый засылаемый в ГДР подрывник получал задание формировать вокруг себя группы «надежных людей» и готовить их ко «дню икс». Наконец, в целях усиления руководства подготовкой мятежа в Западном Берлине был создан специальный филиал боннского министерства «по общегерманским вопросам» под названием «Отделение подготовки „дня икс“».

Таков круг специальных мероприятий, которые были осуществлены боннской кликой осенью 1952 года. Видимо, руководящие деятели Федеративной Республики не сомневались в успехе задуманной подрывной операции. Только этим можно объяснить их болтливость и развязность в своих публичных заявлениях. Так, Теодор Бланк, тогдашний министр обороны ФРГ, в интервью с корреспондентом одной из западногерманских газет прямо заявил: «Мы все работаем для „дня икс“». 29 сентября 1952 года западногерманская газета «Франкфуртер альгемайне цейтунг» опубликовала заявление Кайзера, сделанное им по американскому радио: «Вопрос воссоединения Германии и освобождения советской зоны, к сожалению, нельзя решить простыми средствами. Но это не значит, что мы должны остаться пассивными свидетелями».

Самоуверенность Бонна была столь велика, что там поспешили не только наметить состав будущего «правительства» Германии, но и подобрать ни много, ни мало около ста тысяч чиновников и служащих на различные административные должности в Восточной Германии!

Теперь перейдем к описанию того, что делали американские хозяева боннских реваншистов. Для большей наглядности расскажем об этом с хронологическими уточнениями начиная с конца 1952 года. Тогда в Западный Берлин прибыл офицер американской разведки Харвуд, руководивший до этого военной подготовкой террористических групп «Союза немецкой молодежи» на земле Гессен. Кроме того, им перед этим была обучена на американском учебном плацу в Вальдмихельбахе группа немецких парашютистов, предназначенных для заброски на территорию ГДР в момент мятежа с целью проведения диверсионных актов. Прибыв в Западный Берлин, Харвуд организовал здесь специальный «оперативный штаб» по руководству «днем икс».

В феврале 1953 года Западный Берлин посетила специальная комиссия Управления взаимного обеспечения безопасности США, приехавшая из Вашингтона. По возвращении комиссии государственный секретарь США Даллес сделал на пресс-конференции заявление о положении в Западном Берлине, опубликованное 20 февраля в газете «Нейе цейтунг».

«Американские чиновники,— говорилось в нем,— недавно инспектировали наличные запасы продовольствия и других жизненно важных товаров, а также все подходы к границам советского сектора и советской зоны. В настоящее время было бы неразумно предавать гласности новые шаги американского правительства в этой области».

Март был ознаменован приездом из Бонна в Западный Берлин заместителя верховного комиссара США в Германии Самуэля Ребера. Тогда же в США отправился обер-бургомистр Западного Берлина Эрнст Рейтер, один из самых заядлых реваншистов. Как сообщала венская газета «Дер абенд», находясь в США, Рейтер был частым гостем на вилле руководителя американской разведки Аллена Даллеса в Джорджтауне, близ Вашингтона. Там он встретился с государственным секретарем Джоном Фостером Даллесом, а также беседовал с руководящими деятелями американской разведывательной службы, в частности с генералом Доновеном.

Возвратясь в Западную Германию, Рейтер принял участие в специальном совещании у Аденауэра, на котором доложил о результатах переговоров с американцами. После этого совещания подготовка к путчу еще более усилилась. В начале апреля Рейтер в одном из своих выступлений говорил о важных событиях, которые произойдут не в апреле и не в мае, но в самом ближайшем времени. Спустя месяц он заявил: «Возможно, мы приближаемся к критическому моменту».

Май и июнь были в деятельности заговорщиков особенно интенсивными месяцами. В Западном Берлине создаются специальные запасы на случай «чрезвычайных обстоятельств». С целью инспекторской проверки общей готовности ко «дню икс» в город прибыла специальная комиссия государственного департамента США под руководством Тресси Вурхиса, в составе которой был генерал Доновен.

В этой связи следует отметить, что Доновен после своего официального ухода с государственной службы стал в качестве «частного лица» усиленно интересоваться «германским вопросом». В 1948 году, посетив Западную Германию, он выступил перед представителями печати с резким антисоветским заявлением. Это заявление преследовало определенную цель, а именно подогреть реваншистские настроения немецких ми-

литаристов. Позже «интерес» Доновена к Германии приобретает более конкретную форму.

В этот свой приезд Доновен провел в Западном Берлине смотр отрядов, специально созданных для участия в подготавливавшейся провокации. Под его руководством был разработан план координации действий американских войск, западно-берлинской полиции и так называемых «добровольческих отрядов», составленных из различного рода деклассированных элементов. Затем Доновен наблюдал в западноберлинском районе Крейцберг своего рода «репетицию» «дня икс», в которой приняли участие все эти диверсионные подразделения.

За шесть дней до «дня икс» в Бонн приехала Элино́р Даллес, эксперт государственного департамента США «по германскому вопросу». Одна из западногерманских газет по этому поводу указывала, что каждый раз, когда США, в частности братья Даллес, должны осуществить какую-либо чрезвычайную важную миссию в Европе, они посылают свою сестру Элино́р. Газета отметила, что Элино́р Даллес является доверенным лицом так называемой «германской группы» большого бизнеса, представляемой братьями Даллес и имеющей большие интересы в ряде предприятий Западной Германии и Западного Берлина. Газета напомнила также, что именно Элино́р Даллес незадолго до этого также приезжала в Бонн с весьма секретным заданием: для того чтобы передать Аденауэру тайное указание государственного секретаря США поспешить с ратификацией договора о «европейском оборонительном сообществе».

В последние дни перед 17 июня Западный Берлин стал местом, куда один за другим начали прибывать разные высокопоставленные лица, как американцы, так и боннские представители. Прежде всего за три дня до этой даты из Бонна перекочевала в Западный Берлин Элино́р Даллес, где она тотчас встретилась с руководителями американской разведывательной службы, направляющими деятельность западноберлинских шпионско-диверсионных центров.

В квартире обер-бургомистра Рейтера Элино́р Даллес имела свидание с членами «Исследовательского совета по вопросам объединения Германии». Там же она совещалась с руководителями фашистских и других организаций, состоящих на американской службе, которым она вручила крупные суммы, ассигнованные на проведение «дня икс» «фондом Рокфеллера», нефтяным трестом «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и другими американскими монополиями. Перед своим отъездом из Берлина Элино́р Даллес имела секретную беседу с Рейтером, которая продолжалась свыше двух часов.

14 июня в Западный Берлин прибыл начальник личной канцелярии Аденауэра статс-секретарь Ленц, который, как впоследствии стало известно, встречался с некоторыми видными заговорщиками, пробравшимися в государственный аппарат ГДР.

На другой день, 15 июня, западноберлинская печать сообщила о «неожиданном визите» самого генерала Риджуэя, тогдашнего верховного главнокомандующего вооруженными силами Атлантического блока. Наконец, в ночь на 17 июня прилетел из Бонна один из главных руководителей заговора Якоб Кайзер. Чтобы закончить список лиц, посетивших Западный Берлин в первой половине 1953 года, укажем еще на самого Аллена Даллеса, главу американской разведки, побывавшего там инкогнито.

Был ли этот поток высоких визитеров в Западный Берлин случайным явлением? Нет. Иностранная печать справедливо расценила, что это были инспекционные проверки подготовки июньской провокации. Этот горячий интерес некоторых американских деятелей и учреждений к Западному Берлину в упомянутый период — прямое свидетельство их участия в этом грязном деле.

Но одно высокопоставленное лицо в эти дни, наоборот, стремилось поскорее покинуть Западный Берлин. У человека в черном берете, во внешности которого прежде всего обращали на себя внимание неприятные бегающие глазки, глубоко запавшие по обеим сторонам крючковатого носа, напоминающего клюв хищной птицы, были достаточно веские основанияторопиться с отъездом.

После беседы с Элиной Даллес, что было 14 июня, это лицо, не мешкая, покинуло свой кабинет в здании на площади Рудольфа-Вильде в Берлин-Шенеберге и направилось в боннскую республику с тем, чтобы оттуда проследовать в Вену.

Прошло три дня, и этот человек, то бишь Эрнст Рейтер, бургомистр Западного Берлина «с правительственными функциями», предстал перед множеством корреспондентов, осыпавших его вопросами о событиях, происшедших в столице ГДР. «...Ничего не знаю, для меня это полная неожиданность», — с хорошо разыгранным недоумением ответил тот, кто принимал самое деятельное участие в подготовке этой провокации.

Но далеко не все даже буржуазные журналисты сочли за чистую монету слова Рейтера. Ровно за год до этого интервью известный английский журналист В. Г. Бэрчетт на страницах консервативной газеты «Дейли экспресс» дал следующую характеристику этому социал-демократу, снискавшему в

свое время особое благоволение гитлеровцев: «Для него является делом чести превзойти всех нацистов в желании повесить каждого коммуниста... Рейтер не теряет надежды превратить Берлин в новое Сараево, в котором искры третьей мировой войны вспыхнут огнем...».

Присовокупим к этому, что Эрнст Рейтер, ближайший сподвижник Шумахера и Олленхауэра, был одним из немногих «эмигрантов», кому в середине тридцатых годов министерство иностранных дел Третьей империи без всяких проволочек выдало заграничный паспорт...

Находясь в Турции и продолжая состоять в германском гражданстве, Рейтер аккуратно посещал посольство «третьего рейха», где его заграничный паспорт регулярно продлевали.

Последним подготовительным мероприятием заговорщиков была переброска в Западный Берлин специальной террористической группы. 14 июня с аэропорта во Франкфурте-на-Майне вылетел в Западный Берлин самолет «неизвестной национальной принадлежности», на борту которого находилась группа особенно «надежных» и хорошо обученных членов фашистского «Союза немецкой молодежи». Группа эта была командирована боннским министром Кайзером, который надеялся сохранить этот факт в тайне, но безуспешно. В ее составе были отъявленные фашистские головорезы, которые в течение года проходили специальную подготовку в Баварии на американском военно-учебном плацу под руководством одного из руководителей технической службы «Союза немецкой молодежи» эс-эсовца Рихарда Топпа, носившего кличку Хельге-Шторк. На группу было возложено выполнение в «день икс» особо важных заданий по проведению террористических актов.

Вслед за этим в Западный Берлин на американском военном самолете вылетел ряд депутатов бундестага, членов партий аденауэровского блока.

К 15 июня подготовка ко «дню икс» была полностью закончена. Банды хорошо натренированных громил и убийц ожидали только сигнала, чтобы ворваться в демократический Берлин и начать бесчинствовать в других городах ГДР. 16 июня выходящий в Бонне официальный бюллетень «Боннер аусенполитише корреспонденц» сообщил, что в ближайшее время «может вступить в действие политика освобождения Европы» и «что в результате этого могут быть вызваны инциденты».

В эти дни вся свора немецко-американских заговорщиков против мира и безопасности европейских народов, подобно гестаповским псам, ожидала сигнала «фас!», чтобы броситься убивать, жечь, грабить.

ЧТО ПРОИЗОШЛО В БЕРЛИНЕ В ДЕНЬ 17 ИЮНЯ?

Итак, дело оставалось только за поводом, пусть самым формальным, самым фальшивым, но достаточным, чтобы зажечь пожар новой войны в Европе.

В начале июня 1953 года правительство Германской Демократической Республики по рекомендации Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии провело ряд мероприятий, направленных на решительное улучшение жизненного уровня всех слоев населения.

Июньские решения правительства ГДР встретили горячее одобрение широких слоев населения как в ГДР, так и в Западной Германии. Ярким показателем этого явился тот факт, что число жителей Западной Германии, переехавших на постоянное жительство в ГДР, во многих местах значительно превысило число перешедших из ГДР в Западную Германию. Все это вызвало злобу реакционных кругов западных держав и боннских правителей, которые решили действовать. Поводом для начала мятежа послужило повышение нормы выработки на некоторых предприятиях, которое было отменено правительством ГДР уже 16 июня.

13 июня 1953 года во время паровой экскурсии рабочих народного предприятия «Индустрибау Берлин», в которой приняли участие вражеские агенты, сумевшие пробраться на работу в некоторые крупные предприятия, был подготовлен план забастовки строительных рабочих. На этой «экскурсии» была окончательно установлена и дата фашистского выступления.

Воспользовавшись осуществленными перед этим правительством ГДР мерами по облегчению транспортного сообщения между Западным и Восточным Берлином, значительные группы фашиствующих хулиганов, агентов иностранных разведок и их пособников проникли 17 июня в демократический Берлин и начали там бесчинствовать. Распоясавшиеся фашистские молодчики, снабженные оружием, бутылками с серой, фосфором и бензином, пытались организовать демонстрации, поджигали магазины, срывали красные флаги и т. д. Провокаторам удалось на некоторое время приостановить работу на ряде предприятий.

В результате отпора широких слоев населения, которые были поддержаны народной полицией, а также в результате мер, принятых советскими оккупационными властями, которые ввели чрезвычайное положение, попытка поднять фашистский мятеж провалилась. К исходу 17 июня в демократическом Берлине были полностью восстановлены порядок и общественное спокойствие. Так было предотвращено массовое кро-

вопролитие, подготовлявшееся агрессивными кругами западных держав и их фашистскими наймитами.

Во второй половине дня 17 июня фашистские бандиты, проникшие в демократический Берлин, напали на заместителя премьер-министра ГДР Отто Нушке, проезжавшего в это время по улице, и вытащили его из автомобиля. Несмотря на энергичные протесты Нушке, бандиты увели его в американский сектор. Только после решительного заявления правительства ГДР и верховного комиссара СССР в Германии, потребовавших немедленного освобождения Нушке, он был 19 июня отпущен.

В провинциях ГДР враги также пустили в ход механизм заговора, тщательно ими подготовленный. По заранее составленным спискам в ряде мест были выпущены из тюрем фашистские и уголовные преступники. В Галле фашистские банды освободили из тюрьмы бывшую начальницу гитлеровского женского концлагеря в Равенсбрюке Эрну Дорн. После своего освобождения она была включена в состав «главного оперативного штаба» мятежников.

Попытки вызвать беспорядки в других городах ГДР были приурочены к одному и тому же часу. Однако вражеская агентура оказалась не в состоянии выполнить план закулисных организаторов авантюры.

Одновременно в различных местах ГДР иностранными самолетами были выброшены воздушные десанты — в Тюрингии, Саксонии-Ангальт и в других местах на парашютах спустились группы бандитов с оружием и тайными радиопередатчиками. На автострате Лейпциг — Берлин была задержана автомашина с оружием для еще не вступивших в действие подпольных групп.

Повсюду фашистские мятежники пытались прежде всего сорвать работу промышленных объектов. Однако большинство предприятий ГДР 17 июня работало спокойно, в том числе и такие крупные, как заводы «Макс-хютте» и сталелитейный завод «Штальверк-Риза», металлургический завод «Эйзенверк Вест» и электростанция «Клингенберг», весь каменноугольный бассейн «Цвикау» и многие другие.

Попытки фашистской наемной агентуры захватить некоторые заводы и фабрики или организовать там диверсии встретили решительный отпор со стороны трудящихся ГДР, которые активно помогали народным властям пресекать вражеские происки. Об этом свидетельствуют многочисленные факты.

Когда фашистские диверсанты пытались ворваться в цехи народного предприятия «Активист», производящего продукты питания, радиоузел завода начал передачу песни бойцов

интернациональной бригады имени Тельмана, сражавшейся в Испании с франкистскими мятежниками, «Мы не отступим перед фашистами». По этому сигналу из каждого цеха вышли группы рабочих, которые изгнали фашистов с территории предприятия. Мужественное сопротивление фашистским погромщикам оказала на этом предприятии беспартийная работница Марта Гейнрих. Она заставила одного из громил собрать груз, выброшенный из опрокинутой вагонетки.

На предприятии «Лейна верке» имени Вальтера Ульбрихта диверсанты проникли в помещение заводского радиоузла и пытались заставить коллектив завода прекратить работу. Организатором этой провокации был один из служащих предприятия, в прошлом гестаповский офицер в чине штурмфюрера. По его сигналу фашисты затянули нацистский гимн. Однако большинство рабочих этого предприятия не поддалось на провокацию и вместе с представителями технической интеллигенции продолжало работу.

На калийных шахтах в Росленбене (округ Артерн) группа провокаторов под руководством некоего Фойгта пыталась призвать рабочих к стачке. Фойгт и другие провокаторы угрожали рабочим, что если они не послушаются этого призыва, то их заставят насильно. Но сознательные рабочие калийного рудника реагировали на это совсем не так, как надеялись провокаторы. С помощью государственных органов они немедленно арестовали Фойгта и его сообщников.

Рабочие металлургического комбината «Ост» также решительно выступили против провокаторов и подавили у себя на комбинате попытку фашистского путча. Они задержали трех провокаторов, пытавшихся подстрекать рабочих к забастовкам, и передали их в руки народной полиции.

Фашистские заговорщики пытались также сорвать мероприятия правительства ГДР в области снабжения. Путем нападения на транспорты с продовольствием, грабежей, угроз и распространения злостных слухов провокаторы намеревались дезорганизовать снабжение населения продуктами питания. Эти преступные действия, однако, не удались, и волна спровоцированных панических закупок была быстро ликвидирована.

В организации беспорядков в столице ГДР самое деятельное участие принимали представители американских оккупационных властей. 17 июня в демократическом Берлине появились американские офицеры в полной форме, которые, находясь в центре демонстраций фашистских отрядов, активно подстрекали население к волнениям. Над территорией демократического Берлина летали американские самолеты, которые сбрасывали листовки, призывающие к продолжению забастовки.

Много американских офицеров разъезжало на автомобилях. На улицах, расположенных в центре, и на площадях демократического Берлина часто появлялся американский легковой автомобиль под номером 3Н 2318 с двумя американскими офицерами, которые призывали демонстрантов к совершению актов насилия и диверсий, а также к переходу в Западный Берлин. В районе Адлерсгоф автомобиль номер КВ 027192 поддерживал непосредственную связь между отдельными группами демонстрантов. Среди сидящих в нем пассажиров находился американский офицер связи.

Когда власти ГДР и советский военный комендант принуждены были принять против фашистских мятежников соответствующие меры и некоторые из них по приговору суда были расстреляны, западная печать подняла неистовый вой. Расстрелянные преступники изображались ею в качестве «невинных жертв, пострадавших от советской тирании». Кем же на самом деле являлись эти фашистские «агнцы», участвовавшие в мятеже?

На первой странице номера газеты «Нейес Дейчланд», вышедшего 21 июня 1953 года, можно было увидеть фотографию здорового верзилы. Галстук с непристойным рисунком и несущийся галопом ковбой, изображенный на его белой безрукавке, не оставляли сомнений в том, что перед вами американизированный западноберлинский гангстер. По мрачному выражению его исподлобья смотревших глаз становилось понятным и другое: фашистский погромщик и поджигатель отдает себе отчет в том, что час расплаты наступил. Внешность этого субъекта типична для участников путча 17 июня.

18 июня агентство АДН передало сообщение советского коменданта Берлина, в котором указывалось, что Вилли Гетлинг, житель Западного Берлина, действовавший по заданию иностранной разведывательной службы и бывший одним из активных организаторов провокаций и беспорядков в демократическом Берлине, приговорен к смертной казни — расстрелу.

Спустя некоторое время греческая буржуазная газета «Драссис», выходящая в городе Гераклион (Крит), писала: «Вилли Гетлинг прославился в Гераклионе безжалостными преследованиями критских патриотов. Он всегда был фанатичным и жестоким нацистом... Вот почему его смерть, от чьей бы руки она ни произошла, является выражением божественной справедливости. Мы жалеем только об одном: о том, что он смог уехать в Германию и был убит не нами, критянами, как он того заслуживал».

Таковыми же отпетыми бандитами были Гюнтер Немец, Фридрих Гапель, Хорст Гертель, Артур Незер и сотни других

фашистских громил. Все они — военные преступники, выкор-
мыши империалистических разведок и охранных с многолетним
уголовным и фашистским стажем. Были среди путчистов и
другие элементы, не имеющие такого прошлого, но тем или
иным путем вовлеченные в авантюру. Одним из них был некий
Вернер Кальковский, который также был задержан 17 июня.
Спустя два дня немецкая демократическая печать опублико-
вала протокол допроса Кальковского, проверенный и под-
твержденный им самим. Кальковский, рождения 1916 года,
немец, беспартийный, по профессии артист, безработный, про-
живающий в американском секторе, показал, что утром
17 июня он был послан с группой, насчитывавшей примерно
90 человек, в демократический сектор с целью организации
там беспорядков.

На вопрос «Кто дал вам это задание?» Кальковский от-
ветил, что в 6 часов вечера 16 июня к нему на квартиру при-
шел некий Пауль Гюнтинг и предложил ему за хорошее воз-
награждение принять участие в подготавливаемой фашист-
ской провокации. Гюнтинг сказал Кальковскому, что «орга-
низация беспорядков будет облегчена тем, что в демократи-
ческом Берлине известная часть рабочих начинает забастовку
и что эту забастовку нужно превратить в мятеж».

Далее Кальковский показал, что во главе банды находи-
лись Пауль Гюнтинг и Ганс Юрген, а также американец Хи-
вер, который был в форме. У него были погоны с двумя звез-
дами. — «Мы, — заявил Кальковский, — получили задание
делать налеты на правительственные здания, производить
поджоги, грабить магазины, сбивать с ног народных полицей-
ских и вообще действовать против органов власти также и с
помощью оружия».

Американец Хивер, заявил Кальковский, призывал нас
выполнить нашу задачу так хорошо, как это только возможно,
и обещал нам, что за это каждый из нас будет послан на три
месяца отдыхать. Кто из нас не имеет никакой работы, тот
будет после этого принят в западноберлинскую полицию и
получит хорошую заработную плату. Кроме того, каждому из
нас обещано по 50 западных марок, которые мы должны
были получить по возвращении из демократического сектора.

Кальковский рассказал, что банда, в состав которой он
входил, двинулась сомкнутой колонной через Потсдамский
мост на Потсдамерплац, где присоединилась к бастующим.
«В нашей группе приблизительно 20 человек имели бутылки
с бензином, которые они получили с американского грузови-
ка на Потсдамском мосту для поджога зданий... На Потсда-
мерплац те из нас, кто имел бутылки с бензином, начали под-
жигать отдельные здания... Кроме того, многие из нашей груп-

пы бросали камни в народных полицейских и били стекла в окнах. Так прошли мы вместе с толпами к правительственному зданию на Лейпцигерштрассе, где бесчинства были продолжены. Но на этот раз мы прибегли также к стрельбе по народной полиции и по экипажам советских танков».

«В подстрекательстве толпы,— заявил Кальковский,— нам оказывали большую поддержку американцы, так как по их указанию на секторальной границе были установлены на автомашинах два больших репродуктора, которые непрерывно передавали на немецком и русском языках подстрекательские речи. На русском языке выступал Антон Леффлер. Он призывал полицию и русские войска не предпринимать ничего против мятежников и переходить в Западный Берлин».

Таковы факты, а факты, как известно, — упрямая вещь!

Население Германской Демократической Республики осудило попытку фашистских провокаторов поднять мятеж. На предприятиях рабочие принимали резолюции, в которых одобряли мероприятия правительства ГДР, направленные на ликвидацию беспорядков и других последствий фашистской провокации, выражали желание отработать потерянное время. Все выступавшие рабочие, решительно осуждая фашистские провокации, заявляли о своей верности партии рабочего класса и правительству ГДР и о своем стремлении быть более бдительными в отношении всех провокаторов и подстрекателей.

ОНИ ПЫТАЛИСЬ ЗАМЕСТИ СЛЕДЫ, НО ВЫДАЛИ СЕБЯ С ГОЛОВОЙ

Организаторы берлинской провокации преследовали далеко идущие цели. Они намеревались разрушить Германскую Демократическую Республику, являющуюся оплотом миролюбивых сил германского народа, превратить Германию в милитаристское государство, возродить очаг войны в центре Европы.

В связи с событиями 17 июня в ГДР были раскрыты нелегальные фашистские группы с собственными центрами и постоянной связью с агентурными организациями, находящимися в Западном Берлине. Руководящую роль в них играли активные гитлеровцы.

Провал берлинской авантюры не только не образумил ее вдохновителей, но, напротив, вызвал в их кругах сильнейшее озлобление и стремление спровоцировать новые беспорядки не только в ГДР, но распространить их на страны народной де-

мократии, с тем чтобы вызвать серьезное обострение международной обстановки.

Уже на другой день после подавления фашистского путча американская пресса начала открыто призывать организаторов провокации еще раз повторить этот «опыт» в ГДР и попытаться вызвать волнения в других странах демократического лагеря. В эту подстрекательскую кампанию активно включился ряд политических и государственных деятелей США. Один из них, небезызвестный сенатор Мунд, заявил: «Мы должны сыпать соль на раны, где бы они ни существовали».

Для того чтобы вдохнуть новую жизнь в провалившуюся авантюру, правящие круги США решили прежде всего оказать долларовую поддержку своим западноберлинским наемникам. 18 июня, то есть на другой день после подавления мятежа, президент Эйзенхауэр заявил, что США предоставляют так называемую дополнительную помощь Западному Берлину в размере 50 миллионов долларов будто бы «для дальнейшего укрепления экономики Западного Берлина». Эта долларовая инъекция была расценена немецкими демократическими кругами как неуклюжая попытка подбодрить американских агентов в Западном Берлине, авантюра которых потерпела провал.

20 июня стало известным, что упомянутые 50 миллионов долларов, переданные в распоряжение бургомистра Рейтера, распределены среди различных западноберлинских подрывных организаций, поскольку кассы этих организаций были опустошены в результате крупных расходов по финансированию мятежа.

Получив солидную долларовую подачку, заговорщики вновь попытались развернуть подрывную работу. При этом наблюдались некоторые изменения в их подрывной тактике. Уцелевшим остаткам своей агентуры они дали приказ уйти в глубокое подполье и тщательно замаскироваться. Западногерманские реваншисты, поняв бесперспективность ориентации на рабочую массу, переносят центр тяжести своей подрывной работы в сельские районы. Здесь они начинают подстрекать крестьян к саботажу снабжения городского населения, чтобы получить новый повод для возбуждения недовольства среди рабочих.

Особый упор делается на распространение всяких провокационных слухов. Так, например, в первых числах июля в западногерманской прессе появились сообщения о том, что в столице ГДР якобы ожидаются новые беспорядки и что на берлинских предприятиях уже начались «сидячие» кратковременные забастовки.

23 июня в американском секторе Берлина состоялось сбо-

рище реакционных и фашистских элементов, на котором с поджигательскими реваншистскими речами выступали специально прибывшие в Западный Берлин канцлер Аденауэр, боннский министр Кайзер и бургомистр Западного Берлина Рейтер. Все эти лица открыто призывали к новым авантюрам и провокациям. Они требовали использовать все средства для борьбы с ГДР.

Спустя две недели в Западном Берлине состоялось заседание так называемого «Исследовательского совета» под председательством статс-секретаря министерства «по общегерманским вопросам» Тедика, одного из руководителей путча 17 июня. На этом заседании обсуждались причины провала фашистского путча и разрабатывались планы проведения нового «дня икс».

На другой день в Западный Берлин прибыл американский верховный комиссар в Германии Конэнт, и вслед за тем там состоялось совещание руководителей различных «восточных бюро», занимающихся подрывной деятельностью против Германской Демократической Республики.

В эти же дни из Бонна в США выехал Бланк, тогдашний глава военного ведомства федеральной республики. В связи с этой поездкой западногерманская печать особенно подчеркивала значение предстоящей встречи Бланка с главой американской разведки Алленом Даллесом. Все это были звенья нового заговора против Германской Демократической Республики.

Наряду со всеми этими мероприятиями была предпринята попытка спасти от привлечения к судебной ответственности разоблаченных и арестованных в ГДР иностранных агентов. Так, уличенный в антигосударственной деятельности бывший министр юстиции ГДР Фехнер использовал свое положение, чтобы защитить фашистских провокаторов от заслуженного наказания. По указанию Фехнера целый ряд активных организаторов вражеских действий в день 17 июня был освобожден. Фехнер ориентировал судебные органы ГДР на оправдание всех без исключения американских агентов и зачинщиков провокации.

Но действия врагов мира, стремившихся вызвать в ГДР новые волнения, всем этим не были исчерпаны.

10 июля 1953 года посольство США в Москве в письме на имя министра иностранных дел СССР сообщило о том, что президент США Эйзенхауэр «будто бы озабочен продовольственным положением в восточной части Германии» и что правительство США ассигновало 15 миллионов долларов для посылки и распределения некоторых продовольственных товаров среди населения ГДР.

Разоблачив подлинную суть этого решения правительства США, министр иностранных дел СССР в ответном письме констатировал: «Из всего этого следует, что в данном случае правительство США показало не какую-то озабоченность относительно продовольственного снабжения немецкого населения, а решило прибегнуть к пропагандистскому маневру, не имеющему ничего общего с заботой о действительных интересах немецкого населения».

В конце августа 1953 года организаторы политических диверсий против ГДР начали второй тур своей провокационной кампании, проводимой под фальшивым прикрытием так называемой «государственной помощи» немцам, живущим в ГДР. Подготовка к этому велась в течение двух недель, в это время западноберлинские реакционные газеты помещали крикливые анонсы о предстоящей «второй акции по оказанию помощи». Одновременно западноберлинские шпионские организации развили бешеную деятельность, значительно увеличили свой наличный состав, старались учесть прошлые ошибки.

После пропагандистской подготовки в прессе намечалось заманить некоторое число жителей ГДР в Западный Берлин, с тем чтобы там инсценировать «выступления» против правительства ГДР и в случае удачи перейти на территорию Восточного Берлина. Заблаговременно были подготовлены транспаранты с провокационными лозунгами, направленными против правительства ГДР. Это были те же самые лозунги, с которыми демонстрировали путчисты в Берлине 17 июня. Днем нового выступления было назначено 27 августа.

Но, как и надо было предполагать, новая авантюра врагов мира и единства Германии полностью провалилась. Трудящиеся ГДР не поддались на эту провокацию, и кучи заготовленных транспарантов остались лежать нетронутыми. Мало того, провокация обернулась против самих ее организаторов. Во второй половине 27 августа в Западном Берлине в четырех районах вспыхнули волнения среди безработных и пенсионеров. На улицах перед биржами труда и перед пунктами выдачи американских продовольственных пакетов возникли многолюдные демонстрации. В районе Веддинг число демонстрантов достигло 6 тысяч, в районе Нейкельн — свыше 3 тысяч. Безработные требовали прекратить провокации против ГДР и немедленно принять меры для обеспечения безработных и пенсионеров. Демонстранты провозглашали: «Долой боннский и парижский военные договоры!».

26 августа в Западном Берлине состоялась конференция безработных. Ее участники в своей резолюции потребовали немедленно прекратить американские провокации в Берлине, раздать пайки западноберлинским безработным и пенсионе-

рам, выдать безработным единовременное пособие и повысить текущее пособие по безработице на 25 процентов.

Таков был финал новой провокации, задуманной и подготовленной теми же агрессивными кругами, которые организовали путч 17 июня.

Много раз мировая общественность была свидетелем того, что как только американские организаторы диверсий и провокаций терпят очередной провал, так пропагандистская машина США и ее западноевропейские подголоски поднимают невероятную шумиху, начинают особенно изошряться в нападениях и клевете на страны социализма. Причина такого исступления ясна. Все это делается с целью замести следы тех, кто вдохновляет и организует провокации и диверсии.

Трудно определить, чего в этом маневре больше: наглости, которая свойственна всем авантюристам, или глупости.

Точно так получилось и на этот раз. Став перед фактом скандального провала берлинской провокации, реакционная печать США, Англии, Западной Германии начала кампанию, направленную на то, чтобы извратить подлинный смысл событий, которые произошли 17 июня в Берлине. Стремясь помешать массам разобраться в происшедшем и скрыть провокаторскую роль агрессивных кругов США и Западной Германии, эти органы печати договорились до того, что фашистские бесчинства на улицах столицы ГДР будто бы разыгрались... «сами собой».

Факты неопровержимо свидетельствуют о том, что июньская провокация в Берлине была тщательно подготовлена реакционными кругами западных держав и их западногерманскими пособниками. Показания арестованных погромщиков, в один голос подтверждающих, что они действовали по заранее разработанному плану, начисто срывают маску с иностранных и боннских организаторов июньского путча, пытающихся доказывать свою «непричастность» к нему.

Однако лживая версия событий в Берлине, распространявшаяся реакционной прессой, была опровергнута даже некоторыми авторитетными буржуазными органами.

«В данном случае,— к примеру, писал английский журнал «Экономист»,— мы, конечно, имеем своего рода кульминационный пункт, достижению которого в течение многих лет содействовала пропаганда Би-Би-Си, «Голоса Америки» и «Радио свободной Европы». Другой английский журнал, «Ньюстейтсмен энд нейшн», высказался еще более откровенно: «Утверждения западных держав, что бунты носили стихийный характер, следует рассматривать в свете того, что, как всем известно, миллионы долларов были израсходованы на аген-

тов и радиопропаганду, рассчитанную на то, чтобы произвести именно такой эффект».

Такого рода признания появились и в Соединенных Штатах. По сообщению агентства Юнайтед Пресс от 18 июня, некоторые члены конгресса США «были склонны приписать» беспорядки в Берлине «пропагандистским усилиям США и скрытому использованию секретных правительственных фондов».

Июньский путч в столице ГДР нельзя рассматривать изолированно. Берлинской авантюре сопутствовала волна провокационных сообщений о вымышленных беспорядках в других странах народной демократии, усиленно распространявшихся реакционной прессой западных стран. В Вашингтоне, Лондоне, Париже и Бонне старались вовсю, чтобы выдать желаемое за действительность. Однако все пропагандистские и иные усилия империалистической реакции были тщетны: во всех странах лагеря социализма было полное спокойствие.

Провал берлинской провокации явился крупнейшей победой демократических сил немецкого народа, всех народов лагеря мира и демократии, это был сильнейший удар по империалистической реакции.

В ПЛЕНУ ПОСЛЕДНЕЙ ИЛЛЮЗИИ

„ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ“

Поздняя осень. Дымившийся легким туманом вечер окрашивал пейзаж в серые тона пастели. Шикарные лимузины проносились один за другим с небольшими перерывами по чуть заснеженному асфальту гладкого и прямого шоссе. На шестидесятой миле от столицы они сворачивали вправо на дорогу, которая приводила их к нарядной двухэтажной вилле, скрытой за высокой из красного кирпича оградой. Чтобы попасть к ней, надо было проехать по обсаженной пальмами аллее, в самом начале которой стояли массивные чугунного литья ворота. Они автоматически веерообразно раскрывались каждый раз, как вечернюю тишь разрывал резкий далеко слышимый звук сирены.

...По полированной поверхности черно-бурого эбена, покрывавшего стены библиотеки, плясали багрово-золотистые блики... Их отражали кипарисовые поленья, ярко пылавшие в камине, тоже облицованном черным деревом и выложенном внутри розовым мрамором. Книг на полках было ровно столько, чтобы оправдать название комнаты. Пол ее был застлан прекрасным ардебильским ковром. Тяжелые шторы плотно закрывали два высоких окна, выходивших в сад. В просвете между ними висела копия замечательного образца фресковой живописи — «Поцелуй Иуды», исполненного великим Джотто в начале XIV века.

В углу, опершись рукой на перекладину библиотечной полки, стоял высокий старик в узеньких полосатых брючках, с каменным выражением лица и ртом, напоминающим копылку. Когда он поворачивал голову, отблеск горящих головешек освещал его розовый затылок, покрытый белым старческим пухом. Смотря на пол, под ноги собравшимся джентльменам, которых было немногим больше десятка, он почти беззвучно шевелил губами, что заставляло присутствовавших быть осо-

бенно внимательными. Говорил он с небольшими паузами, не пользуясь заранее подготовленным текстом.

— ...И, по моему мнению, Германия в первую мировую войну вовсе не была разбита оружием противника, катастрофа произошла позади фронта, в тылу, где чуждые и радикально настроенные элементы легко поддались соблазнительным приманкам большевистской пропаганды... Еще вчера нации вели войну только на суше, на море и в воздухе... Сейчас настало время кардинальной перестройки форм, способов и методов борьбы, настало время начать наступление на широком фронте «четвертого измерения», на фронте идеологической войны...

...Идеологическая война — это использование способности современного мира рассуждать. Гораздо более может быть выиграно обольщением и обманом, чем принуждением. Пишущий мир, читающий мир, ученый мир — все они живут рассуждениями... Общественный разум — это что-то вроде сосуда с водой, в который фразы и мысли вливаются, как кислоты, причем заранее известно, какая должна произойти реакция... Мысли, умело внедренные в сознание людей, — это пули, разящие насмерть... Мы сейчас располагаем всем для начала большой битвы за умы в странах за железным занавесом...

...Уже несколько лет существует созданное нами ведомство идеологической войны, но надо признать, что до сих пор оно далеко не использовало всех своих возможностей. Этому, правда, в известной степени мешала несогласованность и параллелизм в работе органов, ведущих идеологическую войну. Невозможно составить себе правильное представление о той политике, которая нужна в ее области, когда нет постоянного механизма, который управлял бы всеми ее видами...

...Раз ведение идеологической войны по своей природе не может быть сосредоточено в одних руках, то единство работы должно быть достигнуто скорее путем ее координации, чем предоставлением кому-либо исключительных полномочий... Поэтому мы и создали Управление координации операций. Оно должно регулировать все процессы по изготовлению того медленно действующего яда, который наши искусные агенты должны впрыскивать в вены народов поработенных большевиками стран...

Говоривший смолк и впервые обвел взглядом своих холодных, мутных глаз присутствовавших. Все молчали.

— ...В ведущейся нами идеологической войне, продолжал он, отныне главным должен стать принцип: никаких следов, или, как гласит русская пословица, не пойман — не вор! Надо научиться действовать исключительно с помощью чужих рук — это вторая заповедь... Успешность идеологической вой-

ны зависит от умелого применения средств, которыми мы располагаем, при любых условиях, к которым мы обязаны быстро приспособляться... Надо научиться молниеносно видоизменять характер нашей деятельности, менять течение внушаемых мыслей и заменять один способ распространения этих мыслей другим и все время считаться с определенными объективными фактами международной жизни и с общим настроением масс... В этом и состоит искусство влияния на массы в несвободной зоне мира...

...Успех в идеологической войне зависит также от умения нащупать у противника наиболее уязвимые места... Наступление должно вестись на все группы населения... В каждом отдельном случае должны ставиться совершенно конкретные тактические цели, с тем чтобы добиться возникновения специфических интересов в отдельных группах населения...

...Надо научиться нащупывать, какая из групп может стать наиболее восприимчивой к нашей пропаганде, которая должна проникать как в самый примитивный, так и в самый тонкий ум... Однако главная ставка должна делаться на малокультурные слои населения, с тем чтобы высвободить талящиеся в них, но до поры сдерживаемые импульсы. Надо добиться эффекта такой силы, чтобы привести к революционному выступлению против коммунистов... Только активное выступление этих элементов может привести нас к победе.

...Но чтобы разжечь в массах стремления к решительным действиям, толкнуть их на путь борьбы с большевиками, надо максимально расширять наши контакты с полезными людьми в среде интеллигенции, особенно с писателями, журналистами, поэтами, артистами, драматургами, — одним словом, со всеми, кто в письменной или устной форме может оказать влияние на общественное мнение... Именно эти люди должны помочь нам разоблачать коммунизм в самом его лагере...

...Их перья должны рассказывать о равнодушии коммунистических лидеров к интересам населения, о царящем там бюрократизме... Помните, равнодушие и бюрократизм — наши мощные союзники, надо всяческими путями способствовать, где только возможно, их возникновению и распространению... Надо приблизиться к совести тех людей из среды литераторов, которые смогли бы рассказать обо всем этом...

...Под заслоном лозунга о свободе мнений надо повсюду, и прежде всего в творческих организациях, в коммунистических партиях, добиться легализации различных течений, групп, группочек и всячески инспирировать индивидуальные выступления, критикующие и разоблачающие большевистскую тиранию... Не важно, что всего этого в действительности

нет, надо создавать в своем воображении то, чего нет, и подавать это как существующее...

...Особое внимание надо уделить молодежи в странах за железным занавесом, работая и с ней также индивидуально, используя все средства культуры свободного мира, надо добиться активного включения ее в антикоммунистическую борьбу...

...Красной линией в нашей идеологической стратегии должно стать возбуждение ненависти к русским,— лицо оратора порозовело, и от волнения стало подергиваться веко на его правом глазу. — ...Она должна непрерывно подогреваться во все нарастающих темпах и масштабах. Изображайте русских как единственное препятствие к достижению народами России лелеемых ими идеалов и мечтаний, к достижению свободной и обеспеченной, такой же как в свободном мире, жизни...

...В этой связи я хочу обратить внимание на то, что мы мало уделяем внимания тому виду воздействия на умы, которое часто называется «пропагандой факта»... Следует всегда помнить, что умело обработанная полуправда, в особенности чрезмерно преувеличенная, вводит даже в большее заблуждение, чем ложь...

...Решающим звеном в деле реализации всех этих задач являются «проводники», как массовые, так и индивидуальные, при помощи которых наши внушения смогут проникнуть в сознание намеченных объектов... Поэтому следует принять особые меры по тщательному засекречиванию всех упомянутых мероприятий и сохранению в строгой тайне всех каналов связи и людей, осуществляющих ее...

...В целом это будут крупнейшие психологические операции, которые мы будем осуществлять в различных вариантах, применительно к каждой стране... События, происшедшие летом этого года, а точнее, начиная со смерти Сталина, разоблачение Берия и провал путча в Берлине 17 июня, вынуждают нас кардинально пересмотреть все наши планы и reорганизовать нашу систему идеологической стратегии... Я не сомневаюсь в том, что умелая комбинация всех упомянутых способов и средств даст нам в ближайшем будущем тот эффект, которого мы все желаем... С помощью господ бога мы успешно решим все стоящие перед нами задачи.

Говоривший умолк и, сделав поклон в сторону сидевшего в углу коренастого джентльмена с огненно-красным лицом, в сером спортивном костюме, устало опустился в кресло.

В библиотеке воцарилось молчание.

В ней было просторно и уютно. На маленьких удобных столиках стояли пепельницы и бокалы с разноцветными напитками. Сизый сигарный дым, вившийся кольцами, распростра-

нял благоухание. Свет затененных ламп был успокаивающим. Все, что есть лучшего из материальных благ, принадлежало десятку этих людей, хорошо одетых, откормленных и непринужденно устроившихся в глубоких кожаных креслах.

Казалось, ни у одного из них, посевших в боях политиков и дельцов, чей мозг — сложный лабиринт интриг и ловушек, уготованных даже для друзей и союзников, не было ни малейших оснований для беспокойства. И, однако, в самом наступившем молчании, несмотря на холодно-безразличные маски сидевших, почувствовалась тревога: как будто каждый из них вот только что обнаружил, что этот уютный дом построен на песке и вот-вот сползет в море, рокот которого глухо донёсился издали... Встреча эта, окутанная тайной круговой поруки, происходила осенью 1953 года.

ПОДГОТОВКА К „ПРЫЖКУ ПАНТЕРЫ“

Осень 1956 года войдет в историю Венгрии как одна из самых ее трагических страниц. Правда, и в предшествующие двенадцать лет путь венгерского народа отнюдь не был усыпан розами. В первые послевоенные годы ему пришлось узнать, что такое инфляция, испытывать нехватку продуктов питания и всякие другие затруднения. Но могло ли быть иначе в стране, разоренной за годы войны и подчистую ограбленной гитлеровскими молодчиками? Когда же война окончилась, венгерский народ приступил к построению новой, народно-демократической Венгрии, а известно, что все новое в жизни народов, в истории классов подобно человеческим родам. И это новое в жизни венгерского народа рождалось в обстановке огромного напряжения всех его физических и духовных сил.

Строительство новой Венгрии, что являлось неизбежным, было связано и с известными материальными лишениями, и с различными ошибками, подчас серьезными. И, однако, при всем этом венгерский народ был охвачен величайшим энтузиазмом, он переживал пафос и радость созидания новой жизни.

Главной причиной всех трудностей было то, что народу — творцу нового противостояли силы международного империализма, не желающего сдавать без боя свои позиции ни в одной стране и всеми силами поддерживавшего внутреннюю венгерскую реакцию. Эта борьба стала еще более ожесточенной и изощренной с тех пор, как агрессивные силы почувствовали, что многие из средств их тайного арсенала (и притом, как они считали, самые надежные) день за днём обезвреживаются и выходят из строя.

Особое озлобление международной реакции вызывало то обстоятельство, что венгерский народ отныне не был одинок — он стал равноправным членом великой семьи народов, борющихся за мир, за социализм. Империалистов бесило то, что Венгрия приобрела в лице могущественного Советского Союза бескорыстного друга и защитника, оказывавшего ей систематическую поддержку и разностороннюю помощь.

И вот в то время, как венгерский народ весь отдался мирному труду, зарубежные и внутренние силы реакции в тесном взаимодействии, исподволь, день за днем плели паутину нового антинародного заговора. Постепенно его сети все туже опутывали эту небольшую страну, враги все глубже проникали во все ее поры.

В декабре 1956 года ЦК ВСРП определил причины, вызвавшие контрреволюционный путч.

Это, во-первых, догматический и сектантский курс в политике Ракоши и его клики, что, особенно после 1949 года, создало благоприятную обстановку для деятельности предателей и классовых врагов.

Во-вторых, ревизионистская измена Имре Надя и его сообщников.

В-третьих, подрывная деятельность внутри страны венгерских буржуазных контрреволюционных сил.

В-четвертых, преступные подрывные действия международного империализма.

«...Если бы в Венгрии, — указывал товарищ Янош Кадар, — не было культа личности, если бы Ракоши и его клика своей догматической, сектантской политикой и произволом не подорвали силу нашей партии, ее связей с массами, не ослабили наш строй, то Имре Надь и его предательская ревизионистская группа, контрреволюционные венгерские буржуазные круги и международный империализм в отдельности или сообща, даже вылезая из кожи вон, не могли бы вызвать контрреволюционный мятеж в нашей стране».

23 октября 1956 года эти силы пустили на полный ход механизм заговора: старинный красивый Будапешт огласился залпами автоматных очередей и ревом озверелых бандитов, его чудесные улицы обгарились кровью патриотов, на площадях запылали зловещие костры из книг... Далеко не все раны, нанесенные человечеству второй мировой войной, были залечены, а фашизм уже снова встал на ноги, сея смерть, хаос, пожарища.

Говоря о том, что предшествовало событиям 23 октября, надо прежде всего коснуться роли венгерской контрреволюционной эмиграции.

Вскоре после окончания второй мировой войны бежавшие в Западную Германию, преимущественно в Баварию, хортистско-фашистские элементы объединились и создали многочисленные и широко разветвленные эмигрантские контрреволюционные организации. Многие из них, маскировки ради, приняли такие патриотические названия, как «Содружество венгерских борцов», «Движение за свободу Венгрии» и т. п.

В американской оккупационной зоне Германии нашли прибежище многие венгерские военные преступники — бывший салашистский начальник генерального штаба Генрих Верт, фашистские генералы Хеслени, Вайта, Маршалка и др.

Под руководством фашистского генерала Кишбарнаки Фаркаша и бывшего начальника контрразведки Салаши генерал-майора Зако венгерские «беженцы», которых разместили в лагерях около городов Нюрнберг и Фюрт, были снова организованы в военные контингенты. В английскую зону оккупации Германии и Венгрии была выведена даже целая венгерская дивизия «Сент-Ласло» под командованием генерала Сюдьи.

Все эти воинские части в последующие годы тщательно сохранялись и подготавливались к будущим действиям. О том, к чему они готовились, можно судить по следующей публикации. В мае 1950 года на страницах реваншистского журнала «Доро́гой войск», органа фашистской военной организации «Содружество венгерских борцов», говорилось следующее:

«1. Только вооруженное насилие может открыть путь к возвращению лишенных отечества венгров на родину.

2. Для этого собственные силы венгров недостаточны, и можно рассчитывать лишь на вооруженные силы Соединенных Штатов Америки.

3. Мы вправе надеяться на то, что при ожидаемом развитии международных событий военная сила США откроет путь к нашему возвращению на родину».

Для руководства всеми зарубежными венгерскими военными формированиями был образован с местопребыванием в Мюнхене высший военный орган венгерских эмигрантских организаций — «Венгерский совет обороны в изгнании» (известный также еще под названием «Совет пяти венгерских генералов»).

На территории американской зоны оккупации Австрии, в Зальцбурге, также возник крупный центр венгерской контрреволюционной эмиграции — так называемая «Венгерская канцелярия».

Третьим местом, где были сгруппированы силы венгерской зарубежной реакции, стали сами Соединенные Штаты Амери-

ки. Здесь нашли широкое «гостеприимство», так сказать, ее «парламентские сливки» — бежавшие из страны бывшие члены Национального собрания, участники всяких заговоров, подпольных организаций и видные деятели разных антинародных партий. В США, в частности, обосновались бывший премьер Венгрии Надь Ференц и Бела Варга, занимавший в 1946—1947 годах пост председателя Национального собрания Венгрии. Они оба были видными участниками антиреспубликанского заговора и, боясь привлечения к ответственности, в 1947 году бежали в США.

Ференц Надь, Бела Варга и их ближайшие сообщники встали во главе различных венгерских реакционных организаций, созданных по американской инициативе, таких как «Союз американских венгров», «Национальный комитет венгров в США» и др.

В свое время в США нашел также прибежище один из ближайших сподвижников Хорти Тибор Экхардт. Именно он был первым лидером возникшей в 1928 году партии мелких сельских хозяев. Играя в «оппозицию», Экхардт и другие хортисты из верхушки этой партии стремились таким путем вовлечь в ее ряды крестьянские массы. Находясь в США, Тибор Экхардт стал руководителем военного отдела «Национального комитета венгров в США».

В начале пятидесятых годов все венгерские эмигрантские контрреволюционные организации как в США, так и в Западной Европе были включены в сферу влияния и руководства со стороны созданного американской реакцией «Комитета борьбы за свободную Европу».

Одновременно с этими организационными мероприятиями по сплочению сил венгерской белой эмиграции государственные органы США приступили к созданию отдельных венгерских фашистских формирований в составе армии США. В качестве кадров для этих формирований использовались военные преступники, бывшие члены фашистской организации «Скрещенные стрелы» и прочие реакционные элементы, бежавшие из Венгрии.

Официальные круги США открыто выражают свои симпатии венгерским фашистам. В письме к участникам конференции «Союза американских венгров» бывший президент США Эйзенхауэр говорил о том, что «страдающий под коммунистическим игом венгерский народ в конце концов будет освобожден». 13 октября 1951 года, выступая перед делегацией той же самой венгерской фашистской организации, Эйзенхауэр заявил, что Соединенные Штаты предпримут все для осуществления в Венгрии «такой же свободы, как та, которой мы пользуемся здесь, в Америке».

За несколько месяцев перед контрреволюционным путчем в Венгрии руководящие круги США громогласно продемонстрировали свое стремление к вмешательству во внутренние дела социалистических стран. 16 апреля 1956 года палата представителей США приняла провокационную резолюцию, которая открыто призывала к так называемому «освобождению» этих стран.

В течение ряда лет население Венгрии непрерывно подвергалось интенсивной «психологической обработке». В Мюнхене было создано особое бюро пропаганды, в котором в огромных количествах изготовлялись пропагандистские материалы, перебрасывавшиеся затем в Венгрию. Для составления брошюр, листовок и «воззваний» к народу был создан специальный «штаб пропаганды» под руководством хортистского офицера Шандора Кароля. В распоряжение этого штаба так называемый «Комитет борьбы за свободную Европу» представил две типографии.

С 4 августа 1950 года пресловутое мюнхенское радио «Свободная Европа» начало свои подстрекательские передачи на Венгрию. Со следующего года радиопропаганда, направленная против демократического строя народной Венгрии, стала еще более активной — были начаты новые передачи под названием «Голос свободной Венгрии».

Но главные свои усилия международная реакция направляет на накопление вооруженных сил для вторжения в Венгрию.

В докладе бывшего генерал-полковника хортистской армии Гуго Сони, сделанном им на одном из секретных совещаний, говорилось, что к моменту мятежа на территории Западной Германии были заблаговременно подготовлены, обучены и сформированы специальные отряды «венгерских патриотов» общей численностью в одиннадцать тысяч человек, которые, как он заявил, могут быть в любую минуту использованы для выполнения боевого задания.

В связи с этим докладом генерала Сони участники совещания через постоянного представителя «Союза венгерских борцов» в Бонне генерала Эмиля Юсти выразили правительству Федеративной Республики Германии благодарность за помощь, которую оно оказало венгерским эмигрантским организациям в подготовке мятежа.

Самое активное участие во всех тайных перипетиях подготовки к мятежу принимал специальный представитель американской разведки майор Э. Джексон. Сообщив руководителям контрреволюционной венгерской эмиграции в ФРГ о пожеланиях в связи с предстоящими операциями высших американских инстанций, он заверил их, что необходимая ма-

териальная помощь, включая грузовики и самолеты для доставки в Венгрию людей и оружия, будет немедленно предоставлена, как только возникнет соответствующая этим целям ситуация.

Вскоре после этого Ференц Надь выехал из Мюнхена в Австрию для проверки боевой готовности сформированных на австрийской территории, в Зальцбурге, Граце и Линце, отрядов мятежников, а капитан Экхардт с такой же целью посетил Францию.

Чтобы судить, насколько тщательной была подготовка к контрреволюционному мятежу, ознакомимся с одним весьма примечательным документом. Мы говорим о так называемой «Памятке для венгерского патриота», заблаговременно отпечатанной в мюнхенских типографиях и розданной всем участникам отрядов интервентов. В памятке содержались подробные инструкции, которыми путчист должен был руководствоваться с первого момента вступления на венгерскую территорию.

Памятка призывала к тому, чтобы в борьбе против коммунистов, руководителей учреждений, предприятий и других представителей органов власти и демократических организаций народной Венгрии мятежники не жалели патронов и безжалостно уничтожали всех венгерских патриотов. В памятке самым исчерпывающим образом давались указания о том, как следует провоцировать беспорядки, погромы и превращать мирные демонстрации в кровавые побоища.

ТОЛЬКО ФАКТЫ: ВОТ ОНА ПОДЛИННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Важнейшей частью «стратегического плана» заговорщического центра была переброска на территорию Венгрии интервенционистских частей из Западной Германии и Австрии. К 20 октября 1956 года в Мюнхене и на близлежащих аэродромах были сосредоточены боевые группы венгерских фашистов, прибывшие из Регенсбурга, Штутгарта и других западногерманских городов. Все эти хортистские последыши открыто говорили мюнхенским жителям, что они на днях вернутся в Венгрию как «хозяева страны».

Западные державы, стремясь как можно быстрее и эффективнее оказать помощь внутренним силам венгерской реакции, поднявшим мятеж, стали бесцеремонно использовать для этой цели территорию центральной Австрии. Истины ради надо отметить, что австрийская реакция не только этому не

препятствовала, но, напротив, всячески содействовала этим мероприятиям западных держав.

Это содействие прежде всего выразилось в том, что австрийские органы власти открыли границу с Венгрией для венгерских путчистов в первые же дни мятежа. Австрийская газета «Эстеррейхше фольксштимме» 30 октября сообщила, что в определенных пунктах австро-венгерской границы созданы настоящие штаб-квартиры контрреволюционных элементов. Через эти пункты в Венгрию было переправлено большое число венгерских фашистов не только из Австрии, но также из Западной Германии. Все это, подчеркивала газета, «происходит на глазах правительства и его органов».

Пограничный ресторан в местечке Никольсдорфе, по сообщению корреспондента той же газеты, «похож на перевалочный пункт, куда прибывают люди из Западной Германии, говорящие по-венгерски и одетые в американскую военную форму. Их паспорта изготовлены в Западной Германии, у каждого из них походное снаряжение».

Это подтверждали и сами венгерские фашисты. Один из захваченных контрреволюционеров, некий Янош Дернан, переправленный 29 октября через границу, заявил, что он видел, как большое число автомашин и самолетов со знаком Красного Креста доставляли в Венгрию многих бывших офицеров хортистской армии.

Пользуясь «краснокрестовской» вывеской, в дни мятежа пытался пробраться в Будапешт главный редактор венской газеты «Ди прессе» Фриц Мольден, зять шефа американской разведки Аллена Даллеса. Он был задержан на границе при осмотре следовавшей из Бонна машины с медикаментами.

Наряду с переброской людей в Венгрию огромным потоком текли оружие и боеприпасы. Они доставлялись машинами, сбрасывались с американских самолетов. Среди отобранного венгерскими властями у мятежников оружия было много пулеметов, автоматов, пистолетов, патронов с клеймами американских, английских и западногерманских военных заводов. Для доставки оружия широчайшим образом использовалась марка Красного Креста. Гамбургская газета «Ди вельт» сообщала, что только в одной из автомашин, перевозившей медикаменты и продовольствие из Западной Германии в Будапешт, было обнаружено 200 жестяных коробок с ручными гранатами. Под видом продовольствия оружие привозилось в Будапешт, и не куда-нибудь на окраины, а в самый центр. По словам очевидцев, только в течение одного дня, 25 октября, в Будапешт прибыло значительное число автомашин с оружием и боеприпасами под флагом Красного Креста.

Чтобы ускорить доставку в Венгрию пополнений для банд мятежников и оружия, западные державы организовали между Веной и Будапештом «воздушный мост». Официально это мероприятие, конечно, также маскировалось «благотворительными» целями, то есть доставкой якобы пожертвований Международного Красного Креста венгерскому населению.

1 ноября газета «Эстеррейхше фольксштимме» писала: «Почти непрерывно с австрийских аэродромов в Будапешт отправляются самолеты. Вновь и вновь жители Вены слышат шум моторов в ночном небе. Речь идет не столько о медикаментах, как это стараются показать официальные сообщения, с помощью такого количества самолетов можно было бы снабдить медикаментами целые континенты. Наблюдатели могли убедиться в том, что в Венгрию переправляются сотни венгерских военных с Запада, бывшие офицеры армии Хорти, венгерских офицеров и солдат, служивших в гитлеровской армии».

Вся международная реакция спешила на помощь венгерским фашистам. Даже официальные деятели нейтральной Австрии открыто включились в кампанию содействия венгерским фашистам. 30 октября на заседании австрийского правительства министр внутренних дел Гельмер доложил о предпринятых мерах по обеспечению продвижения «венгерского транспорта с медикаментами и посылками для Венгрии». Он сообщил, что дороги от Цурндорфа до Никольсдорфа закрыты и проезд по ним разрешен только лицам, выполняющим особые поручения; и тем, кто имеет визу на въезд в Венгрию. Такие же мероприятия были осуществлены также в районах пограничных пунктов Клингенбах, Раттерсдорф и Хайлигенкрейц.

Когда все виды контроля на австро-венгерской границе были отменены, венгерские фашисты, получившие военную подготовку в Западной Германии, потоком устремились на венгерскую территорию. На территорию Венгрии через Австрию были доставлены отряды венгерских эмигрантов, которые в прошлом входили в состав хортистской дивизии «Сент-Ласло». Хортисты были одеты в форму венгерской армии, но вооружены американским оружием. Эти отряды были присоединены к венгерским мятежникам в городах Дьер и Мишкольц.

Для участия в мятеже империалистическая реакция мобилизовала все резервы венгерской эмиграции. В западной печати опубликовано немало материалов, характеризующих, как осуществлялась вербовка, подготовка и отправка этих людей в Венгрию. К примеру, венгры, бывшие военнослужащие гитлеровской дивизии СС «Принц Евгений», проживающие в Западной Германии, получили приглашение собраться 28 октября в одном из ресторанов города Кельна. Там перед ними выступили бывшие хортистские офицеры, призывавшие их

немедленно оказать активную помощь венгерским контрреволюционерам.

Вслед за встречей в кельнском ресторане многие участники ее обратились к администрации своих предприятий с просьбой предоставить им отпуск «на неопределенный срок». Их просьба была немедленно удовлетворена. Как выяснилось впоследствии, руководителям западногерманских предприятий на этот счет в свое время были даны специальные указания.

Из всех западноевропейских стран, где проживали венгерские эмигранты, реакция организовала их отправку в Венгрию. Французская газета «Паризьен либере» опубликовала статью своего специального корреспондента Андре Каньона из Вены. Автор писал, что он встречался с венграми, принимавшими участие в контрреволюционном восстании. От них он узнал, что из Франции в Венгрию были отправлены 300 бывших legionеров для участия в борьбе на стороне венгерских мятежников.

О том, насколько тщательно координировались действия подрывных центров, дислоцированных в западноевропейских странах, с подпольными организациями в Венгрии, рассказал бывший агент американской разведки Зденек Копта (работавший под номером 66-ТГ в Си-Ай-Си в качестве переводчика). Он сделал чехословацким властям заявление о засылке диверсантов в Венгрию после начала мятежа. 25 октября его вызвал майор Дональдсон, начальник одного из центров Си-Ай-Си, и приказал ему подготовиться для переброски диверсионной группы в Венгрию. Эта группа численностью в пятнадцать человек была посажена в автобус и в сопровождении двух служащих американской разведки и самого Копта выехала 25 октября из Штутгарта в направлении Мюнхена к австрийской границе. Границу автобус миновал без задержек и затем через Линц и Вену направился к пограничному местечку Никольсдорф, где также свободно проехал венгерскую границу. Приблизительно в пятидесяти метрах от границы он остановился. Здесь уже ждали вооруженные мятежники. Американский лейтенант Прайс, ехавший с Коптом, поздоровался с ними и сказал на немецком языке: «Мы привезли вам обещанных людей».

Участие в контрреволюционном выступлении в Венгрии приняли, в частности, бывшие немецкие фашисты, эсэсовцы и гестаповцы, оставшиеся после 1945 года в Венгрии и поддерживавшие тесную связь с некоторыми западногерманскими разведывательными органами.

В этой связи надо сказать еще об одной попытке американской разведки как можно шире разжечь в Венгрии мятеж. 23 ноября будапештское радио сообщило, что во время путча

агентура, обученная американцами в лагере Траутенштейн, находящемся в Баварии, была доставлена небольшими группами на самолетах в Венгрию. В их задачу входило вовлечь в мятеж немецкое меньшинство в стране, численность которого составляет в Венгрии примерно 300 тысяч человек. По сообщению будапештского радио, после провала мятежа большинство из этих агентов вернулось в Траутенштейн.

По сравнению с общей численностью населения в Венгрии, составляющего девять с половиной миллионов человек, число мятежников было весьма незначительным. Но среди них были преимущественно люди, получившие специальную военную подготовку, хорошо вооруженные и руководимые опытным в деле ведения «малой войны» командным составом. Таким образом, налицо была подлинная вооруженная интервенция, организованная западными державами против Венгрии. Если бы не это вооруженное вмешательство Запада, венгерское правительство быстро бы ликвидировало мятеж собственными силами, без помощи советских войск.

О ТОМ, ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ

«У Дома радио сотрудники госбезопасности массами убивают людей», — истошно вопили неизвестные лица, пронесшиеся в машинах и на мотоциклах по будапештским улицам около восьми часов вечера 23 октября 1956 года. Часом позже можно было наблюдать и такую картину: на улицах, прилегающих к зданиям радио, какие-то сомнительные личности, показывая вынутые ими из только что вскрытых пачек боевые патроны, кричали: «Вот такими патронами стреляют полицейские и сотрудники госбезопасности!».

Гнусный вымысел, точно «смазанная молния», по английской поговорке, пронесся по городу. Под влиянием этих панических слухов и «вещественных доказательств» возбужденные будапештцы массами устремлялись к Дому радио, где к десяти часам собралась огромная толпа.

За час до того как на улицах Будапешта открыто началась подстрекательская агитация против органов безопасности и народной полиции, мятежники проломили ворота в Дом радио со стороны улицы Шандора. Бойцы госбезопасности вытеснили толпу за ворота, не применив оружия. Между семью-восемью часами натиск мятежников усилился; они начали наступать на Дом радио со стороны площади Михая Поллака, бросая гранаты со слезоточивым газом, бутылки с бензином, осколки кирпичей. И опять сотрудники безопасности, забрасываемые камнями, оттеснили толпу.

Все эти действия по защите венгерского Дома радио были совершены без единого выстрела со стороны бойцов госбезопасности, хотя в их рядах уже было много раненых. И только лишь после того, как мятежники пустили в ход огнестрельное оружие, охрана радио получила приказ давать предупредительные выстрелы.

В один из этих дней на парламентской площади в Будапеште состоялась молодежная демонстрация. В это время провокаторы открыли пулеметный огонь по находящимся здесь служащим Советской Армии и мирно стоящим студентам. Не прошло и получаса после этого, как на стенах домов по всему городу были расклеены листовки, в которых говорилось, что «сотрудники госбезопасности» и «русские» стреляли в демонстрантов. Листовки призывали жителей столицы к борьбе «против убийц». Одновременно повсюду появились «очевидцы», «сами видевшие», как это происходило. Быстрота, с какой мятежники организовали распространение этого ложного слуха, и молниеносное появление плакатов (ведь их надо было напечатать!) свидетельствуют о том, что данная операция была продумана и подготовлена заранее.

До событий 23 октября помещение будапештского горкома партии на площади Республики охранялось всего тремя сержантами полиции. В этот день около шести часов вечера к зданию горкома прибыло подразделение войск госбезопасности, насчитывавшее двух офицеров и сорок пять бойцов. Лейтенант Томп, командовавший им, получил задание обеспечить защиту горкома партии. Несмотря на переданное по радио распоряжение о роспуске органов госбезопасности, личный состав отряда принял решение остаться на посту.

30 октября мятежники начали штурм горкома, подвергнув его артиллерийскому обстрелу из трех танков. Огонь велся также из стрелкового оружия с крыш прилегающих зданий. Вскоре бандиты ворвались в помещение горкома, и началась зверская расправа с его защитниками, которые свято выполнили свой воинский долг. Многие бойцы были убиты. Лишь несколькими членам охраны, в том числе и лейтенанту Томпу, удалось спастись с помощью одного рабочего, доставшего им штатскую одежду.

В первый же день мятежа были совершены нападения организованных банд на помещения главного управления полиции и районных полицейских управлений в Будапеште.

Несомненно, что развитие контрреволюционного восстания не приняло бы таких размеров, если бы не предательское решение Имре Надя о ликвидации всей системы обеспечения

внутренней безопасности в стране. Это решение было принято в самый разгар мятежа и под прямым давлением враждебных элементов, все время настаивавших на уничтожении органов госбезопасности и полиции. В тот момент эти органы были единственной в городе опорой народно-демократической власти, единственной вооруженной силой, противостоявшей мятежникам. Приняв решение об их роспуске, «правительство» Имре Надя тем самым развязало руки силам контрреволюции, дало им возможность безнаказанно бесчинствовать, совершать убийства и грабежи.

Проходившие службу в войсках госбезопасности парни в возрасте двадцати—двадцати двух лет были в большинстве случаев сыновьями рабочих и крестьян, призванными в 1955 году. Декрет Имре Надя деморализовал их, но, несмотря на это, многие из них, верные присяге, продолжали вести борьбу с мятежниками, не щадя собственной жизни. Тогда 3 ноября последовало новое предательское распоряжение, исходившее от изменников, захвативших в свои руки министерство внутренних дел. Всему личному составу прежней службы и войск безопасности было предложено «сдаться властям». В противном случае, говорилось в приказе, их безопасность не может быть больше гарантирована.

Эти факты говорят о том, что еще задолго до начала мятежа был разработан обстоятельный план деморализации венгерских органов безопасности, физического истребления их личного состава и полного разгрома этого важнейшего института защиты народной власти.

Перенимая опыт нацистского гестапо, руководители контрреволюционных центров дали специальные указания о том, как организовать охоту за каждым сотрудником органов безопасности. Были сформированы заблаговременно особые отряды, в задачу которых входило выявление местожительства сотрудников безопасности и написание на дверях их квартир условных знаков, которые служили бы указанием для террористов, когда начнется восстание.

Второй организованной акцией (первой было нападение на стратегически важные объекты в Будапеште) мятежников явилась подстрекательская кампания против системы безопасности и полиции. Кампания эта была развернута еще за несколько месяцев до октябрьских событий и велась в глубокой тайне. После же начала мятежа она превратилась в злобную пропаганду, заполненную призывами к убийствам полицейских, сотрудников и бойцов безопасности.

В этой обстановке враждебные элементы без особых усилий вызвали погромные настроения против органов безопасности и полиции. Путем различных провокационных уловок и

распространения панических слухов они подстрекали малосознательных людей к расправам с полицейскими, сотрудниками, солдатами и офицерами госбезопасности. Все, что реакция выдавала за «достоверные сведения» о мнимых противозаконных поступках служащих венгерской полиции, было не чем иным, как диким вымыслом, рассчитанным на обман населения. Таким образом контрреволюционеры надеялись «раз и навсегда» скомпрометировать в глазах трудящихся систему госбезопасности в целом и возложить на нее ответственность за прошлые нарушения социалистической законности и другие ошибки, совершенные отдельными из ее служащих.

О том, как возникли ошибки в деятельности системы безопасности в прошлые годы и кто был их подлинным вдохновителем, надо говорить особо, но ясно одно: подавляющее большинство личного состава полицейской службы были честнейшими людьми и преданнейшими патриотами. Безусловно и то, что, даже если бы полицейские органы Венгрии не совершили никаких ошибок, реакция все равно бы яростно ненавидела их и сделала бы все для того, чтобы подорвать доверие масс к ним и уничтожить их в октябре 1956 года.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ СО СМЕРТЬЮ

Днем 31 октября 1956 года по проспекту Ленина в Будапеште шел мужчина, одетый в брюки цвета хаки и свитер спортивного общества «Дожа». Вдруг раздался чей-то крик: «Вот идет работник госбезопасности». И тотчас какие-то личности, как будто только и ожидавшие этого выкрика, прозвучавшего для них как сигнал, с яростью набросились на мужчину и начали истязать его. Кто-то накинул ему на шею петлю из проволоки, и он был тут же повешен на дереве. На грудь убитого прикрепили табличку с надписью: «Капитан органов безопасности Тот. Такая судьба постигнет каждого работника госбезопасности».

Уже в течение недели бушевал белый террор. В Будапеште и в других городах Венгрии мятежники расклеили тысячи плакатов, в самых различных формах призывавших к расправе над работниками госбезопасности. Вот образчик одной из листовок: «Вы знаете тех, кто живет рядом. Сегодня же пометьте двери их; кассиры, кондуктора, не обслуживайте людей из АВО! Соратники венгры, не ездите с людьми АВО в одном автобусе или в одном трамвае! Заставьте сойти их, не допускайте, чтобы им что-либо продавали в магазинах. Старайтесь любым способом раздобыть фотографии людей из АВО. Опо-

знавайте их, если они переоденутся в штатское платье или если им удастся устроиться на работу».

В эти дни на улицах Будапешта и в провинции валялись трупы схваченных и убитых самыми изощренными способами работников госбезопасности и полицейских. Достаточно было сделать малейший намек в отношении кого-нибудь, что он «тоже сотрудник АВО», как его тут же забирали, подвергали пыткам или убивали. Некоторых убивали только за то, что они были обуты в желтые ботинки, которые, по мнению фашистов, якобы выдавались сотрудникам АВО.

Как мы уже говорили, были созданы специальные отряды, занимавшиеся поисками и вылавливанием полицейских и работников госбезопасности. Одним из таких отрядов командовал некий Янош Сабо, в прошлом судившийся за шпионаж и переход границы. Фашистским бандитом Дудашем он был произведен в «подполковники».

Не меньшую известность в этой области приобрела и так называемая группа «дяди Фери». Этот «дядя Фери», настоящее имя которого Ференц Палхази, был старым хортистским офицером. В его группу входили также три «легионера», прибывшие в Венгрию с оружием из Австрии на санитарной машине. Среди мятежников банду «дяди Фери» называли «охотниками за скальпами». 4 ноября вечером они убили прокурора Иштвана Шаркади, старшего лейтенанта Пала Фодора и захваченного советского солдата.

Фашистские специальные отряды комплектовались из уголовных элементов и всякого человеческого отребья. Или вот еще любопытный тип «борца свободы».

Шестнадцатилетний Янош Силади несколько лет находился в приюте для дефективных детей, после начала мятежа он был завербован в один из специальных отрядов. В своем показании он рассказал: «Мы ходили по данным нам адресам и расправлялись с работниками госбезопасности и коммунистами. Однажды мы пришли в один дом неподалеку от гостиницы «Ройял» и поднялись на четвертый этаж. Капитан сказал, что мы идем к работнику госбезопасности. Мы застали его дома с женой и шестилетней дочкой. Сначала капитан избил его, затем оторвал у него уши и ножницами отрезал нос, а потом выпустил в него очередь. В это время жена его пыталась спастись бегством, но один из бандитов выстрелом уложил ее на месте. Расправившись с родителями, мы стали думать, что делать с девочкой и, наконец, пристрелили и ее...». Таким образом, заявил Силади, мы действовали каждый день, выполняя новые задания.

Пятнадцатилетний Чаба Баняи на следствии показал, что ему дали оружие и зачислили в так называемый «кособый от-

ряд», разделенный на группы по десять человек. «Второго и третьего ноября группами по 10 человек мы разместились в захваченных у жителей квартирах. Сюда мы притаскивали и наши жертвы. Мы их умерщвляли с помощью шприцев, наполненных ядом, а затем для видимости стреляли в голову». Девятого ноября, рассказал далее Чаба Баняи, все командиры «особого отряда» сели в машины и «куда-то уехали».

В тюрьмах венгерской столицы и в руках различных вооруженных групп мятежников утром 8 ноября находилось более полутора тысяч сотрудников госбезопасности, полицейских, партийных работников и ответственных государственных служащих. Так, например, в пересыльной тюрьме в Кебанье было около 400 работников АВО и 104 партийных работника; в главном управлении полиции, превращенном в тюрьму, — 107 работников партийного аппарата и несколько сотен сотрудников безопасности. Лишь вмешательство советских войск спасло всем им жизнь.

В дни контрреволюционного мятежа в Венгрии были зверски убиты многие бойцы и офицеры войск, сотрудники аппарата государственной безопасности и служащие народной полиции. Большинство из них — представители рабочего класса и трудового кретьянства. Даже лицом к лицу со смертью они не изменили своему народу, партии, и никакими пытками мятежники не смогли принудить их стать предателями.

30 октября один из полицейских в Мадьяроваре во время перестрелки с фашистами был тяжело ранен. Он не смог идти. Его поднесли к виселице и накинули на шею петлю. С петель на шею он крикнул: «Да здравствует социалистическая Венгрия!», «Да здравствует партия!». Так героически умирали сотни венгерских патриотов. Они пали смертью храбрых во имя величайшей идеи — построения коммунистического общества.

ЗАМЫСЕЛ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ ПРОВАЛИЛСЯ

«От полноты, интенсивности и своевременности мероприятий, принимаемых ВЧК, зависит, быть может, самое бытие Советской республики», — так писал Ф. Э. Дзержинский 29 апреля 1918 года в обращении к Президиуму Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

В течение каких-нибудь десяти дней фашистская контрреволюция ввергла народную Венгрию в бедственное состояние. В этом, как мы уже знаем, и состояла главная цель реакции, рассчитывавшей именно в такой ситуации укрепить свои позиции.

Перед образованным в начале ноября Революционным Рабоче-Крестьянским правительством Венгрии стояло множество важнейших задач, но главной из них в создавшихся условиях было восстановление спокойствия и порядка в стране. Без этого невозможна была нормализация политической и экономической жизни республики. В решении этого вопроса правительство прежде всего опиралось на помощь рабочего класса.

Глава правительства Янош Кадар в своем выступлении перед рабочими будапештских предприятий, опубликованном 14 ноября в газете «Непсабадшаг», заявил следующее: «Лишь только начались выступления контрреволюционных сил, первым нашим требованием было немедленно вооружить рабочих. Мы каждые полчаса торопили руководителей министерства обороны с их вооружением. Но нам постоянно отвечали, что это уже делается. На самом же деле очень мало рабочих получило оружие, потому что там были люди, которые этого не хотели. Как только советские войска вышли из Будапешта, контрреволюция сразу начала организовываться, а рабочий класс не располагал достаточным количеством организованных вооруженных сил».

Приступив к наведению порядка, правительство разработало четкую и оперативную программу действий. Прежде всего началась организация новой системы внутренней безопасности и охраны общественного порядка. С этой целью было образовано министерство вооруженных сил и общественной безопасности и на пост министра был назначен Ференц Мюнних.

...Счет прожитых лет исчислялся уже пятью десятками, когда Ференц Мюнних поехал добровольцем в Испанию сражаться за дело свободы. Здесь он стал политическим комиссаром двенадцатой интернациональной бригады, которой командовал прославленный Матэ Залка. А во время знаменитой битвы на Эбро Мюнних был комбригом одиннадцатой интернациональной. До последнего дня борьбы за Испанскую республику он был на посту. Затем его бросили в лагерь для интернированных во Франции.

Лишь весной 1941 года Мюнниху удалось вырваться из концлагеря, где он пробыл два года в обстановке изощренного морального террора и ужасных физических лишений. В Советском Союзе, куда он приехал из Франции, ему не пришлось отдыхать от пережитого. Вскоре этот солдат революции снова на посту: он активный участник партизанского движения во время Великой Отечественной войны.

С 1945 года Ференц Мюнних возвращается на родину и сразу включается в кипучую работу по строительству народной

Венгрии. Бесстрашный боец становится неутомимым государственным деятелем, выдвигаемым партией на руководящие военные и дипломатические посты. И здесь, как всегда и везде, Мюнних показал себя талантливым организатором.

Ференц Мюнних — стойкий и верный сын партии, получивший суровую закалку еще в годы борьбы за Советскую власть. Попав в Россию в качестве военнопленного, он принял участие в рядах интернациональных отрядов (созданных из военнопленных) в борьбе против Колчака. В 1918 году Мюнних, один из организаторов Венгерской Советской Республики. Таков боевой путь, пройденный Ференцем Мюннихом.

Первым делом явилось восстановление службы народной полиции. Проходившие по улицам венгерской столицы, цокая подкованными сапогами, люди в темно-синих шинелях были для жителей первыми вестниками грядущего спокойствия. Еще в начале ноября будапештская полиция стала организовывать особые отряды для защиты населения от нападений и предприятий от налетов и грабежей. Затем она установила охрану магазинов, складов, общественных зданий, возобновила регулирование уличным движением.

Мероприятия венгерского правительства встретили полную поддержку со стороны трудящихся. В печати было опубликовано письмо работников венгерского оптического завода «МОМ», которые требовали от правительства еще более решительных действий по борьбе с контрреволюцией. Во многих районах само население создавало уличные и домовые отряды по борьбе с бандитизмом. Полиция с помощью жителей начала систематически очищать дома с подвалов до чердаков от преступников.

Особо важной мерой революционного правительства было создание вспомогательной полиции из лучших сил рабочего класса. Многие рабочие получили оружие и стали проходить военную подготовку. Вскоре на улицах Будапешта все чаще стали встречаться гражданские лица, вооруженные автоматами. Это были члены вспомогательной полиции.

Не прошло и недели с момента образования Революционного Рабоче-Крестьянского правительства, как 9 ноября будапештское радио сообщило, что в Венгрии уже созданы новые полицейские силы, обеспечивающие восстановление порядка.

Весьма важным мероприятием правительства в тот период явился закон от 10 ноября, по которому убийство, поджоги и грабежи стали караться смертной казнью.

Таким образом, партия и правительство быстро овладели положением, и столь желанные для населения порядок и безопасность медленно, но ощутимо улучшались с каждым днем. В результате создания вооруженных частей охраны общест-

венного порядка и возобновления деятельности органов суда и прокуратуры в стране сразу значительно сократилось число совершаемых преступлений.

Контрреволюция, однако, не хотела смириться со своим поражением и попыталась сорвать действия революционного правительства. Враждебные элементы, руководимые своими центрами, из всех сил старались посеять в народе панику, подорвать его доверие к властям. Широко примененным в этих целях методом явилось распространение слухов о том, что в стране якобы производятся массовые аресты.

18 ноября венгерское правительство по этому поводу выступило со специальным коммюнике. Оно разъяснило населению, что органы государственной власти будут и впредь карать контрреволюционеров, террористов, подстрекателей против общественного строя, вооруженных бандитов, препятствующих угрозами и террором тому, чтобы трудящиеся приступили к работе.

В интересах возможно быстрее и полного выполнения этой задачи, указывалось в коммюнике, наши власти и военные соединения, следящие за охраной порядка, вынуждены производить аресты. В отношении каждого арестованного лица проводится тщательное следствие, и, если выясняется, что оно не совершило преступлений, опасных для общества, его освобождают из заключения. В другом случае в целях законного разбирательства дела арестованных передают прокуратуре или суду.

В конце ноября венгерское правительство снова указало, что в деле борьбы с контрреволюцией оно не пойдет ни на малейшее ослабление своих усилий. Выступая 26 ноября по радио, товарищ Кадар заявил: «Правительство в целях защиты интересов трудового народа и государственного строя народной республики считает своей первостепенной задачей обезвреживать и предавать суду всех преступников, совершивших злодеяния». «В этом вопросе,— подчеркнул он,— мы не уступим и торговаться не будем, так как это было бы величайшим преступлением против народа и государства».

В дальнейшем венгерское правительство осуществило ряд чрезвычайных мероприятий, приведших к полному разгрому сил контрреволюции и окончательному восстановлению порядка.

Вечером 9 декабря Президиум Венгерской Народной Республики опубликовал указ, по которому с 11 декабря с 18 часов в стране был введен военно-полевой суд. Преданию военно-полевому суду подлежали лица, совершившие убийства, поджоги, грабежи, портящие оборудование предприятий, а также хранящие без разрешения оружие. Последним пред-

лагалось до 18 часов 11 декабря сдать оружие. Те, кто сдал его, к ответственности не привлекались. Военно-полевому суду предавались также те лица, которые, зная о том, что у кого-то хранится оружие, до 11 декабря не заявили об этом официально властям.

Принятие чрезвычайных мер было серьезным ударом по контрреволюции. В течение нескольких дней в Будапеште и в других городах Венгрии полиция и части внутренних вооруженных сил собрали большое количество брошенных контрреволюционерами винтовок, автоматов, пистолетов и свыше 20 вагонов различных боеприпасов.

Чтобы лишить враждебные элементы возможности использовать в своих темных целях массовое скопление людей, 14 декабря был опубликован указ Президиума Венгерской Народной Республики о порядке проведения открытых собраний или демонстраций. Срок действия этого указа был ограничен одним месяцем, в течение которого каждое массовое мероприятие могло проводиться на основе предварительного разрешения полиции. Благодаря этому решению трудящиеся получили возможность беспрепятственно пользоваться конституционным правом свободы собраний, не опасаясь каких-либо провокаций со стороны контрреволюционеров.

Большую роль в установлении общественного порядка сыграли сформированные в Будапеште в первой половине ноября два офицерских полка. Появление на улицах города офицерских патрулей в светло-зеленых шинелях с автоматами на ремне было встречено жителями очень положительно. Как только по радио был объявлен номер телефона штаба первого офицерского полка охраны порядка, по нему непрерывно стали звонить. Особенно много звонков было в первый день его деятельности, 13 ноября, когда было принято 560 телефонных заявлений. Одни сообщали об обнаруженном оружии, боеприпасах, вооруженных группах террористов, другие — о грабеже магазинов, складов, просили защитить их от грабителей. В ответ на все такие заявления командование полка немедленно высылало офицерские группы или патрули для принятия соответствующих мер.

К началу декабря вновь созданные полицейские силы вполне успешно и самостоятельно, без помощи советских воинских частей, давали отпор любой попытке ушедших в подполье контрреволюционеров спровоцировать новые беспорядки. А иногда для этого не требовалось и вмешательства полиции. Когда, например, у Западного вокзала в Будапеште мятежники напали на проходившую демонстрацию рабочих, то сами демонстранты быстро навели порядок, короче говоря, избili провокаторов. Примчавшейся на машинах полиции делать

было уже нечего — рабочие передали ей задержанных ими террористов.

Из кого же состояли эти новые полицейские силы и служба внутренней безопасности в Венгрии? Они были укомплектованы бывшими служащими полиции и органов госбезопасности, честными и преданными товарищами, которые в своей прошлой работе ничем не запятнаны, бывшими борцами Сопротивления и членами интернациональных бригад, сражавшихся в Испании, рабочими и трудящимися, привлеченными с предприятий и учреждений и прошедшими специальную подготовку.

В середине декабря 1956 года в газете «Непакарат», органе Свободных венгерских профсоюзов, была опубликована беседа начальника будапештского управления полиции с представителями печати о работе полиции. В частности, он рассказал, что специальные полицейские группы собрали огромное количество товаров, похищенных с крупных складов. Другой важной задачей будапештских органов полиции явилась борьба против провокаторов, подстрекателей, пытавшихся вызвать беспокойство, дезорганизовать уличное движение.

Злобная вражеская пропаганда против органов госбезопасности в Венгрии, проводившаяся в стране на протяжении длительного времени среди населения, пустила глубокие корни. В связи с этим Ф. Мюнних в одном из своих выступлений подчеркнул, что еще значительная часть населения считает всех бывших служащих органов госбезопасности людьми, совершившими грубые нарушения законности, злоупотреблявшими служебной властью. Это, в частности, проявлялось в том, отметил он, что после роспуска этой службы уволенные из органов сотрудники не могли устроиться на работу.

Чтобы положить конец столь ненормальному положению, в конце ноября 1956 года Ф. Мюнних дал распоряжение о проверке деятельности всех бывших служащих органов государственной безопасности. Проведение проверки было возложено на специальные комиссии, в которые входили представители верховной прокуратуры при областных советах. Министр призвал население оказать помощь в работе этих комиссий. Лицам, знающим о незаконных действиях, совершенных отдельными работниками органов безопасности, было предложено письменно сообщить об этом верховной прокуратуре и областным полицейским управлениям.

В результате проверки лиц, нарушивших законы, привлечли к судебной ответственности, а тем, которые оказались невиновными в антинародных действиях, предоставили возможность устроиться на работу в любой отрасли народного хозяйства.

Какую бы пролетариат ни создал совершенную в отношении соблюдения законности и справедливости систему внутренней безопасности в тот период, когда он осуществляет свою диктатуру, она все равно будет вызывать звериную ненависть врагов трудящихся. И чем эта система будет совершеннее, тем большей будет ненависть. Достаточно вспомнить деятельность ВЧК — ОГПУ, руководимой Ф. Э. Дзержинским, чтобы понять справедливость этого утверждения.

Лишь только венгерские коммунисты создали новую систему обеспечения общественного порядка и безопасности, как тотчас в лагере реакции по ее адресу начался истощенный вой.

«...Сейчас Венгрия находится в тисках самых беспощадных полицейских сил в ее истории», — так вещал из Вены корреспондент агентства Юнайтед Пресс в середине декабря 1956 года.

Но как бы ее ни обливала грязью буржуазная пресса, трудящиеся Венгрии хорошо знают, что их новая полицейская система сыграла важнейшую роль в борьбе с контрреволюцией и в наведении порядка в стране. Правильная в оперативном отношении и политически продуманная тактика деятельности венгерской полиции способствовала тому, что она быстро завоевала всеобщее доверие масс. Немало помогло этому и то обстоятельство, что массы широко информированы о работе своей полиции.

Как мы уже отмечали, на протяжении первых трех лет после окончания второй мировой войны до февраля 1948 года западные империалисты все еще надеялись, что можно будет вернуть утерянное в Восточной Европе путем «дворцовых переворотов», в организации которых они столь большие мастера.

Разуверившись в возможности с помощью сил внутренней реакции и заговоров реставрировать в странах социализма буржуазный строй, правящие круги США переходят к «тактике» глубокого подрыва. Тайные планы империалистов претерпевают серьезные изменения. Последовавший за этим период стал прологом к венгерской трагедии.

Попытка произвести контрреволюционный переворот в Венгрии, англо-франко-израильская агрессия против Египта и бешеная антисоветская кампания, развернутая реакцией осенью 1956 года в капиталистических странах, — это все были составные звенья большого заговора международного империализма. Главная ставка делалась на мятеж в Венгрии, причем лелеялась надежда, что одновременно удастся спровоцировать волнения и в других социалистических странах.

Инспекционная же поездка Аллена Даллеса на Восток

преследовала цель в случае успеха, задуманного на Западе, обеспечить быстрое развертывание «тайной войны» и на «третьем фронте».

В свете всего сказанного любопытны конкретные цели, которые преследовались империалистами. О том, что скрывали хозяева, или о чем они говорили в туманных определениях, выбалтывали их слуги. К примеру, один из руководителей венгерской контрреволюционной эмиграции Имре Ковач в эмигрантском журнале «Латохатар», выходящем в Мюнхене, в начале 1956 года писал: «В перспективе будущее Восточной Европы нам ясно. Больше свободы, меньше планомерности: не коммунизм, но и не демократия, а одна из форм зажиточного государства, каковой стала, скажем, Швеция, или какой-то планировала сделать Англию лейбористская партия...».

Для управления государством такого типа, разумеется, нужны и соответствующие кадры. В первые же дни октябрьского путча в Венгрии в числе освобожденных из тюрем тысяч фашистов и военных преступников были люди, которые сразу же стали рваться к власти. Реакционная пресса и официальные представители западных держав изображали их как «известных борцов за свободу».

Кто же они, эти «известные борцы за свободу»? Назовем одного из них — это крупнейший землевладелец, граф Пал Эстерхази, которому при режиме Хорти принадлежала чуть ли не четверть всех земель Венгрии. Это он, покинув тюремную камеру, звонил в посольства иностранных государств и заявлял: «У телефона граф Эстерхази. Я вернулся к политической деятельности. В ближайшее время я намерен войти в состав правительства. В случае необходимости вы можете связаться со мной».

Пал Эстерхази и ему подобные, выскочив из тюрем, тотчас рвутся к власти, они мечтают о реванше, о том, когда они смогут «сполна» рассчитаться с теми, кто отнял у них ее. Они не думают ни о каком «градуализме», а хотят вернуть все сразу.

Трагические события в Венгрии явились плодом многолетних усилий венгерской реакции и внешних империалистических сил. Лишь рассматривая все факты в широком международном плане, во взаимосвязи и в последовательном развитии, можно подойти к пониманию того, что произошло в октябре 1956 года в Венгрии.

Удар сил социализма по вражеским планам был сокрушительный. Однако враги не сложили оружия, они начали быстро перестраиваться, менять свою тактику, снова выискивать уязвимые места в социалистическом лагере и готовиться к новому нападению из-за угла.

ЧЕРНЫЙ ПАУК

ДЕЛКА С ДЬВОЛОМ

Стояла прекрасная летняя погода. Шла битва за Францию. Три французские армии, английские экспедиционные силы и остатки разбитых бельгийских войск отступали к Ла-Маншу. Сначала пала Булонь, потом Калэ. Французы с затаенным дыханием ожидали результатов сражения под Дюнкерком. Они знали: как только немцы достигнут побережья, начнется наступление на Париж. 13 июня вечером немцы разбили свои бивуаки в Булонском лесу. Это были свежие части, переброшенные специально для парадного вступления в Париж, назначенного на следующий день.

В эти июньские дни сотни тысяч французов, ставших военнопленными, под конвоем гитлеровцев брели по дорогам Франции на восток. Среди них был один профсоюзный деятель из Федерации работников просвещения, мобилизованный в армию, когда началась война. У него было узкое продолговатое лицо с тонкими губами, на котором сразу возникала подобострастная улыбка, если перед ним оказывался человек, в расположении коего он нуждался. И тогда всем своим обликом он, казалось, источал елей, становился очень похожим на провинциального кюре. Назовем его «Вялый».

Вскоре этот человек — «Вялый» — был доставлен в один из лагерей для военнопленных, где его назначили санитаром. В начале 1942 года в лагере раскрыли подпольную организацию военнопленных, насчитывающую 22 человека, в их числе было 9 французов, 5 бельгийцев, 4 англичанина, 3 норвежца и 1 датчанин. Всех участников этой организации, подготавливавшей восстание в лагере, приговорили к смерти. Спустя некоторое время служащим охранного отряда лагеря стало известно, что санитару, носившему роговые очки, была объявлена благодарность уполномоченным главного управления СД службы безопасности Хуфнагелем, который прибыл

тогда специально из Берлина для проведения расследования по этому делу. Ни один из служащих охранного отряда не сомневался в том, что провал нелегальной организации военнопленных имел непосредственную связь с благодарностью, которая была вынесена «Вялому».

Об этом факте из жизни «Вялого» рассказали живущие в настоящее время в Западной Германии братья Вальтер и Отто Ш., инвалиды второй мировой войны. В период 1940—1943 годов они служили в охранном отряде лагеря военнопленных и хорошо помнят «Вялого», который был доставлен в этот лагерь летом 1940 года.

Если рассматривать жизнь «Вялого» в хронологическом порядке, писала в конце пятидесятых годов одна немецкая газета, то темные пятна в его биографии появляются именно в тот период, когда Франция потерпела поражение.

В феврале 1942 года «Вялого», снискавшего благодарность гестаповцев, репатрируют. Вернувшись на родину, он вступает в городе Аррас в ряды участников Сопротивления. Вскоре «Вялый» снова доказал свое рвение фашистской охранке: он выдал гестапо двух активных участников движения Сопротивления — коммунистов Бодара и Деллеме, которых казнили 2 октября 1942 года. Новое предательство «Вялого» было зафиксировано в донесении немецкого коменданта Арраса коменданту Лилля генерал-лейтенанту Нихоффу.

В штабе уполномоченного службы безопасности на территории Бельгии и Северной Франции штурмбанфюрера войск СС Элерса «услугам «Вялого» придавали большое значение». В декабре 1943 года органы гестапо по ошибке арестовали «Вялого», но он тотчас был освобожден из-под ареста по личному распоряжению Элерса.

Та же газета указывала, что имеется и ряд других показаний очевидцев, которые подтверждают связь «Вялого» с гестапо и секретной службой Гитлера во время второй мировой войны.

За год до окончания войны «Вялый» пробирается в Национальный Комитет Освобождения.

В послевоенное время карьера «Вялого» получает бурное развитие: в 1945 году он избирается депутатом Учредительного собрания, в следующем году он проникает в руководящие органы социалистической партии, а затем входит в состав правительства вначале в качестве министра без портфеля. Летом 1953 года «Вялый» избирается в состав Совета Социалистического интернационала, а спустя три года президент республики назначает его на ответственный правительственный пост.

По словам газеты, разоблачившей предательство «Вялого», многое о его темном прошлом было известно министру информации Сустелю, также старому слуге двух господ. Но, как известно, ворон не выклюет глаз ворону... Раз знал Сустель, не могли не знать и правящие круги Франции, оказывающие «Вялому» столь великое доверие. Но этого нельзя сказать о многих французских социалистах, которые не только не одобряют внешнеполитических концепций «Вялого», но и не забывают о весьма темных пятнах в его биографии.

Господствующим буржуазным кругам Франции, как и других стран, хорошо известно золотое правило капитализма: не упускай случая, когда представляется возможность продать свою совесть с наибольшей выгодой, вступай тогда в сделку хоть с самим дьяволом. И в этом случае они свято блюдут верность круговой поруке: не кори изменой собрата по классу, когда сам в той или иной форме повинен в том же.

...Конец 1938 года. Во дворце ди Монте Витторно фашисты — депутаты итальянского парламента вопят: «Даешь Корсику! Даешь Тунис! Даешь Ниццу!». Дуче слушает и ухмыляется.

После этих событий на заседании французского правительства один член кабинета вносит предложение опубликовать письма, которые Муссолини писал высоким должностным лицам Франции во время первой мировой войны. Эта переписка явилась бы официальным разоблачением продажности Бенито Муссолини, получавшего французские субсидии, показала бы, благодаря чему Муссолини из социалиста — противника войны превратился в открытого агрессора. Члены правительства начинают обсуждать этот вопрос. Но вдруг премьер Эдуард Даладье резко прерывает дискуссию и заявляет, что считает обсуждение этого вопроса излишним, так как люди, субсидируемые Францией, должны быть уверены в скромности французского правительства. Иначе, подчеркнул он, «скоро не останется ни одного крупного политика, которого можно было бы подкупить». Так и остались эти ценнейшие документы покрываться пылью в сейфах Кэ д'Орсэ.

Многие годы эти письма преследовали Муссолини, как кошмар. Он не раз пытался получить их обратно, но безуспешно. В 1935 году, когда Лаваль посетил Рим и заключил сделку с Муссолини, открывавшую путь фашистской агрессии в Эфиопии, одним из требований дуче было возвращение этих компрометирующих писем. Лаваль с готовностью обещал, но, разумеется, не сдержал своего слова. «Когда-нибудь, — сказал он своему секретарю, — они могут оказаться куда более ценными, чем пустыни Эфиопии».

Только после захвата гитлеровцами Франции и возникновения «правительства Виши» Муссолини дождался, наконец, возвращения ему этих свидетельств его предательства. Одним из неписанных условий перемирия между Италией и Францией было возвращение писем их автору. Но можно не сомневаться, что Пьер Лаваль сам, подобно Муссолини трепетавший при мысли о возможности разоблачения своей деятельности на два фронта, позаботился о том, чтобы сохранить в каком-нибудь надежном месте фотокопии этих писем.

В тридцать девять лет Муссолини стал фашистским диктатором Италии. Путь, который он прошел за какие-нибудь восемь лет — от тайного агента иностранной державы до премьер-министра большой капиталистической страны — поистине удивителен. Секретные субсидии, полученные им от французского министерства иностранных дел, положили начало его политической карьере. Те, кто правят на капиталистическом Олимпе, сразу обратили внимание на этого непомерного честолюбца, показавшего отменные способности демагога и красноречивца, умеющего ловко маневрировать на скользком пути (в смысле опасности преждевременного разоблачения) перехода от псевдосоциализма к откровенному фашизму. Он оказался подходящим кандидатом в «сильные личности», и с тех пор ему была обеспечена поддержка со стороны реакционных сил Италии и всего мира.

Главы правительства, министры, политики и дипломаты капиталистического мира, деятельность которых до краев наполнена всякими сделками, комбинациями и тому подобными действиями, совершаемыми за спиной своих народов и в ущерб их интересам, естественно, страшно опасаются разоблачения своих темных дел. В то же время даже самые осторожные из них не гарантированы от того, что их антинародные поступки, а подчас прямая измена не будут запечатлены в различной документации, в частности в их личной переписке.

Вряд ли найдется человек, могущий упрекнуть бывшего английского премьера Уинстона Черчилля в недостатке осторожности. Однако в свое время Черчилль послал итальянскому дуче немало строго конфиденциальных, весьма доверительных писем. Письма эти Муссолини хранил как чрезвычайную ценность в своем секретном архиве наряду с его перепиской с Гитлером, документами, относящимися к Беронскому процессу 1943 года против бывших сообщников дуче, и материалами, касающимися связей фашизма с бывшим итальянским королевским домом.

В момент ареста Муссолини партизанами 27 апреля 1945 года все эти документы находились при нем. Он с ними не расставался ни днем, ни ночью, видимо, в твердой уверен-

ности, что они еще сослужат ему службу. Когда Муссолини был казнен, его секретный архив попал в руки арестовавших его партизан, которые оставили папки с документами на сохранение в сейфах отделения сберегательного банка в местечке Домазо, близ Комо. Спустя несколько дней неизвестные лица выкрали оттуда весь архив. Вскоре некоторые папки из архива были обнаружены в городе Комо, но в них оказалась лишь часть документов, в частности исчезли письма Черчилля и материалы, касавшиеся королевской династии.

Летом 1945 года вождь английских консерваторов возымел желание провести экстраординарный дачный отдых на живописных берегах озера Комо. Спустя некоторое время итальянская газета «Аванти», комментируя неожиданный приезд Черчилля в Италию и исчезновение из архива черчиллевских писем дуче, писала: «Отныне всему миру известно, что среди документов находилась папка, которая чрезвычайно интересовала Уинстона Черчилля. Несомненно, что эти документы исчезли именно в тот период (когда Черчилль был в Комо.— В. М.)».

Об этом странном событии сказано так много, что это было, вероятно, известно Черчиллю. Неужели его не беспокоило, что его и английских консерваторов подозревали в том, что они были доверенными людьми Муссолини? Хорошо было бы, если бы консерваторы сами позаботились теперь заявить что-нибудь на этот счет. Так часто приходится слышать из уст некоторых на Западе леденящие пророчества насчет войны; почему бы консерваторам не разъяснить причины последней войны, которой кое-кому, по-видимому, недостаточно.

Другие итальянские газеты прямо указывали, что выкраденные документы куплены Черчиллем, который «лично явился за ними в Северную Италию, явно опасаясь довериться посредничеству третьих лиц».

Правящая верхушка современной Франции — это горстка людей, управляющих «республикой на товарищеских началах». Многие из членов этого замкнутого круга прошли «стаж» в рядах реформистов всех мастей и обучались у них сложной «науке» политического обмана масс, оппортунизма и искусству демагогии. По своей сути ограниченные и мелкие политиканы, честолюбцы и фразеры, они в то же время большие мастера по части умения драпировать проводимую ими капитулянтскую политику пышными фразами о мире, свободе и праве. Эти вершители политических судеб французского народа были людьми без идеалов и иллюзий, не верившими в будущее Франции, что почти всегда делало их легкой добычей иностранных разведок.

Достойные выученики таких матерых ренегатов, как Мильеран и Бриан; они люди той категории, для которой не существует ничего святого, всегда готовые продаться кому угодно. Они верны, как сказал Маркс, только своей «ненасытной жажде богатства и ненависти к людям, создающим это богатство».

Продолжительное время одной из самых одиозных фигур такого толка во Франции был Жорж Боннэ. Об этом французском министре иностранных дел говорили, что он действовал так, как если бы он был германским министром иностранных дел. Осведомленные лица утверждают, что для такого поведения у него были веские причины.

Действительно, как говорят факты, это утверждение небезосновательно. Началось все с того момента, когда известный авантюрист Стависский, по прозвищу «красавец Александр», вручил ему чек на солидную сумму. Было это в начале тридцатых годов, а спустя несколько лет в кабинете Боннэ раздался телефонный звонок, и дама, назвавшая себя графиней де ля Мотт, просила министра принять ее для беседы по вопросу, касающемуся лично его. Когда из небрежно раскрытой сумки посетительницы выпала на пол фотокопия банковского чека и любезный хозяин, подняв документ, вернул его гостю, разговор сразу принял деловой характер.

Графиня, приехавшая из Берлина, без особых усилий установила приятельские отношения с Одетт Боннэ, супругой министра. В парижском «свете» о ней говорили, что ее необъятные аппетиты и честолюбие столь же исключительных размеров, как и нос ее мужа. И это обстоятельство сыграло не последнюю роль в масштабе предательства Боннэ.

Другой ближайшей приятельницей Одетт Боннэ была некая баронесса фон Эйнем, элегантная молодая женщина, берлинская немка, прекрасно владевшая французским языком и недавно приехавшая в Париж.

Второе бюро французского генерального штаба вскоре установило истинную цель пребывания обеих приятельниц жены министра иностранных дел в столице Франции. Шеф второго бюро полковник Гоше доложил премьеру Даладье о их шпионской деятельности и просил его не сообщать об этом даже членам правительства до тех пор, пока они не будут арестованы.

Прошло не более часа после беседы Гоше с Даладье, как баронесса фон Эйнем вышла на улицу, взяла такси и поехала в отель «Скриб». Здесь в баре она встретила мадам Боннэ; выпив коктейль, женщины быстро расстались. Сев снова в такси, баронесса поехала прямо на аэродром Ле-Бурже, на котором находился ее личный самолет. Такая исключитель-

ная привилегия для иностранки стала возможной благодаря любезности министра Боннэ. Аэродромное начальство не заставило баронессу долго ждать, и вскоре самолет взвился в воздух, взяв курс на Берлин.

Итак, в конце 1939 года французская разведка располагала неопровержимыми данными об измене супругов Боннэ, сыгравших зловещую роль в падении Франции, но...

Участники «товарищества» по управлению республикой в повседневной жизни ожесточенно конкурируют друг с другом, ссорятся, но, когда их общим интересам грозит серьезная опасность, они, забыв все свои распри и разногласия, тотчас тесно сплачиваются, чтобы сохранить неприкосновенным социальный порядок, служащий основой их власти и богатства. На этой почве они связаны между собой самыми тесными узами и их общим девизом является: «Не выноси сор из избы!».

Мы уже знаем, какую исключительную активность проявил бывший министр внутренних дел Австрии Гельмер в деле помощи венгерским фашистам в дни контрреволюционного путча в Венгрии в октябре 1956 года. Подумать только, член правительства государства, провозгласившего нейтралитет в качестве основы своей внешней политики, виднейший лидер социалистической партии Австрии — и вдруг такая ретивость в деле помощи международному империализму, пытавшемуся осуществить экспорт контрреволюции в мирную демократическую страну. Каковы же причины, породившие такое рвение в служении интересам капитализма со стороны человека, называвшего себя социалистом?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, ознакомимся с содержанием одного документа за подписью начальника управления гестапо в Австрии Кальтенбруннера, деятеля, хорошо нам известного (он был назначен на этот пост после оккупации Гитлером Австрии). В нем говорится: «Еще во время легального существования национал-социалистической рабочей партии Германии в Австрии Гельмер оказал большую услугу национал-социалистскому движению и поэтому может рассматриваться как полностью внушающий доверие».

Секретным информатором гестапо Гельмер стал еще задолго до аншлюсса Австрии. После аншлюсса в целях маскировки Гельмер был арестован гестапо, однако вскоре его освободили. Протитированный документ понадобился ему для того, чтобы повысить свой авторитет в глазах провинциальных властей. Действительно, это помогло, он получил доходный пост директора страхового общества.

Сотрудничество Гельмера с гестапо продолжалось вплоть до поражения гитлеровской Германии. Вслед за этим не про-

шло много времени, и у Гельмера появился новый хозяин. При первом же свидании резидента американской разведки с Гельмером у них возникло полное взаимопонимание. Резиденту не пришлось принуждать его к сотрудничеству, опираясь на прежнее обязательство Гельмера, найденное Си-Ай-Эй в архивах гестапо.

В этом же 1945 году Гельмер становится министром внутренних дел Австрии.

Прошло несколько лет, и в редакцию берлинской газеты «Берлинер цейтунг» пришло письмо от одного известного функционера социалистической партии Австрии, в котором он разоблачил Гельмера как сотрудника американской разведки. В своем письме он указал, что неоднократно обращался к руководителям социалистической партии с требованием разоблачить Гельмера, однако повсюду встречал отказ и ему угрожали.

Это лицо сообщало, что материал о двойной жизни Гельмера ему удалось получить от американцев австрийского происхождения, которые, отлично владея немецким языком и венским диалектом, работали в штабе американских оккупационных войск в Австрии в первые послевоенные годы. Пользуясь полным доверием, они в качестве конфиденциальных экспертов по особенно «деликатным» австрийским делам участвовали в разборе гестаповских архивов.

Между прочим, я узнал, писал функционер, что американская разведка сыграла не последнюю роль при выдвижении Гельмера именно на этот министерский пост. Действуя по указанию своих новых хозяев, Гельмер создал при правлении социалистической партии службу разведки, которую возглавил член правления партии Мигш.

Через Гельмера американская разведка получила возможность использовать тысячи полицейских, чиновников и функционеров партии для своих целей в качестве информаторов, причем американцы проводили выплату им гонорара только через Гельмера. Для того чтобы лучше приспособить полицейский аппарат для выполнения поручений американской разведки, Гельмер и его коллега в министерстве внутренних дел статс-секретарь Граф выживали неугодных лиц и заменяли их «пригодными людьми».

...Май 1945 года. В Инсбрук вступили американские войска, и к майору Эллиоту явился некий Грубер, который представился в качестве руководителя движения Сопrotивления в Тироле. У этого в действительности отъявленного гитлеровца не было причин опасаться, что американская администрация откажется от его услуг.

Грубер и в прошлом был тесно связан с гитлеровской разведкой. Это началось еще в период до присоединения Австрии к Германии, когда он работал на венском почтамте. Свою связь с гитлеровской разведкой Грубер осуществлял через почтового чиновника Ганса Краузе, руководителя нелегальной фашистской группы на почтамте. В 1939 году Грубер, как особо доверенное лицо, был переведен на работу в Берлин. Здесь он, как специалист, используется в службе подслушивания («зеэхаузинг»), подчиненной СД (службе безопасности) и службе контроля заграничных радиопередач.

В период с 1939 по 1943 год гитлеровская разведка неоднократно привлекала Грубера и его жену для выполнения различных заданий. Он несколько раз ездил в Швейцарию с целями шпионажа. Незадолго до начала войны гитлеровская разведка командировала жену Грубера в США.

Когда поражение Германии в войне для Грубера стало очевидным, он, находясь в Швейцарии, в 1943 году установил контакт с Алленом Даллесом и американским пресс-атташе Лесли. Однако и после этого Грубер не прекратил своей деятельности для гитлеровской разведки.

За несколько дней до окружения Берлина Грубер бежал в Тироль, куда вслед за ним специальным поездом прибыл весь персонал службы подслушивания в количестве 740 человек во главе с ее руководителем штурмбанфюрером Альбрехтом, другом Грубера. Воспользовавшись общей неразберихой, в начале мая 1945 года Грубер организовал в Тироле так называемую «группу сопротивления», в которую вошли как все прибывшие с ним гитлеровцы, так и местные фашисты. Грубер снабдил всех членов этой фашистской группы документами, удостоверяющими их «участие в движении Сопротивления».

Вскоре после знакомства с майором Эллиотом Грубер был назначен главой провинциального правительства в Тироле. Находясь на этом посту, он пристроил своих друзей-фашистов на различные ответственные должности, причем некоторые из них получили даже министерские портфели. Однако вскоре многие из друзей Грубера были разоблачены как активные фашисты и немецкие шпионы, а также стало известным, что собой представляют выдававшиеся им справки «о принадлежности к движению Сопротивления». Но в результате вмешательства американской разведки Груберу удалось избежать дальнейших расследований и разоблачения его темного прошлого.

Вот он секрет полишинеля, секрет возвышения, но не падения Грубера. Он еще продолжительное время занимал пост министра иностранных дел Австрии и ходил в лидерах Авст-

рийской народной партии. Только в ноябре 1953 года в печати промелькнуло сообщение о том, что Грубер подал в отставку, и она была принята тогдашним президентом Кернером. Видимо, комментарии излишни...

— Итак, Робби, ты закончил ознакомление с фотокопиями?

— Да, Билль, это была преинтересная работа. День за днем передо мной раскрывались странички из двойной жизни множества респектабельных господ, одна любопытней другой... Каждое утро листаешь наши газеты и узнаешь о том, что такой-то государственный или политический деятель крупнейшего ранга в одной из стран нашего свободного мира выступил с речью, которая открыла новую страницу в истории и так далее, другой же стал главой только что сформированного правительства, а то и верховным носителем государственной власти..., и, прочтя, думаешь...

— Робби, я знаю, что ты думаешь о многих из этих господ то же, что и я. Как это сказал Мефистофель в «Вальпургиевой ночи»: «Ты думаешь, что движешь, а тебя самого движут...». Да, здорово это у нас получилось. Русские, кажется, говорят в этом случае так: ни гроша, да вдруг алтын... Немцы отступали так поспешно, что оставили в своих архивах много совершенно секретных документов. Правда, они старались припрятать в надежных местах самые важные из них, но немцы весьма скрупулезный народ, и из-за этой скрупулезности их попытка не увенчалась успехом.

— Все это, Билль, для меня не новость, сам неделями сидел тогда и вместе со своими помощниками разбирал их архивы. И мне до недавнего времени казалось, что теперь уже ничто не в состоянии меня удивить. Но недели две назад, заканчивая чтение последних досье с фотокопиями, я, выдавший виды, прямо остолбенел...

— Тоже знаю, кого ты имеешь в виду. Я сам, когда впервые взглянул на его собственноручную подпись, то так и впился глазами в фамилию и стоящую рядом кличку. Да кто бы мог подумать, что такую персону еще нацисты затащили в свои сети. Кое-кто из этой публики, правда, уже сыгранные карты, разоблаченные даже на страницах газет, но и они свою службу нам продолжают на отлично. Но еще немало тех, о ком никто и не подозревает, что теперь они находятся на нашем жалованье. И пока что мы свободно переставляем их, как пешек на международной шахматной доске...

— По-моему, Билль, поскольку на меня возложены специальные обязанности, я считаю, что эти люди нам наиболее пригодны. И именно на этом участке своей тайной деятельности они представляют для нас наибольшую ценность. Наша

задача состоит в том, чтобы использовать их прежде всего в этой области.

— Я согласен с тобой, Робби, мне хочется еще подчеркнуть одно обстоятельство — каждый из этих уважаемых джентльменов поступал на секретную службу к нацистам совершенно добровольно и проявлял исключительное усердие в передаче интересовавшей их секретной информации.

— Да, это любопытно и лишний раз подтверждает мою мысль: они сами, всем своим нутром тянутся к фашизму... Но ими надо соответственно руководить, направлять их. Наша цель состоит в том, чтобы всячески поощрять их и помогать им, но держать их в тени, пока не возникнет прямая необходимость выдвинуть их на первый план. Преждевременное использование этих господ приведет лишь к их разоблачению перед народами своих стран. В этом и состоит секрет нашей тактики. Помни это! И, наконец, самое главное — фашизм выгодный объект для капиталовложений. Это тебе уже говорит и разведчик, и деловой человек...

ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ МОЛОТИТЬ СТАРУЮ СОЛОМУ

Швейцария славится красотами своей природы, знаменитыми марками часов, замечательным сыром и шоколадом — это известно всем. Но говорят еще, будто бы «Швейцария — самая свободная страна». Правда, это утверждают не трудящиеся швейцарцы, а лишь кучка правящих ею капиталистов. Однако в известной степени с этим можно и согласиться, если сделать некоторые уточнения по этому поводу.

Вероятно, швейцарский городок Шаффгаузен и сейчас выглядит так же, как и в предвоенные годы, — извилистые улочки, окаймленные столетними домами с закрытыми балконами. В середине тридцатых годов власти этого маленького уютного городка оказали широкое гостеприимство гитлеровским агентам, явившимся организаторами нацистского движения в Швейцарии. В старинном доме на Сафрангассе, 8, известном под любопытным названием «Скала радости», который построили еще в начале восемнадцатого века, разместился так называемый «Коричневый дом». Так Шаффгаузен стал цитаделью нацизма.

Преследуемый французской реакцией Жан Жак Руссо решил обосноваться в свободной Швейцарии. Переехав швейцарскую границу, Руссо бросился лобызать землю страны «справедливости и свободы». Но женевское кантональное пра-

вительство последовало примеру парижских властей, оно отдало приказ сжечь произведения Руссо — «Эмиль» и «Общественный договор», а самого автора арестовать. Тогда Руссо пытался укрыться на территории бернского кантона, но и тут власти отказали ему в убежище.

Мы привели факты из истории давних лет. Вернемся к нашим дням. В свободной Женеве в начале двадцатых годов возникла первая антикоммунистическая организация, претендовавшая на международное значение. Речь идет о «Лиге борьбы с III Интернационалом», созданной женеvским адвокатом Теодором Обером. Общественность впервые услышала о лиге в 1924 году, когда она начала гнусную кампанию прославления убийцы советского представителя на дипломатической конференции в Лозанне Воровского.

Позже, руководствуясь берлинскими рекомендациями, Обер переименовал свою организацию в «Международный институт марксизма» и, видимо, не испытывая недостатка в средствах, начал открывать филиалы в других странах, а в соседней Франции они появились почти во всех больших городах. Деньги в кассу Обера текли полными ручьями из Англии, Германии, Италии и даже из Японии. «Институт» с каждым днем все более расширял зарубежную сеть своей агентуры, издавал огромное количество антикоммунистической литературы на многих языках. В качестве генерального секретаря «института» Обер привлек известного белоэмигранта Ладыженского.

Нельзя пройти мимо еще одного любопытного образчика швейцарских свобод. Испокон веков в любом швейцарском банке можно открыть счет или депозит без указания фамилии владельца, лишь зарегистрировав его под каким-нибудь номером или литерным обозначением. Имя вкладчика будет известно только директору банка, который хранит его в тайне даже от всего прочего персонала банка.

Именно это обстоятельство привлекло многих нацистов в качестве вкладчиков в швейцарские банки перед крушением «третьего рейха». И по сей день в подземных бронированных хранилищах, которые, как рассказывают осведомленные швейцарцы, оборудованы даже под дном Женевского озера, хранятся огромные ценности, числящиеся на счетах тех, чьи кости давно уже стали известны. По этим счетам аккуратно начисляются проценты, и банкиры с невозмутимым видом ожидают. А вдруг отыщутся «законные» наследники этих таинственных вкладов, произнесут магическое: «Сезам, отворись», назовут те цифры или литеры, чего будет достаточно, чтобы позволить распоряжаться этими вкладами новым хозяевам. А, быть может, это уже происходит... О, швейцарские

банкиры хорошо знают, для каких целей предназначались укрытые ими ценности и капиталы.

Женевский «институт» Обера был вспомогательным органом большого «Антикоминтерна» — организации, находившейся в Берлине и действовавшей под совместным руководством Геббельса и Розенберга. Официально прокламировалось, что она создана в целях «борьбы с большевизмом во всем мире». Берлинский «Антикоминтерн» представлял собой международную верхушечную организацию фашистских партий разных стран. Каждый член руководства «Антикоминтерна» являлся одновременно его представителем при той или другой фашистской партии и располагал значительным инструкторским аппаратом для систематического ознакомления с деятельностью этой партии. «Антикоминтерн» издавал специальный информационный бюллетень для фашистских партий. В целях конспирации бюллетень и другая корреспонденция «Антикоминтерна» в адрес этих партий рассылались не из Берлина, а из Женевы «институтом» Обера.

Начиная с 1935 года «Антикоминтерн» регулярно проводил специальные курсы для инструктора «своих друзей», съезжавшихся на них из всех стран мира. В разное время на них побывали посланцы Леона Дегреля из Бельгии, подручные Генлейна из Чехословакии, молодчики из французских «Боевых крестов» де ля Рока, доверенные испанской фаланги, командированные Прима де Ревера, и много всякой другой фашистской нечисти.

Еще не рассеялся над Европой пороховой дым от залпов тысяч советских орудий под Берлином, а фашистские недобитки вновь начали объединяться в международном масштабе. Дело началось с организации спасения нацистских кадров и оказания помощи фашистским преступникам.

В 1946 году в шведских газетах появились материалы, разоблачающие подпольную деятельность фашистов на территории Скандинавии, главным образом в Швеции. Стало известно, что в Скандинавии и после окончания войны продолжает действовать международная подпольная фашистская организация. Указывалось, что эта организация имеет свое отделение в Швеции, именуемое «комитетом помощи» норвежским и датским фашистам с местопребыванием в Мальме. В состав комитета входили представители влиятельных кругов Швеции. Поэтому организация фашистов располагала достаточными финансовыми средствами. Основным в деятельности этого комитета была переброска видных фашистов из Швеции, Норвегии и Дании в Германию.

Интернированные гитлеровцы переправлялись из шведских портов Хельсингборг и Гётеборг и через датские порты Драгер

и Хельсингёр. Переброска производилась на датских и шведских рыболовных судах, ходивших в Данию и Германию. При этом на шведские суда немцев устраивали в качестве членов экипажей. По словам шведской газеты «Арбетет», этому предшествовало организованное «исчезновение» немцев из шведских лагерей для интернированных и из шведских больниц.

Прошел год, и скандинавская печать снова пестрит сенсационными сообщениями: органы шведской и датской полиции одновременно напали на след широкой международной фашистской организации..., руководящий центр этой организации находится в Гамбурге..., важнейшую роль в руководстве организацией играют офицеры бывшей гитлеровской армии..., ее отделения имеются в Дании, Швеции и Норвегии... и так далее, словно год назад не было никаких сообщений о том же самом. Ровно год понадобился полиции Швеции и Дании для того, чтобы констатировать, во-первых, существование фашистской организации, которая специально занималась подделкой паспортов и обеспечивала ими датских и норвежских фашистов, и, во-вторых, что сотни нацистов, снабженных фальшивыми шведскими паспортами, были переправлены из Скандинавии в Испанию и Южную Америку.

В то же самое время и в Швейцарии вновь зашевелился фашистский сброд, начавший стекаться туда с конца 1944 года.

В Лозанне появилась вывеска восставшей из гроба «Лиги борьбы против III Интернационала».

Развертывание деятельности и сплочение сил разрозненных международных антикоммунистических организаций начинается с того момента, когда за это дело берутся государственный департамент США и американская разведка. Для этой цели привлекается группа опытных разведчиков. Об одном из них, бывшем штурмбанфюрере СС Вильгельме Хеттле, опубликовал интересную информацию хорошо информированный гамбургский журнал «Шпигель».

По словам журнала, Хеттль благодаря связи с Алленом Даллесом уже с 1947 года оказался на службе американской разведки. «По поручению секретной службы Соединенных Штатов,— писал журнал,— Хеттль вернулся на свою родину, в Зальцкаммергут. Ему было поручено создание полушпионской, полувоенной организации, которая формировалась преимущественно из бывших служащих СД и войск СС, а также из бывших офицеров вермахта и эмигрантов балканских государств».

Хеттль не заставил долго ждать своих хозяев. Вскоре после его возвращения в Зальцкаммергут на территории Западной Австрии и Баварии начала функционировать подпольная на-

цистская организация под названием «Паук» («Шпинне»), одним из ее руководителей стал Вильгельм Хеттль.

В начале 1948 года итальянская газета «Унита» предала гласности материалы из «Секретного доклада Бюро информации и обмена в области просвещения США по вопросу об использовании фашистских организаций за границей в интересах Соединенных Штатов».

«В докладе,— писала газета,— предлагалось ассигновать секретные фонды в сумме 10 миллионов долларов для регулярного финансирования фашистских групп и газет за границей в течение 1948 года. Кроме того, доклад предлагал предоставить в распоряжение наиболее крупных фашистских групп часть денежных сумм, переведенных нацистами за границу по указанию Бормана накануне капитуляции Германии».

По сведениям, просочившимся из государственного департамента, отмечала газета, этот доклад содержал «неблагоприятную оценку проводившейся до настоящего времени деятельности по координации работы фашистских групп и печати за границей» и критиковал государственный департамент за использование фашистских организаций «только в целях получения секретной информации». В докладе рекомендовалось наладить «координацию деятельности различных фашистских групп главным образом в целях укрепления влияния США в странах Западной Европы».

Бюро информации и обмена в области просвещения сформулировало в этой связи ряд предложений, которые были одобрены государственным секретарем США Маршаллом. Важнейшим из этих предложений являлось увеличение ассигнований для поощрения деятельности фашистских групп и назначение ответственного лица, которому было бы поручено централизованное распределение этих фондов в европейских странах. В качестве кандидата на пост такого уполномоченного в докладе упоминалось имя Освальда Мосли, который «по распоряжению государственного департамента регулярно субсидируется со времени прихода лейбористов к власти нашими представителями». Кандидатура Мосли выдвинута на том основании, что он «уже имеет организационные связи с фашистскими группами других стран». В докладе говорилось об «особенно тесных связях Мосли с известным южноафриканским фашистом Пироу, орган которого «Нью-Ордер» субсидируется государственным департаментом через посредство Мосли, а также со Свеном Линдхольмом, получающим с 1944 года жалованье от американской разведки за работу в Скандинавских странах».

В отношении Италии в докладе отмечалось, что субсидирование итальянских фашистских организаций производится

с 1945 года по инициативе бывшего государственного секретаря Бирнса. Однако эта деятельность недостаточно координировалась вплоть до 1947 года, главным образом потому, что между военными властями, представителями государственного департамента и церковными властями не были четко разграничены функции. Но «в настоящее время,— как отмечалось далее в докладе,— работа по координации идет удовлетворительно».

Таким образом, американские империалисты предстали перед прогрессивным человечеством в качестве не только прямых пособников неонацизма в послевоенное время, но и оказалось, что, в то время как люди доброй воли напрягали все свои силы, чтобы сломить фашистского зверя, вашингтонские политики и военные тайно субсидировали союзников нацизма.

Летом 1949 года в Лиссабоне состоялась тайная встреча вожakov фашистских организаций США, Западной Германии, Англии, Италии, Скандинавских стран и Южной Америки. На этом совещании представители американских фашистских организаций заявили, что они «выступают от имени влиятельных кругов США, считающих, что возрождение фашизма было бы желательным». По мнению тех же «влиятельных кругов», старая парламентская система в Европе якобы изжила себя и не представляет достаточной гарантии против «коммунистической опасности».

На этой тайной встрече в Лиссабоне Мосли предложил создать «черный интернационал» из различных неонацистских группировок и регулярно устраивать «международные конференции».

В марте 1950 года в Риме была проведена первая официальная встреча, во время которой был образован новый международный союз фашистов. Основателем его стал бывший статс-секретарь Муссолини Марсанич, руководителем итальянской секции был назначен князь Боргезе. Среди основателей союза фигурировал также бывший посол Муссолини в Берлине Филиппо Анфузо. Во время римской встречи было решено создать «информационное бюро» с центром в Швеции.

Вскоре стало известным, что это международное антикоммунистическое «информационное бюро» установило тесную связь с американскими фашистскими организациями через сотрудников посольства США в Стокгольме. Выяснились и другие функции названного бюро в Западной Европе — составление «черных списков» антиамерикански настроенных лиц, пропагандистская деятельность и, разумеется, собирание разведывательной информации для Си-Ай-Эй.

Непосредственное руководство «черным интернационалом» разведка США возложила на так называемый «Американ-

ский освободительный центр», руководимый полковником Робертом Фоглером. Финансирование «черного интернационала», в частности, взял на себя «Фонд Форда», как известно, оказывающий щедрую поддержку всяким подрывным организациям.

С началом войны в Корее, развязанной американскими империалистами, деятельность международного фашизма значительно активизируется. В 1951 году в Мальмё на базе уже называвшегося «комитета помощи» возник новый фашистский центр под названием «Европейское социальное движение». Свои «программные» задачи он сформулировал так: «Объединение национальных сил и создание единой корпоративно управляемой Европы по образцу системы Муссолини».

Руководитель этого центра, он же лидер неонацистской организации «Новая Швеция», Пьер Энгдаль развернул широкую кампанию по рекламированию нового фашистского детища империализма не только на страницах своего гнусного листка «Вэген фрамот». Реакционная пресса Западной Европы открыла зеленую улицу для его стряпни. Американский же журнал «Лайф» опубликовал «Политические наблюдения Энгдаля», сопроводив их портретом и биографией автора.

Фашистский центр в Мальмё начал ежемесячно издавать бюллетень на четырех языках. И вскоре Мальмё, этот крупный морской порт на юге Швеции, становится местом частых визитов всяких иностранных фашистских фюреров, выступавших здесь перед европейским фашистским «активом».

Однако, несмотря на все попытки размахнуться, на первом этапе своего существования «Европейское социальное движение» оказалось недолговечным. В 1953 году официально эта организация распалась, и один из ее учредителей голландский нацист, бывший офицер СС Ван-Тьенен даже угодил за решетку.

Несмотря на резкие протесты общественности и очевидную непопулярность даже в консервативных кругах многих европейских стран, фашистское «подполье» в Западной Европе, обильно финансируемое из-за океана, не оставляет своих попыток вновь организовать в европейском масштабе.

Осенью 1954 года поблизости от Брюсселя в старинный замок тайно съехались фашисты из ряда европейских стран и устроили там свою «конференцию». Оказалось, что это был съезд ушедшего в подполье «Европейского социального движения». Поскольку фашистское сборище было нелегальным, полиция, как деликатно сообщило агентство Франс Пресс, «закрыла съезд».

Этот провал не обескуражил фашистских главарей. Подстегиваемые своими хозяевами, они и в дальнейшем проводят

интернациональные встречи своих сообщников. В январе 1956 года и январе 1957 года они собираются в Лозанне, в марте 1959 года — в Инсбруке и в октябре 1960 года — в Париже. И на каждом из этих сборищ они пытались договориться о совместных действиях «на территории всего земного шара».

В начале 1962 года некий бельгиец по имени Жан Тириар, проживающий в Брюсселе, похитил бланк заграничного паспорта и отправился в Венецию. Прежде чем объяснить, зачем этот бельгиец решил съездить в Италию, уточним, что речь идет о Геббельсе наших дней, которого считают в определенных кругах теоретиком «нового издания» европейского фашизма. Свои опусы, широко публикуемые в ультраправой прессе, он подписывает псевдонимом «Жан Тиш». И вот этот «знаменитый» Жан Тиш побывал в Венеции, чтобы принять участие в собрании фашистского интернационала. В первых числах марта 1962 года в доме одного венецианского промышленника собралась любопытная компания: названный Тириар, немецкий полковник Роден — из «Ассоциации друзей великого рейха», итальянский князь Валерио Боргезе, известный английский фашист Освальд Мосли и представители «Европейского социального движения», прибывшие из Мальмё и его европейских филиалов.

Сборище в Венеции реакция назвала «подлинным европейским фашистским учредительным собранием».

По возвращении в Брюссель новоявленный Геббельс был арестован бельгийской полицией. Читатель, несомненно, подумает, что его арестовали за «подрывную деятельность», направленную на восстановление запрещенных законом нелегальных организаций. Глубоко заблуждаешься, дорогой читатель! Тириар был арестован за присвоение паспортного бланка...

В августе 1962 года фашистские главари из различных стран Европы и Соединенных Штатов беспрепятственно прибыли в Англию и приняли участие в организованных здесь фашистских сборищах. Это произошло несмотря на то, что министр внутренних дел Англии Брук под давлением общественности вынужден был во всеуслышание заявить, что он отдал приказ иммиграционным властям не пускать фашистских руководителей из других стран на так называемую «международную конференцию» фашистов, организуемую «Британской национальной партией».

В Англию приехали фашисты из Западной Германии, Италии, Франции, Австрии и других стран. «Почетное место» заняли среди них представители испанских фашистов и бандиты из ОАС. На это фашистское сборище в графстве Глостершир пожаловал «сам» лидер американских фашистов Рокуэлл,

который выступил с погромными расистскими речами. Сборы охраняли фашистские молодчики в форме, вооруженные штыками и ножами, нагло угрожая расправой всем, кто пытался приблизиться к лагерю, где разместились участники сборища.

Участники слета договорились о согласовании своих действий в международном масштабе. Возвратившись из Англии в США, Рокуэлл распространил в Вашингтоне текст соглашения о создании «нацистского интернационала». Он сообщил также, что международный нацистский конгресс 1963 года состоится в Испании, Португалии, Южно-Африканской Республике «или какой-нибудь другой стране, которая позволит нам встретиться открыто и законно».

Одновременно секретарь английского «Национал-социалистского движения» Тиндолл заявил, что лидер этого движения Колин Джордан избран «мировым фюрером» национал-социалистов. Задача Джордана будет состоять в координации деятельности примерно 24 фашистских партий, существующих в большинстве европейских стран, включая, как сказал Тиндолл, «подпольную группу в Западной Германии».

Вряд ли найдется сейчас человек, который станет удивляться тому, что именно в последнее время заметно активизируются и старые, и новые кадры фашистов. Ветер, дующий с берегов Сены и Темзы, начал доносить не только запах сапог вермахта, но и трупный запах фашизма.

„ПОХИТИТЕЛЬ“ ПИСЕМ ЧЕРЧИЛЛЯ

Париж. Знаменитые Елисейские поля. По широкой, обсаженной каштанами ленте асфальта проносятся сверкающие лаком лимузины.

В один из февральских дней 1950 года по направлению к авеню Фоша шел хорошо одетый человек средних лет. На его левой щеке были два глубоких шрама. Несмотря на штатский костюм, выправка выдавала в нем военного. Вдруг в нескольких шагах от него идущий ему навстречу пешеход направил на него объектив фотоаппарата, который он уже заблаговременно держал наготове. Шедший не растерялся: остановившись, он дал сфотографировать себя и пошел дальше. На другой день Париж обошла сенсация: газета «Се суар» поместила фотографию свободно разгуливавшего по Елисейским полям известного гитлеровского военного преступника Отто Скорцени. Об этом нацисте, отмеченном «особой милостью» Гитлера, ходит столько всяких небылиц, что нельзя

не сказать о его прошлом подробнее. Отто Скорцени был одним из немногих «любимцев» фюрера и являлся его телохранителем. Он был также командиром специального отряда под названием «Третий рейх». Однако Скорцени был не только особо доверенным эсэсовцем при Гитлере, но и своим человеком на монополистическом Олимпе. Его жена не кто иная, как племянница самого Яльмара Шахта. Породнившись с таким крупнейшим финансовым магнатом, Скорцени в короткий срок составил состояние, достигающее пятнадцати миллионов долларов.

Гитлер не раз поручал Скорцени выполнение различных важных разведывательно-диверсионных заданий, требовавших большого риска, оперативности и способности быстро ориентироваться в обстановке. Невероятно жестокий человек, который не остановится перед тем, чтобы предать мать родную, он снискал дурную славу даже в своем эсэсовском окружении. Знавшие его люди утверждают, что Гитлер, Гиммлер и Кальтенбруннер были единственными людьми, которым Скорцени будто бы слепо повиновался и готов был отдать за них жизнь. Но факты говорят об ином.

Скорцени был настолько предусмотрителен, что нашел благовидный предлог, чтобы своевременно покинуть «обожжаемого» фюрера, и ускользнул из берлинской крысоловки. Чтобы в «решающий момент» быть поближе к американцам (как видим, способность к трезвому расчету каждого своего шага не оставила даже тогда, когда рушился «третий рейх»), Скорцени расстается и с Гиммлером, взявшим курс на северо-запад в зону действия английских армий фельдмаршала Монтгомери. Скорцени сопровождал Кальтенбруннера в «альпийскую крепость», где, как мы уже знаем, сдал его с рук на руки американцам.

Чем же в действительности «знаменит» Скорцени?

«Таинственным ореолом» дерзкого диверсанта окружила его операция в сентябре 1943 года по похищению Муссолини, арестованного правительством Бадольо накануне предполагавшейся выдачи его командованию войск союзников. В место, где дуче содержался в заключении, под командованием Скорцени был сброшен парашютный десант эсэсовцев, который выкрал его и перебросил затем в Северную Италию, оккупированную гитлеровцами. Этот на первый взгляд действительно дерзкий налет широко комментировали в иностранной печати, всячески обыгрывали предприимчивость Скорцени и сопровождавших его гитлеровцев.

Но никто из этих падких на сенсацию буржуазных журналистов не задал себе такого буквально напрашивающегося вопроса: не был ли этот так разрекламированный «дерзкий

налет» всего лишь тщательно согласованным обеими сторонами трюком, годным на потребу обывателя, неискушенного в тайнах закулисных сделок капиталистических разведок.

Позднее Скорцени организовал диверсионные акты в тылу союзников на Западном фронте во время прорыва армии фельдмаршала Рундштедта в Арденнах.

«Освободителю» Муссолини также приписывают, что он был в местечке Домазо, близ Комо, в ту ночь, когда итальянские партизаны доставили туда секретный архив дуче. Мы уже знаем об исчезновении архива переписки Черчилля с Муссолини. «Похитителем» этих документов западная пресса назвала Скорцени. Так же известно и о действиях английского премьера, ночей не спавшего в поисках способов заполучить обратно эти столь компрометирующие его письма. Прошло шесть лет, и западная печать вновь заговорила о том же, — мол, вот уже сколько лет, как Черчилль не может выудить у Скорцени эти злосчастные письма...

Даже при всех мнимых и действительных талантах Скорцени как диверсанта и шпиона несомненно, что находиться в одно и то же время в двух местах, на значительном расстоянии друг от друга, он никак не мог. После окончания «операции Кальтенбруннер» Скорцени вошел в гостеприимно раскрытые для него ворота американского лагеря для военнопленных, несмотря на то, что он числился в категории важных военных преступников.

Во время нахождения в лагере дело Скорцени «рассмотрел» американский военный суд, и он был оправдан (!). Продолжая пребывать в лагере, Скорцени ожидал, когда разберет его дело немецкий суд по денацификации, в обвинительном заключении которого он был отнесен к группе «главных виновников».

В конце 1948 года агентство АДН сообщило, что «в ночь с 25 на 26 июля из лагеря для интернированных в Дармштадте (американская зона) бежал бывший штурмбанфюрер СС Отто Скорцени».

Не прошло и месяца после бегства, обстоятельства которого были покрыты мраком неизвестности, как Скорцени объявился в Соединенных Штатах, где, по словам венской газеты «Дер абенд», начал работать в качестве инструктора парашютной школы.

Небезынтересно следующее: спустя некоторое время после бегства Скорцени полиция Ганновера (английская зона оккупации Германии) объявила, что тому, «кто сообщит о местонахождении известного сподвижника Гимmlера — Скорцени, будет выдано вознаграждение в размере 10 тысяч марок».

Было ли это сообщение плодом досужего вымысла какого-нибудь буржуазного корреспондента или имела место несогласованность действий каких-то двух органов в поставке информации для печати, но вскоре после публикации газеты «Дер абенд» последовало весьма любопытное сообщение немецкого агентства ДПД.

В кругах, близко стоящих к отделу информации американской военной администрации, указывало агентство ДПД, не считают нужным скрывать, где именно находится фашист Скорцени: он работает сейчас в... государственном департаменте США. Более того, подчеркнуло агентство, Скорцени не раз хвастал своей дружбой с генералом Эйзенхауэром, причем последний якобы навещал Скорцени, когда тот находился в тюрьме.

Узнав о вознаграждении, обещанном ганноверской полицией, заметило агентство, работники отдела информации американской военной администрации иронически спрашивают: может быть, государственный департамент сам захочет заработать эти 10 тысяч марок?

Но, это, конечно, была лишь шутка. Немецкие бумажные марки едва ли могли кого-нибудь прельстить в то время в Соединенных Штатах, однако соратники Гиммлера начали расцениваться в послевоенное время там на вес золота.

Французскую общественность очень взволновало известие о появлении в Париже Скорцени. «Чем же может заниматься в Париже этот фашист, совершающий «деловую поездку», если не восстановлением немецко-фашистской сети во Франции? Кто дал ему разрешение на въезд и пребывание во Франции?», — спрашивала «Юманите». Газета подчеркивала, что занесенный в список военных преступников Скорцени был в 1947 году оправдан при прямом содействии американской разведывательной службы. Различные французские демократические организации выступили с решительным протестом против безнаказанного пребывания во Франции этого фашистского убийцы, от руки которого в Заксенгаузене погибли 500 французских патриотов.

Возвращение Скорцени в Европу было связано с реализацией определенных планов американской разведки. Из Франции, побывав проездом в Швейцарии, он перекочевал в Италию. Осенью 1951 года итальянские газеты оповестили, что Скорцени проживает в Южном Тироле и со времени своего приезда председательствовал на ряде тайных совещаний с участием эсэсовцев и итальянских фашистов, одно из которых происходило 30 августа в городе Тренто. Газеты отмечали, что Скорцени снабжен паспортом и въездной визой, пре-

доставленной ему итальянскими консульскими властями в Швейцарии.

Вскоре определилась и новая роль Скорцени в европейском фашистском «подполье». Своим именем он возглавил уже известную нам международную организацию «Шпинне», эмблемой которой является большой черный паук.

Приход Скорцени к руководству «Шпинне» не прошел незамеченным.

...В Кёльне в глубине сквера, прилегающего к проспекту Гензаринг, в тени платанов на гранитном пьедестале стоит фигура женщины. На руках у нее тело ребенка. Взор, наполненный страданием, устремлен вдаль. На надгробной плите слова: «Здесь погребены жертвы гестапо. Этот памятник — напоминание о позорных годах Германии 1933—1945».

В ночь на 25 декабря 1959 года эту надпись «неизвестные лица» зачеркнули черной краской и вместо нее нарисовали фашистскую свастику. На следующий день к подножию памятника были возложены венки. На ленте одного из них стояло: «Убийцы еще среди нас!». Своего ответа фашистские преступники не заставили ждать. Ратуши, церкви, дома антифашистов в Кёльне покрылись фашистской свастикой.

Особенно разительным фактом, свидетельствующим об активности подрывной деятельности международных антикоммунистических организаций, является усиление расистской пропаганды в капиталистических странах, выливающейся нередко в форму хулиганских выходок. Это не удивительно, поскольку во главе этих организаций находятся такие оголтелые расисты, как Скорцени и иже с ним.

К концу января 1960 года в различных странах мира было зарегистрировано в общей сложности около тысячи антисемитских и других фашистских вылазок. Знаки свастики и антисемитские надписи появились на стенах 243 городов в 34 государствах. В Лондоне, где были опубликованы эти данные, подчеркивают, что ни в освободившихся странах Азии и Африки, ни, разумеется, в странах социалистического лагеря никаких инцидентов не было. Волна неофашизма и расистских настроений, возникшая в Западной Германии, захватила главным образом Западную Европу, Соединенные Штаты, Канаду, Австралию и другие территории так называемого «свободного мира»...

Верные памяти своего «обожяемого» фюрера, фашистские подонки все чаще и все более нагло вытаскивают на свет его призрак. Орган «фашистского интернационала» журнал «Нация Эйропа» — преемник фашистского журнала «Эуропа национе», издававшегося послом Муссолини в Германии Анфу-

зо, — всячески превозносит Адольфа Гитлера как поборника европейской интеграции: «Гитлеру не удалось осуществить свою мечту о единой Европе во время второй мировой войны, но мечта эта не умерла. Сейчас за нее борются многие руководящие деятели и партии. Мы способствуем борьбе за европейское единство нашими средствами».

В последнее время буржуазная печать Запада опубликовала много материалов, характеризующих стремление фашистских и неофашистских организаций Западной Германии, Италии, Франции, Швеции, Соединенных Штатов и других стран к усилению контактов между собой. Английская газета «Дейли экспресс» с тревожной констатирует, что «немецкие фашисты имеют связи с фашистами во многих странах».

Чикагская «Дейли ньюс», ссылаясь на надежные швейцарские источники, прямо указывает на существование международного фашистского координационного центра: «Недавнее появление нацистской свастики и антисемитских лозунгов на синагогах и еврейских памятниках и магазинах в Западной Европе, — пишет газета, — это согласованное выступление, организованное группой бывших офицеров СС, немцев и не немцев. Швейцарские наблюдатели считают, что нацистские ячейки, которые со времени окончания войны тайно действуют в Германии и соседних странах, сейчас объединились в обширную международную организацию с отделениями во Франции, Италии, Англии, Аргентине и США. Финансовые средства, которые они имеют в своем распоряжении, значительны. Их обеспечивают секретные нацистские счета в скандинавских банках, членские взносы, а также субсидии со стороны некоторых крупных промышленников».

Наряду с этими предупреждениями о вновь надвигающейся серьезной опасности правая печать на Западе всячески пытается отвлечь внимание общественности от нее рассуждениями на тему о том, зачем вспоминать прошлое. А вспоминать историю последних десятилетий как раз-то и надо, чтобы, твердо усвоив ее уроки, не повторить совершенных ошибок и своевременно и начисто уничтожить снова выползающего из берлоги фашистского зверя.

Когда-то с легкой руки Муссолини был пущен в обращение термин — «интерконтинентальный фашизм». Этим словом незадачливый дуче хотел прикрыть не что иное, как подрывную шпионско-диверсионную деятельность итальянского фашизма. На том же поприще, как мы знаем, в гораздо больших масштабах соревновался с дуче бесноватый Адольф Гитлер. Не важно, какую вывеску напяливает на себя сегодня международный антикоммунизм, суть состоит в том, что и теперь он представляет собой ударный отряд мировой реакции. На ны-

нешнем этапе его главной задачей является экспорт фашизма во все те страны мира, где он находится в зародышевом состоянии, а также использование всех возможностей, чтобы воспрепятствовать разрядке международной напряженности.

Одним из ведущих заправил наступления на этом тайном фронте является Отто Скорцени.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

В ЗАМКЕ ХЮГЕЛЬ

Зрелище для жителей маленького баварского местечка Ландсберг на реке Лех было действительно необычным. В субботу 3 февраля 1951 года у ворот ландсбергской тюрьмы выстроилась огромная колонна блестящих черным лаком «кадиллаков» и «мерседесов». Если б не тюремная ограда, можно было бы предположить, что машины ожидают своих хозяев, находящихся на дипломатическом приеме. Но сейчас в них восседали respectable вида господа и шикарные дамы с цветами, находившиеся в явно приподнятом настроении.

Ровно в 9 часов утра из ворот тюрьмы вышли один за другим 29 человек. Встречавшие устроили им горячую овацию. Вряд ли был еще в истории случай, когда выпускаемых из тюрьмы преступников встречали бы с такой помпой и столь высокопоставленные представители капитала и бюрократии. Весь цвет западногерманского реваншизма собрался приветствовать вышедших на свободу Альфреда Круппа, Фридриха Флика, Эдуарда Гудремона и Фрица Тер-Меера — четырех виднейших промышленных магнатов гитлеровской Германии, амнистированных их американскими собратьями.

Десятки корреспондентов и фоторепортеров запечатлели «исторический момент», когда Альфред Крупп с криком «Наконец-то!» падает в объятия своего брата Бертольда. Этот младший отпрыск династии пушечных королей пришел не один, а в сопровождении американского администратора — спекуна фирмы Круппов Эрла Каролла. Представители печати просят братьев повторить сцену встречи. Щелкают фотоаппараты, и она воспроизводится несколько раз. Столь же горячо встречают и других военных преступников.

В который раз за свою историю Ландсберг, насчитывающий немногим более восьми тысяч жителей, получал «боль-

шую прессу», как говорят на Западе. В 1923—1924 годах это было связано с тем, что в местной тюрьме находился Адольф Гитлер, заключенный туда после неудавшегося так называемого «пивного путча» в Мюнхене. В ландсбергской тюрьме Гитлер совместно с Рудольфом Гессом написал свою человеко-ненавистническую «Майн кампф». Второй раз о Ландсберге писали опять-таки в связи с его тюрьмой, в которую было заключено около пятисот крупных гитлеровских военных преступников, осужденных на двенадцати процессах, происходивших в Нюрнберге.

Однако Ландсберг «знаменит» не только своей тюрьмой, но и комфортабельным отелем «Гоггль», пожалуй, более известным под названием «Вдовья гостиница». Это наименование связано с тем, что в «Гоггле» во время суда над членами гитлеровской верхушки жили их жены.

На сей раз владелец «Вдовьей гостиницы» был ошачтливлен согласием Альфреда Круппа и Шпейделя отобедать у него после освобождения из тюрьмы. В отеле был сервирован великолепный обед. Стол утопал в розах, тюльпанах. Альфред Крупп вышел к обеду, переодевшись в двубортный костюм и повязанный американским галстуком, сопровождаемый своими директорами фон Бюловым и профессором Миллером. Собравшихся Крупп приветствовал словами: «Почти как в прежние времена!». Обстановка на самом деле напоминала всем присутствовавшим «добрые, старые времена».

— Вернетесь ли вы в Эссен? — был первый вопрос, заданный Круппу на обеде корреспондентами.

— Безусловно. Ведь имя «Крупп» ко многому обязывает...

После обеда вереница шикарных лимузинов понеслась в Берхтесгаден, бывшую резиденцию Гитлера. Отмечая это событие, американская пресса писала: «Это был фестиваль свободы... Крупп собирается начать там, где его прервали...». Искрящиеся шампанским бокалы звенели под звуки песни «Хорст Вессель» и гимна «Германия превыше всего». Это веселье, совпавшее с последними днями масленицы, вылилось в блестящий карнавал нацистских военных преступников. Реакционная печать повествовала о нем как о симптоматичном событии нашего времени.

В день освобождения Круппа представители Уолл-стрита преподнесли ему юридический документ, восстанавливавший его в правах владения рурскими заводами, подлежащими конфискации по решению Нюрнбергского трибунала. Одновременно Круппу был вручен первый заказ на изготовление вооружения на сумму в 100 миллионов долларов. Нет слов, было отчего умилиться буржуазной прессе.

Но и находясь в ландсбергской тюрьме, Крупп не сидел без дела, так сказать, не терял время зря. Один из очевидцев жителя-бытия очутившихся за решеткой бывших заправил «третьего рейха» рассказывал. Представим себе такую картину: в тюремной камере за круглым столом идет совещание... Узники, одетые в халаты добротнейшей выделки, развалились в мягких креслах. Посасывая дольки апельсинов, они внимают голосу докладчика. Последний заканчивает свой доклад: «Итак, учитывая энергичную поддержку со стороны наших дорогих американских коллег, нет никакого сомнения в том, что мы сумеем расширить военное производство в самый кратчайший срок». Затем оратор садится и начинает сосредоточенно сдирать кожуру с банана. Открываются прения.

Разумеется, подобная картина трудно вяжется с представлением о тюремном режиме. Между тем так оно и было. Именно такой образ жизни вели в ландсбергской тюрьме Альфред Крупп и другие германские монополисты. Хотя военный суд приговорил их к длительному заключению и строгой изоляции, военные преступники почти ежедневно собирались на свои совещания до тех пор, пока их американские коллеги не распахнули перед ними тюремные ворота за много лет до срока.

О любопытных подробностях их жизни в ландсбергской тюрьме проговорился не кто иной, как американский адвокат Джорж Дэвис. «Посмотрели бы вы,— заявил он корреспонденту агентства Рейтер,— как все они, одетые в арестантскую одежду, совещались за круглым столом, на котором лежали груды апельсинов и бананов, как они обсуждали данные о производстве и финансовые планы. Это было одно из самых необыкновенных зрелищ, которые я когда-либо видел».

Реакционная пресса проявляла постоянное беспокойство по поводу того, как живет в тюрьме заключенным нацистам. Из ее сообщений стало известно, что все эти матерые гитлеровцы не могли пожаловаться на отсутствие внимания к их особам со стороны американской администрации. Последняя позаботилась о том, чтобы к их столу всегда были фрукты и овощи, которые специально доставлялись из-за океана на самолетах. Тюремщики не забыли и о «духовной пище» — в бывшей камере Гитлера была устроена часовня, а в другой камере — библиотека-читальня, которой могли позавидовать студенты многих учебных заведений Баварии.

В то самое время как Крупп обсуждал в ландсбергской тюрьме перспективы восстановления мощи германской военной промышленности, его коллеги на воле решали вопросы практического значения. В августе 1949 года в отеле «Крумменвег», вблизи Дюссельдорфа, происходило секретное сове-

щение с представителями христианско-демократического союза (ХДС) и социал-демократической партии Германии. Среди собравшихся были: председатель правления концерна «Маннесман» Цанген, председатель объединения предпринимателей Роланд, глава наблюдательного совета «Гуте-Хоффнунгсхютте» Рейш и другие крупные промышленники. На этом совещании обсуждался состав будущего западногерманского правительства, а также другие вопросы.

Из Берхтесгадена Крупп с гостями направился в свою вотчину — город Эссен. Этот город, насчитывающий свыше 600 тысяч жителей, не в переносном смысле, а в буквальном — вотчина фамилии Круппов. Целые районы Эссена и пригородные поселки принадлежат династии пушечных королей. Вы въехали в город по Круппштрассе, и с этого момента на каждом шагу вам назойливо тычут в глаза, что почти все здесь их собственность. На вывесках многих магазинов громадная буква «К», кричащая, что магазины — это результат крупповской предприимчивости.

В центре Эссена высятся многоэтажные кирпичные здания, среди которых бросается в глаза своей новизной дом в восемь этажей, возведенный после войны. В этой группе зданий разместился огромный аппарат по управлению «империи» Круппов.

У перекрестков эссенских улиц стрелы указывают вам маршрут к замку Хюгель — фамильному обиталищу Круппов. Здесь, в этом замке, сходятся нити нового заговора немецких монополистов против демократии.

В замке сто двенадцать комнат.

Если вы пожелаете ознакомиться с замком Хюгель, владельцы его вам не только не откажут, но к вашим услугам опытный экскурсовод. Эти люди, их несколько, отлично знают, что следует и чего нельзя говорить о своих хозяевах. В огромной приемной вы можете познакомиться со всеми членами семьи Круппов, чьи лица увековечили кисти художников. Среди них, разумеется, портреты тех, кому Круппы немало обязаны в прошлом, — императора Вильгельма второго, президента Гинденбурга и других высоких лиц.

Затем вас проведут через множество комнат, в которых жили члены прежних поколений крупповской семьи, их спальни, кабинеты, гардеробные. Наконец, вас вводят в библиотеку, где умело составленная коллекция документов призвана поразить посетителя грандиозностью масштабов деятельности крупповского концерна. Как в какую-то святыню, экскурсовод приглашает войти в рабочий кабинет Густава Круппа, умершего в 1950 году. В его наружной стене зияет огромный пролом, через который американские любители сувениров вскоре

после окончания войны вытащили фамильный сейф Круппов. Позади всех этих комнат устроено что-то вроде выставки картин и ковров. Спустя некоторое время после выхода из тюрьмы своего главы Круппы заявили, что они готовы отдать замок Хюгель под «музей». Однако пока этого не произошло, и в личные апартаменты здравствующих членов фамилии, разумеется, экскурсовод вас не поведет.

Почти полтора века семья Круппов была символом самых зловещих сил, угрожавших миру в Европе. Круппы оказали огромную финансовую поддержку нацистской партии. 30 мая 1933 года Густав Крупп, являясь председателем Ассоциации германской промышленности, писал Шахту: «Предлагается начать денежный сбор среди самых широких кругов германской промышленности, включая сельское хозяйство и банки. Эти средства затем будут отданы в распоряжение фюрера и НСДАП (нацистской партии. — В. М.) как „фонд Гитлера“».

Крупп внес около пяти миллионов марок в фонд нацистской партии из средств крупповской компании. В июне 1935 года он передал Гитлеру еще сто тысяч марок из своих личных денег. Нацистской партии не удавалось захватить контроль над Германией до тех пор, пока она не получила поддержку от промышленников, что было достигнуто в большой степени благодаря Круппу.

Заслуги семьи Круппов в осуществлении военных целей нацистской партии были так велики, что для предприятий Круппа было сделано особое исключение при проведении национализации промышленности. Гитлер заявил, что он «готов на любые меры, чтобы сохранить крупповские заводы как их семейные предприятия и что проще всего для начала издать „закон о Круппе“». Это и было сделано. Декретом 12 ноября 1943 года заводы Круппа сохранялись как семейное предприятие под контролем Альфреда Круппа под тем предлогом, что «за 132 года фирма Круппов как семейное предприятие имеет особые, выдающиеся заслуги в деле укрепления военной мощи германского народа».

Через год после своего освобождения Альфред Крупп женился на американке — баронессе Вере фон Хознфельдт, свадьбу с которой он отпраздновал в Берхтесгадене. Западная печать в связи с этим отмечала, что первое свидетельствует о стремлении Круппа укрепить свои связи с Соединенными Штатами, а второе — о том, что он твердо стоит на позициях своего прежнего внешнеполитического курса.

С этого времени представители американского делового мира становятся частыми посетителями замка Хюгель.

Выход Круппа из тюрьмы повел к значительной активизации политической деятельности немецких монополистов.

Только на протяжении первого квартала 1953 года западногерманские магнаты тяжелой промышленности трижды собирались для встречи с представителями аденауэровской партии. Первая встреча состоялась в Дюссельдорфе по поводу открытия банка «Шахт унд компани», вторая — в замке Тиссена, близ Мюльгейм — Рура. Особенно важным было третье совещание, происходившее в новом здании компании «Рейн-Рур банк АГ», в связи с ратификацией бундестагом боннского и парижского договоров.

На третьем совещании, которое было окружено особой секретностью, двести магнатов тяжелой индустрии Западной Германии собрались с целью согласовать новую программу германского империализма. Кроме того, на совещании были обсуждены мероприятия по усилению активности немецких монополий в противовес французским и английским монополистам. Предусмотрительный Крупп не присутствовал ни на одном из этих совещаний, но тень его незримо витала над его участниками.

Вместе с тем с каждым днем нарастает активность Круппа на внешних рынках. Его представители появляются в Турции, Португалии, Швеции, Швейцарии, Австралии, Египте, Южной Африке, странах Южной Америки, Индии, Пакистане. Наряду с этим в замок Хюгель жалуют именитые гости со всего мира — от министра финансов Саудовской Аравии до испанского реакционного философа Ортега-и-Гассет. Для своих гостей — американских финансистов — Крупп устраивает в замке демонстрацию... новейших мод дамских платьев. К нему все чаще наведываются видные журналисты из-за океана, жаждущие получить интервью. Его навещал сам Аденауэр. Зарубежная экономическая экспансия все теснее переплетается с чистой политикой на высоком уровне.

Свои взоры Крупп устремляет не только на Нью-Йорк, но и на более близкие географически Лондон и Париж.

«Вы будете удивлены, когда узнаете, что господин Альфред Крупп, глава промышленного концерна, прилетел в Лондон», — с наигранным простодушием писала в начале 1953 года английская буржуазная газета «Дейли мейл». Круппу были отведены роскошные комнаты в одном из лучших отелей британской столицы — те самые комнаты, в которых он останавливался 17 лет назад.

Французские монополистические круги, предавшие Францию в минувшую войну, охотно пошли навстречу притязаниям Круппа и установлению взаимодействия с ним.

«Последним шагом послевоенной реабилитации Круппов в обществе, — писала тогда же газета «Нью-Йорк геральд три-

бюн», — был пышный франко-германский праздник, устроенный в вилле Хюгель в Эссене». На праздник, организованный французским верховным комиссаром в Западной Германии и муниципалитетом города Эссена, прибыло 800 гостей. «Кульминационным пунктом вечера, — отметила газета, — было появление впервые после войны в международном обществе стареющей, седовласой Берты Крупп, матери главы фирмы Альфреда Круппа... Во время первой мировой войны ее имя стало широко известным в связи с крупповской пушкой «большая Берта», которая обстреливала Париж».

Самым высокопоставленным гостем от союзных властей в Западной Германии был французский верховный комиссар Андре Франсуа-Понсэ. Берта Крупп и Понсэ, забыв об обстреле Парижа «большой Бертой» в первую мировую войну и о захвате Парижа гитлеровцами во вторую, беседовали, как старые друзья. Альфред Крупп и французские промышленные магнаты из «Комитэ де Форж» с трогательным единством взглядов намечали будущие планы. Так «международное общество» монополистов реабилитировало Круппа.

Годы шли. И Альфред Крупп мог бы с полным основанием повторить слова своего папаши Густава Круппа фон Болен унд Гальбах, сказанные в январе 1944 года в речи в Берлинском университете: «В течение ряда лет тайной деятельности было заложено научное и практическое основание для того, чтобы в любую минуту быть готовым к работе для вооруженных сил Германии без всякой потери времени или опыта».

Альфред Крупп повторял опыт отца, а специальная комиссия в составе представителей США, Англии, Франции, Западной Германии во главе с «нейтральным» шведским наблюдателем занималась «ликвидацией» крупповской монополии. Годы шли, и комиссия исправно собиралась на свои заседания. Наконец последовало решение комиссии: обязать Круппа продать к 1959 году все его угольные шахты и сталелитейные заводы, а что касается его машиностроительных предприятий, то их Круппу было разрешено сохранить.

С помощью правительства Аденауэра Крупп добился решения комиссии на год отсрочить выполнение ее решения. Но вот прошел и этот год, и теперь Крупп не считал необходимым как-либо реагировать на существование комиссии. 13 января 1961 года комиссия собралась в Бонне на свое «очередное заседание», на котором постановила предоставить Круппу отсрочку еще на один год по причине отсутствия желающих приобрести крупповские предприятия. Правительства стран, представленных в комиссии, не замедлили утвердить решение комиссии. Не будем гадать, был ли это подарок Круппу в год,

столь знаменательный для его фамилии, или комиссия просто засвидетельствовала свое бессилие перед этим королем войны, факт остается фактом. А год 1961 действительно для крупновской семьи исторический — минуло сто пятьдесят лет со дня основания крупновского концерна.

Несмотря на всю значимость этого события для династии крупнейших немецких монополистов, семейка решила отпраздновать его без «излишнего шума». Вскрывая причину «скромности» юбиляров, лондонская газета «Таймс» писала: «Громко барабанить не входит в политику Круппа. Главным элементом его политики является скорее народная поговорка: «Тихо, тихо — и поймаешь обезьянку».

Однако, как ни «скромно» прошло сие празднество, расскажем о нем. В этот день к подъезду замка Хюгель со всех концов Западной Германии нескончаемым потоком подкатывали роскошные автомобили «Мерседес-300». На этих «рурских фольксвагенах» («Фольксваген» — самая дешевая в Германии машина, «Мерседес-300» — самая дорогая, и в народе остроумно прозвали последнюю «рурским фольксвагеном») один за другим прибывали самые высокопоставленные официальные и деловые люди федеративной республики, чтобы засвидетельствовать лично владельцу замка свое уважение и принести ему свои поздравления.

На «семейное» торжество Круппов съехалось две тысячи гостей, среди которых были президент ФРГ Любке, экс-президент Хейс и вице-канцлер Эрхард. Свыше ста комнат замка заполнили приехавшие. Гремела музыка, стонали саксофоны, лилось рекой шампанское, дамы ослепительно блистали туалетами.

Газеты посвятили описанию крупновского юбилея целые полосы. Сообщались трогательные подробности о том, как готовились Круппы к празднику: в Эссене была восстановлена разрушенная бомбой во время второй мировой войны деревянная хижина «в старонемецком стиле» — точная копия той, в которой провел детство первый Крупп. С прежнего места ее перенесли в сад при доме Круппа, где она будет служить, так сказать, напоминанием скромного начала ныне всемирно известного концерна... Символом же его нынешнего могущества, по мысли устроителя праздника, должна была служить трибуна, изготовленная целиком из нержавеющей стали, выпускаемой заводами Круппа.

С этой трибуны и приветствовали гости виновника торжества. Пожалуй, наиболее «прочувствованной» с точки зрения политической была речь бывшего президента ФРГ профессора Хейсса. Начав, естественно, с восхваления заслуг юбиляра перед немецким отечеством, он закончил примерно так:

— Альфред Крупп годы мучился в тюрьме. И здесь, к сожалению, нет человека, без которого мы не могли бы, возможно, отметить нынешний знаменательный день. Имя этого человека — Джон Макклой. Он отменил бесчеловечное наказание и аннулировал бессмысленную конфискацию имущества Круппа.

Веселились гости, веселился и радушный хозяин. Но в самом разгаре бала некоторые из гостей стали исчезать один за другим. Незаметно удалился и сам хозяин. Однако никто из них не уехал из замка. Все они сошлись в личных покоях хозяина, единственных комнатах замка, не отданных в распоряжение гостей. Здесь в обстановке уютной обособленности, за кофе и ликерами, в облаках ароматного дыма дорогих сигар, можно было говорить совершенно свободно. Беседа шла без свидетелей и не стенографировалась, но нет ничего тайного, что раньше или позже не становилось бы явным. Речь шла о мерах, направленных на скорейшее оснащение бундесвера ракетно-ядерным оружием...

Напомним еще раз, что было установлено на Нюрнбергском процессе.

Первое. Крупп финансировал приход фашизма в Германию.

Второе. Влияние Круппа было очень велико в осуществлении нацистского плана развязывания агрессивной войны в Европе.

Германские монополии диктовали свою волю Гитлеру, ныне в их свите уже звякает шпорами галльский петух, а «коварный Альбион» упорно помогает, чтобы и его впрягли в боннскую упряжку. На очереди господина Уолл-стрита, от которых хотят совсем «немного»: боеголовок к ракетам.

Крупп в Западной Германии снова не один. За его спиной «Федеральное объединение немецкой промышленности», охватывающее 38 промышленных трестов. И снова «Рейнско-Рурский деловой клуб», как в «доброе, старое время», вершит судьбами десятков миллионов немцев. Последняя федеральная перепись населения установила, что в ФРГ десять тысяч миллионов, и во главе этих миллионов сегодня, как и вчера, находятся все те же люди — Крупп, Тиссен, Абс, Рехлинг, Флик, Штумм.

Все эти промышленные и финансовые магнаты сегодняшней Западной Германии вчера были военно-экономическими фюрерами гитлеровского рейха. Они снова фактические хозяева двух третей Германии. Грозное предупреждение народам!

Едкая угольная пыль стелется плотным туманным покровом над Руrom. Дым ест глаза, оседает в легких тех, кто трудится в шахтах, на заводах этой кузницы новой войны. Пятнадцать лет назад весь Рур был еще в развалинах, Дюссель-

дорф представлял собой груды руин, Эссен был целиком сожжен. Что теперь ждет Рур, если голос разума не восторжествует над безумием..?

ИМ НЕ ТЕРПИТСЯ ПОПАСТЬ В АТОМНУЮ ТОПКУ

— Скажу тебе, Эмма, ну и дура эта Магда! Жила бы себе теперь припеваючи... Кому нужен был этот красивый жест с отравлением своих малюток...

— Однако хладнокровная стерва сама заперла дверь на ключ, чтобы они не убежали, а после того, как врач впрыснул им цианистый калий, вышла в коридор, взяла у эсэсовца сигарету, преспокойно выкурила и только тогда хлопнула себя. Молодец баба! Разве нет, Ильза?

— С этим еще можно согласиться, она была права, опасаясь за своих малюток, если бы русские взяли их в плен, а вот на кой черт ей самой было следовать примеру своего благоверного хромоножки... Иозефа, разумеется, повесили бы в Нюрнберге вместе с твоим Германом и прочей компанией, а ей что...

— Ильза, ты забываешь, что Германа не повесили, а он отравился сам. Но дело не в этом, а Ева разве тоже не сплотовала... Дали бы ей несколько лет отсидки и досрочно выпустили... Американцы оказались славными парнями, я на них не в претензии...

— Да, премилая публика... Я в восхищении от них...

За такими разговорами о судьбе своих бывших подруг, Магды Геббельс и Еве Браун, коротали время на веранде утопающей в зелени великолепной виллы на берегу озера Штарнбергзее вдовы главных немецких военных преступников Геринга и Гесса. Давно миновало время, когда они, сидя в номере «Вдовьей гостиницы» в Ландсберге, тряслись за свое будущее.

Ныне Ильза Гесс не только занимается разведением пони и эксплуатацией своих двух доходных домов в Мюнхене, но и активно участвует в политической жизни Западной Германии. Принадлежащую ей в Баварии гостиницу «Бергхерберг» она превратила в место сборищ западногерманских нацистов. Здесь она беспрепятственно ведет фашистскую пропаганду среди местных и иностранных туристов. С этой целью используется находящаяся в гостинице большая библиотека, в которой много фашистской литературы. Один из сподвижников Ильзы Гесс — бывший эсэовец Керф.

Да, овдовевшие экс-фюрерши никак не могут быть в претензии к американским властям. В свое время союзники при-

няли совместные решения о конфискации всего имущества нацистских главарей. Но американские оккупационные власти выполнили их несколько своеобразно. Вместо того чтобы конфисковать имущество, они передали его наследникам. И вот жена и родственники скрывшегося Мартина Бормана владеют в Баварии почти сотней домов и вилл. Эмма Геринг по-прежнему владелица охотничьего замка в Берншцелле и виллы вблизи Берхтесгадена. Этот список «благодетелей» американцев может быть продолжен с указанием множества имен. Экс-фюрерши не только сохранили свои поместья, но им установили большие пенсии. Даже вдовы Геринга, Гиммлера и палача Чехословакии Гейдриха получают государственные пенсии. В то же время более миллиона жертв нацистского террора вплоть до 1963 года все еще ждут какой-то материальной компенсации.

Мы уже говорили о привольном житье-бытье высокопоставленных гитлеровских военных преступников в ландсбергской тюрьме. Столь же благоприятные условия со всевозможными удобствами были созданы и для множества военных преступников рангом поменьше в других тюрьмах и концлагерях Западной Германии.

Возьмем, к примеру, тюрьму Верль. Первое, что увидел бы посетитель во дворе тюрьмы, побывав в ней в середине пятидесятых годов, была клумба, художественно оформленная в виде свастики. Вокруг клумбы ходил мужчина в мундире нацистских бронетанковых войск и поливал цветы из лейки. На удивленный вопрос визитера последовал ответ начальника тюрьмы: — Вы знаете, раньше немецкие правила были на этот счет строги, но сейчас мы имеем английское предписание о более великодушном обращении с заключенными. Они, в частности, рекомендуют побольше держать их на свежем воздухе и, кроме того, устраивать два дополнительных спортивных часа в неделю. Это чрезвычайно полезное распоряжение,— пояснил он.— Иначе с ними ничего не поделаешь. Жиреют...

В результате обследования тюрьмы Верль, как сообщало агентство ДПА, было установлено, что заключенные там военные преступники могут получать неограниченное количество писем, выписывать газеты и журналы, иметь в своих камерах радио, посещать кино, заниматься разведением цветов, получать к рождеству посылки весом до 10 кг, учиться на заочных курсах.

А в лагере Лангвассер, вблизи Нюрнберга, было еще замечательнее. Заключенным нацистам были предоставлены прекрасно обставленные квартиры с коврами на стенах и мягкими креслами в салонах, с комфортабельными ваннами и радиоприемниками последних моделей. Им доставлялись

американские сигареты и шотландское виски. Когда «заключенным» надоедала лагерная жизнь, они отправлялись на прогулку в город, где навещали своих друзей и знакомых. По субботам и воскресеньям они сами принимали гостей. В лагере Лангвассер в таких условиях пребывали генералы и старшие офицеры войск СС.

Став на путь превращения Западной Германии в свой стратегический плацдарм, США трогательно пеклись о всяческом благополучии нацистских кадров. Тюрьмы и лагеря, где они содержались, были форменным раем. Предоставив им возможность на казенный счет отдохнуть от бремени военных забот, которые они испытали в недалеком прошлом, правящие круги США начали широкую кампанию амнистирования гитлеровских военных преступников. Тысячи из них были освобождены западными державами из лагерей и тюрем еще в годы, предшествующие ландсбергскому «фестивалю свободы». Вскоре помилование активнейших гитлеровцев приняло просто массовый характер, поистине превратившись в глумление над памятью миллионов людей, погибших от рук фашистских убийц.

Согласно указанию из Вашингтона, тогдашний верховный комиссар США в Западной Германии Джон Макклой выпустил на свободу и тысячи эсэсовских палачей. Монополии начали остро нуждаться в таких «кадрах». Выход из тюрем этих убийц был также обставлен торжественным образом. Тогдашний министр Западной Германии по так называемым «общегерманским вопросам» Якоб Кайзер приветствовал их как «гренадеров в борьбе против коммунизма». В середине пятидесятых годов одна иностранная газета поместила на своих страницах сатирический рисунок: Гитлер, разглядывающий в аду список помилованных военных преступников, восклицает, обращаясь к Геббельсу: «Иозеф! Вот где нам следовало быть!»...

Спустя несколько лет Т. Х. Титенс, автор книги «Новая Германия и старые нацисты», которая выпущена в свет в Лондоне издательством «Секер и Уорбург», рассказал о другом любопытном явлении, наблюдающемся сейчас в жизни Западной Германии. Привольно чувствует себя в ней и другая категория гитлеровских приспешников, которые после 1945 года скрывались под чужими именами и были прозваны поэтому «подводниками».

К началу 1962 года, пишет Титенс, по меньшей мере 120 тысяч бывших активных нацистов, в том числе военные преступники, живут сейчас под вымышленными фамилиями и с подложными документами в ФРГ. Западногерманская полиция, так сказать, «не замечает» их существования.

В начале пятидесятых годов в Западной Германии появились личные машины с несколько необычной эмблемой: черный крест и надпись ХИАГ. Так эсэсовцы зашифровали свой союз, который называется «Обществом взаимопомощи бывших солдат войск СС». ХИАГ быстро распространился по всей западногерманской территории, повсюду открылись его отделения.

В ноябре 1954 года главари ХИАГ решили провести первую после войны «встречу» фашистских молодчиков, служивших в частях СС, которую назначили в городе Изерлоне.

Сотрудник западногерманской газеты «Трибуне дер арбейт» описал события, которые произошли в Изерлоне. Ему, так же как и корреспондентке французской газеты «Юманите» и корреспонденту английской газеты «Дейли уоркер», удалось, сохраняя инкогнито, проникнуть на слет и даже в самый штаб эсэсовцев в гостинице «Бангофсгетель». Вот что он рассказал.

Представители всех бывших эсэсовских дивизий заполнили самый просторный зал города Изерлона — «Александрхее». Придерживаясь гитлеровской «традиции», фашисты проводили политическую встречу, накачивая себя спиртными напитками. На столе президиума, за которым расположились эсэсовские генералы Штейнер и Гармель, руководитель ХИАГ Грефорд и другие фашистские вожаки, стояла батарея вин. Оркестр играл военные марши; в такт музыке эсэсовцы стучали ногами и кулаками; вдруг кто-то заорал, потребовав сыграть любимый марш Гитлера. Одна провокационная фашистская песня сменяла другую — «День мести придет», «Едем на Англию» и т. д.

Эсэсовские молодчики, бахвалясь, вспоминали совершенные злодеяния, показывали друг другу фронтовые фотоснимки, на которых многие из них были запечатлены в момент кровавой расправы над мирными жителями. «Это было в Курске, а это — в Бордо», — указывали они на снимки. Какой-то фашист, представившись корреспондентке газеты «Юманите», гордо заявил, что он из разбойничьей дивизии «Дас рейх», той самой, которая совершила чудовищные преступления во французском городке Орадур-сюр-Глан...

То и дело можно было услышать характерные разговоры: «Ты из Голландии?» — «Нет, из Дании». — «Придет время, когда мы снова будем маршировать!» — «В следующий раз все надо сделать лучше. Пусть только поставят нас во главе».

С семи часов вечера до утра продолжалось фашистское пиршество. «За все, — писала «Трибуне дер арбейт», — платит великий друг — индустрия! На средства промышленных воротил и организовано это сборище. Так было до захвата Гитлером власти, так было в годы фашистской диктатуры, так и теперь».

Приняв корреспондента «Дейли уоркер» за своего британского соратника, генерал Штейнер разоткровенничался. Излагая разбойничью внешнеполитическую «программу», фашистский зубр старался убедить его в том, что эсэсовцы призваны возглавить новый вермахт, ибо «все другие мягкотелы».

Руководитель ХИАГ Герфорд произнес речь, прямо заявив, что никто не в праве запретить «Союзу любителей почтовых голубей» (так на сей раз эсэсовцы цинично себя маскировали) встретиться за кружкой пива. Никто не может им помешать «отдать почести» павшим товарищам.

Пользуясь попустительством полиции, эсэсовцы на следующее утро собрались на кладбище, где произносились реваншистские речи, войска СС восхвалялись как «первая европейская армия». Затем эсэсовские головорезы отправились в «Бангофсготель». И тут произошло то, чего они не ожидали.

Надо сказать, что известие о предстоящем сборище в Изерлоне вызвало в Западной Германии бурю возмущения. Из разных городов ФРГ, особенно из Рурской области, в адрес боннских властей посыпались протесты рабочих, профсоюзных и других организаций. В конце концов боннским покровителям эсэсовцев волей-неволей пришлось объявить сбор в Изерлоне «нежелательным». Однако «запрет» был сформулирован столь нерешительно, что эсэсовцы, как и следовало ожидать, не приняли его всерьез. «Нежелательное» сборище состоялось, но с неожиданным для его организаторов эпилогом.

Трудящиеся Изерлона, несмотря на сопротивление местных профсоюзных чиновников, устроили демонстрацию протеста против разгула фашистского отребья. Коммунисты, социал-демократы, беспартийные, профсоюзные активисты вышли на улицы города, неся полотнища с призывами: «Никогда больше не торжествовать эсэсовцам!», «Все для достижения соглашения и мира!». С возгласами «Вон эсэсовцев из Изерлона!», «Долой гробокопателей!», «Не быть фашистскому вермахту!» — демонстранты проникли в «Бангофсготель».

При виде их эсэсовцы оцепенели. Напускной храбрости как не бывало. Кое-кто пытался спастись бегством. Выпрыгивали в окна, в сад гостиницы. Генерал Штейнер, скрывшись на втором этаже, улегся в постель. «Господа генералы наверху завтракают, а здесь только пехота?», — крикнул кто-то из демонстрантов, стукнув кулаком по столу. Тогда один эсэсовец, заикаясь, пролепетал, что сидящий с ним рядом человек тоже генерал. «Это нам и надо было узнать!», — воскликнули рабочие, и в тот же миг несколько рук схватили эсэсовского генерала, который в страхе уцепился за своего адъютанта. Как пишет газета «Трибуне дер арбейт», оба они в момент вылетели из

помещения, за пределами которого «любовно» были встречены демонстрантами...

Власти пришли на помощь своим фашистским друзьям, но к прибытию полиции, оцепившей гостиницу, рабочие уже успели очистить ее от большинства эсэсовских молодчиков.

Эта демонстрация показала, писала упомянутая газета, каково значение борьбы демократических сил, которые разоблачат все фашистские провокации.

Об этом же говорил один из ораторов на созванном в Изерлоне три часа спустя собрании трудящихся: «Сегодняшний день показал мировой общественности, что в Германии есть силы, которые хотят и могут дать отпор милитаристам и фашистам и добиться согласия между немцами».

Под огромным тентом, натянутым над площадью, рассказывает очевидец, за столами сидели тысячи людей. Лоснящиеся от пота лица свидетельствовали, что большинство присутствующих уже успело нагрузиться пивом и шнапсом. В проходах давка. Все лезут вперед, чтобы взглянуть на своих фюреров, восседающих на почетных местах. Голос с трибуны, перекрывая пьяный гомон, называет имена почетных гостей — генералов эсэсовских дивизий («Мертвая голова», «Викинг», «Норд»...). Каждое имя встречается дикими криками радости, оркестр играет туш.

Затем зал устраивает овации «присутствующим здесь видным промышленникам», как представил их эсэсовцам председательствующий.

— Но вот, — рассказывает далее очевидец, — слово предоставлено эсэсовскому генералу Мейеру. Зал содрогается от воплей пьяного экстаза. Генерал растроган. Он скромно говорит, что восторженный прием следует отнести не к нему, а к «нашему шефу». Все сидящие вскакивают с мест, залезают на стулья, чтобы разглядеть сидящего впереди шефа.

«Нашим шефом» оказывается бывший командир «Лейбштандарта Адольф Гитлер» Зепп Дитрих. Осужденный в Нюрнберге военный преступник Дитрих только три месяца как вышел из тюрьмы в Ландсберге и сразу же поспешил сюда, к старым друзьям.

Где же и когда происходило описываемое?

Дело происходило осенью 1959 года неподалеку от Ганновера, в небольшом живописном городе Хамельне. В нем всегда без труда можно было найти свободный номер в гостинице, а вот теперь не только в самом городе, но и в округе на тридцать километров нельзя было найти места для ночлега: все заняли эсэсовцы. Их съехалось со всех концов Западной Германии ни много ни мало, а свыше пятнадцати тысяч — целая

дивизия по штатам военного времени. Повсюду рядами выстроились сотни роскошных лимузинов. На сверкающих бамперах номера многих городов Западной Германии — Нюрнберга и Мюнхена, Ганновера и Гамбурга, Бонна и Кёльна и других.

Сборище продолжалось. Панцер-Мейер (танк-Мейер), как звали генерала эсэсовцы, распинается на трибуне о задачах «эсэсовцев, ставших демократами». Мы, говорит эсэсовский генерал, должны сохранить в сердцах идею, за которую пали наши товарищи. Я не знаю за собой дел, о которых я мог бы сожалеть... Мы не хотим пролезать в существующее государство с черного хода, кричит панцер-Мейер. Мы хотим войти с парадного подъезда. Мы должны укрепить, улучшить это государство, чтобы оно действительно стояло на прочных ногах. Но прежде чем «решать национальную задачу», мы должны сами сплотиться воедино. «В 1945 году окончательное решение было только отодвинуто на более поздний срок», — цинично откровенничает танк-Мейер.

В заключение он откровенно заявляет: «Эта встреча была бы невозможна, если бы влиятельные политики в правительстве, в партии ХДС и в оппозиции не поддерживали нас».

После достопамятных событий в Изерлоне происходило немало подобных встреч гитлеровских головорезов. Люди, грудь которых усеяна фашистскими орденами, а к лацканам пиджаков приколоты шелковые ленточки с изображением черного германского креста, завоевавшего жуткую известность во многих странах Европы, стали проявлять повышенную активность с начала шестидесятых годов. Видимо, непосредственной причиной этого были ветры, дувшие из-за океанских далей. «Слеты», «встречи», «вечера воспоминаний» бывших эсэсовцев, хотя, как обычно, и сопровождаются пьяными оргиями, но политическая окраска их становится с каждым разом все более агрессивной. Недобитые разглагольствуют о «планах на будущее», «анализируют» современность, «учитывают уроки прошлого». «Дай бог, — заявил некий Шефер на сборище СС в Маленте, небольшом гольштинском городке, — чтобы войска НАТО в час испытания зарекомендовали себя так же, как в свое время это сделали войска СС».

В последнее время эсэсовская верхушка во всю ратует за получение ФРГ «права» владеть атомным оружием, а также выступает против нормализации положения в Западном Берлине. Обсуждению этих вопросов была посвящена тайная встреча бывших эсэсовских главарей, состоявшаяся осенью 1962 года. Участники этого тайного сборища обсуждали, в частности, вопрос о дальнейшем усилении влияния эсэсовской организации на западногерманскую политику и бундесвер. Как

явствует из выступления на встрече присутствовавшего здесь представителя бундесвера, боннские власти намерены еще шире использовать бывших эсэсовцев в качестве офицеров западногерманской армии.

...«Гори, огонь, полахай, пламя! Красный пожар, разгорайся! Его свет приведет к победе!» — гремело из репродукторов. На рейнском берегу возле Бонна под звуки фанфар и бой барабанов рвануло в ночь пламя огромного костра. «Придет день, мы поднимем наше пламя над силезскими горами», — подстрекал молодежную когорту «силезского землячества» его шеф Шельхауз, он же нижнесаксонский министр.

Лето 1962 года в Западной Германии кто-то метко назвал «летом реваншизма». Каждый из летних месяцев в этот год был ознаменован там проведением того или другого, а то и нескольких сразу мероприятий, призванных подогреть реваншистские настроения. Со всех сторон неслись истошные вопли недобитых, вечерняя тишина многих западногерманских городов то и дело нарушалась грохотом барабанов, военным кличем фанфар. По улицам маршировали колонны людей, одетых в полувоенную форму, освещаемых зловещим пламенем факелов, над их головами плыли разноцветные знамена и штандарты с тевтонской символикой. Ревом «Хох!», «Хейль!» и бурными овациями встречали недобитые появление тех, кто в недалеком прошлом приказывал им убивать, жечь, грабить, насиловать. Теперь в их сознание день за днем вдалбливают, что вскоре их снова призовут к исполнению прежних обязанностей.

Правящие круги ФРГ не жалеют усилий и средств на всевозможные реваншистские мероприятия, которые все более приобретают массовый характер. Десятки тысяч участников всяких сборищ доставляются специальными поездами и автобусами. Многие миллионы расходуются на транспорт, аренду помещений, декоративное оформление, питание.

На будто бы ожившие кадры из кинохроники тридцатых годов было похоже все творившееся на улицах западногерманских городов летом 1962 года.

Ни одно из сборищ недобитых не проходило без присутствия «почетных гостей» — министров, депутатов бундестага, генералов; все они выступали с речами, полными угроз и наглых претензий на чужие земли. Никогда фашистские выкорышки не посмели бы поднять свой голос, если бы не чувствовали за своей спиной полной поддержки со стороны боннских правителей.

В свете всего сказанного особенно опасными становятся, так сказать, успокоительные настроения, господствующие в некоторых кругах на Западе. Выразители этих настроений пы-

таются создать представление о том, что неонацизм в Западной Германии все еще неоформившаяся сила, якобы не располагающая достаточными возможностями для установления своей диктатуры в ФРГ. Такие возможности у недобитых есть, но дело в том, что их хозяева — монополии — считают такой шаг преждевременным. И, в частности, в этом нет нужды потому, что нынешний обитатель дворца Шаумбург и его окружение по своей духовной сути мало чем отличаются от заправил «третьего рейха». Идут они по той же проторенной дорожке: «дранг нах остен»... И как в прошлом, над ними витает дух безумия.

НЕ „ЖЕЛЕЗНЫЙ КАНЦЛЕР“, НО В СТАЛЬНОМ КОРСЕТЕ

Это происходило летом 1961 года в Ганновере. Грохотали барабаны, раздавались звуки фанфар, повсюду на щитах огромные орлы, держащие в страшных когтях угрожающие лозунги: «Даешь Силезию!». Собравшиеся фашистские молодчики, участники «германской встречи силезцев», истощно вопили о «своей незабываемой родине», которую большинство из них по молодости лет никогда не видело. В пьяном угаре они ревели о приближении «сладостного дня икс», когда их звериные инстинкты — убивать, жечь, насиловать, грабить, — словно спущенная с цепи стая бешеных псов, снова вырвутся на свободу и повсюду опять польется кровь и заполыхает пламя пожаров.

Но вот прибыли два высоких гостя, сразу прошедшие в первый ряд партера. Участники реваншистского сборища закричали: «Мы черная гвардия, которая любит Гитлера». Нельзя сказать, что пришедших смutilи слова этой песни и они как-то проявили свое недовольство.

Один из них был высокий и прямой, как палка, старик. Когда он шел, было чуть слышно мягкое поскрипывание стального корсета, который уже год позволявшего его обладателю удивлять окружающих стройностью своей фигуры. Одет он был в черный, не отличавшийся новизной, костюм, на голове — черная фетровая шляпа, сквозь стекла очков смотрели холодные, мутно-серые глаза. Сев на свое место, он снял шляпу, положил ее на острые коленки и, опершись левой рукой о подлокотник, устремил внимательный взгляд на трибуну.

На его спутнике был светлый модный костюм, и на тщательно выглаженных брюках выделялась острая линия склад-

ки. Опустившись в кресло, этот лет пятидесяти мужчина с двумя залысинами на высоком лбу сразу стал знакомиться с содержанием каких-то документов, которые он держал обеими руками.

Первый из высоких гостей, почтивших своим присутствием фашистское сборище, был Конрад Аденауэр, второй — его соперник и претендент на первую роль в эпопее реванша Вилли Брандт, обер-бургомистр «фронтowego города».

Соперники сели так, что между ними оказалось в самом центре ряда одно место, пустовавшее на всем протяжении сборища. Западногерманский журнал «Штерн» опубликовал фотографию, на которой было запечатлено это обстоятельство. Очевидцы, иностранные журналисты, задавали вопрос: а где же третий высокий гость, почему пусто место в центре?

Их немецкий коллега, корреспондент прогрессивной газеты, ответил им:

— Вам, иностранцам, конечно, трудно разгадать замысел устроителей, но для фашистских молодчиков, присутствующих здесь, это кресло не пустовало. Вспоминая, наверное, древние германские поверья, они видели здесь «великую тень, бесплотный дух фюрера».

Один из иностранцев, отвечая немцу, сказал: «Это все из области мистики, но как с разумом можно увязать вообще присутствие здесь двух высоких официальных лиц, сидящих по обе стороны пустующего кресла?».

Вот на этот вопрос ответить действительно трудно.

Реакционная пресса Запада называет Конрада Аденауэра «великим немцем», единственной жизненной целью которого будто бы является объединение Германии.

Перенесемся на сорок два года назад. Первое февраля тысяча девятьсот девятнадцатого. Жители древнего прирейнского города, издавна славящегося своей архитектурой, музеями, библиотеками и театрами, переживают необычное волнение. В большом зале кёльнской ратуши оченьлюдно, собрался весь цвет рейнских земель — видные промышленники, депутаты ландтагов земель и бургомистры городов. Председательствует на этом представительном собрании худощавый человек средних лет в черном сюртуке, застегнутом на все пуговицы, и черных брюках со штрипками.

В зале воцарилась напряженная тишина, когда он поднялся со своего места, чтобы огласить документ «исторического значения»: кёльнский обер-бургомистр Конрад Аденауэр изложил собравшимся свой план отделения рейнских земель от Германии и образования сепаратной Рейнской республики. Заканчивая свое выступление, Аденауэр провозгласил: «Мы

должны присоединиться к Франции непосредственно или как буферное государство».

Но было бы несправедливо возводить поклеп за это неблаговидное дело только на одного кёльнского обер-бургомистра. Действовал он, разумеется, не один: за его спиной стояли рурско-вестфальские бароны. Примерно за месяц до этого в уютной и комфортабельной обстановке одного из замков, там, где летом, по словам Гейне,

Прохладой сумерки веют,
И Рейна тих простор..,

собралось не столь многочисленное общество и председательствовал там не Конрад Аденауэр.

Именно там вершители судеб Германии изрекли свое неписанное решение: создать новое государственное образование в составе рейнских земель — Баварии, Австрии, Эльзаса и Лотарингии. На этом совещании был образован специальный комитет для реализации намеченных планов. В качестве его председателя собравшиеся поставили своего человека — Аденауэра. Выдвижение этой кандидатуры было отнюдь не случайным: не без ведома их он заблаговременно вступил в тайный контакт с вчерашним противником.

Конрад Аденауэр, давно уже усвоивший правило держать в политике «нос по ветру», еще в 1918 году предложил свои услуги державе, претендовавшей на руководящую роль в Европе. В беседе с высокопоставленным представителем французского командования в Кёльне он без всяких околичностей заявил: «Мы готовы отделиться от Пруссии. Я могу предложить вам свое сотрудничество».

Предлагая себя иностранной державе в качестве ее тайного агента, Аденауэр лелеял мысль одним махом с ее помощью выйти в дамки — стать президентом Рейнского буферного государства. Он им не стал не по своей вине и не потому, что Франция отказалась от этого замысла. На сцену выступил рабочий класс Германии и сказал свое слово. Он решительно выступил против расчленения своей родины. Происшедшие 1 июня 1919 года в различных городах Западной Германии сепаратистские путчи окончились полным провалом.

Отто Винцер, видный деятель Социалистической единой партии Германии, написал интересную брошюру под названием «Предательство Конрада Аденауэра. От сепаратизма к объединению Европы», вышедшую в свет в Берлине в 1952 году. Говоря о событиях лета 1919 года, Винцер пишет: «Воля к борьбе и действия рабочих нанесли смертельный удар первому сепаратистскому движению, направленному на раскол Германии».

Но еще раньше, в том же 1919 году, буржуазный немецкий историк Брюггеман в своем труде по истории сепаратистского движения в Рейнской области констатировал, что действия Аденауэра целиком подпадают под соответствующие параграфы германского закона о государственной измене. Согласно этому закону, сепаратистская деятельность Аденауэра должна была бы караться пожизненной каторгой или пожизненным заключением в тюрьму.

В ноябре 1923 года Аденауэр попытался снова сесть в президентское кресло и настойчиво убеждал председателя союзной верховной комиссии Тирара в необходимости немедленно образовать «рейнское правительство» во главе с ним. Из Парижа на это новое предложение кельнского обер-бургомистра последовало полное согласие. Когда клика сепаратистов, возглавляемая Аденауэром, решила осуществить свои намерения, ей снова пришлось увидеть, что такое противодействие народа. Осенью 1923 года во многих городах Западной Германии произошли столкновения между трудящимися и бандами сепаратистов. Последние потерпели полный провал.

Спустя 40 лет, находясь в Соединенных Штатах Америки, когда ему уже стукнуло восемьдесят семь лет, Аденауэр уверял президента Кеннеди, что «решающее значение имеет не возраст, а политическая память, которая у меня все еще очень молода и все еще очень свежа». Что ж, это неплохое качество, позволяющее человеку досконально восстанавливать факты далекого прошлого. Поэтому герру Аденауэру и теперь нетрудно уточнить все относящееся к тому периоду его темного прошлого, о котором один его политический противник, отнюдь не коммунист, сказал следующее:

«Каждый может что ему угодно думать об Аденауэре, но даже воды всего Рейна не хватит, чтобы смыть позор, которым он покрыл свое имя после первой мировой войны, когда примкнул к лагерю сепаратистов».

Но надо быть наивным человеком, полагая, что Аденауэр, эта хитрая лиса, в своей политической игре делал ставку только на одну Францию. Предусмотрительность его была исключительной, причем сугубую дальновидность он проявил в личной жизни: покойная жена Аденауэра, урожденная Цинссер, приходилась двоюродной сестрой Эллен Макклой, супруги бывшего верховного комиссара США в Западной Германии.

В завязывании явных и тайных контактов Аденауэр всегда действовал с далеким прицелом. В 1929 году он послал в Рим телеграмму: «Имя Муссолини будет золотыми буквами вписано в историю католической церкви». Связи с Ватиканом Аде-

науэр особенно упрочил тем, что через свою дочь породнился с кёльнским кардиналом Фрингсом, который еще на школьной скамье обучал его искусству политического лицемерия и слепого повиновения ордену иезуитов.

Женитьба на фрейлейн Виллаф, дочери одного из рурских баронов, проложила Аденауэру дорогу в замки магнатов индустрии. Вскоре человек, которого называют богатейшим в Германии, становится другом вчерашнего провинциального политикана. Прошло несколько лет, и имя Конрада Аденауэра запестрело в составе наблюдательных советов многих фирм и банков. Мало того, его выдвигают на пост президента прусского государственного совета. Немецкие монополисты не скупались и на более ощутимые знаки внимания «своему человеку». Например, концерн по производству искусственного шелка вручает ему пакет акций на миллион марок.

Французские империалисты быстро разобрались в том, что собой представляет этот ретивый сепаратист из Кёльна. Верховный комиссар Франции в Кобленце метко охарактеризовал поведение Аденауэра в первые годы после мировой войны: «Он левым глазом смотрел на британского посла, правым — на папского нунция и на четвереньках полз к тяжелой промышленности Рура».

От бдительного ока второго бюро французского генерального штаба, однако, ускользнула еще одна тайная нить, которую в те годы протянул сверхдальновидный Аденауэр. Но все тайное со временем становится явным. Так получилось и в данном случае. В конце 1961 года в немецком журнале «Документацион дер цейт» было опубликовано письмо Аденауэра, адресованное им гитлеровскому министру внутренних дел Фрику. Автор письма на этот раз выступил в роли просителя, умоляющего признать его заслуги перед нацизмом еще в то время, когда Гитлер не был у власти.

«По отношению к НСДАП,— писал Аденауэр,— я всегда занимал исключительно корректную позицию». Далее он обстоятельно (что заняло большую часть его заявления, изложенного на одиннадцати страницах, отпечатанных на машинке) описывает свои действия на пользу нацизму в тот период, когда он рвался к власти. Оказывается, будучи кёльнским обер-бургомистром, Аденауэр предоставлял в распоряжение нацистов городские стадионы и разрешал вывешивать флаги со свастикой на городских флагштоках и т. д. и т. п.

Вот и раскрылся ларчик с тайными заслугами перед фашизмом одного из тех политических деятелей, кто играл не последнюю роль в расчистке пути Гитлеру. Аденауэр, обладавший многомиллионным состоянием, молил гитлеровского

министра об установлении ему ежемесячной пенсии в тысячу марок. Тот охотно удовлетворил просьбу Аденауэра.

Итак, надо полагать, что круг, как видим, весьма разнообразной политической ориентации кёльнского обер-бургомистра, наконец, замкнут. Нет, ошибаешься, читатель. Представьте себе, Конрад Аденауэр не только стоял на коленях перед немецкими монополистами и одновременно тайно продавал свои услуги иностранным империалистам и прислуживал Ватикану, но он еще преуспел и на поприще... движения Сопротивления. Да, да, мы не шутим. В Западной Германии нашлись люди, которые пытаются утверждать, что Аденауэр якобы был участником Сопротивления и будто бы даже подвергался преследованию со стороны гестапо. Ну что же, восстановим истину и в этом вопросе, если хорошая политическая память (мы это уже знаем) бывшего федерального канцлера отказала ему и в данном случае.

Летом 1943 года в прелестной вилле Аденауэра в Рендорферхейм на Рейне, окруженной виноградниками и чудесными лужайками, появился один из его бывших коллег по католической партии «Центра» некий Вильгельм Карл Герст. За завтраком гость, приехавший по поручению своих единомышленников, попытался выведать настроения хозяина. В ответ тот, оглянувшись по сторонам, приложил палец к губам. Так Герст ни с чем и уехал.

Следующим летом, что было незадолго до покушения на Гитлера, в гостях у Аденауэра побывал его давнишний друг Герделер, бывший обер-бургомистром Лейпцига, тот самый человек, которого «немецкая оппозиция» прочила в главы правительства после устранения фюрера. В палисаднике, благоухавшем ароматами множества цветов, Герделер, соблюдая крайнюю предосторожность, намекнул тоже отставному бургомистру, что в ближайшее время возможны важные события...

Аденауэр, сосредоточенно поливавший в это время георгины и настурции, отставил садовую лейку, взял черный зонтик, воткнутый в грядку, низко раскрыл его над собой и, заслонясь им, едва шевеля губами, сказал: «Мои уши ничего не слышали, и я не желаю участвовать в этой затее».

После того как полковник фон Штауфенберг пытался убить Гитлера, в числе лиц, задержанных гестапо, оказался и Аденауэр. Надо быть предельно наивным, предполагая, что вездесущая гитлеровская тайная полиция не окружала жизнь таких людей, как будущий канцлер, невидимой сеткой наблюдения даже в том случае, когда сама пользовалась их услугами. Разумеется, она была информирована о всех посетителях виллы в Рейндорферхейм, и не обязательно, чтобы эта ин-

формация поступала бы от секретных сотрудников гестапо, завербованных среди личного окружения бывшего сепаратиста. Короче говоря, Аденауэру пришлось пробыть на попечении гестапо всего лишь несколько дней. Затем он в полном здравии вернулся восвояси. Вот и все участие Аденауэра в «движении Сопrotивления».

В Западной Германии на левом берегу Рейна в живописной местности раскинулся небольшой заштатный городок, в котором перед минувшей войной проживала всего сотня жителей. Городок этот известен только тем, что в 1770 году здесь родился Бетховен — великий немецкий композитор, а в 1835—1836 годах в числе слушателей Боннского университета был Карл Маркс. Мы говорим о Бонне, ставшем с 1949 года столицей ФРГ.

Ныне Бонн имеет мировую известность, но не тем, что он приобрел явно американскую окраску, как об этом пишет печать США, а тем, что стал центром нового заговора против мира и безопасности народов Европы. Здесь обосновались самые черные силы немецкой реакции и милитаризма, замышляющие снова ввергнуть человечество в пожарище войны с целью взять реванш. Боннские мальбруки мечтают ни много ни мало о восстановлении империи Карла Великого, в которую должны войти кроме Германии и Австрии часть Швейцарии, Эльзаса и Лотарингии.

Первым мероприятием на пути реализации этих замыслов западногерманские милитаристы считают «освобождение Восточной Германии». Эти планы день за днем вынашивались во дворце Шаумбург, официальной резиденции бывшего федерального канцлера Конрада Аденауэра.

В 1959 году в немецкой демократической печати были опубликованы материалы об агрессивном плане боннских реваншистов, известном под названием «ДЕКО II». Согласно этому плану, бундесвер предполагает, применяя атомное оружие, в течение одних суток осуществить оккупацию среднегерманского пространства до линии Одер — Нейссе, то есть всей ГДР.

Свои стратегические планы современные боннские «полководцы» строят на основе учета «ошибок прошлого». Они считают, что главным просчетом в обеих мировых войнах была война на два фронта. Теперь же они намереваются направить волну реваншизма лишь по восточному руслу, нацелив ее на социалистический лагерь.

Еще в начале двадцатых годов Конрад Аденауэр выступил в качестве подголоска в международном антисоветском хоре. «Я,— заявил он в интервью корреспонденту парижской га-

зеты «Журналь», — являюсь борцом против большевизма». Спустя сорок лет после этого заявления в Бонне образовался узкий круг «посвященных», в котором вновь ожила маниакальная «идея фикс», царившая в умах нацистской верхушки, — «дранг нах остен». Эти «посвященные» рассчитывают, что в недалеком будущем западногерманский военный потенциал позволит им в полную меру проводить пресловутую политику «с позиции силы».

В представлении «посвященных» Федеративная Республика — это уже «бастион против большевизма». Они вынашивают как самую сладкую мечту нанесение атомных ударов по Москве, Уралу и советским нефтеносным районам...

Хотя боннские реваншисты и тешатся уверить всех и вся, что им ничего не грозит в том случае, если они развяжут войну, но на деле все это выглядит иначе. В начале 1963 года боннская полиция конфисковала второй номер еженедельника «Квик», в котором была опубликована весьма любопытная информация о строительстве противоатомного убежища лично для канцлера и других «посвященных». В очерке под названием «Здесь строит Бонн свой командный бункер» журнал поставил ряд вопросов и тут же дал на них ответы.

Что предпримет Бонн в серьезном случае? Где укроется правительство, когда наступит катастрофа? Как защитится верхушка государственного аппарата? — спрашивает «Квик». И выясняется, что в Бонне разработан план строительства гигантского убежища, из которого так называемый совет обороны ФРГ мог бы осуществлять руководство страной в обстановке ядерной войны.

Для сооружения убежища боннские власти используют два железнодорожных тоннеля, пролегающих в массиве пятидесятиметровой скалы, расположенной в долине живописной реки Ар; тоннели были построены в первую мировую войну, когда прокладывалась так называемая «дорога Людендорфа». Во время минувшей войны здесь находились предприятия, выпускающие снаряды «ФАУ-1».

Что касается «восточных» прожектов, то «посвященные» все-таки отдают себе отчет, что осуществление их по воле вилами писано, а вот уже происходящее на Западе — это вещи реальные. И они особенно милы и дороги сердцу престарелого канцлера. Подумать только, что не удалось Гитлеру, то удалось Аденауэру: без единого выстрела расположить подразделения бундесвера на территориях Франции, Англии, Дании.

В январе 1962 года канцлеру исполнилось 86 лет, что было отмечено традиционными официальными поздравлениями, семейными торжествами и военным парадом. Во время парада

Аденауэр обошел ряды почетного караула солдат бундесвера, выстроившегося перед его резиденцией. Был исполнен прусский торжественный марш. Затем статс-секретарь министерства обороны Хопф, контр-адмирал Ценкер и пять генералов преподнесли юбиляру подарок — фотоальбом со снимками войсковых частей бундесвера, марширующих на военных базах ФРГ, расположенных в некоторых странах НАТО.

Да, подарок символический!

Кто не слышал о пресловутом «экономическом чуде» — пропагандистско-рекламной шумихе, поднятой западногерманскими монополиями. Но если сейчас в ФРГ кто и верит в это «чудо», так это только потребители шампанского «Хенкель». На смену «чудесным настроениям», которые будто бы сопутствуют так и этак склоняемому «процветанию», приходит чувство страха, охватывающего все более широкие слои населения. Страх медленно, но уверенно вползает в душу жителя Западной Германии.

«Правда,— пишет известный немецкий публицист Роберт Юнг,— страх ощущался уже давно, но никто не хотел признаваться в этом. И все же именно страхом объяснялись лихорадочная погоня за наслаждениями и какое-то иступленное мотовство, столь мало свойственное национальному характеру обитателя Западной Германии». Далее Р. Юнг отмечает: «Немцы стали поглощать огромные количества спиртных напитков». Да, нельзя не согласиться с Юнгом: когда люди начинают испытывать чувство страха, то они нередко пытаются заглушить его алкоголем.

«Еще никогда,— констатирует газета «Вельт»,— насколько хватает памяти, атмосфера в Бонне не была такой напряженной, такой нервной, такой беспокойной и гнетущей. Никогда еще лица самих участников событий не были столь удрученными...».

В чем же дело, с чем связано все происходящее в Бонне?— задают вопрос и в иностранных кругах.

Почти десять лет, то есть за время пребывания на посту главы боннского правительства, западная печать величала Аденауэра то «великим канцлером», то «почти Бисмарком», то «ледяным канцлером». Это звучало веско, решительно. Сравнить Аденауэра с Бисмарком, разумеется, просто смешно. Смешно хотя бы потому, что человек, вошедший в историю с прозвищем «железный канцлер», при всей своей реакционности был искусным дипломатом и политиком, умевшим трезво оценивать развитие исторического процесса. Бисмарк как немецкий государственный деятель запечатлел себя в анналах истории в качестве объединителя Германии.

Кем же называют и будут называть немцы Конрада Аденауэра? — Одним из главных виновников раскола Германии, самым непримиримым противником ее объединения на мирной, демократической основе. Вместе с группой своих ближайших приспешников Аденауэр упрямо толкал Западную Германию на путь катастрофы.

В этом секрет царящего в Бонне уныния и страха, все шире проникающего в сердца боннских деятелей.

ТЕНЬ ДУЧЕ

В центре итальянского города Парма, на площади Маркони, стоит высокая неотесанная глыба и на ней огромная статуя партизана. За плечами его развевается короткий плащ, в руке он держит обращенный вперед с припущенным дулом автомат. Ветер откинул и приподнял со лба пряди его густых волос. В каждой черточке мужественного, спокойного, сурового лица чувствуется негибимо твердый характер, непоколебимая воля борца за народную свободу.

9 декабря 1961 года фашистские бандиты под этот замечательный «Монументо аль Партеджьяно» подложили бомбу. К счастью, памятник не был поврежден. Он стоит, как стоял. На другой день после этой гнусной диверсии весь газон вокруг монумента был сплошь засыпан множеством огромных букетов из красных гвоздик, принесенных коллективами городских предприятий и учреждений.

И это не первое свидетельство тому, что не добытые в дни войны фашистские молодчики из чернорубашечников Муссолини вновь поднимают головы. Тень дуче, который еще в памяти всех антифашистов болтается вверх ногами на площади Лоретто в Милане, вновь поднимается над прекрасной Италией.

В 1945 году фашизм в Италии потерпел военное поражение. Однако, несмотря на огромный размах и мощь национально-освободительного движения, корни фашизма в стране не были выкорчеваны, и он смог уйти в подполье. В начале 1944 года так называемое министерство народной культуры и фашистская партия приступили к организации подпольной фашистской деятельности, которая должна была развернуться после прихода союзных войск. Под руководством секретаря фашистской партии Паволини по типу гитлеровских диверсантско-террористических организаций «вервольф» было создано подпольное «движение». Это «движение», на организа-

цию которого было отпущено 80 миллионов лир, имело свои тайные центры во всех провинциях Италии.

В первые послевоенные годы в Италии действовал также ряд полулегальных фашистских организаций, замаскированных самыми различными вывесками. Одной из них, к примеру, было так называемое «трехцветное движение», возникшее на севере и выдававшее себя за патриотическую националистскую группировку монархического толка. Из подпольных фашистских организаций следует также указать на «фашистско-демократическую партию» и «партию фашистского действия».

Любопытным фактом, отмеченным в то время полицией, было то, что из каждых четырех арестованных участников подпольных фашистских банд в среднем трое оказывались одновременно членами реакционного движения «Уомо куалюнкуе», пользовавшегося полной легальностью и имевшего свой руководящий центр в Риме.

В 1947 году в Италии происходит, так сказать, реорганизация фашистского подполья. Центром фашистских сил в стране становится воссозданная вопреки условиям мирного договора и открыто поощряемая правительством де Гаспери партия «Итальянское социальное движение», по-итальянски — «Мовименто социале итальяно», или сокращенно — МСИ. Оно происходит от названия марионеточной неофашистской «социальной республики», основанной Муссолини в оккупированной гитлеровскими войсками северной части страны после выхода Италии из войны.

Главарь и активисты «Итальянского социального движения» — это бывшие руководители фашистской партии, ее функционеры, бывшие фашистские министры, журналисты, сотрудники охраны. Многие из них после освобождения Италии были осуждены за военные преступления и за подпольную фашистскую деятельность. Но затем их амнистировали по требованию англо-американских оккупантов и дали возможность легально возобновить свою деятельность. Рядовой состав МСИ — это в основном деклассированные элементы.

МСИ не только в названии подчеркивает преемственную связь с Муссолини. Оно отмечает годовщину его казни, даты основания фашистской партии, захвата ею власти и прочие «исторические вехи» демонстрациями, митингами, воззваниями и разного рода провокациями, которые поощряются властями. Участники «Итальянского социального движения» публично пользуются фашистскими эмблемами, флажками, лозунгами и приветственными жестами.

Хотя МСИ и служит легальным прикрытием многих подпольных и полулегальных террористических погромных орга-

низаций, но по тактическим соображениям некоторые из них сохранили свою «независимость» и, бывает, даже подвергаются дискриминации со стороны властей.

Такого рода тактика реакции вызвана серьезным ростом в стране движения народного протеста против фашистской опасности. Поэтому реакция нуждается в специальных ударных отрядах, выступления которых против широких масс могли бы выдаваться за их «самостоятельные акции». Для большей убедительности, что они действуют по собственной инициативе, полиция иногда привлекает их главарей «к ответственности».

«Итальянское социальное движение» располагает сетью подпольных военизированных организаций, которые действуют в тесном контакте с полицией, наводненной, в свою очередь, фашистами и агентами охраны Муссолини. Эти подпольные отряды пополняет наряду с матерыми фашистами буржуазная «золотая молодежь», падкая на разного рода авантюры. Эти отряды располагают оружием и взрывчатыми веществами американского происхождения.

Вот они главным образом и совершают террористические акты — покушения на демократических, политических и профсоюзных деятелей, устраивают взрывы в помещениях Коммунистической партии, вооруженные нападения на демонстрации. Нити раскрытых фашистских провокаций и заговоров, как правило, ведут к американским разведывательным органам.

Итальянская газета «Моменто» как-то опубликовала интервью с неким полковником Валерио, который заявил, что организации фашистского «подполья» поддерживают между собой тесный контакт при энергичном содействии специальных уполномоченных по связи, состоящих на службе итальянской и американской разведок.

Одна из таких конспиративных фашистских организаций — «Антибольшевистский фронт» (ФНА) — несколько лет назад организовала широко разветвленный заговор на случай неблагоприятного для христианско-демократической партии исхода парламентских выборов. Заговор ставил себе целью восстановление фашистского режима в Италии. Штаб обосновался в Бари. Опираясь на так называемые «группы революционного действия», ФНА развернула террористическую деятельность против демократических партий и организаций. Во главе ФНА после тайного свидания ее руководителей, происходившего в Мессине, был поставлен маршал Джованни Мессе, командовавший итальянскими войсками на советско-германском фронте. Американская и английская разведки, а также итальянские монополии оказывали всяческую поддержку ФНА.

На совещании руководства ФНА в Риме с участием генерала Пиеке, одного из видных чиновников министерства внутренних дел (бывшего деятеля ОВРА), был выработан план вооруженного выступления. На этом совещании присутствовали, кроме Мессе и других руководителей ФНА, представитель «Интеллидженс сервис» Дидс и представитель итальянской конфедерации промышленников Сарторио.

План предусматривал совместные действия мятежников, полиции и армии и создание военно-политического аппарата для захвата власти.

Одним из мероприятий, намеченных на этом секретном совещании, были действия по срыву выборов с помощью специальных агентов, которым поручалось провоцировать инциденты в избирательных участках. Этим агентам были выданы фальшивые документы, «удостоверяющие» их принадлежность к партиям Национального демократического фронта, с тем чтобы власти могли возложить ответственность за беспорядки на «коммунистов» и создать предлог для введения осадного положения.

Благодаря бдительности трудящихся Италии заговор ФНА провалился.

Усилению процесса консолидации правых сил под фашистским знаменем прямо способствовала позиция бывшего главы итальянского правительства де Гаспери. Занимавший продолжительное время пост премьера, де Гаспери без всяких оков демонстрировал преемственность и родство христианско-демократического режима с режимом Муссолини. В одном из своих выступлений он объявил, что понятие «фашист» вообще потеряло всякий смысл, так как оно якобы «применимо как угодно и против кого угодно». Де Гаспери призывал фашистов последовать за христианско-демократической партией, так как она «исполнена готовности к примирению».

В этих условиях, естественно, перед МСИ открылись широкие возможности максимально укрепить свое положение в стране. В настоящее время «Итальянское социальное движение» считается четвертой по величине партией в стране после христианских демократов, коммунистов и социалистов. Если верить данным, сообщенным руководством МСИ, эта партия насчитывала в конце сороковых годов около 300 тысяч членов. Спустя пять лет было объявлено, что численность этой партии достигла уже 600 тысяч человек. Разумеется, эти цифры вымышлены, но нельзя недооценивать и несомненного роста фашистских сил в Италии. На выборах в 1958 году МСИ собрала один миллион четыреста тысяч голосов и получила 24 места в палате депутатов.

В самом начале шестидесятых годов лидер правого крыла демохристиан Фернандо Тамброни только в результате помощи депутатов от МСИ смог образовать парламентское большинство. Реакция готовилась официально закрепить свой «тайный союз» с неофашизмом и предоставить ему министерские посты, но вмешался народ Италии и сорвал реализацию планов реакции.

По словам одной итальянской газеты, гнездо итальянских ультра обосновалось в небольшой квартире на четвертом этаже старинного дворца на улице Двадцать пятого апреля, в самом центре Генуи. В пяти или шести комнатах, составляющих эту квартиру, нет ничего такого, что напоминало бы мрачную, времен д'Аннунцио, атмосферу первых «боевых фаший» Муссолини. Здесь нет ни кинжалов, ни черных штандартов с изображением черепа, ни ручных бомб, лежащих на бумагах, как пресс-папье. Лишь несколько трехцветных национальных флагов, пачка манифестов (тоже на трехцветной бумаге) да фотография папы Пия XII напоминали о том, что это не коммерческая контора.

В описанном помещении находится «тайная» штаб-квартира итальянских фашистов в Генуе, из которой осуществлялось руководство местными экстремистскими группами во время событий, происшедших в этом итальянском городе летом 1960 года. А события эти были весьма знаменательные.

В один из дней начала лета этого года в итальянских газетах появилось короткое сообщение о том, что «Итальянское социальное движение» созывает в Генуе 2 июля свой «национальный конгресс». Это известие молнией облетело город, повсюду стихийно возникали собрания, митинги протеста. Первыми вышли на улицу партизаны. К ним присоединились рабочие заводов и фабрик, служащие и женщины-домохозяйки. Огромные толпы народа собрались у «Святая святых» — большой мраморной доски на улице Двенадцатого сентября, где золотыми буквами записаны имена павших борцов за свободу Италии.

С каждым днем размах движения протеста нарастал. Транспаранты и плакаты, которые несли демонстранты, выражали непреклонную волю масс: «Вон фашистов из Генуи!», «Смерть фашистским убийцам!», «Спротивление продолжается!».

Местные власти, однако, твердо заверили Рим, что они обеспечат проведение съезда «Итальянского социального движения». В помощь им спешно были переброшены полицейские части и войска из других районов страны.

30 июня в Генуе началась всеобщая забастовка — вся жизнь в городе замерла. На улицы вышли демонстранты, в

рядах которых насчитывалось сто тысяч человек. В одних шеренгах с генуэзцами шли делегации, прибывшие из других итальянских городов. На центральной площади полиция атаковала безоружных демонстрантов. Полицейские на «джипах» врзались в толпы народа, избивали людей дубинками, бросали бомбы со слезоточивым газом, мощные струи воды из брандспойтов сбивали с ног демонстрантов. Вдруг раздались выстрелы — и на землю упали раненые.

Полиция рассчитывала запугать демонстрантов, но результат получился противоположный. Возмущенный народ ринулся на полицейских, запылали несколько мгновенно опрокинутых «джипов», пошли в ход камни мостовой. Потеряв несколько десятков человек, полиция стала отступать. Одного полицейского капитана, только что окончившего специальные курсы по борьбе с демонстрантами, толпа подтащила к фонтану и окунала его с головой в воду, пока он не начал задыхаться. С трудом руководителям демонстрации удалось спасти его и уговорить народ прекратить сражение с полицией.

Но люди были готовы в любой момент снова начать борьбу. На некоторых улицах появились баррикады, кое-кто из генуэзцев вооружился автоматами, накануне отнятыми у полиции. В одной из воинских частей, стянутых в эти дни в Геную, исчезли пять танков, да, именно исчезли! Военное командование приняло все меры к их розыску, но безрезультатно. Только когда народ добился своего, в штабе части раздался телефонный звонок и неизвестный сообщил, что в таком-то месте в горах находятся пропавшие танки...

Население Генуи не осталось в своей борьбе одиноким. Бурлила вся страна, во многих городах происходили стачки, демонстрации, кровопролитные столкновения с полицией. Так протестовал итальянский народ против попытки МСИ провести свой съезд в Генуе.

1 июля ночью префект Генуи позвонил руководителям прогрессивных организаций города и заявил: «Съезда не будет». Правительство Тамброни под напором масс вынуждено было пойти на попятную. Победа народа была полная. И выражая законную гордость своей победой, генуэзцы положили у мраморной доски «Святая святых» плакат с надписью: «Герои Сопротивления, Генуя достойна вас!».

В следующем году МСИ попыталось организовать свое собрание во Флоренции, и опять трудящиеся дали нацистам решительный отпор. Фашисты были вынуждены ретироваться из города.

Несмотря на поддержку со стороны всех сил реакции, Тамброни все-таки пришлось покинуть пост премьера. Но

итальянцы рассказывают, что, уйдя в отставку, он с еще большим жаром занялся деятельностью по сплочению рядов антинародного фронта. Итальянская газета «Экспрессо мезе» сообщает любопытные данные по этому поводу. Оказывается, что подпольный организационный центр итальянских ультра сейчас находится в квартире, расположенной в одном из самых современных и красивых торговых зданий на улице Пьемонте. Формально эта квартира предназначена для какого-то исследовательского бюро. В действительности же здесь находится оперативный центр бывшего итальянского премьер-министра Фернандо Тамброни, который отсюда руководит действиями итальянских ультрареакционных элементов. «Это движение,— пишет газета,— нельзя полностью отождествлять с фашизмом, хотя между ними связь совершенно очевидна».

Если бы не прямая поддержка со стороны правых групп правящего лагеря, то итальянский фашизм не смог бы вообще снова вылезти на политическую арену — так велика ненависть к нему широких масс. Благодаря этой помощи фашизм укрепляет свою базу, рвется к власти.

В июле 1962 года в римском театре «Элизео» состоялось собрание антифашистов. Выступивший на собрании известный деятель итальянской компартии сенатор Террачини отметил, что фашисты активизировали свою деятельность в стране и пользуются поддержкой правых сил, которые встревожены борьбой итальянских демократов и смотрят на фашистские организации как на свой резерв. «Неофашистским группам оказывается финансовая помощь и политическая поддержка», — сказал Террачини. Он указал на наличие «сговора между фашистами и значительной частью государственного аппарата».

„ТОЛЬКО НА КАТАФАЛКЕ“

Как-то, это было вскоре после окончания войны, лондонский корреспондент американского журнала «Кольерс» спросил одного английского монтера-телефониста, хочет ли он возвращения Мосли на политическую арену. Монтер ответил: «Только на катафалке».

Ответ был вполне вразумительный.

Английский народ весьма недвусмысленно выразил свое резко отрицательное отношение к фашистскому движению еще в довоенное время. Да и могло ли быть иначе, поскольку широкие массы англичан быстро разобрались в том, что несет им фашизм. Рядовые англичане дали правильную оценку тактическим приемам фашистских организаторов еще за не-

сколько лет до начала войны. Лондонская газета «Таймс» 13 октября 1936 года опубликовала письмо Германа Файнера о тактике, применяемой ими в Ист-энде, пролетарском районе английской столицы.

Отметив, что британские фашисты в точности копируют тактику итальянских чернорубашечников, автор по пунктам перечислил наиболее характерное в ней:

«1. Чтобы завербовать сторонников, запугать противников и заставить молчать свидетелей, следует вызвать общественное возбуждение.

2. Люди не будут придавать значения вашему делу, если вы не будете держать себя вызывающе; необходимо разжигать страсти и, главное,— ярость.

3. Важно не столько использовать логические доводы, сколько действовать на самые грубые, даже животные инстинкты, потому что публике уже нечего предложить такого, чего не предлагалось бы ей в программах и в речах лидеров консервативной, либеральной и лейбористской партий. Таким образом, единственный способ привлечь внимание — это провокация и разжигание ненависти.

4. В Англии лучший вид провокации — злостное поношение коммунистов и евреев.

5. Чтобы сохранить организацию «в боевой готовности» в период всеобщего благополучия (уменьшение безработицы, отсутствие экономического кризиса), нужно все время иметь в виду врага, а если врага нет, его нужно выдумать. Цель оправдывает средства.

6. Поэтому в лондонском Ист-энде учреждается штаб-квартира, жителей доводят до иступления оскорблениями, угрозами будущего террора и запугиванием силами местных головорезов.

7. После систематического применения этих средств в накалившем до предела районе устраивается демонстрация. Все это приводит к интересным последствиям: а) если жертвы не сопротивляются, демонстрация проходит продуманно, за ней следуют маневры в более крупном масштабе.; б) если жертвы проявляют негодование, на которое их упорно провоцировали, и готовность защищаться, вы вправе прибегнуть к помощи полиции: ведь у нас демократия, и нужно ее использовать для нашей цели, то есть для ее уничтожения!».

До войны он ездил в длинном черном лимузине. Одет был в черный китель военного покроя с фашистской нарукавной повязкой, серые броджи, высокие сапоги и черную военную фуражку. Во время фашистских демонстраций его машина медленно продвигалась вместе с ее участниками, сопровож-

даемая мотоциклистами-чернорубашечниками, а вокруг сотни голосов ревели: «Мос-ли, Мос-ли! Мы хотим Мосли!».

Освальд Мосли происходит из старой аристократической семьи, он миллионер. Несколько лет Мосли состоял в лейбористской партии и ловко прятал свои с каждым годом крепнущие фашистские убеждения за социал-демократической ширмой. Но вот в январе 1932 года Мосли едет в Рим, где ведет продолжительные беседы с Муссолини и генеральным секретарем итальянской фашистской партии Стараче. За десять месяцев до этого Мосли был исключен из лейбористской партии.

В сентябре 1932 года вышла в свет «библия» английского фашизма — книга Мосли «Великая Англия» — и был основан «Британский союз фашистов» (БСФ).

В апреле 1933 года Мосли снова совершает паломничество в «вечный город». Его сопровождает капитан Льюис, редактор первой английской фашистской газетенки «Черная рубашка», и «свита» из двенадцати фашистов в полной форме. Он присутствует на фашистском фестивале «Рождение Рима» и вместе с «дуче» принимает парад чернорубашечников. Муссолини не скупился на комплименты своему английскому поклоннику, а телохранителям его заявил: «Я возлагаю чрезвычайные надежды на вашего лидера. Он — мой добрый друг...».

«Дуче» на самом себе испытал, что значит не скупиться на секретные субсидии политическому деятелю иностранной державы, который подает надежды со временем играть первые роли. Правда, он знал и другое, что эти деньги могут быть пущены на ветер в том случае, если этот политик вдруг изменит свою ориентацию. Но в такого рода делах риск ведь неизбежен.

Так вот из писем в Рим итальянского посла в Лондоне графа Гранди, опубликованных после войны, стало известно, что Муссолини не только расточал комплименты английскому гостю, но оказывал ему и более существенные знаки внимания.

В одном из этих писем к Муссолини, датированном 30 января 1934 года, говорилось: «Мосли попросил меня поблагодарить вас за ту значительную сумму денег, которую я передал ему сегодня. Он также с благодарностью говорил о том простом великодушии, с которым вы приняли в качестве будущего обязательства его просьбу об оказании материальной помощи».

В другом письме говорилось: «...До последнего времени мы выдавали Мосли сумму в размере трех с половиной миллионов лир (около 60 тысяч фунтов стерлингов) в год, которую мы выплачивали ему ежемесячно по триста тысяч лир».

Не прошло и двух лет с момента возникновения БСФ, как английский фашизм приобрел такую силу и влияние, что как консерваторы, так и лейбористы не могли больше игнорировать его или отмахиваться от него, ссылаясь на то, что его проявления — это просто выходки шайки политических фанатиков. Каждый день английские газеты посвящали фашистским бесчинствам целые столбцы, чернорубашечники держали себя все более вызывающе. В парламенте делались многочисленные запросы, некоторые политические деятели, все еще составлявшие меньшинство, присматривались к тому, что творилось в гитлеровской Германии, и спрашивали себя: «Неужели это возможно и у нас?».

И вот то, что произошло в Лондоне вечером 7 июня 1934 года в огромном павильоне «Олимпия», казалось, должно было открыть глаза всем англичанам: фашистский террор в Англии возможен! Это был нацистский разгул в своих самых страшных проявлениях. Стало очевидно, что Англия, как и всякая другая страна, не гарантирована от заразы фашизма, если на его пути не встанет решительное НЕТ.

На митинге в «Олимпии», организованном БСФ, собралось пятнадцать тысяч человек. Никто из них и не подозревал, что идет не на политический митинг, а в ловушку, где при проявлении малейшего несогласия или протеста его избьют до смерти. Это была грандиозная, заранее во всех деталях продуманная и подготовленная провокация, цель которой состояла в том, чтобы продемонстрировать умение чернорубашечников расправляться со своими политическими противниками.

Так называемый лондонский «отряд обороны» БСФ явился в «Олимпию» в полном составе. Он был усилен подкреплениями со всех концов страны. Фашистские молодчики под кожаными перчатками скрывали кастеты и тяжелые металлические кольца, у некоторых были дубинки и холодное оружие. Тщательно проинструктированные «штурмовики» были готовы совершить любое насилие.

Самые незначительные нарушения тишины, бросаемые реплики, возражения — все было использовано, чтобы дать чернорубашечникам видимость предлога для насильственных действий. «Виновных» выталкивали из зала и зверски истязали. В ходе своего выступления Мосли, обращаясь к аудитории, несколько раз повторил: «Если здесь еще есть красные, пусть заявят о себе, и с ними расправятся...».

Джеральд Барри, редактор газеты «Ньюс кроникл», бывший в тот вечер в «Олимпии», выступая затем по радио, рассказывал: «...Я видел, как человека, лежавшего без чувств

на полу, безжалостно пинали и били восемь-двенадцать чернорубашечников... Я видел, как группа чернорубашечников избивала одного человека с такой жестокостью, какой я не помню нигде, кроме как на войне».

Все эти бесчинства происходили на глазах полиции, не только ни в одном случае не оказавшей помощи жертвам фашистов, но, напротив, охранявшей последних от разъяренной толпы, которая стояла позади полицейских кордонов и видела все происходившее. Погром в «Олимпии» был почти тридцать лет назад, но напомнить о нем надо обязательно, и вот почему...

Война полностью разоблачила Мосли и его сторонников. Под давлением масс Мосли был арестован. Выйдя в 1945 году из тюрьмы, где он в комфорте и довольстве провел те годы, когда английский народ воевал с фашизмом, Мосли заявил: «Мои политические убеждения отнюдь не изменились».

В первое время после войны британским фашистам по вполне понятным причинам и обстоятельствам пришлось держаться в тени. Но вскоре их обанкротившийся главарь опять появился в пивных Восточного Лондона на тайных и открытых сборищах своих сторонников. Фашистские молодчики встречали своего вожака нацистским салютом. На их собраниях снова стали произноситься фашистские лозунги. Все повторялось вновь, как в старом дурном сне: крики «Хайль Мосли!», черные рубашки и кожаные ремни, собравшиеся дикими голосами горланят «Хорст Вессель», атмосфера запугивания и неистовства...

В начале февраля 1948 года состоялось большое фашистское сборище в центре английской столицы, на Ульфрид-стрит. Несколько сот фашиствующих молодчиков, прибывших на митинг со всех концов страны, были в форменной одежде, с черными повязками на рукавах с надписью «Хайль Мосли!». В речи, представлявшей собой грязную смесь расистской фразеологии и грубых антисоветских выпадов, Мосли провозгласил создание общенациональной фашистской партии «Юнионистское движение». Программа партии точно воспроизводит программу «Британского союза фашистов».

Лондонская полиция усердно охраняла сборище банды Мосли. По словам газеты «Рейнольдс ньюс», во время митинга на Уильфрид-стрит «полиция охраняла зал так, словно туда направлялась королевская процессия. Никогда до сих пор на митинге Мосли не присутствовало так много полицейских».

В настоящее время «Юнионистское движение» — одна из трех основных фашистских групп современной Англии. Оно

издает газету «Экшн» («Действие») и информационный бюллетень «Мосли ньюслеттер». Число сторонников Мосли оценивается примерно в одну тысячу человек.

В 1960 году в результате слияния двух мелких фашистских групп — Лиги защиты белых и Национальной трудовой партии — возникла Британская национальная партия. Первоначально ее главарем был учитель из Ковентри К. Джордан, но вскоре он поссорился с коллегами и основал собственную организацию «Национал-социалистское движение».

Есть еще Британская национальная партия, которую возглавляет Эндрю Фаунтейн. Он, как и Мосли, принадлежит к дворянским кругам. У него в графстве Норфолк огромное имение, где он устраивает сборища своих сторонников. Во время гражданской войны в Испании Фаунтейн еще 18-летним молокососом сражался на стороне Франко.

Самая оголтелая, разнузданная и в то же время самая многочисленная из фашистских организаций Англии — «Национал-социалистское движение». Ее главаря Колина Джордана — высокого, плотного, лысеющего учителя с сумрачным, не улыбочивым лицом — одна лондонская газета назвала «самым опасным человеком в Англии».

Джордан был учителем в Стоукской средней школе в Ковентри, пока его не уволили. Но он по-прежнему преподает и даже, более того, хочет провести реформу образования, чтобы протачить свои бредовые идеи.

Один английский журналист, выдав себя за сторонника нацизма, проник в резиденцию «Национал-социалистского движения». Если вы свернете с тенистой, респектабельной Холланд-парк-роуд и минуете несколько домов, описывает он, то очутитесь на Принсдейл-роуд, 74, где и находится штаб-квартира нацизма в Англии. Это аккуратный, чистенький трехэтажный дом, скрытый за толстой стальной решеткой. Здесь на верхнем этаже Колин Джордан разрабатывает свои отвратительные доктрины. В комнатах, увешанных портретами Гитлера, Гесса, он увидел нацистов, тренирующихся в борьбе самбо. И, нужно сказать, говорит этот журналист, они опасно преуспели в этом. Преуспели достаточно для того, «чтобы отбросить всякого или все то, что встанет на нашем пути», как заявил ему один из членов этой организации.

Английские нацисты носят форму — серые рубашки, черные галстуки, темные брюки военного образца и высокие сапоги. На рубашках у них приколоты маленькие круглые значки со свастикой.

В «программе» Джордана стоят следующие требования: ликвидация всех демократических институтов, немедленная

высылка из Англии всех евреев и цветных и т. д. В листовках, распространяемых приспешниками Джордана, содержатся призывы к созданию на Британских островах «расового, национального народного государства». «Национал-социалистское движение», как заявляют его главари, «пропагандирует великие идеалы сохранения и улучшения расы, основанные на учении германских национал-социалистов под руководством Гитлера».

На своих собраниях члены организации Джордана отдают приветствия на гитлеровский манер, кричат «Зиг хайль!» и украшают свои штаб-квартиры флагами с символом «солнечного колеса» (круг с крестом в середине, напоминающий свастику). Они распоясались настолько, что широко отпраздновали летом 1962 года в своей штаб-квартире на Принсдейл-роуд день рождения Гитлера.

В июле 1962 года «фюрер» английских нацистов опубликовал манифест, угрожающий ввести в Англии национал-социалистскую авторитарную форму правления, которая-де заменит «нынешнюю продажную и неэффективную демократическую форму». Спустя месяц агентство Рейтер сообщило, что в ста шестидесяти километрах от Лондона, в пункте, название которого держится в секрете, «начался слет людей в высоких сапогах, со свастиками на униформе». Всего здесь собралось более ста человек, главным образом англичан. Представитель нацистов выразил надежду, что этот слет будет «способствовать развитию духа товарищества, как те маленькие съезды, которые Гитлер проводил до своего прихода к власти».

Английские нацисты создали организации полувоенного типа «Спирхед» («Острые копья»), построенные по образцу гитлеровских штурмовых отрядов, которые регулярно проводят военные тренировки. В квартирах фашистских лидеров в Лондоне были обнаружены автоматы, дубинки, ножи, канистры с ядохимикатами, портреты немецко-фашистских главарей, записи на пленку речей Гитлера, Геринга, Геббельса, погромные листовки, которые они свободно распространяют.

В этой связи не лишено интереса решение английской полиции, которая заявила, что «нет достаточных оснований», чтобы помешать распространению листовок, изданных «Национал-социалистским движением». На этих листовках — портрет Гитлера, а надпись гласит: «Гитлер был прав!»...

Нацистская организация вербует не только отдельных сторонников. Ее члены похваляются, что они уже проникли в политические партии, профсоюзы, университеты и общественные организации страны.

В английской прессе появились тревожные сообщения о намерении международного неофашизма превратить Британ-

ские острова в свой мировой центр. На слетах нацистских организаций нередко присутствуют иностранные гости. Вот что на страницах «Санди диспетч» рассказал полицейский агент, присутствовавший на одном из собраний английских неонацистов: собрание состоялось в доме, окруженном колючей проволокой, и охранялось «собственной полицией» этой организации. На собрании присутствовали представители нацистских партий Германии, Австрии и Швеции, явившиеся в коричневых рубашках, черных галстуках, с фашистскими на рукавными повязками и в головных уборах «третьего рейха». Многие из них, сняв пальто, оказались в гитлеровских формах.

«Для этих людей,— заявил полицейский агент,— Гитлер остается по-прежнему «святым покровителем», и многие убеждены, что он еще жив». В зале заседания портрет фюрера красовался на самом видном месте.

Английские нацисты открыто похваляются тем, что Британские острова становятся центром притяжения сил международного фашизма. Так, национальный секретарь партии Джон Лельевр утверждает: «С четырех концов Европы стекаются железные люди. В деньгах мы не испытываем недостатка — в нас заинтересованы и нас поддерживают могущественные английские финансисты. Мы ударим в намеченный час и в намеченном месте».

С особой помпой летом 1962 года был встречен английскими чернорубашечниками «почетный гость» из-за океана, «фюрер» американской нацистской партии Джорж Линкольн Рокуэлл. Английская общественность знала о приезде американского фашиста и протестовала против этого. Власти заявили, что доступ в Англию ему запрещен. Тем не менее Рокуэлл не только появился в стране, но и провел там тринадцать дней. Все это время Рокуэлл жил в международном фашистском лагере в графстве Глостершир.

Этот короткий визит Рокуэлла в Англию наделал столько шума, что стоит о нем рассказать подробнее. Поиски заокеанского гостя, предпринятые английской полицией, напоминают дешевую детективную кинокомедию. Пока Рокуэлл жил в Глостершире, детективы из Скотланд-Ярда разыскивали его в Лондоне.

Утром 8 августа главарь английского «Национал-социалистского движения» Джордан позвонил в Скотланд-Ярд и сказал, что он знает, где находится Рокуэлл. После этого Джордан вместе с Рокуэллом направился на своей автомашине в Лондон. Не доезжая до Лондона, они снова позвонили в Скотланд-Ярд, причем Рокуэлл сам говорил с чиновником.

Приехав в Лондон, Рокуэлл немного пошатался по центру столицы в ожидании, когда же, наконец, полиция соблагово-

лит арестовать его. Не дождавшись этого, он позвонил в редакцию газеты «Дейли миррор», назвал себя и сказал, что хочет сдать полицию. Затем Рокуэлл зашел в бар, где пропустил пару стаканчиков виски, потом закусил в ресторанчике. Только когда он прибыл к зданию «Дейли миррор», его, наконец, арестовали детективы из Скотланд-Ярда. Ночь Рокуэлл с комфортом провел в одном из полицейских участков, а утром был доставлен на аэродром.

Реактивный пассажирский самолет «ДС-8» американской авиационной компании «Пан-Америкен уорлд эйруэйз» был почти готов к отлету, когда к нему на большой скорости подъехала полицейская машина. Из нее в сопровождении полицейских вышел Рокуэлл, быстро поднялся по трапу самолета, у дверцы обернулся, отдал фашистский салют и исчез внутри самолета. Через несколько минут самолет поднялся и взял курс на Соединенные Штаты.

Будучи в Англии, Рокуэлл настолько обнаглел, что написал письмо английской королеве с просьбой дать ему аудиенцию, как «представляющему часть американского общественного мнения».

Спустя месяц лидер английских фашистов Освальд Мосли отправился в Соединенные Штаты, так сказать, с ответным визитом.

Мосли прибыл в США, чтобы выступить 26 сентября на митинге студентов университета в городе Буффало. Около университетской аудитории он был встречен сотнями пикетчиков с плакатами: «Не отравляйте нашу молодежь ненавистью!», «Уничтожим людей типа Мосли!». Среди участников пикетов были люди, пережившие заключение в нацистских концентрационных лагерях.

В студенческой аудитории около тысячи человек встретили английского фашиста улюлюканьем. Его речь неоднократно прерывалась возгласами негодования. Аудитория была настроена настолько враждебно, что Мосли резко оборвал свое выступление и поспешно ретировался через боковой выход. На другой день он вернулся восвояси.

В самом центре английской столицы находится Трафальгарская площадь. На ней высится колонна со статуей знаменитого флотоводца Нельсона, одержавшего крупную победу над франко-испанским флотом. Особенно красива площадь в лунные ночи, когда подсвеченные снизу белые балконы близлежащих зданий голубеют, как сгустки лунного света, а бьющие из окружающих монумент фонтанов водяные струи переливаются серебром. Издавна Трафальгар-сквер известна как место народных митингов, имевших историческое значение.

Здесь же, на площади, стоит Сенатаф — памятник жертвам двух мировых войн.

И вот в один из дней начала июля 1962 года несколько сот нацистов собрались под колонной Нельсона, чтобы приветствовать вскоре прибывших сюда своих главарей гитлеровским салютом и криками «Зиг хайль!» и «Юден раус!» — «Долой евреев!».

Один за другим на трибуну поднимались новоявленные английские «фюреры» со свастикой в петлицах. Они открыто излагали бредовые расистские идеи и призывали к фашистским расправам. «Таких отвратительных речей площадь Трафальгар-сквер, вероятно, не слышала с тридцатых годов», — писала газета «Гардиан».

В представлении лондонских полицейских властей понятие демократии заключается в том, чтобы обеспечить беспрепятственное проведение митинга и неприкосновенную свободу слова фашистам. Несколько сот полицейских, на которых была возложена сия «благородная» задача, возможно, и выполнили бы ее, если бы не вмешательство самих лондонцев. Трафальгар-сквер заполнили тысячи возмущенных жителей английской столицы. Речи фашистов потонули в возгласах протеста и негодования. Со всех сторон в «ораторов» полетели тухлые яйца, гнилые помидоры, пустые консервные банки. Негодующая толпа несколько раз пыталась прорваться к трибуне, и только срочно вызванные полицейские наряды с трудом сдерживали людей. Когда же «фюрер» британских наци Джордан воскликнул: «Гитлер был прав...», более трех тысяч человек смяли заградительный кордон полицейских и кулаками высказали свое отношение к этой мерзкой кампании.

Фашистским молодчикам пришлось убраться восвояси. Поспешно свернув знамена со свастикой, они пытались увезти их на грузовике. Но антифашисты прорвались через полицейскую охрану, захватили фашистские флаги и тут же разорвали их в клочья и сожгли.

Большой отряд полицейских четверть часа пробивал для новоявленного британского «фюрера» Колина Джордана путь через толпу к расположенной здесь же рядом, на площади, станции метро.

1962 год ознаменовался не только весьма активными и решительными действиями английских нацистов, но и значительным ростом антифашистских настроений в стране.

Вскоре после отпора, данного нацистам на Трафальгар-сквере, английские патриоты разгромили международный фашистский лагерь в Глостершире, организованный главарем английских фашистов Колином Джорданом.

Местные жители — фермеры, возмущенные отказом английских властей принять меры против проведения фашистских сборищ, взяли дело в свои руки и вечером сами отправились к «лагерю».

На этот раз гитлеровские последыши были лишены полицейской защиты и некоторые из них в страхе бежали, когда к лагерю начали приближаться большие группы сельских жителей. Фашисты пытались остановить фермеров, но их сопротивление было скоро сломлено. Местные жители разломали палатки и сорвали флаг с изображением свастики, который несколько дней развевался над лагерем.

Почти в то же время Мосли решил навестить Манчестер. Возмущенные жители Манчестера преградили путь нескольким десяткам фашистов во главе с Мосли, которые пытались организовать демонстрацию. Антифашисты сбили Мосли с ног, но тут подоспели полицейские, которые окружили фашистских молодчиков, но не для того, чтобы задержать их, а для того... чтобы препроводить к месту митинга. В фашистов полетели, камни, помидоры. Патриоты скандировали: «Предатель! Долой его!». Несколько человек прорвались сквозь заслон полицейских, вырвали из рук фашистов флаги и порвали их в клочки.

На площади, где должен был происходить митинг, было сосредоточено 250 полицейских. Они оттеснили толпу от трибуны. Но выступления Мосли не было слышно — его слова потонули в гневных возгласах антифашистов.

Английские антифашисты становятся все предприимчивее и изобретательней в своей борьбе с нацистами. Потерпев позорный провал в Манчестере, Мосли вскоре предпринял новую провокационную попытку устроить сборище своих молодчиков в Ист-Энде. Однако, когда организаторы фашистского митинга прибыли на площадь Виктория-парк, где должен был происходить митинг, они увидели неожиданную для них картину — на площади уже шел митинг, но это был митинг, организованный лондонскими антифашистами. Чтобы не дать фашистам захватить место на площади, организаторы антифашистского митинга начали его еще в субботу днем. Всю ночь продолжался этот необычный митинг, на котором один за другим выступали ораторы, и тема их речей была одна: фашизм не пройдет!

ЗРЕЮТ ГРОЗДЬЯ ГНЕВА

Это невысокий тучный человечек с маленькими усиками и редкими волосами, на одутловатом лице которого выде-

ляется мясистый сизый нос. Близко посаженные прищуренные глаза смотрят холодно, с подозрением. Внешность у него серая, невыразительная. И хенералиссимо Франсиско Франко Баамонде не может не знать, что похож он на бухгалтера либо на удалившегося от дел коммерсанта, но никак не на главу государства. Знает он, что каждого честного человека оскорбляет само его имя: «франко» по-испански означает «благородный», «верный», «чистосердечный».

Однако, став «дель каудильо», надо чем-то отличаться от простых смертных. И вот наедине, перед зеркалом, часами он складывает свои губы в улыбку, якобы свидетельствующую об уверенности в силах и душевном равновесии. Придворный биограф посвящает этой «улыбке» целую главу в своем опусе. «Эта улыбка,— пишет он,— известна всему миру, как известен пронзительный взгляд Муссолини, как известен повелительный хмурый взгляд Гитлера». Так родилась легенда о «лучезарной улыбке» палача испанского народа, регулярно обыгрываемая реакционной печатью Запада.

Говорят, что со дня падения героического Мадрида эта иезуитская улыбка, словно маска, застыла на лице «каудильо». Но в конце 1960 года близкое окружение Франко стало свидетелем того, как в мгновение ока стерлась улыбка на его лице, оно побледнело и в глазах застыл страх, нескрываемый, животный. Произошло это в Эскориале, дворце неподалеку от Мадрида, где Франко присутствовал на торжественной мессе в память Примо де Ривера. Богослужение шло уже к концу, когда под сводами храма раздался громкий голос: «Франко — ты предатель!». Панихида была прервана, и тучный человек в сверкающем голубом мундире выскочил на паперть, подбежал к «роллс-ройсу», плюхнулся на сиденье и умчался в замок Эль Прадо.

Тот, кто осмелился публично бросить обвинение Франко, оказался двадцатидвухлетним учителем Хосе Урдиалес, одетым в форму «Фалангистского молодежного фронта». Военный трибунал приговорил юношу к двенадцати годам тюрьмы за «серьезное оскорбление главы испанского государства».

Третий десяток лет живет «каудильо» в постоянном страхе перед гневом народа. Поэтому он обитает не в своей официальной резиденции — бывшем королевском дворце в Мадриде, а в находящемся в пятнадцати километрах от столицы охотничьем замке Эль Прадо, построенном при Карле V. Здесь его охраняют четыре тысячи трижды проверенных солдат личной гвардии и целая армия шпииков в штатском.

Но в то же время в поисках популярности, хотя бы в кругах чиновничества и мелкой буржуазии, Франко нет-нет да и выкинет какой-нибудь дешевый трюк. Так, в 1962 году он

устроил празднество, посвященное столетию существования в Испании... нотариальных контор. На нем он появился в защитного цвета мундире, подпоясанном широким красным поясом со свисающими концами. Сопровождало его несколько десятков офицеров «личной гвардии» в огромных малиновых беретах. Особенно любит «каудильо» устраивать парады, напоминающие средневековые опереточные спектакли. Принимая парад проходящих церемониальным маршем войск, этот маленький толстый старикашка, окружив себя всадниками в кирасах и расшитых золотом мундирах, тщится предстать в облике полководца.

Но вообще в последние годы Франко только в исключительных случаях покидает замок Эль Прадо. В его рабочем кабинете в замке стоит древнее распятие, перед коим члены правительства и другие высшие должностные лица, шаги которых заглушает огромный фламандский ковер тоже времен Карла V, присягают на верность «каудильо». Здесь же Франко принимает доклады министров и военных, устраивает приемы иностранных дипломатов. Работой он себя не утруждает — три-четыре часа до обеда, остальное время отводится удовольствиям и личной жизни.

Когда-то в кабинете «каудильо» висели портреты Гитлера, Муссолини и папы римского. Но времена меняются, и настал день, когда портреты первых двух покровителей Франко пришлось унести в кладовую. Сразу нашлись люди, поспешившие выдать «каудильо» отпущение грехов. Один из них — мистер Карлтон Хейс, бывший посол США в Мадриде, опубликовавший книгу под названием «Миссия в Испании». Как-то Хейс отправился на свидание с Франко в замок Эль Прадо. Ему хорошо было известно, что в кабинете Франко в недалеком прошлом висели портреты «фюрера» и «дуче». Войдя в кабинет, он увидел теперь лишь один портрет папы и вознегодовал: «Чего только не выдумают враги и клеветники! Этот человек не имеет ничего общего с теми двумя, которые исчезли. Это добрый католик и ничего больше...».

Окончив свою миссию, Хейс направился в Ватикан, где на аудиенции у папы изрек: «Франко — это святой». Заявление, сделанное им в Вашингтоне Трумэну, носило деловой характер: «Франко — наш самый верный агент в Европе...».

Этот янки, видимо тоже «добрый католик», безусловно, прав. Франко подобен слуге-плуту из классической испанской комедии, который идет туда, откуда доносится звон золотых монет.

Когда-то еще совсем молодым человеком Франко стал немецким шпионом при посредничестве своего адъютанта некоего Тида Цеди, уехавшего из Германии после ее пораже-

ния в первой мировой войне и ставшего в Марокко капитаном испанского иностранного легиона.

Сменив старых хозяев, словно змея свою кожу, Франко стал преданнейшим агентом американского империализма в Европе. Военные базы и аэродромы, концессии и стратегическое сырье — все в Испании оптом и в розницу распродается дяде Сэму самим «каудильо» и его приспешниками.

В Испании шестидесятых годов первое, что вам бросается в глаза, — это бесчисленные пурпурные рекламы: «Пейте кока-колу». Каждая из них как бы утверждает в вашем сознании, кто подлинный хозяин в этой древней и многострадальной стране.

Однако и сейчас Франко ставит не на одну карту. Вокруг Испании плетут паутину всевозможных политических и экономических махинаций и другие империалистические силы, в первую очередь западногерманские милитаристы. Боннские правители идут по дороге, давно проторенной их берлинскими предшественниками. Независимо ни от каких официальных соглашений Испания не первый уже год представляет собой плацдарм, широко используемый ФРГ для с каждым днем все шире развертывающихся научно-исследовательских работ по созданию того «секретного оружия», на которое когда-то уповал бесноватый фюрер.

Великая патриотка Испании Долорес Ибаррури сказала: «Испания в руках Франко подобна крапленой колоде, которую предоставили лучшему шулеру в империалистическом игорном доме и которую оспаривают друг у друга все интернациональные крупье».

Есть в Мадриде здание, мимо которого честные люди избегают проходить, а если идут, то торопливо и смотря в сторону. Находится оно в центре города, на площади Пуэрта эль Соль. В старинном здании, увенчанном башенкой с часами, когда-то помещался мадридский почтамт, а при Франко здесь разместилась страшная «Генеральная дирекция безопасности» («Дирексион хенеральде де сегуридад»).

Тротуар, проходящий вдоль его фасада, является крышей подземной тюрьмы испанского гестапо. Иногда по ночам сквозь железные решетки в тротуаре доносятся какие-то звуки, идущие издалека, — то стоны заключенных и детский плач (среди заключенных есть целые семьи вместе с детьми).

Французский реакционный писатель Морис Баррес в своей книге об Испании, говоря о терроре инквизиции в средневековье, писал: «Донес ютился под кроватями, в складках портьер, в часовнях и исповедальнях. Даже молчание не гарантировало безопасности: „пусть не покажется подозритель-

ным молчание...». Характер испанцев стал замкнутым и мрачным. Гитары и серенады перестали звучать. По всей стране распозлась чума меланхолии. Люди одевались в траур: „черное дерево стало модой“».

Из всех испанских инквизиторов прославился жестокостью и изуверством Торквемада, живший в пятнадцатом веке. Однако зверства Торквемады померкли перед чудовищными преступлениями Франко и его подручных.

Трупами устан весь путь «блистательной» карьеры Франко от рядового офицера иностранного легиона в Марокко до «вождя» тридцатимиллионной страны. В потоках крови утопил он восстание риффов в 1925 году. По случаю этой «победы» Франко устроил в Тетуане парад частей иностранного легиона. К знаменам проходивших по городу войск английскими булавками были приколоты окровавленные уши марокканцев. Солдаты легиона несли мешки, наполненные отрезанными головами пятисот риффов, обезглавленных накануне парада. Эти мешки опоражнялись у ног принимавшего парад Франко.

Став «каудильо», Франко приказал восстановить применение в испанских тюрьмах варварских средневековых орудий умерщвления. Одним из них является гаррота — постепенно стягиваемый обруч, который вонзает железное острие в мозг приговоренного.

За время франкистской диктатуры в фашистских застенках Испании замучено свыше 300 тысяч патриотов. Множество — томится в тюрьмах и концлагерях.

Главной опорой франкистского режима является полиция. По словам испанцев, тайных и явных полицейских агентов в Испании больше даже, чем нищих, которых в стране великое множество. Повсюду вам попадаются вооруженные до зубов патрули стражей «закона и порядка». С пистолетами у поясов, с карабинами и автоматами через плечо они непрерывно обходят улицы, сторожат дороги, сопровождают все поезда, их можно увидеть у всех правительственных и общественных зданий. Создается впечатление, что страна находится в состоянии войны.

Особенной слежке подвергаются все приезжие иностранцы. За любым из них следят до самой границы — с момента его прибытия и до отъезда из страны.

Однако никакой полицейский террор не в состоянии остановить в Испании роста антифашистских настроений. Испанский народ все решительнее становится на позиции открытой борьбы против фашизма, за демократию и социальный прогресс, за мир и независимость. Демонстрации, забастовки и другие виды протеста охватывают все более широкие слои трудящихся.

Несколько лет тому назад произошли серьезные выступления студенческой молодежи, к которой присоединилось население Мадрида, направленные против царящей в стране системы полицейского террора. Демонстрации студентов имели открыто антифашистский и антиправительственный характер. Полиция открыла огонь против демонстрантов, и некоторые из них были серьезно ранены. Насилия только подлили масла в огонь. Улицы столицы наполнились возбужденными демонстрантами, требовавшими наказания ответственных за репрессии.

Демонстранты направились на площадь Пуэрта эль Соль к зданию «Генеральной дирекции безопасности». Участники демонстрации освистали главу этого учреждения — генерала Иерро, вышедшего на балкон, чтобы призвать демонстрантов к спокойствию. Он вынужден был спешно убраться, преследуемый криками: «Убийца! Убийца!». Камни со «случайно» появившихся на площади грузовиков полетели в полицию.

Группа демонстрантов проникла в студию мадридского радио, чтобы добиться передачи своих требований. Полиция была вынуждена перерезать электропровода, прервав радиопередачи на целый час.

На площади Пуэрта эль Соль и прилегающих к ней улицах демонстранты выдерживали столкновение с полицией в течение шести часов. Столкновения продолжались и в следующие дни.

События последнего времени показывают, что в Испании возникает новая внутривнутриполитическая обстановка. В течение последних месяцев 1962 года страну потрясло движение невиданной силы и размаха: полмиллиона бастующих, волнения в двадцати пяти провинциях, активная солидарность крестьян и интеллигенции с борьбой рабочих.

Одним из организаторов этой героической забастовки был Хулиан Гримау, член ЦК борющейся в подполье Коммунистической партии Испании. В 1936 году он сражался против франкистских мятежников. И после поражения революции Гримау ни на один день не прекращал борьбы. Скромный и молчаливый, он вкладывал в эту борьбу всю свою жизнь.

Будучи арестован, Гримау в течение трех с половиной месяцев подвергался неслыханным пыткам. Палачи выбросили его из окна тюрьмы, сломав ему руки и изуродовав лицо. На рассвете 20 апреля 1963 года оборвалась жизнь этого верного сына Испании, до конца выполнившего свой долг перед народом, классом, партией.

«Я стал коммунистом в 26 лет и остаюсь им. Если бы я смог, я продолжил бы борьбу». Это были последние слова

Гримау, брошенные им запекшимися устами в лицо фашистским палачам, которые инсценировали трехчасовой суд, чтобы придать хоть какое-то подобие законности смертному приговору, давно предрежденному.

Кровь, пролитая в Мадриде, писала итальянская газета «Унита», свидетельствует о том, что фашизм не обезоружен, что его труп пытается вновь наполнить зловонием Европы и весь мир.

Могучее движение за единство, начавшееся в рабочем классе, постепенно распространяется и на другие социальные слои. Говоря о происходящих в Испании событиях, французская газета «Ви увриер» писала, что испанский рабочий класс показал, что его решимость покончить с диктатурой неодолима и что он сумеет объединиться. От него можно ожидать многого. Руки рабочих этим летом приоткрыли дверь в будущее. Мы уверены, что они не дадут больше закрыть ее.

На гербе Дон-Кихота Сервантес написал: «После тьмы надеюсь на свет!». Израненный, окровавленный испанский народ раньше или позже овладеет в полной мере искусством битвы и раздавит, растопчет безумных палачей. Мы еще увидим Испанию в цветах, в песнях и танцах, в бурном, страстном ликовании победившего народа. И однажды разогнувшаяся спина испанского народа никогда больше не склонится перед угнетателями...

...Уже многие европейские страны посетил художавый человек средних лет с кожаным портфелем в руках. В каждом городе, который он посещает, происходят его публичные выступления. Говорит он неторопливо, тихо и часто вытирает слезящиеся, не привыкшие к яркому свету глаза. Мы говорим об испанском поэте Маркосе Ана. Двадцать три года провел он в фашистских застенках, куда его бросили восемнадцатилетним юношей в 1939 году. Вина его состояла в том, что он сражался добровольцем в рядах республиканской армии. Его приговорили к смертной казни, но заменили тридцатилетним заключением.

В 1946 году Ана перевели в бургосскую тюрьму. Здесь в товарищах по заключению он нашел превосходных учителей — ведь три четверти деятелей испанской культуры сражались за республику и потом были брошены за решетку. В тюрьме Ана сначала писал небольшие рассказы, потом стал писать стихи, пользовавшиеся успехом.

В 1955 году рукопись со стихами Маркоса Ана нелегально вынесли из тюрьмы. Вскоре ее перевели на многие языки, и международное общественное мнение взволновалось. Писатели многих стран создали комитет в его защиту, опубликова-

ли воззвания, требуя его освобождения. Затем вмешалась ЮНЕСКО, и Франко выпустил поэта на свободу.

Вскоре после выхода из тюрьмы Ана нелегально эмигрировала из Испании. И с тех пор он поставил своей задачей рассказать людям разных стран о том, что его родина, посаженная за решетку, продолжает сопротивляться. В портфеле Ана, с которым он путешествует по Европе, лежит трагическая история Испании после 1939 года. Ана рассказывает, что тюрьма в Бургосе — не обычная тюрьма, куда запирают преступников, чтобы изолировать от общества. Бургос — совесть и голос Испании.

«...Я провел 23 года в тюремной ночи, но сохранил и свое сердце и свою молодость. Искусство оставаться молодым — это искусство отстаивать новые животворные идеи. В своем огромном застенке я очень страдал, но понял, что борьба за мир и свободу народа заслуживает того, чтобы посвятить ей всю жизнь».

Таких патриотов, как Маркос Ана, в Испании тысячи. И в тиши тюремной ночи они незримо и неустанно куют грядущую победу испанского народа. Земля уже дрожит под ногами Франко. Густой туман, нависший над страной с конца тридцатых годов, начинает рассеиваться.

КЕЛЬТСКИЙ КРЕСТ И НАЦИСТСКАЯ СВАСТИКА

„ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ“

В начале февраля 1962 года в Париже на площади Альма в фешенебельной квартире известного финансиста Пьера Ури «случайно» собралась позавтракать любопытная компания. В гости к «европейскому технократу» пришли четыре виднейших буржуазных партийных лидера: Антуан Пинэ, представлявший партию независимых, Морис Фор — радикалов, Андрэ Коллэн — МРП, Ги Молле — социалистов и трое руководителей реакционных профсоюзов: Ботро («Форс Увриер»), Левар (Христианские профсоюзы) и Дебатисс (Национальный центр молодых сельских хозяев).

Этот завтрак на площади Альма был расценен некоторыми не только французскими, но и иностранными органами печати как едва ли не самое важное политическое событие, происшедшее во Франции за последние месяцы конца 1961 — начала 1962 года.

Действительно, семь деятелей, представляющих четыре крупнейшие в стране буржуазные партии и три правых профсоюза, вдруг принимают приглашение финансиста, который в настоящее время ведет во Франции дела одного крупного американского банка, позавтракать у него дома — разве это не из ряда вон выходящее событие?

Хотя на страницы печати проникли противоречивые и расчитанные на сенсацию сообщения, но и они при всем этом достаточно красноречивы. По словам всегда хорошо осведомленного римского еженедельника «Пунто», целью завтрака «по первоначальному плану» был обмен мнениями не столько по внутренним проблемам, сколько по вопросам, вытекающим из международного положения Франции. В начале завтрака, обращаясь к гостям, Пьер Ури заявил, что его тревожит беспорядок, который господствует в стране. Поэтому он захотел услышать мнение стопроцентных «европейских» политиков, в

которых он, отбрасывая в сторону мелкие внутренние партийные разногласия, видит гарантию европейского и атлантического будущего Франции.

Но вскоре как бы невзначай гости мосье Ури перешли к обсуждению проблем ОАС и «наследников де Голля». Участники завтрака согласились с тем, что главной опасностью, угрожающей сейчас Франции, является «пустота и хаос», которые неизбежно возникли, если бы по той или другой причине де Голль сошел со сцены. В предвидении такой ситуации семь видных «европейцев», участников встречи на площади Альма, выработали программу, которая, как утверждают, основывается на традиционном обращении к председателю Национального собрания Гастону Монервилю, как временно исполняющему роль президента республики и пользующемуся доверием лидеров некоммунистических партий, готовых сотрудничать с ним.

Автор статьи в итальянском еженедельнике говорит, что во всем этом нет «ничего ненормального», поскольку, мол, нет ничего более далекого от планов Ги Молле и других участников встречи, как устраивать заговоры против де Голля. Но тем не менее, отмечает он, в политической атмосфере сегодняшней Франции инициатива «семерых» при всей своей ограниченности заключает в себе некоторые тревожные элементы, действующие на руку ОАС.

•Излагая суть «стратегических» замыслов этой фашистской организации, римский журналист сделал следующий вывод: ОАС хочет вызвать падение де Голля при помощи совместного нажима всех политических лидеров, окружающих главу государства. Такой шаг должен быть предпринят, когда страна, по всеобщему мнению, окажется на волоске от гражданской войны. Когда этот момент наступит, де Голлю посоветуют уйти в сторону. Так вот, на фоне этих планов ОАС, подчеркивает журнал, инициатива «семерых» с площади Альма выглядит как маневр по психологической подготовке этой операции.

Ну, а как вы думаете, читатель, к этой концепции мог отнестись радушный хозяин квартиры на площади Альма, давно уже зарекомендовавший себя в качестве ревностного проводника идеи «европейской интеграции»? Надо полагать, что весьма положительно. Такая перспектива не может быть немилей сердцу банкира, делающего политику во Франции по заказу Вашингтона.

В заключение журнал «Пунто» констатировал: таким образом, завтрак на площади Альма по сути дела является самым настоящим приглашением ОАС опрокинуть последнее сопротивление и овладеть рычагами власти.

Говоря об этом заговоре за спиной республики, одна французская прогрессивная газета небезосновательно заявила, что «сотрапезники с площади Альма не исключают возможности создания правительства национального союза от Салана до Ги Молле».

Хотя руководство СФИО с негодованием отвергло это утверждение, но все поведение некоторых ее лидеров дает серьезные основания сомневаться в искренности опровержения. Сама ОАС не скрывает, на кого она готова сделать ставку. В одной из выпущенных листовок прямо указывалось, что если удастся свалить де Голля, то организация, руководимая Саланом, пригласит возглавить правительство Пинэ или... Ги Молле.

О последнем говорят как о человеке чрезвычайно упорном, поставившем себе одну цель: обладать возможно большей властью в стране. Каждый пост, который он занимал в послевоенных правительствах, Ги Молле использовал прежде всего для расстановки повсюду своих людей. И он весьма преуспел в этом. Большинство высших полицейских чинов, префектов и иных крупных деятелей административной системы прямо или косвенно связаны с партией социалистов.

Главари ОАС считают Ги Молле фигурой, с которой нужно считаться. Сам Салан в конце 1961 года прислал ему личное письмо. В нем он «извинялся» за убийство секретаря федерации СФИО в Алжире Леви, указывая, что тут произошла ошибка. Разумеется, руководящий комитет партии социалистов поспешил принять возмущенную резолюцию по поводу этого послания...

В Париже ни для кого не является секретом, что Ги Молле делает все для того, чтобы снова усесться в кресло премьера.

Всячески добиваясь популярности, Ги Молле не упускает малейшей возможности, чтобы напомнить о себе.

Не так давно в кулуарах Национального собрания он был в полном смысле слова «героем дня».

День этот, действительно, был полон драматическими событиями. Тогда премьером был Дебре. Генеральный секретарь СФИО так ловко сыграл на две партии, что заслужил одобрение и справа, и слева, разумеется, исключая коммунистов, критиковавших правительство по диаметрально противоположным причинам. Адвокаты ОАС в Национальном собрании с воодушевлением проголосовали за резолюцию недоверия правительству, внесенную социалистами, поскольку в ней не было ни слова осуждения подрывной деятельности ОАС. Дело в том, что текст резолюции, в которой Ги Молле вначале грозился разнести в пух и прах правительство за попуститель-

ство властей в отношении ОАС, претерпел удивительные метаморфозы, пока стал достоянием гласности.

В те же самые часы в одном из залов Бурбонского дворца — парламентских кулуарах — Ги Молле успел залепить пощечину одному депутату от «Союза в защиту новой республики», напомнившего ему про гнилые помидоры, которыми в лидера социалистов кидали в Алжире. Чем Ги Молле не «герой дня»?

Мы уже говорили, что предприимчивому лидеру социалистов не терпится снова переселиться с места на обитых малиновым бархатом полукруглых скамьях палаты на скамью премьера, что напротив «насеста» (как на интимном парламентском жаргоне называют председательскую вышку), переехать из своей квартиры в «отель Матиньон» — официальную резиденцию главы правительства.

В свете этих планов лидера социалистов представляет интерес «взгляд в будущее», если бы, как выражалась газета «Монд», «пост премьера внезапно освободился»?

Вот некоторые детали картины, которую рисует главный редактор еженедельника «Франс — Обсерватэр» Клод Бурдэ. «В ту же ночь генерал Ванюксем, полковник Годар и их единомышленники вошли бы в контакт с кабинетом на Рю Сен-Доминик (военное министерство). В ту же ночь, выступив «против беспорядка и народного фронта», кто-нибудь из представителей генерального штаба срочно собрал бы министров и разъяснил им, что «в данной серьезной ситуации необходимо создание правительства общенационального спасения, опирающегося на армию». Захват военными министерств (разумеется, для того чтобы их охранять) придавал бы надлежащий вес этим требованиям. Было бы объявлено, что в тех или иных городах возникли беспорядки — это, разумеется, дело рук коммунистов или Фронта национального освобождения. Ведь путчистам-то хорошо известен эпизод с «поджогом рейхстага». Новый министр внутренних дел издал бы приказ об аресте «опасных элементов» — лидеров профсоюзов и левых политических партий — всего штаба возможного сопротивления. Наутро Франция с удивлением бы узнала о смерти де Голля и установлении режима в стиле Франко. Затем кто-либо, к примеру господин Пинэ, сделал бы заявление, предназначенное для внешнего мира, о том, что «ничего не изменилось и республика сохраняется»... А в это время тюрьмы и концлагеря стали бы заполняться, заработали бы магнето и другие орудия пыток, на парижские аэродромы стали бы прибывать транспортные самолеты, доставляющие первые отряды парашютистов, убийц в униформе, чтобы выступить против всякого народного движения...».

В своем блестящем памфлете «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс красочно живописует те силы, с помощью которых политический авантюрист, бродяга и шантажист смог «застигнуть врасплох и без сопротивления захватить в плен 36-миллионную нацию».

В 1851 году во Франции произошел бонапартистский переворот. К политической власти пришли оголтелые реакционеры в обнимку с ворами, грабителями и убийцами. Переворот был организован черносотенным «Обществом 10 декабря». Характеризуя это уголовно-политическое сообщество, Маркс писал: «Рядом с промотавшимися кутилами сомнительного происхождения и с подозрительными средствами существования, рядом с авантюристами из развращенных подонков буржуазии в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов...».

Бонапарт, будущий Наполеон III, видел в этом отребье, этих отбросах, единственную силу, на которую он мог опереться.

«Старый, прожженный кутила, он смотрит на историческую жизнь народов и на все разыгрываемые ею драмы, как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где пышные костюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой пакости... В своем Обществе 10 декабря он собирает 10 000 бездельников, которые должны представлять народ, подобно тому как ткач Основа собирался представлять льва. В такой момент, когда буржуазия сама играла чистейшую комедию, правда с самым серьезным видом, не нарушая ни одного из педантических правил французского драматического этикета, когда она сама была наполовину одурачена, наполовину убеждена в торжественности своего собственного лицедейства,— в такой момент авантюрист, смотревший на комедию просто как на комедию, должен был победить».

Если мы взглянем на социальный и политический состав ныне правящей Францией партии ЮНР и других блокирующихся с ней реакционных партий, то мы найдем много похожего с картиной, нарисованной Марксом в отношении «Общества 10 декабря».

...По направлению к швейцарской границе на предельной скорости мчится машина, на ветровом стекле которой трехцветная кокарда — знак того, что владелец автомобиля — депутат Национального собрания. Неподалеку от города Бурган Бресс происходит катастрофа — машину заносит в сторону,

удар о дерево, и она разбита. Подоспевшие жандармы из-под обломков извлекли труп мужчины. В бумажнике убитого они обнаружили два документа с одной и той же фотографией. Один был на имя Дюкре, второй, более старый, на имя Такне.

Назавтра в парижских газетах появились сенсационные заголовки: «Депутат под фальшивым именем», «Депутат Жак Дюкре, убитый во время несчастного случая, в действительности назывался Такне». Так, два различных удостоверения, найденные в бумажнике покойного депутата, привели к раскрытию позорной истории, завязка которой началась еще в дни гитлеровской оккупации.

Спекулянт, авантюрист Такне в годы войны активно сотрудничал с оккупантами. После окончания войны он находит пристанище у правых социалистов, затем перебирается в партию радикалов. Не прошло и двух лет, и Такне, уже ставший Дюкре, — член исполкома партии радикалов, депутат, в его петлице уже красуется розетка ордена Почетного легиона. Все это не мешает ему по-прежнему заниматься всякими темными аферами.

Дюкре быстро продвигался по иерархической лестнице, и, по словам газеты «Пари-пресс — Энтрансжан», было не исключено, что в недалеком будущем он мог стать премьер-министром. И лишь простая случайность оборвала его карьеру.

Дюкре отдал богу душу, а разоблачения начались. Оказалось, что о темном прошлом покойного знали все его друзья, коллеги по партии, вплоть до самого председателя партии радикалов. Министр внутренних дел Брюн и французская разведка знали, что Дюкре — это и есть разыскиваемый еще с конца 1944 года преступник Такне...

О чем свидетельствует дело Дюкре-Такне? Оно говорит о невероятной гнилости буржуазного строя, об обстановке всеобщего разложения, открывающей для ловкого мошенника и авантюриста широчайшие возможности пробраться на самые ответственные государственные посты.

В середине тридцатых годов в Париже вышла книга под знаменательным заглавием «Век скандалов». Начиная от «классического» панамского скандала и кончая делом Стависского, перед читателем проходят крупнейшие авантюристы эпохи. Большинство «панам» выпадает на долю Франции, хотя многие аферы, раскрытые в Италии, Англии и США, по своим масштабам не отстают от них. Книга заканчивалась многообещающим эпилогом: «У нас еще немало афер впереди».

Действительно, с тех пор скандальную хронику нашего века можно дополнить многим. В период сороковых — пятидесятых годов во Франции не прекращались громкие скандалы, в ко-

торых были замешаны виднейшие представители правящих кругов. Газеты были почти ежедневно полны сенсационных сообщений о самых разнообразных преступлениях, следовавших одно за другим. Так называемый «скандал с генералами», разразившийся в 1949 году, бросил яркий свет на бесчисленные аферы и взяточничество, в которых погрязли высшие военные чины. Скандал винный, скандал ромовый, дело Лаказа и многие, многие другие разоблачения — все это свидетельства волчьей грызни между конкурирующими капиталистическими группами.

Мерзости и преступления «высшего света» французской столицы, так ярко описанные в замечательных произведениях Бальзака, меркнут перед «парижскими тайнами» наших дней.

ЧЕТЫРЕ ПУТЧА

Во второй половине дня 13 мая 1958 года в Алжире вспыхнул мятеж. У Памятника мертвым в центре города происходит демонстрация местных расистов, которые бурно встречают главаря фашистской «Ассоциации алжирских студентов» Пьера Лагайярда, бывшего парашютиста, отличавшегося исключительной жестокостью во время службы в иностранном легионе. Стоя на пьедестале памятника, одетый в пятнистый комбинезон «пара» (парашютистов), Лагайярд призывает к захвату правительственных учреждений.

Во главе группы фашистских молодчиков он направляется на Форум — площадь, где находится резиденция генерального делегата правительства. Участник заговора полковник Годар, шеф алжирской охраны, предусмотрительно вывел из центра города всех блюстителей порядка — полицейских и жандармов.

Вскоре на площадь Форум прибывает батальон парашютистов и вместе с ними генералы Салан и Массю. Появившись на балконе правительственной резиденции, Массю объявляет о создании «Гражданского и военного комитета общественного спасения». Ночью генерал Салан сообщил по радио, что берет на себя всю полноту власти на территории Алжира. На другой день в Алжире раздается лозунг: «Де Голля к власти!».

В то же время в Париже правительство пребывает в полном смятении. Лидеры некоторых буржуазных партий начинают вести переговоры с де Голлем. 1 июня последний сформировал правительство, в которое вошел и лидер правых социалистов Ги Молле, вначале патетически восклицавший: «Я буду убит на баррикадах, возглавляя шахтеров Севера!».

Для французских монополий военный мятеж в Алжире 13 мая 1958 года явился поводом, чтобы предпринять попытку ликвидации давно установившихся традиционных форм буржуазной демократии. Установление режима личной власти во Франции стало возможным прежде всего благодаря раскольнической, предательской политике лидеров правых социалистов и других реакционных элементов.

Теперь расскажем о событиях, имевших место в январе 1960 и апреле 1961 года.

26 января 1960 года. Положение в Алжире, сообщают французские газеты, остается по-прежнему напряженным. Мятежники забаррикадировались в центре города. В течение вчерашнего дня и вечера мятежники и правительственные войска соблюдали довольно странное «перемирие». Парашютисты, окружавшие баррикады, «мирно беседовали» и курили вместе с мятежниками. В то же время через «окружение» к мятежникам поступали из города продукты, подкрепления людьми и даже оружие. У многих это вызывает недоумение. Войска, которые должны были усмирить ультраколониалистов, явно не проявляли рвения в «выполнении своего служебного долга».

Спустя год с небольшим, 2 марта 1961 года, в парижских ресторанах до поздней ночи рекой лилось шампанское. То герои «процесса баррикад» обмывали свое освобождение в кругу адвокатов, родных и друзей.

Действительно, у этих ультра были все основания повеселиться! Четыре месяца тянулся так называемый «процесс баррикад», на котором слушалось дело организаторов и активных участников январского 1960 года фашистского путча в Алжире, во время которого было убито 20 человек и 143 ранено.

Наконец, 2 марта приговор оглашен: все 12 обвиняемых, присутствовавших на процессе, оправданы. Осуждены лишь те, кому от суда удалось бежать. Но они уже давно находились за пределами Франции, и поэтому приговор в отношении их носил символический характер.

Когда процесс закончился, один из теоретиков-путчистов доктор Лефевр сразу же после объявления приговора заявил: «Для меня борьба продолжается».

Газета «Монд», комментируя позорный приговор военного трибунала, справедливо расценила его как бесспорную победу ультраколониалистов. Этот приговор показывает, отметила газета, что французские правящие круги по сути дела попустительствуют путчистам.

В этот вечер, 21 апреля 1961 года, президент де Голль на-

ходил в театре Комеди Франсэз, где он смотрел «Британик» Расина. Как известно, в основе сюжета этой трагедии лежит история заговора Нерона против Британика, сына римского императора Клавдия. По ходу пьесы герои ее немало говорят о заговоре и покушении, и разговоры эти в тот вечер звучали весьма символично.

По словам газеты «Пари-пресс — Энтрансжан», де Голль не обратил на это никакого внимания, поскольку правительству не было еще известно о мятеже в Алжире. Однако, как выяснилось позднее, дело обстояло так. В своем заявлении Национальному собранию 25 апреля премьер Дебре сообщил, что еще 18 апреля, то есть за четыре дня до начала мятежа, правительству стало известно о подготовляемой «некоторыми элементами армии» операции. Вопрос о том, почему правительство не приняло решительных мер, чтобы предотвратить мятеж, так и остался открытым. Но факт остается фактом. Правительство Франции действительно узнало о подготовке путча еще 18 апреля!

Рано утром 22 апреля Париж был взбудоражен известием, переданным по радио: «В городе Алжире вспыхнул военный мятеж. Правительство лишено возможности осуществить свои полномочия». Оказывается, во втором часу ночи французские полицейские власти Алжира сообщили по телефону в Париж министру внутренних дел Роже Фрэ о том, что полки парашютистов занимают город. Стало известно также об аресте генерального делегата французского правительства в Алжире Морэна, министра общественных работ и транспорта Бюрона и главнокомандующего французскими войсками в Алжире генерала Гамбье.

С 6 часов утра вся телефонная и телеграфная связь с Алжиром была прервана, так что сведения можно было черпать из скудных информационных заявлений правительства. Первое коммюнике, опубликованное премьер-министром Дебре, было составлено в столь туманных выражениях, что трудно было понять, что, собственно, произошло в Алжире. Сам фашистский путч, угрожавший существованию республики, в коммюнике мягко именовался «актом недисциплинированности».

С помощью какой-то тысячи парашютистов мятежники смогли без особого шума захватить город Алжир со всем штабом и управлениями французских властей, охранявшихся двадцатью тысячами жандармов и полицейских. Все произошло без единого выстрела. Ни военные, ни гражданские власти в Алжире и не подумали о сопротивлении мятежным генералам.

Впоследствии стало известно, что первоначальный план заговорщиков был построен на внезапности, в расчете на пси-

хологический шок, панику и беспорядок. Внезапность предполагала, что ответный удар задержится или вовсе не будет нанесен.

Путчисты намеревались осуществить одновременно две операции: захватить власть в Алжире и высадить десант в Париже. Планировалось, что воздушный флот вторжения, высадив 2500 парашютистов, немедленно вернется в Алжир, чтобы доставить в Париж новое подкрепление. Предполагалось, что к этому времени выброшенный десант уже установит контакт с мятежными группами войск, расположенными в столице.

Этот план задумано было осуществить в ночь на 23 апреля. Однако 21 апреля заговорщикам стало известно, что их замысел не является тайной для правительства, и они решили первую операцию — захват власти в Алжире — начать немедленно.

Целями заговорщиков были: установление во Франции режима военной диктатуры, уничтожение остатков демократических свобод и, конечно, сохранение любой ценой «Французского Алжира». Главари путча мечтали о создании фашистской империи «от Дюнкерка до Сахары».

К тому времени большая часть французской армии в ходе алжирской войны была перебазирована из Европы в Северную Африку. Согласно официальным данным, из 575 тысяч человек, составляющих наземные силы, 450 тысяч находились в Алжире. Кроме того, в Алжире было 150 тысяч человек, состоящих во вспомогательных частях, так называемых «харки», а также многочисленные полицейские и жандармские формирования и отряды республиканской безопасности.

В распоряжении мятежников находились также основные силы военной авиации Франции, значительная часть военноморских сил и громадное количество различной военной техники, скопленной в Алжире. По отношению к числу воинских частей, находившихся в метрополии, заговорщики обладали несомненным и значительным превосходством.

И, наконец, особенно важным было то обстоятельство, что в руках мятежников находились наиболее «динамичные» части — парашютисты и иностранный легион. За последние пятнадцать лет эти банды отъявленных головорезов принимали участие во многих авантюрах, и колониальный разбой стал их профессией. Об этом наглядно говорит их кадровый состав: первый полк парашютистов иностранного легиона на восемьдесят процентов состоял из бывших эсэсовцев; сорок пять процентов личного состава второго полка так же приходилось на бывших гитлеровцев и столько же было в нем венгерских фашистов.

К 21 апреля главари заговора были уже в Алжире. Генерал Шаль прилетел на французском военном самолете, Зеллер совершил путешествие в багажном отделении другого самолета. Генерал Жуо, а также полковники Годар, Бруаза, Лашруа и другие руководители заговора уже давно тайно пребывали в Алжире.

Отсутствовал только генерал Салан. В день выступления он все еще находился в своем номере в одном из мадридских отелей, где несколько месяцев под благосклонным оком франкистских властей занимался разработкой плана путча. Любопытно, что даже тогда, когда на следующий день Салан уже прилетел в Алжир на специальном самолете в сопровождении группы приближенных, испанская охранка продолжала уверять, что она не выпускает его из-под своего строгого надзора.

Радио Алжира объявило также, что в Алжир прибыл Пьер Лагайярд, один из главарей военно-фашистского путча в Алжире 24 января 1960 года. Во время пресловутого «процесса баррикад» он был приговорен к десяти годам тюремного заключения, но бежал в Мадрид при явном попустительстве французских властей и все время до мятежа укрывался во франкистской Испании.

Свой штаб заговорщики разместили на вилле в квартале Тагарэн в северной части города Алжира. В то самое время, когда де Голль смотрел в театре трагедию Расина, Шаль и Зеллер в подвале виллы записывали на магнитную пленку заявления, которые на следующий день должны были быть зачитаны по радио.

Захваченная мятежниками радиостанция Алжира, переименованная в «Радио-Франция», с пяти часов утра 22 апреля занялась этим делом. Глава генеральской хунты Шаль в своих выступлениях по радио истерично выкрикивал: «Военные захватили власть, чтобы избавить Францию от „опасности коммунизма“». Свои призывы и сообщения алжирское радио перемежало с кодированной фразой: «Комната няни обворована».

Вечером 22 апреля мятежники заняли второй по величине алжирский город Оран, затем третий — Константину. Таким образом, основные стратегические и административные пункты Алжира быстро попали в руки военной директории.

Политическая программа мятежных генералов содержала следующие требования: Никаких переговоров о мире в Алжире. Война до победного конца. Предание суду всех сочувствующих идеям самоопределения алжирского народа. Провозглашение Алжира «национальной территорией». Возвращение других утраченных колоний.

Захватив власть в Алжире, ультра блокировали мусульманский район города Алжира Касбу, намереваясь физически уничтожить коренное население. К счастью, они попросту не успели осуществить это злодеяние.

24 апреля на Форуме — центральной площади Алжира — собралась стотысячная толпа европейцев-колонистов. Наигрывая на клаксонах автомобилей мелодию своего гимна «Французский Алжир», они истошно приветствовали клику Шалья, Салана, Жуо и Зеллера.

Заговор, как это выяснилось позже, охватывал не только Алжир, но и Францию, нити его сходились где-то в Париже. Мятежники рассчитывали на энергичную поддержку со стороны своих сторонников в метрополии, на их подпольные группы в Париже и других крупных городах, на многочисленных единомышленников в генеральном штабе и воинских частях, ответственных чиновников полиции и службы безопасности.

Ночью и утром 24 апреля в метрополии резко активизировали свою деятельность оасовские бандиты: произошли взрывы бомб на новом аэродроме Орли, на Лионском и Лейпцигском вокзалах в Париже. Некая организация, именующая себя РДЛ, распространяла по почте листовки, в которых заявляла, что террористические акты — это «серьезное предупреждение» тем, кто намеревается «пожертвовать французским Алжиром». Листовки угрожали расправой «коммунистам, профсоюзным активистам» и всем демократам и республиканцам, которые стремятся покончить с войной в Алжире путем переговоров. Цель этих действий ультра была ясна: посеять панику среди населения Франции.

Перед лицом мятежа французское правительство явно не торопилось принять решительные меры. В Елисейском дворце у генерала де Голля и в «Отеле Матиньон» у премьера Дебре шли нескончаемые заседания и совещания. Наконец, с большим опозданием была начата полицейская «операция проверки» лиц, известных сочувственным отношением к ультра. Некоторые из них были арестованы.

Затем было объявлено о правительственных мероприятиях в связи с мятежом. Министр по делам Алжира Жокс, облаченный «самыми широкими полномочиями», и генерал Олье, назначенный новым главнокомандующим, вылетели из Парижа утром на реактивном самолете и в середине дня совершили посадку «где-то на территории Алжира».

С 23 на 24 апреля парижане провели тревожную, бессонную ночь, ожидая сигналов сирен, возвещающих высадку в парижском районе воздушного десанта мятежников. В пять часов утра было передано по радио сообщение о том, что пер-

вые самолеты с парашютистами покинули Алжир в направлении метрополии. Однако через час это известие было опровергнуто.

Жители французской столицы осуждали бездействие властей, которые долгие месяцы проявляли исключительную терпимость ко всем проискам ультра. Даже сейчас, говорили парижане, когда страна находится перед лицом серьезнейшей опасности, мало что делается для предотвращения возможных десантов, нападений и других вылазок ультраколонналистов. И, действительно, вокзалы, мосты, а также министерства и другие правительственные учреждения почти не охранялись. Несколько танков, стоявших ночью перед зданием Национального собрания, ушли оттуда на рассвете. Только большие силы полиции и жандармерии, оснащенные радиоустановками, были сконцентрированы вокруг президентского дворца и у министерства внутренних дел.

Недоуменно пожимая плечами, читали парижане сообщения в газетах о том, что, несмотря на все «меры по обезвреживанию» ультраколонналистов, один за другим видные главы ультра исчезают из Франции, чтобы появиться затем в Алжире. Так, например, агентство Франс Пресс сообщало, что целой группе ультра удалось без больших хлопот перейти через границу в Испанию, откуда любезные франкистские власти на воздушных такси доставили их в Алжир...

Реакция рабочего класса на переворот в Алжире была быстрой и энергичной. Рано утром, едва радио передало первое сообщение о военном путче в Алжире, профсоюзные объединения и левые политические партии немедленно начали обсуждение создавшейся обстановки.

Генеральный секретарь компартии Франции Морис Торез обратился с письмом ко всем республиканским партиям и профсоюзам, призывая их лидеров срочно встретиться для принятия немедленных мер против фашистского мятежа.

Рабочий класс Франции, верный своим демократическим традициям, проявил полную решимость оказать отпор фашистам. Ночью, как только стало известно об угрозе высадки парашютистов, во всех профсоюзных центрах немедленно начали заседать комитеты бдительности. Профсоюзы всех направлений совместно с многочисленными общественными организациями еще раньше договорились о действиях для защиты республики. Комитеты бдительности поддерживали непрерывный контакт с профсоюзными организациями по всей стране. Во всех рабочих пригородах и ряде кварталов Парижа население ночью вышло на улицы, приветствуя проходившие войска безопасности пением «Марсельезы» и воз-

гласами «Да здравствует республика!». Этой же ночью к министерству внутренних дел стали собираться добровольцы, а также бывшие участники Сопротивления.

Двенадцать миллионов забастовщиков в дни мятежа — таков был ответ трудящихся Франции фашистам. Ни запрещения манифестаций, ни отказ властей оказать народным организациям материальную помощь для борьбы с мятежниками не остановили людей в сотнях городов и тысячах деревень. Вся Франция была охвачена самой крупной в ее истории забастовкой.

Вот как описывала газета «Юманите» атмосферу, в которой жила трудовая Франция в часы мятежа: «В помещениях профсоюзных организаций, в ячейках на заводах царил обстановка, которую можно сравнить только с незабываемыми днями освобождения страны от гитлеровских оккупантов. За каждым закреплены обязанности, назначены ответственные за связь с населением, за транспорт. Все, кто имеет военный опыт, помогают подготовить отряды народной милиции. Люди понимают, что преступных заговорщиков нужно встретить не словами, а оружием».

Эти часы и дни были великой демонстрацией единства всех французских демократов, спасших страну от фашистской опасности.

Главарь мятежа рассчитывали на беспрекословное подчинение им воинских частей, находившихся в Алжире. Это был их первый и главный просчет. Солдаты-призывники из метрополии не пошли за ультра. Масса рядовых солдат оказалась молчаливое, пассивное, но достаточно твердое сопротивление. Некоторые же части, как, например, военные моряки, наотрез отказались выполнять приказы главарей мятежников. Это сорвало не только организацию морских десантов в метрополию, но и основной стратегический замысел военного переворота.

Лидеры путча смогли опереться лишь на банды наемников из иностранного легиона и парашютистов да на кучку офицеров-предателей и часть европейского населения Алжира. Они не смогли организовать и десант парашютистов в столицу. Солдаты-летчики сорвали налет на Париж, хотя командующий военно-воздушными силами в Алжире генерал Биго примкнул к мятежникам. В ответ на его приказ молодые летчики военно-воздушной базы Мезон-Бланш пели «Интернационал». Время было упущено, фактор внезапности утрачен.

Как подчеркивают французские газеты, стоило заявить правительству, что силы противовоздушной обороны и истребительной авиации откроют огонь по самолетам с парашюти-

стами, чтобы у генералов ультра пропал весь их воинственный пыл. Правительство было вынуждено выступить с таким заявлением лишь после того, как рабочие пригрозили переловить парашютистов, как крыс.

25 апреля, как сообщала газета «Либерасьон», правительство получило из Алжира телеграмму с просьбой разрешить приземлиться самолету, на котором находился офицер с письмом от генерала Шаля. Разрешение было дано. И в 23 часа 30 минут самолет приземлился на аэродроме в Паркэ-Меслэ близ Тура. Посланцем мятежников оказался полковник Жорж де Буассье, двоюродный брат полковника Алена де Буассье, зятя генерала де Голля. Этот полковник уже выполнял аналогичное поручение своих коллег во время событий в январе 1960 года. Письмо генерала Шаля было тотчас направлено префекту департамента Эндр и Луара Жюльену, который передал по телефону его текст в Елисейский дворец.

Поздним вечером 25 апреля был опубликован приказ де Голля военным частям в Алжире, оставшимся верными правительству, начать военные действия против мятежников.

В это время в Алжире происходило следующее. В 23 часа 25 апреля было передано обращение к населению города Алжира с призывом немедленно собраться на Форум. В голосе диктора звучала тревога. Он кричал о «предательстве». Позже стало известно, что части, верные правительству, уже приближались к городу. Тут и там возникали перестрелки. Тем временем толпы европейцев заполнили Форум, требуя появления лидеров путча. Незадолго до полуночи «Радио-Алжир» было занято правительственным отрядом военных моряков. Новый диктор объявил, что станция начинает нормальные передачи, прерванные в субботу утром.

Толпа на площади волнуется. Она понимает: силы порядка одерживают верх, авантюра приближается к концу. Около часа ночи на балкон резиденции генерального делегата правительства вышли Салан, Шаль, Жуо, Зеллер и другие руководители мятежа. Они хотят выступить, но микрофон уже не действует. Тогда главари путча садятся в грузовики первого полка парашютистов и поспешно покидают город, улицы Алжира пустеют.

Авантюра «четверки» продолжалась менее ста часов. Тщательно подготовленный путч потерпел полное поражение при первом же, скажем прямо, весьма робком отпоре со стороны правительства. Но главное, что испугало мятежников, — это сплоченность всех сил демократии, поднявшихся на защиту родины под лозунгом «Фашизм не пройдет!».

Субботним вечером в начале 1962 года произошли два взрыва большой силы в помещениях, занятых службой безопасности («Сюрте женераль») и генеральной делегацией в Алжире. Взрывы вызвали сильный пожар, который удалось потушить лишь через час. Пламя было таким сильным, что угрожало танкам и броневикам, окружающим здание. В огне погибла значительная часть совершенно секретных архивов, в том числе дела, заведенные органами безопасности на генерала Салана и его соратников.

На другой день между пятью и шестью часами утра в городе было произведено 117 взрывов! По две бомбы каждую минуту. Таким было положение в Алжире спустя год после подавления путча «четверки». Демократическая печать Франции подчеркивала, что ни полиция, ни войска не принимают действенных мер против фашистских убийц, которые по-прежнему продолжают пользоваться полной безнаказанностью.

После заключения Эвианских соглашений фашистский террор в Алжире достиг своей вершины. В двадцатых числах марта ОАС снова подняла вооруженное восстание в городах Алжире и Ороне. Оасовцы начали нападать на французские войска. 22 марта в городе Алжире развернулись настоящие военные действия.

Около полуночи по сигналу ракеты оасовцы открыли артиллерийский огонь по Летнему дворцу на главной улице Алжира, где находятся службы высшей французской администрации. Одновременно была взорвана часть здания префектуры полиции. Стрельба в городе продолжалась всю ночь при свете военных прожекторов, расположенных на окрестных высотах, которыми французские войска старались нащупать боевые точки ОАС. В середине следующего дня французская военная авиация начала обстрел с воздуха квартала Баб-эль-Уэд, который захватили оасовцы.

В Ороне отряд оасовцев занял типографию газеты «Эко д'Альже», находящуюся в центре города. Около часа ночи ултра начали обстреливать силы охраны порядка из автоматического оружия, минометов, противотанковых ружей.

Главарь ОАС поставил своей задачей во что бы то ни стало сорвать Эвианские соглашения. Они открыто заявляли об этом. В парижских газетах была опубликована так называемая «инструкция № 29», изданная Саланом в связи с этим. «Я хочу развязать события, — писал он в этом приказе, — я заранее отклоняю всякую идею оборонительных действий. Сейчас необходимо вести все расширяющееся наступление».

Преступная деятельность ОАС в Алжире стала возможной прежде всего потому, что органы безопасности почти открыто

попустительствовали террористам. На это обстоятельство прямо указывала даже буржуазная печать.

Газета «Монд» утверждает, что французская «Сюртэ насыональ», а также «Служба внешнего осведомления и контршпионажа» (СДЭСЭ) принимали «самое непосредственное участие в делах Алжира». Оказывается, на службы безопасности было возложено... «обнаружение и обезвреживание действий... Фронта национального освобождения». Газета писала, что эта «задача» целиком поглощала около одной трети всех полицейских сил метрополии. Для отвода глаз руководство «Сюртэ» использовало для борьбы с ультра в Алжире малочисленные и беспомощные отряды полицейских агентов, именуемых на парижском аргю «барбузами». А отборные кадровые части девятой ударной бригады парашютистов, получивших у французов прозвище «горилл», в это время бездействовали.

В этой обстановке, не боясь возмездия со стороны властей, весной 1962 года ОАС начала беспрепятственно проводить гитлеровскую тактику «выжженной земли», названную «Операция 1830». Они хотели, уходя, оставить Алжир в развалинах, оставить алжирцам страну в том виде, в каком она была к началу французской колонизации, то есть в 1830 году. С этой целью оасовцы подвергают систематическому разрушению общественные постройки и жилые дома. Только в городе Алжире за одни сутки они взорвали и сожгли двадцать школ, где обучались десятки тысяч ребят.

Но как ни бесчинствовала ОАС в Алжире в период после заключения соглашения в Эвиане, вскоре стало ясным, что у нее нет никаких шансов осуществить поставленные задачи. Ультра мечтали установить в Алжире полицейско-террористический режим, подобный тому, что царит в Южной Африке. Но это оказалось невозможным.

Во французской печати приводились данные, характеризующие «личный состав» ОАС в Алжире. Это было: 800 «активистов», разбитых по так называемым «группам Зет». Они представляли собой наиболее надежную опору ОАС и ее основную ударную силу. Затем сотня офицеров, дезертировавших из армии, и примерно пять тысяч человек, находившихся в войсковых частях, разбросанных по Алжиру. И, наконец, от двадцати до двадцати пяти тысяч сочувствующих (бывших членов территориальных частей), сведенных в две тысячи «групп Дельта». Таковы были кадры ОАС в Алжире.

Кроме того, около сорока или пятидесяти тысяч французов, принадлежащих к крайне правым группировкам в Алжире, оказывали активную поддержку ОАС.

Несмотря на отчаянные потуги, секретная вооруженная

организация в Алжире не достигла ни одной из целей, которые она перед собой ставила. Ее главарь Салан не смог осуществить ни одной из трех своих операций, зашифрованных под названием «Удар кулака», «Двойной шаг» и «Апокалипсис», которые так и остались в воображении их автора. ОАС не сумела воспрепятствовать прекращению огня в Алжире. Не смогла она помешать и работе верховного комиссара, а также временного исполнительного органа. Ей не удалось освободить Жюо и отомстить на следующий день убийством того, кто его арестовал, как она угрожала.

Итак, ОАС потерпела в Алжире полный провал. Это стало очевидным для всех, и даже для ее самых горячих приверженцев. Они пока еще не хотят этого признать, но уже отлично видят, что ОАС вовсе не всесильна. В день, когда весь Алжир вышел на улицу, чтобы встретить зарю свободы, главари этой преступной организации покинули его землю.

„ФЕСТИВАЛЬ БОМБ“

Во Франции и в Алжире взрывались бомбы, а руководители террористического подполья не только преспокойно разгуливали по Елисейским полям, собирались в фешенебельных парижских ресторанах, но и давали интервью иностранным журналистам.

В ноябре 1961 года парижский корреспондент стокгольмской вечерней газеты «Афтонбладет» рассказал о своей доверительной беседе с человеком, который «занимает очень высокий пост» в ОАС. Корреспонденту не составило особого труда разыскать этого лидера ультра и договориться с ним о «встрече» в одном из парижских ресторанов.

Его собеседник, назвавшийся «Иксом», поведал о ближайших планах террористов. «ОАС в настоящее время находится в новой фазе, и притом решающей,— заявил «Икс». — Она собирает воедино свои силы. Нам осталось два месяца на завершение организационной подготовки. К январю Франция созреет или, точнее говоря, она достаточно протухнет. После революции нам важно будет удержать власть, и к этому мы готовимся».

По словам «Икса», «миллион человек во Франции готов на сегодня подчиниться приказам ОАС, а через два месяца вся Франция будет вынуждена сделать то же самое». Собеседник шведского корреспондента «с удовлетворением отметил, что организация, подобная ОАС, быстро растет в Западной Германии, а американцы ревностно изучают наши методы».

Когда-то Ромэн Роллан дал меткое определение: «У фашизма десятки личин. Он подделывается под нравы каждого народа. В одном месте он носит личину военную или клерикальную, в другом — капиталистическую или демократическую; подделывается он даже под социализм. Его микробы развиваются на любых бульонах...».

Сегодняшняя французская действительность — яркое подтверждение этих слов знаменитого французского писателя. Прошло два с небольшим года с тех пор, как на страницах французских газет впервые появилось таинственное сочетание трех букв латинского алфавита — ОАС. И давно уже ни для кого не представляет загадки, что ОАС — это сокращенное наименование (по первоначальным буквам ее французского названия — «Организасион де л'армэ секрет») «секретной вооруженной организации» французского фашизма. Идет третий год, как черный паук — символ ОАС — зловещей тенью лег на Францию. Кстати, большой черный паук — это та же самая эмблема, что и у упоминавшейся нами тайной международной фашистской организации. ОАС является участником этого «черного интернационала».

Однако, как утверждают хорошо осведомленные лица, ОАС возникла вовсе не в феврале 1961 года. В несколько иной форме она существовала уже в 1958 году. В то время один отставной высший офицер армии, используя средства, предоставленные в его распоряжение некоторыми деловыми людьми не только в Алжире, но и в метрополии, решил создать вооруженные гражданские группы, которые должны были начать «контртеррористические действия» против Фронта национального освобождения Алжира. Эти группы приняли название «Аксион контртеррористик» (АКТК). В эти группы вошли сотни бывших фронтовиков и молодых людей преимущественно из крайне правых политических организаций. В какие-нибудь три месяца на всей территории Франции была создана дисциплинированная и эффективно действующая подпольная организация. Органы безопасности и полиция смотрели на это сквозь пальцы.

Вскоре после прихода к власти де Голля глава АКТК — ярый приверженец генерала — распустил свою организацию в метрополии, и все ее участники либо снова завербовались в армию, либо вернулись к частной жизни.

Нынешняя же ОАС была создана в феврале 1961 года на основе «мадридского соглашения» между представителями различных заговорщических организаций, собравшихся в то время во франкистской Испании. Ее ближайшей целью тогда была подготовка апрельского военного путча в Алжире и государственного переворота во Франции.

В ряды ОАС влились кадры всех фашиствующих французских организаций, ее пособниками, тайными и явными, являются многочисленные сторонники прямой военной диктатуры в армии и государственном аппарате.

Ударной силой ОАС являются молодые ультраколониалисты, члены правых партий («Молодая нация», пужадисты), бывшие солдаты французского добровольческого антибольшевистского легиона, сражавшиеся в период Петэна и Лаваля на Восточном фронте.

«Идейное» руководство ОАС взяла на себя группа наиболее реакционных политиков. В Национальном собрании, куда жульнический избирательный закон посадил сливки французской реакции, восемьдесят депутатов открыто поддерживают эту террористическую организацию. «ОАС получила право гражданства в парламенте», — гласят большие заголовки на страницах правых газет.

Непосредственными проводниками линии ОАС на политической арене выступают правые депутаты Национального собрания: Жан-Поль Давид, Дельбек, Аригги, Биажи, Ле Пен, Томазо и др.

Сразу же после покушения на де Голля в августе 1962 года ОАС направила в газеты в конвертах Национального собрания Франции листовки, в которых заявила, что «полностью одобряет этот акт». Причем покровители ОАС настолько обнаглели, чувствуя свою безнаказанность, что опустили эти письма в почтовом отделении, не выходя из Бурбонского дворца — резиденции Национального собрания!

Для того чтобы такая организация, как ОАС, существовала, вооружалась и действовала, надо прежде всего иметь деньги, много денег. Если назвать источники, откуда поступают в кассу ОАС средства, то станет ясным, кто ее вскармливает и кто ей покровительствует. В 1961 году ряд крупных компаний Алжира, являющихся филиалами парижских фирм, получили «налоговое извещение» ОАС с тщательным учетом объема их доходов. По словам парижской газеты «Экспресс», директора этих компаний посетили управляющего Алжирским банком Ватто. Ватто принял их и сказал дословно следующее: «Так что же вы хотите? ОАС — это политическая организация французов в Алжире. На что же она должна, по-вашему, жить?».

Крупные нефтяные компании, заинтересованные в алжирской и сахарской нефти, были таким же образом «обложены налогами» ОАС. И опять, как писали французские газеты, их руководители, посоветовавшись, решили предпринять совместный демарш перед председателем Бюро разведки нефти Бланшаром. Ответ Бланшара был таков: «Не спрашивайте у

меня официального ответа. Мой совет неофициальный: лучше заплатить».

7 сентября 1962 года на аэродроме в Мэзон Бланш был арестован Морис Женжамбр, видный промышленник, генеральный директор одной из наиболее крупных алжирских компаний. Оказалось, что он не кто иной, как «казначей» ОАС. После ареста Женжамбра министерство внутренних дел было вынуждено принять решение об изоляции некоторых руководящих лиц ОАС во Франции, личность которых была установлена по документам, найденным у Женжамбра.

До недавнего времени руководство ОАС состояло из генерального комиссара, 4 вице-комиссаров, 80 провинциальных руководителей и 200 руководителей групп. Центры ОАС существуют во всех городах Франции. Крупнейшие из них — в Париже, Дижоне, Гавре, Лилле, Лионе, Марселе и Авиньоне. В Алжире центры ОАС, наоборот, были размещены не в больших, хорошо охраняемых городах, а в небольших населенных пунктах, где властям было небезопасно проводить свои операции, так как они рисковали попасть в засаду Фронта национального освобождения или же участников ОАС. Зарубежные филиалы этой организации имеются в Мадриде, Барселоне и Гамбурге. После путча в Алжире в Италии также был создан центр, помогавший участникам мятежа тайно бежать из Франции. Этот филиал снабжал всех беглецов паспортами и другими документами.

Фактически ОАС руководят два человека — генералы Салан и Жуо, продолжительное время скрывавшиеся в «маки», то есть ушедшие в подполье после мятежа в Алжире. Приговоренный заочно парижским военным трибуналом к смертной казни, Салан опубликовал следующее «послание»: «Я, генерал армии Рауль Салан, бывший гражданский и военный командующий Алжира, беру на себя руководство великим движением по национальному возрождению... Поэтому я решил собрать всех патриотов в один фронт борьбы, девиз которого «Французский Алжир или смерть» будет направлять его деятельность, способствовать удачам и укреплять нашу решимость... Генерал военно-воздушных сил Эдмон Жуо немедленно меня заменит, если мне помешают до конца выполнить возложенную миссию. Средства действия фронта сосредотачиваются в Секретной вооруженной организации (ОАС) ...».

После ареста обоих генералов (Жуо еще до процесса Салана был также приговорен к смертной казни) ОАС повела атаку на правительственные власти. Бывший адвокат маршал Петэна — Изорни, который взял на себя защиту адъютанта Салана капитана Ферранди, арестованного вместе со своим

шефом, сделал представителям печати скандальное заявление. Он утверждал, что располагает материалами о связях Салана с высокими лицами в правительстве и в некоторых политических партиях. В частности, объявил Изорни, Салан получал отчеты о закрытых собраниях совета министров. Адвокат оасовцев грозился еще более «сенсационными разоблачениями».

Даже находясь в тюрьме, Салан продолжал поддерживать связь со своей организацией.

У одного из террористов ОАС, арестованного в Париже, — некоего Каналь по прозвищу «Черный монокль» — нашли рукописное письмо Салана с инструкциями для ОАС. Из письма следует, что главарь ОАС и после ареста продолжал направлять действия своих бандитов.

За спиной генералов — руководителей ОАС — целая свора полковников, таких как Годар, Гард, Лашруа, Водрей, Аргу, Бруаза. Все они также стремятся изо всех сил к популярности, к расширению своего влияния. На следующий день после подавления апрельского путча в Алжире прозвучали и «полковничьи голоса». Темной ночью на стенах французских городов была расклеена листовка: «Француженки и французы! Мы еще не сказали своего последнего слова! Вы еще услышите о нас! Вы нас узнаете по этому знаку!». Под черным пауком стояла подпись — «Полковники».

Из числа гражданских лиц, принадлежащих к руководству ОАС, надо указать бывшего премьер-министра Бидо и бывшего министра информации Сустеля, а также двух фашиствующих авантюристов — Ортиза и Лагайярда.

Особенно «колоритна» фигура Жозефа Ортиза. Этот остроносый человек с жестоким, отталкивающим выражением лица, с презрительной ухмылкой на тонких губах, с большими оттопыренными ушами в прошлом был содержателем публичного дома в Алжире. На этом «посту» он был обвинен в сводничестве и осужден. Затем Ортиз всплыл на поверхность уже в качестве политического советника Салана. На совещании в Мадриде Ортиз был одним из создателей ОАС. Во время апрельского путча в Алжире он фигурировал в списке членов «временного правительства» Салана в роли «заместителя премьер-министра». Перед путчем Ортиз побывал в ФРГ, а затем ездил в Швецию, где навестил штаб-квартиру международной неонацистской организации «Европейское социальное движение» в Мальмё.

После провала путча Ортиз обосновался в Мадриде. По словам французских газет, он имеет свою собственную тайную сеть на юго-западе Франции. Газета «Комба» сообщала, что Ортиз занят также сколачиванием «средиземноморского

антикоммунистического союза», в котором предполагается объединить фашистский сброд из Франции, Италии, Бельгии и некоторых других стран. Бывший депутат Лагайярд также нашел убежище в Мадриде и возглавляет собственную группу «активистов».

В листовках, воззваниях, выступлениях, передаваемых по радио, руководители ОАС представляются борцами против «мирового коммунизма». Они выдают себя за «истинных патриотов» Франции, выступающих за «целостность французской территории». Однако главная цель лидеров ОАС, какой бы демагогии они ни предавались, заключается в захвате власти во Франции и установлении военно-фашистской диктатуры.

Парижская печать опубликовала текст захваченной полицией при одном обыске «политической программы» ОАС. Вот некоторые из пунктов этого пространного документа: «Создание правительства «общественного спасения» из представителей французского националистического движения в армии... Роспуск всех политических партий, которые лишь раскалывают французов... Конфискация всего их имущества и зданий. Роспуск компартии и всех организаций и ассоциаций, прямо или косвенно с ней связанных. Смещение коммунистов со всех выборных постов и должностей. Передача трибуналам тех журналистов, которые способствовали деморализации нации...».

В рабочем столе Салана после его бегства из Алжира в апреле 1962 года была найдена разработанная ОАС программа-минимум. В ней предусматривается роспуск Всеобщей конфедерации труда; увольнение и предание суду профессоров и преподавателей — антифашистов; роспуск Французской профсоюзной конфедерации христианских рабочих и профсоюза «Форм увриер», поддерживающих правительство. Вместо всех этих профсоюзных организаций ОАС планирует создание Всеобщей конфедерации французских трудящихся.

А вот что говорится в брошюрах ОАС, издаваемых в Испании и распространяемых во Франции: «Новый порядок будет католическим порядком... Неравенство — закон жизни, а иерархия — неотвратимый закон природы...».

ОАС не только разрабатывает свои «программы», но и намеревается действовать. Факты говорят, что над Францией висит угроза фашизма и гражданской войны. На фашистском митинге в Париже в конце 1961 года, происходившем в крупнейшем зале столицы «Мютюалитэ», Жорж Бидо без обиняков заявил: «Возможность государственного переворота не исключена». А правый депутат Ле Пен с трибуны того же собрания провозгласил: «Война объявлена, сражение нача-

лось». Обращаясь к присутствующим в зале фашистам, сенатор Бернар Лафэ прокричал: «Сегодня наш боевой смотр! Будьте готовы откликнуться на первый же призыв!».

Вскоре после этого итальянской газетой «Аванти» был опубликован детально разработанный план ликвидации Пятой республики, что было намечено ОАС на первую половину февраля 1962 года, если будет предпринята попытка заключить соглашение о мире в Алжире. Вся операция была разбита на несколько этапов. На первом предусматривалось физическое уничтожение всех руководителей Коммунистической партии, всех демократов — врагов ОАС. Далее должен быть осуществлен вооруженный захват всех государственных учреждений: от резиденции президента до телевизионного центра, от казарм и железнодорожных станций до аэропорта. В Венсенском лесу планировался сбор всех сторонников ОАС, которым было бы роздано оружие, чтобы в любой момент они могли оказать поддержку ударным группам. Был составлен даже список будущего правительства.

Мы знаем, что народ Франции сорвал эти планы фашистов, но это не означает, что они отказались от намерения осуществить их в будущем. Известно, что ОАС разрабатывает новые планы захвата власти, сколачивает новые оперативные группы. Ее главари спокойно разъезжают по Италии, Западной Германии, Испании, устанавливая связи с зарубежными «коллегами».

Структура ОАС подчеркивает военно-террористический характер организации, она имеет четкое разграничение функций: бюро разведки и операций руководит вооруженными подпольными группами «командос», служба «массовых организаций» ведает вербовкой кадров, «организация психологических действий» занимается пропагандой и т. д.

Боевые отряды ОАС — это специально обученные террористические группы, главная задача которых во время мятежа — захват важнейших объектов. В последнее время, после ухода из Алжира, организация пополнилась за счет парашютистов из иностранного легиона, которые ушли в подполье со всем оружием. В распоряжении ОАС имеется даже несколько вертолетов. По данным французской печати, организация насчитывает во Франции примерно двадцать тысяч человек. Она объединяет также несколько тысяч женщин, не считая тех 1800 — 2000 легионеров, унтер-офицеров, офицеров и солдат французской регулярной армии, которые давно уже находятся в «маки».

Теперь уже во Франции никто не делает тайны в отношении источников снабжения ОАС оружием. Оно систематически поступает с военных складов через соучастников ОАС в

армии. Известны также случаи непонятных «исчезновений» оружия с американских военных баз во Франции. «Хотите ли вы знать огневую мощь «секретной вооруженной организации» во Франции?» — спрашивает парижская буржуазная газета «Пари-пресс — Энтрансжан» у своих читателей. И с завидной осведомленностью отвечает:

— Еще задолго до заключения Эвианских соглашений осужденный ныне главарь ОАС бывший генерал Салан приказал создать на территории метрополии склады различного оружия и взрывчатки с целью использования их в наиболее благоприятный момент в действиях против французского правительства и генерала де Голля.

По подсчету газеты, ОАС располагает в настоящее время 100—150 пулеметами, 50 тысячами автоматов, 180 тысячами автоматических пистолетов и имеет от 20 тысяч до 30 тысяч гранат. «Пари-пресс—Энтрансжан» подчеркивает, что таким количеством автоматического оружия можно вооружить несколько полков.

Какими путями оружие попадает в руки ОАС, можно представить себе на следующем примере. Вечером 23 апреля 1961 года полковник Годар, возглавлявший органы безопасности Алжира, поняв, что вся затея с путчем проваливается, приказал изъять из всех арсеналов оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества, принадлежавшие воинским частям, отказавшимся присоединиться к мятежникам.

Дальнейшие действия заговорщиков были стремительны. В ту же ночь на двадцати грузовиках, которые вели гражданские шоферы, в различные пункты Алжира было переброшено пятнадцать тысяч единиц автоматического и полуавтоматического оружия, пять тысяч пулеметов, огнеметов и несколько безоткатных орудий, огромное количество боеприпасов, противотанковых мин, гранат, а также продовольствия.

А вот этот факт свидетельствует, как ОАС затем переправляла оружие из Алжира во Францию. В конце лета 1962 года рабочий багажного отделения Марсельского вокзала с усилием приподнял сданный на хранение чемодан. Его необычная тяжесть показалась ему подозрительной. Вызванная полиция вскрыла чемодан. Там оказалось оружие. Так, благодаря бдительности марсельских железнодорожников была обезврежена банда оасовцев, занимавшаяся переправкой оружия в метрополию.

Типы оружия, упоминавшиеся выше, предназначаются ОАС для ведения крупных операций. В повседневной же ее «деятельности» самым ходовым оружием является «пластик» — мягкая взрывчатка, которая действует при соединении с кислотой. В эластичный брусок втыкают трубку, и,

как только кислота проест себе дорогу, все вокруг летит на воздух.

«ОАС бьет там, где она хочет, и тогда, когда она хочет». Это один из девизов организации французских ультра.

Вскоре после второго путча в Алжире (январь 1960 года) бельгийская газета «Газетт де Льеж» опубликовала интервью с одним из участников обеих мятежей — неким Пьером Жоли. Этот тип является автором брошюры под названием «Стратегия и тактика контрреволюции», ставшей своего рода настольным справочником-пособием для участников европейского фашистского подполья. В своем интервью Жоли заявил: «13 мая: короткий удар. 24 января: глубокий удар. Патриоты — защитники христианской цивилизации стоят на своих местах. Следующий удар будет нанесен прямо в цель».

Естественно, что после подобных заявлений французы ностражируют, усиленно обсуждают, а что же будет дальше? Парижане спрашивают друг друга, будет ли это «третий удар гонга» (после предшествовавших мятежей ультра) или же «холодный путч». Этот новый термин отражает тактику некоторых заговорщических элементов: изо дня в день создавать в стране атмосферу гражданской войны, с тем чтобы в качестве «национальных спасителей» к власти пробрались лидеры некоей «третьей силы» с «оасовской программой без ОАС».

После провала путчей в Алжире ОАС переименовала вывеску и несколько изменила свою тактику в постановке некоторых политических вопросов. Теперь ОАС именуется «Национальным комитетом сопротивления» (НКС). Решение об этой реорганизации принято на совещании в Лиссабоне в конце 1962 года. В состав НКС были «избраны»: Бидо — председателем, Гарди — его заместителем, а Сустель и Аргу — членами комитета. Личный же состав бывшей «вооруженной секретной организации» переформирован в «национальную секретную армию» (АНС).

В погоне за поддержкой у определенной части общественного мнения, которую она не хочет восстанавливать против себя, НКС не прочь представить себя в лучшем свете. Добиваясь этого, фашистские главари прибегают к самой бесстыдной демагогии, широко используя различные одурманивающие средства, или средства «интоксикации», как они именуются специалистами идеологической войны.

Кампания «интоксикации» началась еще осенью 1961 года. Открыл ее сам Салан на страницах газеты «Монд». 20 сентября он писал, что цель ОАС — «мобилизовать французов

под лозунгом защиты основных свобод, социальной справедливости и национальной территории». Спустя некоторое время он предстает перед мэрами в роли защитника общественных свобод, а жандармам во время крестьянских демонстраций советует не быть слишком жестокими.

Полковник Лашруа — тоже один из оасовских «теоретиков» — не скрывает конечной цели этой кампании по «интоксикации нейтральных слоев населения». «Эта кампания направлена, — пишет он, — на то, чтобы изолировать на время нейтральных».

Что скрывается за этими словами, ясно каждому: внести раскол в среду революционеров и дать возможность ОАС добиться осуществления своих планов. Хотя фашистская банда и переименовала название, цели ее остаются прежними: терроризировать население, вызывать беспорядки и установить свою власть. А чтобы добиться этого, надо оглушить, запугать обывателей, нагнать страху на представителей властей и, главное, постараться представить себя гораздо более сильными, чем они являются в действительности, — такова тактика ультра.

С этой целью они широко используют всякие шумовые средства, тоже входящие в арсенал идеологической войны.

Каждую демонстрацию они проводят под аккомпанемент автомобильных сигналов: три коротких и два длинных гудка, которые должны обозначать «Аль-же-ри — фран-сэз», то есть «Алжир — французский». Они ввели в практику также «концерты на кастрюлях», отбивая по ночам тот же ритм на газах, бидонах.

Однако главным оружием фашистского подполья во Франции служит террор. Еще в 1957 году в мартовском номере журнала «Ревю милитэр» была четко определена суть «стратегии террора». «Речь идет не только о том, чтобы путем угроз или убийств устранить ту или иную личность, прямо враждебную или опасную благодаря ее влиянию для нашего дела. Речь идет о том, чтобы, воздействуя на отдельную личность, оказать давление на целую группу, заставить ее обороняться или принудить к отступлению».

Теперь послушаем, что говорит один из оасовцев — практиков в области террора. Речь идет о бывшем командире французских парашютистов, составлявших часть иностранного легиона в Алжире, полковнике Роже Тренкье. Он громкогласно заявил: «Дайте мне сотню головорезов и я терроризирую Париж! Я просто буду оставлять каждую ночь на улицах трупы». Можно не сомневаться в готовности Тренкье при подходящих условиях выполнить свое обещание. Ведь за плечами у полковника Тренкье пятнадцатилетний опыт терро-

риста в бывшем французском Индокитае, Корее, Алжире и позднее в Катанге.

Пластик, бомбы, гранаты, угрозы, покушения... Под всеми эти преступлениями красуется постоянная подпись, три зловещие буквы — ОАС.

На поприще террора ОАС дебютировала в начале 1961 года серией «сенсационных» взрывов и убийством мэра французского городка Эвиан-ле-Бэна, где должны были начаться франко-алжирские переговоры о мире. Затем последовал длинный ряд других политических убийств французских демократов и алжирских патриотов.

На протяжении пресловутого «фестиваля бомб» в 1961 году ОАС совершила на территории Франции более четырехсот взрывов, в том числе свыше двухсот — в Париже. В марте того же года, то есть незадолго до второго путча, оасовцы-террористы пытались поджечь Бурбонский дворец — резиденцию Национального собрания. В связи с этим некоторые французские газеты напомнили о провокации немецких фашистов в 1933 году. Да, поджог парламента — разве это не классическая прелюдия к фашистскому перевороту.

«Сигареты зажжены... Сигареты зажжены...». Эта странная фраза была много раз повторена неизвестным коротковолновым передатчиком на французском языке в один из первых дней 1962 года. Ее слышали радиолюбители многих французских городов. И не случайно, видимо, передача этих таинственных сигналов совпала с усилением террористической деятельности ОАС на территории Франции.

3 января в Алансоне стал жертвой террористов главный инспектор городского муниципалитета Альфред Локюссоль. Убийца, успевший удрать из Алансона, был арестован в Мансе. На допросе оасовец Поль Стефани заявил, что он прибыл специально из Алжира по заданию ОАС, чтобы убить Локюссоль. Его сообщником оказался сын директора Тулонского отделения крупнейшего французского банка «Лионский кредит» Роберт Арто. При обыске у них были изъяты списки и адреса лиц, которых они должны были уничтожить.

Проходит два дня — и группа бандитов с автомашины обстреливает здание ЦК Французской компартии на улице Ле Пелетье. Ранен рабочий — бывший узник гитлеровских лагерей Роберт Шапделен. Еще два дня — огромный взрыв потрясает дом на улице Бонапарта, в котором живет писатель Жан-Поль Сартр.

Прошло немного времени — фашисты совершили покушение на известного писателя коммуниста Владимира Познера. «Адская машина», помещенная ультра на лестнице, вдребезги разнесла двери соседних квартир, причинила большой мате-

риальный ущерб. Сам писатель был ранен в голову осколком стекла.

В это же самое время, как бы подчеркивая свое проникновение во французскую армию, ОАС организовала следующую демонстрацию: 9 января над городом Оксером пролетели военные самолеты, которые «писали» в воздухе буквы «ОАС».

«Скоро во Франции начнется «испанская война» — с такой шапкой вышла тогда же в Брюсселе фашистская газета «Насьон-Эроп».

В первых рядах борцов против фашизма идут французские коммунисты. Вот почему в первую очередь против них и направляет свои удары ОАС. Она открыто объявила о намерении убить члена ЦК Французской компартии бывшего министра Марселя Поля.

Восемью взрывами бомб — «преимущественно против активных коммунистов», подчеркнуло в своем обращении французское радио, фашисты из ОАС отметили «вторую годовщину алжирского путча 24 января 1960 года». Среди тех, против кого направлены были эти взрывы, член Центрального Комитета Французской компартии, муниципальный советник Парижа Луи Байо. Во время покушения на него был тяжело ранен коммунист Е. Падуа, охранявший дом, где живет товарищ Байо. Второй взрыв произошел в доме, где находятся квартиры секретаря ВКТ и главного редактора славной газеты французского рабочего класса «Ви увриер» Анри Красуцки.

В конце января огромной силы взрыв произошел во внутреннем дворе министерства иностранных дел на Кэ д'Орсэ. В результате был убит на месте рабочий Роже Буассье, грузивший в машину мешки с дипломатической почтой, ранено двенадцать человек, из них пять — тяжело. Кто они, эти люди? Двое рабочих, работавших во дворе, стенографистки, секретари, скромные чиновники министерства. Зданию министерства был причинен большой ущерб. Начисто вырваны из металлических рам толстые зеркальные стекла во всех окнах, выходящих во двор, обрушились потолки в коридорах двух этажей, поврежден ряд кабинетов, выведены из строя телетайпы, пострадала телефонная станция.

Фашистские молодчики, совершающие убийства и взрывы, оставляя подпись «ОАС» или «пластикеры», как их называют, — это мелкие наемники, выброшенные из общества аморальные элементы, профессионалы-убийцы. Все они в недалеком прошлом находились в рядах эсэсовских дивизий и других гитлеровских формирований.

Оасовец Дебессе, арестованный после обстрела помещения комитета Французской компартии в Лилле, открыто назвал себя профессиональным убийцей: «Я создан для убийст-

ва, это мое ремесло, моя жизнь. Не знаю, сколько поубивал я в Алжире женщин и детей. Я прямо давил их своим вездеходом».

Каждый такой убийца-холостяк ежемесячно получает жалование 400—700 новых франков плюс оплата квартиры и расходов, женатый — дополнительно еще 700 новых франков. «Премияльные» за каждого убитого — две тысячи франков.

ОАС использует все возможности для распространения среди населения всевозможных инструкций и рекомендаций насчет того, как в «домашних» условиях организовать производство средств террора. Во время последнего, мартовского 1962 года, мятежа в Алжире в некоторых листовках ОАС содержались прямые указания, как изготавливать самодельные гранаты и бутылки со взрывчатой смесью, которые рекомендовалось бросать из окон на головы проходящих по улице патрулей.

В одном случае для пропаганды такого рода был использован... французский журнал для детей и юношества «Топ». На одной из его страниц в августовском номере за 1961 год можно увидеть фотографию какого-то разрушенного бомбой здания. Это фото служит иллюстрацией к тексту под заглавием «Зло, которое ведет к террору, — пластик». На целой странице редакция этого детского журнала без единого слова осуждения террора ОАС в самой доходчивой форме рассказала о том, как можно изготовить бомбу-пластик и как надо ею пользоваться. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть хотя бы подзаголовки: «Происхождение названия», «Преимущества», «Разновидности», «Способ производства» и, наконец, «Способ использования». Чем не полная инструкция для будущего террориста! Просто не верится, что это страничка из детского журнала, а не из военного справочника!

Но это не все. Французский еженедельник «Экспресс» вслед за этим почти во всю полосу дает «страничку для детей». На ней целиком приведена названная статья, которую сопровождает редакционное примечание: «Журнал для детей и юношества «Топ» опубликовал в своем последнем номере статью, с которой мы сочли целесообразным ознакомить и взрослых... Без комментариев».

Действительно, вряд ли необходимо комментировать этот поступок журнала «Экспресс»; служащий делу распространения пропаганды террора. Все ясно!

Поздно вечером 8 сентября 1961 года сообщения французских газет всколыхнули всю Францию. В этот день было совершено покушение на генерала де Голля. Оно готовилось давно. Первая попытка была предпринята еще в конце 1960 года, когда несколько подозрительных лиц сняли небольшой домик в лесу рядом с дорогой, которой обычно пользовался

президентский эскорт. Но угроза была своевременно устранена в результате предпринятых полицией мер.

«Это не покушение, а сомнительная шутка!» — сказал де Голль, после того как 8 сентября под передними колесами его автомобиля взорвался резервуар с горючей жидкостью, соединенный с четырехкилограммовым зарядом взрывчатки. Так президент пытался демонстрировать спокойствие.

После этого покушения были приняты особые меры охраны президента республики, вплоть до того, что по пути его следования приказано снять с окон все цветочные горшки. Вокруг резиденции де Голля установлена металлическая ограда, препятствующая движению пешеходов по тротуару вдоль Елисейского дворца. Также значительно увеличена личная охрана де Голля.

По этому поводу одна из парижских газет жаловалась, что, хотя в стране уже полгода действует чрезвычайное законодательство, полиции все труднее и труднее обеспечивать безопасность официальных поездок. «Режимы не существуют долго, — писала она, — если они опираются на силу безопасности».

Во время поездки де Голля летом 1962 года по стране был раскрыт новый заговор против него, который удалось предупредить в Безансоне. Арестованные члены террористической группы ОАС сообщили, что они готовились убить генерала де Голля с помощью «минированной собаки». Нагруженная взрывчаткой собака, управляемая ультракороткими свистками, должна была послужить орудием преступления.

...22 августа 1962 года. После чрезвычайного заседания совета министров Франции, на котором, в частности, обсуждались меры против усиления активности террористов, министр информации заявил собравшимся журналистам: «Было бы неуместным преувеличивать рост бандитизма». Через несколько минут на президента де Голля было совершено покушение...

Около 8 часов вечера по парижскому времени де Голль с охраной выехал из Елисейского дворца на военный аэродром Виллакубле, чтобы оттуда вылететь в свою провинциальную резиденцию Коломбей-ле-лез-Эглиз. Четверть часа спустя на полпути между Парижем и аэродромом президентский кортеж, состоявший из двух машин и двух мотоциклистов, поравнялся с поставленным у края дороги небольшим крытым грузовиком, из-за которого по машине де Голля был открыт огонь из ручных пулеметов и автоматов. Когда машина президента проскочила «первую линию огня», стрельба началась из легкой машины, стоявшей примерно на сто метров дальше, у другой обочины дороги.

В президентской машине пулями было разбито заднее стекло, пробиты борт и две покрышки. По счастливой случайности никто из находившихся в машине — де Голль ехал в сопровождении своей супруги и зятя — не был затронут пулями. Вероятно, лишь большая скорость, с которой мчался кортеж, спасла жизнь президенту и его спутникам, так как террористы стреляли чуть ли не в упор. Они успели выпустить несколько очередей, на месте преступления полиция обнаружила гильзы от нескольких сот пуль. Брошенный грузовик был найден вскоре неподалеку от места покушения. Парижские газеты отмечали, что организаторам покушения, очевидно, были хорошо известны маршруты и время поездки президента.

Газета «Комба», говоря о покушении, писала: «Легкость, с которой оно было осуществлено, буквально через несколько минут после заседания совета министров, посвященного борьбе против новой волны бандитизма, показывает беззаботность или бессилие властей, продемонстрировавших их уже не раз, когда речь шла о действиях против заговорщиков».

Действительно, странная ситуация. Но нельзя забывать того, что, каковы бы ни были политические разногласия, которые разделяют правящие круги и оасовцев, все время существует стремление властей использовать ультра в борьбе против рабочего и демократического движения во Франции.

В эти дни политическая проблема единства остается главной для всех народных сил Франции. От решения этой проблемы в значительной степени зависит, как будет развиваться борьба с фашизмом и во всей Западной Европе.

Летом 1962 года в Москву приезжал известный французский писатель Жан-Поль Сартр, который в беседе с корреспондентом ТАСС высказал свою точку зрения на некоторые проблемы, волнующие общественность разных стран.

Наиболее обстоятельно была проанализирована писателем проблема активизации фашизма в Западной Европе. Используя определенное стечение обстоятельств, отметил Сартр, фашистское меньшинство может прийти к власти в некоторых европейских странах, несмотря на то что фашисты не имеют своей партии, а также определенной политической и экономической программы, которая могла бы стать популярной в массах.

ОАС, по словам Сартра, является подпольной группой, которая не имеет ни единства, ни политической программы,

ни влияния на народ. «Оасовцы политически глупы», — заявил он. В терроре, составляющем основу действий ОАС, он видит «прежде всего доказательство политической нищеты».

Вместе с тем писатель предостерегает тех, кто склонен недооценивать угрозу фашизма, и полагает, что в случае переворота свергнуть фашистское правительство было бы легким делом. «Единственный способ избежать этих потрясений заключается в консолидации всех демократических сил», — заявил Сартр.

Французский фашизм свою главную ставку сейчас делает на раскол левых сил. Известный публицист Морис Дюверже, разоблачая этот замысел, писал: «Вся игра фашистов отныне заключается в том, чтобы тщательно изолировать коммунистов, единственного их непримиримого врага, а других левых успокоить, иногда даже похвалить и во всяком случае показать, что враждебность по отношению к ним значительно менее серьезна... Если левые-некоммунисты в этих условиях будут перед лицом опасности сохранять свою старую тактику раскола, то может случиться, что необходимый союз будет создан слишком поздно: в тюрьмах и концентрационных лагерях».

Морис Дюверже быстро получил ответ ОАС — взрыв бомбы в доме, где он живет.

В этой обстановке, сложившейся во Франции, чрезвычайно опасна позиция тех политических партий, которые помогают фашистам своей тактикой раскола и разъединения народа. Это настолько очевидно, что даже самая умеренная и осторожная газета «Монд» почти ежедневно возвращается к этой теме. «Некоторые партийные лидеры, — пишет газета, — раздувают сейчас антикоммунизм и проявляют пособничество по отношению к самому опасному врагу... Выступления руководителей социалистов, католиков и радикалов против ОАС остаются пустыми словами. Эти слова не сопровождаются никакими конкретными мерами против мятежников».

Самое тревожное явление, по мнению «Монд», — это вырисовывающееся все более четко за последнее время в руководящих кадрах социалистической партии и связанного с ней профсоюзного объединения «Форс увриер» неонацистское крыло, по существу смыкающееся с ОАС. «Эти элементы не скрывают, что они охотнее примут режим, установленный ОАС, чем общий фронт с крайне левыми силами. Их выбор ясен». «В первом правительстве Муссолини, — многозначительно подчеркнула газета, — из 14 министров лишь четыре были членами фашистской партии, а в первом правительстве Гитлера было лишь три нациста».

Призывая на словах к возрождению «духа сопротивления», руководители правых социалистов на деле весьма далеки от него. Слепой антикоммунизм толкает их на прямую сделку с покровителями фашизма.

Это случилось 8 февраля 1962 года. На парижские улицы вышли демократы, для того чтобы заявить решительный протест против преступлений ОАС. Не раз в многовековую историю Франции народ Парижа принимал на себя удары черной реакции. Не раз улицы и площади французской столицы были свидетелями нестигаемой воли французов сохранить славу своей страны, как страны великих революционных и демократических традиций. И вот снова Париж стал ареной жестокой борьбы между защитниками демократии и ее могильщиками.

В 18 часов 30 минут тысячи манифестантов собрались на бульваре Бомарше, они несли антифашистские плакаты и выкрикивали: «ОАС — убийцы!». Жандармы в касках с винтовками наперевес кинулись на них. Особенно жестокое столкновение было возле станции метро Шмен-вер.

Английская газета «Дейли экспресс» опубликовала сообщение своего парижского корреспондента с таким примечанием: «Полночь. Наш корреспондент, раненный во время манифестации, передает: Деголлевские силы безопасности заняли все выходы на площадь Бастилии. Полицейские атаковали манифестантов, избивая их дубинками. Они не щадили ни стариков, ни женщин. Я видел, как к дереву прислонился человек, по лбу которого текла кровь. Из окон домов на бульваре Бомарше люди выкрикивали ругательства в адрес полицейских. Я наклонился, чтобы помочь раненому. Над головой летели камни, которыми манифестанты отвечали на огонь полиции. — «Ты думаешь, только камни ранят? — услышал я над головой крик полицейского. — А вот этого ты еще не пробовал?» — и он полоснул меня дубинкой».

А вот что произошло у станции метро Шарон, о чем рассказ служавший Верте. Демонстранты начали расходиться, когда на них набросились жандармы. Люди хлынули к станции метро. В узких проходах и на лестнице образовалась свалка. Полицейские кидали в помещение слезоточивые гранаты. Люди задыхались. Тех, кто пытался вырваться на улицу, полицейские избивали чем попало. Тела избитых бросали на головы людям, теснившимся у входа в метро.

Весь мир был потрясен кровавой расправой над мирной демонстрацией в Париже в «черный четверг» 8 февраля.

...13 февраля. Не менее миллиона парижан вышло на похороны жертв полицейской расправы. Траурная процессия, двигавшаяся от площади Республики, растянулась на несколько

километров и только к 11 часам 30 минутам достигла ворот кладбища Пер-Лашез. Прошло почти пять часов, прежде чем последние колонны могли пройти за кладбищенскую ограду. До темноты у склепа, вокруг которого в радиусе более ста метров были разложены тысячи букетов и венков, толпился народ.

Даже одна из самых реакционных газет — «Фигаро» вынуждена была дать следующую оценку того, что произошло 13 февраля: «Париж из своих глубин, своим шествием многих сотен тысяч сказал свое слово».

«И сейчас еще стоит в ушах этот глухой шум шагов по мокрому мостовым; и кажется, что все еще чувствуешь себя окруженным этим колоссальным миллионоликим существом, которое неумолимо влечет тебя за собой и которое ничто и никто не может остановить», — это писала «Орор», известная своей приверженностью к «атлантической политике» и ненавистью к Советскому Союзу.

День 13 февраля был уроком для фашистов из ОАС, для тех, кто мечтает построить во Франции новый режим фашистского террора и лагерей смерти. Они поняли теперь, что будут иметь дело со всем народом, что им не удастся оторвать трудящиеся массы от коммунистов и сознательных рабочих, которые сказали фашизму свое НЕТ.

КТО СТОИТ ЗА ИХ СПИНОЙ?

12 апреля 1961 года в Мадриде состоялось секретное совещание, на котором присутствовали три представителя Си-Ай-Эй — американской разведки, некоторые главари ОАС (один генерал и два полковника), а также представитель франкистской секретной службы и два делегата от западно-германской информационной службы, руководимой Геленом.

Во время этого совещания лидеры ультра, в числе которых был и Салан, пугали американских агентов «катастрофическими» результатами незадолго до этого состоявшейся пресс-конференции де Голля («двери для коммунизации Алжира при помощи ФНО открыты») и проинформировали их о решении некоторых французских генералов перейти к «конкретным действиям».

В свою очередь, американские агенты сообщили своим французским друзьям, что в Соединенных Штатах политика де Голля вызывает все большее раздражение и наталкивается на открыто критическую позицию влиятельных кругов Пентагона. По мнению последнего, де Голль, отказываясь передать

НАТО французскую авиацию, отказываясь предоставить территорию Франции для размещения американского атомного оружия, настаивая в одиночку на создании собственной французской ударной силы и, наконец, требуя создания франко-англо-американской директории для принятия наиболее ответственных атлантических решений, «парализовал НАТО и сделал невозможной оборону Европы».

Кроме того, Вашингтон серьезно раздражает и тот факт, что по некоторым международным вопросам, в частности по таким, как Лаос, Париж не безоговорочно следует в фарватере американской политики. Все это, заявили американцы, делает для США желательным установление во Франции крайне правого режима, который поддерживал бы атлантическую политику Соединенных Штатов.

Но основная работа по подготовке путча в Алжире велась в Париже. Давно уже не является тайной тот факт, что этот фашистский мятеж готовился в течение продолжительного времени в штабе НАТО. Здесь французские друзья Центрального разведывательного управления совещались перед началом мятежа прямо в штаб-квартире тогдашнего главнокомандующего вооруженными силами НАТО американского генерала Норстэда. На этих встречах французскую сторону представляли генералы де Бофор, Аллар и Валлюи. С американской стороны участвовали генералы Смит и Тэйлор, нередко присутствовали заместитель шефа ЦРУ Ричард Биссел и полковник Альмер.

Из материалов, ставших достоянием гласности, известно, с помощью какого ключа Си-Ай-Эй открыла дверь в кабинет Салана, привлекла его к сотрудничеству.

Рауль Салан еще во времена Виши состоял на службе гитлеровской разведки, которая установила с ним тайный контакт вскоре после военного поражения Франции. Назначение Салана в Дакар на пост эmissара петэновского правительства состоялось лишь после того, как генерал дал согласие на постоянное сотрудничество с абвером. Оно было проведено через расстрелянного при де Голле гитлеровского шпиона Пьера Лавалья, бывшего тогда «премьером» вишистского режима.

Салан систематически информировал абвер о деятельности агентов союзников в Дакаре. Он выдал немцам многих деятелей французского Сопротивления. Свою шпионскую деятельность в пользу гитлеровской Германии Салан продолжал и после высадки союзников в Западной Африке.

Четыре года Салан выжидал победы Германии и только в самый последний момент присоединился к силам освобождения Франции и даже командовал частями в Эльзасе под на-

чалством генерала де Латтр де Тассиньи. Эта уловка помогла ему избежать заслуженного наказания за измену.

«Организация» Рейнгарда Гелена тотчас возобновила связь с Саланом после того, как в 1956 году премьер-министр Франции Ги Молле назначил его главнокомандующим французскими вооруженными силами в Алжире.

Американская разведка заполучила Салана при содействии генерала Гелена. Произошло это при следующих обстоятельствах. Через одного из самых доверенных агентов ЦРУ Салану дали понять, что документы, свидетельствующие о его сотрудничестве с германской разведкой в годы режима Виши и позже, находятся в распоряжении ЦРУ. Эти документы, сообщили Салану, будут преданы гласности в международной прессе, если генерал не согласится держать американскую разведку в курсе своей деятельности и дать обязательство не предпринимать никаких «решающих действий» без согласия — фактически разрешения — Вашингтона.

После отказа де Голля совершить официальную поездку в США Аллен Даллес дал Салану установку выждать, пока окончательно не определится политический курс президента в отношении НАТО.

В октябре 1960 года шеф ЦРУ вызвал Салана, находившегося в то время в Испании, для совещания в Афины. Отставной генерал прибыл в греческую столицу инкогнито, его встречи с Алленом Даллесом были окружены глубокой тайной. Во время этих свиданий Салану было дано задание создать оперативную сеть «надежных людей» внутри метрополии, чтобы в случае успеха движения в Алжире развить его и попытаться если не свергнуть де Голля, то припугнуть его, чтобы он перестал сопротивляться американским требованиям.

Именно тогда Аллен Даллес одобрил идею создания ОАС и посоветовал Салану привлечь для участия в ней людей, скомпрометированных сотрудничеством с гитлеровцами в годы оккупации Франции. Впоследствии Салану были переданы списки нескольких сотен таких лиц с их нынешними адресами.

Инструкции, данные Салану в Афинах, были позднее подтверждены Центральным разведывательным управлением через Жака Сустеля, посетившего в начале декабря 1960 года Вашингтон. Тогда был определен и срок путча — середина апреля. Этот срок был не случаен. Одновременно должно было начаться подготавливавшееся США военное нападение на Кубу, которое, несомненно, отвлекло бы внимание от событий в Алжире.

В марте представители американской разведки нашли общий язык также с другим главарем ОАС — генералом Шалем. В это же время в Париже оказался и сам Аллен Даллес.

Вряд ли такое совпадение подготовки мятежа с пребыванием во французской столице главы американской разведки было случайным. Того обстоятельства, что в своих планах он опирался на НАТО, не скрывает и сам Шаль. В опубликованной недавно книге Жака Фовэ и Жана Планшэ об апрельском путче приводятся слова Шалья: «Не забывайте, что я занимал пост командующего центральноевропейским направлением в НАТО. Наши союзники по НАТО меня поддерживают».

Следует еще упомянуть о том, что в декабре 1960 года Жак Сустель, политический «фюрер» ОАС, совершил «пропагандистскую поездку» в США. 7 декабря, находясь в Вашингтоне, Сустель присутствовал на завтраке у одного французского представителя в столице США. Во время завтрака, затянувшегося далеко за полдень, Сустель большую часть времени беседовал со своим соседом, склонившись к его уху. Его собеседником был Ричард Д. Биссел, начальник оперативного управления Си-Ай-Эй, которое руководит осуществлением особых воздушных операций и специальной пропагандой.

Во время завтрака Сустель с предельной ясностью заявил: «Министры временного правительства Алжирской Республики — коммунисты и марксисты. США должны понять, что Алжир — это последний бастион, препятствующий переходу всей Африки в руки коммунистов и установлению ракетных баз СССР в Мерс-эль-Кебире. Одновременно это будет означать конец Европы, ибо крах политики де Голля рано или поздно приведет к народному фронту, победе коммунистов и концу НАТО...». Какие же цели преследовали определенные круги в Вашингтоне, идя на поддержку мятежа в Алжире? Апрельский путч четверки генералов — дело рук международного империализма. «Война в Алжире — это война НАТО», — откровенно и цинично заявил американский генерал Норстэд, бывший главнокомандующий вооруженными силами Атлантического блока.

В Алжир, «французскую вотчину», усиленно стали проникать американские, английские и западногерманские монополии. В добычу золота и алмазов, в эксплуатацию цинковых и свинцовых рудников и в организацию разработок нефтяных месторождений они вложили огромные капиталы.

Во имя защиты этих интересов, которые не имеют ничего общего с национальными интересами Франции, и велась алжирская война. В целях защиты этих интересов подготовлен был и апрельский мятеж.

В последние годы в алжирские дела Франции все более активно начал вмешиваться Бонн. ФРГ предоставила Парижу огромный заем, разрешила вербовать в Западной Германии наемников для французского иностранного легиона. И все

это делалось с единственной целью оказать давление на Францию, чтобы воспрепятствовать разумным переговорам с Временным правительством Алжирской Республики.

Задача французских фашистских генералов и стоящих за их спиной международных империалистических кругов состояла в том, чтобы любым путем помешать завоеванию независимости алжирским народом, попытаться лишить его всяких, даже самых малых, прав. Тем самым колонизаторы хотели бы повернуть вспять процесс освобождения от колониального гнета, усиленно развивающийся в последние годы во всей Африке. Мятежники в Алжире выступали в качестве авангарда всего международного империализма.

Завязка заговора империалистической реакции произошла в Мадриде — этом заповеднике фашизма, сохраненном усилиями американских монополий, — откуда нити протянулись в Алжир и Париж. Режиссура заговора находилась в Вашингтоне.

Война в Алжире была большой пробой сил международно-неоколониализма. Применяя все средства, он пытался сломить, задушить национально-освободительное движение алжирского народа. Задача эта оказалась для него непосильной.

Путч в Алжире провалился. На защиту республики встал народ. Американской разведке и ее хозяевам поспешно пришлось замечать следы своего участия в этой аванюре.

Усилия официальных лиц США, различных специальных органов и их агентуры, а также пропагандистской машины были обращены на то, чтобы «доказать» свою полную непричастность к этому грязному делу. Действия, предпринятые Вашингтоном в этом направлении, имели самый различный характер. 1 мая Аллен Даллес лично «опроверг» сообщения о причастности некоторых работников его ведомства к мятежу. Государственный секретарь США Д. Раск несколько раз заверяет французского посла в Вашингтоне о том, что американские агенты якобы не были связаны с мятежниками.

Как сообщало агентство Франс Пресс от 3 мая, государственный секретарь США Дин Раск, выступая на закрытом информационном заседании, устроенном для американских сенаторов, заявил, что «руководители путча в Алжире направили своего представителя в американское консульство в то время, когда происходил мятеж», и уверял, что «консул не дал ответа посланцу мятежников».

О любопытных вещах в связи с апрельским путчем поведал некий Клод Кризф в своей статье «Шаль и Центральное разведывательное управление США», опубликованной 12 мая 1961 года. «Уже неделю американское посольство в Париже,—

писал он,— мучительно волнует вопрос: „А не перешли ли американские агенты рамки отведенной им роли простых осведомителей в „пронунциаменто” алжирских генералов? Не оказали ли им конкретной помощи? Не дали ли конкретных политических обещаний?”».

До чего же, оказывается, стали деликатными американские дипломаты, как трогательно их волнение по поводу того, что тайные агенты ЦРУ могли оказаться подстрекателями мятежа в стране, в которой выполняют высокие функции дипломатического представительства.

Слушайте дальше. Выясняется, что после начала восстания посол США в Париже «лично занялся расследованием этого дела», он негодует: «Прежде всего, почему он не был в курсе дела?». Это было тем более поразительно, что его коллега — американский посол в Испании — «был информирован обо всем еще накануне, не говоря уже о том, что два военных атташе при посольстве США в Париже находились в это время в Алжире». Американский посол прямо-таки пылает от благородного негодования...

Всем известно, что разоблачения роли американской разведки в апрельском мятеже в Алжире были сделаны органами печати, издающимися отнюдь не в Советском Союзе, и среди них большинство, чья политическая линия весьма далека от коммунистической. Первой информацией об этом опубликовала римская газета «Паэзе». Ее сообщение было затем перепечатано французскими газетами и, наконец, распространилось по всему миру. И по мере распространения ему верили все больше и больше. Поверили все крупнейшие газеты Франции, Англии и самих Соединенных Штатов и не только поверили, но и развили дальше это сообщение, публикуя день за днем все новые факты, подтверждающие и углубляющие упомянутую информацию, называя новые имена.

Но не поверил этим данным печати американский сенатор Китинг. Он заявил, что все это выдумки советской прессы.

Однако у сенатора нашелся соперник, выступивший с «конкретным опровержением» участия американской разведки в алжирском мятеже. Этим лицом оказался мистер Хелмс, занимающий пост ...заместителя шефа Центрального разведывательного управления США, раскрывший «32 трюка», используемых коммунистами для своей пропаганды. Хелмс изложил свое открытие на 121 странице меморандума, который сенат США опубликовал в качестве своего официального документа.

Но что же заявляет Хелмс? Он утверждает, что сам Шаль пустил по свету «басню» о том, что ему была обещана поддержка со стороны Центрального разведывательного управления...

...Человек с кельтским крестом в петлице поднял руку затем тяжело опустил ее. Этого едва заметного жеста было достаточно. Свет в зале погас и только несколько лампочек освещали радиолу. Завертелась черная пластинка. В мгновенно наступившей тишине раздалась пулеметные очереди, взрывы бомб, свист пуль, затем наступила пауза и послышались звуки «Хорст Весселя»... Снова выстрелы, затем вой сирены... Пластинка кончилась, снова зажегся свет... Сидевшие за столом удовлетворенно посмеивались... Громкие звуки твиста мешали мне слышать, что говорили люди, одетые в коричневые рубашки со значком «Страсбургской Европы» — голубой прямоугольник с размещенными кругом двенадцатью звездами...

Мы передали рассказ одного итальянского журналиста, побывавшего весной 1962 года в Брюсселе. Описанное им ежевечерне можно наблюдать в кафе «Ренессанс» на Площади мучеников — своего рода клубе бельгийских фашистов (рексистов). Та же картина и те же люди в кафе «Ле Баладэн» на другом углу площади.

Известно, что Бельгия — страна самого лучшего в мире зеркального стекла, в ней издавна познали тайну шлифовки стекла и ревниво берегут ее по сей день. В бельгийских городах, куда ни взгляни, повсюду сверкают грани зеркал. В ночном Брюсселе, как в огромном зеркале, отражена жизнь фашистского «подполья». Как утверждает западная печать, бельгийская столица — это не провинциальные задворки Европы, а перевалочный пункт международного фашизма, в системе которого ОАС играет в настоящее время важнейшую роль. Западноевропейская печать называет Брюссель «оазисом ОАС», «легким, которым дышит ОАС», ее «внешними щупальцами».

Но вопрос в том, как понимать, что кроется за этими определениями. Во всяком случае Бельгия — это не сосуд, из которого «секретная вооруженная организация» питает себя. Напротив, ОАС для этой страны питательный бульон, давший возможность воспрянуть там фашизму. Нужно иметь в виду, что только названия ОАС или НКС являются новыми, в то время как направляющие эту организацию силы являются такими же старыми, как сам фашизм. И по заданию этих сил ОАС лишь сгруппировала различные организации, которые существовали до нее, точнее, она воскресила к жизни различные группировки, созданные остатками фашизма после второй мировой войны и открыла перед ними «перспективы». Если в Мадриде и Алжире за спиной саланов и шалей стояли доверенные американских монополий, то на другом фланге европейского фашизма, ударным отрядом которого является ОАС, стоит «Юнион миньер», повелевающая политикой и экономикой далеко не одной Бельгии.

УЛЫБКА АНГЕЛА И МАСКИ МЕРТВЕЦОВ

«...Волнующее и трогательное совпадение: свидание в Коломбэ состоялось почти точно день в день в двадцатую годовщину мюнхенского соглашения... Вчерашняя встреча отныне объединяет Францию и Германию в деле сплочения Западной Европы против угрозы коммунизма».

Так писала в сентябре 1958 года, явно лишенная всякого чувства иронии, одна из правых парижских газет по поводу первого визита бывшего западногерманского канцлера Конрада Аденауэра во Францию.

Эта весьма примечательная встреча — «сердечное свидание» федерального канцлера с президентом — состоялась в самый разгар политической борьбы во Франции, накануне референдума-плебисцита. Все было предпринято для того, чтобы вывести это событие из рамок обычных дипломатических встреч и придать ему характер интимной «личной встречи».

Конрад Аденауэр приехал для своих многочасовых переговоров не во французскую столицу, а в личное поместье президента Коломбэ-ле-дэ-Эглиз.

Коммюнике, опубликованное после этой встречи, было сдержанным и лаконичным. Но среди прочих вопросов особо обращало на себя внимание содержащееся в нем туманное заявление о том, что канцлер и президент желают, чтобы их сотрудничество «могло распространиться на возможно большее число европейских государств». Пытаясь разъяснить скрытый смысл этой фразы, агентство Франс Пресс сообщило, что речь идет о «государствах — членах Римского договора» (Франции, Западной Германии, Италии, Бельгии, Голландии, Люксембурге).

Вскоре после этого министры иностранных дел Франции и Западной Германии Кув де Мюрвиль и фон-Брентано провели пресс-конференцию, на которой Кув де Мюрвиль прямо заявил, что указанная фраза коммюнике имеет в виду не только западноевропейские страны, но и... страны Восточной Европы...

С этой исторической встречи лейтмотивом выступлений правых французских газет стала тема: «Рейн больше не существует». Первая и вторая мировые войны, писал, к примеру, иллюстрированный еженедельник «Пари-матч», были лишь досадными «европейскими гражданскими войнами». В действительности ничто и никогда(?) не разделяло Германию и Францию. Журнал призывал французов забыть о «национализме 1914 года», забыть о «депортированных в лагере Бухенвальд, которые отказываются простить это немцам», и,

отбросив «национальные предрассудки, объединить дипломатию, оборону, руководство экономикой» двух стран для спасения западной цивилизации. Эту миссию, заявлял журнал, могут осуществить только два «великих деятеля» современной Западной Европы — Аденауэр и де Голль, которых объединяют «общее социальное происхождение, общие принципы, общая концепция государственной власти».

Известно, что Уинстон Черчилль давно подыскивал подходящий момент для осуществления давнишнего проекта английских империалистов о поглощении Франции Великобританией под видом слияния их в «единое государство». Таким подходящим моментом Черчилль счел середину 1940 года. 15 июня 1940 года де Голль, находившийся в то время в Лондоне, передал по телефону французскому премьер-министру Полю Рейно предложение Черчилля.

С сентября 1958 года по сентябрь 1962 года французский президент девять раз встречался с западногерманским канцлером. И ось Бонн — Париж после каждой встречи вырисовывалась все конкретнее, а на берегах Рейна все больше проникались уверенностью, что не сегодня, так завтра галльский петух окажется в когтистых лапах германского орла.

Визиты главы боннского правительства в Париж носили обычно внезапный характер, и их цель окружалась тайной. Взять хотя бы приезд Аденауэра во французскую столицу накануне сорванного Эйзенхауэром совещания в верхах. О содержании его бесед с главами трех западных держав печать тогда хранила полное молчание. И лишь вернувшись в Бонн, федеральный канцлер выразил публично удовлетворение тем, что совещание не состоялось.

Такой же таинственностью было окружено посещение Аденауэром де Голля в замке Рамбуйе в конце июля 1960 года. Старый замок, сложенный из красных кирпичных плит, и окружающий его старинный парк скрыли от мира содержание происходивших в нем конфиденциальных переговоров.

В официальном сообщении, поражавшем своей предельной краткостью, было только сказано, что оба государственных деятеля пришли «к полному согласию» в вопросе об установлении более тесного политического сотрудничества между шестью государствами Европейского экономического сообщества. Никто не знает, о чем беседовали без посторонних свидетелей Аденауэр и де Голль, но всем известна направленность их политических устремлений. Следовательно, каждому ясно, что секретность, сдержанность и торопливость, прояв-

ленные во время этих переговоров, призваны были замаскировать их важность, скрыть от общественности какую-то новую угрозу, возникающую для Франции и всего мира.

Лишь на парижском аэродроме Аденауэр бросил журналистам загадочную фразу о своих беседах с де Голлем. «Все шло так хорошо и так быстро, что нам потребовалось меньше времени, чем было предусмотрено».

Было ясно заметно, что у канцлера прекрасное расположение духа.

Действительно, он имел все основания быть довольным результатами встречи. 25 октября Франция подписала с ФРГ соглашение о предоставлении вермахту военных баз на французской территории. На площадях 36 тысяч французских городов и деревень высятся памятники погибшим во время обеих мировых войн: каменная женская фигура, олицетворяющая Францию, награждает материнским поцелуем борцов, сражавшихся за родину. И вот настал момент: перед этими памятниками разгуливают солдаты Федеративной Республики Германии.

В недалеком прошлом, когда во французских журналистских кругах заходил разговор о продажности того или иного политического деятеля, часто бросалось крылатое словечко «улыбка Кьяппа». Происхождение этого словечка не лишено интереса. Когда с парламентской трибуны восхваляли какого-нибудь министра или депутата, префект парижской полиции Кьяпп хитро улыбался. Однажды его спросили, почему он улыбается. Кьяпп ответил: «У меня на каждую из этих выдающихся личностей есть досье, в котором лежат столь компрометирующие документы, что опубликование их явилось бы скандальной сенсацией».

Но Кьяпп не улыбался, когда знал, что за спиной осыпаемого похвалами стоят влиятельные иностранные круги по ту сторону Рейна. Не улыбался потому, что сам состоял на их содержании. Одним из таких буржуазных политиков был Робер Шуман.

Прошлое этого тогда 76-летнего (ныне покойного) старика с большим носом, огромными ушами и лысым грушеобразным черепом имеет прямое отношение к возникновению оси Бонн — Париж. Только на тридцать третьем году своей жизни Робер Шуман стал французом. До этого времени он был ...немцем. Родился он, правда, в Люксембурге, но по совету своих воспитателей отцов-иезуитов Шуман по достижении совершеннолетия принял германское подданство.

Затем будущий премьер-министр учится в реакционном немецком университете в Иене во времена кайзера. Когда

началась первая мировая война, он надел мундир офицера германской армии.

Наступил 1919 год, и с ним окончился «немецкий период» в жизни нашего героя. Его бывшие наставники святые отцы-иезуиты, все время не оставлявшие Шумана своими попечениями, нашли, что настала пора перевоплотить своего питомца во «француза». Все заботы по оформлению этой весьма деликатной операции они взяли на себя. Тайные руки изъяли из разных инстанций документы, могущие напомнить о его службе в кайзеровской армии, а затем новоявленный мосье Шуман получил выправленные по всей форме свидетельства о том, что он несчастный житель Лотарингии, насильственно загнанный в германское подданство.

Вплоть до 1940 года депутат французского парламента Робер Шуман был ревностным проводником всех указаний из Берлина и Ватикана, поступавших к нему по тайным каналам связи. В «правительстве» Петэна, разумеется, Шуман получил министерский портфель.

Однако вскоре хозяева вновь испеченного министра решили, что целесообразнее будет, так сказать, изъять его временно из обращения. Поэтому спустя некоторое время Петэн в числе прочих членов своего «кабинета» освободил и мосье Шумана. Дальнейшие события в его жизни разворачиваются в плане настоящего детектива. За ним начинается «охотиться гестапо», но безуспешно. До конца войны его так и не смогли обнаружить вездесущие гитлеровские ищейки. Все это время Шуман тихохонько отсиживался в кельях католических монастырей в той же Франции. Таков был пролог к появлению Шумана уже в большом плане на французской политической арене.

По французским законам участие в правительстве Петэна считается изменой. В годы войны Венсан Ориоль, депутат консультативной ассамблеи, заклеил тех политиканов, которые присоединились к предателю Петэну: «Если завтра те, которые предали и задушили Республику, захотят воспользоваться свободами, которые они старались сами отменить, вы должны подняться против них, как друзья правосудия, и сказать им: „Нет! Вы предатели или трусы. Убирайтесь вон!“».

Но вот война окончилась. Шуман предстал перед трибуналом по «чистке». Бывший сообщник Петэна без единого возражения со стороны судей полностью реабилитируется. В июне 1946 года Шуман уже министр финансов, а 24 ноября следующего года тот же самый Венсан Ориоль, ставший президентом Франции, поручает ему сформировать французское правительство. Впоследствии, уйдя с этого поста, Шуман несколько лет был министром иностранных дел.

Мы не случайно останавливаемся на фигуре этого французского политического деятеля. Шуману среди последних принадлежит важнейшая роль в подготовке «франко-боннского альянса», создании пресловутого «общего рынка». В начале 1963 года в печати промелькнуло сообщение о том, что Шуман собирается удалиться ...в монастырь, чтобы писать мемуары. После сорока с лишним лет тайного служения германскому империализму этому талантливому выученику ордена иезуитов было о чем рассказать в своих воспоминаниях.

Надо думать, что интереснейшей в них оказалась бы последняя часть: решение весьма сложной задачи «мирного» завоевания германским монополистическим капиталом Франции, ведь и в этом деле бывший адвокат из Страсбурга играл в две руки. Настанет момент, и материалы из секретного архива, хранящегося в сейфах модернистского куба на авеню де ла Жуайе Энтре в Брюсселе, где разместились штаб-квартира «общего рынка», ярко проиллюстрируют сложные хитро-сплетения в деятельности Робера Шумана на этом последнем этапе.

«Франция встречает вас сегодня с почестями и с радостью», — сказал де Голль, приветствуя Аденауэра на аэродроме Орли 2 июля 1962 года. «Между Германией и Францией, — добавил он, устанавливается и развивается тесное сотрудничество, создается база, на основе которой становится возможным единство Европы...». Захлебываясь от восторга и улыбки, расписывали парижские буржуазные газеты уникальный ковер стоимостью в 80 миллионов старых франков, брошенный под ноги западногерманскому канцлеру в салоне почетных гостей на аэродроме.

Это, как мы знаем, было не первое посещение Аденауэром французской столицы, но впервые его встречали с почестями, полагающимися только главе государства. За несколько дней до прибытия канцлера учреждения столицы были увешаны черно-красно-золотистыми флагами ФРГ, развевались они и на ветру Елисейских полей и площади Согласия. По-праздничному были подсвечены Триумфальная арка и обелиск на площади Согласия. Зеленоватыми каскадами падали струи фонтанов. Повсюду было много полиции и полевой жандармерии с автоматами. У резиденции президента поставили трибуны и алюминиевые решетки, чтобы отгородить «чистую публику» от «нечистой» во время устраиваемого для почетного гостя военного парада.

Неприятности для президента и канцлера начались буквально с первых минут встречи: «Аденауэр, вон!», «Никаких нацистов в Париже!» — такими лозунгами, тухлыми яйцами и

гнилыми помидорами встретили тысячи парижан автомашину, в которой Аденауэр ехал с аэродрома в Париж. Это была впечатляющая встреча с разгневанной трудовой Францией. Парижане, собравшиеся у Орлеанских ворот, выразили чувства тех, кто справедливо считает, что визит Аденауэра — символ милитаристского сговора — является не только провокацией, но и вызовом, брошенным сторонникам мира во всем мире.

Но не обошлось и без курьезов. На одной из улиц по пути следования кортежа толпа французов кричала Аденауэру: «Нах хаузе». Тугой на ухо западногерманский канцлер не понял, в чем дело, и, улыбаясь, отвечал: «Данке»...

Так начался официальный визит западногерманского канцлера в столицу Франции.

Но и в дальнейшем, несмотря на все старания французских властей, у них ничего не получилось с организацией «публичного внимания» к высокому гостю. Много шумела правая печать накануне предстоявшего парада на Елисейских полях. Аденауэр, согласно программе, должен был возлагать (о, величайший цинизм) венок на могилу Неизвестного солдата, убитого его соотечественниками. Но на завтра погода изменилась, подул пронзительный, холодный ветер, полил дождь. Парад, естественно, имел весьма жалкий вид. К тому же на всех набережных канцлер был вынужден любоваться тремя огромными красными буквами — ГДР, выведенными чьей-то старательной рукой.

Когда же Аденауэр подошел к могиле Неизвестного солдата и стал возлагать венок, шоферы машин, огибавших обелиск, начали согласно сигналить в знак возмущения и протеста. Какие объяснения дали почетному гостю по этому поводу, неизвестно, но кто не знает из побывавших во французской столице, что в Париже рев автомобильных сигналов — это выражение гнева.

Кульминационным пунктом программы встречи с Парижем был прием Аденауэра в городской ратуше. Ратуша Парижа Отель де Виль была по этому случаю разукрашена флагами ФРГ и Франции, над которыми символически возвышался один-единственный, но зато огромный американский флаг. В этот день во множестве подъезжавшие к устланной коврами лестнице какие-то великосветские дамы и напомаженные мужчины поспешно исчезали в подъезде.

Многие буржуазные муниципальные советники Парижа, однако, не пришли на этот прием. Но зато первыми в зале у входа, где должна состояться официальная встреча Аденауэра с членами муниципального совета, стояли 90 советников-

коммунистов, народных избранников в муниципалитет столицы.

...Канцлер входит, и тут произошло событие, которое надолго останется в памяти Парижа. Боннского гостя встретили возгласы: «Долой германский милитаризм!», «С нас хватит реваншистов!», «Да здравствует Германская Демократическая Республика!», «Помните Орадур и Освенцим!», «Да здравствует настоящая дружба французского и немецкого народов!». Торжественно опоясанные своими трехцветными шарфами муниципальные советники тут же поднимаются в соседний зал заседаний, где в память расстрелянных гитлеровцами в годы оккупации восьми коммунистов — муниципальных советников Парижа воздвигнута мемориальная доска, и возлагают у ее подножия венок с надписью: «В память погибших товарищей от участников Сопротивления и антифашистов».

Программа поездки канцлера во Францию была составлена с исключительной помпезностью. В ней помимо обычных объектов посещения и визитов были предусмотрены и массовые митинги с имитацией народного ликования и (гвоздь программы!) совместный парад французских войск с частями бундесвера.

Реймс... Во Франции, вероятно, нет другого места, кроме Вердена, которое бы вызывало больше воспоминаний о вторжении в страну германских милитаристов. Реймс был разрушен дважды — в обе мировые войны. В первую — линия фронта проходила почти в городе, в котором не осталось ни одного целого дома, за городской чертой сразу начинаются поля военных кладбищ. Кресты, кресты, кресты... Десятки тысяч...

И вот неподалеку от Реймса, в Мурмелоне, президент и канцлер принимают парад. За ними следует джип, в котором Месмер, французский военный министр, генерал Массю, участник одного из путчей в Алжире, и сияющий тогдашний министр обороны ФРГ Франц Штраус.

Начинается церемониальный марш. Под звуки старого наполеоновского марша идут в красных беретах французские парашютисты... И вдруг наступает странное молчание, взоры присутствующих устремились вдаль. В золотящейся на солнце пыли из леса вырвались колонны танков, самоходных пушек и бронемашин пятой танковой дивизии бундесвера. Грохочут гусеницы ползущих по полю танков и на них отчетливо видны кресты — старые черные кресты вермахта, обведенные белой каемкой. И в это мгновение грянул прусский бравурный марш; фанфары, барабаны и флейты оркестра бундесвера приветствовали показавшиеся вдали массивные силуэты бронированных машин. О, история не забудет и не простит винов-

ников этого глумления над самыми святыми чувствами народа Франции!

Апофеозом пребывания Аденауэра явилось его присутствие вместе с генералом де Голлем на торжественной мессе в Реймском соборе, разрушенном почти полностью немецкими снарядами во время первой мировой войны и вновь пострадавшем от гитлеровцев во второй мировой войне.

...Под сводами собора плывут торжественные звуки органа. Пурпурное облачение его преосвященства епископа Марти рельефно вырисовывается на фоне бархатных драпировок, белых лилий, цветных витражей и резных каменных цветов. Но вот перед чтением «кредо» умолкают звуки органа. Обращаясь к коленопреклоненным западногерманскому канцлеру и французскому президенту, епископ благословляет их и проникновенно говорит: «Реймский собор встречает вас улыбкой своего ангела...».

«О, милый ангел, мог ли он не улыбаться, услышав, как называют миротворцами и сынами божьими ...Аденауэра, Штрауса и иже с ними!» — восклицает один из французских журналистов.

«Таинственный ветер овеивал бледные лбы» президента и канцлера. Аденауэр долго стоял на коленях. Позади него в сановной толпе присутствующих сквозь белоснежный пояс льняных одеяний детского хора выделялись мундиры офицеров бундесвера. И среди них блестит генеральскими погонами генеральный инспектор бундесвера Ферч — военный преступник, по приказам которого расстреливали советских людей под Ленинградом.

На другой день парижская буржуазная печать в патетических тонах расписывала, как солдаты Пятой республики бодро маршировали под звуки флейт бундесвера. Расшаркиваясь перед гостем, правые газеты писали, что канцлер поразил всех редкой для людей столь преклонного возраста живостью. Действительно, на нем был фрак, сшитый у лучших парижских портных, в петлице алела ленточка ордена Почетного легиона, полученного Аденауэром накануне из рук самого президента.

За обильными трапезами и красочными церемониями два руководителя государств, разумеется, не забыли поговорить и о делах. Трехдневные переговоры «с глазу на глаз» касались политических и военных перспектив западного блока, включая передачу атомного оружия бундесверу...

Впечатления о турне западногерманского канцлера по Франции не будут полными, если не упомянуть о том, что писал вскоре после его окончания брюссельский еженедельник

«Пуркуа па»: «Группы людей, специально нанятых, чтобы изображать стихийно приветствующую толпу, напоминали прежние оперные хоры». И, кто знает, может быть, эти люди пропели бы западногерманский гимн «Дейчланд юбер аллес» с большой охотой и меньшим акцентом, чем «Марсельезу». Во всяком случае, не им дано демонстрировать чувства французского народа, не забывшего лязга гитлеровских танков.

В конце июля 1962 года во французской буржуазной печати обозначилось явное оживление. Еще бы, генерал де Голль собирается с официальным визитом в Западную Германию. Журналисты, падкие на живописные детали, каждодневно поражали читателей «сенсационными» сообщениями. Газеты писали, что подобраны кровати, соответствующие росту генерала. В Мюнхене глава французского государства будет спать на ложе стиля рококо длиной в три метра — кровати, сделанной в 1735 году знаменитым мастером Франсуа Ковилье. В других же городах, оказывается, с ног сбились в поисках достаточно длинных кроватей, и вот приходится спешно изготовлять их на заказ.

С каждым днем страницы газет пестрели все новыми и новыми колоритными деталями, точно речь шла не о государственном деятеле, а о голливудской кинозвезде.

...Боннский канцлер позволил обнять себя в Париже. Ответные объятия ждут французского президента во время приемов в его честь в Западной Германии... Делалось это нарочито, чтобы отвлечь внимание общественности, поплотнее соткать завесу тайны, скрывающую существо переговоров.

Маршрут шестидневной поездки де Голля по ФРГ предусматривал посещение Бонна, Кёльна, Дюссельдорфа, Гамбурга, Мюнхена и Штутгарта. Западногерманские власти усиленно готовились к встрече «дорогого гостя». Немецкая практичность в делах хорошо известна. И, отдавая долг истине, надо признать, что, в то время как французские буржуазные журналисты со смаком изучали детали «спальной проблемы», боннских немцев волновала проблема... консервированной крови. Да, их прежде всего беспокоило именно это.

В начале сентября в западногерманские больницы по всему маршруту следования французского президента поступили банки с консервированной кровью. В сопроводительных документах указывалось: «Для переливания президенту де Голлю в случае покушения». Задолго до приземления самолета главы французского государства на немецкий аэродром вдоль шоссе по соседству с ним выстроились ряды санитарных машин — перевозить возможных раненых.

У правительства Федеративной Республики были достаточно серьезные основания опасаться за безопасность де Гол-

ля. Факт существования связей между фашистским движением во Франции и нацистским «подпольем» в Западной Германии общеизвестен. Не секрет и то, что между бывшим гитлеровским офицерством, состоящим в рядах бундесвера, и французской военщиной оасовского направления существуют интимные связи. В вышедшем недавно сборнике статей различных авторов западногерманский публицист Путткамер пишет: «Остается правдой, что именно в этой группе (высшее офицерство бундесвера), которая, как мы считаем, имеет наибольшее влияние на дух бундесвера, существовали симпатии к генералу Салану».

В Федеративной Республике насчитывается шесть, так сказать, представительств ОАС и одно в Западном Берлине. Давно не составляют тайны их адреса и фамилии «шефов». В Ганновере на улице Гинденбургерштрассе, 28 обитает Курт Воль; во Франкфурте-на-Майне на Вильгельмштрассе, 7 — Эрнст Фогт; в Касселе на Вильгельмштрассе, 142 — Р. Шиммельп; в Нейштадте на Гинденбургерштрассе — Г. Германн; в Гейльбронне на Песталоцциштрассе, 55 — К. Г. Дейле.

Все эти бюро действуют в контакте с боннской разведывательной службой генерала Гелена, одного из самых близких людей к Аденауэру. Каждый здравомыслящий человек скажет, не проще ли было закрыть все эти бюро, а оасовскую агентуру выслать из страны. По «неведомым причинам» федеральное правительство не приняло этих единственно разумных мер. Поэтому встречали де Голля на боннском аэродроме три тысячи полицейских и 780 тайных агентов политического сыска.

С этого момента двадцать тысяч полицейских в форме и в штатском днем и ночью охраняли французского президента на всем протяжении его двухтысячекилометрового путешествия по ФРГ. Газеты рассказывали. Многие тысячи полицейских по пути следования де Голля были переодеты в штатское и спрятаны за кустами и деревьями с задачей: следить, чтобы высокого гостя не встречал никто, кроме тех, кому это было разрешено или вменено в обязанность. Та же задача была поставлена перед летчиками вертолетов, капитанами патрульных катеров и даже ...водолазами. Однако не обошлось без инцидентов. «Один немецкий сыщик, — писало агентство Ассошиэйтед Пресс, — пытался оттеснить одного «подозрительного на вид» человека, находившегося близ де Голля. Но прежде чем это ему удалось сделать, этот атлетически сложенный охранник де Голля схватил немца и чуть было не сломал ему руку. Немец понял свою ошибку, оба пожали друг другу руки и франко-германская дружба была восстановлена».

Но, разумеется, боннские власти не забыли и всего прочего в плане встречи французского президента. Была залита ас-

фальтом булыжная трасса вдоль Кёльнской набережной. В срочном порядке подчистили подъезды к дворцу Шаумбург и прервали работы по сооружению забора вокруг него, вбили в землю нескончаемый частокол флагштоков. Отрепетировали большой «Цапфенштрейх» — старинный прусский сигнал вечернего отбоя, коронный музыкальный номер под барабаны и трубы, своего рода тевтонскую военную оперетту, которую исполняют при свете факелов и на фоне солдатских рядов в стальных касках.

Учителя западногерманских школ в дождь и непогоду вывели своих питомцев на уединенные пустыри, где они, размахивая флажками и скандируя приветствия, репетировали «восторг населения».

Что же примечательного произошло во время поездки де Голля по Западной Германии?

...5 сентября, когда президент расписывался в «Золотой книге» боннской ратуши, среди организованного почетного эскорта вокруг него были видны транспаранты землячеств Шлезии, Померании и Данцига...

«Ваше посещение дает нам повод для особой радости...». «Чудесным образом у нас появилась большая надежда...». «Мы с благодарностью признаем...». Так, не жалея красивых слов в адрес французского гостя, пел ему дифирамбы президент ФРГ Любке на обеде в замке Брюль.

Отвечая ему, французы ратовали за создание так называемой «объединенной Европы». С этой целью они предлагали создать франко-западногерманский союз с единой франко-западногерманской политикой.

...Немало английских газет, да и не только английских, весьма иронически освещали обстановку этого визита и характер речей и переговоров.

...Мюнхен. Суббота, 8 сентября 1962 года. Площадь перед музеем полководцев забита людьми. С высокой трибуны выступает французский президент. Он говорит по-немецки. В толпе, приветствующей президента, немало тех, кто тешит себя реваншистскими идеями, кто не желает признавать границ по Одру — Нейссе, кто готов ввергнуть человечество в пучину новой кровавой войны. Они пришли сюда, чтобы использовать выступление президента как повод для выражения своих агрессивных устремлений.

В пивных этого города в свое время зародилась коричневая чума. Около сорока лет назад здесь бесновались первые орды гитлеровцев. В честь этого пресловутого пивного путча с 1933 по 1945 год на площади перед музеем полководцев горел «вечный огонь» и стоял «вечный караул».

Описывая атмосферу, царившую в Мюнхене в это время, «Штутгартен цейтунг» писала: «Здесь опять поднялся к небу дикий, бурный, коллективный крик, который известен нам по звукозаписям имперских партийных съездов».

...По мнению большинства французских обозревателей, одним из основных моментов пребывания президента в Западной Германии была его речь перед высшими офицерами бундесвера в Гамбургской военной академии. Французский президент провозгласил новую франко-германскую «солидарность».

Развивая свою мысль далее, он говорил о необходимости теснейшей координации между промышленностью обеих стран. «Франция и Германия, — заявил президент, — смогут тем лучше обеспечить себе средства для могущества, чем теснее они объединят свои возможности». Расшифровывая смысл этих слов, парижская «Монд» в передовой статье прямо пояснила, что речь, таким образом, идет «об участии Федеративной Республики Германии в создании атомных ударных сил».

Много было оказано в Западной Германии внимания французскому президенту. Боннские реваншисты не жалели красивых слов, пышных церемоний для того, чтобы по-своему понимаемую франко-германскую «солидарность» начать реализовывать уже в дни визита президента.

Германские империалисты, ловко жонглируя лозунгом «антикоммунизма», ищут себе союзников. Сейчас, как в былые, но не забытые народами времена, германские милитаристы снова кричат о «европейском единстве», снова пытаются внушить своим западным партнерам, что они являются подлинными борцами за «интересы Европы». Однако истинный смысл политической программы боннской реакции совершенно ясен. Боннские реваншисты рвутся к атомному оружию, они используют все возможности для достижения этой цели. Атомную бомбу они называли «даром божьим» и в свое время сразу же потребовали запретить проведение в Федеративной Республике Германии опроса об атомном вооружении бундесвера. Германские милитаристы жаждут новой войны, в которой они хотели бы взять кровавый реванш. Но народы помнят о страданиях, ужасах и жертвах второй мировой войны, развязанной гитлеровской Германией; народы знают, что означала бы для человечества термоядерная война, для участия в которой готовит себя бундесвер.

9 сентября на мюнхенском аэродроме в очередной раз вслед за «Марсельезой» отзвучал гимн «Германия превыше всего» и самолет де Голля, оторвавшийся от взлетной дорож-

ки, взял курс на Париж. Но еще долго не сходили улыбки с лиц Аденауэра и его коллег...

В начале 1962 года генерал де Голль в письме президенту Кеннеди, по словам газеты «Нью-Йорк таймс», развивал такую идею: чтобы чувствовать себя вполне независимой, Франция должна обладать «ударной мощью». Накануне визита президента в ФРГ французский министр иностранных дел Кув де Мюрвиль выступил с клеветническим заявлением, утверждая, что для Франции будто бы германская угроза уступила место русской угрозе.

В 1944 и 1945 годах один французский политический деятель говорил: «Французы знают, что сделала для них Советская Россия, они знают, что именно она сыграла главную роль в их освобождении». Этот деятель говорил об угрозе возрождения германского милитаризма, предостерегал своих соотечественников: «Чтобы помешать Германии приносить зло, — говорил он, — недостаточно предотвратить непосредственную угрозу, исходящую от этой страны, нужно сделать все, чтобы она не вводила в искушение другие народы и не подвергалась искушению сама. В противном случае берегитесь, сыны и дочери Франции...».

Этим политическим деятелем был нынешний французский президент. А еще раньше, в 1942 году, он заявил: «К несчастью для всех, на протяжении веков интриги и непонимание слишком часто мешали заключению франко-русского союза или нарушали его».

Фарс, разыгранный летом — осенью минувшего года на парижской и боннской сценах, вызвал возмущение всех истинных патриотов — французов и немцев.

Все честные немцы и французы прекрасно понимают, что франко-боннский альянс не имеет прочной основы.

В мрачном свете опасного сговора на Рейне возникает и такой вопрос: почему же французская правящая верхушка идет на союз с боннскими реваншистами, несмотря на то что Германия трижды на протяжении одного столетия нанесла Франции кровавые раны?

Правящие круги Франции уже давно стремятся установить свое лидерство в Западной Европе. Но, чтобы достигнуть этого, надо прежде всего освободиться от американской опеки. Отсюда и усиленная деятельность по созданию собственной ударной силы, способной уничтожить двадцать миллионов человек, и упорный отказ допустить Англию в западноевропейский «общий рынок», поскольку это таит опасность того, что Великобритания станет в нем проводником политики США.

Но на пути к господству в Западной Европе у Франции

сильный соперник в лице ФРГ, стремящийся к тому же. Парижу и Бонну еще только предстоит схватка на путях претворения этих своих замыслов. Но пока что они совместными усилиями начинают теснить Соединенные Штаты из Западной Европы.

Ось Бонн — Париж, направленная на создание «третьей силы» независимо от Соединенных Штатов Америки, все больше тревожит Белый дом.

ЗАПАДУ НУЖНЫ „СИЛЬНЫЕ ЛИЧНОСТИ“

«СЕКРЕТ РУССКИХ»

«Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Единым дыханием произнесло все передовое человечество эти слова, наполненные величайшим историческим смыслом. Они снова и снова звучат на всех языках мира, их разносят по всей планете стоустая молва, совершеннейшие технические средства связи — телефон, телеграф, радио. Ими заполнены многие полосы газет всего мира.

Перед глазами читающего Программу Коммунистической партии Советского Союза отчетливо встают очертания процесса общественного развития всей второй половины двадцатого века: шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые годы. Поставлены вехи, указывающие реальный путь в будущее.

В ближайшее десятилетие (1961—1970 годы) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма — Соединенные Штаты Америки. Значительно поднимется материальное благосостояние, культурный и технический уровень трудящихся. Исчезнет тяжелый физический труд, и СССР станет страной самого короткого рабочего дня.

Во втором десятилетии (1971—1980 годы) будет создана материально-техническая база коммунизма, для всего населения обеспечено изобилие материальных и культурных благ — бесплатные питание, жилье и транспорт. Советское общество вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям...

Москва... Кремль... Советы... Коммунизм... Мир... Разоружение! Эти слова давно уже не сходят с уст миллионов людей. Дни, которые потрясли мир, начались в годы Великого Октября. Из этих дней состоит весь путь нашего государства к заветной цели — коммунизму.

Великая Отечественная война, вопреки всем усилиям врагов, явилась величайшей проверкой незыблемости советского строя, крепости нашей социалистической системы, монолитности советского народа, руководимого Коммунистической партией. Народ и партия выдержали все испытания, и после войны Советский Союз стал еще более могущественной державой.

Навсегда вошло в летопись планеты 4 октября 1957 года — день первого прорыва человечества на подступы к Вселенной. Торжественный голос диктора возвестил тогда всему миру, что первый искусственный спутник Земли, сотворенный руками и мыслью советских людей, вышел на орбиту. Так началось наступление СССР на загадки космоса.

Это поистине золотая страница, начавшая новую и удивительную главу в истории науки: от искусственных спутников Земли к космическим ракетам, от околоземных орбит к орбите вокруг Солнца, к полету вокруг Луны.

Затем один за другим в небо взмыли тяжелые космические корабли-спутники. Их триумфальные полеты потрясли мир. Еще бы! Впервые в истории спутники-гиганты с живыми существами на борту с неизменным успехом приземлялись в назначенном районе после кругосветных путешествий по орбите.

И наконец: «В космос вышел человек!».

...«Работают все радиостанции Советского Союза». Этими словами начались 12 апреля 1961 года экстренные выпуски последних известий московского радио. В 10 часов 02 минуты весь мир услышал взволнованный голос Левитана, читавшего сообщение ТАСС.

Полет Юрия Гагарина знаменовал собой начало новой эры — эры проникновения человека в космос. То, о чем мечтало человечество столетиями, стало явью. Двадцать миллионов лошадиных сил — вот какой ошеломляющей цифре равнялась суммарная полезная мощность двигателей всех ступеней ракетоносителя «гагаринского» корабля. Это мощность почти полумиллиона «москвичей» или почти тысячи наиболее тяжелых современных самолетов. В ракете, которая вынесла на орбиту пятитонный «Восток-1» и сообщила ему невиданную скорость — 28 тысяч километров в час, проявилась мощь советской индустрии. Создание такой ракеты оказалось под силу только советской технике.

Прошло несколько месяцев, и «космическую эстафету» понес в заоблачные выси второй советский космонавт — Герман Титов. Двадцать пять часов пробыл он в состоянии невесомости, совершил вокруг земли более 17 витков.

13 августа 1962 года. ...В Америке, не переставая, звучит русская речь. Русские голоса слышны на улицах из автомобильных радиоприемников. Они в каждом американском доме,

где есть телевизор, они доносятся из карманов прохожих, не расстающихся в эти дни с транзисторами. Такого еще не было в Соединенных Штатах.

Это были голоса наших советских людей из космоса — Андрияна Николаева и Павла Поповича. Это голоса советских руководителей, беседующих с «небесными братьями». Это голоса ликующих москвичей, ленинградцев, сибиряков. «Космос говорит по-русски! — воскликнул в этот день один из американских радиокомментаторов. — История говорит по-русски!».

Все больше мыслящих людей на Западе начинают понимать тот всемирно-исторический факт, что сила тяги советских ракет — следствие, а не причина. Директор английской радиоастрономической обсерватории «Джодрелл-бэнк» Бернард Ловелл назвал групповой полет советских космонавтов «поразительной демонстрацией глубины русских ресурсов — совершенно фантастических».

До полета Николаева и Поповича американская пропаганда, пытаясь скрыть смятение и растерянность, вызванные успехами СССР в космосе, все еще назойливо бубнила о следующем: если русские и добились превосходства в весе своих космических кораблей и длительности их полета, то американцы будто бы находятся впереди по техническому оснащению и аппаратуре своих спутников.

Полет «небесных братьев» Николаева и Поповича разбил вдребезги этот миф. Все американские газеты были вынуждены признать, что точный запуск двух космических кораблей почти на одной орбите с интервалом в двадцать четыре часа говорит о небывало высоком уровне советской науки и техники. Утаивать правду о их мощи и превосходстве над США стало невозможным. Ничто так не способствует сохранению мира, как широкое понимание того, что Соединенные Штаты — не всесильны и что капитализм сдает одну позицию за другой.

Правда, по ту сторону океана есть еще немало трубадуров империализма, которые не скупятся на «оптимистические заявления» о перспективах состязания в космосе, но явная нервозность (если не сказать истеричность), с какой преподносится этот дутый оптимизм, выдает их с головой. «Я не признаю, что существует «гэп» (разрыв между СССР и США в космическом соревновании), но я немножко устал от этого слова», — вздохнув, заявил бывший президент Эйзенхауэр.

Июнь 1963 года. Блестящим успехом завершилась новая грандиозная космическая эпопея — длительный совместный космический полет кораблей «Восток-5» и «Восток-6», пилотируемых героическими космонавтами В. Ф. Быковским и В. В. Терешковой, первой в мире женщиной, поднявшейся в

заоблачные выси. Валерий Быковский установил новый мировой рекорд космического полета: его корабль за 119 часов прошел расстояние более 3 миллионов 300 тысяч километров, 81 раз облетев вокруг Земли. Валентина Терешкова — первая женщина нашей планеты, увидевшая земной шар из звездных далей, пробыла в космосе 71 час, пролетела за это время около двух миллионов километров, совершила 48 витков вокруг Земли.

В освоении космоса, как в фокусе, находят концентрированное выражение замечательные успехи советской экономики, науки, техники, культуры, могущество социалистического строя.

Замечательные рейсы советских космонавтов произвели ошеломляющее впечатление на Западе. Они заставляют американцев все больше думать не только о неоспоримом превосходстве советской научно-технической мысли, но и о вопросах социальных и моральных. Многие американцы все чаще ищут ответа на вопрос: в чем секрет советских людей?

В августе 1962 года американская газета «Бостон глоб» в поисках ответа на этот вопрос опубликовала статью под примечательным названием «Ключ к космическим успехам красных... Уверенность... Надежность». Автор статьи Дональд Уайт так и не смог отыскать ключа к «секрету русских», придя к выводу, что все дело в превосходстве советских космических кораблей.

Взялся за поиски «таинственного ключа» и обозреватель Милберн Экерс из «Чикаго сан энд таймс». Свои изыскания он начал со справедливого утверждения, что Соединенные Штаты в своих усилиях по освоению космоса обладают всем, что можно купить за деньги. «Совершенно очевидно,— пишет Экерс,— что у нас нет недостатка в деньгах. И точно так же очевидно, что советская технология далеко превосходит нашу...».

«Может быть,— строит он догадки,— нам нужно нечто, чего не купишь на деньги? Может быть, мы как нация потеряли чувство целеустремленности, утратили дух верности высоким идеалам?». И, очень близко подходя к истине, рекомендует: «То, что нельзя купить на деньги,— это дух, это целеустремленность, рожденная глубокой убежденностью...».

Экерс близок к истине, но у него не хватает смелости говорить главное: глубокая убежденность, вдохновляющая советских людей на подвиг во имя построения коммунизма,— это убежденность в правоте идей Маркса и Ленина. А сила коммунистических идей — непревзойденное горючее! Коммунизм — это патриотизм, коммунизм — это мир, коммунизм — это расцвет науки!

Президент США Кеннеди как-то заявил, что Соединенные Штаты отстали в технике от Советского Союза на годы. Это общеизвестно. Но в Вашингтоне никак не уразумеют, что суть отставания США — этой цитадели капитализма — не в техническом разрыве, технику можно наверстать, а в том, что они отстали на десятилетия духовно и морально. Империалисты давно уже потеряли чувство исторической перспективы и уперлись в стену своих предрассудков.

За рубежом многие спорят о советской системе либо потому, что не понимают ее, либо потому, что не приемлют ее, либо потому, что открыто ее ненавидят. Но нет сейчас такого человека, который бы не восхищался той уверенностью, смелостью и точностью, с которыми Советский Союз прокладывает нашей старой планете путь к завоеванию космоса.

Один и тот же строй — социализм — подчинил себе законы природы и овладел законами общественного развития. Наука и справедливость. Они побеждают совместно, они объединены в едином процессе великого исторического созидания!

«Теперь весь мир видит, что коммунисты уверенно идут в авангарде человечества на земле и в космосе, что социализм — это и есть та надежная стартовая площадка, с которой Советский Союз успешно направляет в космос свои мощные совершенные космические корабли», — говорилось в Обращении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза в связи с полетом коммунистов-космонавтов Андрияна Николаева и Павла Поповича.

В этих немногих словах и таится ключ к разгадке «секрета русских», который пленяет воображение одних, вызывает нескрываемое удивление других, злобную зависть третьих.

Андре Стиль, известный французский писатель, давно уже, как и миллионы прогрессивно мыслящих людей Запада, проникший в тайну побед советских людей, с любовью и восторгом говорит: «Ты не знаешь, о Советский Союз, до какой степени один лишь факт твоего существования помогает жить на земле великому множеству людей! ...Ты вооружаешь сердца современников мужеством, столь необходимым в эпоху, когда на земле еще полно горя и всяких чудовищных несправедливостей».

ДУМАЮТ ЛИ НА ПЕНСИЛЬВАНИЯ-АВЕНЮ, 1600?

Кто-то из американцев сказал, что обитатель Белого дома президент Соединенных Штатов, подобно герою трагедии Софокла, является пленником в своем дворце, осудившим се-

бя на одиночество и на ежедневный труд взвешивания судеб человечества на своих дрожащих руках...

Взглянем на действительность.

Дуайт Эйзенхауэр, по словам близких к нему, не страдал от одиночества, физического или духовного. Он много больше, чем его предшественники, был склонен к развлечениям, и не его обязанности, а нездоровье мешало иногда таким его занятиям, как гольф, рыбная ловля и бридж. Эйзенхауэра окружал большой круг друзей, которые были частыми посетителями Белого дома с «черного хода», его семейной фермы в Геттисберге и наиболее любимого им места отдыха в Огасте.

Республиканцы привели Эйзенхауэра к власти, одержав победу на выборах под лозунгом: «Процветание и устойчивый мир». Правда, в период его президентства дело не дошло до мировой войны, однако даже среди его ближайшего окружения немногие приписывают заслугу в этом лично Эйзенхауэру. В эти восемь лет мир не раз находился на грани войны. И если эта грань не была перейдена, человечество должно быть благодарно не американскому империализму, а совершенно иным политическим силам...

Манила, июнь 1960 года. Гремят аплодисменты, раздаются приветственные крики: агенты филиппинской тайной полиции и полицейские других служб, разумеется все в штатской одежде, оказывают радушную встречу Айку. Американский президент совершает свой «триумфальный» вояж по странам Дальнего Востока, и последний пункт в его маршруте — Токио.

В Маниле идет парад войск. Рядом с трибуной на старой бочке из-под керосина стоит телефонный аппарат из слоновой кости, один из атрибутов президентской власти, повсюду сопровождающий Эйзенхауэра. На другом конце провода — кабинет посла США в Токио, где в этот момент «красные» штурмуют парламент.

Телефон зазвонил. Генерал Гудпейстер берет трубку, слушает, и на лице его, как зафиксировал корреспондент журнала «Ньюсуик», «отражается изумление»: японское правительство отменило приглашение Эйзенхауэру. Взволнованный генерал сообщает новость президенту. «Лицо президента, — заметил журналист из «Нью-Йорк геральд трибюн», — приобрело такое выражение, как будто он надкусил лимон». «Президент стиснул зубы и выпятил подбородок», — уточняет его коллега из «Ньюсуика».

Американские газеты в поисках причин, принудивших японское правительство к такому беспрецедентному в истории поступку, рассмешили даже невзыскательного обывателя. В «Нью-Йорк дейли миррор» Ли Мортимер «потрясает мир»

диким вымыслом, которому позавидовал бы сам барон Мюнхгаузен: «В течение многих недель до намеченного приезда Эйзенхауэра японских студентов взвинчивали кокаином, марихуаной и гашишем, которые предоставлялись бесплатно коммунистическими заговорщиками, действующими за кулисами...».

Вояж Айка продолжается. Тайвань... Южная Корея...

Бывают в жизни совпадения, при всей их кажущейся случайности, весьма символические. Получилось так, что президент США вступил на землю Южной Кореи в канун десятилетия того дня (25 июня 1950 года), когда американские империалисты и лисынмановская клика развязали войну против Корейской Народно-Демократической Республики. Спустя несколько месяцев, в сентябре, тогдашний государственный секретарь США Дин Ачесон заявил: «Корея — это мастерская», где США «имеют шанс создать прототип такого мира, каким они хотят сделать весь мир». В это время уже многие города Кореи, объятые пламенем напалмовых пожаров, осыпаемые тысячами бомб с американских самолетов, превращались в развалины.

...Сеул. Боковыми улочками несутся машины кортежа с только что прибывшим американским президентом. Из репродукторов несутся призывы к жителям не выходить из домов... По причине, так и не выясненной пронырливыми американскими корреспондентами, «пришлось посыпать весь город порошком ДДТ». По словам агентства ЮПИ, во время пребывания Эйзенхауэра в Корее над его головой беспрерывно летал американский вертолет, с которого были спущены веревочные лестницы длиной в шестьдесят метров и специальное устройство для вылавливания президента из толпы, если бы во время процессии произошли какие-нибудь беспорядки.

Давая отчет о пребывании Айка в Сеуле, агентство Ассошиэйтед Пресс сообщало, что 85-летний бывший президент Ли Сын Ман, принимавший Эйзенхауэра восемь лет назад, не присутствовал при встрече. Поясняя причину, агентство писало: «Теперь, после того как два месяца назад он был свергнут в результате кровавого бунта студентов, требовавших демократических свобод, Ли Сын Ман живет на Гавайях и лечится от слабоумия».

Из Сеула Аик под звуки марша «Едем домой» отправился на Гавайи отдохнуть «два-три дня и спокойно поиграть в гольф».

Редко, когда в дипломатической истории какой-нибудь президент США терпел одно за другим поражения такого масштаба, какие потерпел Дуайт Эйзенхауэр, в один голос сето-

вала американская печать после возвращения президента из турне по Дальнему Востоку.

Что правда, то правда.

Проводя восемь лет политику «на грани войны», правительство Эйзенхауэра привело Соединенные Штаты на грань величайшего позора, словно в каких-то злобных конвульсиях оно сделало, кажется, все, чтобы превзойти своих предшественников в безответственных авантюрах. Гватемала, агрессивные акции на Тайване, высадка морской пехоты в Ливане, берлинский «кризис», шпионские полеты «У-2», срыв совещания глав правительств в Париже, подготовка интервенции на Кубу — вот позорные вехи на путях внешней политики США.

Экономический спад и рост дороговизны, захиревший доллар и государственный долг, разбухший до 290 миллиардов долларов, трагедия четырех с половиной миллионов безработных и разгул расистов, падение морали нации и рост преступности — таково было наследство правительства республиканцев внутри страны.

...За неделю до отъезда из Белого дома Эйзенхауэр собрал кабинет на последнее заседание. Президенту нечего было сказать своим министрам. Он обошел всех и спрашивал каждого, что тот думает. Министры, видимо, ни о чем не думали. Они отделялись пустыми фразами о «совместных годах правления». Действительно, думать было уже поздно. В заключение этой церемонии Айк театрально всхлипнул и распрощался.

18 января Эйзенхауэр выступил по радио и телевидению с прощальным обращением к американскому народу. На другой день состоялась его последняя пресс-конференция. Духовное завещание Эйзенхауэра, сформулированное в этих двух выступлениях, ничем не отличалось от тех основ политики, которые были им провозглашены в речи при вступлении на пост президента в 1953 году.

В Вашингтоне рассказывают, что Эйзенхауэр после своего первого дня пребывания в Белом доме спросил секретаря: «Когда же здесь можно подумать?». Итоги восьмилетнего пребывания Эйзенхауэра у кормила власти свидетельствуют, что ни президент, ни его министры не дали себе труда трезво поразмыслить над тем, куда они ведут страну. Громадные сдвиги произошли в мире. Коренным образом изменилось соотношение между силами, выступающими за мир, и силами войны. Но и в своих прощальных выступлениях, как и восемь лет назад, Эйзенхауэр повторял набившие оскомину слова из затасканного словаря «холодной войны». Он опять пугал американцев мнимой «угрозой коммунизма», призывал наращивать военную мощь США, ратовал «за решимость и готовность взять на себя риск, если это будет необходимо».

Да, видимо, действительно у высокого обитателя дома на Пенсильвания-авеню, 1600 не было времени подумать и осмыслить происходящее на нашей планете...

Капризная вашингтонская зима несколько осложнила деятельность специального комитета по проведению торжественной церемонии вступления нового президента на свой пост. Теплая солнечная погода неожиданно сменилась обильным снегопадом и резким похолоданием. Ночью над Вашингтоном бушевала небывалая метель. Улицы покрылись толстым снежным покровом. Всю ночь кипела работа по расчистке участка на Пенсильвания-авеню от Капитолия до Белого дома. К утру все было готово к торжественной церемонии. Даже деревья в вашингтонских парках успели обработать специальной зеленой краской, чтобы придать им «весенний вид».

Пять тысяч джимэнов — агентов Федерального бюро разместились на крышах зданий и вдоль всей трассы, по которой должен был проследовать правительственный кортеж. Конные полицейские гарцуют у самой кромки толпы, выстроившейся на тротуарах. Их кони прошли длительную специальную тренировку — часами им наигрывали джазовые какофонии.

Вступление в должность нового президента собрало в Вашингтон всех, кто имеет в Соединенных Штатах деньги, власть и славу. Но непогода, сильно осложнившая передвижение транспорта, помешала тысячам гостей и многим из участников торжеств (из-за отсутствия мест в вашингтонских отелях они были вынуждены расположиться в окрестностях столицы) вовремя приехать на торжественный концерт и парадное «шоу», в которых участвовали крупнейшие звезды Голливуда и Бродвея.

К двенадцати часам в Капитолий прибыл президентский кортеж машин. В первой машине Эйзенхауэр и Кеннеди. Во второй — Никсон и Джонсон. Вместе с ними спикер палаты представителей Рейбэрн, лидеры демократов и республиканцев в сенате и палате представителей. Все они проходят на специальный помост, выстроенный на широкой лестнице здания конгресса.

Начинается молебен. Затем известная певица Мариан Андерсон поет в сопровождении оркестра национальный гимн США. Спикер палаты представителей Рейбэрн приводит к присяге вице-президента Джонсона.

В 12 часов 51 минуту напротив верховного судьи США Уоррена встал новый президент. Он был в традиционном смокинге и полосатых брюках, со старомодным цилиндром в ру-

ках. И с помоста раздался голос: «...Торжественно присягаю...». Сорокатрехлетний Джон Фитцджеральд Кеннеди стал 35-м президентом Соединенных Штатов Америки.

Вступление в должность нового президента всегда бывало большим событием в жизни Соединенных Штатов. Но на этот раз оно имело свой особый смысл. На смену старейшему из всех американских президентов — Эйзенхауэру — пришел самый молодой за всю историю Соединенных Штатов президент — Джон Кеннеди.

Став президентом, Джон Кеннеди, приятно улыбаясь и обнажая безупречные белые зубы, произнес традиционную «речь вступления». В начале ее он заявил, что хочет, чтобы весь мир знал о том, что факел творцов американской революции перешел в руки «нового поколения американцев, рожденных в этом веке и закаленных войной».

Далее Кеннеди призвал мир капитализма и мир социализма «заново начать поиски мира, прежде чем темные силы разрушения, выпущенные на волю наукой, поглотят все человечество в результате преднамеренного или случайного самоуничтожения...». «Начнем же все заново... Давайте вместе изучать звезды, покорять пустыни, искоренять болезни, осваивать глубины океанов и поощрять культуру и торговлю... Давайте начнем...».

Хорошие, разумные слова сказал новый президент. Всеобщее одобрение встретили они. В недалеком прошлом, в ходе избирательной кампании, осуждавший ложные действия своих предшественников, он ручался, что одолеет трудности.

После окончания речи Кеннеди сводный оркестр исполнил национальный гимн США, вслед за которым раздался залп орудийного салюта. Затем состоялся парад, в котором приняли участие отряды всех родов американских вооруженных сил.

Заключительной частью церемонии было прохождение мимо президентской трибуны красочно оформленных делегаций всех 50 штатов Америки. Многочисленные джипы, окрашенные в цвета национального флага, везли большие платформы, оформление которых во многих случаях объединялось единой мыслью — «Америка хочет мира».

По окончании «церемонии вступления» новый президент, сопровождаемый огромным кортежем шикарных лимузинов, направился к Белому дому. Поджидавшие этого момента закутанные в одеяла вашингтонцы, ежась от холода, искренне приветствовали своего избранника. Простые американцы верили и надеялись...

В тот самый день газета «Крисченс сайенс монитор» писала: «Надежда на будущее, пожалуй, самое стойкое чувство

человека. Старый кабинет привел страну на грань, за которой это чувство отступает перед тревогой и потерянностью. Смена руководства в таких случаях всегда будит большие ожидания». Статья сопровождалась рисунком, под которым была следующая подпись: «Линкольн, Джефферсон, Франклин Рузвельт, обращаясь к Кеннеди: „Вы хотите встать в один ряд с нами? Что же, дело за Вами!“».

— Вступления президентов Соединенных Штатов в должность, одинаковые по церемонии, освященной обычаем, и одинаковые по ритуалу, точно предписанному конституцией, отличаются друг от друга всеми другими особенностями, которые делают историю страны. Хотя все они как будто похожи друг на друга, каждое вступление в должность президента, в соответствии с нашей уникальной системой, вносит свой собственный конкретный вклад в политическую жизнь Америки,— так охарактеризовала значимость происшедшего события американская печать.

Но не всем, далеко не всем в Соединенных Штатах понравились нотки надежды в послании нового президента. Так, комментируя его программное выступление, журнал «Тайм» недвусмысленно подчеркнул: «Если Джон Ф. Кеннеди намерен двигаться по новой границе, ему придется идти старыми путями... Он не может устранить наследие эйзенхауэровского правительств, даже если бы он хотел этого...».

Да, старое уходило со скрипом, порой переходя границу смешного, оно цеплялось за такие мелочи, что простые американцы, увидя это на экране телевизора, от души смеялись. Только вечером накануне «церемонии вступления» к северному portalу Белого дома подъехало несколько грузовиков с надписью «Армия США» на бортах. Закончив погрузку личных вещей семьи Эйзенхауэра, автомашины отправились в расположенный в 80 милях от Вашингтона небольшой немецкого типа городок Геттисберг, где находится личное имение Айка. Кстати, это имение, обогатившееся за время президентства Эйзенхауэра за счет подарков в виде первоклассного сельскохозяйственного оборудования, по словам газет, оценивается теперь в несколько миллионов долларов.

Новому президенту, как показывали телевизионные станции, удалось внести свои вещи в Белый дом только утром в «день вступления» — во время парада. Некоторые члены правительства Эйзенхауэра сдавали насиженные кабинеты с еще большим скрипом. Многие республиканские деятели, как отметили вашингтонские газеты, демонстративно явились на торжественную церемонию «вступления» в рабочих пиджаках и неглаженных брюках, в отличие от коллег из демократической партии, одетых во фраки и цилиндры.

Приход правительства Кеннеди к власти мировая общественность связывала с надеждами на потепление международной обстановки. Слова нового президента о желании «положить начало» достижению подлинного мира встретили благожелательный отклик. Люди разных стран стали ждать, подтвердятся ли эти слова делами. Ждали особенно американцы. Ждали потому, что американский народ жестоко устал от политического курса старого правительства. Народ, вынужденный довольствоваться иллюзией демократии, настойчиво требовал, чтобы новое руководство США дало, наконец, ему мир, о котором очень много разглагольствовало старое, ушедшее с позором правительство.

Люди думали, что вялость и фанфаронство, игра в гольф и неизменно ободряющие улыбки исчезнут, когда на сцену выйдет честолюбивый и энергичный человек с трезвым представлением о положении дел в современном мире и у себя в стране. Американцы познакомились со стилем нового президента еще до появления его в Белом доме. Его публичные выступления свидетельствовали о компетентности, спокойной уверенности и способности понять, что для него настало время преодолеть болезненную подозрительность своего предшественника.

К власти пришел человек, осознавший, что наступила историческая необходимость собраться за круглым столом и с добрыми намерениями совместно разработать условия всеобщего контролируемого разоружения. И действительно, в течение нескольких недель первые шаги нового президента, одновременно смелые и осторожные, казалось, подтверждали, что, наконец, во главе Соединенных Штатов Америки встал настоящий государственный деятель, который к тому же так же молод, как и умен.

В те дни одна американская газета писала: «Бывают времена необычные. В такое время недостаточно следовать по какому-то пути. Необходимо знать, куда этот путь ведет. И если он никуда не ведет, то нужно выбрать другой путь».

Положение у молодого президента было действительно тяжелым. Не так-то просто быть главой правительства самой большой страны империализма в обстановке, когда капитализм как система исторически себя изживает. Еще труднее взять на себя роль идеологического лидера мировой буржуазии в условиях, когда народы решительно отвергают буржуазную идеологию как таковую.

Тем бóльшая ответственность ложилась на плечи нового главы США. Но и средства для осуществления выдвинутых предложений, находившиеся в его руках, были весьма обширны. Согласно американской конституции, президент облечен

всей полнотой исполнительной власти: он одновременно и глава государства, и глава правительства, и главнокомандующий вооруженными силами, и лидер партии, выдвинувшей его на этот пост.

Правда, широко известно, что во всей своей деятельности президент и его ближайшее окружение невидимо взаимодействуют с политическими, финансовыми и промышленными кругами страны. Однако известно и то, что в истории США были президенты, являвшиеся покорными исполнителями воли последних, и были президенты, заставлявшие уважать себя и далеко не всегда слепо следовавшие диктату Уолл-стрита.

Показательно, что с приходом нового хозяина в Белый дом буржуазная печать прежде всего особо подчеркивала принадлежность его к одной из богатейших фамилий в Соединенных Штатах. Известно, однако, из опыта истории, что смена политического руководства даже в рамках того же правящего класса может оказать немаловажное влияние на характер проводимой государством политики.

Семейство Кеннеди состоит в числе восьми династий, входящих в США в третью категорию по степени богатства, состояние которых оценивается до 400 миллионов долларов. Но сколько этих миллионов, и в том числе лично принадлежавших Джону Кеннеди, точно никто не знает. Это — семейный, тщательно охраняемый секрет. Создателем всех богатств семейства Кеннеди является отец президента Джозеф Кеннеди. Свои капиталы он главным образом вложил в недвижимость, в частности в крупный торговый центр «Мерчадис март» в Чикаго. Владеет отец Кеннеди и нефтяными акциями. Каждому из своих семерых детей по достижении 21 года папаша Кеннеди щедро выделил крупные суммы денег.

Отец молодого президента не поскупился на расходы, чтобы помочь сыну «встать на ноги». Джон Кеннеди получил великолепное образование, рано познакомился с политикой и ее закулисной кухней (его отец был послом в Лондоне). Еще в ранней молодости он много путешествовал, перед самой войной побывал в Советском Союзе. Будущий президент увлекался литературным творчеством и писал как профессиональный литератор, им было написано несколько книг, за одну из них ему была присуждена премия покойного американского миллионера Пулитцера — высшая награда для журналиста в Соединенных Штатах. Джон Кеннеди был прекрасным спортсменом, в годы студенчества в Гарварде отдавал горячую дань футболу, отлично управлял яхтой и был прекрасным пловцом.

Во вторую мировую войну Кеннеди в чине лейтенанта командовал торпедным катером «ПТ-109» на Тихом океане.

В дни предвыборной кампании американская печать подробно описывала бой у острова Нью-Джорджия, когда темной ночью 2 августа 1943 года японский эсминец протаранил «ПТ-109», врезавшись ему в борт. Тяжело раненный Кеннеди спасся, добравшись вплавь вместе со своим экипажем до небольшого островка, где они затем были подобраны.

Белый дом — название старого двухэтажного особняка на Пенсильвания-авеню — не раз бывал синонимом реакции. Здание, выдержанное в строго классическом стиле, было построено в 1792—1799 годах. Во время войны США за независимость английские войска захватили Вашингтон и почти целиком сожгли центральную часть города. От резиденции президента остались тогда одни стены. Впоследствии они были покрыты густым слоем белой краски, и этому обстоятельству президентская резиденция обязана своим названием.

Каждый появившийся в Белом доме новый хозяин и его семья, как правило, что-то перестраивали и часто не только превращали спальни в кабинеты или наоборот, но изменяли и всю атмосферу здания, приспособляя ее к собственным вкусам. Пожалуй, только одна овальная комната последние пятьдесят лет используется для одной и той же цели — в качестве личного кабинета президента. Изрядно обновленный еще при Трумэне президентский особняк с появлением в нем Кеннеди был отделан заново в соответствии с более взыскательными вкусами его новых обитателей.

Белый дом называют «большой гостиницей для президентов». Естествен тот интерес, который проявляют не только американцы к тому, как живут президенты Соединенных Штатов. И надо сказать, что американская печать не скупится на широкое освещение всего относящегося к этой теме.

Содержание президента США и его семьи обходится американскому народу в сумму около пяти миллионов долларов в год. Сверх того, собственно жалование президента составляет сто тысяч долларов в год плюс пятьдесят тысяч долларов на «текущие расходы» и сорок тысяч долларов на «путевые расходы». Все эти суммы целиком остаются в кармане президента, так как фактически он и его семья живут совершенно бесплатно, а живут они в таких условиях, которыми не располагают главы многих крупнейших государств мира.

В Белом доме есть свой кинотеатр, плавательный бассейн, три теннисных корта, большой парк, винный погреб, систематически пополняемый самыми дорогими сортами вин. В распоряжении президента и его семьи кроме Белого дома имеется

еще много квартир, вилл и других резиденций. Одна из них — широко известный охотничий «домик» в Кэмп Дэвиде.

В личном распоряжении президента находятся два самолета, четыре вертолета, восемнадцать лучших марок автомашин и две яхты. Самолеты пребывают всегда в полной готовности. Один из них — реактивный — стоит пять миллионов долларов. Час полета в этом летающем отеле-люкс обходится в 2900 долларов. Другой самолет — четырехмоторный «Сьюпер констеллейшн» — обошелся в три миллиона долларов.

Охрану особы президента и его семьи во времена Эйзенхауэра осуществляли полторы сотни полицейских и секретных агентов в штатском. Содержание этого штата обходилось американским налогоплательщикам свыше одного миллиона долларов в год. По словам газет, в последнее время персонал охраны президента увеличен.

С приходом в Белый дом Кеннеди жизнь в нем резко изменилась. Частыми посетителями Белого дома стали теперь поэты и музыканты, художники и писатели, выступающие на приемах со своими произведениями. Началось это с того, как ныне покойный поэт Роберт Фрост прочел свою поэму на торжестве вступления в должность президента Кеннеди. Президент и его жена Жаклин всячески покровительствовали литературе и искусству.

В борьбе против кандидата демократической партии Кеннеди республиканцы пустили в ход лозунг, который гласил: «Не доверяйте младенцу работу мужчины». Тем самым противники Кеннеди хотели подчеркнуть его молодость и, следовательно, отсутствие нужного в делах управления государством опыта.

В дни избирательной кампании в США много говорилось и писалось о том, что стране необходимо новое смелое руководство, способное оторваться от старых догм и концепций, приведших американскую политику к глубокому кризису. С приходом к власти нового правительства, как мы уже говорили, были связаны большие ожидания, которые ассоциировались с личностью нового президента.

Джеймс Бернс, автор книги «Джон Кеннеди: политический профиль», утверждал, что его герой обладает именно этими столь нужными сейчас государству чертами. Он писал о присущих ему способностях «вдохновлять, зажигать сердца, вызывать энтузиазм, заставлять людей самозабвенно служить делу, которое они, возможно, и не полнностью себе представляют».

Став у кормила власти, Кеннеди привел с собой многочис-

ленные кадры, — в общем от пяти тысяч до шести тысяч человек, которые заняли руководящие должности в министерствах и других высших государственных учреждениях. Восемьдесят человек, занимавших посты, связанные с определением правительственного курса, уступили свои служебные кабинеты новым людям. То же самое вынуждены были сделать и примерно четыреста чиновников, игравших второстепенную роль. Не изменился только руководящий персонал двух правительственных учреждений — Центрального разведывательного управления и Федерального бюро расследований.

Итак, в США к власти пришло новое поколение, возвестила всему миру американская печать. Кеннеди, определяя свою будущую политику, заявил: мы должны пересмотреть и переоценить весь свой арсенал средств — военных, экономических и политических. На президентском гербе орел держит в правой лапе оливковую ветвь, а в левой — пучок стрел. Мы намерены уделять равное внимание и тому, и другому.

Начало президентства Кеннеди было омрачено попыткой интервенции на Кубу. Эта авантюра была подготовлена прежним правительством Эйзенхауэра, но она наложила неприятный отпечаток на политику его преемника. Кризис в Карибском море едва не привел к ядерной войне. Ультраправые все время нагнетали истерию, требовали военного сокрушения кубинской революции. Однако у Кеннеди хватило дальновидности и твердости не дать «бешеным» осуществить их преступные замыслы. Осознав, что всякая новая попытка вторжения на Кубу неизбежно столкнет нашу планету в пучину ядерной войны, Кеннеди принял обязательство не нападать на остров Свободы.

Президент Кеннеди не раз высказывал мысль, что нужно достичь взаимного понимания между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Он настойчиво подчеркивал необходимость добиться ослабления международной напряженности.

Политика «новых рубежей», провозглашенных Кеннеди, встретила бешеное сопротивление реакции. Она делала все возможное, чтобы парализовать деятельность Кеннеди. И надо сказать, что усилия реакции были небезуспешны. Используя разнообразные средства, реакция, подобно тяжелому прессу, давила на все звенья правительственной администрации.

Осенью 1961 года редактор газеты «Нью-Йорк пост» Джеймс Уэчслер после беседы с президентом Кеннеди писал: «Я заметил у Кеннеди следующую перемену — пребывание на трудном и ответственном посту в течение менее года заставило его более серьезно осознать тяжелое бремя, которое он несет...».

„РЫЦАРИ ЗОЛОТОЙ ШЕСТЕРНИ“

В декабре 1961 года в золотисто-голубом зале нью-йоркского отеля «Уолдорф-Астория» по давней традиции собрались на свой съезд крупнейшие предприниматели страны, объединяемые Национальной ассоциацией промышленников. Приветствуя собравшихся, президент Кеннеди в своей речи заявил: «От состояния ваших дел зависят дела внутри страны и наше положение за рубежом».

На гербе ассоциации — золотая шестерня. И глава страны в своем выступлении не просто польстил деятелям большого бизнеса, а высказал истину. Национальная ассоциация промышленников США и впрямь шестерня, приводящая в движение весь сложный экономический и государственный механизм страны.

На этот раз ежегодный съезд 2300 «рыцарей золотой шестерни» был настолько необычным, что растерялись даже чего не выдавшие в своей практике американские журналисты. Действительно, было от чего прийти в изумление. Почти каждый поднимавшийся на трибуну оратор говорил об успехах ...советского народа, обсуждал решения XXII съезда КПСС, цитировал ...Программу Коммунистической партии Советского Союза.

Сам президент задал тон таким настроениям на съезде НАП. Он сказал: «Коммунистический блок... представляет собой экономическую силу, которая в определенных отношениях уже превосходит Западную Европу и догоняет США». Выступившие на съезде видные специалисты по вопросам экономики и торговли в подтверждение слов президента привели цифры, ярко охарактеризовавшие огромные достижения СССР за последнее десятилетие.

«Съезд Национальной ассоциации промышленников неожиданно превратился в семинар по марксизму-ленинизму», — саркастически изрекла газета «Нью-Йорк таймс».

Однако беспокоило ерзавшие в своих креслах «рыцари золотой шестерни» не только констатировали успехи Советского Союза, но и намечали планы борьбы с наступающей «красной опасностью». «Целью нашего собрания, — подчеркнул один из выступавших, — является организация борьбы с влиянием идей коммунизма на умы людей».

Деятели НАП, видимо, отдают себе отчет в том, что является движущей силой всех достижений СССР. Но одно дело уяснить себе это, а другое — пытаться найти средства, могущие приостановить движение советского народа вперед, к коммунизму. Вот перед лицом такой невыполнимой задачи главари «золотой шестерни» и споткнулись. «Мы должны что-то пред-

принять, что-то придумать в противовес доктрине коммунистов», — в отчаянии истошно вопил на съезде НАП представитель концерна «Дженерал электрик» Д. Брэдли.

«Да, мы должны, пока не поздно, что-то предпринять...», — истерично вторили Брэдли другие ораторы. По словам газеты «Нью-Йорк пост», «лишь один-единственный семинарист Д. Монфорд не поддался панике». Не без иронии газета писала: «Он призвал молиться и действовать. Это приятный, вежливый и мягкий человек. Будучи таковым, он выразил твердую уверенность в том, что единственный путь борьбы с коммунизмом для простых граждан — это преследовать, мучить и доносить друг на друга».

Американская печать, отражая настроение буржуазных слоев населения, возлагала большие надежды на тех, кого она подобострастно именovala «творцами американской стратегии», «составителями рабочих чертежей современной истории». Так к каким же решениям пришли «рыцари золотой шестерни», собравшиеся в нью-йоркском отеле «люкс»?

Пожалуй, исчерпывающий ответ на этот вопрос мы найдем в предложениях, сформулированных тем же Диллардом Монфордом, президентом компании «Монфорд». Во-первых, рекомендовал он, необходимо усилить гонку вооружений; во-вторых, укрепить американскую охранку — Эф-Би-Ай; в-третьих, усилить пропаганду американского образа жизни; в-четвертых, оказать широкую моральную и финансовую поддержку группам и организациям «истинных антикоммунистов».

Ничего другого ни один из деятелей большого бизнеса предложить не смог.

Национальная ассоциация промышленников, несомненно, играет роль «золотой шестерни» в жизни США, но, как известно, любой механизм, даже действующий автоматически, не обходится без регулировки его человеком. Роль таких регулировщиков по отношению к деятельности НАП играет небольшая группа финансовых воротил, которые и являются подлинными хозяевами Соединенных Штатов.

В США опубликовано немало материалов, свидетельствующих, что народное хозяйство США находится в руках 400 банкиров и промышленников. Среди них ведущую роль играют монополии Морганов, Рокфеллеров, Кунов и Лэбов, Дюпонов, Меллонов и некоторые другие. Небольшая кучка американцев сосредоточила в своих руках колоссальные капиталы и промышленные ценности. Эти монополии не только безраздельно господствуют над Соединенными Штатами, но в значительной степени подчинили своему влиянию экономику, внутреннюю и внешнюю политику многих других капиталистических государств.

Верхушка американской плутократии неустанно стремится к тому, чтобы в дальнейшем «большой бизнес» сосредоточить в руках совсем небольшого числа монополистических династий. В Соединенных Штатах не затихает ни на один день острая закулисная борьба за дальнейшую концентрацию капиталов и влияние. Процесс поглощения одних капиталистических акул другими происходит безостановочно. В этой связи любопытно, что в американском лексиконе стал бытовать новый термин — «первые пятьдесят». Недавно в Нью-Йорке в отеле «Уолдорф-Астория» был устроен шикарный банкет в честь наиболее видных деятелей Уолл-стрита, на котором присутствовали в качестве чествуемых только 50 представителей большого бизнеса.

Шестидесятые годы прошлого столетия... В массе авантюристов, которые потоком хлынули в штат Огайо, где забили нефтяные фонтаны, вдруг появился угрюмый и сосредоточенный человек с библией под мышкой. Он целыми днями с низко опущенной головой слонялся среди этих людей, жаждавших легкой наживы, прислушивался к их разговорам и думал, думал ...о том, как стать самым богатым человеком в мире. Молодой Джон Дэвисон Рокфеллер своим острым глазом хищника быстро уловил громадные возможности, таящиеся в организации нефтепереработки, транспортировке и торговле продуктами нефти.

Джон Рокфеллер создал грандиозный нефтяной концерн «Стандарт ойл компани», охватывающий своими щупальцами весь земной шар. В достижении поставленной цели Рокфеллер не гнушался ничем: обман, подкуп, шантаж и много других преступлений сопутствовали ему в восхождении на вершину капиталистического Олимпа.

Прошли десятилетия, и Рокфеллеры шаг за шагом распространили свое влияние на различные отрасли народного хозяйства США (горную промышленность, железные дороги, газ и электричество, банки и т. д.). Сердцем рокфеллеровской империи стал «Чейз нэшнл бэнк». С 1955 года, когда этот банк слился со старинным «Бэнк оф Манхэттен компани» и его 67 филиалами на территории США, влияние Рокфеллера еще больше возросло. Об этом можно судить по сумме вкладов, которыми располагает новый банк, — почти в одиннадцать миллиардов долларов!

Летом 1961 года Дэвид Рокфеллер, президент «Чейз Манхэттен бэнк», устроил торжественную церемонию переезда в новое здание, выстроенное для возглавляемого им банка. Стремясь продемонстрировать свою мощь, Рокфеллер не пожалел денег на новую резиденцию. Американская же печать

не пожалела красок для описания банковского шестидесятиэтажного небоскреба. По ее данным, отныне рокфеллеровский банк — «самый большой» в мире, у которого «самое большое» подземное хранилище для денег и золота. Действительно, выражаясь словами Шекспира:

Тут золога довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее белейшим,
Все гнусное — прекрасным, всякий грех —
Правдивостью, все низкое — высоким...

В рокфеллеровском банке также «самая большая» в мире автоматическая система подсчета и сортировки денежных знаков. Огромное вычислительное устройство, размещенное тоже в подzemелье, в считанные минуты ежедневно обрабатывает 1,7 миллиона банковских чеков.

В новом здании «Чейз Манхэттен бэнк» все, начиная с восьми тысяч окон, сделано «сверх принятых стандартов». Внутреннее оборудование здания шло по принципу — «самое дорогое» и «самое необычное» для подобного рода помещений. Такими же являются мощные системы кондиционирования воздуха, обстановка кабинетов, где стоят замечательные кресла производства лучших барселонских мастеров и висят декоративные ткани ручной работы, выписанные из Таиланда.

Дэвид Рокфеллер, прославивший покровителем абстракционизма в искусстве, не поспешил отпустить пятьсот тысяч долларов на приобретение «картин», принадлежащих кисти знаменитейших абстракционистов.

Программа построения коммунистического общества, принятая XXII съездом КПСС, вызвала страшный переполох в банковском мире США. В конце 1961 года Дэвид Рокфеллер выступил перед группой финансовых экспертов в Филадельфии. Он заявил:

«Советский Союз уже достиг состояния передовой индустриальной державы и бесспорно овладел самой передовой техникой в таких областях, как атомное оружие, ракеты и освоение космического пространства. Цели, которые ставит перед собой Советский Союз, не только вдохновляют советский народ, но и обладают непосредственно притягательной силой и для народов вновь возникающих государств. Это нельзя игнорировать. Советский Союз продемонстрировал всему миру, что у советского коммунизма действительно имеются грандиозная стратегия, план дальнего прицела и определенные возможности достижения поставленных целей. Это ясно выраженный и страшный вызов...».

Главе всемогущей рокфеллеровской династии миллиардеров стало страшно при мысли, что Соединенным Штатам, самой богатой стране в мире, уже не под силу ответить на «советский вызов». Кто-кто, а Рокфеллеры, претендующие на руководящую роль во всем капиталистическом мире, отчетливо это сознают.

В 1958 году был опубликован доклад «Фонда Рокфеллера» под весьма претенциозным названием «Внешняя экономическая политика для XX века», который затем вошел в рокфеллеровскую политическую программу «Перспективы Америки». В этом докладе указывалось, что США нужно поддерживать темп роста производства в пять процентов, чтобы быть в состоянии встретить «советский вызов». Между тем среднегодовой темп прироста промышленной продукции в США в 1958—1961 годах составил не пять, а лишь несколько более 3 процентов. В Советском Союзе же темп прироста промышленной продукции составляет 11,7 процента в год. Естественно, Рокфеллерам и их коллегам-банкирам было от чего прийти в уныние.

Построить новый небоскреб на удивление всему капиталистическому миру — это в силах Рокфеллеров. А вот противостоять осуществлению величественной программы созидания коммунистического общества, над чем трудится одна треть человечества, — это уже вне их возможностей.

Однако нельзя сказать, что братья Рокфеллеры примирились с неизбежностью стать самым свидетелями того, как вековые чаяния народов о прекрасной поре, когда навсегда исчезнут такие понятия, как эксплуатация человека человеком и голод, наконец-то воплотятся в действительность. Они, что называется, не сидят сложа руки. Роли между братьями точно распределены. Наибольшей политической активностью отличается Нельсон Рокфеллер.

Своим поприщем Роки, как уменьшительно зовут его братья, избрал политическую деятельность. Этот коренастый мужчина с легкой проседью в зачесанных назад волосах, с характерным для Рокфеллеров широким и крепким подбородком и не сходящей с лица приторно слащавой улыбкой не стремится к подчеркиванию своего богатства. На нем чаще всего недорогой, сидящий мешком костюм, не бросающийся в глаза яркостью расцветки галстук. Начал свою «карьеру» Роки не с палаты представителей и не с сената, что одному из подлинных вершителей судеб страны не к лицу, а шагнул прямо в святая святых подрывной стратегии США. В начале 50-х годов Эйзенхауэр назначил его своим специальным помощником по вопросам «психологической стратегии». На этом посту Нельсон Рокфеллер показал себя ярким сторонником разжигания «холодной войны».

В ноябре 1958 года, начавший счет своему шестому десятку, миллиардер стал губернатором важнейшего американского штата — штата Нью-Йорк. Это уже была прямая заявка на президентское кресло, так именно и расценила американская печать этот шаг Роки.

С тех пор Нельсон Рокфеллер проявляет исключительную ретивость в качестве политического деятеля: он выступает с речами, дает интервью, публикует статьи. Его коньком являются два вопроса: первое — будто Советский Союз и Китайская Народная Республика представляют для Соединенных Штатов «самую серьезную и страшную угрозу», с какой они когда-либо сталкивались в своей истории, и второе — он требует от США «создания максимальной военной мощи», утверждая, что якобы «только с такой позиции силы можно успешно вести переговоры с коммунистами».

В статье, опубликованной в еженедельнике «Ньюсуик», Роки пишет: «Мы обязаны в высшей степени самокритично отнестись к тому факту, что за последние пятнадцать лет американская военная мощь ослабла по сравнению с военной мощью Советского Союза... У нас нет эффективной системы защиты от ракетного нападения, которая могла бы обезопасить и наше оружие ответного удара, и наше население».

Пытаясь запугать американцев «угрозой коммунизма», этот миллиардер не брезгует и приемами, свойственными мелкому шулеру. Выступая как-то в нью-йоркском клубе молодых республиканцев с излюбленной темой о «коммунистической опасности», якобы нависшей над Западным полушарием, Нельсон Рокфеллер выдал собственный бред за «цитату из Ленина».

Мы не будем приводить этой «цитаты», поскольку «Нью-Йорк таймс», ведущая буржуазная газета, нашла в себе мужество выступить с разоблачением шулерства Рокфеллера. «Эксперты сомневаются,— писала она,— чтобы русский сказал то, что приписывает ему Рокфеллер». Некто Дэвид Шуб, которого газета аттестовала как «антикоммунистического эксперта по советским делам», определенно заявил, что «цитата» является фальшивкой. Другой журналист — антисоветчик Виктор Ласки сказал: «Ну, это уж, знаете, чересчур». Ласки назвал «цитату» «обманом» и сообщил, что в Европе существуют целые предприятия, которые «фабрикуют цитаты такого рода».

Щедрин писал: «Он лжет не потому, что у него в горле застряла случайная бессмыслица, а потому, что ложь сделалась руководящим принципом его жизни, исходным пунктом всей его жизнедеятельности...». Рокфеллеры и им подобные лгут еще потому, что они в панике, видя, как с каждым днем жизнь

неумолимо изменяет соотношение сил капитализма и социализма на мировой арене не в их пользу...

В начале 1963 года в одном из номеров американского журнала «Лук» можно было увидеть на фотографии Нельсона Рокфеллера в любопытной позе. Он сидит на стуле, немного пригнувшись и устремив вдаль взгляд, — Роки всем своим видом напоминает запасного игрока, с интересом следящего за игрой и готового в нужный момент тотчас включиться в борьбу. Фотоснимок иллюстрирует опубликованную в этом же номере статью «Как далеко пойдет Роки?», в которой рассказывается о предстоящей в 1964 году борьбе Нельсона Рокфеллера за президентский пост.

Издавна сложилось представление, что предвыборный «кэч» в Соединенных Штатах не что иное, как соперничество монополистических кругов, старающихся протолкнуть «своего человека» в Белый дом. Но даже и в прошлом бывали случаи, когда пост президента доставался лицу, которому правящая верхушка оказывала согласованную поддержку. В последнее время в США явственно обозначился курс на создание «единого фронта» монополий в вопросах внешней и внутренней политики. Происходит это отнюдь не потому, что империалистические хищники перестали быть конкурентами, готовыми в погоне за сверхприбылями перегрызть друг другу горло. Причиной этого является острая необходимость согласованных действий против «красной опасности» как внутри страны, так и на мировых просторах.

Инициатива создания такого «единого фронта» исходила от братьев Рокфеллеров. Десятилетиями шла ожесточенная борьба за главенство на Уолл-стрите между семьями Морганов и Рокфеллеров. И вдруг в самом начале 50-х годов обе могущественные финансовые династии пошли на сближение. Рокфеллеры вернулись даже в моргановский «Национальный городской банк Нью-Йорка», из которого они ушли два десятилетия назад.

Надо быть предельно наивным человеком, чтобы представить себе возможность прихода к власти Кеннеди, если бы на это не дала согласия группа Морганов — Рокфеллеров. Но в этом случае законен вопрос: а ведь и другого кандидата в президенты, Никсона, поддерживала та же самая группа. В чем же дело? Да дело в том, что и тот, и другой кандидат в равной мере обеспечивали интересы монополий, и их по сути вовсе не волновал вопрос, кто из кандидатов войдет в Белый дом.

Американскому народу преподносят двух или трех кандидатов в президенты с единственной целью — создать види-

мость свободы выборов. Но этот обман настолько очевиден, что избиратель с каждым годом становится все апатичнее и бойкотирует выборы. «Какой уж тут выбор,— иронически писала в дни последней предвыборной кампании газета «Уолл-стрит джорнэл»,— если республиканцы по существу предлагают то же самое, что и демократы, а демократы вторят республиканцам».

Летом 1960 года в печати промелькнуло любопытное сообщение об одном эпизоде из серии предвыборных схваток претендентов в президенты.

Глубокой ночью с вашингтонского аэродрома поднялся пассажирский самолет, в кабине которого сидел человек в темных очках. Подняв воротник плаща, он всю дорогу молча сидел, глядя в окно. Приземлился самолет на одном из небольших аэродромов под Нью-Йорком. Здесь таинственного пассажира встретили шесть одетых в штатское офицеров американской разведки. Они проводили его к старенькому фордику, который охраняла пятерка детективов, также в штатском.

Человек в темных очках забрался в глубину машины, которая помчалась в Нью-Йорк. На Пятой авеню, возле особняка Нельсона Рокфеллера, фордик остановился. Приехавший вышел и, оглядевшись по сторонам, позвонил. На вопрос швейцара, он ответил: «Ричард Никсон, вице-президент Соединенных Штатов...».

Любители детективных историй, описав сей эпизод, присовокупили, что якобы после «тайной схватки денежных мешков» Рокфеллер снял свою кандидатуру в президенты, тем самым «капитулировав» перед противниками. Далее уточнялось, что Никсон будто бы был послан его хозяевами (Морганами) на переговоры со своим конкурентом.

Однако ночная встреча в особняке Роки не осталась тайной. Пронырливые репортеры вскоре установили, что в ту таинственную ночь «соперники» были заняты написанием предвыборной программы республиканской партии...

Действительно, в период подготовки к президентским выборам 1960 года Нельсон Рокфеллер проявлял большую политическую активность. Одновременно приведенные в действие мощные силы прессы, радио, кино, телевидения всячески прославляли Роки как возможного кандидата в президенты. По Соединенным Штатам в то время ходил кем-то услужливо распространяемый тезис: «Рокфеллеру принадлежит значительная часть Америки — пусть же он ею и управляет».

В конце 1959 года Нельсон Рокфеллер совершил длительную поездку по стране. Вернувшись из своего вояжа, он

объявил, что отказывается от мысли выдвинуть свою кандидатуру в президенты. Почему же этот миллиардер вдруг решил воздержаться от возможности взять целиком власть в свои руки?

В 1952 году бывший сенатор Роберт Тафт заявил: «Начиная с 1936 года каждый республиканский кандидат на пост президента выдвигался банком «Чейз Манхэттен бэнк». Лишь незначительное число корпораций в США может сравниться с этим банком по своему влиянию. В число 23 директоров банка, собирающихся каждую среду вокруг изготовленного из огромного вяза стола длиной в двенадцать метров, входят влиятельные политические и экономические деятели.

Благодаря столь тесному контакту руководства банка с крупнейшими представителями делового мира, принимающими непосредственное участие в его деятельности, «Чейз Манхэттен бэнк» может, по-видимому, пишет «Ньюсуик», заставить обе партии считаться со своими политическими взглядами. Сам президент банка Дэвид Рокфеллер не так давно недвусмысленно заявил: «Мы надеемся, что банк обладает достаточно серьезным влиянием в общественной жизни страны».

Монополии нуждаются в «сильной личности», которой можно было бы доверить в современной, становящейся все более сложной обстановке управление страной. В тех оценках качеств Кеннеди, которые в последнее время стали появляться в американской печати, все явственнее ощущался скептицизм. Поэтому не исключалась возможность, что монополистическая верхушка не станет больше медлить с тем, чтобы выдвинуть «сильного человека» из своей собственной среды. И тогда Нельсон Рокфеллер может, несомненно, рассчитывать на то, что все явные и тайные силы монополий обеспечат ему поддержку.

В буржуазном государстве, где господствует капитал, машина власти целиком находится в руках капиталистов. Опираясь на доллар, американские монополии подчинили своему господству в США абсолютно все — правительство, конгресс, экономику страны, ее внутреннюю и внешнюю политику.

В. И. Ленин еще в то время, когда он считал США одной из самых демократических республик в мире, писал:

«...Нигде власть капитала, власть кучки миллиардеров над всем обществом не проявляется так грубо, с таким открытым подкупом, как в Америке» (В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 449). Капитал, раз он существует, господствует над всем обществом, и никакая демократическая республика, никакое избирательное право сущность дела не меняют. В наше время власть и

сила капитала в Соединенных Штатах стали еще более всеобъемлющими.

Одна американская газета, посвятив Рокфеллерам панегирическую статью, особенно подчеркивала царящие между братьями «любовь и согласие»: «Любой брат протянет руку помощи остальным. Все они совместно выступят на стороне любого из них». В этой связи вспоминается следующий эпизод из жизни их предка — Джона Рокфеллера, ярко рисующий его нравственный облик.

Его родной брат Фрэнк Рокфеллер во время гражданской войны пошел добровольцем в армию северян. На обмундирование ему не хватало 75 долларов, и его семья оставалась без всяких средств. Так вот Джон Рокфеллер, имевший уже в то время огромное состояние, отказал брату и его семье в какой-либо материальной помощи. В отсутствие Фрэнка его дети умерли с голода и были похоронены в семейном склепе Рокфеллеров. По возвращении с войны Фрэнк приказал вырыть из общего семейного склепа трупы своих детей. «Я не желаю,— сказал он,— чтобы кто-нибудь из моих близких покоился в земле, находящейся во владении этого чудовища Джона Дэвисона Рокфеллера».

В американской печати давно уже смакуют предстоящую в 1964 году схватку между демократами и республиканцами. Если к концу своего срока полномочий новый президент не окажется в мнении Уолл-стрита с активным сальдо, то такая ситуация весьма вероятна. Но вопрос, будет ли это действительно борьба двух претендентов (якобы представляющих интересы двух партий) или всего лишь инсценировка, разыгрываемая под руководством все той же режиссуры?

ПОД СЕНЬЮ ПЛАТАНОВ

Это было еще до освобождения Соединенных Штатов Америки от английского владычества. На одной из улиц Нью-Йорка под сенью гигантского платана ежедневно, обычно около полудня, можно было наблюдать небольшую группу людей. В тени огромного дерева они занимались денежными операциями, заключавшимися в обмене на местную валюту разных иностранных денег, которые привозили в нью-йоркский порт экипажи кораблей из всех стран мира.

Происходило это на улице, называвшейся Уолл-стрит, что в переводе примерно означает «улица стены». Такое несколько странное название было дано этой одной из самых коротких в Нью-Йорке (около 500 метров) улице потому, что она возникла на месте бывшей изгороди, существовавшей в те

времена, когда город принадлежал голландцам. Тогдашний губернатор Нью-Йорка Стюйвезант приказал поставить изгородь для защиты голландских колонизаторов от нападений индейцев. Обитатели Уолл-стрита окрестили валютных менял «обществом под сенью платанов». Спустя несколько лет участники этого «общества» настолько расширили свои операции, что ни одна обменная сделка в Нью-Йорке не проходила без их участия. В свое сообщество они не допускали никого из посторонних. Вскоре предприимчивые менялы, обуреваемые жаждой наживы, стали изыскивать новые источники обогащения кроме взимаемого ими процента при обмене денег. Используя свое господство на рынке валютного размена, они начали оказывать влияние на определение денежного курса в желательном для себя направлении. Искусственно повышая или понижая курс той или другой иностранной валюты, они затем продавали эту валюту при повышении ее курса и покупали — при понижении.

Во время войны за независимость спекуляция на размене иностранной валюты и в особенности на бумажных долларах и сертификатах, выпускавшихся правительством на покрытие военных расходов, приняла огромные размеры. Это явилось толчком к созданию в 1789 году на Уолл-стрите неофициальной биржи. В 1792 году там возник первый биржевой комитет. В те же годы на Уолл-стрите, 31 был открыт первый в США банк — «Банк Соединенных Штатов», ставший вскоре по сути дела первой американской финансовой монополией.

Растущий американский капитализм нуждался в постоянном регулировании своей финансовой деятельности. Всевозможные финансовые манипуляции вокруг сильно возросшего государственного долга настойчиво требовали создания такого центра регулирования. 8 мая 1817 года произошло официальное рождение нью-йоркской биржи. В этот день был создан совет биржи и принят ее устав. С этого времени бывшее «общество под сенью платанов» разместилось во вновь приобретенном помещении итальянского рестораника Тонтини на Уолл-стрите, 68.

К тому времени на этой улице уже находилось много банковских, страховых и промышленных компаний. Некоторые из основателей современных династий финансовых и промышленных магнатов Соединенных Штатов именно тогда в невзрачных домишках на Уолл-стрите закладывали фундаменты своих колоссальных состояний.

Возникновение Уолл-стрита как центра финансовой и промышленной олигархии США связано с крупнейшей земельной спекуляцией. В ту пору, когда начала действовать нью-йоркская биржа, весь участок земли от Уолл-стрита до набереж-

ной Ист-Ривера принадлежал церкви св. Троицы. Член «общества под сенью платанов» Джон Джек Астор, разбогатевший на спекуляции валютой и на обмене дешевых спиртных напитков индейцам на дорогие меха, сразу учуял огромные барыши, которые сможет принести ему скупка земли, принадлежавшей церковной общине.

Без особого труда он добился издания правительственного постановления, согласно которому церковным общинам запрещалось иметь недвижимое имущество более чем на двенадцать тысяч долларов. Накануне опубликования закона Астор посетил старшин общины св. Троицы и предупредил их о грозящей им опасности. Разыграв из себя горячего ревнителя интересов святой церкви, он под видом желания помочь церковникам предложил продать ему принадлежащий им земельный участок. Сделка быстро была заключена, и за 32 тысячи долларов Астор приобрел всю землю общины.

В течение нескольких недель Астор сделался миллионером, распродав по частям купленную землю. Банкиры, коммерсанты и промышленники платили огромные деньги, чтобы стать собственниками земельных участков в этом районе. Общность интересов на поприще стяжательства и желание скрыть свою грязную деятельность породили в них стремление к обособлению от остального мира. Так возник деловой центр Нью-Йорка Даунтаун, нижний город, которому суждено было впоследствии стать главной штаб-квартирой капитализма.

Вскоре по соседству с «деловыми американцами» начали селиться обыкновенные пираты и работягивцы. Так, к примеру, владельцем дома № 56 на Уолл-стрите стал капитан Кид — знаменитый корсар и крупнейший торговец невольниками. Эти соседства были отнюдь не случайностью: деловые интересы тех и других переплетались теснейшим образом, их связывала также и одинаковая неразборчивость по части изыскания источников своих доходов. Предки нынешних заправил Уолл-стрита ничем не гнушались, чтобы приумножить свои состояния, и без всякого преувеличения можно сказать, что богатства их создавались не только с помощью биржевых спекуляций, но и путем самого откровенного разбоя, убийств и всяких других преступлений.

Дэвид Г. Уэллс в своей статье, помещенной в «Энциклопедии политических и социальных знаний» (издания 1794 года), следующим образом характеризует купечество бывших английских колоний в Америке: «Девять десятых купцов Новой Англии были контрабандисты. Четвертая часть всех подписавшихся под Декларацией независимости были торговцами, капитанами судов и деятелями контрабандной торговли».

«Сам» Дж. Пирпонт Морган-старший рассказывал, что его

родословная начинается от Генри Моргана — известного пирата XVII века, занимавшегося разбоем в водах Карибского моря. В честь этого предка Морган назвал свою яхту «Корсар» и выкрасил ее в черный цвет. В открытом море Морган поднимал флаг с черным черепом и скрещенными костями, оставляя флаг США на втором месте.

О каждом из уолл-стритовских воротил, выражаясь словами поэта, можно с полным основанием сказать, что он

Рыцарь шайки той
Из всех племен, наречий, наций,
Что исповедует разбой
Под видом честных спекуляций.

По случайному ли совпадению (?) теперь недалеко от бывшей резиденции Киды на противоположной стороне улицы в доме № 79 обитает Фрэнк Костелло — один из королей американских гангстеров! В середине XX века на Уолл-стрите вновь стали селиться заправилы преступного мира. Нельзя сказать, что история не повторяется.

Время шло, не задерживаясь. В 1909 году на месте невзрачных строений, где когда-то помещалось «общество под сенью платанов», выросло большое мраморное здание, по внешнему виду несколько похожее на церковный храм. Своим фасадом оно выходит на Бродвей — самую оживленную улицу Нью-Йорка, его задняя сторона обращена на Уолл-стрит. Это монументальное здание с входом, украшенным греческой колоннадой, было построено нью-йоркской фондовой биржей.

Сам факт постройки этого дворца, олицетворяющего поклонение деловой Америки золотому тельцу, был в известной мере знаменательным событием. То был период, когда американская плутократия рвалась на широкие мировые просторы с целью расширить свое экономическое и политическое влияние. Новое здание биржи в Нью-Йорке как бы символизировало вступление американского империализма в новый этап своего развития — в этап борьбы за господство над старушкой Европой. Постановке такой задачи должно было соответствовать и внешнее оформление: небоскребы и пылесосы, так называемый американский сервис и многое другое должны были ошеломлять иностранцев и утверждать в них сознание превосходства Америки над Старым светом. И уж, конечно, особенно внушительным должно было быть здание, в котором вершились судьбы «повышения» и «понижения».

— Наша биржа — это сердце, пропускающее сквозь себя кровь страны, ее капитал. Ведь капитал — это кровь в орга-

низме экономики: он все время находится в постоянном движении...—так определил значение нью-йоркской биржи один из ее президентов.

Фондовая биржа на Уолл-стрите — точнейший барометр состояния всего капиталистического мира, тотчас реагирующий на малейшие экономические, политические и любые другие события на всем земном шаре. Все, что служит делу подготовки и разжигания войны, встречает немедленный положительный отклик в стенах биржи: акции монополий скачут вверх, так как война сулит им новые сверхприбыли, способствует разворачиванию военного производства — наиболее доходного.

Так же положительно биржа реагирует и на все мероприятия реакции, направленные на борьбу с рабочим и демократическим движением в США и других капиталистических странах: они «упрочивают» положение капитализма и дают возможность усилить эксплуатацию трудящихся; следовательно, акции монополий и в этом случае скачут вверх.

Но есть слово, которое, подобно ледяному душу, действует на биржу. Слово это — МИР. Любые действия Советского Союза и других миролюбивых стран, направленные на укрепление мира и международной безопасности, немедленно приводят к падению курса акций. Советская политика мира — постоянный источник паники на бирже, заправила которой считают в настоящее время мир — главнейшей угрозой для существования капитализма.

Наиболее яркое представление о людях, обуреваемых единственным чувством — неутомимой, всепоглощающей жаждой наживы, получаешь при посещении нью-йоркской биржи, в особенности когда она «переваривает» какие-либо важные внутренние или внешние события. Огромный операционный зал биржи напоминает собой дом умалишенных в тот момент, когда его обитатели встревожены чем-то необычным. Вы видите дикие перекошенные лица с лихорадочно горящими глазами, впивающимися в светящиеся табло, на которых молниеносно сменяются различные знаки и цифры. Сотни людей в бешеном темпе носятся по залу, пробираясь через сугробы бумаг, в погоне за фортуной: они выискивают нужных лиц для заключения сделок. В главном зале одни мужчины, по давней традиции женщины туда не допускаются.

В помещении биржи стоит невообразимый шум: гул сотен голосов перемешивается с треском телетайпов, телефонной какофонией и другими звуками. Разговаривать нормальным голосом невозможно, поэтому все кричат. Время от времени напряжение в зале достигает высшей точки, происходит это внезапно, и тогда вся наполняющая его человеческая меша-

нина приходит в страшное смятение. В эти минуты рушатся одни состояния и возникают новые.

В операционном зале биржи на некотором расстоянии друг от друга находятся подковообразной формы прилавки, за которыми работают маклеры. Они говорят по нескольким телефонам сразу, следят за котировальными бюллетенями, выбрасываемыми из телетайпа, и держат в руках патроны пневматической почты. Находясь ежедневно в такой обстановке, служащие биржи быстро становятся кандидатами в психиатрические больницы.

О'Генри в рассказе «Роман биржевого маклера» дает блестящую зарисовку работы маклера, выполняющего весьма важную функцию в механизме нью-йоркской фондовой биржи. Он пишет: «На бирже в этот день были ураганы, оползни и метели, землетрясения и извержения вулканов, все эти стихийные неурядицы отражались в миниатюре в конторе маклера... Он прыгал от телеграфа к телефону и от стола к двери с ловкостью и проворством арлекина... Человек... уже перестал быть человеком. Это был занятый по горло нью-йоркский биржевой маклер — машина, движимая колесиками и пружинами».

Любопытной разновидностью биржевых дельцов являются так называемые «быки» и «медведи». Первые по указанию своих хозяев организуют повышение курса акций, а вторые — их понижение. Это дельцы, занимающие скромное положение в уолл-стритовской иерархии, но все они живут надеждой с помощью биржевой игры достичь богатства. Между ними идет непрерывное яростное состязание, которое, по словам одного известного биржевого обозревателя, является «подлинным искусством, подлинной победой наиболее сильного, способом перехитрить менее осторожного в этом состязании гиен».

Американская плутократия тщательно охраняет свое капище. Посторонние не допускаются ни в операционный зал, ни в другие служебные помещения биржи. Посетителям, желающим увидеть ее внутренние помещения, разрешается доступ только по специальным пропускам и только лишь на галерею. По всем помещениям биржи шныряет множество детективов в штатском, следящих за тем, чтобы в них не проникали посторонние.

Делами нью-йоркской биржи заправляют наиболее доверенные лица монополий. Нередко руководители монополий сами выступают в роли членов биржи. О том, что значит быть членом нью-йоркской фондовой биржи, наглядным образом свидетельствует стоимость членского места. Перед второй мировой войной оно расценивалось в 600 тысяч долларов, но и за эту сумму купить его было довольно трудно, так как осво-

бождались места чрезвычайно редко. Накануне войны общая стоимость «кресел» нью-йоркской биржи выражалась в 825 миллионов долларов!..

«Повсеместный бум» — такое предсказание на 1962 год было сделано журналом «Ньюсуик», который отразил настроения, характерные для американских правящих кругов того времени. Как из рога изобилия, сыпались заявления из различных правительственных учреждений, предсказывавшие золотую эру процветания. Но последующие события не подтвердили предсказаний. И тот же «Ньюсуик» спустя шесть месяцев пессимистически констатировал: «Силы, вызвавшие подъем, перестали действовать... Что-то идет не так, как надо...».

Доллар окрепнет.. Курсы акций на бирже будут идти вверх..,— обещал Вашингтон. Какова же действительность? Вместо обещанного народу процветания страна пережила экономический спад, потрясший всю американскую экономику, и теперь американцы опасаются другого. Гонка вооружений. как и в прошлом, не только не стабилизирует народное хозяйство, но, наоборот, расшатывает и подрывает его. По словам Кеннета Кройфорда в журнале «Ньюсуик», состояние экономики США в настоящее время таково, что «у многих лиц в Вашингтоне волосы становятся дыбом».

Биржевая лихорадка охватила нью-йоркскую и другие биржи в конце мая 1962 года. Стремительное падение акций, начавшееся 22 мая, в понедельник 28 мая приобрело размеры невиданного краха. Покатился вниз даже курс акций монополий-гигантов, всегда похвалявшихся «стопроцентной надежностью» и с пренебрежением взиравших на биржевые взлеты и падения. В панически тревожных аншлагах газет замелькала зловещая цифра «1929» — год, когда перед капитализмом разверзлась пропасть глубочайшего кризиса.

Американские газеты события на бирже сравнивали с сердечными спазмами тяжелобольного. Они отмечали, что биржа отразила недоверие всего народа к состоянию дел в Америке. События на бирже, как в фокусе, вобрали в себя и растущую безработицу, и черепашьи темпы роста продукции, и сокращение золотых запасов в казначействе, и резкое сокращение производства стали, и рост налогового бремени, и до предела раздутый военный бюджет.

«Черный понедельник» пришел, похоронив надежды на избавление от надвигавшейся грозы. В конце мая всю ночь не гасли огни в окнах небоскребов на Уолл-стрите. Беспрестанно заседали правления финансовых корпораций. Тысячи клер-

ков и сотни счетных машин подсчитывали размеры катастрофы, нанесенной паникой на фондовой бирже.

На Уолл-стрите начали ходить невеселые истории, подобно тому, что было в 1929 году, когда многие обанкротившиеся бизнесмены выбрасывались из окон небоскребов. Одна из фирм на всякий случай повесила сетки под окнами своего помещения, находящегося на пятнадцатом этаже. Пошла гулять среди деловых кругов шутка о растерявшемся биржевом спекулянте, спрашивающем своего маклера: «А есть ли сейчас вообще какая-нибудь вещь, которую я мог бы купить, не боясь последствий?». «Да, есть, — ответил маклер, — успокоительные капли».

Рассказывали и о том, что крупные фирмы установили дежурства своих секретных агентов на аэродроме «Айдлуайлд». Их задача состоит в том, чтобы немедленно оповестить фирму, если будет обнаружено, что партнер фирмы или ее крупный заказчик бежит за границу. Не проходило дня, чтобы газеты не сообщали о таких беглецах. К примеру, крупный предприниматель Эдвард Джилберт бежал в Бразилию с двумя миллионами долларов, оставив возглавляемую им компанию в катастрофическом положении...

Нельзя сказать, что возникновение кризиса было неожиданностью для правящих кругов США. Кризиса ждали, и в экстренном порядке принимались «противопожарные меры». Делалось все, чтобы удержать нарушенное равновесие и вселить в держателей акций надежду на то, что есть спасительное средство приостановить дальнейшее развитие кризиса. Именно этой цели были посвящены важные совещания, происходившие в Нью-Йорке и в Риме.

С 14 по 18 мая в Риме происходило первое совещание, созданное по инициативе Американской ассоциации банкиров. В прессе его назвали слетом крупнейших финансовых воротил западного мира. Семьдесят высокопоставленных представителей США, возглавленных министром финансов Дугласом Диллоном, встретились с пятьюдесятью ведущими банкирами Западной Европы. Глава американской делегации — совладелец одной из крупнейших банкирских фирм США, еще в 20-х годах финансировавшей Муссолини. Он вошел в правительство Кеннеди как лицо, представляющее монополистический Олимп. Там возлагали большие надежды на Дугласа Диллона. Это было не столько следствием личных симпатий (во вторую мировую войну он служил во флоте в качестве младшего лейтенанта), сколько уверенностью в его влиянии как крупнейшего финансиста. Однако этот мрачный, скрытный, любящий уединение, малообщительный человек вернулся ни с чем. Стало известно, что в Риме на пленарных

заседаниях и конфиденциальных встречах американцы с исключительной настойчивостью требовали одного и того же — денег. Они требовали денег на оказание «иностранный помощи», на содержание войск НАТО. Американцы настаивали на увеличении закупок военного снаряжения в США. И во всех случаях другая сторона согласованно и умело уходила от конкретных обязательств и в изобилии подавала советы.

В Вашингтоне, затаив дыхание, следили за ходом римского совещания.

Вскоре, признавая полный провал американских финансистов, газета «Нью-Йорк геральд трибюн», подводя итог, писала: «Известнейшие банкиры мира покинули Рим, ни на шаг не приблизившись к решению проблемы утечки золотого запаса Соединенных Штатов». Да, нельзя не согласиться с газетой — неутешительный финал!

Затем 21—22 мая состоялось второе совещание в Белом доме с участием президента, представителей большого бизнеса и профсоюзов. Цель совещания, по свидетельству прессы, состояла в решении вопроса о том, как ускорить темпы экономического развития при наличии неудовлетворительного платежного баланса. И это совещание было таким же безрезультатным. «Возможно, — сокрушаясь заметила одна из газет, — что некоторые из брошенных семян дадут ростки».

Однако чудодейственного средства против грозно приближавшегося экономического спада американские монополисты так и не нашли. Не найдут они его никогда, какими бы скорее лихорадочными, чем тщательными ни были бы их поиски.

Спустя некоторое время на бирже восстановилось относительное спокойствие. Цены акций медленно пошли вверх. Однако некоторые видные эксперты, отбросив дешевый оптимизм, открыто предупреждают о возможности новых мощных экономических потрясений. Так, известный экономический обозреватель Говард Никольсон заявил, что надо со всей серьезностью и вниманием отнестись к возможности того, что новый экономический спад может оказаться сильнее, чем все предыдущие после второй мировой войны.

И другие финансовые эксперты не могут отрешиться от чувства, что они находятся в эпицентре землетрясения: удар может повториться. И этот удар может быть еще более страшным.

На Уолл-стрите не сохранилось уже не только ни одного из тех платанов, которые были свидетелями первых грабительских экспериментов отцов американского капитализма, но и вообще исчезли какие-либо признаки зелени. Ныне весь

«нижний город» застроен складами, оптовыми базами, зданиями бесчисленных торговых фирм, промышленных корпораций и банков. Строительство шло хаотически, без всякого плана и выражало лишь индивидуальные вкусы владельцев. Например, династия Морганов разместила свой банк в небольшом двухэтажном особняке, а бывший рокфеллеровский «Чейз нэшнел бэнк» выстроил для себя 38-этажный небоскреб.

В отличие от геометрически правильно распланированной остальной части Манхэттена «нижний город» являет собой полное отсутствие планировки и характерен исключительной скученностью и грязью. С наступлением темноты на Уолл-стрите — мрачной, кривой и узкой улице — вы не увидите ни светящихся неоновых реклам, ни многометровых афиш и не услышите одуряющей какофонии джазов. Монополии предпочитают атмосферу мрака, гнетущего безмолвия и таинственности. Это и понятно: их деяния пуще всего боятся света и огласки.

Но не только в мрачных лабиринтах Уолл-стрита возникают заговоры против демократии и мира. Для планирования своих разбойничьих замыслов финансовые и промышленные магнаты Америки используют и другие, более приятные и комфортабельные места, чем свои деловые кабинеты. Одним из них является фешенебельный клуб банкиров «Бонд клуб» или «Джекил айленд клуб». Последний основан еще перед первой мировой войной и находится на острове Джекил (возле побережья штата Джорджия).

С тех пор, как на Уолл-стрите в темных лавчонках менял деды нынешних американских миллиардеров, тогда скорее похожие на бандитов с большой дороги, чем на предков будущих банкиров, положили начало ряду грандиозных состояний, прошло полтора столетия. Современные хозяева Уолл-стрита по своему внешнему облику вполне респектабельные джентльмены, но по своей деятельности они чудовища, которых еще не знала земля. Их деды в сравнении с ними сущие святые.

Характеризуя облик верхушки плутократии Соединенных Штатов, американский журналист Уайт назвал их «безумными, жестокими маньяками». Монополистические объединения, пишет он, подобны свирепым троглодитам, обладающим огромной силой, но совершенно лишенным общественного сознания. Как древние рептилии Силлурийской эры, как огромные драконы, они спуют вокруг нашей цивилизации...

Магнаты американской олигархии стремятся присвоить все золото и все богатства земного шара, заставить все человечество трудиться только ради непрерывного умножения их

состояний. Когда все тайное станет явным, человечество ужаснется тем преступлениям, которые совершали они во имя золота. На пути стяжательства они не останавливались ни перед чем.

История каждой из «золотых династий» на Уолл-стрите — это сплошная цепь всевозможных преступлений.

Сами властители большого бизнеса, видимо, чувствуют, что их можно сравнить со всепожирающим чудовищем. Поэтому они, вероятно, усмотрели какой-то намек в недалеком соседстве с их деловыми конторами гигантского аквариума. В этом аквариуме, находившемся в Баттери-парк, плавали океанские акулы, и сквозь толстое стекло видно было, как они сжирали все, что только попадало на их пути. Посетителям становилось не по себе, когда эти чудовища раскрывали пасти с множеством кинжаловидных зубов, мгновенно разрезающих своими острыми краями схваченную жертву. И вот несколько лет назад аквариум решили закрыть. Жители Нью-Йорка в связи с этим говорили, что акулы с Уолл-стрита сожрали акул из Атлантического океана...

„БЕШЕННЫЕ“ И „ГОЛУБИ“

Хорошо осведомленные люди утверждают, что из предшественников Кеннеди, пожалуй, никто не располагал такой внушительной когортой безымянных доверенных лиц для неофициальных консультаций, какая находилась почти постоянно около Эйзенхауэра. «Талант» Айка в качестве как военного, так и президента, говорят они, заключался не в каких-то его способностях, но в его умении синтезировать курс действий из мнений и суждений других лиц.

Но возле Эйзенхауэра все-таки был человек, на которого он полагался больше, чем на кого бы то ни было, будь то в составе правительства или вне его. Речь идет о Шермане Адамсе — его помощнике. Худощавый, язвительный и решительный, он был, так сказать, начальником штаба Белого дома и тем ситом, которое просеивало фактически все проблемы и вопросы, заявления и письма, прежде чем они попадали на стол президента.

Этот «чистокровный янки», по словам журнала «Тайм», принимает в своем кабинете высокопоставленных посетителей в непривычной для министров манере и обстановке. Роберт Кеннеди предстает перед ними без пиджака, в рубашке, часто с короткими рукавами, небрежно повязанным галстуком или без галстука, и с ногами, уложенными на стол, сделанный из дорогого дерева.

Брат покойного президента — министр юстиции и генеральный прокурор Соединенных Штатов Роберт Ф. Кеннеди — рассматривался общественностью страны как «государственный деятель № 2». На заседаниях Национального совета безопасности голос министра юстиции нередко звучал громче всех.

Роберту Кеннеди было неполных тридцать четыре года, когда он вошел в состав правительства США. О нем в Вашингтоне с ноткой иронии говорили: «Из молодых, да ранний...». «Бобби» — так именovala американская печать министра юстиции — в 1951 году окончил юридический факультет Вирджинского университета. Как поведал журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», будучи студентом, он был «полон энергии и амбиций», в отличие от своих друзей из сферы «золотой молодежи», прожигавших жизнь в кутежах и развлечениях.

Свою карьеру он начал в пресловутой комиссии «по расследованию антиамериканской деятельности», возглавлявшейся тогда сенатором Маккарти. Скоро «Бобби» становится ревностным помощником «бесноватого Джо» в «крестовом походе против красных». В 1952 году он руководит первой предвыборной кампанией своего брата Джона по выборам в сенат.

Спустя два года Роберт Кеннеди — главный советник и обвинитель сенатской комиссии по расследованию злоупотреблений в профсоюзах. На этом посту он снискал широкую известность в качестве преследователя тех профсоюзных лидеров, которые активно защищали интересы рабочих.

Став министром юстиции по должности, «сердитый молодой человек» (другое прозвище, данное ему прессой) становится вместе с тем апостолом антикоммунизма по призванию.

...— Под «нашими» жизненно важными интересами мы подразумеваем те интересы, которые жизненно важны не только для нас, но и для всего свободного мира... Сюда относится и косвенная агрессия, то есть попытки свержения правительства в свободном мире путем вооруженного проникновения, какое сейчас угрожает Вьетнаму. Свободные страны должны уметь распознавать эту форму нападения...

...Необходимо, чтобы все свободные страны, и входящие и не входящие в союзы, стремились укрепить свою способность противодействовать использованию партизан как средства нападения.

...Страны, которые имеют для этого возможности, должны помочь им в этой задаче. Соединенные Штаты представляют сейчас инструкторов и снаряжение специально для этой цели. Они будут делать это и впредь.

...Мы должны стремиться создавать повсюду, где это возможно, подходящие и эффективные международные наблюдательные органы, которые могли бы распознавать косвенную агрессию, когда она имеет место, и поднять международное сообщество на защиту намеченной жертвы.

...Такой подход к делу не даст быстрых сенсационных результатов. Подавление косвенной агрессии будет длительной, тонкой и трудной задачей, потребуются не только военные, но и политические и экономические средства...

Эти вариации на темы покойного Джона Фостера Даллеса мы привели из программной речи государственного секретаря США Дина Раска, произнесенной им в Академии политических наук.

В проектируемом США «новом мировом порядке» прежде всего предусматривается устранение национальных границ, которые, по мнению государственного департамента, являются лишь барьером и символом «подозрения и страха». Ликвидация национальных границ облегчает также усилия «по созданию всемирной системы более свободной торговли», которой уже давно добиваются американские монополии. «Свобода», которую хотят повсюду насадить американские империалисты, исключает возможность для какого бы то ни было народа избрать иную систему правления. Любая попытка изменить не только социальный строй, но и правительство, поставленное Вашингтоном, будет рассматриваться, согласно новому «правопорядку», как косвенная агрессия. Если само правительство не сможет подавить народное движение, ему на помощь должны быть брошены вооруженные силы «общества». Вот почему тезис о так называемой косвенной агрессии занимает одно из центральных мест во внешней политике правительства США. Оно намеревается использовать все средства для подавления освободительных устремлений народов.

Империалисты США признают лишь единственный путь, по которому должна в дальнейшем развиваться история — американский диктат. Или мир будет построен по американскому образцу, или для обуздания инакомыслящих народов будет применяться «контрпартизанская стратегия».

У кормила внешней политики США стоит Дин Раск — полковник в отставке, доверенный человек Рокфеллеров.

Войну Раск принял как нечто само собой разумеющееся. В звании капитана он был назначен начальником сектора «Британская империя» в разведывательном отделе генерального штаба. По окончании войны Раск перекочевал в государственный департамент, где возглавил управление по специальным политическим вопросам. Позже Раск работал в

госдепартаменте на других постах при Даллесе и Ачесоне, весьма благосклонно относившихся к нему. Их особое расположение он снискал как автор плана вступления Соединенных Штатов в войну в Корее под флагом ООН.

С 1952 года Дин Раск — президент «Фонда Рокфеллера», которым он руководил восемь лет.

В 1960 году широколобый, с хитринкой в глазах и тонкими губами человек опять появился в родных палестинах — в здании на «Туманном дне». К тому времени, за исключением проблем в государственном департаменте, было все новым; массивное здание, построенное в низине, где когда-то было болото, по словам газет, напоминает фабрику жевательных резинок в Лос-Анжелесе. В огромном, дорогом и крайне невыразительном здании, а также в старом помещении госдепартамента ныне разместилось уже почти восемь тысяч служащих.

Назначая Раску, президент заявил: «Из тех, кого можно было выбрать, он мне кажется наиболее подходящим человеком». Джон Кеннеди, по натуре нетерпеливый, любивший действовать быстро, в прошлом не раз резко критиковал деятельность «болота» (так американцы называют госдепартамент). Его возмущали громоздкость и бюрократизм этого «болотного механизма» внешней политики США.

Тому же вопросу были посвящены и многие статьи, появившиеся в американских газетах в то время. Их авторы сходились на том, что в последние 10—15 лет бюрократическая волокита и безответственность стали системой в работе государственного департамента. Стюарт Олсоп, подытоживая то, что уже прочно вошло в повседневный быт и деловую практику «Туманного дна», писал:

...На дипломатической службе больше ценят тех, кто избегает ошибок, чем тех, кто высказывает смелые и оригинальные мысли...

...Мелочная опека сверху может принимать самый абсурдный характер... Даже самые элементарные вопросы приходится согласовывать и утрясать до полной бессмыслицы...

Самым любопытным является следующий вывод Олсопа: «Кадровые чиновники дипломатической службы полностью теряют привычку принимать собственные решения», но каждый из них приемлет это «часто с благодарностью, поскольку эта система снимает с чиновника бремя принятия собственных решений».

Президент Кеннеди, говорил Олсоп, пришел к власти с твердым намерением что-то изменить в этой системе.

По этому поводу одна американская газета как-то писала, что в Вашингтоне время от времени испытывают какой-нибудь

новый способ прогнать скворцов с карнизов правительственных зданий. Перепуганные птицы с шумом взлетают, а когда опасность минует, возвращаются на свои прежние места. Вашингтонские бюрократы тоже порядком перепугались, когда президент Кеннеди заявил, что он будет судить о работниках государственного аппарата по их делам, а не по внешнему виду.

Для определения степени власти в Вашингтоне, да и по всей стране, созданы должностные признаки, и они непоколебимы и священны. Некий дотошный американец точно установил эти признаки. Об удельном весе того или иного деятеля в руководстве страной можно с предельной точностью определить по площади кабинетов, количеству плюша, по мебели и служебным машинам. О нем можно также составить мнение, узнав, где эти деятели обедают, где стоянка их машин, куда они ходят мыть руки и на каком лифте ездят. И очень важно знать, пьют ли они воду из серебряного графина, кувшина из пластмассы или из фонтана в коридоре.

Дин Раск, получив назначение, вошел в кабинет размером с баскетбольную площадку, по соседству с которым расположены личные столовая и туалет. Телевизор и ванна с душем, электрическая кухня и личный лифт (кстати, говорят, что получить какому-нибудь чиновнику госдепартамента ключ от этого лифта — значит добиться расположения «самого»), а также неотступно следующий джимэн в штатском должны были создать все условия для решения государственным секретарем важнейших проблем современности.

Прошло несколько месяцев, и о «человеке Рокфеллеров» стали говорить как о чрезмерно предусмотрительном и весьма осторожном деятеле. Сам о себе Раск говорит, что он по природе является «человеком, склонным действовать скорее в четырех стенах, чем вне их». Однако, прогуливаясь по бежевому ковру приятной толщины в своем огромном кабинете, он все-таки пришел к решению покинуть его территорию для зарубежного путешествия.

Скоростное турне Раска по Европе привлекло пристальное внимание прессы и общественности. Обычно дипломаты возят с собой меморандумы, личные послания глав своих правительств или ноты. У государственного секретаря США, разумеется, было кое-что из этих традиционных атрибутов его профессии. Например, в Париже, как писал журнал «Ньюс-уик», он вручил де Голлю приглашение Кеннеди посетить Белый дом. Но символической верительной грамотой Раска были ...его часы с микроэлектронным механизмом.

Всем своим собеседникам он демонстрировал их как вещественное доказательство сотрудничества и достижений во-

енного бизнеса и мирной промышленности США. Эти часы, по словам газет, должны были как бы иллюстрировать «мирные цели» американской дипломатии. Повсюду Раск стремился достичь «взаимопонимания» с западноевропейскими союзниками Соединенных Штатов, утрясал «недоразумения», говорил о расширении «культурных связей»... Но главной темой бесед дипломата Раска была ...бомба с ядерным зарядом.

— Мне нравится рыться в земле и наблюдать, как растут стебельки растений и распускаются цветы, которые я посадил и за которыми так тщательно ухаживал.

Такую, полную идиллии жизнь ведет сейчас Дин Гудерхем Ачесон, государственный секретарь США во времена президентства Трумэна. О его делах в недалеком прошлом надо судить по таким возвращенным им цветам, как «доктрина Трумэна», «план Маршалла», «план Баруха» по контролю над атомной энергией и по созданию агрессивного Североатлантического пакта.

Могут сказать: зачем ворошить старое? Что было, то было, а теперь-то ведь государственный секретарь в отставке занимается цветочками. Да, об этом можно было бы не вспоминать, если бы нынешние интересы Ачесона ограничивались пионами и гладиолусами. Но внушительная фигура их поклонника, с торчащими дыбом бровями и усами, одетого всегда по последней моде, по-прежнему играет заметную роль в определении курса внешней политики американского империализма. Буржуазная печать не без оснований сравнивает его с покойным Даллесом, отличавшимся оголтелой пропагандой политики «с позиции силы».

Дин Ачесон с давних пор «человек Морганов». Он компаньон вашингтонской адвокатской фирмы «Ковингтон энд Берлинг», которая тесно связана с этой монополией. Семидесятилетний «садовод» не только по сей день продолжает заниматься адвокатской практикой, но и находит время снабжать своими советами молодого президента.

— Едва ли что-нибудь может более обрадовать Ачесона, чем решение президента назначить Раска государственным секретарем...— воскликнул, узнав об этом, один ответственный сотрудник госдепартамента...

Один из виднейших столпов империализма Уинстон Черчилль говорил об «угрозе коммунизма» в своей «знаменитой» речи в Фултоне в 1946 году. Гарри Трумэн, бывший президент США, облек высказывание Черчилля в «доктрину Трумэна» в 1947 году. Дуайт Эйзенхауэр два президентских срока прошел по пути, проторенному своим предшественником. Реакция

требовала от Кеннеди, чтобы и он сделал антикоммунизм стержнем своей политики.

Накануне президентских выборов Кеннеди призывал американцев «не терять чувства исторической перспективы». Очень полезный совет! Стоять на почве фактов, а главное, учитывать основное направление исторического развития — необходимое условие реальной политики. Напротив, забвение этого, субъективизм при анализе событий — плохой и опасный советчик в политике.

На сессии Верховного Совета СССР 12 декабря 1962 г. отмечалось: «Среди правящих кругов США есть такие политики, которых правильно называют «бешеными». «Бешеные» настаивали и настаивают на том, чтобы поскорее развязать войну против Советского Союза и стран социалистического лагеря».

В американской печати были названы имена пяти человек, которые в самих Соединенных Штатах зачислены в категорию «бешеных», или «стервятников». Это — Дин Ачесон, шеф ЦРУ Джон Маккоун, специальный советник президента Макджордж Банди, председатель объединенного комитета начальников штабов генерал Максуэлл Тэйлор и министр финансов Дуглас Диллон.

Список «бешеных» на этом, конечно, не исчерпывается. Но именно эта пятерка, возглавляемая Ачесоном, выступала за самоубийственный «жесткий курс» в тревожные октябрьские дни кризиса в районе Карибского моря. Именно эти советники — «свои люди» в Белом доме — готовы были тогда свергнуть человечество в пучину ядерной катастрофы...

ОТ „ТОТАЛЬНОГО“ К „ГЛОБАЛЬНОМУ“

„СЛУЖБА МОЛЧАНИЯ“

«...И сказал господь Моисею: пошли от себя людей, чтобы они высмотрели землю Ханаанскую, которую я даю сынам израилевым... И послал Моисей людей высмотреть землю Ханаанскую и сказал им: пойдите в эту южную сторону, и взойдите на гору, и осмотрите землю, какова она и народ, живущий в ней, — силен ли он или слаб, малочислен или многочислен..?».

Эти строки мы привели из библии. И по сей день господствующие классы охотно следуют этой рекомендации господ бога.

На протяжении свыше двух с половиной тысяч лет шпионаж в военной области, несмотря на обилие войн, был эпизодическим явлением и не носил организованного характера. В то же самое время система «полицейского доносительства» как одно из орудий обеспечения господства эксплуататоров над эксплуатируемыми давным-давно стала органической частью аппарата государственного управления.

Будучи историческим явлением, военный шпионаж и политический сыск меняют свои формы и направленность в зависимости от строя, продуктом которого они являются. Вместе с тем каждая из эпох создавала своих выдающихся представителей в той и другой области.

С армией нового типа, а с ней новыми стратегией и тактикой буржуазная революция восемнадцатого века создает и нового типа службу разведки. Ее основой становится более или менее постоянно действующая агентурная сеть, руководимая специально выделенными для этого лицами. В это время в качестве секретных агентов выступают убежденные враги революции, охваченные жадой мести народу, и люди, смотрящие на занятие шпионажем как на источник наживы и не брезгающие «работой» на обе стороны, авантюристы и вся-

кого рода искатели приключений, короче, все те, кто, если заплатить больше, и отца родного продаст.

Девятнадцатый век был классическим временем возникновения множества тайных обществ, бесконечных заговоров и изощрений конспирации, был временем, породившим Вильгельма Штибера, который в полном смысле является «отцом» новой системы политического сыска, основанной на организованной провокации. Венцом его деятельности в этой области было раскрытие «коммунистических заговоров», им же фабриковавшихся. Гнусная роль Штибера на кельнском процессе коммунистов была разоблачена Марксом, который сказал о нем: «Античный мир оставил после себя *умирающего гладиатора*, прусское государство оставляет после себя *присягающего Штибера*» (игра слов: «Stieber» значит также — «ищейка», «сыщик»). (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 446).

Штибер реорганизовал разведку прусской армии путем привлечения больших контингентов секретной агентуры, что обеспечило Мольтке прекрасное знание сил противника и театра военных действий во время франко-прусской войны.

В эпоху империализма работа в агентурной разведке становится профессиональным занятием, происходит также известная специализация агентов по отраслям разведывательной работы. В огромных масштабах разворачивается деятельность разведки в первую мировую войну и в особенности после Великой Октябрьской социалистической революции. Все лучшие секретные кадры империализма были брошены на борьбу с первым в истории государством рабочих и крестьян. Шпионаж, диверсии и индивидуальный террор в это время играют главную роль в разнообразном арсенале подрывной деятельности против Советской России. Однако все усилия империалистической реакции оказались тщетными. Молодая Советская власть вышла победительницей из борьбы с разведками свыше десятка капиталистических стран.

После появления на международной арене германского фашизма возникла грандиозная система «тотального шпионажа», и в своей агрессивной политике Гитлер делает ставку на создание «пятых колонн», то есть широко разветвленных и больших по численному составу подрывных организаций. Японские империалисты и итальянские фашисты еще до Гитлера также стали на путь организации огромных шпионских систем.

Державы оси в борьбе с прогрессивными силами человечества, возглавленными Советским Союзом, использовали огромные тайные армии. Фашизмом был «мобилизован» во всем мире весь порочный человеческий материал, изощренный в умении использовать все самое коварное и гнусное. Грандиоз-

ный заговор международного империализма против демократии потерпел полный крах. Ни военная мощь, ни тотальный шпионаж, ни пятые колонны не привели его к победе. Тайные силы фашизма, как и его армии, были разгромлены Советским Союзом.

Эта величайшая битва в истории секретной службы была выиграна демократией благодаря тому, что деятельность советской разведки и контрразведки, подпольных разведок и контрразведок, движений Сопротивления в оккупированных фашистами странах была поддержана народами. Поэтому они оказались сильнее и лучше информированными, чем фашистский «тотальный шпионаж». Эта всенародная поддержка повсюду и сыграла свою решающую роль.

После второй мировой войны секретная служба капитализма — разведка, контрразведка, политический сыск и все другие ее разновидности — вступила в завершающую стадию своего развития.

Располагая огромными ресурсами, монополии не жалеют средств на содержание своих тайных наемников. Империалисты вынашивают идею смертельного удара в спину силам социализма врасплох, наповал. Своей агентуре всех рангов они приказывают действовать по методу «мертвой хватки», нагло и не боясь, так сказать, «под носом» у органов безопасности противника, считая такую практику вернейшим путем к быстрейшему достижению цели.

Этим тайным наемникам — зачем таиться, когда одной веревкой связаны, — нередко прямо говорят: у вас, мол, другого пути нет, в этом поединке мы все или потонем вместе, или выплывем. А как реагируют те, кого купили, становясь перед такой перспективой? Одни из них, как затравленные волки, быть может, пока еще рыщут по нашей земле, стремясь как можно больше нам напакоstitь, другие предусмотрительно, подобно крысам на тонущем корабле, ищут норы, где бы укрыться и выждать, а третьи, осознав всю глубину пропасти, на краю которой стоят, предпочитают не тонуть в сомнительной компании, а выплывать в одиночку и как можно скорее.

На протяжении веков народы питали особую ненависть к органам разведки и контрразведки, а передовые люди, рассматривая их как важнейшие инструменты угнетения масс, вели против них неустанную борьбу.

Однако в истории известны и такие случаи, когда народ всячески содействовал органам разведки и контрразведки своей страны. Народно-освободительные движения в эпоху средневековья, французская буржуазная революция XVIII века и борьба Соединенных Штатов за свою независимость слу-

жат этому подтверждением. В этих случаях разведка и контрразведка боролись не за интересы реакции, а во имя исторически прогрессивных целей.

После Великой Октябрьской революции в Советской России впервые в истории органы государственной безопасности были целиком поставлены на службу победившему народу в его борьбе против эксплуататоров. Классовые интересы рабочих и крестьян — вот что стало во главу деятельности созданной по инициативе В. И. Ленина Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Появилась новая категория разведчиков и контрразведчиков — патриотов, избирающих своей профессией эту опасную деятельность не из человеконенавистнических, авантюрных или стяжательских устремлений, а из высоко гуманных целей, во имя величественной идеи построения нового общества, рискующих жизнью ради служения своей родине и делу свободы.

Едва ли существует какая-либо другая область человеческой деятельности, которая охватывала бы столь разнообразные отрасли знания и творчества и которая требовала бы от исполнителя столь многих и далеко не часто сочетаемых в одном лице качеств, как разведка и контрразведка. Как в эпоху раннего средневековья, так и в годы радио и телевидения от разведчика, конечно, в равной мере требуется высокое искусство в исполнении данных ему заданий. Однако если раньше разведчику было достаточно личной инициативы, а в XIX веке еще и минимума некоторых знаний, то в наше время требования к нему возросли во много раз.

Начиная с первой мировой войны деятельность разведки и контрразведки становится не только областью «агентурного искусства», но приобретает научный характер. И теперешний кадровый разведчик — это человек большой выучки, разносторонне подготовленный и высококвалифицированный специалист, нередко даже не в одной, а в нескольких областях знания.

Разведка и контрразведка становится отраслью науки, поскольку вставшие перед ними обширные и специальные задачи, с каждым годом все более усложняющиеся, сделали необходимым тщательное изучение опыта секретной службы, систематизации и обобщения его в логически стройную теорию. Теория современной разведки и контрразведки — это сочетание исторического опыта с поставленными на их службу новейшими достижениями науки и техники. Существо секретной службы наших дней можно охарактеризовать как сумму четырех слагаемых: научного осмысливания и обобщения — во-первых; сопоставления и учета — во-вторых; оперативного искусства и творческой инициативы —

в-третьих; и использования всего научно-технического арсенала современности — в-четвертых.

Осенью 1960 года в Вашингтоне на Вирджиния-рут у дома № 123 появился новый дорожный знак. На черной табличке три английских слова: «С. I. А KEEP RIGHT». Повесили его американские полисмены с целью указать, как быстрее пройти к зданию Центрального разведывательного управления. Казалось бы, в этом мелком факте из полицейской практики нет ничего особенного, что могло привлечь внимание. Однако вашингтонцы, видя эту табличку, чему-то посмеивались. В чем же дело?

Дело в том, что без всякого злого умысла американские полисмены дали жителям столицы повод к ироническому толкованию этой надписи. Ведь три названных английских слова можно истолковать двояко: «ЦРУ. Держись правой стороны» или же «ЦРУ. Веди себя правильно». Разумеется, этот каламбур — чистая случайность.

В пригороде американской столицы — Лэнгли, что в двадцати минутах езды от Белого дома, построено из железобетона огромное восьмиэтажное здание в форме удлиненного прямоугольника с округленными углами. Оно отделано белым кварцевым песком, что несколько смягчает серую монотонность бетона. Занимаемая им территория составляет три с половиной гектара с лишним. В печати приведены и другие относящиеся к этому зданию данные: площадь служебных помещений — около ста тысяч квадратных метров плюс вспомогательные помещения и коридоры, занимающие еще свыше полста тысяч квадратных метров; длина его 280 метров с севера на юг, а ширина с учетом пристроенного кафетерия — 145 метров.

Помимо служебных помещений внутри здания имеется также конференц-зал на пятьсот человек с железобетонными сводами, небольшой сценой и с убирающимся вогнутым экраном для демонстрации кинофильмов. Внутри здания три озелененных двора, плавательные бассейны, теннисные корты; тенистые парки со всех сторон окружают новую резиденцию американской разведки. Здесь же расположены посадочная площадка для вертолетов и автомобильная стоянка на три тысячи машин.

Этот шедевр бюрократической архитектуры обошелся в 46 миллионов долларов. По своим размерам в Вашингтоне новое здание ЦРУ уступает лишь Пентагону, однако и оно не смогло принять весь, хотя бы его столичный, персонал. Поэтому старая штаб-квартира разведки США, находившаяся в

бывшем здании Службы общественного здравоохранения на Ист-стрит, 2430, по-прежнему остается в ее распоряжении.

Аппарат ЦРУ столь многочислен, что в связи с переездом его значительной части в Лэнгли возникла новая проблема — проблема индивидуальных контактов с руководством правительственных учреждений, расположенных в центре столицы. Добираться из Лэнгли в район Капитолия стало сейчас весьма сложным занятием, а в часы пик это просто граничит с невозможностью. Такое положение вынудило перестроить рабочие часы сотрудников Си-Ай-Эй, чтобы они не образовывали пробки и не тормозили на мостах движения через реку Потомак. Подумать только, сколько забот прибавилось у американской разведки с переездом ее штаба в столичный пригород...

О нем можно безошибочно сказать, что он накрепко вошел в историю. Все, что есть самого отвратительного и гнусного в летописи американской разведки на протяжении пятидесятих годов, связано с ним, человеком аскетической внешности и ледяной манеры обращения. Внешность Аллена Даллеса, несмотря на годы (ему уже семьдесят), все еще безупречна: подтянут и во всей его высокой, плотно скроенной фигуре чувствуется энергия и сила. В голубых глазах за выпуклыми стеклами очков без оправы все еще видны жесткость и воля. Коротко подстриженные седые усы прикрывают тонкий упрямый рот с торчащей неизменно губкой.

В Лондоне весной 1961 года два англичанина — член парламента Боб Эдвардс и историк Кеннет Данн — опубликовали брошюру под названием «История главного шпиона». Авторы со знанием вопроса нарисовали портрет своего героя и рассказали о карьере Аллена Даллеса. Подводя итог всей его человеконенавистнической деятельности, они пишут:

«Мы, естественно, всегда терпимо относились к этому человеку, однако мы глубоко убеждены, что даже американцы недостаточно богаты и сильны, чтобы позволить себе такую роскошь, как дальнейшее пребывание г-на Даллеса на столь ответственном посту. Он выполнил свой долг — не станем спорить, насколько успешно, — однако теперь он обязательно должен уйти или все мы можем погибнуть в атомном аду».

27 сентября 1961 года, через несколько дней после окончания сессии конгресса, президент Кеннеди назначил 59-летнего калифорнийского бизнесмена Джона Алекса Маккоуна новым шефом Си-Ай-Эй. Вместе с тем президент заявил, что Аллен Даллес будет продолжать консультировать как Маккоуна, так и его самого.

Дом в Лэнгли построен по инициативе и под наблюдением Даллеса. Говорят, что он собирался последним покинуть

старую обитель разведки, но получилось так, что, когда новая резиденция вступила в строй, ему дали отставку. Однако следует помнить, что Аллен Даллес все еще очень опасный враг и еще рано читать по нему отходную... Не надо забывать известной поговорки: «Смотри не на того, кто говорит, а на того, кто подсказывает».

Назначение Маккоуна на эту окутанную таинственностью ключевую позицию в правительственном аппарате оживленно комментировалось не только американской, но и западно-европейской прессой. В деловых кругах США Маккоун славится как блестящий организатор и крупный делец, тесно связанный с рокфеллеровскими нефтяными концернами.

«Мистер Миллиард» — таково прозвище, которым американцы наделили нового шефа ЦРУ, — родился в 1902 году в Сан-Франциско в состоятельной семье, издавна занимавшейся бизнесом в области машиностроения. Получив диплом инженера, он еще в молодые годы занимает ответственные посты в металлургической промышленности. В двадцать шесть лет Маккоун уже получал больше миллиона долларов в год. Тридцати двух лет стал вице-президентом гигантского сталльного треста «Консолидейтед стил корпорейшн» в Лос-Анжелосе.

Во время второй мировой войны Маккоун, возглавляя крупную судостроительную фирму «Калифорния шипбилдинг корпорейшн», построил 467 судов. После войны он стал президентом и единственным собственником компании «Джонша Хэнди корпорейшн», которая в настоящее время владеет почти 50 танкерами и торговыми судами. С тех пор Маккоун непрерывно расширял свои операции и стал одним из богатейших бизнесменов Соединенных Штатов.

Свой административный талант этот спокойный, седовласый, с профессорской внешностью делец особенно проявил в бытность свою председателем комиссии по атомной энергии, которой он руководил с 1958 по 1960 год. По словам газет, точно так же, как ныне ЦРУ, названная комиссия находилась тогда в стадии кризиса. На этом посту он показал себя как ярый противник прекращения ядерных испытаний. Маккоуну принадлежит также идея исключения подземных испытаний из любого соглашения о запрещении испытаний ядерного оружия.

Одна из французских газет писала, что полезно знать о новом шефе ЦРУ и то, что этот прожженный бизнесмен — американец ирландского происхождения, католик и член правления иезуитского университета имени Лойолы в Лос-Анжелосе.

До 1952 года Маккоун был в рядах демократов, но после избрания президентом Эйзенхауэра он переметнулся к рес-

публиканцам, среди которых его закадычный друг — бывший вице-президент Никсон.

«Если организаторские способности и ненависть к коммунизму — это все, что необходимо для руководителя ЦРУ, — констатировал американский журнал «Нью-рипаблик», — Маккоун подойдет для этого поста. Но этого недостаточно. Дать ему такую власть — это все равно, что поручить человеку с плохим зрением управлять мощным автомобилем».

В Вашингтоне надеются, что организаторский талант, проявленный Маккоуном на поприще промышленности, окажет чудодейственное влияние и на деятельность американской разведки, остро нуждающейся в новом содержании и повышении своей активности. В январе 1962 года президент Кеннеди направил Маккоуну директиву, согласно которой ему поручалось уделять основное внимание координации деятельности всех разведывательных служб Соединенных Штатов. Я надеюсь, писал Кеннеди, что вы перепоручите вашему первому заместителю значительную часть работы по детальному руководству операциями ЦРУ, что позволит вам выполнять ваши основные задачи.

„ЛЮБАЯ ОПЕРАЦИЯ, В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ, В ЛЮБОМ МЕСТЕ, ЛЮБЫМИ СРЕДСТВАМИ“

Появление в Белом доме этого худощавого с холодными голубыми глазами и красиво подстриженными седыми висками человека вызвало пространные отклики американской печати. Хотя он был в штатском костюме, по походке и выправке в нем без труда можно было узнать военного.

Объявляя о назначении Максуэлла Тэйлора, Белый дом заявил, что генерал будет помогать президенту Кеннеди в качестве «советника и штабного офицера, главным образом в военной и разведывательной областях». Назначение генерала военным советником президента — явление в американской практике весьма необычное. До этого по всем военным вопросам рекомендации президенту давали объединенная группа начальников штабов и министр обороны.

Тэйлора призвали сразу же после провала американской авантюры против Кубы в апреле 1961 года. Хорошо осведомленные американские журналисты указывали тогда, что возвращение Тэйлора связано с намерением президента предпринять новые, далеко идущие действия на фронте тайной войны.

Почему же в данном случае выбор пал именно на Тэйлора? Это не случайно. Бывший начальник штаба армии США

давно слывет теоретиком «подпольных полувоенных методов в борьбе с международным коммунизмом». В 1959 году он опубликовал книгу с интригующим названием «Неясный зов грубы». В ней Тэйлор провозгласил новую военно-политическую концепцию, которую он считает единственно приемлемой для США в сложившейся международной обстановке.

«Мы,— с горечью признает генерал,— потеряли нашу былую атомную монополию... Невозможно отрицать, что Советский Союз идет сегодня впереди Соединенных Штатов в таких важных областях, как снаряды дальнего действия и известные операции в космосе». «Анемия поразила наши военные союзы», — констатирует он. И делает вывод: «Мы ведем игру, обреченную на провал, и нам следует изменить ее».

Выход из того тупика, в который зашли США после краха стратегии атомного шантажа, Тэйлор видит в том, чтобы, «гибко реагируя» на возникающие внешнеполитические ситуации, шаг за шагом реализовать агрессивную программу американского империализма. Для достижения этой цели «мистер Нападение» (так прозвали Тэйлора в Соединенных Штатах) призывает к объединению «политической, дипломатической, военной, экономической и культурной» программ страны, полностью подчинив их проведению антикоммунистического курса.

Первое поручение президента своему новому советнику состояло в расследовании причин провала кубинской авантюры. Изучив вопрос, генерал сделал доклад президенту. Хотя текст доклада считался секретным, однако кое-какие сведения проникли на страницы американской печати. В мае 1961 года хорошо информированная нью-йоркская газета «Уолл-стрит джорнэл» опубликовала статью о новой «технике» международной борьбы с коммунизмом. Затем стало известно, что комиссия, возглавленная генералом Тэйлором, разработала новую программу тайной войны против социалистических стран.

Спустя некоторое время Макссуэлл Тэйлор снова облачился в генеральскую форму и переехал из Белого дома в Пентагон, где поместился в кабинете председателя объединенной группы начальников штабов. Теперь в этой комнате с «руководящим орнаментом» (так окрестили в Вашингтоне пентагоновские кабинеты с трехфутовой резной деревянной панелью, удостоверяющей высокий ранг их обитателей) фактически сосредоточены нити по претворению в жизнь авантюристических теорий ее нового хозяина. Мы уже говорили, что официально проповедует генерал Тэйлор, а дальше посмотрим, как все его замыслы осуществляются на практике.

«УБИВАЙТЕ КАЖДОГО, КТО ПРОТИВ НАС»

«Обучение этих людей началось еще в 1938 году в Баварии... Наряду с разведывательными группами немецкая военная разведка организовала небольшие штурмовые подразделения, комплектуя их из состава так называемого учебного полка „Бранденбург-800“, — пишет военный историк Луи де Ионг в книге «Немецкая пятая колонна во второй мировой войне».

Задолго до нападения фашистской Германии на Советский Союз в особом военном лагере близ немецкого города Нойхаммера из числа украинских буржуазных националистов было сформировано и прошло специальную подготовку диверсионное подразделение с поэтическим названием «Нахтигаль» («Соловей»). Когда началась война, на рассвете 30 июня одним из первых во Львов вступил батальон «Нахтигаль». Семь дней «соловьи»-диверсанты бесчинствовали в городе. Несколько особых групп, выделенных из его состава, занимались уничтожением советских работников, лиц еврейской и польской национальностей. Бандиты из «Нахтигалья» расстреляли большую группу известных польских ученых, в том числе Бартеля, Бой-Желенского, Ломницкого.

Специальные диверсионные группы нацисты сформировали также из числа латышских, эстонских, белорусских и литовских националистов. Все они предназначались для выполнения различных специальных заданий и прежде всего для создания обстановки всеобщего ужаса, устрашения с помощью террора населения оккупированных территорий. В одном из отделов гитлеровской военной разведки (абвер-II) и службы безопасности (СД) были заблаговременно составлены списки всех тех советских людей, которые подлежали истреблению.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года значительная группа «бранденбургцев» (численностью до роты), переодетая в гражданское платье, была переброшена в город Перемышль. Перед ней была поставлена задача поднять в городе панику и тем самым способствовать быстрому захвату его гитлеровскими войсками. Эта диверсия не удалась, так как советские пограничники к утру ликвидировали банду.

Для действий в Закавказье по разложению советского тыла, в частности в районе бакинских нефтяных промыслов, гитлеровцы создали две оперативные группы под названием «Тамара-I» и «Тамара-II». Эти группы были укомплектованы грузинскими националистами. Первая из них насчитывала 16 человек, а вторая — 80 человек, разбитых на ячейки.

Осенью 1941 года немецко-фашистское командование

сформировало особый карательный батальон, получивший наименование «Бергманн» («Горец»). Пребывание этой части на Северном Кавказе в период сентября 1942 — января 1943 года ознаменовалось бесчинствами, грабежами, насилиями.

Личному составу батальона «Бергманн» было запрещено разглашать свою национальность и гражданство; было приказано выдавать себя за испанцев. После отступления с Кавказа батальон был переброшен в Крым, а затем в Грецию, где его одели в форму «африканского корпуса».

Гитлеровское командование возлагало большие надежды на подрывную деятельность в тылу Советской Армии диверсионных групп, укомплектованных буржуазными националистами. Однако, несмотря на все старания, в основном все эти специальные подразделения представляли собой лишь террористические банды, выполнявшие карательные функции.

В полдень 31 августа 1939 года руководитель гитлеровской тайной полиции Рейнгард Гейдрих поднял трубку телефона для разговора с человеком, ожидавшим его звонка в Глейвице, неподалеку от польской границы. Беседа была короткой: «Сегодня вы должны пойти к Мюллеру за „консервами“!... и телефонная трубка легла на аппарат.

Человек, получивший это распоряжение, был эсэсовским офицером, посланным в небольшой верхнесилезский городок для выполнения особо важного задания, известного под названием «операция Гиммлера». Эсэсовец тотчас же направился к Генриху Мюллеру, начальнику четвертого отдела гестапо, уже несколько дней находившемуся в Глейвице.

Около восьми часов вечера к зданию глейвицкой радиостанции подъехала машина, из которой выгрузили тело человека. Привезенный был жив, но находился в бессознательном состоянии. Это был сторож радиостанции. Одновременно появилось с полдюжины каких-то сомнительных личностей в штатской одежде, быстро перетащивших тело ко входу в радиостанцию.

Все дальнейшее произошло молниеносно. Неизвестные «ворвались» в помещение радиостанции. Один из «налетчиков» подбежал к заранее включенному микрофону и на польском языке с заметным немецким акцентом произнес короткую «речь». В ней говорилось, что, мол, пришло время войны между Германией и Польшей и что поляки должны объединиться и уничтожить всех сопротивляющихся немцев. Затем «налетчики», произведя несколько пистолетных выстрелов, скрылись. Так было инсценировано нападение «поляков» на глейвицкую радиостанцию.

«Операция Гиммлера» длилась не более четверти часа. Осуществила ее специальная группа эсэсовцев из службы СД. Впоследствии, чтобы замести следы, все участники этой диверсионной группы, за исключением руководившего ею эсэсовского офицера, по приказу Гиммлера были расстреляны. Таким образом был спровоцирован «инцидент» для нападения гитлеровской Германии на Польшу. В 4 часа 45 минут утра 1 сентября 1939 года немецкие войска перешли польскую границу.

Глейвицкая провокация, развязавшая вторую мировую войну, была тщательно подготовлена. Разработкой плана «операции Гиммлера» и проведением его в жизнь руководил уже названный Генрих Мюллер. Одновременно он подготавливал еще один пограничный инцидент, который должен был изображать нападение польских солдат на германских пограничников. Для этой цели гестапо изыало из концентрационных лагерей группу заключенных, которых предполагалось одеть в польскую военную форму и оставить мертвыми на месте операции. Предполагалось произвести умерщвление их путем предварительной инъекции медленно действующего яда и затем пристрелить.

В секретной переписке гестапо участники обеих операций проходили под кодовым названием «консервы». Как было условлено, звонок Гейдриха в Глейвиц был для эсэсовца паролем к началу действий. Инструктируя этого эсэсовца перед отправкой в Глейвиц, Гейдрих сказал ему: «Фактические доказательства таких нападений поляков необходимы как для иностранной прессы, так и для целей германской пропаганды».

Один из глашатаев мировой гегемонии Германии профессор Отто Танненберг в 1911 году выступил с требованием не оставлять врагам германского империализма «ничего, кроме глаз, чтобы плакать».

Всего лишь двенадцать лет прошло с того момента, когда усилиями свободолюбивых народов была сокрушена гитлеровская Германия. В нацистской «машине смерти» решающую функцию выполняла организация СС. В 1925 году, за восемь лет до прихода нацистов к власти, Генрих Гиммлер приступил к формированию первого отряда СС для охраны Гитлера; он был укомплектован отпетыми головорезами. Спустя два года существовало несколько подразделений, насчитывающих 280 человек. К тому времени, когда Гитлер стал рейхсканцлером, в рядах СС состояло уже 52 тысячи человек.

К середине тридцатых годов эсэсовская практика террора стала настолько осязаемой для самих немцев, что многих из

них при виде эмблемы — череп и скрещенные кости — бросало в озноб. Именно с помощью СС было утверждено господство нацистов над Германией.

В начале войны численность соединений СС только общего типа («альгемайне СС») достигла 240 тысяч человек; было учреждено верховное командование эсэсовской организации. Тогда же были сформированы пресловутые «ваффен СС» — «Мертвая голова» — боевые части, специально обученные для ведения агрессивной войны (их еще называли «войска Гимmlера»).

Создавая свою гигантскую «машину смерти», нацисты тщательно продумали все детали ее «конструирования». Прежде всего нужны были люди, лишённые всякого чувства жалости и совести. Нацистская пропаганда немало потрудилась перед войной, чтобы выявить такие элементы и поощрить их. Гитлер открыто провозгласил: «Мне нужны люди с крепким кулаком, которых не останавливают принципы, когда надо укокошить кого-нибудь. И если они сопрут при случае часы или драгоценности — плевать мне на это». Фюреру вторил Геринг: «Убивайте каждого, кто против нас, убивайте, убивайте, не вы несёте ответственность за это, а я, поэтому убивайте!».

Во время войны из войск СС были сформированы «эйнзатцкоманды» и «зондеркоманды» — специальные отряды для проведения операций по массовому истреблению военнопленных и мирного населения на оккупированной территории. Эти части укомплектовали не просто морально разложившимися людьми, способными совершить любое преступление, но предварительно получившими особую подготовку. В германской армии имелись курсы, на которых старшими офицерами гестапо читались лекции о способах устрашения во время допросов и других специальных «мероприятиях». Суть этих лекций состояла в том, чтобы разжечь низменные инстинкты у «слушателей», поощрить их к совершению наиболее утонченных насилий и жестокостей. Подобным образом было обучено большинство эсэсовцев, привлечённых для службы в концентрационных лагерях.

Такие же нравы гитлеровское командование старательно культивировало во всей армии. При этом постоянно подчеркивалось, что никакие преступления, совершенные против войск и населения противной стороны, не повлекут за собой никаких дисциплинарных мер. Такого рода директивы нацистской верхушки дали право германскому солдату грабить, насиловать и убивать, и он широчайшим образом воспользовался им.

Изобретательность нацистских садистов была чудовищной, и они старались перещеголять друг друга в умении истязать

свои жертвы. Например, в Яновском концлагере пытки и расстрелы производились под звуки музыки. Для этой цели палачи составили из заключенных оркестр и даже была сочинена особая мелодия под названием «Танго смерти».

За годы второй мировой войны организация СС выполнила множество различных особых заданий гитлеровского командования. Вспомним хотя бы операцию «Нахт унд небель» («Мрак и туман»), в результате которой бесследно исчезли десятки тысяч патриотов, боровшихся за свободу своей родины. Нацистская верхушка пыталась скрыть свои чудовищные преступления. В апреле 1945 года тогдашний руководитель гестапо Кальтенбруннер разработал план уничтожения всех улик, относящихся к осуществлению «программы истребления». Намечалось убить всех содержащихся в концентрационных лагерях заключенных, сжечь сами лагеря и всю документацию о злодеяниях эсэсовских палачей. Однако осуществить эти планы, известные под шифром «Облако А-1» и «Облако-огонь», гитлеровцам так и не удалось.

ДВАЖДЫ ПРЕДАТЕЛИ

В один из осенних дней в Соединенные Штаты прибыла из Западной Европы большая группа людей. Это событие не прошло незамеченным. На завтра, 15 октября 1951 года, в передаче нью-йоркского радио на венгерском языке и в газете «Нью-Йорк таймс» сообщалось, что в США доставлена первая группа эмигрантов из восточноевропейских стран, набранных в американской зоне оккупации Германии для службы в армии США. Рассказывалось, что вожак группы, насчитывающей 44 человека, венгр Томаш Доша провел один год на восточном фронте, то есть воевал против СССР.

В сентябре 1952 года в США было объявлено о создании в американской армии специальных частей для ведения партизанских действий. В целях обмана общественного мнения это соединение первоначально получило наименование «корпуса бойцов освобождения». Зачисляемых в эти части называют в США «людьми закона Лоджа» (по имени автора закона о наборе в армию США иностранных подданных для выполнения «особых заданий» сенатора Джона Д. Лоджа) или «добровольцами вдвойне». Правильнее назвать этих людей «предателями вдвойне». Ведь они дважды изменили своей родине: тайно и явно. Первый раз, совершив преступление, они во мраке ночи бежали из своей страны; второй раз — когда открыто отказались от верности своему народу и принесли присягу чужому, империалистическому государству.

По словам американского журналиста Клиффорда Хэлма, «отказаться от верности своей родине — простая формальность для лишенных отечества лиц». Да, когда человек запятнал себя самым позорным, что может быть в жизни, для него это не больше, чем квитанция ломбарда на вещи, которые он не собирается выкупать. Но оказывается, что людям с таким двойным клеймом измены не доверяют и те, кто их покупает за океаном. От них этого даже не скрывают. Дважды предавшим прямо говорят: вы будете находиться под постоянным надзором, а если вас изобличат в попытке изменить в третий раз, то вас немедленно расстреляют.

В современных условиях «генерального наступления» всех тайных сил империалистической реакции на лагерь мира и социализма у его организаторов возникла потребность в агентуре совершенно нового типа. Старые категории тайных агентов — шпион, диверсант, террорист, — действующие индивидуально, разумеется, не сошли со сцены и по-прежнему широко используются империалистическими разведками, но в операциях «с черного хода» не им предназначено быть пешками, создающими обстановку для решения оперативной задачи. События в Венгрии осенью 1956 года — прямое тому свидетельство.

Питая себя иллюзиями о возможности учинить государственный переворот в какой-либо социалистической стране, империалисты планируют организованное возникновение в ней соответствующей «ситуации». Это означает, что страна-объект должна быть молниеносно ввергнута в состояние всеобщего хаоса и анархии, когда террористические элементы смогут путем устрашения и насилий подавить противодействие законной власти и сковать инициативу широких масс в защите своих интересов. Суть такой ситуации — всеобъемлющий террор.

Американский конгрессмен Керстен, стоя 20 октября 1951 года на трибуне палаты представителей США, цинично разъяснял: «Сказать, что террор не сможет сыграть никакой роли в освободительном движении в Восточной Европе, значит быть совершенно несведущим в том, что составляет освободительное движение». И далее: «Одной из главных целей реального освободительного движения является внушение ужаса населению. Освобождение не будет достигнуто только пропагандой и парламентскими маневрами, оно потребует сильных действий в соответствующее время».

Для поднятия вот такой «волны устрашения» и нужны «люди ножа и веревки», имеющие за плечами практику всяких «мокрых дел» и после соответствующей подготовки способные выполнять и различные другие более деликатные функции.

Американская разведка испытывает острую потребность в таких типах, и поэтому ее вербовщики рыщут повсюду в поисках подонков, отвечающих этим требованиям, и в особенности ей нужны знающие какую-либо из социалистических стран. Нередко агент, забрасываемый за кордоны последних, в ряду прочих заданий получает установку найти и завербовать на месте нескольких уголовников.

Один из агентов Си-Ай-Эй в своем признании обстоятельно рассказал о мотивах, которыми руководствуются его хозяева, делая ставку на вовлечение в подрывную работу представителей преступного мира.

Уголовники, говорит он,— это люди, у которых низменные инстинкты довлеют надо всем. Их, привыкших к пьяному разгулу, не надо учить тому, как развязать «большой дебош» и во время него «ликвиднуть» тех, кто им мешает «жить». Не менее важно и то, что это люди, которые благодаря своим «профессиональным» привычкам не теряются в обстановке, когда нужно действовать решительно и применять оружие. С их помощью нетрудно «сеять страх», ведь погром — их стихия.

Наконец, уголовники — это такой материал, который можно широко использовать «слепым образом» по принципу: исполнитель не должен знать «человека, дергающего за веревочку» (из американской терминологии), что наилучшим образом обеспечивает конспирацию.

А главное, повествует тот же американский разведчик, их не надо учить тому, как убивать. Убийство в планах подрывных операций американской разведки играет главную роль. Несколько лет назад журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», тесно связанный с влиятельными политическими и деловыми кругами США, прямо указывал: в Восточной Европе убийство является решающим оружием, которое может применяться и местными повстанцами.

В связи со сказанным нельзя пройти мимо некоторой разногласицы в определении методов, с помощью которых американские империалисты намереваются «освободить» страны Восточной Европы. В отличие от Дэвида Лоуренса, всегда несомненно хорошо информированного издателя «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», газета «Нью-Йорк таймс», напротив, устами своего корреспондента Левьеро уверяла, что специальные войска, то есть отряды вымуштрованных убийц и висельников, «будут способствовать мирному освобождению поработенных народов». Да и покойный Дж. Ф. Даллес, напомним, также утверждал, что США будут добиваться «освобождения» стран Восточной Европы «тихими», как он выразился, методами. Но кому сейчас не известно, что все эти

американские термины не что иное, как дымовая завеса, призванная скрыть истину, ведь под «тихими» методами в подрывной стратегии США именно и понимаются убийства.

Кроме дважды предателей и профессиональных преступников американская разведка пытается вовлечь в орбиту своего влияния всякие деклассированные и политически малосознательные элементы, легко поддающиеся специальной обработке и пригодные для использования в «массовых» операциях.

Путем использования таких «кадров», рассредоточенных на агентурном театре и объединенных или могущих быть быстро объединенными в небольшие оперативные группы, способные действовать самостоятельно или во взаимодействии друг с другом, и мыслится создание «соответствующей ситуации» в стране — объекте «освобождения». С помощью такого тактического приема «не прямых действий», или «действий чужими руками», предполагается также сохранить инкогнито дирижера.

Таковы были замыслы американских империалистов в пятидесятых годах, но как первая (берлинский путч в 1953 году), так и вторая (мятеж в Венгрии в 1956 году) попытка претворить их в жизнь показала всем тщетность их усилий.

Сменилось правительство США. К власти пришли демократы. И они, подобно печальной памяти правительства Эйзенхауэра, носятся с бредовыми проектами «освобождения» Чехословакии, Венгрии, Польши, Эстонии, Латвии, Литвы и «даже самой России».

16 мая 1962 г. всегда информированный вашингтонский корреспондент такого солидного органа, как газета «Уолл-стрит джорнэл», Генри Джемилл опубликовал статью; в ней он раскрыл скобки над тем, что собой представляет партизанская тактика, которую собирается применять новое правительство. Джемилл писал, что эта программа в качестве одной из форм «активных боевых действий» предусматривает «особые виды саботажа, террора, подстрекательства уличной толпы и подкупа в специально указанных странах».

В зависимости от условий и необходимости тактика будет меняться. Будут использоваться как наступательные методы (против «стран красного блока»), так и оборонительные (в странах союзников и нейтралов). Переход к партизанской тактике, подчеркнул Джемилл, — это более сильное мероприятие, чем попытки купить симпатии тех или иных государств за деньги. «Без сомнения, — писал он, — это такая доктрина, которая в основном сводится к совершению жестокостей исподтишка». По словам Джемилла, в Вашингтоне «вполне почтенные высокопоставленные люди спокойно обсуждают

такие вещи, как методические убийства коммунистических руководителей за границей»...

Духовным отцом специальных войск является американская разведка, и, говоря об этом, прежде всего надо упомянуть имена офицеров секретной службы США бригадного генерала Эдварда Лансдейла, руководившего борьбой против филиппинских партизан, и полковника Френсиса Милза, командира «партизанского батальона» во время второй мировой войны. Да и весь замысел создания и использования специальных войск целиком основан на опыте работы разведки.

«Войска особого назначения армии США» — это вовсе никакие не партизаны, а не что иное, как американская разновидность эсэсовских войск Гитлера. Главной задачей названных войск является устрашение, террор путем использования всех средств для разложения тыла противника, проведения в нем широкой программы диверсионных действий. Об этих их задачах свидетельствует и металлическая кокарда на зеленом берете «партизана» со стилизованным изображением троянского коня.

В последние годы для американских «партизан» началась новая эпоха. Их командир сорокатрехлетний бригадный генерал Уильям Россон, всегда мрачный, нелюдимый человек с тонкими губами и оттопыренными ушами, получил задание увеличить численность специальных войск с 1800 человек примерно до 5 тысяч к концу 1962 года, а затем до 10 тысяч человек — к концу 1963 года.

Надо указать еще на одну сторону предназначения «рейнджеров». В 1954 году одновременно в Нью-Йорке и Лондоне вышла в свет книга бригадного генерала английской армии Ч. Обри Диксона и д-ра Отто Гейльбрунна под названием «Коммунистические партизанские действия». Авторы этого пространного исследования не скрывают того, что ими руководило, когда они сели за свой труд. «В любой будущей войне мы должны будем бороться с партизанским движением в нашем тылу», — заявляют они. «Мы видели, как дорого заплатили немцы за то, что заблаговременно не создали организацию для борьбы с партизанами, а затем, когда эта организация была, наконец, создана, предоставили ей самой разрабатывать методы борьбы».

Поэтому, говорят авторы, «мы попытаемся извлечь уроки и отыскать пути и средства для того, чтобы противостоять угрозе партизанской войны». Что же рекомендуют Диксон и Гейльбрунн? «Всякая снисходительность и мягкость являются слабостью и означают опасность». Их рецепт — повторение гитлеровских приказов о методах борьбы с советскими пар-

тизанами. Работа названных авторов продиктована страхом перед возможностью партизанского движения в своем тылу, и единственной формой борьбы с ним они считают, как и гитлеровцы, террор. Чтобы доказать это, они исписали почти триста страниц, но фактически их труд повторяет все то, что давно уже известно из карательной практики СС.

ПО МЕТОДУ „ПОСЛУШАНИЕ ТРУПА“

...Неожиданно в комнате раздался такой знакомый, бьющий по нервам, заунывный звук сирены. Кресло, в котором сидел человек, рывками стало бросать во все стороны, вниз, вверх. В то же мгновение ослепил ударивший с потолка тысячеваттный электрический сноп... Сознание поплыло, затошнило; ощущение — словно падаешь в воздушную яму... Над ухом резкий возглас:

— Отвечайте: вы красный шпион?

— Нет.

Снова как в непрерывной болтанке, и снова крик в ухо:

— Вы двойник, вас заслали?

— Нет.

Лицо в белом халате повернуло выключатель, затихла сирена, погас прожектор, и снова комната напоминает кабинет врача. Только несколько необычен вид «пациента». Кожаными ремнями он накрепко привязан к специальному креслу. К одной его руке прикреплен сфигмоманометр — приспособление для измерения пульса и кровяного давления, к другой — гальванометр, а грудь туго охвачена гофрированным резиновым шлангом от пневмографа — прибора для измерения частоты дыхания. Помимо этого, к различным местам его тела прикреплены наполненные воздухом небольшие резиновые подушечки, регистрирующие напряжение мышц. Наконец, к левой ладони приложена металлическая пластинка, фиксирующая выделение пота. От всех упомянутых приборов протянулись провода к стоящему позади кресла ящичку, похожему на радиоприемник.

В целом все это приспособление называется «механическим следователем», или «разоблачителем лжи» (по-английски — «лай-детектор»). Имеется несколько немного отличных друг от друга конструкций «детектора лжи». Американская охранка несколько десятилетий назад начала применять этот аппарат при допросах. Затем он стал использоваться и Си-Ай-Эй при проверочных испытаниях для вновь принимаемых агентов. В результате происходящих во время допроса в организме человека изменений кровяного давления, частоты дыхания и

выделения потовых желез, отмечаемых детектором, устанавливается «правдивость» испытуемого.

Проверка «правдивости» не имеет ничего общего с научно-медицинскими исследованиями. Вся эта жульническая процедура рассчитана на то, чтобы запугать испытуемого и вынудить его к откровенности или наговору на себя. Перед тем как начать испытание, объекту его показывают, что находится внутри ящичка, стоящего позади кресла. Он видит валик с широкой бумажной лентой, который начинает вращаться, как только запускают аппарат, и стеклянные капиллярные трубки, наполненные красными чернилами. Ему объясняют, что если он соврет, то на красной линии записи якобы тотчас появится резкий излом. Испытуемому задается иногда в два приема множество вопросов, быстро следующих один за другим, отвечать на которые он должен также моментально.

Испытание «на правдивость», проводимое неоднократно, — лишь одна из многочисленных деталей «приемных экзаменов» в американскую разведку. Особенно тщательно проверяют, какова память у испытуемых. Для выявления способности к зрительному запоминанию, скорости и точности реакций агента подвергают длительной проверке.

Затем он заполняет несколько анкет, пишет несколько раз автобиографию для сравнения, проходит тщательный медицинский осмотр, и вот, наконец, кандидат на продажу головы и совести представляется шефу, окончательно решающему: зачислить его на обучение в разведывательную школу или нет. Эта короткая заключительная беседа носит чисто формальный характер, так как все «за» и «против» уже предварительно взвешены. В положительном случае принятому присваивают американские имя, фамилию, он получает документы как военнотрудовой армии США.

Новая стратегия и тактика подрывной деятельности американского империализма вызвала к жизни не только новые формы организации разведки США, но и внесла значительные изменения в систему и принципы, положенные в основу подготовки агентурных кадров. Сейчас обучение последних в основном имеет два направления. Первое — готовят агентов, способных быть организаторами и руководителями подпольных групп с широким кругом задач: от вербовки и вовлечения в орбиту своей деятельности всех подходящих элементов до самостоятельного вооруженного выступления и ведения диверсионно-террористических операций. Второе — по-прежнему ведется подготовка секретной агентуры для шпионской работы, но и при этом делается упор на применение методов «активной разведки» в любом случае.

Ведущими принципами, общими при обучении кадров как первой, так и второй категории, являются:

универсализация, то есть агент должен быть способен выполнять функции и вербовщика, и связника-радииста, уметь добывать шпионскую информацию в любых условиях и организовать диверсионный акт или спровоцировать террористическое выступление «недовольных», им же предварительно негласно организованных;

соответственно этим задачам в агенте вырабатывают способность к быстрому перевоплощению, переходу из одной агентурной «формы» в другую, а также умение взаимодействовать с представителями всех профилей в области «подрывного искусства»;

огромное внимание уделяется морально-идеологической стороне подготовки агента, усиленно растравляется в нем все низменное, в его сознание внедряют, что только капитализм открывает ему возможность свободного проявления всех его животных инстинктов и устремлений. В конечном итоге упорно и продуманно культивируется жесточайшая ненависть к социализму, к миру и прогрессу.

Красной нитью в обучении секретного агента проходит воспитание способности к быстрой ориентировке, умению энергично преодолевать трудности, возникающие при выполнении агентурного задания. Агента учат быть решительным и в то же время предельно осторожным, не поступать опрометчиво, постоянно помнить о возможности разоблачения. Используй все средства — подкуп, взятки и т. д., твердят ему, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, но и не оставляй за собой ни малейших следов и, прежде чем убить, кропотливо продумай план действий, чтобы «не засыпаться».

Подолгу беседуют с обучаемым о том, как ему вести себя «там», заставляют запоминать множество мелочей повседневного быта, относящихся к будущему местопребыванию, рекомендуют ничем не выделяться из окружающей среды, знакомства заводить только нужные и «верные», уметь выуживать у своих знакомых сведения, интересующие разведку; избегать «бесцельных» интимных связей и без прямой нужды не болтаться по ресторанам и зрелищным предприятиям, а, находясь там, незаметно подслушивать ведущиеся разговоры; ни в коем случае не затевать ссор и скандалов. Внимательно соблюдать правила перехода улиц, не соскакивать на ходу с трамвая, спокойно и беспрекословно выполнять все требования представителей власти.

Агента поучают никому не доверять и всегда помнить золотое правило конспирации, гарантирующее от провала: «Тот, кто живет один, живет дольше». Равно: никаких записей, ра-

ботай только на память, если же узнанное требует фиксации на бумаге, то после передачи добытой информации тотчас уничтожь черновики. Раз и навсегда запомни: самый надежный тайник — это собственная голова.

Ни одной минуты не дают «слушателю» остаться наедине с самим собой: вдруг в чем еще усомнится и, чем черт не шутит, перерешит в душе, казалось, уже решенное... Поэтому повсюду рядом, как тень, неизменный «друг» на все время обучения — индивидуальный инструктор, который во внеучебное время готов часами беседовать «по душам». Он немедленно рассеет любое сомнение, поделится своим опытом.

В ходе обучения секретного агента особое внимание уделяется его «аутентикации» (от слова «аутентичность» — подлинность, достоверность), то есть такой его подготовке, чтобы он ничем не выделялся из массы населения в месте своего будущего пребывания. Один американский разведчик утверждает, что «даже наспех обученный или вовсе не проходивший обучения агент имеет много шансов на успех, если он ничем не отличается от местных жителей». По его словам, «аутентикация» — «это столь же сложное искусство, как искусство часовщика, и столь же точное, как мастерство хирурга».

Незадолго до окончания обучения агенту вручают его «второе я» — вымышленное жизнеописание, которое он должен выучить так, чтобы и спросонок без запинки ответить на любой вопрос. Малейшее несовпадение в ответах с имеющимися документами и всем относящимся к его новой биографии для шпиона равносильно смертному приговору, подписанному самому себе.

«Легенда», как называется такое «биографическое повествование», представляет собой нередко многостраничный документ, содержащий описание множества событий, бывает, с давностью десятилетий. Надо наизусть знать не только свое «новое прошлое», помнить все относящееся к жизни иногда десятка людей, ставших твоими «родственниками», но уметь с фотографической точностью рассказать о местах, где, может быть, никогда не бывал. Процесс «вживания» агента в новую «оболочку» составляет существеннейшую деталь его подготовки. Ему неустанно твердят, что безошибочность усвоения им «легенды» — важнейший залог безопасности в его «второй жизни», где придется действовать уже без суфлера.

Итак, как будто все взвешено, рассчитано и остается лишь накрепко заинтересовать выпускника в ожидающих его годах. Буржуазия «не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного „чистогана“». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма,

мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость». За сто лет, прошедших с того времени, как написаны эти слова, до корней обнажившие суть капитализма, буржуазия далеко шагнула в деле превращения человека в автомат, реагирующий только на опущенную монету.

В американской разведке стоимость человека вычислена с математической точностью. Зачислен в разведшколу — получаешь 125 долларов в месяц плюс 50 долларов любому родственнику по указанию обучаемого; перед переброской «туда» подписывается контракт, согласно которому ежемесячно выплачивается несколько сот долларов (в зависимости от ценности агента), вносимых на специально открываемый в американском банке счет, плюс командировочные в размере пять долларов пятнадцать центов в сутки и, разумеется, возмещение всех оперативных расходов; по выполнении задания выдается премия в несколько тысяч долларов. Предусмотрена и такая деталь: в случае гибели агента все причитающееся ему деньги поступают в распоряжение соответствующих эмигрантских подрывных организаций, например если агент действовал в СССР, то в так называемый «Толстовский фонд».

...Рассказывают, что Тит, сын римского императора Веспасиана, жившего в первом веке нашей эры, упрекнул отца за налог, которым тот обложил пользование общественными уборными. Вскоре Веспасиан поднес к носу Тита первые деньги, поступившие от этого налога, и спросил, пахнут ли они. «А ведь они от мочи», — сказал Веспасиан, когда Тит дал отрицательный ответ. С тех пор, говорят, пошло выражение «деньги не пахнут».

Этого нельзя сказать о тех сотнях миллионов долларов, которые ежегодно расходует американская разведка на тайную войну против Советского Союза и других социалистических стран. От каждого из этих долларов разит трупным запахом заживо разлагающегося капиталистического строя, на каждом из них следы крови.

Гитлер и его шайка делали большую ставку на свои диверсионно-террористические кадры. Воспитывая их по принципу «кадавергехорзам» — «послушание трупа», который основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола провозгласил некогда как высшую человеческую добродетель, фашисты рассчитывали утвердить господство насилия, террора во всем мире. Когда планы эти лопнули, как мыльный пузырь, тысячи гитлеровских крыс, обученных в «орденсбургах», заматались в поисках, куда бы улизнуть. Многие из них укрылись на Западе, где их приняли как желанных гостей. Но история не повторяется, и современным американским ландскнехтам не

предстоят столь приятные перспективы. Руководствуясь и в дальнейшем принципом «кадавергехорзам», они рискуют действительно стать трупами.

„СВЯТАЯ“ ИНКВИЗИЦИЯ В АМЕРИКАНСКОМ ИЗДАНИИ

В тайных застенках католической инквизиции применялись три вида физических пыток: веревкой, водой и огнем. Это были страшные пытки, но сам «отец» испанской инквизиции, великий генерал-инквизитор Торквемада, не смог бы додуматься до такой системы утонченных истязаний, что практиковались на базе американских военно-воздушных сил в Стаде (штат Невада). Несколько лет назад стало известно, что поблизости от городка Рено в покрытой песком и кустарником долине Леммонс расположилось любопытнейшее «учебное заведение». В нем под наблюдением врачей, пяти психологов и с помощью особо подобранного «преподавательского» персонала проходили семнадцатидневный курс специального «обучения» экипажи атомных бомбардировщиков и реактивных истребителей стратегической авиации, а также офицеры из частей армии, военно-морского флота и морской пехоты, подготовляемые в качестве инструкторов для проведения такого же обучения личного состава своих подразделений.

Все происходящее в Стаде именовалось «тренировкой крепости воли», «закалкой характера». На практике это выглядело так: человека, к примеру, помещали в деревянный ящик, в котором он не мог стоять прямо. После нескольких часов нахождения в нем его выбрасывали, как футбольный мяч, с парализованными на время мускулами. Не менее «приятными» были ощущения для тех, кого укладывали в «гроб» с посыпанным гравием дном, стальной «карцер» или же в трехметровую «яму», в которой держали часами погруженными по плечи в воду.

Американский журнал «Ньюсуик» в статье под названием «Трудное испытание в пустыне» рассказал о многочасовой процедуре испытания «на сопротивляемость электричеству», практиковавшегося на базе в Стаде. «Вокруг себя лейтенант, которого допрашивали, ничего не мог видеть: его грязное лицо освещалось тремя мощными прожекторами, находившимися на расстоянии трех футов от него. Он уставился на свои вытянутые вперед руки, оба указательных пальца были обмотаны тонкой оголенной проволокой, по которой шел электрический ток, пронизывавший тело лейтенанта...».

В ходе «допроса» лейтенанту задавали много вопросов, например: «Откуда вы?..», «На каком самолете летаете?..»,

«Кто командир вашей эскадрильи?...». Испытуемый дрожал и подпрыгивал... После «допроса», когда его вытолкнули за дверь, он свалился на землю и заплакал.

Наряду с физическими истязаниями инквизиция делала все возможное, чтобы с помощью нравственных страданий подавить психику своих жертв. Инквизиторы всячески издевались, глумились над ними. Начальник базы в Стаде и его подчиненные оказались достойными последователями Торквемады по части комбинирования методов физического и психического давления на тех, кого они «тренировали». По словам того же журнала, «желая сломить сопротивление, ведущие допрос стараются делать все, чтобы разозлить людей. Ложь и оскорбления личности «захваченного», оскорбления расового и национального происхождения, принадлежности к религии были обычными...».

Разумеется, у каждого здравомыслящего человека сразу же возникает вопрос: зачем проводились эти дикие «испытания»? Журнал «Ньюсуик», не задумываясь над тем, что это вздор, ответил: «испытуемых» готовят к пыткам в «коммунистическом плену», «обучение может помочь им при коммунистическом допросе». Но сколько бы американский журнал ни пугал «ужасами» «коммунистического плена», ему не скрыть того факта, что единственная цель обучения на базе в Стаде состояла в том, чтобы подготовить кадры беспощадных убийц и истязателей. Ведь надо быть уверенным, что пилот, несущий на борту своего самолета смерть сотням тысяч мирных людей, не вспомнит в последний момент о том, что и он человек, а не зверь. Ведь, чтобы готовиться к порабощению народов, надо иметь наготове легионы надсмотрщиков, обученных быть безжалостными к людским страданиям и горю.

На ринге слились в клубок извивающиеся тела четырех здоровенных мужчин. Слышатся глухие звуки увесистых ударов и звериное рычание. Вдруг дико завопил укушенный за ухо, а нашедший в себе силы вырваться из железных объятий партнеров тут же рухнул наземь, получив смертельный удар в солнечное сплетение... На трибунах яблоку упасть негде. Зеленые юнцы и седовласые джентльмены, девицы школьного возраста и шикарные дамы — все неистовствуют, воют, свистят, кричат... Это «кэч», или «рестлинг», — американская борьба, в которой нет правил. Ее участникам позволено все: выдавливать глаза, рвать губы, кусаться, душить.

Описание того, что происходит на ринге во время такой борьбы без правил, создает полное представление об одной из сторон подготовки американских «партизан». Их обучают 124 различным приемам убийства: как уметь убивать голыми

руками, как нанести удар ножом в живот, чтобы жертва не издала ни единого стога, как задушить часового с помощью лассо из проволоки, в общем как убить, убить, убить...

Декабрь 1961 года. Будапешт. На середину зала, заполненного местными и иностранными журналистами, вышел молодой парень. Позади идет другой. Из кармана выхвачен складной американский нож, прыжок, левая рука идущего сзади схватила свою жертву за горло, а правая со сверкающим в лучах прожектора стальным лезвием метнулась к его груди... «Вот таким приемам убийства людей учили нас в США», — говорит, обращаясь к участникам пресс-конференции, бывший венгерский беженец Янош Фюлеп, в недалеком прошлом солдат специальных войск...

Смоук Пот Хилл (штат Северная Каролина). Вокруг леса холмы, овраги, колючая проволока, слышны пулеметные очереди, взрывы... Здесь расположен «Специальный центр армии США по ведению войны», начальник которого полковник Уильям Ярборо — опытный парашютист с почти тридцатилетним военным стажем. В числе прочих подразделений здесь дислоцирована седьмая группа войск особого назначения, командует ею тоже мастер-парашютист полковник Ирвин Эдвардс.

Живописный, тихий баварский городок Бад-Тёльц, вблизи Мюнхена, стал местом расположения штаба десятой группы войск особого назначения под командованием полковника Михаэля Паулика. Ее учебный центр находится в том самом альпийском районе, который был избран Гитлером в качестве нацистского «национального редута», где его «тысячелетний рейх» должен был дать «последний бой» союзникам.

Обучение «партизан» начинается с изучения английского языка, знакомства с американской историей и особенностями военной службы в США, а также разносторонней физической подготовки. Что весьма характерно и отлично от американских военных традиций, все обучение в специальных центрах ведется исключительно на родном языке каждой из представленных здесь национальных групп. Делается это с совершенно определенной задачей: «Их (этих национальных подразделений. — В. М.) первой целью, — пишет журнал «Бизнес уик» — будет создавать местные армии освобождения, которые окажут помощь вооруженным силам США».

Далее проходит курс «диверсионной подготовки», личный состав знакомят со всевозможными видами американского и иностранного вооружения, обучают применению различных минноподрывных средств, овладению техникой разрушения коммуникаций и вывода из строя оборонительных сооружений.

Заключительной частью обучения являются действия в об-

становке, почти тождественной операциям в неприятельском тылу. «Партизану» приходится действовать в сложных метеорологических условиях, совершать длительные переходы, преодолевать различные препятствия на местности, и все это в разное время года. В ходе полевых учений проверяется выносливость «рейнджера», его способность «выжить» в любой обстановке. С этой целью в течение семи дней он полностью снимается с довольствия и обязан добывать питание любыми способами.

В один из октябрьских дней 1962 года обитатели отеля «Шератон-парк» в Вашингтоне с изумлением наблюдали за тем, как солдаты в зеленых беретах лезли, подобно мухам, по стене мимо их окон, демонстрируя свое умение взбираться по фасаду здания. Другие — показывали свое мастерство перелетать, как птицы, с крыши отеля на вершины растущих вблизи деревьев. Были и такие, которые на фоне огромной топографической карты луны показывали, что будет носить на луне «хорошо снаряженный» американский «контрпартизан».

Устроив эти военные «игры», командование специальных войск хотело показать представителям бизнеса, живущим в отеле «Шератон-парк», что огромные средства, расходуемые на подготовку «рейнджеров», тратятся не зря.

ДОРОГА В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Девиз специальных войск — «Любая операция, в любое время, в любом месте, любыми средствами» — наиболее полно характеризует их предназначение. Как только американская печать не рекламирует будущие действия «партизан», «матadors», «контрпартизан», «рейнджеров» или как их еще там именуют.

Один восточный мудрец сказал: «Если на клетке тигра прочтешь надпись: «Буйвол», не верь глазам своим»; знай, читатель: как бы ни называли в западной прессе солдат войск особого назначения армии США, речь идет о диверсантах, террористе. Иной обыватель почитает, как реакционная печать на Западе расписывает будущие «подвиги» этих головорезов, и, не подумав, скажет себе: вот это да, все им под силу...

Небольшие отряды специальных войск будут руководить такими действиями местных партизан, то есть мятежников, как засада, поиск, уничтожение различных объектов, атаки местного значения. Они будут наносить удары и немедленно скрываться, снова наносить удары и скрываться. Эти удары

будут быстрыми, четкими, жестокими и достаточно частыми, чтобы отвлечь часть войск противника с фронта. Наряду с выполнением этой задачи специальные войска будут проводить особые операции, которые преследуют множество целей. Вот наиболее важные из них: определение местонахождения заводов, складов, огневых позиций атомного и ракетного оружия; определение радиолокационной сети воздушного наблюдения; срыв военного производства путем организации диверсий и саботажа на предприятиях; распространение панических слухов; провоцирование беспорядков, выступлений «недовольных элементов»; уничтожение политических руководителей противника и освобождение заключенных.

И все эти нередко весьма сложные операции будут выполняться небольшими оперативными группами, насчитывающими от трех-четырех до двенадцати человек.

На территорию государства, против которого США начнут войну, американские «партизаны» начнут проникать в «день икс» или несколько раньше по воздуху, по морю или суше. «В этот день», — подчеркивает западногерманская газета «Фольдаэр фолькс цейтунг», — американские самолеты полетят по направлению на Восток».

Просачивание на суше, возможно, будет осуществляться при весьма неблагоприятных метеорологических условиях: в снегопад, туман, сильный дождь, то есть в обстановке очень плохой видимости. Для преодоления границы будет избираться труднопроходимая местность: высокие горы, густой лес, кустарник, болота. Районы, в которых предстоит переброска людей в зеленых беретах через границу, заблаговременно тщательно изучены. Собраны сведения о рельефе местности, флоре и фауне, населенных пунктах, о сети дорог и всякие другие.

Для успешного преодоления водных рубежей командование специальных войск располагает подробной характеристикой морского побережья тех районов, где предстоят десантные операции, — сведениями о глубине моря, отмелях, особенностях берега, местных течений, приливной и отливной полосы, препятствиях для плавания судов.

Такие «многоцелевые» диверсионные части создаются впервые. Ни английские «командосы», ни американские «рейнджеры» — эти отборные «ударные» войска времен второй мировой войны — не имеют ничего общего с подразделениями предателей вдвойне. Только представить себе, сколько ставится перед ними задач. Да, целей много, но главная из них — террор, убийство. Не слишком ли много американское командование ставит задач перед своими наемниками, одно появление которых на своей бывшей родине вызовет страшную ненависть всех простых, честных людей.

...Самолет без опознавательных знаков, плавно оторвавшись от взлетного поля, взял курс на Восток. Он постепенно набирает высоту, скоро альтиметр показывает девять тысяч четыреста метров. Мощный турбовинтовой транспортный корабль несется в кромешной тьме со скоростью около тысячи километров в час. В пассажирской кабине шесть фигур в креслах. Четыре впереди. Неизвестно, дремлют эти люди или, закрыв глаза, они погрузились в мысли о чем-то своем. Прошло почти два часа полета. Устроившиеся позади двое «сопровождающих» не спят. Две пары внимательных глаз, одна из них из-за выпуклых с зеркальным блеском стекол очков, настороженно следят за теми, кого воздушные вихри мчат навстречу, может быть, уже ковыляющей в ночи смерти.

«Внимание! Приготовиться к прыжку». Эти слова, вылетевшие из рупора над дверкой в кабину пилота, словно электрическим разрядом пронзили тех, кто впереди. Вскочив, они в первое мгновение растерянно оглянулись вокруг. Затем один из них, нагнувшись, быстро откинул дверцы выброшенного люка в полу фюзеляжа. Какая-то доля секунды, и он, чуть спружинив ноги, исчез в ночной мгле. За ним последовал второй, третий, четвертый.

Все произошло так мгновенно, что старший из «сопровождающих» не успел и рта раскрыть для традиционного напутствия. Вынув из внутреннего кармана кожаной на молнии куртки небольшой блокнот, он поставил на одной из его страничек четыре один над другим порядковых номера и рядом клички только что выпрыгнувших.

Обязательное сопровождение десантников специальными проводниками вошло в практику американской разведки сравнительно недавно. Несколько лет назад их одних сажали в пассажирскую кабину самолета, и, достигнув пункта выброски, они действовали по команде пилота. Но были случаи отказа от прыжка и даже попытки, сулившие еще большие неприятности экипажу. По этой причине и был введен институт «сопровождающих», коими обычно назначаются опытные офицеры разведки. Находясь все время на чеку, с двумя пистолетами в карманах, они готовы ко всяким неожиданностям и действию до выстрела в голову тому, кто замешкается.

Выброска четверки «зеленых беретов» произошла в глубоком тылу одной из социалистических стран. Приемка группы была образцовой. Еще недавно десантники весьма часто из-за навигационных ошибок выбрасывались не в намеченном для приземления месте. Случалось это и потому, что неопытные «приемщики» неправильно располагали сигналы, по которым ориентировались транспортные самолеты.

Теперь американская разведка, когда это удастся, организует более тщательную «приемку» агентов и предназначенных для них грузов. Для наводки самолетов используются радиомаяки, обеспечивающие точность выброски десанта, и специально вербуются и обучаются агенты, в задачу которых входит изучение местности и подготовка секретных убежищ, в которых в случае необходимости могут укрыться диверсанты.

Сброшенная группа первым делом позаботилась спрятать в надежном тайнике парашюты цвета зелени, что делало их почти незаметными на фоне окружающей растительности (расцветки парашютов разведка подбирает по времени года и в соответствии с местным ландшафтом). Туда же пошло и прочее снаряжение, надобности в котором в ближайшее время не предвиделось.

Пройдя с километр, сменили обувь: ботинки с высокими бортами на толстой резиновой подошве, служащей амортизатором при приземлении, и пряжками, перетянутыми надежной шнуровкой, завернув в промасленный бумажный чехол, закопали в вырытую яму, аккуратно сравняли землю, поставили указатель. Эта обувь парашютиста-десантника, быть может, еще пригодится.

Обувшись в ботинки гражданского образца, группа рассредоточилась, и каждый двинулся по заданному направлению, ориентируясь по крохотному компасу, вделанному в пробку плоской алюминиевой фляги.

Теперь главное — замести следы (а вдруг нащупают выброску!). Все время петляют, чтобы отбить собачье чутье, натирают подошвы ботинок жидкостью, издающей резкий запах скипидара с керосином, посыпают следы желтоватым порошком ДДТ.

...Когда группа расходилась, первые лучи солнца только позолотили верхушки деревьев, лес был еще окутан ночным туманом, а земля погружена в предутреннюю дрему. Ни малейших намеков на опасность. Однако прошло менее суток, и вся четверка давала первые свои показания следователю органов государственной безопасности...

Один из американских журналистов назвал «холодную войну» выгодным бизнесом, упомянув при этом, что стоимость подготовки диверсанта обходится в 40 тысяч долларов. Если эти 40 тысяч долларов помножить на число тех, кого за последние годы навсегда вычеркнули из списков личного состава Си-Ай-Эй и всяких других подрывных организаций, то получится весьма кругленькая сумма. Надо думать, что американские налогоплательщики не сегодня, так завтра оценят, сколь это прибыльное дело.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ „НОВОГО КУРСА“ АМЕРИКАНСКОЙ РАЗВЕДКИ

Лето 1961 года. К служебному подъезду Белого дома то и дело подъезжают автомашины. Люди в строгих черных костюмах, в генеральских и адмиральских фуражках, хлопнув дверцей, поспешно исчезают внутри президентской резиденции. В фойе Белого дома у двери секретаря по вопросам печати и около комнат, куда строжайше закрыт доступ посторонним, снуют репортеры в надежде выловить информацию. Но их усилия тщетны. У всех, к кому они обращаются, рты на замке. У президента идет важное заседание по вопросам разведки. Еще не стихла буря после провала вторжения на Кубу, а атмосфера кризиса и надвигающихся огромных событий вновь царит в Вашингтоне. В эти дни в Белом доме и государственном департаменте, Пентагоне и в новом здании ЦРУ в Лэнгли допоздна не гас свет.

Президент явно нервничал, ведь надо, наконец, принять какие-то ответственные решения по поводу деятельности Центрального разведывательного управления, нападки на которое в конгрессе и в печати с каждым днем становились все сильнее. В глазах правительства и американской общественности шеф ЦРУ Аллен Даллес окончательно обанкротился. Да иначе и быть не могло.

Авантюра — вот на что все время делал свою главную ставку Аллен Даллес. Он и не пытался это скрывать. «Мы не можем выполнять свои обязательства, живя в башне из слоновой кости», — так однажды он ответил на поставленный ему вопрос о применении в работе ЦРУ различных, не всегда допустимых методов.

Еще в начале 1953 года газета «Вашингтон пост» в порыве раздражения, порожденного провалами разведки США, выболтала некоторую долю правды о ее деятельности. Газета писала: «...Центральное разведывательное управление служит убежищем для бесшабашных молодчиков... Эти мастера своего дела способны своими действиями заварить кашу в области внешней политики, причинить неприятности и даже втянуть нас в войну».

Названная газета указывала, что такая деятельность ЦРУ тревожит некоторых лиц из правительственной верхушки. Конечно, дело не в том, что совесть некоторых вашингтонских деятелей восстала против авантюризма в практике американской разведки. Тревожило их, естественно, другое. Если бы они видели, что авантюристическая деятельность Даллеса приносит свои плоды, речь о ней не зашла бы. Но при результа-

тах противоположных в их умах зарождалась тревога и возникал вопрос: а вдруг это путь к катастрофе?

Усилиями Аллена Даллеса и его покойного брата подрывная деятельность была возведена в США на уровень государственной политики. В результате создалось положение, когда, по словам американского журналиста Чайлдса, возникало, естественно, «глубокое подозрение, что хвост разведки в большинстве случаев вертит собакой политики». Позорнейшим итогом такой практики правительства Соединенных Штатов явился полет воздушного шпиона Пауэrsa, приведший к срыву совещания в верхах и к резкому обострению всей международной обстановки.

Дискуссии среди вашингтонских деятелей на тему о поисках нового направления и новых методов в деятельности американской разведки начались еще в последние годы президентства Эйзенхауэра. Провал контрреволюционного путча в Венгрии в 1956 году подвел, так сказать, безутешный итог разнообразным и сложным усилиям Си-Ай-Эй выиграть сражение на фронте тайной войны, начатое в начале пятидесятых годов.

В период 1957—1960 годов руководство американской разведки, став перед фактом полной несостоятельности пресловутого «плана икс» и всех его локальных вариантов, пребывало в состоянии страшной растерянности. Сдав в архив «план икс», оно лихорадочно изыскивало способы, как восстановить свой уже не раз подорванный престиж, а также найти щели для проникновения в Советский Союз. Однако ни «У-2», ни кубинская авантюра не только не привели к желаемому, а, напротив, показали, что американская разведка окончательно зашла в тупик.

В недалеком прошлом мир был свидетелем того, какой грандиозный крах потерпела нацистская стратегия тотальной войны, важная роль в которой отводилась всеобъемлющей подрывной деятельности. Вопреки этому историческому уроку американские империалисты — новые претенденты на мировое господство — пытаются решить ту же самую задачу с помощью тех же средств, только в несколько «модернизированной форме».

Вот уже почти двадцать лет правящие круги США усиленно развивают свою систему разведки, пытаются найти наиболее «совершенную» форму организации для борьбы со странами социализма. Вскоре после окончания второй мировой войны один из американских теоретиков подрывной стратегии Джордж С. Петти в своей книге «Будущее американской разведки» писал: «Нам понадобится чрезвычайно компетентная организация стратегической разведки в Вашингтоне по крайней мере в течение целого поколения».

С тех пор вместе с Д. Петти поисками этой самой «совершенной» формы организации нового издания системы тотального шпионажа занималась и усиленно занимается в США целая плеяда генералов и ученых разных жанров, бизнесменов и политических деятелей. Всякий раз, когда попытки утвердить шпионаж и диверсии в ранге инструмента государственной политики терпят крах, начинаются «мучительный пересмотр» и поиски, в чем же причина всех бед Си-Ай-Эй.

После провала затей с «У-2» и кубинской авантюры разведка США вступила в полосу особенно острого кризиса. И снова прозвучало слово «реорганизация». Летом 1961 года американская печать оповестила, что президент поручил генералу Тэйлору, тогдашнему своему военному советнику, возглавить комиссию по проверке деятельности Си-Ай-Эй. В эту комиссию помимо Тэйлора вошли брат президента Роберт Кеннеди, адмирал Бэрк и сам обследуемый — Аллен Даллес.

Еще до этого, 4 мая, было опубликовано решение Белого дома о создании президентского консультативного совета по вопросам разведки. Его председателем был назначен доктор Джеймс Киллиан — президент Массачусетского технологического института. В конце мая президент Кеннеди в специальном послании «о безотлагательных нуждах страны» особо отметил важность активизации деятельности служб американской разведки и дальнейшей координации этой деятельности «с другими элементами политики».

Вскоре президенту были представлены два проекта «реконструкции шпионской системы США». Первый — объединить органы ЦРУ с бюро разведки и исследований государственного департамента в единый разведывательный центр. Второй — впредь оставить за новым центром право лишь собирать разведывательные данные, а также осуществлять небольшие тайные операции за границей. Что же касается крупных авантур, подобных операции вторжения на Кубу, то они, как указывали американские газеты, будут изъяты из его компетенции и переданы новой специальной военной организации.

Вслед за этим из сообщения газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» стало известно, что начата реорганизация агентурной сети за рубежом. Многих агентов ведомства Даллеса лишили дипломатического прикрытия. Теперь, писала газета, они будут выдавать себя за американских дельцов, что в грязном промысле называется «коммерческим прикрытием». Вместо голубого дипломатического паспорта — паспорт с обложкой каштанового цвета. Меняется окраска, содержание остается прежним.

«Вот и вся реорганизация», — воскликнул один журналист, прокомментировавший результаты нового обследования ЦРУ. Так ли это в действительности? Вместе с тем американская пресса пыталась создать впечатление, что во всех провалах Вашингтона повинно только ЦРУ и что после его реорганизации дело, дескать, пойдет как по маслу.

Многие читатели, вероятно, удивятся, услышав, что в современной разведке с каждым годом все меньше остается места для экзотики и романтики. И однако это так. В разведке наших дней нет места таким фигурам, как знаменитая Мата Хари. Разумеется, еще далеко до того времени, когда методы добывания разведывательной информации агентурным путем окончательно сойдут со сцены, уступив место науке. Но уже сегодня 80 процентов добываемых разведками сведений извлекаются из всем доступных источников — книг, газет, журналов и других открытых источников. В нынешних условиях танковой процесс разведки — это работа за столом исследователя, который занят тяжелым, кропотливым трудом по изучению множества материалов, бесконечно накапливает факт за фактом.

С помощью различных методов анализа разведка способна сегодня предоставлять весьма серьезную информацию. К примеру, учет и анализ серийных номеров на деталях моторов трофейных танков позволяет установить возможности танковой промышленности противника. Сидя за своим столом, разведчик-исследователь существенно дополняет информацию, поступающую от секретного агента.

Как известно, главная функция разведки состоит в том, чтобы обеспечивать свое правительство сведениями относительно возможностей военного потенциала, экономического положения, уязвимых мест и возможного курса иностранных государств. Задачей разведки является предоставление руководству страны фактов, необходимых для разработки стратегических планов как военных действий, так и дипломатической деятельности мирного времени.

Тщательный отбор, анализ, толкование различных данных и представление их в обобщенном виде правительству входят в задачу информационно-исследовательской службы разведки. Кроме того, эта служба выполняет еще такую важную функцию, как проверка достоверности добываемой информации. Только после тщательной проверки информации она может представлять определенную ценность для правительства.

«Генерал Чартерис, живое воплощение военной разведки, которой он руководил, пылал огнем победы. Для него все но-

ности были хороши. Если в них и находился такой элемент, который мог бы породить сомнения в более пытливых умах, генерал Чартерис не обнаруживал этого элемента. А если бы и обнаружил его, то он был достаточно защищен от его пагубного влияния... Из той массы информации, которая поступала в его канцелярию, он выбирал факты и цифры, руководствуясь своим вкусом, а не здравым смыслом. Ему нравились только птицы с радужным оперением. И эти птицы слетались к нему отовсюду... Хэйгу было приятно получить тщательно подобранные и хорошо изготовленные лакомые блюда из «информаций» о разбитых германских дивизиях, тяжелых потерях неприятеля и падении духа германской армии; такие блюда ему подавались ежедневно и на протяжении всего дня...».

Такую уничтожающую характеристику дал британский премьер-министр руководителю военной разведки и вместе с ним главнокомандующему английской армией фельдмаршалу Хэйгу. На протяжении веков такое положение, когда шефы секретных служб представляли правительствам и военному командованию подобную «информацию», принаравливаясь к вкусам и настроениям своих хозяев, было нередким явлением. Можно себе представить, какой огромный ущербнесли государства, если материалы их секретных служб искажались в угоду людям, определявшим политику этих государств.

За последние годы в США было издано несколько книг по вопросам деятельности стратегической разведки, в которых наряду с другими основными проблемами рассматривается проблема научного подхода к разведывательной информации. Упомянутый уже Д. Петти в главе своей книги, названной «Препятствия в деле хорошей организации», подробно разбирая вопрос о «несовершенстве» информации, пришел к выводу, что «деятельность разведки ничего собой не представляет, если она не может дать наилучшее заключение на основании имеющегося материала по проблеме, требующей разрешения, невзирая на бедность источников».

Автор книги «Стратегическая разведка и политические решения» Р. Хилсман прямо указывает на то, что «некоторые разведывательные доклады представляли собой все, что угодно, но только не то, чем они должны быть. Они были неряшливыми, неточными и поверхностными и отражали скорее всего не реальную действительность, а взгляды их авторов».

Не менее симптоматичным был и другой его вывод: «Итак, мы можем сказать, что факты допускают только одно правильное толкование и что неправильная их интерпретация возможна тогда., если человек, изучающий факты, настолько безрассуден, что не желает считаться в своем труде с тем, что совершенно очевидно».

Р. Хилсмэн в своем труде несколько раз возвращается к вопросу о «значении фактов и боязни их искажения».

Говоря от имени какого-то работника информационной службы разведки США, он подчеркивает необходимость повысить уровень объективности при отборе и оценке фактов. Государственные деятели должны получать неприкрашенные факты...

«Возьмем к примеру, — пишет Хилсмэн от имени того же лица, — положение дел в странах советского блока. Так, если окажется, что действительное положение в этих странах значительно лучше, чем мы себе представляем, то об этом должна сообщить разведка; она обязана представлять любую, даже неприглядную, информацию».

Трудно было ожидать от высокопоставленного американского разведчика такой откровенности, так как, несмотря на из года в год увеличивающиеся ассигнования, последняя не обеспечивает нужной информацией об истинном положении дел в странах социализма.

В свете всего сказанного большой интерес представляет выступление известного специалиста по вопросам разведки Гарри Х. Рэнсома. Он опубликовал в американской газете «Крисчен сайенс монитор» статью под весьма симптоматичным названием «Насколько эффективна центральная разведка?».

В высказываниях Рэнсома обращают на себя внимание два положения. Во-первых, он заявляет, что эпоха классического шпионажа, безусловно, идет к концу. Развитие современного государства, сложный характер общества и рост эффективности контрразведывательных систем привели к тому, что в центре внимания оказывается не шпион, а ученый и референт. Во-вторых, он утверждает, что американские ВВС, как и другие виды вооруженных сил США, стоят перед кризисом в области разведки. Скорость и разрушительная сила видов вооружения, созданных со времени второй мировой войны, обогнали обычные средства для быстрой и точной обработки разведывательных сведений. Командующий системами вооружения, способными нанести удар огромной разрушительной силы, должен быть оснащен приборами для принятия решений в течение долей секунды. Он должен быстро собирать факты, точно их оценивать и быстро их передавать. «Военно-воздушные силы и другие виды вооруженных сил стоят перед критической и сложной проблемой в области разведки», — пишет Рэнсом. Специалисты разведки ВВС говорят теперь о необходимости в разведке «реактивной скорости» и упорно работают, создавая технические средства для быстрой обработки информации с помощью электронных средств. Большой упор

делается на системы для механической передачи сведений, их обработки и хранения.

Рэнсом особенно подробно разбирает область, в которой американская разведка потерпела серьезный провал в первое десятилетие после окончания второй мировой войны, а именно в предсказании темпов прогресса Советского Союза в области науки и техники. Некоторые официальные лица США, говорит он, были явно поражены быстротой, с которой русские создали свою первую атомную бомбу, быстро последовавшим взрывом первой советской водородной бомбы, были застигнуты врасплох публичной демонстрацией реактивных бомбардировщиков дальнего радиуса действия в мае 1955 года в Москве. Но особенно они были напуганы быстротой и качеством советских достижений в 1957 году в области ракет и управляемых снарядов.

Мероприятия по «оздоровлению» американской разведки были расценены американской печатью как непосредственное проявление недоверия президента к Аллену Даллесу и сведениям, которые поставляет его ведомство.

Наиболее влиятельная из столичных газет «Вашингтон пост энд таймс геральд», говоря о «таинственном элементе» в политике, писала: Допуск погрешностей всегда, по-видимому, перевешивал в оптимистическую для нас сторону. Это касается и оценки в сроках создания Советским Союзом атомной бомбы (причем это неправильное предсказание, по данным, полученным разведкой, предусматривало срок от 4 до 20 лет); и фиаско на Кубе, которому предшествовало авторитетное заключение, что высадка 1200 кубинских патриотов в заливе Кочинос послужит началом успешного восстания против Фиделя Кастро.

Интересным фактом провала Си-Ай-Эй служило признание бывшего президента Эйзенхауэра, сделанное им на пресс-конференции 26 января 1960 года. Он сообщил, что три-четыре года назад ЦРУ доложило правительству о том, что усилия Советского Союза якобы направлены на то, чтобы догнать Соединенные Штаты по производству тяжелых бомбардировщиков. Руководствуясь этой информацией, Вашингтон увеличил ассигнования на авиационную промышленность почти на миллиард долларов. Прошли три года, и весь мир стал свидетелем огромных успехов СССР в области ракетного оружия. Эйзенхауэр был вынужден признать, что в минувшие годы Советский Союз не только не увеличил производство бомбардировщиков, а, напротив, значительно сокращал его, развивая ракетную технику.

Известны и другие крупнейшие провалы и просчеты американской разведки в своих перспективных «прогнозах» в обла-

сти «высокой стратегии». Одна из важнейших задач разведки, по словам В. Плэтта, автора книги «Информационная работа стратегической разведки», заключается в том, чтобы проникнуть в тайны будущего, отдаленного от нас 25 и даже 50 годами. Предвидение — дело весьма трудное. Однако разведка должна стремиться предвидеть возможное развитие событий. Она обязана найти ключ к этим закрытым книгам будущей истории и прочесть затем эти книги.

Действительно, выполнение функции предупреждения является первостепенной и наиболее важной обязанностью разведки. Разведка должна собрать необходимую информацию относительно развития международных событий, нарисовать себе на основании этих сведений «картину» современной обстановки, оценить затем с точки зрения этой «картины» фактов будущее и таким путем проникнуть в его тайны. Этот процесс в разведке называют процессом оценки, или «интерпретацией», информации. «Изучая различные тенденции, — пишет Плэтт, — мы пытаемся проникнуть своим умственным взором сквозь „туманы будущего“».

Успех предвидения зависит прежде всего от количества и доброкачественности информации, поступающей в распоряжение исследователей, а также от их аналитических способностей. В своих попытках проникнуть в тайны будущего американская разведка потерпела особенно тяжелые поражения. Она полностью провалилась в своих предсказаниях о «неизбежном» «кризисе» мировой социалистической системы, а равно со своими «рекомендациями», как ее подорвать; она не смогла ни предусмотреть, ни затормозить распад колониализма, ей оказалось не под силу правильно оценить экономический и научный потенциал социалистических стран, и в особенности СССР; она не смогла предвидеть потерю США атомной монополии и крах основанной на ней атомной стратегии и, следовательно, крушение иллюзии относительно абсолютной военной безопасности территории Соединенных Штатов.

И можно понять того видного американского разведчика, который говорит: «Меня больше беспокоит «туман настоящего», чем «туман будущего», ибо прежде всего нужно уяснить, что происходит в настоящее время». Вот в том-то и дело. Американская разведка систематически вводит в заблуждение общественное мнение своей страны и свое правительство, выдавая, как правило, желаемое за действительное.

Не располагая достоверной информацией (и тем хуже, если располагая ею), американская разведка и пропаганда питают народ США и его правительство самыми нелепыми измышлениями о положении в Советском Союзе и политике Советского правительства.

Правящие круги Соединенных Штатов за счет налогоплательщиков расходуют колоссальные средства на ведение «холодной войны» против социалистических стран с помощью своей разведки и других специальных органов. Но, видимо, американская глобальная разведка своими жалкими и скудными вымыслами вводит в заблуждение собственное правительство и выставляет его в смешном виде перед американцами, перед всем миром. Grosh цена такой разведке!

Фабрикация лживой разведывательной информации о Советском государстве начиная с октября 1917 года стала системой. Классовая злоба делает слепыми не только руководителей, но и их хозяев, потребляющих эту «продукцию». Однако быстрое изменение соотношения сил на мировой арене вынуждает заправить империализма во всем, что касается социалистической системы государств, с каждым годом все более «прозревать».

Летом 1955 года специальная группа во главе с генералом Кларком, проводившая по заданию президента обследование работы американской разведки, в своем докладе сделала следующее признание: «Специальная группа глубоко обеспокоена отсутствием надлежащих разведывательных данных, касающихся стран за железным занавесом. Сосредоточив наше внимание на главном объекте, мы должны приложить все усилия к тому, чтобы получить эти сведения. Успех в этой области зависит от большой смелости при определении политики, от готовности пойти на некоторый рассчитанный политический и дипломатический риск и от полного использования всех технических возможностей».

Гигантская организация немецко-фашистского шпионажа была прежде всего источником фантастической по своим размерам информации. Каждый секретный агент, а их были десятки тысяч, посылал донесение. Промежуточные инстанции + резидентуры — получали еженедельно тонны материалов. Специальный аппарат занимался отбором и конденсацией, но в разведывательный центр поступали все же горы бумаги. Достаточно представить себе немецкую аккуратность, педантичность и пунктуальность, чтобы застыть в изумлении перед этой картиной бумажного потока. Конечно, никогда в мировой истории ни одна страна, ни одно правительство не были столь полно информированы о состоянии своих противников.

И, однако, разведав «все на свете», гитлеровцы не поняли главного. Способность много писать не возмещает рокового отсутствия способности критически оценивать. На сумасбродных представлениях немецко-фашистского тотального шпио-

нажа о главном противнике — Советском Союзе — были построены сумасбродные политика и стратегия Гитлера. Недооценка противника и переоценка своих сил — вот причина провала и «тотальной войны», и «тотального шпионажа».

Реорганизуя в послевоенное время свою разведывательную службу, США многое позаимствовали у гитлеровцев. «Пытаясь объяснить многочисленные успехи Германии, — пишет Хилсман, — американские руководители постепенно стали понимать, что, став на путь широкого использования ученых для работы в разведке, нацисты получили возможность предвидеть (!?) события и оказывать влияние на развитие их». Хилсману следовало бы развить свой вывод ссылкой на то, что Гитлер даже предвидел свое самоубийство в бункере имперской канцелярии.

И вот в новое здание американской разведки, которое возвышается над рекой Потомак как большой серо-белый утес, также текут тонны информации со всех концов мира. Архивы ЦРУ, вероятно, не имеют себе равных на всем земном шаре. Именно необходимость размещения архивов, каждодневно растущих, и была одной из причин постройки грандиозного здания Си-Ай-Эй в вашингтонском пригороде.

Как доверительно поведал на страницах одной газеты хорошо осведомленный американский журналист, в этих архивах сосредоточены самые разнообразные сведения, включая такие архисекретные, как описание внешности болгарского «провинциального чиновника» (шепелявит, на мочке левого уха бородавка), данные о качестве сельскохозяйственных машин, выпускаемых на одном из киевских заводов, и тому подобное.

Каждый месяц в штаб-квартиру ЦРУ поступает не менее 200 тысяч экземпляров печатных изданий. Новая дорожная карта, расписание поездов, номер провинциальной газеты — все это пристально изучается специалистами. Для обработки этой массы материалов ЦРУ располагает солидной технической базой. Огромная специализированная фотолаборатория проявляет и увеличивает во много раз микрофильмы, извлекая нужную шпионскую информацию. Для автоматического перевода русских текстов на английский язык применяются машины, работающие со скоростью до тридцати тысяч слов в час. Свыше сорока миллионов пуншированных карточек, множество копировальных устройств, электронные счетно-решающие машины и многое другое обеспечивают ускорение темпов исследовательской работы.

Американские теоретики разведки внесли различные научные улучшения в систему обработки информации. Для оценки надежности источников сведений и достоверности самих све-

дений разработан условный код, известный под названием буквенно-цифровой системы. Чтобы показать графически все степени достоверности сведений, от совершенно достоверных и до совершенно недостоверных, и дать каждой степени соответствующее определение, Шерман Кент (руководитель одного из важнейших отделов ЦРУ и автор книги «Стратегическая разведка») создал специальную схему.

Обработкой добываемых сведений в ЦРУ занимаются высококвалифицированные специалисты. По словам одного американского журналиста, освещающего деятельность Си-Ай-Эй, такой специалист должен в совершенстве овладеть современными методами статистического анализа, требующими тщательной оценки источников сведений, обладать большими знаниями, здравым суждением и находчивостью при выборе и использовании статистических методов и явной способностью подготавливать статистические доклады, содержащие толкование и анализ подсчитанных статистических данных.

Основное внимание в деятельности американской разведки уделяется предвидению событий, исключению момента «неожиданности» во внешней политике. В связи как с этим вопросом, так и всей исследовательской работой ЦРУ представляют значительный интерес критические суждения видного американского теоретика Уиллмура Кендалла, автора книги «Функции разведки».

В Вашингтоне, пишет Кендалл, на развитие международных событий смотрят не как на исторический процесс, на который вы пытаетесь оказывать какое-то влияние, а как на использованную ленту пишущего аппарата, которую разведчики должны расшифровать для политических руководителей. Кендалл считает, что такой взгляд на разведку не делает различия между абсолютным предвидением, указывающим, что в такой-то день и час произойдет то-то и то-то, и предположением о том, что то или другое развитие событий будет зависеть от определенных факторов, на действие которых можно оказать то или иное влияние. Кендалл отмечает, что такие взгляды являются следствием бюрократического понимания задач разведки.

Известно, что Кендалл не согласен с руководителями американской разведки и такими признанными в США авторитетами в области ее теории, как Петти, Кент и Плэтт, также и по другим коренным вопросам. В отношении методов исследования, практикуемых ЦРУ, Кендалл говорит, что они характеризуются «голым эмпирическим подходом». По его словам, привлекаемые для работы в разведку историки применяют свои собственные методы исследования с присущими им слабыми и сильными сторонами. Это означает, что исследователь»

ская работа в разведке превращается в процесс обработки моря документов, в котором исследователи стараются как-то удержаться на поверхности и не утонуть. Упор в разведке, констатирует Кендалл, делается на предвидение такого рода, когда исследователь, опираясь на то, что нащупано эмпирическим путем, стремится предугадать будущее.

Кендалл утверждает, что метод работы, применяемый ныне разведывательными органами США, не отвечает задачам, стоящим перед ними. Вместо того чтобы ограничивать работу разведки исключительно анализом огромного количества материалов с целью определения эмпирических путей, следовало бы, предлагает Кендалл, кроме того, использовать метод приблизительных предположений и уделять большое внимание теории.

В свете критических высказываний Кендалла поучительным примером служит поражение немецко-фашистского тотального шпионажа. Его нельзя отделить от общей политической системы государства. Сделав свою разведку тотальной, гитлеровцы привили ей все пороки своего разбойничьего мировоззрения. Слабые стороны порочной системы всего ярче проявились при нападении на Советское государство.

Ныне в США с некоторыми коррективами история повторяется. В основе системы американского тотального шпионажа лежит теория и практика реакционной философии прагматизма, отличительной особенностью которой служит отождествление практически полезного с истинным. Прагматизм отрицает объективность истины и утверждает, что ценность научной теории определяется не тем, в какой мере она правильно отражает действительность, а исключительно той пользой или выгодой, которую приносит эта теория в том или ином конкретном случае.

Это реакционное философское течение есть орудие полного произвола, оправдывающее любые действия и поступки, любую фальсификацию, поскольку она выгодна и полезна тем, на кого работает американская разведка.

Настоящее является концентрированным выражением прошедшего, влияет на будущее, как сказал какой-то философ.

Глубоко в стальном и бетонном лабиринте подземелья Пентагона, недалеко от подземного командного поста военно-воздушных сил, где красные телефоны должны дать сигнал о войне, находится комната ВС-958. Случайному посетителю Пентагона, проходящему по коридору, может показаться, что между ВС-958 и любым из тысячи других кабинетов нет никакой разницы. Но за запертой зеленой дверью (изнутри она окрашена в веселый розовый цвет) находится один из важнейших центров «холодной войны».

Это Национальный центр индикаторов, «где круглые сутки и семь дней в неделю группа очень опытных американских разведывательных агентов держит свои чувствительные пальцы на пульсе Советского Союза», — поведал миру американский журнал «Ньюсуик» в начале 1960 года.

Никто из посторонних никогда не проникал в эту тщательно охраняемую комнату. Мало кто в Пентагоне даже знает о существовании ВС-958, и лишь горстке высокопоставленных работников разрешено посещать ее. Но даже они должны дать специальный условный сигнал и показать специальный пропуск.

Те, кто побывал в этой святой святых разведки, видели большие настенные диаграммы, отражающие состояние главных индикаторов «активности советского блока» в текущий момент: выплавку стали и другого металла, добычу нефти, вооружение, передвижение войск, сосредоточение самолетов, радиосвязь, потребление электричества...

Мы уже говорили, что президент Кеннеди важнейшим вопросом в улучшении деятельности американской разведки считал «наиболее совершенное» разрешение проблемы координации. Национальный центр индикаторов, созданный в 1954 году, и является тем органом, который в предельно концентрированном виде показывает президенту и военному руководству страны итоги всей разведывательной деятельности всех служб разведки США.

Этот центр получает информацию через охватывающую весь мир систему связи, а также из других источников, которые должны обеспечить круглосуточное наблюдение за «индикаторами» «угрожающей атаки». Любая необычная советская военная активность, писал в «Нью-Йорк таймс мэгэзин» известный специалист по вопросам разведки Гарри Рэнсом, обнаруженная посредством воздушной разведки, тайными агентами или с помощью других средств, приведет к тому, что в Пентагоне загорятся красные лампочки.

Но в дальнейшем содержании статьи не чувствуется оптимизма Рэнсома, подобного тому, какой проявляют авторы статей в журналах «Лук» и «Ньюсуик». «Такая большая вера в безошибочность нынешних методов разведки, такая уверенность, что американская разведка может знать, что потенциальный противник не припас для США никакого технического сюрприза», кажется ему необоснованной.

В тесном взаимодействии с Национальным центром индикаторов работает и другой особый координационный орган — Оперативный центр управления по координации операций Национального совета безопасности. В руководящую группу этого центра входят представители ЦРУ, министерства обороны

и государственного департамента. В его распоряжении находятся высшие офицеры всех родов войск и ответственные чиновники, которые несут круглосуточное дежурство.

В этот центр поступает наиболее важная разведывательная информация из всех источников. Руководящая группа центра оценивает и сопоставляет эту информацию и в случае возникновения где-либо на земном шаре «чрезвычайной ситуации» немедленно вносит свои рекомендации президенту. Если рекомендации одобрены президентом, осуществление их возлагается на межведомственные группы особого назначения, подчиненные центру.

В этом сверхсекретном оперативном центре ответственные дежурные, к примеру, отмечали булавками на карте полет «небесного» шпиона Пауэрса с того самого момента, как только его самолет «У-2» вылетел с базы в Пешаваре.

В семь часов утра 5 мая 1960 года все члены Национального совета безопасности получили приказ по телефону немедленно явиться на различные, заранее назначенные аэродромы вертолетов для полета в «Кроуз нест» («Воронье гнездо») — особо секретную штаб-квартиру, находящуюся в горах в шестидесяти милях от Вашингтона. Президент Эйзенхауэр вылетел на вертолете из Белого дома в семь часов тридцать минут утра, не ведая еще о выступлении Председателя Совета Министров СССР на сессии Верховного Совета. Отбытие из столицы всего состава Национального совета безопасности было связано с проведением в масштабе всех США учений гражданской обороны под названием операция «Тревога — 1960».

Вскоре в «Кроуз нест» стало известно о речи советского премьера. На экстренном заседании Национального совета безопасности присутствовали шестнадцать ответственных деятелей США. По окончании заседания немногие избранные в числе шести человек во главе с президентом перешли в соседнюю, меньшую комнату. На этом втором совещании было принято решение придерживаться «липового» заявления, причем лгать должен был государственный департамент.

Спустя несколько часов высшие деятели разведки собрались в своей вашингтонской штаб-квартире в «Фогги Боттом» (в «Туманном дне») — в странном здании-полузамке, построенном в викторианском стиле. Разумеется, и здесь на совещании преобладала точка зрения, что Соединенные Штаты ...должны по-прежнему отрицать все, подобно мужу, который пойман в кровати с другой женщиной, но гневно утверждает, будто он всего лишь ждет автобуса, отправляющегося в Ингльвуд...

Сцену эту описали Дэвид Уайз и Томас Росс в своей недавно вышедшей в США книге «История „У-2“». Для чрезвычайных случаев, говорят авторы этого сенсационного повествования, ЦРУ имеет «прикрывающие истории». В разведке прикрывающей историей называют ложь или частичную ложь. Так появилось на свет заявление представителя госдепартамента: «Не было абсолютно никакой — никакой — никакой умышленной попытки нарушать советское воздушное пространство...».

«Знаменитый» теперь самолет «У-2» был готов в 1956 году для полетов над территорией социалистических стран, причем руководители ЦРУ надеялись, что он окажется недостижимым для радарного и зенитного оружия. Это один из специальных высотных самолетов с огромными крыльями, выкрашенными в черный цвет. Американская разведка возлагала большие надежды на батареи «долговязых Томов» — так прозвали в США последнюю новинку в фоторазведке — и другое разведывательное оборудование, которым были снабжены новые самолеты, получившие название «Локхид — У-2».

Покровом величайшей тайны окружили американские агрессоры преступную затею с этими зловещими черными птицами. После тайны, окружавшей создание атомной бомбы, в США, пожалуй, не было ничего более секретного, чем программа шпионских полетов «У-2». Те немногие служащие ЦРУ, которых привлекали для ее осуществления, прошли усиленную проверку «детектором лжи». Количество документов, относящихся к этой операции, было сведено к минимуму. Распоряжения обычно передавались устно и с глаза на глаз. Руководство полетами «У-2» было возложено на первого заместителя шефа ЦРУ генерала Чарльза П. Кэбелла.

Программа полетов «У-2» была на жаргоне разведки таким «темным делом», что о ней даже в руководящих кругах США знала лишь небольшая группа людей. В государственном департаменте, например, в число посвященных входили лишь двое — государственный секретарь и его заместитель. Но, несмотря на все эти меры предосторожности, слухи о таинственном самолете все же просочились...

В 1958 году американский журнал «Авиаайшн уик» опубликовал сенсационное сообщение о том, что военно-воздушные силы США заняты подготовкой какого-то «сверхшпиона», зашифрованного таинственными инициалами «П. П.». Вскоре одна из американских газет раскрыла загадку, скрывающуюся за этим двумя буквами, оповестив, что речь идет о кличке, которую носит новый шпион — «Пайд-Пайпер» («Пестрая лошадь»). В дальнейшем в американской печати промелькнули

известия о неких шпионах по прозвищу «Большой Брат» и «Часовой».

Американские журналисты, падкие на всякие детективные сенсации, долгое время терялись в догадках. Но вот в январе 1960 года корреспондент «Нью-Йорк таймс» поразил читателей своей газеты новой сенсацией: оказывается, разведчик «Пайд-Пайпер» принял новую кличку «Самос» и он вовсе не человек, а... искусственный спутник Земли, предназначенный для фотографирования земной поверхности в целях шпионажа.

Почти одновременно другой хорошо осведомленный американский журналист поведал об осуществлении в предстоящие годы гигантской программы шпионажа в космическом пространстве. После испытаний, которые будут длиться в течение 1963 и первой половины 1964 годов, рассказал он, на протяжении следующих восемнадцати месяцев предполагается запустить 500 спутников-шпионов. Движущиеся по полярным орбитам «небесные шпионы» будут беспрерывно вести наблюдение за всей земной поверхностью.

Один из искусственных спутников («Самос»), снабженный специальной фото- и телевизионной аппаратурой, предназначен для фотографирования объектов и обнаружения радарных и других электронных систем в любой части земного шара; другой («Мидас») — с помощью инфракрасной аппаратуры должен быть способен устанавливать момент запуска и полета ракет.

На авиабазе в Оффате (штат Небраска) расположена специальная войсковая часть 4999 — эскадрилья ВВС США, задача которой состоит в том, чтобы придавать форму донесений разведки фотоснимкам, добытым с помощью «космических шпионов». Это подразделение входит в службу исследований и развития авиации.

На протяжении 1961—1962 годов США запустили в космос не менее десяти «Самосов» и «Мидасов». В конце августа 1962 года лондонский журнал «Топик» сообщил, что на орбите Земли вращаются шесть американских разведчиков-шпионов. Запуск такого типа спутников Земли происходит в обстановке строгой секретности. С год назад была издана директива, согласно которой засекречиваются абсолютно все названия «космических шпионов», их орбита, успешность запуска и т. д.

Но вскоре трескотня вокруг этого нового вида шпионажа, поднятая американской пропагандой, вдруг стихла. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» с горечью признала, что работа над системой секретных спутников-шпионов «Мидас» натолкнулась на технические трудности... А журнал «Авиаэйшн уик» сообщил, что военно-воздушные силы запустили секретно небольшое число экспериментальных спутников «Мидас» и по-

лучили разочаровывающие результаты. Ни один из запущенных спутников не действовал достаточно долго, чтобы доказать годность размещенных на борту приборов обнаружения. В связи с этим провалом напомним, что США для создания «космических шпионов» мобилизовали все научные силы страны.

Стало известно, что «У-2» прибыли на американскую военно-воздушную базу «Аппер Хейфорд» в Англии для ведения разведки над районом Северной Атлантики. В дни кризиса в Карибском море «У-2» совершали свои преступные полеты над территорией свободной Кубы.

В чем же дело, почему «черный шпион» снова бороздит небо над разными районами земного шара? А дело в том, что, по словам военного обозревателя газеты «Нью-Йорк таймс» Хэнсона Болдуина, «У-2» является «наиболее удачным самолетом разведки» из всех, когда-либо построенных для этой цели. На страницах журнала «Сатердей ивнинг пост» Стюарт Олсоп пояснил, что когда он спросил у специалистов, могут ли спутники-шпионы заменить самолеты «У-2», то последовало твердое «нет!».

Потерпев провал с идеей «космических шпионов», американская разведка стала настойчиво требовать возобновления полетов «У-2». Факты свидетельствуют, что президент Кеннеди, видимо, пошел навстречу притязаниям ЦРУ. Иностранная печать сообщала, что в Вашингтоне разработана глобальная программа полетов «черных самолетов» с американских баз как в Европе, так и в Азии. По словам агентства Франс Пресс, эта программа имеет также «тихоокеанскую сторону».

Американская разведка одновременно стремится к созданию более совершенного типа небесного шпиона, абсолютно неуязвимого для радарной обороны противника. В Западной Германии с участием американцев идет проектирование высотного неметаллического самолета-разведчика, который, поднявшись на большую высоту, сбросит двигатели и в качестве планера будет продолжать полет над разведкуемой территорией. Предполагается, что поскольку на нем будут отсутствовать металлические части, то радиолокационные станции не смогут обнаружить и засечь его.

Си-Ай-Эй возлагает большие надежды на то, что полеты «У-2» восполнят пробелы в отношении ее осведомленности о странах социализма. Какова же в действительности ценность добываемых «У-2» шпионских сведений?

Отвечая на этот вопрос, Гарри Рэнсом, один из крупнейших авторитетов в области разведки, пишет: Руководители

разведки первыми должны признать пробелы в информации из-за железного занавеса. Такие пробелы послужили толчком для программы производства самолетов «У-2». Но даже через четыре года полетов над Россией с целью сбора точных разведывательных данных эксперты продолжают спорить о значении собранной информации...

...— Мы чувствуем, что научная сторона сбора разведывательной информации должна быть доведена до такого уровня, когда радары и электронные приборы будут иметь тенденцию занять место разведчицы Мата Хари, действовавшей несколько десятилетий назад, — заявил 15 октября 1959 года Аллен Даллес, бывший шеф ЦРУ.

С середины пятидесятых годов в шифрованную терминологию американской разведки вошло новое обозначение — «Элинт» (служба электронной разведки). В одном из помещений подземного лабиринта Пентагона, по соседству с комнатой «ВС-958», находится оперативно-административный центр новой разновидности разведки. Речь идет о координационной группе электронной разведки (входящей в состав разведывательного штаба ВВС).

Опорными пунктами системы «Элинт» служат радарные установки дальнего действия. Из сообщений иностранной печати известно, что на берегу Черного моря существует тайная база для контроля над советскими космическими испытаниями. Турецкая газета «Ени-гюн» пишет, что эта база-шпион, созданная военно-воздушными силами США, оснащена радиооборудованием и радарными установками, одними из самых мощных в мире.

На территории Турции радарные установки размещены также в Амасре, Эрегли, Аянджике, Шиле и Трабзоне. Нью-йоркский корреспондент французской газеты «Фигаро» Соваж утверждает, что одна из крупных радарных станций находится в турецком городе Ване, который расположен недалеко от границ Ирака и Ирана и на небольшом расстоянии от Советской Армении.

Хорошо осведомленная английская газета «Скотсмен» рассказала недавно еще об одной американской базе для наблюдения за советскими испытаниями ракет и запусками искусственных спутников Земли. Эта база расположена на острове Шемя, который входит в группу Алеутских островов. Остров Шемя, по словам газеты, не только станция слежения, но и база самолетов «У-2». Не исключено, что тайные электронные установки дислоцированы и в других пунктах земного шара.

Система «Элинт» кроме упомянутых задач выполняет еще одну специальную функцию. С помощью самолетов с электрон-

ной аппаратурой, совершающих полеты недалеко от радарных установок Советского Союза и других стран, она добывает сведения о физической природе излучений радарных передатчиков. Эти данные используются для изыскания средств ослабления радарной обороны путем применения, например, «заглушающих» станций, действующих с американских баз, расположенных вблизи советских границ.

Американская военщина просто неистощима в изыскании все новых и новых средств шпионажа. Некоторое время назад агентство Ассошиэйтед Пресс «ошеломило» мир новой сверхсенсацией. Оно сообщило, что американский флот расходует миллион долларов на разработку планов строительства системы подводных постов подслушивания якобы «для борьбы с подводными лодками, оснащенными ракетами».

Контр-адмирал Джаап, руководивший осуществлением этой программы, сообщил в интервью, что план предусматривает строительство чего-то вроде подводной линии дальнего раннего предупреждения. Он рассказал, что посты подслушивания, соединенные кабелем, будут выполнять такую же работу под водой, как в Канаде радарная система раннего предупреждения для авиации, и что несколько постов подслушивания уже созданы на дне океана вблизи восточного побережья.

Для создания полной системы постов подслушивания в Атлантическом океане, продолжал он, потребовались бы сотни миллионов долларов. Пологий склон дна Атлантического океана, по его словам, позволяет создать эту систему. «Мы считаем, что эта система нам выгодна», — заявил он.

Неискушенному обывателю на Западе это мероприятие подается как новая «оборонительная» система против «коммунистической угрозы». В действительности это не что иное, как новая служба подводного шпионажа, нацеленная на военно-морские силы Советского Союза.

Примерно в двадцати пяти милях к северу от Вашингтона, в форте Джордж Г. Миид (штат Мэриленд), расположен комплекс зданий и различных сооружений, не уступающий по размерам Пентагону. Его называют «шпионским оком» Соединенных Штатов. Здесь обосновалось Национальное агентство безопасности (НАБ), которое, по определению Г. Рэнсома, играет одну из главных, если не основную роль среди различных разведывательных организаций США. С его помощью и связанных с ним учреждений Вашингтон проводит разведку связи «во всемирном масштабе».

Только в центральном аппарате НАБ под руководством генерал-лейтенанта авиации Джона А. Сэмфорда работает поч-

ти десять тысяч сотрудников. Ежегодный бюджет НАБ составляет около полумиллиарда долларов, из которых 380 миллионов долларов расходуется на содержание периферийного аппарата, а также на доставку перехваченных материалов.

Комплекс станций радиоразведки охватывает весь земной шар. Свыше двух тысяч постов подслушивания, укомплектованных восемью тысячами военных операторов по радиоперехвату, ни на минуту не прекращают своей работы. Кроме того, немало операторов занято перехватом сообщений, передаваемых по проволочным видам связи, телетайпу, телеграфу, подслушиванием телефонных разговоров, ведущихся по международным линиям. Отдельные посты радиоразведки установлены на судах и самолетах, но основная масса находится на американских базах за границей.

Радиоперехват как зашифрованных сообщений, так и посылаемых открытым текстом проводится почти во всех странах мира, и даже в тех, на территории которых расположены эти базы. Известно, что США успешно читают секретную переписку более 40 стран, включая союзников.

Вдоль границ СССР и других социалистических стран дислоцирована разветвленная сеть стационарных и подвижных станций радиоразведки, оснащенных новейшей электронной аппаратурой. Это — мощные посты радиоподслушивания, фиксирующие самые различные коротковолновые передачи, в том числе разговоры по радиотелефону, а также переговоры, ведущиеся на короткой дистанции между различными учреждениями.

Обработку перехватываемых материалов НАБ производит с помощью множества электронных счетно-вычислительных машин и специальной аппаратуры. Успехов в дешифровании кодовых и шифровальных систем США достигли и потому, что они поставляют многим странам шифровальные машины, конструкция и роторы которых им известны. Бывает, что успех этот достигается и с помощью вербовки шифровальщиков, которые становятся на путь предательства.

Невидимые нити ведут от этой охватывающей всю нашу планету системы радиоэлектронного шпионажа в уже названный нами орган «предупреждения от внезапного нападения» — Национальный центр индикаторов. Отсюда протянута специально изолированная линия связи прямо в Белый дом, центр также моментально устанавливает контакт с находящимся в президентской резиденции радиопередатчиком экстренной связи. В какой бы части света ни находился президент и его ближайшие советники, у них всегда под руками аппарат радиотелефона, по которому они тотчас получают любую информацию и в свою очередь дают необходимые указания.

«Никогда в прошлом наука не делала столь гигантских скачков, — писал в 1961 году американский генерал Гейвин в журнале «Милитэр ревью», — как в настоящее время. И никогда научные открытия не давали одной стороне столько опасных преимуществ перед другой стороной, как сейчас. Гигантский научный скачок Советов в разработке ракетного оружия и освоении космоса фактически свел на нет всю систему нашей обороны, заставил нас пересматривать всю нашу доктрину. В недалеком будущем Советы могут сделать еще более ошеломляющие научные открытия, которые вызовут смертельный кризис нашей военной мощи. Вот почему американцы должны больше уделять внимания военно-научным исследованиям и постоянно быть в курсе всего, что делает в этом направлении наш противник. Наука стала сейчас самостоятельным фронтом разведывательной деятельности. Она стала ее главным фронтом».

Действительно, бурное развитие науки и техники с каждым днем открывает все новые и новые перспективы для усовершенствования средств обороны и нападения. Империалистические разведки любой ценой, любыми средствами стремятся добыть сведения о выдающихся достижениях Советского Союза в области науки и военной техники.

...Сам о себе на допросе он показал: «Я являлся носителем многих недостатков — был завистлив, себялюбив, тщеславен, имел карьеристские тенденции, любил ухаживать за женщинами, имел женщин, с которыми сожительствовал, ходил по ресторанам, словом, любил легкую жизнь. Все эти пороки подточили меня: и я сорвался... стал негодным человеком и предателем».

Карманы О. В. Пеньковского, работавшего в Государственном Комитете по координации научно-исследовательских работ в качестве заместителя начальника иностранного отдела одного из его управлений, всегда были набиты зарубежными сувенирами. И эти брелочки, зажигалки и прочую дребедень он щедро раздаривал знакомым. Вещички подороже — туфельки, часики, кофточки с иностранными ярлыками — он подносил тем женщинам, с которыми коротал время наедине или в ресторанах в компании с приятелями.

Здесь Пеньковский предстал перед окружающими в полном свете, рисуясь гурманом и большим знатоком изысканной заграничной пищи, он всегда стремился, по меткому выражению одного из собутыльников, к скорейшему созданию за ужином «черемушьеѣ обстановки». Приходя домой после очередного кутежа, Пеньковский ...жаловался жене на тяготы

жизни, связанные с выполнением ответственных служебных заданий.

По своему должностному положению Пеньковский не мог не интересоваться иностранные разведки, агенты которых долго к нему присматривались, взвешивали и оценивали возможность его привлечения к шпионской деятельности. И вот однажды в одном из кабинетов «Интеллидженс сервис» был подведен итог по изучению личности Пеньковского:

- а) исключительный эгоист, болезненно самолюбив;
- б) с высокомерием и пренебрежительно относится к тем, кто не может быть ему полезен, и в то же время стремится вращаться вокруг и около людей, занимающих видное служебное положение, угождать им и лебезить перед ними;
- в) легко вступает в связь со случайными женщинами, театрален в обращении с ними, вообще позер;
- г) завсегдатай большинства московских ресторанов, пьющая;
- д) круг духовных интересов весьма ограничен, не интересуется ни театром, ни книгами, ни музыкой.

Общий вывод гласил: «почти созрел», «остается подобрать», наиболее вероятно, что «на крючок клюнет сразу».

Такие люди — неоценимая находка для капиталистических разведок.

Среди их агентуры есть категории секретных агентов, именуемых «наводчиками» и «вербовщиками». Первые выискивают подходящих кандидатов на предательство и всесторонне изучают их, вторые осуществляют акт вербовки в ряды шпионов. В отношении Пеньковского ту и другую функцию выполнил английский коммерсант, директор двух компаний, бывший одновременно консультантом ряда английских фирм, Гревилл Винн.

В апреле 1961 года во время пребывания Винна в Москве у него произошло несколько неофициальных встреч с Пеньковским, на которых между ними было достигнуто «полное взаимопонимание». Перед отъездом Винна в Лондон Пеньковский вручил ему свою первую изменническую «докладную» будущим хозяевам. В этом послании он подробно рассказал о своих возможностях на поприще шпионажа.

Спустя несколько недель Пеньковский выехал в служебную командировку в Лондон, где 20 апреля у него состоялась беседа с представителями английской и американской разведок. 3 мая Пеньковскому была присвоена кличка «Янг» и он был зачислен в списки самой секретной агентуры. Тогда же в заведенное на него досье было подшито написанное им обращение о предоставлении ему в случае необходимости английского подданства или гражданства США. В тот же день

Пеньковскому вручили различное шпионское снаряжение, которое рекомендовали хранить в специальном тайнике у себя дома.

В силу своего положения представителя деловых кругов, могущего сравнительно часто встречаться с Пеньковским как сотрудником советского учреждения, Винн оказался весьма подходящей фигурой и для выполнения третьей функции — «связника».

Хозяева поставили перед Пеньковским обширный круг вопросов, по которым он должен был представлять шпионскую информацию, причем особый упор был сделан на сведения военного характера.

Вместе с иностранными разведчиками Пеньковский подробно разработал строго продуманную систему конспирации явок, обстановки передачи шпионской информации и получения им инструкций и предметов агентурной техники. По возвращении в Москву мероприятия по конспирации получили дальнейшее уточнение. Здесь ему указали подобранный американской разведкой тайник номер один в подъезде дома 5/6 по Пушкинской улице и объяснили правила пользования им. Затем «Янгу» сообщили специальный пароль для резервной связи с использованием телефона. Предусматривалось также, что впоследствии Пеньковский пройдет курс обучения работе на специальных шпионских радиопередатчиках. Не довольствуясь тем, что ему указали разведчики в Лондоне, «Янг» сам занялся поисками подходящих мест для «почтовых ящиков». Одним из таких запасных тайников, предложенных им, был подъезд в доме на углу улицы Неждановой и тупика напротив церкви. Другим — корни или дупла деревьев у могилы Сергея Есенина на Ваганьковском кладбище. Но предатель думал и о своем будущем, не ведая, что оно уже предопределено самой судьбой. В один из своих приездов в Лондон, в июле 1961 года, Пеньковский «по-деловому» уточнил ожидающие его перспективы. Он получил заверение, что после окончания «работы» в СССР ему будет предоставлена по его выбору ответственная должность в военном ведомстве Англии или США с окладом в две тысячи долларов, а также выплачено единовременное вознаграждение за прошлую шпионскую работу из расчета тысяча долларов за каждый месяц.

Вот те «тридцать иудиных сребренников», которые с тех пор неотступно манили «Янга». На радостях предатель примерил сшитые для него полковничьи мундиры американской и английской служб и сфотографировался в них.

Полтора года «Янг» был отменным слугой империалистов. Он весь горел желанием выслужиться, всячески стремился показать, каким ценным агентом является для них. Пакеты

фотопленок с заснятыми секретными научно-техническими материалами десятками передавались им Винну и другим представителям разведок Англии и США — различным атташе и секретарям посольств этих стран.

Шпионская активность Пеньковского все нарастала. Ему казалось, что уже недалеко время, когда в его руках зашеледят доллары и фунты стерлингов. Он из кожи вон лезет, чтобы подчеркнуть свое усердие и преданность. Одно из последних донесений от 5 сентября своим хозяевам он начинает словами: «Мои дорогие друзья...» и заканчивает: «Крепко жму ваши руки... Я всегда чувствую вас рядом с собой. Ваш друг».

И вдруг Пеньковский почувствовал, что вокруг него что-то неладно. «Я был блокирован», — так впоследствии он определил тогдашнее свое положение. Так оно и было. На руках у него собранная шпионская информация, он мечется с нею, специально посещает дипломатические приемы, а передать пакеты никак не может.

Английская пословица гласит: «После обеда приходится платить». Так и для «Янга» наступил момент расплаты за свое предательство.

...В один из октябрьских дней 1962 года в квартире дома по Кутузовскому проспекту, где проживал помощник военновоздушного атташе США Алексис Дэвисон, раздался телефонный звонок. Хозяин квартиры ответил, как предусматривала конспиративная договоренность. Затем Дэвисон появился у условленного столба на Кутузовском проспекте. Прошло еще шесть часов, и в подъезд дома по Пушкинской улице зашел мужчина и взял из тайника донесение уже арестованного в то время Пеньковского. Мужчина оказался сотрудником американского посольства Ричардом К. Джекобом.

Пеньковского арестовали 22 октября, а Винна — 4 ноября 1962 года. И вот они оба на скамье подсудимых. Из заполненного до отказа зала на них устремлены сотни глаз.

— Именем Союза Советских Социалистических Республик, — начинает читать приговор председательствующий.

У десятков журналистов в руках блокноты и вечные ручки. В одном из блокнотов строчка за строчкой бегут записи:

— Холодными глазами, которые при свете юпитеров стали еще меньше, он тупо уставился прямо перед собой. Судорожно сглотнул, покачнулся слегка, потом глухо откашлялся, вытер платком пересохшие губы...

На глазах у всех меняется и облик иностранца. Строка за строкой говорят и об этом... Вначале это был респектабельный джентльмен, преуспевающий делец. Он стоял, заложив руки за спину, слегка покачиваясь, изредка приподнимаясь на носках, дабы прибавить себе рост. Потом в движениях его

возникает некая скованность, он тяжело упирается в барьер обеими руками и ростом становится меньше, и вот уже взмок, растрепался его лощеный пробор, отвисла толстая губа...

Во все века и у всех народов предательство считалось самым гнусным преступлением. Но изменить Советской Родине — это значит проклясть самого себя, изменить самой жизни, изменить человечеству.

Империалисты мечтают о ракетно-ядерном нападении на Советский Союз и другие социалистические страны. И они совершили бы его, но знают, что тотчас сгорят в пламени ответного удара. Словно в горячечном бреду, они мечутся в поисках выхода из этого тупика неразрешимых для них противоречий и находят его, как им кажется, в не менее безнадёжной аванюре — усилении тайной войны против социализма.

УБИЙСТВО В ДАЛЛАСЕ

В Техасе была теплая солнечная погода. Президент Кеннеди прибыл в этот южный штат, намереваясь совершить трехдневную поездку по нему в плане кампании подготовки к президентским выборам в 1964 году. Около полудня 22 ноября бело-голубой президентский лайнер № 26000, вылетевший из тexasского города Форт-Уорт, приземлился на аэродроме Далласа, в десяти милях от города. Вот автомобильный кортеж проезжает по улицам Далласа, направляясь к зданию торгового центра, где должен был состояться завтрак президента с местными властями и представителями делового мира. На улицы высыпало около четверти миллиона жителей. Одни улыбаются, другие хмурятся.

Во главе кортежа в президентской машине марки «Линкольн» с открытым верхом сидят Кеннеди, губернатор Техаса Коннэлли и их жены. Рядом с шофером личный охранник президента и два агента секретной службы стоят на специальных подножках автомобиля. Затем следовала открытая машина с агентами охраны. Третьим в кортеже был лимузин, в котором находился вице-президент Джонсон с супругой.

На одном из поворотов машина президента замедлила движение. Жена губернатора Коннэлли, показывая на толпу приветствующих Кеннеди, обратилась к нему со словами: «Вы не можете сказать сегодня, господин президент, что Даллас встречает вас холодно. Не правда ли?». Соглашаясь с ней, Жаклин Кеннеди говорит: «Да, кажется, нас ждет здесь дружеский прием». Может быть, это были последние слова, которые услышал президент в своей жизни. Кеннеди не успел ответить.

В этот момент прозвучал первый выстрел и пуля попала президенту в шею. Он резко поворачивается к своей жене, сидевшей от него слева. «О, нет-нет!» — в ужасе закричала Жаклин Кеннеди, обхватывая руками голову мужа. Раздается второй выстрел — президент ранен в правую верхнюю сторону затылка. Его голова падает на грудь, затем запрокидывается назад, и он сползает на сиденье. Губернатор Техаса Джон

Коннэлли, сидевший впереди президента, обернулся, чтобы посмотреть, что случилось. В то же мгновение третья пуля ранила Коннэлли в плечо и он падает на сиденье.

После некоторого замешательства шофер на огромной скорости повел автомобиль к ближайшему госпиталю. С момента, когда в Кеннеди попала первая пуля, и до того момента, когда машина скрылась в тоннеле, прошло пять секунд. Один бизнесмен, владелец текстильного предприятия в Далласе, снял на цветную восьмимиллиметровую пленку несколько кадров, которые отчётливо показывают, как было совершено это чудовищное преступление. В эти считанные секунды свидетельствами его стали и миллионы зрителей, смотревших на экраны телевизоров во всех частях света...

Через десять минут Кеннеди лежал на операционном столе в «Парклэнд-госпитал». Но ни десяток врачей, ни переливание крови и кислородные подушки уже не могли помочь президенту. Пули поразили мозг и легкие. Через полчаса, так и не придя в сознание, он скончался.

Спустя два часа в кабине самолета перед плачущим федеральным судьей Линдон Джонсон присягнул в качестве президента Соединенных Штатов. Убитая горем Жаклин Кеннеди в одежде, закапанной кровью мужа, стояла слева от Джонсона. Прошло еще немного времени, и президентский лайнер доставил бронзовый гроб с телом покойного на военно-воздушную базу Эндрюс вблизи Вашингтона.

Столица, окутанная серой пеленой осеннего дождя, казалось, оплакивала страшную трагедию в Далласе. Задрапированный национальным звездно-полосатым флагом, гроб покойного президента стоял вначале на возвышении в центре Восточной комнаты в Белом доме. Рядом застыл почетный караул. Затем в последний раз в торжественно-траурном молчании под печально-размеренную дробь барабанов президент Кеннеди совершил привычный путь из Белого дома в конгресс. Вдоль широкой Пенсильвания-авеню в скорбном молчании стоят десятки тысяч вашингтонцев. За колесницей с гробом офицер ведет коня, который по военной традиции положен главнокомандующему-президенту. В здании конгресса гроб устанавливают в Ротонде по соседству с бронзовым Линкольном. В прошлом веке на этом самом месте стоял и его гроб. Всю ночь не угасали огни в Капитолии. Всю ночь проходил мимо гроба покойного президента поток опечаленных и встревоженных людей.

Наступил понедельник 25 ноября — день похорон и национального траура. Светило ясное холодное солнце. В десять часов тридцать минут утра в Капитолий приехали Жаклин Кеннеди и братья президента Роберт и Эдвард Кеннеди. Не-

сколько минут спустя представители всех родов войск снимают гроб с постамента в Ротонде и под звуки религиозного гимна выносят его из Капитолия. Гроб устанавливается на простом свежевыкрашенном черном орудийном лафете, запряженном шестеркой серых лошадей. Медленно катится длинная вереница черных машин.

Траурный кортеж подъезжает к северному портику Белого дома. Здесь вдова президента, его братья и ближайшие родственники выходят из автомашин и становятся первыми за гробом. За ними становятся президент США Джонсон с супругой, официальные представители иностранных государств, прибывшие на похороны, и в их числе А. И. Микоян.

Затем после траурного богослужения в кафедральном соборе св. Матфея похоронный кортеж направился на Арлингтонское национальное кладбище. Торжественно-медленная поступь воинских подразделений. И в тишине особенно четко слышится цокот шестерки коней, везущих гроб. На кладбище гроб с телом покойного снимают с орудийного лафета. Оркестр исполняет национальный гимн США. В этот момент над кладбищем проносятся 50 реактивных самолетов, а также личный лайнер президента Кеннеди. В 15 часов 34 минуты прах президента был предан земле. Раздается 21 залп артиллерийского салюта. Жаклин Кеннеди зажигает вечный огонь над могилой.

В полутемном кинозале «Тексас-театр», где шел фильм «Крик битвы», вдруг вспыхнул свет, и вошедшие полицейские сразу кинулись к человеку, сидевшему в центре третьего ряда. Раздался выстрел—и один из полицейских упал, убитый наповал. Другой полицейский бросился на неизвестного, и между ними завязалась борьба на креслах. Свидетели утверждают, что неизвестный кричал: «Теперь со всеми покончено». Человек, заподозренный в убийстве президента, оказался 24-летним Ли Харви Освальдом, бывшим солдатом морской пехоты. У него отобрали пистолет и привезли в полицейский участок. Капитан Уилл Фритц вскоре вышел из комнаты допросов и заявил, что Освальд якобы назвал себя «приверженцем премьера Кубы». Такое сообщение было опубликовано 22 ноября в раннем выпуске газеты «Нью-Йорк таймс».

Несколько позже та же газета, другие американские газеты и информационные агентства выступили с новыми, отличными от первоначальной, версиями, как был арестован Освальд. В каждой из них описываемые события разворачиваются в стиле типично американского детектива, а вообще сбивчивые, путанные. Печать сообщала, что при обыске здания, от-

куда стреляли в президента, на лестничной площадке пятого этажа была найдена винтовка итальянского производства с гильзой, оставшейся в стволе. Подчеркивалось, что при обыске у Освальда обнаружили фотографию, где он снят с этой винтовкой в руках. Сообщалось также, что в его комнате найдена политическая литература. Судя по названиям книг и газет, многие из них являются изданиями американских троцкистов.

В одной из нью-йоркских газет, а также по радио promелькнуло сообщение, что агенты Федерального бюро расследований давно знали Освальда и часто встречались с ним задолго до приезда в Даллас президента Кеннеди.

Полиция Далласа с подозрительной готовностью поспешила сообщить, что Освальд имеет отношение к Коммунистической партии, хотя в заявлении компартии США это категорически опровергалось. Освальда также объявили членом организации «За разумную политику в отношении Кубы», но руководители этой организации об Освальде никогда и ничего не слышали. Это как раз именно то, что нужно ультраправым. «Ясно, что убийство было совершено коммунистическим фанатиком, — нагнетая истерию, вопили газеты Херста. — Совершая это, он служил делу коммунизма».

Уже 23 ноября начальник полиции Далласа безапелляционно заявил, что Освальд — убийца президента. А между тем обвиняемый после десятичасового допроса неизменно отрицал свою вину. Однако, несмотря на решительный отказ арестованного признаться, начальник полиции и окружной прокурор объявили Освальда виновным.

После этого полиция решила в целях «безопасности» перевести Освальда из полицейского участка в окружную тюрьму. Об этом заранее объявили публично (!!!). Еще накануне было сообщено, что утром 24 ноября между десятью и одиннадцатью часами будет совершена эта «операция» и ее покажут по телевидению. По телевидению показали план коридоров тюрьмы, по которым проведут Освальда до бронированной машины.

Полиция допустила вопиющее нарушение возложенной на нее ответственности, как позже признала в редакционной статье «Нью-Йорк таймс», переводя Освальда из одной тюрьмы в другую на глазах у публики при обстоятельствах, в которых он легко смог стать жертвой нападения. Полиция позаботилась даже о том, чтобы «Парклэнд-госпитал» прислал «на всякий случай» машину «скорой помощи» и чтобы медперсонал был наготове на случай возможного покушения на Освальда. Все эти приготовления многим показались необычными и странными.

Рано утром три телевизионные компании установили в коридорах и подвальном помещении полицейского участка свою телевизионную аппаратуру. Перед тем как вывести Освальда из камеры, полицейские с фонарями обыскали весь подвал участка; вооруженные, они шеренгами выстроились в коридорах. Полицейские наряды были выставлены на всех ближайших к участку улицах. У всех журналистов и других лиц, получивших разрешение находиться при этой «операции» в подвальном помещении участка, полицейские придирчиво проверяли документы.

Миллионы зрителей прильнули к экранам своих телевизоров. Около 50 журналистов и сыщиков ожидало в подвале участка, когда выведут Освальда. Вот он появился в наручниках. Его ведут двое агентов в штатском, за ними следуют вооруженные полицейские. С выдвинутыми вперед челюстями и пристальными, пронизывающими глазами, Освальд твердит журналистам: «Я не убивал президента Кеннеди. И никого не убивал. Я не знаю, что все это значит». Американцы, не отрывавшие в эти трагические часы глаз от телевизоров, увидели, как вдруг Освальд в ужасе отпрянул, кого-то заметив в толпе. Некто в темном костюме и серой шляпе, вынырнув из группы репортеров и полицейских, бросился к Освальду. Агенты даже не взглянули на неизвестного, а тот, подойдя вплотную к Освальду, стал на одно колено и, прижав гангстерский «Смит-Вессон» к его животу, выстрелил. С криком «А-а-а!» Освальд рухнул.

Это было сделано с таким спокойным расчетом, что фоторепортеры успели сделать несколько снимков, которые были опубликованы. Вот снимок, где Освальд, объятый предчувствием смерти, смотрит на приближающегося к нему человека. На другом снимке видно, как этот человек наставил на Освальда револьвер, а полицейские смотрят в другую сторону...

Освальда тотчас отправили в «Парклэнд-госпитал», и здесь он умер в помещении неотложной помощи, в трех метрах от места, где истекали последние мгновения жизни президента.

«Итак, господа, дело закрыто», — этими словами завершил пресс-конференцию в Далласе уже названный полицейский капитан Фритц. Освальд умер, не признав за собой никакой вины. «Суд, который показал бы виновность или непричастность Освальда к убийству, теперь никогда не состоится», — констатировала газета «Нью-Йорк таймс». Смерть Ли Харви Освальда накинута на убийство президента Кеннеди завесу таинственности и серьезных подозрений.

Эти подозрения еще усугубились после опубликования

бостонской газетой «Крисчен сайенс монитор» интервью, взятого бывшей американской корреспонденткой в Москве П. Джонсон у Освальда. Она встретила с Освальдом в Москве в 1959 году, куда он прибыл в качестве туриста подобно тысячам других американцев. До этого Освальд был солдатом морской пехоты США на Тайване, а после досрочного увольнения с военной службы начал разъезжать по странам Европы.

Будучи в Москве, Освальд обратился с ходатайством о предоставлении ему советского гражданства, но его просьба была отклонена, поскольку для этого не было достаточных оснований. После настойчивых обращений Освальда ему было разрешено лишь временное проживание в Советском Союзе на правах иностранного гражданина. Те, кто интервьюировал П. Джонсон, судя по задававшимся ей вопросам, явно хотели, чтобы она представила Освальда в качестве «опасного марксиста» и «прокастровца». Но Джонсон ответила: «Я видела, что Освальд ничего не знает о марксизме». «Ни разу во время этой беседы Освальд не упомянул ни Кубу, ни Кастро».

Некоторое время Освальд жил и работал в Минске, где вступил в брак с советской гражданкой. Находясь в СССР, он поддерживал контакт с посольством США, а в 1962 году решил возвратиться в Соединенные Штаты. Получив разрешение от посольства и деньги на дорогу, Освальд выехал из СССР с женой и ребенком в июне 1962 года.

Из сообщений иностранной печати стало также известно, что Освальд относился с явной антипатией к Советской стране и, возвратившись в США, выступал с клеветническими заявлениями против советского строя.

О том, что Освальд интересовался не столько коммунизмом, сколько антикоммунизмом, рассказала и стенографистка Полин Бейтс. В интервью, данном газете «Пресс», она сообщила, что Освальд писал резкую антисоветскую книгу, которая касалась его пребывания в Советском Союзе. Она перепечатала написанные им от руки части его книги. Кроме того, добавила стенографистка, Освальд дал понять, что работал в качестве тайного американского агента. Он рассказал ей, что, когда в государственном департаменте ему выдавали заграничный паспорт, ему дали понять, что никоим образом не смогут вступить за него.

В связи со сказанным возникает еще вопрос: кто снабжал Освальда деньгами? Большую часть времени он был без работы, и тем не менее у него вдруг нашлись деньги на поездку в Мексику летом 1963 года.

Убийцей Освальда оказался 52-летний Джек Рубинштейн,

содержатель ночного кабака «Кэраузе», известный под кличкой «Руби-щеголь». Он хорошо знаком полиции Далласа, которая арестовывала его шесть раз. Однако он ни разу не попадал на скамью подсудимых. Так и сейчас шесть адвокатов заявили, что они готовы внести за Руби любой денежный залог, необходимый для того, чтобы освободить его до судебного разбирательства. Его главный защитник выдвинул уже теорию, что Руби действовал будто бы в состоянии временного помешательства,—причина, достаточная для того, чтобы приговорить убийцу к самому минимальному наказанию.

Когда провал попыток выдать Освальда за «коммунистического агента» стал очевиден, когда появилась опасность, что могут всплыть факты, разоблачающие истинных виновников убийства главы государства, «бешеные» решили уничтожить Освальда, свалив всю вину на него одного.

«Через два часа Освальд будет убит. Примите наши лучшие пожелания!» — и неизвестный, звонивший в отделение ФБР в Далласе, положил трубку. Агент ФБР Гордон Шэнклин тотчас сообщил об этом звонке в управление ФБР в Вашингтон. Ему предложили передать эти сведения полиции Далласа. Сотрудники шерифа, которому позвонил Шэнклин, заверили его, что будут приняты все меры предосторожности.

За этой сенсацией последовала новая: мать Ли Освальда заявила, что за семнадцать часов до того, как ее сын был застрелен, агенты ФБР показывали ей фото Джека Руби и просили опознать его. Этот факт свидетельствует не только о том, что ФБР было информировано о готовящейся расправе, но и о том, кто собирается ее совершить. И, однако, убийство Освальда на глазах миллионов телезрителей не было предотвращено.

Мать Освальда сообщила этот важный факт с запозданием потому, что ее вместе с женой Освальда и его двумя малолетними дочерьми держали в неизвестном месте агенты секретной службы якобы под предлогом защиты их жизни...

В день приезда в Техас президента Кеннеди местная газета «Даллас морнинг ньюс» обвела одну из своих страниц жирной траурной каймой. На этой траурной странице было помещено обращение к гостю из Вашингтона: «Добро пожаловать, мистер Кеннеди, в Даллас, в город, который отверг вашу философию и политику в 1960 году и который отвергнет их снова еще более выразительным образом, чем раньше».

Вездесущая американская охранка оказалась «не в состоянии» найти некоего Бернарда Вейсмана и «Американский комитет проверки фактов», от имени которого было опубликовано это «Обращение к Кеннеди», за которое газета получила

1250 долларов. Ни в адресной книге жителей, ни в списке учреждений города, ни в телефонной книге Вейсман и его комитет не значатся. Автор этого гнусного «манифеста» бесследно исчез. Характерно то, что ФБР удостоверило этот факт лишь после того, как два члена конгресса США потребовали, чтобы ФБР занялось расследованием «Американского комитета проверки фактов». Самостоятельной инициативы в данном вопросе ФБР не проявило.

Уже на третьи сутки после трагедии, потрясшей не только США, но и весь мир, западная печать писала, что расследование убийства Кеннеди подменено замечанием следов. На страницах иностранной печати прозвучали вопросы, так и оставшиеся без ответа со стороны американской юстиции и службы госбезопасности. Вот они: Действительно ли убийцей главы США был Освальд? Если это был все-таки он, то мог ли он действовать в одиночку, без сообщников? Каким образом Освальд, если он был в единственном числе, смог сделать три выстрела, в то время как для каждого из них ему требовалось самое малое десять секунд? Были ли приняты все необходимые меры или максимум мер, чтобы обеспечить безопасность президента?

Известно, как тщательно и успешно охраняют американские полицейские гангстера Валачи от покушений со стороны его конкурентов. После убийства Кеннеди в Вашингтоне распространились слухи, что служба безопасности Белого дома якобы пыталась уговорить президента не ездить в Техас, поскольку считала обстановку там исключительно напряженной. Тем более, если Кеннеди пренебрег сделанным ему предостережением, служба безопасности обязана была особенно добросовестно отнестись к возложенным на нее обязанностям.

«Дальнобойная винтовка с телескопическим прицелом — вот все, что понадобится такому человеку, если он будет действовать серьезно», — писал два года назад Ю. И. Бомен, бывший начальник охраны Белого дома, в своей книге «Шеф секретной службы». Эти слова оказались пророческими. Из этой книги (пространные выдержки из нее печатались в журнале «Лайф», выходящем многомиллионным тиражом, под сенсационным названием «Президенты в опасности») мы узнаем, что вскоре после избрания Кеннеди президентом только случайность спасла его от смерти. 11 декабря 1960 года возле дома отца Джона Кеннеди, что во Флориде на Палм Бич, остановился автомобиль, принадлежащий некоему Ричарду Пэвлику. Его машина была нагружена динамитом. Пэвлик намеревался спровоцировать катастрофу, в результате которой должны были погибнуть президент и сопровождающие его лица.

Долго ждал Пэвлик. Наконец, президент вышел из дома, с ним были жена и дети. В последний момент этот будто бы «психически больной человек» решил изменить план действий и совершить террористический акт «в церкви или каком-нибудь другом месте».

Информацию о подготовке покушения на президента секретная служба получила 9 декабря. Начались интенсивные поиски преступника, его разыскивали повсюду, но только не там, где он по всей вероятности должен был быть... неподалеку от президента. В течение недели (то есть до 15 декабря, когда его арестовали) Пэвлик несколько раз сфотографировал дом Кеннеди и церковь, которую посещали члены семьи, и один раз был там одновременно с президентом. Преступник действовал под носом у службы безопасности, а она искала его где-то на территории Соединенных Штатов...

После трагедии в Далласе появились сообщения, явно инспирированные руководством тайной полиции, о том, какие «весьма широкие и тщательно продуманные меры предосторожности» были приняты секретной службой для обеспечения безопасности президента Кеннеди. Был получен список «известных возмутителей спокойствия в Далласе», и все сотрудники Аукционного зала (где намечалось выступление президента) прошли проверку, равно как и участники торжественной встречи Кеннеди. Были «изучены» пять тысяч чайных роз, доставленных самолетом к завтраку в честь президента, а также решено во избежание отравления блюда, подаваемые главе государства, выбирать наугад из всех 2500 порций, приготовленных к завтраку. Маршрут, по которому следовал кортеж, «тщательно проверили», и были отмечены все пункты, где возможны скопления людей или заторы транспорта (но говорят, что в самый последний момент маршрут следования машины Кеннеди был несколько изменен и в него попала та улица, где убили президента; эта важнейшая деталь почему-то выпала из поля зрения следственных органов). Охрану президента в Далласе обеспечивали 350 полицейских в форме и личные телохранители президента.

И при всем этом — среди бела дня раздался выстрел не из бесшумного пистолета, а из винтовки, которую не пронесешь в кармане. Преступник располагал возможностью спокойно позавтракать и здесь же неторопливо занять снайперскую позицию.

О том, как осуществляется охрана президента, американская печать не раз рассказывала на страницах газет и журналов, останавливаясь на мельчайших деталях этой тщательно отработанной службы. Осенью 1962 года журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин» опубликовал на эту тему статью под названи-

ем «Сорок сторожевых псов президента». В ней обстоятельно описывалось, как агенты в штатском, вооруженные до зубов, со счетчиками Гейгера и приборами для обнаружения скрытых микрофонов, обшаривают и вынюхивают помещения, где обедает и спит президент. От их глаза ничто не ускользает: от того, достаточно ли надежны крепления люстры над обеденным столом, и до установки личности неизвестного, который хмуро глядел на окна Белого дома.

Видели, как это делается, и сами американцы. Каждый выезд президента хоть на самое небольшое расстояние от его резиденции представлял собой, с точки зрения охраны, весьма сложную операцию. Президентский кортеж открывает звено несущихся на большой скорости полицейских мотоциклов. За ними следует полицейская машина с красным светосигналом на кузове. Затем личный автомобиль президента и вслед за ним две машины с агентами охраны, некоторые из них с биноклями, обшаривающими по обе стороны улиц верхние этажи и крыши зданий (телескопическое обозрение маршрута проводится и иным способом). Другие агенты заблаговременно опечатывают крышки уличных люков, двери в чердачные помещения, часами выстаивают в подъездах и подворотнях. Сотни детективов и полицейских привлекаются для несения охраны на всем пути следования президента. Для этой цели используются также самолеты и вертолеты со специальным оборудованием.

Далеко не в подобном виде осуществлялась охрана Кеннеди во время его пребывания в таком для него небезопасном месте, как штат Техас, по сравнению с тем, когда он выезжал из Вашингтона на «уик энд». Выяснилось, что накануне убийства Кеннеди его личные телохранители пьянствовали в клубе печати в Форт-Уэрте почти до трех часов ночи. Спрашивается, а где же было лицо (или лица), которому вменено в обязанность выполнять в данном случае функции контроля?

Стоит любому американцу позвонить по телефону «Нэйшнл 7117» (это номер, по которому Федеральное бюро расследований вызывается при чрезвычайных обстоятельствах), как в любой конец страны, в случае надобности, на специальных самолетах в течение считанных минут вылетают оперативные бригады ФБР. Однако лишь вечером 25 ноября в Вашингтоне объявили, что на помощь скомпрометировавшей себя местной полиции Далласа брошены, наконец, сотрудники ФБР, до того не принимавшие участия в расследовании.

Несомненно одно, что секретная служба не использовала всех своих возможностей как для обеспечения безопасности

президента, так и для быстреего и исчерпывающего расследования.

Все тайное со временем становится явным. Настанет момент, когда покров тайны будет сорван и с чудовищного злодеяния в Далласе.

Организуя террористический акт в Далласе, реакция преследовала далекоидущие цели. Те, кто стоит за спиной убийц, рассчитывают устрасить людей, которые встали у кормила власти после смерти Кеннеди, и, запугав их, надеются заставить направить внешнеполитический курс Соединенных Штатов в сторону усиления «холодной войны», обострения отношений с Советским Союзом и подготовки нападения на Кубу, а также отказа от всех реформ внутри страны, и прежде всего ставящих задачей разрешение расовой проблемы.

„ПОСЛЕДНЕЕ УБЕЖИЩЕ НЕГОДЯЕВ“

...«Белые граждане» будут вывезены «в Африку в рабство». «Дикие толпы» негров разграбят города и сбросят атомные бомбы на всех тех, кто выступает против победившей на выборах «Антифашистской народной демократии»...

Сидевший за столом человек, прочитав эти строки, замер от изумления, перечитал снова, задумался. Перевернув страницу, стал читать дальше: ...«Либералы», «марксисты», «профсоюзные деятели», «полудикие» негры и пуэрториканцы... предали Америку «бюрократам» из Объединенных Наций...

Кто же додумался до этих наводящих ужас на слабонервных обывателей сказок? Сумасшедший! Но кто же осмелился напечатать эти расистские бредни? Эту книгу под названием «Письма Джона Франклина» опубликовало американское издательство «Букмейлер» — одно из крупнейших поставщиков антисемитской и расистской литературы. В рекламном обращении к читателям сказано, что книга написана по просьбе издательства «двумя бывшими офицерами разведки Соединенных Штатов».

Узнав это, читаем дальше, и вскоре становится ясным, что авторы книги вовсе не сумасшедшие, а опытные мастера по части провокации и террора. После того как «дикие» негры сбросят атомные бомбы, пишут они, появятся «патриотические партизанские группы», которые займутся убийствами, саботажем и свергнут «народную демократию». В книге подробно описывается, как будут действовать эти бандиты, именуемые «рейнджерами».

«Вы хотите знать, как мы намерены вести борьбу в условиях американского подполья. Прежде всего мы будем представлять военную организацию,— говорится в книге.— У нас будет большое число обученных солдат из наших вооруженных сил., тысячи обученных солдат и большие запасы оружия».

А пока авторы рекомендуют: «Вырабатывайте в себе мужество и доверяйте испытанным друзьям. Усвойте свои задачи.

чтобы знать, что вам надлежит делать, когда наступит час удара». И помните, что «партизанская война — главная доктрина... Умение быстро скрыться, жить в лесу и в горных условиях, умение ориентироваться на местности и использовать местность, умение действовать небольшими пехотными подразделениями — залог успеха... Бей и беги!».

Этот бредовый призыв к «партизанской войне» поддерживает и реакционный журнал «Америкэн меркюри», который издал брошюру «Должны ли вы иметь оружие?» с изображенным на обложке револьвером. Ответ на вопрос, конечно, положительный: «Вам следует иметь оружие», а фактически: «Вы должны иметь его!».

Когда после разгрома держав оси фашисты уходили в подполье, то они прежде всего припрятавали оружие, надеясь, что их время еще придет. Американские фашисты, готовясь к «активным действиям», начинают с создания запасов оружия.

Книга «Письма Джона Франклина», рекомендованная фашистскими организациями США своим членам в качестве «руководства к действию», написана бывшими офицерами разведки. Вот что пишет с предельной откровенностью один из них о роли Си-Ай-Эй в возрождении фашизма в США:

«Из своей конторы на Манхэттене я за 20 минут могу обойти с десяток организаций, контролируемых Центральным разведывательным управлением». Больше половины из них, отмечает он, оказывают влияние на местное общественное мнение, проще говоря, на избирателей страны. По теории они существуют на деньги, «собранные» теми, кто интересуется общественной жизнью, но большая часть поступлений идет из ЦРУ... Эти «фронты» разведывательного аппарата концентрируют свою деятельность в той или иной степени на самом населении США. «Итак, вам понятно, — заключает разведчик, — что персонал Центрального разведывательного управления во многом напоминает вошедший в поговорку айсберг. Большая часть персонала ЦРУ находится как бы под водой».

В американской печати опубликовано немало фактов участия крупных американских разведчиков и специальных агентов Федерального бюро расследований в руководстве деятельностью различных организаций ультра в США.

В их числе есть полковник Джон Бити, в прошлом один из руководителей военной разведки, редактор фашистского совершенно секретного издания «Дж.-2 рипортс». Он опубликовал книгу «Железный занавес над Америкой», из которой мы извлекли «откровения» о том, как «племя монгольского происхождения — иудеизированные хазары — захватили власть в России при Советах», «вторглись в Германию под видом азиатских иммигрантов», «поставили под контроль демократичес-

кую партию США и, следовательно, американское правительство». В книге «доказывается», что «еврейская пропаганда обманула Рузвельта, втянув его в ненужную войну против Гитлера».

Таким образом, совершенно очевидно, что, используя профессионалов — разведчиков и тайных агентов Эф-Би-Ай, внедренных в фашистские организации страны, монополии намереваются постепенно установить свой контроль над некоторыми слоями населения Соединенных Штатов. Американская разведка играет важную роль в возрождении фашизма.

Как-то пришлось услышать о том, что одно из наиболее знаменательных явлений в жизни капиталистического мира в последнее время заключается в том, что фашизм якобы «пересек» Атлантический океан, «высадился» на другом полушарии и создал себе новый центр на территории Соединенных Штатов. Это утверждение искажает истину.

Американская реакция многолика. Одним из ее активнейших отрядов является американский фашизм, которому незачем было переплывать океан, так как он родился в самих Соединенных Штатах. Первые фашистские организации возникли в США тогда же, когда они появились в Италии, Германии и других буржуазных странах, — тотчас вслед за окончанием войны 1914—1918 годов. Повсюду господствующие классы ухватились тогда за фашизм как панацею от «красной опасности».

Проблеме американского фашизма, его возникновению и развитию посвящены десятки трудов, и на первом месте среди них стоят исследования и публицистические издания самих американцев. Красной нитью в них проходит утверждение того, что в самих США была подготовлена почва для возникновения и развития фашизма. За спиной всех в разное время возникших там фашистских организаций стояли и стоят капиталистические магнаты, фашистов деятельно поддерживала и поддерживает в открытой и скрытой форме фактически вся американская реакция.

Американец Генри Хоук, весьма далекий от коммунизма, собственник предприятия, опубликовал две книги об американском фашизме: «Черная почта», изданная в Нью-Йорке в 1944 году, и «Это секретно», вышедшая там же спустя два года.

Анализируя основные этапы формирования американского фашизма, Генри Хоук показывает, что современный фашизм в США не является импортным продуктом, а вырос на американской почве, хотя во многом и питался «импортными» соками. По совершенно понятным причинам гитлеровские

эmissары, засылавшиеся в США, проявляли особую заинтересованность в том, чтобы как можно шире и быстрее развивались собственно американские фашистские организации. «Вскоре после прихода Гитлера к власти,— пишет Хоук,— в США появились, казалось бы, ничем не связанные между собой отечественные фашистские организации и издания, а ранее существовавшие группы «стали более активными».

После захвата фашистами власти в Германии в США «всплыли на поверхность» двоякого типа фашистские организации: собственно американские и смешанные, представлявшие собой открытое объединение немцев и американцев на фашистской основе. К организациям последнего типа относились: «Германо-американский бунд», «Американская социалистическая партия», «Германо-американская деловая лига» и т. д.

Оба труда Генри Хоука—это не обычная публицистика. Автор собрал документальные следственные материалы, разоблачающие ряд фашистских организаций и их главарей в США.

Перед второй мировой войной и в начале ее американские фашисты были горячими приверженцами изоляционизма и их всех объединял лозунг «Соединенные Штаты не должны воевать». Когда же США вступили в войну, то они сменили старые вывески на новые, целиком сохранив прежнее содержание и методы своей подрывной деятельности. Тогда именно возникла такая «патриотическая» организация, как комитет «Америка прежде всего», игравший ведущую роль в фашистском фронте внутри США в годы войны.

Американский фашист Штаренберг, выдвинув лозунг «Америка прежде всего и навеки», не был оригинален. Девизы фашистов во всех странах прокламировали то же самое — с лозунгом «Британия прежде всего» появился на сцене лидер чернорубашечников Освальд Мосли, с теми же лозунгами бесчинствовали фашисты в Германии, Италии, Франции, Испании.

Джон Рой Карлсон, американский публицист, автор книги «Под маской», вышедшей в Нью-Йорке в 1943 году, рассказывает о четырех годах, проведенных им под именем «Джона Панганелли» в фашистском подполье в Америке. В ней Карлсон отмечает, что «формула» «Америка прежде всего» представляет собой типичное подражание фашистским образцам во всех других странах Запада. А кем же были Кофлин, Джеральд Смит, Фриц Кун и многие другие «американские патриоты», о которых говорит Карлсон на 544 страницах своей книги, как не лидерами фашистских организаций в США.

Таковы факты из истории фашизма в Соединенных Штатах в период окончания второй мировой войны.

«К концу войны,— пишет американский публицист Джон Л.

Спивак в своей книге «Спасители» Америки», — финансисты и промышленники стали задумываться о тех проблемах, которые возникнут в США в послевоенное время. Предстояло возобновление борьбы между трудом и капиталом, которая во время войны несколько отодвинулась на задний план».

Процесс консолидации черных сил американской реакции немедленно возобновился после смерти Рузвельта. Еще до окончания войны американская печать приводила данные, говорившие о том, что фашистское подполье в стране начало восстановление своей организационной структуры, несколько нарушенной в годы войны. Лишь только окончилась война, фашистское движение снова вышло на политическую сцену США уже без всякой маскировки. Создание «Американского действия» явилось одним из первых мероприятий реакции в этом направлении.

Организация «Американское действие» была создана монополистическим капиталом для борьбы с прогрессивными силами Соединенных Штатов. Идея учреждения этого заведения возникла в кругах Уолл-стрита летом 1945 года.

Весьма характерной особенностью, присущей этой фашистской организации, было стремление к строжайшей конспирации. «Деятельность организации «Американское действие», — пишет Спивак, — с самого начала окружена такой таинственностью, какая была бы характерна для подпольной организации врагов государства». Ее главарь орудовал, как указывал автор, «тихой сапой», через тщательно подобранных людей. Об этом свидетельствует и гриф «секретно», сопровождавший всю переписку организации. Однако это обстоятельство не помешало Спиваку установить много любопытных фактов, с помощью которых он разоблачил еще одну фашистскую организацию в США.

Таким образом, как мы видим, фашизму не было никакой надобности пересекать Атлантику в сороковых годах, после окончания войны, ни тем более позже. Другой вопрос, что в это время множество гитлеровцев и фашистов из других европейских стран нашли приют и покровительство на американской территории. Но это совершенно разные вещи.

Утром 8 декабря 1958 года было ветрено и холодно. К одному из особняков в пригороде Индианаполиса один за другим подъехали одиннадцать блестящих лаком «кадиллаков». Приехавших встречали хозяин дома и кондитерский фабрикант Роберт Уэлч. Когда гости собрались за круглым столом, Уэлч поднялся и сказал: «Джентльмены, вы альфа и омега Америки. Я знаю, вы разделяете мое мнение, что угроза коммунизма велика, как никогда. У нас в запасе лишь несколь-

ко лет. Мы еще не погибли, но мы уже стоим на опасном перекрестке».

Уэлч внимательно оглядел присутствующих, среди которых были бывшие президенты Национальной ассоциации промышленников миллионеры Грид и Сулгерт, бывший помощник государственного секретаря миллионер Брэден, бывший руководитель федерального бюро внутренних доходов Эндрюс, бывший председатель комитета по межправительственным отношениям при правительстве Эйзенхауэра Манион, бывший председатель верховного суда штата Аризона Фелпс, бывший личный адъютант генерала Маккартура полковник Банкер и генерал-лейтенант Стоун.

Совещание продолжалось два дня. Поздно ночью охрипший Уэлч поднял бокал с шампанским за успех только что созданного «Общества Джона Бэрча» (ДБС). Его участники покинули особняк уже в звании членов совета общества. Так была основана эта фашистская полусекретная организация.

Ежегодная конференция Национальной ассоциации промышленников прошла в декабре 1959 года под лозунгом «Хватит нянчиться!». Этот клич получил горячую поддержку среди бизнесменов. В атмосфере «духа Кэмп Дэвида», которая некоторое время заметно ощущалась в Соединенных Штатах Америки, промышленников, наживавшихся на гонке вооружений, стали преследовать кошмары мира. Участники конференции НАП в своих выступлениях требовали «вовлечь бизнес в политику», говорили о том, чтобы корпорации предприняли «решительные действия» в делах политики. О том, что необходимо делать, обстоятельно говорил вице-президент компании «Уэйерхойчер ламбер» Б. Л. Орелл. В затихшем зале он заявил своим коллегам, что «решение общественных вопросов — одна из функций управляющих». Надо «действовать немедленно», призвал Орелл. Для этого необходимо прежде всего приобщить к политической деятельности видных представителей деловых кругов. Он потребовал «не распылять внимания» и для «решительных действий» избрать руководящую группу из состава верхушки Национальной ассоциации предпринимателей.

Конференция НАП шумно и весело продолжает работу в большом зале отеля-люкс «Уолдорф-Астория». По традиции первое совмещается со вторым. На длинных столах — изысканные блюда, фрукты, лучшие вина. Рядом с раскрасневшимися и с огоньком в глазах бизнесменами красивые разодетые женщины.

Но вдруг все затихает, наступает торжественная тишина. На трибуну поднялся чикагский банкир и промышленник Кола Паркер. Все застыли в благоговейном молчании, когда

ему вручали жетон «первого человека этого года». В течение ряда лет Паркер был президентом ассоциации и занимал другие высокие посты в сообществе большого бизнеса. Но теперь ему разрешили уйти «в отставку», чтобы целиком посвятить себя работе... в национальном совете «Общества Джона Бэрча», одним из основателей которого он был. Вскоре бэрчист Кола Паркер появился и на международной арене в роли «делегата от предпринимателей США» в МОТ (Международной организации труда в Женеве).

Когда Гитлер сколачивал нацистскую партию, он ставил в пример своим последователям сутенера и шизофреника Хорста Весселя. Кандидат в американские «фюреры» фабрикант Уэлч избрал для этой цели шпиона Джона Бэрча. С помощью искусной пропаганды его окружил ореолом бескорыстного героя и мученика.

«Третья мировая война, война против коммунизма, началась в день окончания второй мировой войны. И первой ее жертвой был капитан Джон Бэрч. Его именем мы и назовем нашу организацию», — провозгласил Уэлч на совещании в Индианаполисе.

Карьера этого человека началась несколько необычно. Американские журналисты разыскали людей, которые помнят, что 23 года назад студент Джон Бэрч написал донос на своего 75-летнего профессора. В доносе говорилось, что профессор в частной беседе выразил сомнение в существовании Адама и Евы. Несчастного старика разжаловали и уволили из университета. За это студенты хотели вывалить Бэрча в смоле и перьях и пронести его по улицам на шесте, но будущий «герой» предусмотрительно сбежал из родного города под покровом темноты.

Потом Бэрч появился в Китае в качестве баптистского миссионера. Когда началась война с Японией, его призвали в армию для разведывательной работы в китайском тылу. Сейчас нашлись люди, которые вспоминают, что он отличался избытком нахальства и наглости, каковые качества и привели к бесславному концу его долголетнюю карьеру миссионера-шпиона. Бэрч был пойман с поличным и расстрелян.

Уэлч долго подыскивал подходящую фигуру, которая могла бы стать символом его движения. Так расстрелянный шпион стал духовным отцом новой фашистской партии в США.

«Общество не стремится к гласности», — заявил член национального совета общества доктор Гринвил Найт. Оно состоит из ячеек, и только главный руководитель знает фамилии членов этих ячеек. Филиалы ДБС созданы, как утверждают его руководители, почти в каждом штате, секретные клубы (то есть отделения) — почти в каждом городе. Подобно

структуре, существовавшей в нацистской партии, ДБС назначило тридцать «главных координаторов» и около ста «координаторов» второго разряда. Гитлер назначил «гаулейтеров», Уэлч назначает «координаторов».

Особенно сильной является организация ДБС в штате Калифорния, который среди американцев давно уже славится как оранжерея по выращиванию экстремистских «движений» всех цветов и видов. В ней насчитывается больше членов, чем в любом другом штате.

По словам Уэлча и его коллег, ДБС якобы завербовало примерно 100 тысяч человек, принадлежащих к местной «элите» во всех 50 штатах, и будто бы даже некоторых членов правительства. Кто же они — эти новоявленные «спасители Америки»? В печать просочились сведения, что около половины «рыцарей золотой шестерни» состоит в рядах ДБС или активно помогает ему. Журналисты Стэнли Моск и Хауэрд Джуэл писали, что «основные кадры» этого фашистского сообщества «формируются из богатых бизнесменов, отставных офицеров и полусумасшедших старушек в тапочках. Их объединяет неотвязный страх перед коммунизмом». Активными членами общества являются также правительственные чиновники, занимающие высокие посты, лица духовного звания, судьи, конгрессмены.

Поскольку эта организация полусекретная, то в ее состав как в качестве рядовых членов, так и руководства охотно вступают уважаемые бизнесмены и промышленники, которые по многим причинам избегают принимать открыто участие в фашистском движении. Их всех привлекает покров тайны, окружающей ДБС, что позволяет им действовать за кулисами, не раскрывая своего анонима.

Лишь некоторые конгрессмены США открыто признают свою принадлежность к «Обществу Джона Бэрча» и публично одобряют его деятельность. Большинство же сторонников бэрчистов тщательно скрывают свое истинное лицо. Как заявил сенатор Голдуотер, если назвать всех членов общества, это «повергло бы в смущение многих конгрессменов». Голдуотер знает лично либеральных демократов и консервативных республиканцев, принадлежащих к этому тайному обществу, сообщила «Нью-Йорк таймс». Сенатор не назвал этих людей.

Члены общества Бэрча регулярно встречаются в частных домах, где они беседуют об аспектах «коммунистической агрессии», обсуждают свою тактику. Словом, как они сами говорят, подготавливают себя к тому, чтобы «достойно встретить вызов коммунизма».

Какие же конкретные цели ставит перед собой ДБС и какова его тактика?

По словам Майка Ньюберри, автора книги «Возрождение фашизма», политическая цель «элиты» «Общества Джона Бэрча» состоит в том, чтобы создать «взаимозависимую цепь, которая контролировала бы политическую жизнь данного района». Там, где это им удастся (а в некоторых районах они добились своего), эти тайные силы стараются направить политическую жизнь в нужное им русло, действуя якобы в демократических рамках. Это так называемый «конституционный фашизм», в котором демократия играет роль ширмы.

Бэрчисты намереваются захватить власть на местах, затем поставить под контроль выборные органы штатов и, наконец, овладеть Вашингтоном.

Самое же страшное заключается в том, пишет немецкая газета «Ди андере цейтунг», что планомерно и настойчиво вводится в заблуждение все общественное мнение. Выборный кандидат на правительственный пост может оказаться тайным членом «Общества Джона Бэрча», а избиратели не будут иметь ни малейшего представления об этом и могут никогда этого не узнать. Таким способом «Общество Джона Бэрча» может постепенно забрать в свои руки все важнейшие ведомства, все ключевые позиции и однажды одним ударом захватить государственный аппарат. Это опасность, которую нельзя игнорировать...

Штаб-квартира «Общества Джона Бэрча» размещается в двухэтажном кирпичном здании в городе Белмонт. В штабе работают 28 человек. Они целый день печатают на машинках и на ротаторе, почти непрерывно звонят по телефонам, встречаются и провожают курьеров. У двери одной из комнат стоят двое дюжих верзил. Это охрана фюрера. Если парни узнают, что вы враг «Общества Джона Бэрча», они проломают вам голову...

Финансы не являются проблемой, беспокоящей лидера ДБС. Общество не испытывает нужды в деньгах. Его средства состоят прежде всего из крупных поступлений со стороны большого бизнеса и затем из взносов рядовых членов. В целом средства, которыми располагает ДБС, как утверждает американская печать, достигают полутора миллионов долларов в год. Большой куш ежемесячно отваливают бэрчистам тexasкие нефтяники и магнаты сталелитейной промышленности.

Речи «фаундера» (основателя) общества Роберта Уэлча длятся иногда пять-шесть часов и посвящены одной и той же проблеме: как спасти Америку от коммунизма? Уэлч не говорит, «как спасти капитализм», он знает, что такая формула может обернуться для его престижа своего рода бумерангом. Поэтому Уэлч предпочитает «берущую за сердце» «патриотическую» патетику. Его тактике следуют и другие бэрчисты.

во всю спекулируя на «патриотизме». «Невыносимо видеть, как Америка сползает со своих позиций руководства миром,— пишет американский фашист Александр Холмс в журнале бэрчистов «Америкэн опинион».— Наша неспособность остановить это сползание вызывает припадки отчаяния».

Фотографии «фаундера» то и дело появляются в американских газетах и журналах. Уэлч много путешествует по стране, преимущественно пользуясь частными самолетами своих богатых покровителей. Вы смотрите на этого бледного, начавшего сидеть человека, с холодными глазами и большими оттопыренными ушами, когда он, опустив глаза и безмолвно шевеля губами, спускается с самолета и направляется к машине, и думаете — баптистский проповедник. Но стоит Уэлчу очутиться среди своих единомышленников, он весь преображается. Приподнимаясь на цыпочки, чтобы казаться выше, он потрясает кулаками, кричит, уговаривает и угрожает.

Покойный «охотник за ведьмами» сенатор Маккарти действовал в открытую, создав вокруг себя ореол паблисити. Объявив себя его преемником, Уэлч избрал другую форму рекламы: он решил окутать себя туманом таинственности и секретности.

Гитлер изложил свою бредовую философию в книге «Моя борьба». Уэлч написал «Голубую книгу» — невообразимый винегрет бахвальства,— которую он ни с того ни с сего вдруг изъясил из обращения и стал распространять только среди своих последователей.

Предисловие к этой книге написано кардиналом Кашингом. «В нашей стране я не знаю более видного антикоммуниста, чем Роберт Уэлч,— пишет святой отец.— Я без колебания рекомендую его вам и благословляю „Общество Джона Бэрча“».

«Голубая книга» развертывает широкую программу борьбы с коммунизмом, которая начинается с довольно безобидных советов:

- 1) создавайте читальные залы;
- 2) распространяйте консервативную литературу;
- 3) увеличивайте число радиопередач;
- 4) завязывайте переписку;
- 5) организуйте фронты, комитеты и т. п. для борьбы с коммунизмом;
- 6) подогревайте общественное мнение, публикуя материалы, направленные против руководителей колледжей, симпатизирующих красным, против красных священников и т. д.;
- 7) проникайте на митинги красных и задавайте провокационные вопросы, создавая тем самым беспорядки;
- 8) выступайте с трибуны;
- 9) расширяйте деятельность «Общества Джона Бэрча» за границей;

10) главный упор в своей деятельности делайте на политические вопросы.

Политические выступления Роберта Уэлча организуются в политическое движение при прямом содействии крупнейших деятелей американской охранки. Среди них особенно отличается своей активностью Мэдфорд Эванс, бывший шеф по вопросам безопасности комиссии по атомной энергии. Ныне этот ответственный контрразведчик один из ведущих «координаторов» и консультантов общества.

Другой видный деятель бэрчистов — Дэн Смут — бывший сотрудник Федерального бюро расследований, в котором он занимал должность заместителя Эдгара Гувера по административным вопросам при национальном совете ФБР. Он вышел в отставку, чтобы редактировать маккартистский «Фэктс форум», и вступил, как и его сподвижник Эванс, в «Общество Джона Бэрча».

«Философ американского фашизма» профессор Ревильо Оливер также принадлежит к верхушке бэрчистов. На страницах «Америкэн меркюри» этот «ученый» сделал потрясающее «открытие»: оказывается, марксизм... придуман «варварскими монархиями Древнего Востока» и «элитой» еврейского населения Европы. Кубу он называет «островом, населенным монголами».

«Общество Джона Бэрча» располагает широко разветвленным пропагандистским аппаратом. Оно издает ежемесячный журнал «Америкэн опинион». Иногда он бывает целиком посвящен «обзорам» проникновения коммунистического влияния в 107 стран мира. Для каждой страны Уэлч дает «диаграммы» распространения «коммунистической заразы». Даже «специалисты по антикоммунизму» даются диву, откуда Уэлч берет свои цифры.

В числе «выдающихся» ораторов-лекторов бэрчистов мы видим и небезызвестного в США Матта Цветика, старого агента — провокатора американской охранки. Он ездит по стране с курсом лекций, главный тезис которых: «Вступайте в «Общество Джона Бэрча» и вы все узнаете о коммунизме».

В начале 1962 года, чтобы «подковать» своих единомышленников, Уэлч приказал провести многодневные семинары по изучению материалов XXII съезда КПСС и Программы партии. На этих семинарах бэрчисты пытались найти что-нибудь в противовес идеям XXII съезда.

О фюрере бэрчистов в Соединенных Штатах говорят разное. «Уэлч страшный человек, — пишет о нем американский журналист Лин Ландрам. — Он считает, что любой способ и любые жертвы хороши, чтобы покончить с коммунизмом». Другие, из числа знающих Уэлча лично, считают его ненор-

мальным, психически тяжело больным человеком, который рано или поздно потерпит крах вследствие своих внутренних противоречий.

Рассказывают также о следующем эпизоде. Владелец одной кондитерской фабрики в Массачусетсе любил поражать служащих своим усердием и рвением к труду. Каждое утро, когда они приходили на работу, он встречал их у дверей конторы, весь помятый и небритый, и говорил, что ему опять пришлось поработать всю ночь напролет. Но однажды весь эффект был испорчен ночным сторожем, который увидел, что босс, оказывается, спал себе преспокойно на мягком матрасе в своем кабинете. Спектакли пришлось прекратить.

Этого незадачливого босса звали Роберт Уэлч, и, хотя он бросил заниматься шоколадом и леденцами, его страсть к мелодраматическим эффектам отнюдь не иссякла.

Во время своих учений они носят маскировочную одежду, каски времен второй мировой войны и вооружены винтовками «М-1». Они считают, что третья мировая война уже началась, и смотрят на себя как на «последнюю линию обороны против коммунистического проникновения».

Речь пойдет о «минитмэнах». С названием «минитмэны» (ополченцы) связана одна из героических страниц в истории Соединенных Штатов. Так называли патриотов, которые первыми взяли за оружие в 1776 году в борьбе за свободу и независимость Соединенных Штатов во время американской революции. Это название означало, что все они находятся в состоянии боевой готовности.

Американские фашисты присвоили это название одной из своих организаций, основанной в июне 1960 года группой из десяти человек, среди которых был некий Детью, человек в возрасте 37 лет, ветеран второй мировой войны. По словам Детью, национальная организация «минитмэнов» в настоящее время якобы объединяет около 25 тысяч членов. Он выражает надежду, что вскоре в ней будет состоять один миллион человек.

Основной структурной единицей «минитмэнов» является отделение из 6—12 человек, и члены организации работают главным образом внутри своих отделений.

Данные о расположении и список членов каждого отделения хранятся в отдельных запечатанных конвертах недалеко от штаб-квартиры «минитмэнов». Если «минитмэн» попадет в плен, говорит Детью, опасность разоблачения нависает максимум над одним отделением.

«Партизаны — грозный враг, — добавил Детью. — Их си-

ла в ненависти к врагу. Главное оружие партизан: тайность действий, хитрость, выносливость».

В интервью, которое Делью дал корреспонденту газеты «Сент-Луис пост диспетч», он объяснил, что другой задачей «минитмэнов» является создание всеамериканской сети шпионажа, «чтобы при помощи тайных членов нашей организации расследовать, не просочились ли в американские правительственные, профсоюзные, религиозные и просветительные учреждения и на предприятия люди, сочувствующие коммунизму». Подручные Делью лихорадочно составляют черные списки «красных».

В один из осенних вечеров в городе Денвере (штат Колорадо), славящемся в США как центр горного туризма, к подъезду отеля-люкс «Денвер-Хилтон» подъехал лимузин. Из него вышел джентльмен с нахлобученной на лоб шляпой и в пальто с поднятым воротником. Стараясь быть незамеченным, он исчез в сиявшем неоновыми огнями подъезде. Роберт Делью, это был он, не задержался в холле, а проследовал в один из номеров, где его уже поджидали девять человек. Здесь состоялось заседание «совета десяти» — главарей местных филиалов «минитмэнов», на котором было принято решение активизировать деятельность организации. На карте Соединенных Штатов, разложенной на столе, ставились флажки, указывавшие города, где это должно произойти в первую очередь.

На двери одного из двухэтажных домов в городе Арлингтоне (штат Виргиния) красуется вывеска, исполненная в красном, белом и черном цвете: «Штаб американской нацистской партии. Вход без разрешения — пуля в лоб. Несовершеннолетним вход воспрещен...». В холле два нацистских флага и один американский, установленные у двух стен. Четыре свечи освещают бронзовый барельеф Адольфа Гитлера. Рядом на столе книга Рокуэлла, носящая фантастическое название «Теперь весь мир будет нашим».

...Погрузившись в мягкие кресла под огромным портретом Гитлера, трое людей ведут беседу. Рядом с ними на специальных подставках укреплены американский и нацистский флаги. Напротив висит черный паук свастики. Вокруг сидящих — семь вооруженных «штурмовиков». Они зорко наблюдают за каждым движением беседующих. Это главарь американской нацистской партии Линкольн Рокуэлл дает интервью двум американским журналистам в своей резиденции. Фото этого «приема» было помещено во многих американских газетах.

Фюрер американских фашистов — высокий, крепко сложенный человек сорока с лишним лет, в прошлом летчик воен-

но-морской авиации; одно время он находился в лечебнице для психических больных.

...— Мы взяли на себя борьбу за идеалы и идеи, первоначально выдвинутые и защищавшиеся немцем Адольфом Гитлером... Коммунизм есть сборище преступников со всего света, возглавляемое евреями..., толпа слабовольных людей... — в истерике вопит Рокуэлл на сборищах своих подручных.

...Когда мы придем к власти, обещает он, мы создадим в Африке отдельное государство и выслем туда всех американских негров. Те, кто останется здесь, будут заключены в резервации... Восемьдесят процентов еврейского населения Соединенных Штатов мы уничтожим в газовых камерах...

Как только фюрер закончил речь, все слушавшие лихо вскинули руки и рявкнули: «Хайль». Затем, оправив свои коричневые рубахи с изображением свастики на левом рукаве, строем, с выкриками и песнями двинулись по улице... Американские нацисты рассчитывают, что к 1970 году Рокуэлл станет президентом.

В США есть много всяких других ультраправых организаций. Среди них одна из наиболее крупных — «Христианский крестовый поход против коммунизма», — возглавляемая Фредом Шварцем. На собрании в Бирмингеме Шварц заявил своим пятистам слушателям из числа правых: Логика и факты подсказывают нам, что через десять лет Америкой будет править коммунистический диктатор, интуитивность и благоприобретенный опыт подсказывают нам, что этого не может быть. Но факт остается фактом: коммунисты завоевывают мир, и противопоставить им мы должны нашего господ бога...

«Нам нужен человек на коне, способный вести страну вперед. А в Техасе, на всем Юго-Западе и Юге многие считают, что вы гарцуете на трехколесном велосипеде!» — визгливо прокричав эту тираду и тыча все время пальцами в сторону президента, сидевшего во главе стола, издатель газеты «Морнинг ньюс» в городе Далласе Е. М. Дисли сел на свое место. Этот инцидент произошел во время завтрака в Белом доме, когда президент Кеннеди принимал издателей и редакторов газет штата Техас.

Все чаще и чаще из уст представителей различных реакционных организаций США раздается требование: «Нам нужна „сильная рука!“». «За последние годы мы только и делаем, что считаем шишки, полученные нами в стычках с коммунистическим миром, — пишет один из бэрчистов Джордж Тодт. — Это происходит потому, что красные имеют талантливых руководителей. Сегодня они уже выигрывают битву за

всю нашу планету... Нам нужна сильная рука, чтобы перейти из обороны в контрнаступление».

С конкретными, так сказать, предложениями по этому вопросу выступил Роберт Уэлч. «Пришло время поставить у руля новое руководство, более способное и более решительное, — требует он, намекая, видимо, на самого себя. — Демократия — это всего лишь красивая фраза, — заключает он свою мысль. — К черту демократию! Нужно взять за шиворот и как следует встряхнуть Америку».

В поисках причины все усиливающегося с каждым днем падения политического и морального престижа США профессор социологии Клинтон Роситер пришел к следующему открытию. «Вся беда в том, — заявил он, — что у нас нет своего Маркса, нет учителя, которого бы мы почитали как глашатая истины». Наивный американский социолог! Ему не понять, что у капитализма нет и не может быть ничего такого, что могло бы помочь его законам вывести страну из морального и идеологического тупика, и что сделать это не способна никакая «сильная рука».

У американской реакции нет «своего Маркса», но среди ее верхушки немало есть претендентов на роль «спасителей» от «красной опасности». В их числе наиболее колоритна фигура генерала Эдвина Уокера. Весной 1962 года этот бравадный вояка, только что вышедший в отставку, не моргнув глазом, заявил, что государственный секретарь США Дин Раск связан с тайственной секретной организацией, стремящейся «продать» Соединенные Штаты, и что предпринимается попытка «продать наши традиции, нашу конституцию, наш суверенитет, нашу независимость».

Во время расистских бунтов в Оксфорде в октябре 1962 года Уокер играл главную роль в подстрекательстве расистов к выступлениям. Задержав Уокера, американские власти поместили его в психиатрическую больницу для медицинского осмотра. Он был выписан из больницы по решению суда после уплаты им залога в размере 50 тысяч долларов. В решении суда указывалось, что Уокер должен будет пройти дальнейшую проверку у психиатра с целью определить, здоров ли он психически...

Сенатор из Аризоны — это фигура другого калибра. Апеллируя к самому всевышнему, Барри Голдуотер поставил все точки над «и». В одном из своих выступлений он заявил: «Необходимо пойти на „жертвы“, чтобы „защитить наше свободное предпринимательство“ от „коммунистической угрозы“». О каких жертвах говорил сенатор, стало ясно после его статьи, опубликованной в «Нэшнл ревью». Чтобы «справиться с угрозой мирового коммунизма», — писал Голдуотер, —

мы должны быть готовы принести в жертву мир, свободу, справедливость, процветание...». «Мы должны поощрять порабощенные народы к восстанию», «мы должны быть сами готовы к военным действиям против уязвимых коммунистических режимов». Для этого необходимо посылать «мобильные вооруженные силы», оснащенные ядерным оружием, туда, «где происходит восстание».

Американская печать создавала сенатору из Аризоны широкое паблисити. 104 американские газеты предоставили Голдуотеру трибуну для выступлений. В каждой газете три раза в неделю он обрушивался на американскую администрацию, обвиняя ее в «мягкости» по отношению к Советскому Союзу и другим социалистическим странам. Основное политическое кредо сенатора — требование объявить тотальную войну коммунизму.

«Мы скорее отправим весь мир на тот свет, чем оставим его жить при коммунизме», — вот какую мысль лелеет Барри Голдуотер. И именно о нем в крайне правых кругах США говорят как о человеке, который лучше всего способен определить все насущные потребности и наиболее отвечает требованиям, предъявляемым к американскому президенту.

Пять часов продолжался этот смотр сил американской реакции. Такого зрелища огромный зал «Мэдисон сквер гарден» в Нью-Йорке еще не видел. На арене, в ложах, на галерке, в ярусах сидело восемнадцать тысяч бесновавшихся людей. Это была открытая провокация, безумная в своей истерии и далеко превосходившая самого Геббельса в бесцеремонной подтасовке фактов и искажении истории. Свыше тридцати выступивших ораторов соревновались в том, кто дольше и громче сможет поносить коммунизм, а заодно ООН и нейтральные страны.

Этот так называемый митинг «за мирное освобождение от коммунизма» готовился в течение полугода «Лигой молодых американцев за свободу». Собравшихся взбадривали оглушительные марши, которые изрыгала медь духового оркестра. В середине митинга специальную молитву «за освобождение мира от коммунизма» вознес господу личный представитель кардинала Спеллмана. В течение многих часов многие телевизионные станции ретранслировали по всей стране разнузданную фашистскую пропаганду.

Реакционная американская печать, стремясь скрыть истинные цели «ультра», выдает их неофашистские организации за сборища «фанатиков» и даже «чудаков», которые, мол, не имеют питательной почвы в США и лишены возможности осуществить свои планы. Монополистическая пресса США, стара-

ясь усыпить американцев, все время твердит о полной разобщенности правых организаций, об отсутствии у них единой программы.

Действительно, американский фашизм имеет добрые полдюжины разновидностей, каждая из которых ставит перед собой собственные цели. Все эти «фракции» враждуют между собой и подкапываются одна под другую. Среди фашистов есть группы, выступающие за вооруженное восстание. Другие делают ставку на мирное проникновение в государственный аппарат. Цели третьих не выходят за рамки участия в местных органах власти. Четвертые считают, что власть можно захватить при помощи хорошо организованных террористических актов и т. д. и т. п.

Не новостью является и то, что американскому фашизму по различным причинам до сих пор не удалось объединиться в единую организацию, что, конечно, значительно снижает его способность к активным действиям. Но хотя фашистские группы действуют в различных частях страны и, казалось бы, разобщены и враждуют друг с другом, главари многих из них крепко связаны «братскими узами».

Тот факт, что на сборищах иных присутствуют иногда не более ста человек, как будто делает очевидным, что они выступают только для самих себя. Но весь этот бред тотчас распространяется по всей Америке в листовках, на страницах газет, по радио и телевидению и находит восприимчивых слушателей во многих домах.

Известный американский политический деятель, сенатор-демократ Стефен Янг констатировал, что фашисты в США никогда не были так сильны, никогда так хорошо не оплачивались и не пользовались таким успехом, как за последние несколько лет.

Указав, что в США сейчас имеется около тысячи организаций «правых радикалов», то есть фашистских, сенатор поставил вопрос, кто же эти люди, которые воспринимают распространяемую «этими безумцами» пропаганду, и отвечает: это люди запуганные и разочарованные, ожесточенные и мстительные, заблуждающиеся фанатики и благонамеренные чудаки, злобные циники и запутавшиеся простаки, люди, которые испытывают кошмарный ужас перед «радикальным пугалом»; ненавидели и продолжают ненавидеть рузвельтовский «новый курс» и вообще ненавидят всякого «непохожего» на них.

Короче говоря, сенатор перечислил всех тех, кого следует отнести к многочисленной категории обывателей, порожденной американской капиталистической действительностью.

Сенатор также задал вопрос: кто же лидеры фашистских

групп? Многие из них, подчеркивает он, искренни в своей ненависти, но в основном это расчетливые оппортунисты, которые делают выгодную карьеру, играя на предрассудках своих приверженцев.

В марте 1962 года в Лос-Анжелосе вышел в свет первый справочник «крайне правых групп в США». В нем перечислены две тысячи организаций и групп — начиная от американского легиона и кончая нацистской партией США. Фашистские организации растут в США, словно ядовитые грибы.

Последнее время предпринимаются попытки организационно объединить и скоординировать действия американских ультра. В конце марта 1962 года в Вашингтоне представители 75 таких групп собрались на секретное совещание. К подъезду отеля «Вашингтон» одна за другой подкатывали машины, из которых выходили мрачные, молчаливые люди. Не обращая внимания на толпившихся здесь корреспондентов, они проходили в конференц-зал. При входе каждый предъявлял специальный пропуск и шепотом называл условный пароль.

На состоявшейся после заседания пресс-конференции лидер «Христианского крестового похода против коммунизма» проповедник из штата Оклахома Харгис заявил, что в конференции, в частности, приняли участие представители организаций, «Дочери американской революции», «Общество Джона Бэрча», «Американский легион», «Молодые американцы за свободу». Участники конференции еще раз подтвердили антикоммунистические цели своих организаций и высказались в поддержку координации деятельности ультраправых в национальном масштабе.

После длительных совещаний, затянувшихся на несколько часов, был создан комитет по координации деятельности правых групп во главе с Эдвардом Хантером. Комитет будет проводить свои регулярные встречи в Вашингтоне не реже одного раза в три месяца.

— Непривлекательный одноэтажный дом с остроконечной крышей, напоминающий крепость. На фасаде дома надпись «Генерал Эдвин Уокер» и пять американских флагов. Дверь открывает молодой парень в рубашке с закатанными рукавами. Навстречу выходят еще два человека. Все они мрачно смотрят на посетителя. Наконец, появляется сам генерал. Самоуверенное лицо убежденного фюрера... — так описывает один иностранный журналист резиденцию уже названного нами лидера «бешеных» в штате Техас. Живет отставной генерал Уокер в городе Далласе, насчитывающем 1250 тыс. жителей. Этот город давно уже слывет логовом американ-

ских ультра и известен как заповедник нефтяных монополистов.

Именно в Далласе 9 января 1957 г. в особняке одного техасского миллионера произошла тайная встреча пяти виднейших представителей делового мира США, специально прибывших в Техас, чтобы обсудить вопрос — «как спасти Америку». За этим совещанием последовала их встреча с кондитером Робертом Уэлчем, который спустя год в Индианаполисе провозгласил создание «Общества Джона Бэрча».

В Далласе свили себе гнездо самые реакционные, самые бешеные элементы — бэрчисты; последователи сенатора Голдуотера и генерала Уокера. Особенно многочисленной является организация под названием «Совет национального возмущения», один из руководителей которой, Фрэнк Макчи, потребовал предать суду Кеннеди за «государственную измену».

Осенью 1963 года техасские ультра напали на приехавшего в Даллас представителя США в ООН Эдлая Стивенсона. Избивая его, они кричали: «Долой сосуществование!», «Долой ООН!», «Долой предателя Кеннеди!». После того как городские власти извинились перед Стивенсоном, генерал Уокер в знак протеста приспустил свои флаги.

Бесчинства ультра в Далласе следовали одно за другим. Однажды утром, в апреле 1963 года, на магазинах Далласа, принадлежащих евреям, появились черные свастики. Два года назад они сорвали устройство выставки Пабло Пикассо. Имя этого города давно стало символом всего самого реакционного, самого темного.

В Техасе, в этом, как его называют, «вечно республиканском штате», противодействие политике Кеннеди было особенно решительным. «Бешеные» злобно критиковали президента за то, что он будто бы «уступает» Советскому Союзу и даже готов «примириться» с коммунизмом. В действительности, будучи убежденным противником коммунизма, Кеннеди, как и некоторые другие буржуазные деятели, понимал, что социализм, утвердившийся на одной трети нашей планеты, нельзя уничтожить с помощью оружия.

Покойный президент открыто выступал против «бешеных». Выступая утром 21 ноября в техасском городе Форт-Уэрт, Кеннеди назвал ультраправых безответственными демагогами, способными привести страну к катастрофе. С момента приезда президента в Даллас группы «бешеных» демонстрировали в разных концах города под конфедератскими флагами и враждебными лозунгами против Кеннеди.

Убийство Кеннеди ультраправые встретили восторженно. Лишь только стало известно о террористическом акте, как в редакции южных газет посыпались ликующие телефонные

звонки: «Итак, они кокнули этого обожателя негров». «Обожатель негров» — самая презрительная кличка у расистов. А в городе Мэдисон на улицу вышел молодчик в форме гитлеровского штурмовика и стал кричать: «Я праздную убийство Кеннеди! Теперь мы возьмемся за красных!». Генерал Уокер после убийства Кеннеди заявил: «Я всегда был символом бескомпромиссной борьбы против правительства Кеннеди». Вот они, организаторы и исполнители преступления в Далласе, выдают сами себя с головой!

«Антикоммунизм — последнее убежище негодяев, — к такому выводу пришел известный обозреватель газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Джон Кросби. — Антикоммунизм собрал под свои разорванные знамена превосходнейшую коллекцию человеконенавистников. ...Чем активнее, чем ядовитее перед вами антикоммунист, тем сильнее вы должны опасаться за ваш кошелек и часы».

Американские фашисты наглеют с каждым днем. Все это было бы невозможно, если бы питательной средой для них не служили возрождение маккартизма, «охота за ведьмами», преследование коммунистов.

Иные утверждают, что фашизм шестидесятых годов выступает в завуалированном виде. Да ничего подобного. Нынешние фашисты в Соединенных Штатах не испытывают в этом ни малейшей нужды. Они во весь голос кричат: «Наше время еще придет. Никто не спасет вас от газовых камер». Они выступают с конкретными «деловыми» предложениями: «Лучший способ избавиться от наших проблем — это убить всех этих проклятых негров и евреев». О каком же камуфляже можно говорить после громогласного прокламирования этой звериной, человеконенавистнической «программы» действий, которую американские фашисты рассчитывают претворить в жизнь в недалеком будущем.

История развивается сообразно своим неумолимым законам, и капитализм уже не в состоянии позволить себе роскошь буржуазной демократии и все более открыто переходит к методам диктатуры.

В ноябре 1954 года ныне покойный председатель Коммунистической партии США Уильям Фостер в своем труде под названием «Находятся ли Соединенные Штаты в начальной стадии фашизма?» писал: «По мере углубления общего кризиса капитализма и ослабления общей позиции американского империализма — а это отныне является бесспорной перспективой — важнейшие группы монополистического капитала Соединенных Штатов будут во все большей степени перенимать методы и цели фашизма. Было бы настоящим безумием

ожидать от американского монополистического капитала какого-либо иного курса».

Потеряв атомную монополию, американские империалисты все-таки продолжают вынашивать идею о мировом господстве Соединенных Штатов. И в этом плане они намереваются использовать фашистские организации в качестве силы, способной действовать «с черного хода». Они также надеются использовать фашизм и для борьбы против демократии внутри США.

Внутренне фашизм слаб, гнил, он — показатель безвыходного положения капитализма, он — показатель вырождения. Но фашизм страшен тем, что он — последняя сила вырождения эксплуататорских классов. Фашизм безгранично нагл, когда не видит противодействия. Но он труслив, как шакал, когда ему дают отпор. И вряд ли это не понимают заправилы монополий, но им все равно не на что больше надеяться.

Среди империалистов есть, несомненно, люди, которые более или менее трезво оценивают возможности фашизма и отдают себе отчет в том, что капитализм находится в замкнутом кругу противоречий, выхода из которого нет. И, однако, эти круги все-таки делают ставку на фашизм, надеясь с его помощью утвердить свое господство над всем капиталистическим миром и восстановить утраченные и утрачиваемые позиции в Азии, Африке и Латинской Америке.

На что же тогда рассчитывают империалисты? Они рассчитывают на то, что история может повториться. Они помнят, что в Италии и Германии перед приходом к власти Муссолини и Гитлера рабочие не успели установить союз с крестьянством и сговориться с мелкой буржуазией, а нефашистские партии — между собой. Черная, коричневая чума подкралась внезапно, стремительно. Но при всем этом фашизм не может прийти к власти без мятежа, без разгрома демократических сил. Даже получив избирательное большинство, Гитлер должен был устроить переворот, поджечь рейхстаг, чтобы иметь повод для установления режима террора.

В самих Соединенных Штатах они надеются с помощью «интоксикации» парализовать рабочие массы (что они уже делают), чтобы те не уяснили себе серьезной угрозы, кроющейся во все усиливающихся фашистских тенденциях. По их замыслам, это помещает рабочим предпринять своевременно и с достаточным единодушием энергичные шаги для преодоления фашистской угрозы.

Советский Союз на поле брани, силы социализма в странах народной демократии в послевоенное время доказали, что фашизм не непобедим. Для победы над фашизмом нужны сплоченность трудящихся масс, всех сил демократии, органи-

зованность, единство действий, величайшая бдительность. Когда фашизм встречает организованный отпор, он сразу обнаруживает свою внутреннюю немощь и быстро вступает в полосу распада.

Каждый помнит, каких ужасающих жертв стоила человечеству попытка фашистов повернуть назад колесо истории. Тот, кто попытается повторить это, неизбежно будет раздавлен. В борьбе с фашизмом важное значение имеет разоблачение его тайных пособников, без помощи которых невозможны были в свое время приход к власти Гитлера, удушение Испанской республики, захват Чехословакии и т. д. И сегодня их немало действует за кулисами, выполняя самые различные задачи: где возможно — они всяческими способами стремятся скрыть нарастающую угрозу фашизма, где это нельзя — пытаются преуменьшить опасность. Изобретательность и приспособляемость этих тайных пособников коричневой чумы просто поразительна, и поэтому нужна величайшая бдительность,

---

ИМ НЕ ПОВЕРНУТЬ ВСПЯТЬ СТРЕЛКИ ЧАСОВ ИСТОРИИ

— Наше правительство воплями о существовании серьезной опасности для государства постоянно держит нас в состоянии страха, в состоянии патриотической лихорадки. Всегда находится какой-то ужасный враг внутри страны или какая-то грозная иностранная держава, которая может проглотить нас, если мы не сплотимся, слепо не ассигнуем непомерно огромные суммы, которые требуют от нас. А на проверку оказывается, что никаких катастроф не происходит и никаких опасностей в действительности не существует.

Эти слова принадлежат человеку, которого меньше всего можно заподозрить в склонности к каким-либо необоснованным критическим выступлениям против официального курса правительства Соединенных Штатов. Генерал Дуглас Макартур — один из виднейших представителей высшего американского генералитета.

В течение последних пятнадцати лет важнейшими устоями американской пропаганды были два мифа — «советская угроза» и «всемогущество США». Чего только не болтали на этот счет представители американской печати и военщины. Какие только не были пущены в ход измышления о «преимуществах» американской военной доктрины, о «превосходстве» американской тактики и стратегии, основанной на мнимой монополии США в области атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения. Однако мастера по части дезинформации и доморощенные стратеги не учли, что настает момент, когда этот грандиозный обман народов будет разоблачен, а запущенный пропагандистский шар лопнет, как мыльный пузырь.

В течение многих лет империалистическая реакция и ее разведывательные органы направляли свои главные усилия на подрыв оборонной мощи и морально-политического един-

ства советского народа. Они всяческими способами — с помощью вредительства, диверсий и другими путями — пытались осложнить продовольственное и хозяйственное положение Советской страны, надеясь таким путем вызвать массовое недовольство народных масс.

Политический авантюрист и изменник Берия, действовавший в прямых интересах международного империализма, и его сообщники в течение ряда лет вели подрывную работу против советского народа. Они систематически практиковали широкое нарушение социалистической законности, насаждали произвол, фальсифицировали следственные дела, обвиняя ни в чем неповинных людей в тяжких государственных преступлениях.

Великая партия Ленина положила конец предательской деятельности банды Берия. В феврале 1956 года на историческом XX съезде КПСС в Отчетном докладе Центрального Комитета был дан всесторонний анализ возникновения и развития чуждого духу марксизма-ленинизма культа личности, вскрыта природа бериевщины и разоблачены авантюристические преступные действия шайки врагов, пробравшихся в партию. Ликвидация последствий культа личности способствовала значительному укреплению Советского государства.

Основываясь на превратном толковании некоторых переходящих явлений в жизни советского народа, неправильно оценивая наши мероприятия в различных областях партийного и государственного строительства, империалистические круги надеялись на некую «эволюцию» советского строя и рассчитывали, что партия откажется от «некоторых сторон» советского строя. В ожидании подобной «эволюции» они время от времени пытались задрапировать существо своей антисоветской политики разглаговльствованиями на тему о своем стремлении найти «общий язык» с СССР и т. п. Однако под прикрытием этой словесной шелухи упомянутые круги продолжали усиленно проводить подрывную работу против Советского Союза.

Жизнь вдребезги разбила все эти подрывные антисоветские планы международного империализма. Великая Отечественная война, вопреки всем усилиям мирового антикоммунизма, явилась величайшей проверкой незыблемости советского строя, крепости нашей социалистической системы, монолитности советского народа, руководимого Коммунистической партией. Народ и партия выдержали все испытания, и после войны Советский Союз стал еще более могущественной державой.

Мир и дружба между народами! — вряд ли есть другие

слова, которые бы так предельно выражали сейчас самые сокровенные чаяния сотен миллионов людей.

Народы с каждым днем все настойчивее требуют разрядки международной напряженности, разоружения, прекращения «холодной войны», важнейшей частью которой является подрывная деятельность.

Весь ход развития мировой истории неопровержимо свидетельствует о неуклонном росте сил социализма и ослаблении сил империализма. Отдавая себе отчет в этом, чувствуя, что почва уходит у нее из-под ног, империалистическая реакция резко активизируется, прилагает отчаянные усилия, чтобы подорвать растущую мощь лагеря мира и социализма.

Все с большей настойчивостью и изощренностью ведут империалисты «тайную войну». Они пытаются окутать весь мир густой сетью шпионских, диверсионных и террористических организаций, с помощью которых можно было бы свергать правительства и режимы, негодные монополистическим кругам. Империалисты ведут «психологическое наступление» на силы мира, они лихорадочно пытаются найти «ключ» к «черному ходу» в страны социализма. С начала шестидесятых годов правящие круги США взяли курс на доведение системы тотальной подрывной деятельности до глобальных масштабов.

Жалки и смехотворны эти расчеты, но ненависть империалистов к лагерю социализма ослепляет их. И в этих условиях особенно необходима величайшая бдительность со стороны народных масс, чтобы сорвать любые происки реакции, как бы они ни были изощрены и коварны.

Когда в Вашингтоне узнали, что Сталин умирает, президент Эйзенхауэр созвал экстренное заседание Национального совета безопасности. На обсуждение был поставлен вопрос: «Как Запад может наилучшим образом использовать это событие?». Некоторые недалёковидные американские реакционные политиканы были в связи с этим полны оптимизма. Так, сенатор Уолтер Джордж уверенно заявил: «Смерть Сталина приведет к распаду России». А другой американский сенатор, Керстен, небезызвестный «теоретик» тайной войны, призывал: «После смерти Сталина мы должны использовать этот период внутренних конфликтов в самом сердце и центре международной коммунистической организации, чтобы выиграть холодную войну».

Вот какие мысли тогда горячили головы вашингтонских деятелей, с какими построенными на песке планами они носились, надеясь реализовать их в ближайшем будущем.

Минувшие годы в жизни Советского Союза ознаменовались грандиозными успехами в области народного хозяйства, невиданным усилением его оборонной мощи.

Народы СССР и других социалистических стран ведут великую созидательную борьбу во имя прекрасного будущего человечества, во имя жизни! Все люди доброй воли, все лучшие умы современности неустанно, день за днем борются за установление мира на земле. И только одни неисправимые глупцы и авантюристы продолжают мыслить прежними категориями и жить надеждами, что им удастся задержать наступление завтрашнего и самого светлого дня человечества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Замкнутый круг	3
«После нас хоть потоп»	3
Под крышей нью-йоркского небоскреба	13
Испанская трагедия	20
Как возникают мятежи	20
«Они не пройдут!»	32
Предатель сделал свое дело — предатель больше не нужен	38
Чему учит история	50
«Пятая колонна»	57
В надежде повторить историю	67
«Дейчланд, Дейчланд юбер аллес!»	67
Нацисты уходят в подполье	77
План «НН»	82
«Шестая колонна» надевает маску	92
Исход великого безумия	100
Конец человека с черной повязкой на глазу	106
Где же Мартин Борман?	111
Новые претенденты на...	116
Черный заговор в Белом доме	116
«Я вас...»	120
Под сводами парламентского купола	124
«Комитет семи»	127
Народ решает	132
Зеленые призраки	138
В поисках ключа к «черному ходу»	143
Тайна, в которой рождается провокация	151
Накануне «дня икс»	151
Что произошло в Берлине в день 17 июня?	158
Они пытались замести следы, но выдали себя с головой	163
В плену последней иллюзии	169
«Четвертое измерение»	169
Подготовка к «прыжку пантеры»	173
Только факты: вот она подлинная интервенция	178

О том, чего нельзя забывать	182
Лицом к лицу со смертью	185
Замысел контрреволюции провалялся	187
Черный паук	195
Сделка с дьяволом	195
Это называется молотить старую солому	205
«Похититель» писем Черчилля	213
У последней черты	220
В замке Хюгель	220
Им не терпится попасть в атомную топку	229
Не «железный канцлер», но в стальном корсете	237
Тень дуче	246
«Только на катафалке»	252
Зреют гроздыя гнева	262
Кельтский крест и нацистская свастика	270
«Парижские тайны»	270
Четыре путча	276
«Фестиваль бомб»	287
Кто стоит за их спиной?	304
Улыбка ангела и маски мертвецов	311
Западу нужны «сильные личности»	325
«Секрет русских»	325
Думают ли на Пенсильвания-авеню, 1600?	329
«Рыцари золотой шестерни»	341
Под сенью платанов	350
«Бешеные» и «голуби»	360
От «тотального» к «глобальному»	367
«Служба молчания»	367
«Любая операция, в любое время, в любом месте, любыми средствами»	374
«Убивайте каждого, кто против нас»	376
Дважды предатели	380
По методу «послушание трупа»	385
«Святая» инквизиция в американском издании	390
Дорога в неизвестность	393
Новое издание «нового курса» американской разведки	397
Убийство в Далласе	422
«Последнее убежище негодяев»	433
Им не повернуть вспять стрелки часов истории	455

Цена 92 коп.

Операция «ХОД с черного ХОДА»